

1854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

ЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ. 30.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

I.

ТРИ ЖЕНСКІЯ ЖИЗНИ. Романъ Ад. А. Тальцевой. Часть вторая.
ТИФЛИСКАЯ НОЧЬ. Гр. Соллогуба.
СО МНОЙ РАЗСТАЛИСЬ ВЫ ВЪ ПЕЧАЛИ. О—ва.
РИККЕ—ТИККЕ—ТАКЪ. Повѣсть.

II. — СМЕСЬ

1. Костяныя копи. Путешествіе по Сѣверному океану.
2. Невѣста Беллини. Разсказъ Гольста. Переводъ съ датскаго.
3. Бѣлорусія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ. Статьи П. М. Шпилевского.
4. Письма изъ-за границы. Н. П. Мунда.
5. Письмо изъ Парижа. А. Бонавентуры.

III.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Проперцій и писатели время Августа. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Языки въ Ост-Индіи. — Плодородный колосъ. — Письмо изъ Вавилона. — Ломки аспиднаго камня въ Англіи. — Шляпная промышленность. — Экспедиція доктора Барта во внутреннюю Африку. — Судоходный каналъ чрезъ Даріенскій перешеекъ. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** Рѣзба на деревѣ. — Завѣщаніе Рубини. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Одураченный докторъ. — Американскія афиши. — Пантеонъ Надара. — Аркадскіе и Шотландскіе острова (изъ записокъ англійскаго путешественника). — Путешествіе китаецца Гуэн-Цанга въ VII столѣтіи — Китайскій дипломатъ (изъ журнала секретаря французскаго посольства въ Китай). Черный день корреспондента газеты «Теймсъ».

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Последнія книги Библиотеки для Чтенія. Мечты и Дѣйствительность. — Отрывокъ изъ одного письма. — Дѣйствительность въ литературѣ. — Сочиненіе г. Гильфердинга, разобранное г. Сенковскимъ. — Заслуги г. Сенковского въ русской словесности. — Его статьи и парадоксы. — Литературная лѣтопись Библиотеки для Чтенія. — Замѣчательныя статьи этого журнала. — Смѣсь и стихи. — Восьмая книга Москвитянина. — Стихи князя Вяземскаго. — Г-нъ Г. и его критическія статьи. — Новый простонародный поэтъ. — Майская книга Современника. — Стихи г. Тютчева. — Критика Современника. — Замѣтки новаго поэта. — Апрельская, майская и июньская книги Отечественныхъ Записокъ. — «Задѣпровскія сцены.» — «Сервилія» драма г. Мел. — Ходъ пьесы и ея историческія основанія. — Достоинства и недостатки драмы. — Стихи г. Мел. — Стихотворенія г. Фета и г-жи Т. Ч. — Г. Забылинъ и его статьи. — Книга г. Бульча и разборъ ея г. Газахова. — Ошибочныя мнѣнія автора и рецензента. — Библиографиче-

ская хроника и журналистика. — Строгий рецензентъ и его ложныя мнѣнія объ идеализаціи. — Можно ли допустить въ литературѣ идеализацію характеровъ. — Г. Кудрявцевъ и его ученныя статьи, написанныя еще ученымъ языкомъ. — Еще нѣсколько словъ о воронежскомъ мѣщанинѣ, поэтѣ Никитинѣ.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

Библіотека путешествій. Изданіе А. Плюшара.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Неблагопріятное начало загородныхъ увеселеній. — Первый воздушный полетъ г. Регенти изъ сада Минеральныхъ водъ. — Пріятное путешествіе въ облакахъ и непріятное на землѣ. — Преслѣдованіе воздушнаго экипажа на дорожномъ. — Нѣчто о различныхъ воздушныхъ развлеченияхъ, и одинъ маленькій разсказъ по этому случаю. — Воздухоплаватели Бельдони, мистеръ и мистрисъ Гоггъ. — Гулянье въ Лѣтнемъ саду, подъ наименованіемъ, неизмѣняющимъ нынче значенія. — Дачныя omnibusъ и рѣчныя невскіе пароходы. — Начало представленій на Крестовскомъ острову, и воздушныя путешествія своего рода г. Вейнерта и дѣвнца Вейнертъ. — Усовершенствованіе дачныхъ сообщений. — Дачная непренужденность и различныя выгоды. — Маленькій разсказъ о томъ, какъ иногда муха кажется слономъ. — Предсказательныя стихи М. Ю. Лермонтова, написанныя за тринадцать лѣтъ. — Пожертвованіе французовъ въ пользу русскихъ воиновъ. — Морская русская дружина и ея патриотизмъ. — Орель и Акула. — Художественный Листокъ и виды Одессы. — Стихотвореніе князя Вяземскаго. — Три русскія простонародныя картины. — Лотерея-аллегри въ Петергофѣ и Павловскѣ. — Надежда Богданова. — Письмо, присланное въ Редакцію изъ Вѣны. — Новыя музыкальныя и хореграфическія русскія надежды. — Турецкія знамена въ Петербургѣ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Святая недѣля въ Москвѣ. — Гулянье подъ Новоспасскимъ. — Балаганы. — Выставка художественныхъ произведеній. — Гулянье въ Сокольникахъ. — Прѣжнее и настоящее значеніе Сокольниковъ. — Дача г. Буркиной. — Благородный спектакль въ пользу раненныхъ. — Семицкъ. — Московскія окрестности: Останкино, Куцково, Кусково, Косино, Царицыно. — Прѣжній Корсаковъ садъ. — Эрмитажъ. — Студенецъ. — Марьяна-Роца. — Кремлевскій садъ. — Шелковичныя деревья въ Москвѣ. — Простонародныя картины г. Оедотова — Лѣтній концертъ.

V.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 6.

ЛЮДИЛА И ЛЮБА. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, графини Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — *ОТСУТСТВУЮТЪ*

1. Портретъ народнаго русскаго композитора А. Е. ВАРЛАМОВА.
2. Музыка: I. КАКЪ МАЛЬЧИКЪ КУДРЯВЫЙ РЪЗВА, слова Лермонтова, музыка Кузьминскаго.

II. КОЛОКОЛЬЧИКИ-ПОЛЬКА, соч. Генри Герца.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ТОМЪ XV.

❖ ИЮНЬ. — КНИЖКА ШЕСТАЯ. ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Юня 1-го 1854 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

I.

ТРИ ЖЕНСКІЯ ЖИЗНИ.

Романъ Ад. А. Тальцевой.

Часть вторая.

ГЛАВА I.

1.

Мало по малу Наташа привязалась всей душею къ своей новой покровительницѣ. Доброта Вѣры, ея ласковое и внимательное обращеніе съ сиротой, трогали благодарное и любящее сердце Наташи. Время проходило быстро. Молодая Вельская всегда съ пылкостью предавалась новымъ привязанностямъ, и потому была въ восхищеніи отъ Наташи; воображала, что любить ее истинно, готова для нея на всѣ возможные пожертвованія, что дружбѣ ея не будетъ конца, что она никогда не перестанетъ любить Наташу такъ же горячо, восхищаться ею съ такимъ же энтузіазмомъ, что никогда не будетъ въ состояніи разлучиться съ своимъ другомъ. Все это говорила она Наташѣ въ минуты откровенности. Наташа не отвѣчала. Глубоко чувствовала она благодарность, но благодарность эта не умѣла высказываться словами: она отражалась въ одушевленныхъ глазахъ ея, звучала въ ея голосѣ, а между тѣмъ молодая дѣвушка не говорила о вѣчности чувствъ своихъ, никогда не произносила ни клятвъ, ни увѣреній. Она

принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя замѣняютъ глупиною чувства пылкость увлеченій. Она привязывалась мало по малу, но привязывалась на вѣкъ.

Мѣсяць испытанія скоро прошелъ. Юрій, познакомившись короче съ Наташей, не могъ отказать сироткѣ въ чувствѣ искренняго уваженія. Онъ согласился съ желаніемъ жены увезти Наташу съ собой. Вѣра говорила, что будетъ самая *несчастливая женщина*, если Наташа разстанется съ нею. Надо признаться, что жизнь бѣдной Вѣры была цѣпью подобныхъ ужасныхъ несчастій. Не успѣла она успокоиться на счетъ Наташи, какъ стала опять считать себя *самою* несчастною оттого, что Юрій не хотѣлъ уѣхать изъ деревни, пока не получитъ извѣстія, *куда* его переведутъ на службу; но судьба Юрія рѣшилась: онъ получилъ желаемую должность, которая требовала его присутствія въ Петербургѣ. Вѣра была въ восторгѣ! однако ее снова ожидало *ужасное* несчастье; любимая собачка ея занемогла, и пока не пріѣхалъ изъ города докторъ и не прописалъ ей лекарства, Вѣра успѣла тысячу разъ назвать себя несчастной; одно ужасное несчастье слѣдовало за другимъ!.. Правда, Вѣра рѣдкій день не называла себя также счастливѣйшею женщиной на землѣ, рѣдкій день не увѣряла Юрія, что никто не умѣетъ, какъ она, цѣнить счастье и довольствоваться своей судьбою. Слезы не успѣвали высохнуть на глазахъ ея, какъ она уже хохотала, пѣла, шалила, предаваясь всѣмъ переменчивымъ и скоропреходящимъ впечатлѣніямъ безпечнаго ума.

Не смотря на возрастающую свою привязанность къ Вѣрѣ, Наташа долго колебалась между желаніемъ слѣдовать за Вельскими и боязнію вступить въ новую, незнакомую ей жизнь, въ чуждое ей общество. Ее огорчала также мысль о разлукѣ съ Заливнымъ, хотя Степанъ Петровичъ и обѣщалъ ей пріѣхать зимою въ Петербургъ. Уваженіе ея къ опекуну усиливалось послѣ каждаго свиданія, и принимало характеръ глубокаго чувства, свойственнаго ея душѣ. Главное очарованіе ихъ отношеній состояло въ полной безусловной довѣрчивости. Близкая разлучка разливала однакоже неумовимый оттънокъ грусти на ихъ дружбу. Еслибъ интриги и сплетни Ненилы Андревны не возстановили противъ Наташи полковника, молодая дѣвушка рѣшилась бы, можетъ быть, вступить въ его семейство въ званіи наставницы, но Степанъ Сергѣичъ обращался съ нею съ такой надменной холодностью, что гордость Наташи не позволяла ей и думать о возможности посе-

литься подъ его кровомъ. Она чувствовала себя невинною и не хотѣла оправдываться, не хотѣла даже говорить объ этомъ предметѣ съ Заливинимъ, какъ о вещи, незаслуживающей его вниманія. Почти ежедневное присутствіе Степана Петровича въ Орлиновѣ терзало сердце Каретиной. При чужихъ она злословила безпощадно Наташу, при Заливинѣ падала въ обморокъ, а дома страдала желчною лихорадкой. Ее ужасала мысль, что сиротка не захочетъ разстаться съ опекуномъ и останется, быть можетъ, въ деревнѣ. Ненила Андревна рѣшилась употребить всѣ средства для устраненія такого несчастія, не знала покоя, разбѣжала съ утра до ночи по всему сосѣдству и всѣхъ предостерегала противъ Наташи, увѣряя, что принять ее въ свой домъ было бы верхомъ неосторожности, что только легкомысленная и вѣтрная женщина, какъ Вельская, въ состояніи взять Наташу подъ свое покровительство. Къ несчастію, Заливинъ былъ такъ далѣкъ отъ всѣхъ этихъ сплетенъ и такъ рѣдко видѣлся съ сосѣдями, что не могъ заставить молчать Каретину.

2.

Наконецъ Вельскіе и Наташа пріѣхали съ прощальнымъ визитомъ въ Осиновку. Надо было видѣть хлопоты бѣдной Настасьи Федоровны: во-первыхъ, ее озабочивалъ важный вопросъ объ угощеніи; во вторыхъ, она ужасно боялась, чтобъ полковникъ не наговорилъ непріятностей Наташѣ. Угадывая по лицу мужа, что на языкъ его вертится грубость, она изъ всѣхъ силъ старалась навести разговоръ на *отвлеченные* предметы, какъ она называла невинныя разсужденія о *погодѣ, дорогѣ, станціяхъ* и тому подобныхъ интересныхъ вещахъ.

Ненила Андревна находилась также въ этотъ вечеръ въ Осиновкѣ. Отбѣздъ Наташи доставлялъ ей такое невыразимое удовольствіе, что она въ продолженіе всего дня ни разу не вздохнула и не поплакала, чего не случилось еще съ нею со дня смерти *забвеннаго покойника*.

Счастіе, наполнявшее чувствительное сердце неутѣшной вдовы, выразилось потокомъ краснорѣчивыхъ разсказовъ, заключавшихъ въ себѣ пять небывалыхъ исторій, десять анекдотовъ и до 25-ти свѣженькихъ и забавныхъ сплетенъ. Такая она была, право, милая и забавная! Возвращаясь изъ Осиновки, Вельскіе рѣшились сдѣлать небольшой кругъ, чтобъ заглянуть на минуту въ Нагорное. Въ

ра, прельщенная рассказами Наташи, давно уже желала полюбоваться живописными оврагами Павлиновки.

Хозяинъ Нагорнаго радушно принялъ рѣдкихъ гостей. Вечеръ былъ тихій, лунный, безоблачный, и маленькое общество расположилось на балконѣ. Осень облекла лѣсъ въ фантастическое, разноцвѣтное одѣяніе. Пожелтѣвшія липы при лунномъ свѣтѣ казались облитыми золотомъ. Павлиновка журчала привѣтливо, перебираясь межъ камней, и лунные лучи отражались въ ней длинной, свѣтлой полосой, которая качалась и серебрилась на ея тихихъ зыбяхъ.

Наташа вспомнила пльнительное лѣтнее утро, въ которое она любовалась въ первый разъ живописною мѣстностью Нагорнаго. Какъ все тогда сіяло, радовалось, блестяло подъ лучами утренняго солнца!.. Какъ роскошно дышала тогда въ природѣ молодая, могучая жизнь! Теперь же, въ тихій осенній вечеръ, другое очарованіе, другая прелесть были разлиты въ природѣ... Но сердце сиротки стѣснилось невыразимою грустью, когда взору ея представилась колокольня церкви, возлѣ которой былъ погребенъ ея дѣдушка. Въ памяти Наташи промелькнули тихіе короткіе дни, прожитые подъ кровомъ Ермолая Никитича. Она вспомнила ласки старика, его простосердечную любовь, его спокойный и довольный нравъ. Воображенію ея представился маленькій домикъ въ Никитенкѣ... Вотъ у окна, въ большихъ креслахъ, обтянутыхъ синею набойкой, сидитъ худенькій, съдой старичекъ; лицо его изрыто морщинами, глаза выражаютъ безмятежное состояніе чистой и простой души. Онъ разговариваетъ со старостой, отдаетъ ему приказанія, рассуждаетъ о хозяйствѣ и о томъ, что пора бы начать покосъ или вспашку. Александръ и Наташа сидятъ у другаго окна; первый съ книгой, вторая съ рукодѣльемъ. Они прерываютъ свои занятія, чтобъ поговорить полупшопотомъ. Старикъ издали любится ими!.. Это было еще до пріѣзда Вельскихъ въ деревню... Вотъ Александръ прощается съ друзьями своими. Дѣдушка и внучка выходятъ съ нимъ на крыльцо. Лѣтняя безоблачная ночь дышетъ чуднымъ спокойствіемъ. Наташа провожаетъ Александра до конюшни, гдѣ ждетъ его осѣдланная лошадь. Молодые люди прощаются, довольные другъ другомъ, жизнью, свѣтомъ, людьми... Вотъ онъ уѣхалъ; Наташа возвращается домой съ грустно-опущенными глазами; до нея долетаетъ, среди тишины ночи, лошадиный топотъ и отдается въ душѣ ея знакомымъ, отраднымъ звукомъ... Вотъ она останавливается посреди двора... прислу-

шивается... Вотъ, застучали копыта по деревянному мосту... Александръ переѣхалъ уже широкую канаву, окружающую владѣнія Ермолая Никитича, и скрылся въ лѣсу... Но она всё еще слушаетъ: не долетитъ ли до нея еще одинъ звукъ? но нѣтъ! всё затихло, вокругъ нея грустное, торжественное безмолвіе, и она входитъ въ домъ... Старикъ молча цѣлуетъ и благословляетъ сиротку. Вотъ она въ своей комнатѣ. Комната эта бѣдна и тѣсна, въ ней стоитъ кровать, столъ, два, три стула... да еще въ переднемъ углу въ маленькомъ кіотѣ висятъ иконы въ свѣтлыхъ ризахъ, а предъ ними теплится лампада, зажженная заботливою рукой самаго дѣдушки...

Многое вспоминала еще Наташа! «Благодарю тебя, родной мой!» проговорила она со слезами, и взоръ ея обратился снова къ престу приходской церкви.

3.

Черезъ нѣсколько дней двѣ дорожныя кареты стояли у подъѣзда въ Орлиновѣ. Дворовые суетились... но нѣтъ! перо мое отказывается описывать трудную картину, называемую *отъѣздомъ*. Читатель не узнаетъ, что говорили при этомъ случаѣ дворовые, какъ они бранились, сколько слезъ было пролито въ кухнѣ, въ кладовой и около кареты, и какія слова произнесъ ямщикъ въ назиданіе тощихъ пристяжныхъ, смиренно опустившихъ голову. Эти описанія требуютъ большаго искусства, и я очень благодарно отклоняюсь отъ нихъ. Помолчать гдѣ слѣдуетъ, въ своемъ родѣ преполезное искусство. Вѣра веселая и беззаботная, какъ птичка, порхала въ этотъ день изъ комнаты въ комнату, радуясь давно ожидаемому отъѣзду. Юрій, напротивъ того, ходилъ по столовой въ тревожномъ, необъяснимо-грустномъ расположеніи духа. Онъ изрѣдка посматривалъ на Вѣру съ какимъ-то мрачнымъ, безпокойнымъ предчувствіемъ, почти съ боязнью. Чтожь могло смущать гордую душу молодого человѣка, въ минуту отъѣзда изъ деревни? Возможно-ли угадать мысли, тревожація мужа хорошенькой молоденькой женщины, которую онъ любитъ съ страшною и боязливою нѣжностью?.. Мало ли опасеній представилось его воображенію, возмущенному глухой и неясной ревностью. Инстинктъ супружескій съ удивительною вѣрностью угадываетъ иногда будущность! Вельскій признавался втайнѣ, что съ сожалѣніемъ увозитъ Вѣру изъ тихаго и мирнаго пріюта, въ кото-

ромъ провелъ онъ такъ много чудно-блаженныхъ дней, подъ волшебнымъ обаяніемъ первой, супружеской любви. «Вѣра! думалъ самъ про себя Юрій, зачѣмъ оставлять намъ наше богатое помѣстье, гдѣ жили мы такъ привольно, такъ роскошно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ спокойно!.. А свѣтъ, свѣтъ! не поглотитъ ли онъ нашу любовь, наше спокойствіе?» Въ воображеніи Юрія внезапно развились обольстительныя картины домашней жизни въ самыхъ преувеличенныхъ размѣрахъ, въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ. Въ эту минуту онъ забылъ и капризы, и ссоры, и непріятности; онъ думалъ только о Вѣрѣ, любящей и любимой жизни, о ея вкрадчивой, ребяческой нѣжности, объ ея игривыхъ ласкахъ, и Вѣра приняла въ его воображеніи трогательно-чистый образъ кроткой и вѣрной супруги. Она стояла предъ глазами его въ такомъ плѣнительномъ и тихомъ свѣтѣ! Онъ видѣлъ въ ней мать дѣтей своихъ, вѣрнаго друга, вѣрнаго товарища жизни, и не хотѣлось ему разстаться съ этимъ милымъ видѣніемъ, не хотѣлось ему перенести этотъ чудный образъ въ суетливое и шумное свѣтское общество. Вспомните, однакоже, Юрій Николаевичъ, ваши прежнія сужденія о супружествѣ: тогда эти скромныя и патріархальныя желанія показались бы вамъ смѣшными! Вотъ что значитъ любовь!.. холоднаго и гордаго юношу, она, проказница, обратила въ нѣжнаго, почти сантиментальнаго и ревниваго мужа... Чтожь дѣлать, Юрій любилъ Вѣру, любилъ этого прекраснаго, безпечнаго ребенка, съ болѣзненнымъ и нѣжнымъ чувствомъ; да развѣ возможно было и не любить Вѣры? Посмотрите, какъ плѣнительно разгорѣлись ея плутовскіе глазки въ нетерпѣливомъ ожиданіи минуты отъѣзда! Посмотрите, какъ мила она въ кокетливомъ дорожномъ нарядѣ! сколько ребяческой граціи въ ея откровенной веселости!.. Сколько рѣзвости, ласки, веселья, нѣжности звучитъ въ ея игривой рѣчи! и Юрій слушаетъ не наслушается!.. Юрій улыбается, Юрій цѣлуетъ ея ручку, какъ водится, Юрій счастливъ!.. Еще бы онъ не былъ счастливъ, неблагодарный! Наташа была тоже чудно хороша въ этотъ день, но красота ея не заставляла улыбаться отъ восхищенія, а напротивъ наводила на задумчивость. Вѣра казалась радостью, олицетворенною въ самомъ граціозномъ и плѣнительномъ видѣ. Наташа спокойная, задумчивая и прекрасная, являла богатую женскую природу, исполненную мысли и чувства. Наташа сидѣла возлѣ Степана Петровича и слушала со вниманіемъ его ласковыя наставленія, задумчивый и мыслящій взоръ ея былъ обращенъ съ невыразимою лю-

бовью на Заливина. Степанъ Петровичъ посматривалъ иногда на часы, и едва ли подмѣтилъ бы самый опытный наблюдатель тревожное и болѣзненное чувство, изрѣдка отражавшееся въ глазахъ его.

Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но голосъ его былъ твердъ и въ словахъ дышало привычное спокойствіе; а тяжело было у него на душѣ въ эти минуты, предшествующія разлукѣ съ любимымъ ребенкомъ. Сильна и непреодолима была его привязанность къ молодой дѣвушкѣ, мелькнувшей прекраснымъ видѣніемъ въ его одинокой жизни. Онъ привязался къ ней всѣми силами души своей; съ горячею любовью изучалъ ея молодое сердце, ея свѣтлый и благородный умъ. Въ минуту разлуки они оба чувствовали всю цѣну своей взаимной, дружеской привязанности. Наташѣ казалось, что она покидаетъ нѣжнаго, заботливаго отца; Заливинъ чувствовалъ, что его оставляетъ кроткій и добрый геній, замѣнившій ему своею дѣтскою любовью всѣ семейныя радости, на вѣкъ имъ утраченныя.

Слезы покатались крупными каплями изъ глазъ Наташи въ минуту отъѣзда. Заливинъ спокойно пожалъ ея руку, и прежде, чѣмъ экипажи Вельскихъ тронулись съ мѣста, прежде чѣмъ умолкли послѣднія прощальныя восклицанія, Степанъ Петровичъ сидѣлъ уже въ коляскѣ и ѣхалъ обратно въ Нагорное, не позволяя себѣ оглянуться, боясь измѣнить своей твердости... Только входя въ комнату, въ которой мѣсяць тому назадъ умеръ бѣдный Ермолай Никитичъ, Заливинъ съ невыразимою тоскою въ душѣ опустилъ голову. Ему представилась въ этотъ мигъ картина прошедшаго: умирающій старикъ обращалъ къ нему почти потухнувшій взоръ, а Наташа, какъ свѣтлый и чистый ангелъ стояла у смертнаго одра, склонивъ прекрасную головку къ бѣдному страдальцу....

4.

«Вѣра будетъ украшеніемъ Петербургскаго общества. Пріятели будутъ мнѣ завидовать! Но въ первый разъ въ жизни мнѣ грустно покидать мое Орлиново!» разсуждалъ Юрій, спокойно развалившись въ дорожной каретѣ, и готовясь заснуть тѣмъ пріятнымъ и легкимъ сномъ, которымъ спится только въ дорогѣ, когда однообразное движеніе экипажа слегка укачиваетъ насъ, когда однообразныя виды мелькаютъ предъ глазами и наводятъ

на насъ такія же однообразныя и скучныя мысли. «Что-то будетъ со мною въ Петербургъ?» думала Наташа, въ глазахъ которой все еще блестяи слезы. Сиротою пріѣхала она въ деревню, пораженная потерею отца и матери, сиротою возвращалась она въ Петербургъ, гдѣ провела счастливыя дѣтскіе годы. Двухъ друзей, двухъ покровителей послала ей съ тѣхъ поръ судьба: одного изъ нихъ оставила она грустнаго и одинокаго, другой такъ же одиноко лежитъ на скромномъ деревенскомъ кладбищѣ; а Вѣра? Вѣра еще осталась съ нею. Ласковая, милая, внимательная Вѣра такъ горячо любить сиротку! Наташа обняла Вельскую, крѣпко прижала голову къ ея груди, и плакала долго въ объятіяхъ молодой женщины, которая старалась успокоить друга шутками, ласками и горячими увѣреніями своей *вѣчной* дружбы. «Какъ я счастлива! думала сама про-себя Вѣра, поглядывая изъ окна и представляя себѣ напередъ всѣ удовольствія, ожидающія ея въ Петербургѣ. «Меня балуетъ и мужъ, и судьба. Я самая счастливая женщина въ мірѣ!»

Подъ вечеръ Вѣра однако утомилась и просила Юрія остановиться ночевать на станціи. Юрій согласился. Вѣра расположилась для ночлега на диванѣ. О ужасъ!! возлѣ нея вдругъ показались три таракана, въ углу пропищали мыши, и по комнатѣ пробѣжалъ страшный, кровожадный тигръ, т. е. большой сѣрый котъ. Вѣра закричала, задрожала, заплакала, велѣла поскорѣе закладывать лошадей, съ полнымъ убѣжденіемъ, что только съ нею случаются такія *ужасныя несчастія* и сказала, заливаясь слезами, что она пренесчастная, достойная сожалѣнія женщина.

ГЛАВА II.

1.

Первый мѣсяцъ, проведенный Вельскими въ Петербургѣ, былъ употребленъ на отдѣлку дома. Юрій не щадилъ денегъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ домъ его былъ настоящимъ дворцомъ вельможи. Изъ Москвы перевезъ онъ старинное фамиліное серебро, фарфоръ и дорогія, оригинальныя картины. Изысканная роскошь царствовала во всѣхъ комнатахъ. Длинный ярдъ залъ и гостиныхъ блестялъ золотомъ, зеркалами, бронзой. Рѣдкія растенія и цвѣты придавали

веселый видъ пышнымъ, барскимъ покоемъ; но съ особенною любовью, съ особеннымъ стараніемъ заботился Юрій о комнатахъ, назначенныхъ Вѣрѣ. Въ нихъ было собрано все, что можетъ придумать женское избѣженное воображеніе. «Быть можетъ, думалъ Вельскій, любуясь женой, весело перебѣгающею отъ одного предмета къ другому, — быть можетъ, Вѣра полюбитъ свой уголокъ, который я убралъ для нея такъ роскошно, такъ заботливо, не жалѣя ни денегъ, ни труда, чтобъ удовлетворить всѣмъ прихотямъ моего милаго, избалованнаго ребенка. Да, я увѣренъ! она не думаетъ теперь о свѣтѣ, и готова провести всю жизнь въ своемъ маленькомъ раю.» Въ это самое время Вѣра мечтала съ восхищеніемъ о балахъ и праздникахъ, на которыхъ она надѣялась блистать и веселиться, изъ чего слѣдуетъ, что мужьямъ не всегда удается угадывать мысли женъ, не смотря на ихъ удивительно-проницательный и догадливый умъ.

О комнатѣ Наташи Вѣра еще не успѣла позаботиться, откладывая это попеченіе до перваго досуга, но досугъ не приходилъ, и *вѣчная* дружба, въ продолженіе мѣсяца, не побезпокоилась заглянуть въ комнату сиротки.

Юрій, напротивъ того, сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ для удобнаго помѣщенія Наташи. Онъ поступалъ такъ не по внушенію сердца, а слѣдуя своему правилу выказывать себя всегда и во всемъ бариномъ, и какъ онъ согласился принять молодую дѣвушку въ свой домъ, то считалъ обязанностью доставить ей и всѣ возможные удобства. Степанъ Петровичъ поручилъ родственнику своему, находившемуся въ Петербургѣ, купить на его счетъ отборную, маленькую бібліотеку для Наташи, и благодаря этому, Наташа блаженствовала въ своей комнатѣ, въ которой проводила болѣе половины дня, занимаясь чтеніемъ.

Вѣра жила по утрамъ въ магазинахъ, потомъ устанавливала купленные ею игрушки и куклы, развѣшивала картины, рассматривала кипсеки, а вечеромъ лежала на кушеткѣ, отдыхая отъ многосложныхъ дневныхъ трудовъ и мечтая о будущихъ удовольствіяхъ. О Наташѣ ей некогда было думать. Саксонскій фарфоръ и Алансонскія кружева замѣнили сиротку въ сердцѣ ея нѣжнаго друга.

Въ концѣ ноября произошла большая перемѣна въ домѣ. Вѣра появилась въ свѣтѣ, и Вельскіе невольно внезапно были увлечены *свѣтскими вихремъ* (употребляю техническое выраженіе). На нихъ посыпались со всѣхъ сторонъ приглашенія. Домъ ихъ наполнился отборнымъ обществомъ. Все утро раздавался звонокъ посѣтителей въ

швейцарской. Отъ половины приглашеній невозможно было отказаться; всѣ вечера были обѣщаны, рѣдкій день случалось провести дома, но и тогда они были не одни; нельзя же не приглашать къ себѣ изрѣдка короткихъ друзей, короткихъ же друзей оказалось много, очень много, и богатыя залы Юрія наполнялись блестящимъ обществомъ въ тѣ рѣдкіе дни, когда супругамъ удавалось быть дома, когда они рѣшались провести вечеръ *по семейному*. Юрія утомлялъ этотъ родъ жизни, но онъ утѣшалъ себя мыслью, что все это успокоится *посль*, что *посль* онъ по немногу удалится отъ свѣта, а теперь невозможно не вывозить Вѣру, не повеселить ее, не принимать у себя знакомыхъ! Тщеславіе его торжествовало при видѣ блестящихъ успѣховъ Вѣры. Ему было пріятно, что всѣ искали его знакомства, всѣ считали за честь бывать у Вельскихъ и принимать ихъ. Блестящее положеніе въ свѣтѣ и богатство Юрія не мало возвышали Вѣру въ глазахъ общества, а ея любезность, милое и внимательное обращеніе, свѣжая и граціозная красота обратили къ ней всѣ сердца. Она была такъ почтительна съ старухами, что онѣ прощали ей молодость, такъ предупредительна и любезна съ молодыми женщинами, что онѣ прощали ей красоту, такъ часто доставляла удовольствіе небогатымъ, что они прощали ей богатство. О молодыхъ людяхъ нечего и говорить: они прощали ей *все*, рѣшительно все, не только кокетство и вѣтренность... это они всегда прощаютъ, но и притворное равнодушіе къ ихъ ухаживанью, чего они никогда не прощаютъ и надъ чѣмъ они такъ умно умѣютъ острить! Съ перваго же вечера Вѣру окружила толпа поклонниковъ. Самолюбіе Вѣры торжествовало и она упивалась съ наслажденіемъ своими блистательными успѣхами. Одинъ балъ смѣнялся другимъ. Триумфъ слѣдовалъ за триумфомъ. Вѣра веселилась, веселилась безъ отдыха и доказывала очень краснорѣчиво, что «свѣтскія удовольствія и разсѣянная жизнь необходимы для семейнаго счастья.» Наташа невыѣзжала съ своимъ другомъ въ свѣтъ, но болѣе или менѣе сблизилась съ обществомъ, по обязанности своей помогать Вѣрѣ занимать гостей, когда роскошный домъ молодой женщины открывался для пріема.

Заглянемъ теперь во внутреннюю жизнь Наташи; для этого мы, такъ и быть, рѣшимся на маленькую нескромность. Пока Наташа старается не скучать, сидя за длиннымъ, богато убраннымъ столомъ, около котораго собралось человѣкъ двадцать пять *короткихъ друзей*, пока она старается слушать съ вниманіемъ

разказы важнаго барина съ густыми бакенбардами, который удостоилъ ее чести разговаривать съ нею во время безконечнаго объѣда, мы потихоньку прокрадемся въ ея комнату, сядемъ за письменный столъ, и противъ всѣхъ правилъ приличія, прочтемъ ея длинное письмо къ Заливину. Удивительно, какія длинныя письма пишутъ молодыя дѣвушки, и какъ онѣ любятъ писать ихъ! Въ послѣдствіи имъ бываетъ трудно наполнить, нѣсколькими строчками, (разставленными какъ можно шире другъ отъ друга), три странички почтоваго листа умѣреннаго формата, но въ первой молодости такъ много различныхъ впечатлѣній осаждаютъ умъ ихъ, въ душѣ тѣснится столько чувствъ, въ головѣ мѣняется столько мыслей, разумъ встрѣчаетъ въ жизни такъ много противорѣчій, такъ много непонятныхъ для него явленій, что онѣ рады, если имѣютъ добродѣтельнаго друга, способнаго терпѣливо читать ихъ *изліянія*. Страсть писать бесполезныя письма неодолима въ эти годы. Она становится потребностью молодаго безпокойнаго ума, встрѣчающаго новыя впечатлѣнія. Въ эту эпоху женщины ужасно откровенны. Онѣ рады высказать всѣ *задушевные* чувства и мысли свои, лишь бы нашлись охотники слушать или читать ихъ. Наташа также чувствовала потребность сообщать кому нибудь свои мысли, но ей не нужно было отыскивать охотниковъ до ея откровенности: она знала, что Заливинъ любилъ глядѣть за ея впечатлѣніями, жить ея жизнью, изучать ея душу; что письма ея будутъ ему не въ тягость, и она писала ему часто, писала много, писала цѣлыя тетради, но не бойтесь, читатель!.. мы съ вами не только не прочтемъ этихъ тетрадей, но въ длинномъ, безконечномъ письмѣ, которое отыскали на письменномъ столикѣ Наташи, выберемъ только двѣ, три странички, не болѣе, и пробѣжимъ ихъ, вооружась небольшимъ терпѣніемъ.

Страница шестая письма:

«Вы думаете, другъ мой, что наконецъ я высказала вамъ *все*, что вертѣлось въ безпокойномъ умѣ. Ошибаетесь! Я не оставляю васъ такъ скоро въ покоѣ; мнѣ нужно сообщить вамъ еще многое, необходимо нужно! Вы терпѣливы, вы любите меня, я это знаю, а я чувствую желаніе поболтать, и вы, мой бѣдный другъ, должны поплатиться за это, вы должны терпѣливо выслушать меня до конца. Вчера былъ у насъ маленькій вечеръ, то есть, было человѣкъ пятьдесятъ, которые собрались очень поздно, посидѣли, поговорили, поужинали и разъѣхались. Эти вечера очень милы, но очень скучны, можетъ быть, скучны для меня одной, другіе, вѣроятно, находятъ ихъ веселыми; вѣдь никого не принуждали прѣз-

жать! А между тѣмъ многіе звали, изподтишка, но всѣ увѣряли, что вечеръ прелестный! Разговаривали большею частію о незнакомыхъ мнѣ людяхъ, но разговоры эти интересовали меня. Я досихъ-поръ не могу понять, что было сказано серьезно, что въ шутку; почти каждое слово, слышанное мною, удивляло меня. Еслибъ вы знали какіе тутъ говорились странныя вещи? Мой образъ мыслей, мои понятія, нѣкоторыя дамы называютъ дѣтскими, дикими, допотопными; но я горячо стою за свои убѣжденія: еслибъ они были ложны и смѣшны, зачѣмъ же внушали бы ихъ намъ съ дѣтства? Зачѣмъ старалась бы каждая добрая мать вкоренить ихъ въ младенческомъ сердцѣ своего ребенка? М-ме Варова, молодая вдова, пріятельница Вѣры, говорить, что дѣти не должны имѣть вѣрныхъ понятій о жизни, и потому матери увѣряютъ дочерей въ томъ, чему сами не вѣрятъ, увѣряютъ же для того, чтобъ дѣти были подольше наивными и не мѣшали бы имъ веселиться по-своему! О, когда она сказала мнѣ эти бездушныя слова, когда она такъ безстыдно осмѣяла самыя святыя чувства женщины, материнскую любовь и материнскую заботливость, я посмотрѣла на нее съ ужасомъ, и слезы невольно навернулись на глазахъ моихъ. Мнѣ было больно слышать отъ молодой женщины насмѣшки надъ моими святѣйшими убѣжденіями, мнѣ было жаль ее, себя, я не знала какъ отвѣчать ей! Негодованіе связывало мнѣ языкъ. Забавляясь моимъ изумленіемъ, она стала толковать мнѣ, смѣясь и шутя, какъ ложны всѣ наши понятія о женскихъ обязанностяхъ, о любви, о постоянствѣ, какъ безтолково вѣрить въ дружбу какъ глупо жить для другихъ, какъ смѣшно думать, что смиреніе и кротость составляютъ лучшее украшеніе женщины. Только глупая женщина въ состояніи убивать молодость въ семейной жизни и скукъ, говорила она, а умная женщина должна властвовать, веселиться, и ставить себя выше свѣтскихъ предразсудковъ. Все это она говорила съ убѣжденіемъ; инья съ нею почти соглашались, другія молчали, третьи смѣялись. Вѣра восхищается смѣлостью, съ которою м-ме Варова высказываетъ свой образъ мыслей, противорѣчащій общему мнѣнію; но меня эта смѣлость ужасаетъ: я вижу въ ней какой-то холодный цинизмъ, страшную испорченность нравственности. Она называетъ дѣтскими наивностями строгія понятія о нравственности, а между тѣмъ еслибъ вы знали какъ она молода, хороша, какъ она умѣетъ быть любезной! Мнѣ жаль ее. Она богата, хороша, мужъ ее балуетъ, и со-

вершенно подъ башмакомъ жены, а это считается свѣтскими женщинами, сколько я могу судить, однимъ изъ условій супружескаго счастья. Двоюродная сестра Юрія Николаевича, Наденька Р**, совершенная противоположность м-ше Варовой: какъ мало та обращаетъ вниманія на общее мнѣніе, такъ эта старается угодить ему, но желаніе угодить *вспльмъ*, заслужить одобреніе *вспльмъ*, до того завладѣло ея робкимъ умомъ, что она рѣшительно боится открыть ротъ, чтобъ не обратить на себя вниманія и не быть осмѣянною. Мнѣ кажется, Наденька никогда не спрашивала себя: исполняетъ ли она свой долгъ? Какъ странно видѣть вмѣстѣ этихъ двухъ женщинъ! Какъ поучительно изучать ихъ, и какъ сильно привязываюсь я къ своимъ убѣжденіямъ, къ своимъ вѣрованіямъ, имѣя эти два примѣра предъ глазами! М-ше Варова поступаетъ во всемъ по своей фантазіи; Наденька Р**, не имѣющая собственнаго убѣжденія, не знаетъ *чему* вѣрить, *какъ* думать, *какъ* поступать, и заботится только объ одномъ—угодить общему мнѣнію. Изъ нея вышло самое пустое, жалкое ничтожество. Какъ ближайшая родственница Юрія Николаевича, она очень часто бываетъ у насъ, и признаюсь, хотя она и скучна, я менѣе огорчаюсь ея частыми посѣщеніями, чѣмъ присутствіемъ м-ше Варовой, которая старается все болѣе и болѣе сблизиться съ Вельскими. Они часто выѣзжаютъ вмѣстѣ. Вѣра говоритъ, что никто не забавляетъ, не смѣшитъ ее какъ м-ше Варова, что никто не смотритъ на жизнь съ такой вѣрной точки, какъ м-ше Варова. Я не раздѣляю мнѣнія Вѣры. Я не только не люблю Варовой, я боюсь ее, боюсь, сама не знаю отчего... Однако я замѣчаю, что увлекаюсь своимъ негодованіемъ... но что дѣлать? не могу не передать вамъ вполнѣ всѣхъ своихъ мыслей. Я желаю, я горячо желаю, чтобъ вы сказали мнѣ, ошибаюсь ли я въ своемъ образѣ мыслей? ложно ли я понимаю жизнь? Какъ я люблю ее, эту чудную жизнь, хотя испытала уже много несчастій! Какое высокое значеніе имѣетъ она въ моихъ глазахъ, и сколько сознаю я въ себѣ молодой, душевной силы, бодрости, желанія достигнуть добра, познать истину и посвятить свою жизнь благородной и полезной цѣли!.. Въ душѣ моей хранится неистощимый источникъ любви, горячей, искренней любви къ ближнимъ, и такъ много у меня этой любви, что ее станетъ на весь міръ! Да, да другъ мой, я чувствую себя иногда чрезвычайно счастливою только тѣмъ, что люблю, люблю сильно, люблю всею душой жизнь, людей, люблю *все*, это необъятное, неопредѣленное *все*,

которому нѣтъ назнанія и которое я чувствую, понимаю и люблю. И я счастлива, сознавая въ себѣ это горячее, сильное чувство любви!..»

Но Боже мой! я такъ увлеклась мыслями Наташи, въ которыхъ отражается во всей искренней и безпорочной чистотѣ ея молодая, горячая душа, ея чувства, начинающія развиваться, что совершенно забыла очень важное правило: «не употреблять во зло терпѣніе читателя.»

2.

Однажды Вѣра поѣхала къ Варовой провести вечеръ за-просто, и воротилась домой довольно рано. Наташа только что легла въ постель и не успѣла еще потушить свѣчки. Каково было ея удивленіе, когда она услышала по корридору торопливые шаги Вѣры, когда дверь отворилась, и въ комнату вошла молодая Вельская, слегка взволнованная и раздосадованная.

— Ты еще не спишь, Наташа? какъ я рада! я такъ и надѣялась!.. Ахъ, какая у тебя маленькая комната!.. Хорошо ли тебѣ здѣсь? Вотъ этотъ столикъ мнѣ очень нравится. Слушай, я расскажу тебѣ, что со мною случилось сегодня, ха, ха, ха! это преразбавно!

Наташа обняла Вѣру, усѣвшуюся возлѣ ея постели, взяла ея руку и спросила, что съ нею случилось.

— Ничего особеннаго, право ничего особеннаго! но мнѣ хотѣлось описать тебѣ встрѣчу съ нашимъ старымъ пріятелемъ. Отгадай кого я сегодня видѣла? ну, отдай-ка! Или слушай, я тебѣ расскажу все по порядку. Варова часто говорила мнѣ, что мужъ ея имѣлъ прехорошенькаго племянника, что онъ очень милый мальчикъ, котораго она ужасно полюбила и изъ котораго надѣется образовать отличнаго свѣтскаго человѣка, хотя онъ ужасно упрямъ и неохотно поддается ея вліянію; она часто рассказывала о немъ, но я пропускала слова ея мимо ушей: что мнѣ за дѣло до ея племянниковъ! Вообрази, сегодня она мнѣ его представила, и какъ ты думаешь, кто бы это былъ?.. Александръ Грузинъ!.. Представь себѣ мое удивленіе! Мать Александра двоюродная сестра Варову!

— Здоровъ ли онъ? весель ли онъ? что съ нимъ дѣлается? отчего онъ не былъ у насъ до-сихъ-поръ? спросила Наташа съ жаркимъ участіемъ, прерывая рассказъ Вѣры.

— Здоровъ ли онъ? да онъ не только здоровъ, онъ весель,—

нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ онъ былъ веселъ, но онъ такъ развязенъ, такъ равнодушенъ! Боже мой, какъ онъ перемѣнился!.. Вообрази, увидя меня, онъ въ первую минуту какъ будто смутился; мнѣ показалось даже, что онъ поблѣднѣлъ, и я подумала съ досадою: ну, вотъ сейчасъ начнутся прежнія сцены! Александръ станетъ снова преслѣдовать меня страстными и влюбленными взорами, станетъ вздыхать какъ изъ бочки, краснѣть, блѣднѣть и дрожать въ моемъ присутствіи... ни тутъ-то было! Онъ поклонился мнѣ почтительно, но холодно. Я спросила гдѣ онъ служитъ? онъ отвѣчалъ, что благодаря стараніямъ дяди, получилъ прекрасное мѣсто, что служба его очень занимаетъ, и поклонившись вышелъ въ другую комнату. Я посмотрѣла съ удивленіемъ на Варову. Она улыбнулась: вы вѣрно удивляетесь перемѣнѣ, происшедшей въ Александрѣ; но между нами будь сказано, перемѣной этой онъ обязанъ мнѣ: я прибрала его къ рукамъ, научила какъ молодой человѣкъ долженъ держать себя въ обществѣ. Когда онъ пріѣхалъ къ намъ, я не знала, что съ нимъ дѣлать! Онъ былъ какой-то растерянный, убитый. Я употребляла и хитрость, и ласку, и кокетство, и убѣжденія, и философію, чтобъ исправить его. Я сейчасъ отгадала, что Александръ влюбленъ, и стала его лечить, лечить усердно, и кажется вылечила.

— Слава Богу!.. Бѣдный мальчикъ! онъ такъ страдалъ отъ своей любви, сказала Наташа съ радостью. Не знаю чему ты такъ обрадовалась! возразила Вѣра съ досадою; онъ теперь ужъ не мальчикъ, а премилый молодой человѣкъ, и я очень жалю, что потеряла въ немъ нетолько усерднаго поклонника, но и преданнаго друга.

— Ты удивляешь меня, Вѣра!.. Вѣдь ты не любила и не любишь Александра?..

— Конечно нѣтъ!

— Отчего-же ты досадуешь на его перемѣну?

— Ты обо всемъ судишь престранно, Наташа! сказала Вѣра смѣясь: Не понимаю откуда ты забрала себѣ въ голову какія-то странныя и выспреннія понятія. Съ тобою ни о чемъ нельзя говорить откровенно. Признаюсь, я очень жалю, что по проискамъ Варовой лишилась дружбы Александра. Онъ теперь уже не жалкій вздыхатель, не восторженный мальчишка, какимъ мы его знали въ деревнѣ... Три мѣсяца произвели въ немъ большую перемѣну въ его пользу. Я съ удовольствіемъ позволила-бы ему присоединиться къ числу моихъ поклонниковъ, ну, хоть *друзей*, если тебѣ больше

нравится это слово! Но теперь онъ совсѣмъ охладѣлъ ко мнѣ!.. А какъ онъ похорошѣлъ, еслибъ ты знала... Я никогда еще не встрѣчала такихъ чудныхъ глазъ! Въ продолженіе цѣлаго вечера, онъ только одинъ разъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ здорова-ли ты? А отъ Варовой почти не отходилъ, шутилъ съ нею, цѣловалъ ея руки, называлъ её *chère cousin*... и...

— Онъ вспомнилъ обо мнѣ? спросила Наташа снова прерывая Вѣру.

— Да, онъ увѣрялъ меня, что любить и уважаетъ тебя какъ сестру; я сказала, что братская любовь его должна быть очень холодна, если онъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца не напелъ случая повидаться съ тобою; Александръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ очень занятъ, и рѣдко можетъ располагать своимъ временемъ; потомъ отошелъ отъ меня и началъ любезничать... съ кѣмъ бы ты думала? съ Наденькой, съ этой глупой, запуганной куклой, отъ которой не дождешься двухъ словъ! Его попросили сыграть что нибудь на фортопяно, я вообразила, что онъ разразится по-прежнему громомъ, воплями и стенаніемъ; помнишь, какъ въ порывѣ вдохновенія, онъ колотилъ по моему бѣдному пьянино въ Орлиновъ? Но вообрази, теперь онъ сѣлъ за рояль спокойно, безъ дикихъ взглядовъ, безъ дикихъ вдохновеній, взялъ сильною и твердою рукой нѣсколько аккордовъ и съ большимъ вкусомъ сыгралъ прелестную мазурку Шопена, сыгралъ съ чувствомъ, но безъ раздражающихъ страстей, сыгралъ умно и искусно, ну, однимъ словомъ, онъ совсѣмъ переродился!.. Еслибъ ты только видѣла его равнодушіе! его хладнокровіе! Но погоди, погоди!.. Варовой не долго торжествовать. Она ужасно гордится тѣмъ, что отбила у меня поклонника. Какъ она съ нимъ кокетничаетъ, и какъ онъ мило, умно, хладнокровно отвѣчаетъ на всѣ ея выходки! Я, право, чуть не влюбилась сегодня въ Александра, *p'en déplaît à mon âge!* и во что-бы ни стало я вскружу ему снова голову. Увидимъ, увидимъ, кто изъ насъ побѣдитъ, я или *m-me* Варова!

— Вѣра, Вѣра! Что тебѣ за охота затѣвать эту опасную игру! оставь Александра въ покоѣ, не забавляйся, не шути его чувствами...

— Опасная игра—чувства! Шутить чувствами!.. Какъ все это дико и пошло, Наташа; я увѣрена, что самъ Александръ посмѣялся-бы теперь отъ души надъ твоими словами. Я тебѣ говорила: онъ уже не мальчикъ, а одни мальчики *страдаютъ* отъ

любви, да я и не желаю возбудить въ немъ прежней глупой страсти, я просто хочу, чтобъ онъ *слегка* влюбился въ меня, и чтобъ м-ше Варова не смѣла говорить мнѣ съ такою самодовольною, торжествующею улыбкой: «Я лечила его усердно, и кажется вылечила!» Я ей вѣкъ не прощу этихъ словъ. Когда Александръ перестанетъ такъ нѣжно цѣловать ея руки, перестанетъ ѣздить къ ней каждый день, и будетъ всеѣмъ извѣстенъ за пламеннаго обожателя Вѣры Вельской, я въ свою очередь скажу Варовой съ самодовольною улыбкой: «Я лечила его усердно, и кажется вылечила!» О какъ это будетъ весело! Завтра-же напишу ему записку, позову его къ себѣ отобѣдать, запросто, надѣну мой прелестный голубой капоть, или розовый съ кружевами, который мнѣ больше идетъ. Наташа, чтожъ ты не отвѣчаешь? Наташа, какъ ты думаешь, надѣтъ-ли мнѣ розовой капоть? я въ немъ очень хороша! Только не слишкомъ-ли онъ наряденъ? Юрій сейчасъ замѣтитъ, что я собираюсь кокетничать. Онъ сталъ невыносимо ревнивъ! Ты не знаешь, Наташа, чтó я отъ него терплю; онъ не умѣетъ меня цѣнить; онъ не хочетъ понять, что любовь моя къ нему тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, чѣмъ больше я окружена въ свѣтѣ удовольствіями и успѣхами! Онъ не позволяетъ мнѣ повеселиться въ молодости; за каждое удовольствіе я плачу страшными неприя́тностями; я жертва его строгости, его ревниваго, подозрительнаго характера; жизнь моя настоящее мученіе, пытка, адъ! я самая несчастная и непонятая женщина! Но на зло мужу я буду изъ всѣхъ силъ веселиться и кокетничать, пока Юрій не пойметъ вины своей, не раскается и не попроситъ у меня прощенія!

Вѣра была вполне убѣждена, что она жертва своего мужа. И въ самомъ дѣлѣ, Юрій былъ ужасно виноватъ передъ нею. Онъ полюбилъ её, и не разыгрывая роли Печорина или Тамарина, женился на ней по-просту, любилъ её нѣжно, страстно, баловалъ, какъ ребенка, окружилъ её роскошью и удовольствіями, предупреждалъ ея малѣйшія желанія, былъ ласковъ и внимателенъ, и въ замѣнъ любви своей ожидалъ отъ жены немного нѣжности, требовалъ благоразумія и откровенности... Не была-ли она въ правѣ считать его своимъ *тираномъ*? Напрасно старалась Наташа образумить Вѣру и оправдать Юрія: Вѣрѣ непременно хотѣлось быть въ эту минуту *несчастной* и ненавидѣть мужа, и убѣдившись вполне, что мужъ ея извергъ и что жизнь ея пытка,

она простилась съ Наташей, утѣшая себя пріятною надеждой раздосадовать Варову и вскружить голову Александру.

3.

На другой день Вѣра была дивно хороша въ розовомъ кофѣтъ съ кружевами, о которомъ она разсуждала наканунѣ. Желаніе правиться горѣло въ ея хорошенькихъ глазахъ, оживляло ея рѣчь, звучало въ каждомъ ея словѣ. Александръ сидѣлъ напротивъ нея и разговаривалъ съ непринужденною веселостью. Смотри на него, никто не узналъ-бы въ немъ унылаго, робкаго и страстнаго вздыхателя, какимъ онъ былъ тому назадъ три мѣсяца. Онъ возмужалъ и пріобрѣлъ въ свѣтъ ту развязность въ манерахъ и способность управлять своими чувствами, которыя обыкновенно усвоиваются молодыми людьми гораздо позже. Александръ похорошѣлъ. Немного смуглое и блѣдное лицо его, окаймленное черными волосами, было оживлено улыбкой. Онъ былъ теперь столько-же разговорчивъ, какъ прежде бывалъ молчаливъ. Въ его одушевленныхъ глазахъ прежнее выраженіе мучительнаго и тревожнаго состоянія души замѣнилось спокойною и безпечною веселостью. Вѣра смотрѣла на него съ удивленіемъ: Александръ не преслѣдовалъ Юрія дикими взглядами ревности, а преспокойно разсуждалъ съ нимъ о городскихъ новостяхъ. Когда Наташа вошла въ комнату, Александръ подбѣжалъ къ ней съ дружеской и радушной улыбкой, поцѣловалъ ея руку, усѣлся возлѣ нея, распросилъ съ братскимъ участіемъ о ея здоровьѣ, о ея занятіяхъ, и между молодыми людьми завязалась дружеская бесѣда, во время которой глаза Наташи то оживлялись удовольствіемъ, то блистали слезами, смотря по воспоминаніямъ, вызваннымъ разговоромъ изъ прошедшаго. Они переговорили обо всемъ, вспомнили и Никитенку, и Ермолая Никитича, и прежнюю дружбу свою, которая разливала нѣжную и тихую отраду на жизнь Наташи, въ первое время ея пребыванія въ деревнѣ; они вспомнили и чувствительную, неутѣшную Ненилу Андревну, и Осиновку, и всѣ деревенскія забавы и удовольствія. Весело было теперь на душѣ Наташи, на нее повѣяло свѣжестью, тишиною деревенскою. Она не видѣла ни каменныхъ стѣнъ ея окружающихъ, ни роскоши, царствующей въ домѣ Вельскихъ: ей казалось, что грудь ея дышитъ жадно и свободно деревенскимъ воздухомъ, и въ воображеніи ея мелькнули волнистыя

поля и тёплыя, густыя рощи, и дорога ведущая къ церкви, и рѣка съ перевозомъ и съ крутымъ спускомъ, и крестьянскія избы, въ которыхъ такъ весело трещить лучина въ осенній вечеръ, и стукъ сторожа въ деревянную доску, и все что съ мыслью о деревнѣ соединяло для нея воспоминаніе счастливыхъ минутъ минувшаго. Вечеромъ пріѣхало нѣсколько короткихъ знакомыхъ и между прочими Юлія Васильевна Варова. Вѣра усилила кокетство и любезность въ разговорѣ съ своимъ бывшимъ поклонникомъ. Ей хотѣлось, чтобъ Александръ измѣнилъ себѣ хоть однимъ словомъ, однимъ жестомъ, и доказалъ бы Юліи, что она напрасно считаетъ его совершенно вылеченнымъ. Однакоже Александръ не увлекался ни любезностью, ни красотой, ни кокетствомъ Вѣры, не занимался ею исключительно, а напротивъ, старался поддержать общій разговоръ и продолжалъ шутить и болтать съ непринужденною любезностью. Онъ уѣхалъ рано, оставивъ Вѣру въ полной увѣренности, что онъ разлюбилъ её. Вѣра досадовала. «Юлія торжествуетъ, думала она: я терпѣть не могу этой женщины!»—Наташа, напротивъ того, благодарила Бога за пріятное впечатлѣніе, которое произвела на нее встрѣча съ Александромъ и радовалась счастливой переменѣ, происшедшей въ немъ. Она была увѣрена, что онъ разлюбилъ Вѣру. Юрій тоже былъ вполне убѣжденъ, что страсть Александра обратилась въ совершенное равнодушіе. Нѣсколько разъ за ужиномъ, Вельскій принимался подтрунивать надъ постоянствомъ пламенныхъ обожателей чужихъ женъ, не замѣчая, что шутки его были чрезвычайно непріятны Вѣрѣ, которая воображала, что мужъ насмѣхается надъ нею и хочетъ кольнуть ея самолюбіе. Бѣдный Юрій! Когда гости разъѣхались, женихъ гнѣвъ разразился надъ его преступною головой. Оставшись наединѣ съ мужемъ, Вѣра раскапризничалась на-славу, забросала мужа упреками, и проплакала часа два, чтобъ доказать Юрію, что онъ извергъ, и что она его несчастная жертва. Послѣ этой сцены, намѣреніе ея вскружить голову Александру стало непоколебимо. Еще одна глупая шутка Юрія, и я влюблюсь въ Александра, на зло мужу, подумала она, вытирая глаза и бросивъ на Юрія гнѣвный взглядъ. Было однакоже сердце, которое не вѣрило переменѣ Александра. Одно женское чуткое сердце, раздираемое ревностью, отгадало, что Александръ искусно и умно игралъ хорошо обдуманную роль. Пока улыбка сіяла на прелестномъ лицѣ Юліи, пока глаза ея, огненные и жгучіе, блестяи весельемъ и радостью, страшное мученіе наполняло ея душу, и

ревность пояснила ей всё, что было для нея до сихъ поръ загадкой.

4.

На другой день вечеромъ Юлія Варова сидѣла въ своемъ кабинетѣ возлѣ камина, опрокинувъ голову на спинку кресла, и судорожно сжимая руки. Пламя ярко освѣщало блѣдное, но прекрасное лицо ея, рѣзко оттѣненное черными волнами густыхъ волосъ, въ которыхъ свѣтъ игралъ и лоснился въ капризныхъ переливахъ. Въ пламенной душѣ Юліи было страшное смѣшеніе любви съ ненавистью, страсти съ равнодушіемъ. Воображеніе ея было живо, сердце жаждало увлеченій, тревожныхъ и мучительныхъ чувствъ, умъ осмѣивалъ это безумное стремленіе и уничтожалъ съ холодною насмѣшкой всю прелесть ея пламенныхъ мечтаній. Ни одно чувство, ни одно убѣжденіе не руководило ею въ жизни; тревожно и бесполезно протекало ея существованіе: у нея былъ мужъ, но она его не любила; была дочь, но она предоставила ее чужому попеченію; были обязанности, которыхъ она не исполняла; было богатство, котораго она не умѣла употреблять. Парадоксальный умъ ея гордился дерзостью, съ которою возставалъ противъ общаго мнѣнія. Александръ, возвратясь изъ деревни, обратилъ на себя ея капризное вниманіе. Уныніе и тайная грусть его были для нея загадкой: она понимала инстинктивно, что подъ ними скрывалась душа юношеская и бодрая, ослабѣвшая въ сильной борьбѣ съ мучительною страстью. Юлія занялась Александромъ. Онъ возбуждалъ ея любопытство, и хитрый умъ ея употребилъ всѣ способы, чтобъ подчинить своему вліянію сердце и волю молодого человѣка. Насмѣшкой пробудила она въ немъ самолюбіе, лаской отогрѣла его душу. Александръ проснулся, какъ отъ тяжкаго сна. Съ негодованіемъ вспомнилъ онъ смѣшную роль, которую разыгрывалъ въ Орлиновѣ, у ногъ холодной и насмѣшливой красавицы, почувствовалъ свое ничтожество, и принялся съ бодростью перерабатывать свой характеръ. Ревностно занялся онъ службой, но между-тѣмъ посѣщалъ довольно часто общество, и скоро мечтательный мальчикъ превратился въ свѣтскаго человѣка. Одно только уцѣлѣло у него изъ прежней жизни—пламенное обожаніе Вѣры, но оно приняло уже другой характеръ, и онъ скрывалъ его такъ тщательно, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не позволилъ себѣ заѣхать

къ Вельскимъ, хотя и зналъ, что они уже въ Петербургѣ. Онъ поклялся отрѣчься навсегда отъ жалкой роли несчастнаго обожателя. Самолюбіе и уроки Юліи произвели въ немъ перемѣну, которой такъ радовалась Наташа, не подозрѣвая, что подъ этою наружной перемѣной таится глубокое страданіе, тѣмъ болѣе мучительное, чѣмъ тщательнѣе оно прикрито притворнымъ спокойствіемъ. Не смотря на дружбу съ Юліей, Александръ небылъ съ ней откровененъ. Онъ не могъ отпереться, что причиною его унынія была несчастная любовь, но онъ никогда не называлъ предмета этой любви, и старался увѣрить Юлію, что страсть его совершенно прекратилась. Иногда она вѣрила ему, иногда сердце ея угадывало, что спокойствіе его притворно. Александръ былъ для нее загадкой, и она привязалась къ нему сначала безсознательно и незамѣтно, потомъ со всею страстью пламенной души своей. Еслибъ Александръ полюбилъ ее, она бы тотчасъ же охладѣла къ нему, но на страсть ея отвѣчалъ онъ только хладнокровною, хотя и искреннею дружбою. Напрасно боролся гордый и насмѣшливый умъ Юліи съ страстнымъ увлеченіемъ сердца, на этотъ разъ сердце одержало верхъ, и Юлія предалась ему со всею силою любви и ненависти, которыя кипѣли въ ея душѣ. «Я уничтожу всѣхъ, кто встанетъ между нимъ и мной; я завлажду понемногу его душою, его умомъ, его волею; я удалю отъ него все, что можетъ удалить его отъ меня; онъ будетъ въ моей власти, онъ полюбитъ меня, или въ душѣ моей нѣтъ искры страсти, нѣтъ тѣни сильной и твердой воли!..» И хитрый умъ ея изобрѣталъ ежедневно новыя средства овладѣть сердцемъ Александра, и ревнивый взглядъ съ страстною подозрительностью ловилъ каждое движеніе души его. Любовь ея походила на ненависть, на ожесточеніе. Когда Юлія увидѣла Александра съ Вѣрой, она отгадала, что Вельская была предметомъ восторженнаго обожанія юноши, что ея прелестный и улыбающійся образъ хранится и теперь съ любовью въ юношеской груди Александра. Юлія возненавидѣла Вельскую, и дала себѣ слово погубить ее во что-бы то ни стало, хотя бы для этого ей пришлось погубить и себя, и самого Александра.

Черезъ комнату отъ Юліи сидѣлъ за карточнымъ столомъ, старикъ генералъ, опекунъ и дядя ея дочери, съ двумя знакомыми и съ молодымъ Грузинымъ. Слова ихъ долетали изрѣдка до Юліи и каждый разъ, когда ей слышался голосъ Александра, она опускала голову, какъ бы боясь проронить малѣйшій звукъ и блѣд-

ное лицо ея оживлялось жгучей страстью, которая вспыхивала въ черныхъ и мрачныхъ глазахъ. По окончаніи партіи, Александръ пришелъ къ Юліи и помѣстился напротивъ ея, возлѣ камина. Юлія взглянула на него съ упрекомъ: «Помнишь ли, Александръ, сказала она съ грустью, и стараясь улыбаться: помнишь ли, какъ въ прежнее время мы сидѣли съ тобою по цѣлымъ вечерамъ у этого камина, и я читала длинныя наставленія моему упрямому ученику?.. Теперь ученикъ просиживаетъ всѣ вечера за карточнымъ столомъ, и забываетъ своего друга!»

— Нѣтъ, не забываетъ, но щадить его, сказалъ весело Александръ, подвигая стулъ къ креслу Юліи и цѣлуя ея руку. Вообразите, я сегодня былъ до такой степени не въ духѣ, что не смѣлъ вамъ показаться на глаза; вы подумали бы, что вашъ пациентъ неизлечимъ и снова впалъ въ хроническую болѣзнь, а между тѣмъ вся бѣда произошла отъ вчерашняго проигрыша. Возвратясь отъ Вельскихъ, я нашелъ у себя двухъ, трехъ товарищей, и сѣлъ съ ними за карты. Они меня обыграли въ пухъ и въ прахъ.

— Ты думаешь, я повѣрю, что проигрышъ могъ раздосадовать и опечалить тебя? спросила Юлія, смотря пристально на Грузина.

Александръ засмѣялся.

— Вы не можете себя представить, какъ я бываю золъ послѣ проигрыша.

— Хотя бы ты придумалъ что нибудь поудачнѣе, сказала Юлія съ упрекомъ, но кроткимъ и ласковымъ голосомъ. Хочешь ли, я скажу тебѣ, отчего ты избѣгалъ меня весь день?

— Сдѣлайте одолженіе, *сере cousiné*, мнѣ интересно это знать.

— Изволь. Ты боялся, чтобъ я не заговорила съ тобою о вчерашнемъ вечерѣ и не сказала бы тебѣ слѣдующаго: любезный и дорогой племянникъ, вы со мною не откровенны, я это давно подозревала, но вчера убѣдилась вполне въ этой горькой истинѣ.»

— Вчера? произнесъ Александръ съ удивленіемъ: что же случилось вчера?

— Вчера я поняла всю разницу мужской и женской дружбы! Когда женщины любятъ, онѣ любятъ безгранично, безъ размышленія, безъ разчетовъ; душа ихъ открыта предъ глазами друга; скрывать отъ него чувства свои имъ невозможно, онѣ глупо до вѣрчивы, глупо откровенны; а ты, Александръ, сказала Юлія, обращая на Грузина огненные глаза свои съ вкрадчивою и нѣжною лаской, какъ отвѣчаешь ты на мою дружбу, на мою безгра-

ничную привязанность? Ты не только не откровененъ со мною, но ты обманываешь меня, ты притворялся; мысли и чувства твои прикрыты маской; ни моя нѣжность, ни моя откровенность не могутъ склонить сердце твое къ довѣрчивости; вотъ чѣмъ ты платишь мнѣ за мою дружбу. Самолюбивый мальчикъ! ты боишься, чтобъ женскій взоръ не проникнулъ до твоей души, не угадалъ бы твоихъ тайныхъ страданій, чтобъ женская насмѣшка не коснулась любви твоей! Ты ошибаешься, другъ мой, не насмѣшкой, не состраданіемъ встрѣтила бы я твою откровенность, я приняла бы ее съ любовью и благодарностью, какъ доказательство твоей дружбы... Но не думай, чтобъ я *требовала* твоей довѣрчивости, не принимай слова мои за укоръ, я не вооружусь на тебя, милый мой, я только огорчена твоею скрытностью... И прекрасные глаза Юліи подернулись слезами, но сквозь слезы эти сіяла такая страстная нѣжность, такая заманчивая ласка, что Александръ, какъ заколдованный, не могъ оторвать взора отъ ея чарующихъ и жгучихъ глазъ; въ голосъ Юліи звучало тайное страданіе и невыразимая грусть; прекрасное лицо ея, обращенное къ Александру, было покрыто смертною блѣдностью, руки скрестились на взволнованной груди, какъ будто для мольбы. Она была дивно хороша въ эту минуту. Александръ смотрѣлъ на нее молча. Ея грусть, ея ласка трогали его. Онъ вѣрилъ искренности ея дружбы и извинялъ ея подозрительную взыскательность; но въ то самое время, когда она, блѣдная и страстная, стояла предъ нимъ въ ожиданіи слова любви и нѣжности, когда ревнивый взоръ ея хотѣлъ проникнуть въ самые тайные изгибы его сердца, когда грудь ея подымалась насильно сдерживаемымъ рыданіемъ, другой образъ, исполненный чудной прелести носился предъ его глазами, улыбался ему, манилъ его, наполнялъ душу его безумнымъ восхищеніемъ! Александръ взялъ руку Юліи, поцѣловалъ съ почтительною нѣжностью, благодарилъ за ея дружбу, увѣрялъ въ своей безграничной преданности и благодарности, клялся, что любить ее, какъ сестру, какъ мать, какъ лучшаго друга. Онъ говорилъ съ одушевленіемъ, съ нѣжностью, но въ голосъ его небыло страстного и увлекательнаго краснорѣчія любви.

— Ты любишь Вѣру? спросила наконецъ Юлія, не слушая его словъ и останавливая на немъ свой испытующій взоръ. Голосъ ея дрожалъ.

— А, вотъ на кого пало ваше подозрѣніе, кузина, сказалъ Александръ, смѣясь и весело смотря на Юлію. Вы угадали, безъ

ума влюбленъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, какъ Вельская, а въ нее въ особенности. Она очень не дурна.—Юлія посмотрѣла съ удивленіемъ на Александра. Голосъ его былъ такъ спокоенъ, что подозрѣніе ея поколебалось, и она не знала, чему болѣе вѣрить, словамъ ли Александра, въ которыхъ звучало столько искренности, или тайному инстинкту ревности, который открылъ ей въ Вѣрѣ ненавистную и опасную соперницу.

Въ эту минуту вошла въ комнату шестилѣтняя, хорошенькая дѣвочка, съ большими черными глазами, въ которыхъ дышала невыразимая кротость. Она вошла робко, тихо, подошла боязливо къ матери и сказала привычное, заученое «*bon soir, ma chere maman*»; за нею шла Англичанка, которая отдала Юліи отчетъ о поведеніи малютки, сказала, что она училась порядочно и вела себя хорошо. Юлія кивнула молча головой, машинально наклонилась къ ребенку и разсѣянно поцѣловала его въ лобъ. «Ступай же спать,» сказала она ей холодно и хотѣла продолжать разговоръ съ Александромъ, но его позвалъ дядя въ другую комнату, и онъ вышелъ изъ кабинета, сказавъ, что сейчасъ вернется.

Юлія провожала его глазами. «Онъ любить, онъ любить ее!» подумала она съ ожесточеніемъ, и сердце ея закипѣло ненавистью.

«Чтожь ты не идешь спать, Китти, сказала она неласково дочери, замѣчая, что малютка еще не вышла изъ комнаты.

Дѣвочка смотрѣла на нее робко и сказала едва внятнымъ голосомъ: «Позволь мнѣ еще посидѣть у тебя!.. Сегодня я вела себя хорошо.»

Юлія посмотрѣла съ удивленіемъ на малютку и, встрѣтивъ ея свѣтлый дѣтскій взглядъ, покраснѣла и невольно опустила глаза.

— Оставьте ее здѣсь, сказала она, холодно обращаясь къ Англичанкѣ, пусть она разсматриваетъ мои кипсеки; только приходите за нею не позже, какъ чрезъ десять минутъ.—Англичанка поклонилась и молча вышла изъ комнаты. Маленькая Китти съ боязливою нѣжностью поцѣловала руку матери. Въ этой дѣтской и робкой ласкѣ было столько трогательной грусти, что она смягчила бы сердце самой холодной женщины; но Юлія была погружена въ размышленіе. Она не видѣла дочери, не чувствовала ея поцѣлуя, не замѣчала кроткаго взора малютки, устремленнаго на нее съ молчаливою мольбой. Глаза Юліи были прикованы къ двери, она ждала Александра, ждала съ тоскою и страданіемъ; всѣ мученія ревности терзали ея душу. Китти все еще держала въ

рукахъ своихъ холодную, безчувственную руку матери и разсматривала ея кольца и браслеты!

— Возьми же кипсеки, Китти, сказала наконецъ Юлія, опустивь глаза на черноволосую головку дочери.

— Я не хочу смотрѣть картинокъ, отвѣчала Китти робко: я хотѣла посидѣть съ тобою.

— Возьми кипсеки и садись возлѣ меня на скамейку, сказала Юлія, и встрѣтивъ снова невинный взоръ дочери, она отвернула голову и выдернула руку изъ рученокъ малютки. Юлія невольно, бессознательно стыдилась своихъ мыслей и чувствъ, встрѣчая взоръ Китти. Въ этомъ взорѣ было столько любви, а въ ея сердцѣ кипѣла ненависть; въ этомъ взорѣ было небесное безстрастіе, дивная кротость, а въ душѣ ея любовь, ненависть, злоба и ревность слились въ одно жгучее, мучительное и страстное чувство. Взоръ малютки былъ свѣтелъ какъ безоблачное небо, душа ея матери была мрачна и взволнована страстью.

— Китти, сказала она сухо и сдвинувъ брови, возьми же кипсекъ, или ступай спать, ты мнѣ мѣшаешь.

На глазахъ малютки навернулись слезы.

— Мама, сказала она наконецъ робкимъ, умоляющимъ голосомъ, посади меня къ себѣ на колѣна.

Юлія молча посадила ее на колѣна. Ободренная этимъ дѣвочка, поцѣловала шею матери, обняла ее своими рученками, и улыбалась. Можетъ быть, это была первая улыбка, которую замѣтила Юлія на ея дѣтскомъ личикѣ.

— Мама, продолжала Китти, отчего ты меня не ласкаешь, когда я себя хорошо веду? Еслибъ ты видѣла, какъ ласкаетъ Фаничку ея мать!

Юлія покраснѣла. Ей было не ловко, совѣстно, тяжело. Она дала бы дорого, чтобъ кто нибудь вошелъ въ комнату и избавилъ ее отъ вопрошающихъ взоровъ и робкихъ ласкъ Китти, но никто не входилъ, и дѣвочка продолжала смотрѣть на мать съ грустною лаской, съ трогательною нѣжностью.

— Китти, отчего у тебя такіе красные глаза? спросила Юлія съ выраженіемъ неудовольствія. Ты вѣрно капризничала!

— Нѣтъ, у меня голова болитъ, очень болитъ, отвѣчала малютка, опуская головку на плечо матери. Юлія почувствовала на своей шеѣ прикосновеніе горячаго лба.

— Какъ у тебя горяча голова! сказала Юлія и посмотрѣла со стороны на Китти. Въ самомъ дѣлѣ, на лицѣ ребенка высту-

пили красныя пятна, голова горѣла, глаза блестьли. Юлія прижала дочь къ своему сердцу, наклонила къ ней голову; изъ глазъ ея внезапно хлынули горячія, страстныя слезы и полились на локоны малютки. Въ эту минуту вошла Англичанка. Юлія прочитала ей сухимъ и строгимъ тономъ выговоръ: Китти простудилась, а вы даже не замѣтили, что она нездорова. Положите ее въ постель, и пошлите за докторомъ, сказала она. Англичанка взяла Китти и увела въ дѣтскую, не отвѣчая ни слова на замѣчаніе Юліи.

Александръ вошелъ въ комнату. Малютка была забыта.

ГЛАВА III.

1.

По настоятельнымъ просьбамъ Вѣры, Юрій далъ великолѣпный балъ. Блестящая толпа наполняла роскошный домъ Вельскихъ.

Вѣра была мила, граціозна, восхитительна какъ радость. Юлія отличалась строгой и величественной красотой. Лукavye, прелестные глаза Вѣры блистали веселіемъ; румянецъ ярко горѣлъ на ея щекахъ, пунцовыя губки были полураскрыты и сіяли улыбкой; Юлія была серьезна, но глаза ея блестьли и сверкали изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ. Высокій блѣдный лобъ ея сіялъ неувимымъ движеніемъ гордости; на губахъ изрѣдка мелькала холодная улыбка презрѣнія.

Всѣ мужскіе глаза были устремлены на этихъ двухъ женщинъ. Обѣ были хороши, каждая въ своемъ родѣ.

— Какъ мила сегодня Вѣра! говорила Юлія сидящему возлѣ нея Александру.

— Да! она прелестна, какъ всегда, отвѣчалъ ей Грузинъ, улыбаясь и отыскивая глазами Вѣру въ толпѣ танцующихъ. Она пролетѣла мимо его въ эту минуту, небрежно опираясь на руку кавалера, увлекающаго ее въ вальсъ.

— Чтожъ ты не танцуешь съ нею сегодня? спросила опять Юлія.

Въ самомъ дѣлѣ! я еще не танцевалъ съ нею. Хорошо что вы напомнили, *chere cuisine*. Не пригласить на туръ вальса хозяйку дома, это непростительно, особенно со стороны влюблен-

наго! и Александръ взявъ шляпу, спокойно всталъ съ мѣста и пошелъ къ Вѣрѣ, а Юлія подала руку нетерпѣливому кавалеру, который уже нѣсколько минутъ ожидалъ возможности добраться до нея.

— А, вотъ и вы, м-г Александръ, здравствуйте... Вы вѣроятно не любите уже и танцевъ? насмѣшливо спросила Вѣра молодого человѣка.

— Напротивъ, танцы моя страсть, отвѣчалъ Александръ весело, и предложилъ руку Вѣрѣ.

— Отчего же вы не танцуете сегодня?

— Сегодня? я весь вечеръ танцевалъ до упаду!

— Такъ вы только меня не приглашаете?

— Вы видите, я жду счастья сдѣлать съ вами туръ вальса.

— Пойдемте. Вы ужасно капризны! васъ избаловали.

— Вы думаете? Это очень лестно для моего самолюбія.

— Ради Бога, не воображайте, что я намѣрена льстить вашему самолюбію!

— Не лишайте меня по крайней мѣрѣ счастья танцевать съ вами, и пожалѣйте несчастныхъ, которые такъ нетерпѣливо ждутъ своей очереди.

Они понеслись въ вальсѣ. Возвратясь на свое мѣсто, Вѣра кивнула дружески головою Александру, и начала разговаривать съ окружающими ее мужчинами, но глаза ея слѣдили за Александромъ. Она была увѣрена, что онъ постарается возобновить съ нею прерванный разговоръ; но Грузинъ, взявъ шляпу, подошелъ къ другимъ дамамъ, танцевалъ, разговаривалъ съ ними, и казалось, нисколько не искалъ случая говорить съ Вельской.

— Неужели я разучилась сводить съ ума молодѣжь? подумала Вѣра. Нѣтъ, нѣтъ, я накажу самонадѣянность Александра, это рѣшено!

Юлія не проронила ни одного движенія, ни одного взгляда Александра. Сердце ея билось сильно. «Нѣтъ, я ошиблась: онъ ее не любитъ!» думала она съ восторгомъ. Счастье наполнило ея душу, улыбка ея смягчилась, въ глазахъ блеснуло что-то похожее на радость, на нѣжность, на ласку. Въ эту минуту Александръ вышелъ изъ комнаты и встрѣтилъ въ дверяхъ Юрія.

— Александръ! будьте любезны! сказалъ Вельскій, предлагая ему карту: сядьте за преферансъ съ графиней Б; и мосье L. немогу имъ отыскать партнера.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Александръ и взялъ карту. Гдѣ же мы будемъ играть?

— Въ кабинетъ Вѣры, тамъ приготовленъ столъ, я сейчасъ скажу моимъ дамамъ, что устроилъ имъ партію.

Грузинъ отправился въ кабинетъ Вѣры. Въ немъ никого не было. Передъ диванчикомъ стоялъ столъ, приготовленный для игры. Александръ въ первый разъ былъ одинъ въ этой комнатѣ, гдѣ каждая вещица была выбрана Вѣрою и носила на себѣ отпечатокъ изящнаго вкуса.

Надъ кушеткой простирались широкіе листья рѣдкаго, тропическаго растенія. Александру казалось, что они осѣняютъ граціозную головку Вѣры, ему казалось, что въ зеркалахъ отражалось ея прелестное, веселое личико, что хорошенькія ножки ея опускались на бархатную подушку, всё говорило ему здѣсь о Вѣрѣ, объ очаровательной волшебницѣ, о рѣзвомъ и миломъ ребенкѣ, котораго онъ любилъ съ безумнымъ обожаніемъ.

Подходя къ этажеркѣ, на которой было разставлено множество дорогихъ бездѣлушекъ, Александръ увидѣлъ портреты Юрія и Вѣры, прекрасныя миниатюры, работы искуснаго художника. Вѣра была еще невѣстой, когда съ нея писали этотъ портретъ. Лицо ея сіяло счастіемъ; въ глазахъ отражалась робкая, дѣвственная нѣжность и легкая тѣнь задумчивости. Видно было, что душа ея открылась въ то время для сладкихъ, новыхъ ощущеній, что сердце ея было полно робкой и прекрасной любви!

— Александръ не могъ оторвать глазъ отъ этого портрета. Чѣмъ дольше онъ глядѣлъ, тѣмъ труднѣе было ему отойти отъ него. Онъ протянулъ къ нему руку. Рука его дрожала. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, въ комнатѣ никого не было. Портретъ былъ въ его рукахъ. Александръ подошелъ съ нимъ къ лампѣ, чтобъ лучше разсмотрѣть милыя, прелестныя черты, но въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса. Онъ поставилъ портретъ на мѣсто и сѣлъ за карточный столъ.

Пока происходила эта сцена, ревнивый и огненный взоръ слѣдилъ за Александромъ. Съ трудомъ переводя дыханіе, Юлія стояла въ дверяхъ, скрываясь за портьерой. Она все видѣла, все поняла. Ненависть, злоба и ревность вновь закипѣли въ ея сердцѣ. Она возвратилась въ залу. Вѣра промелькнула предъ глазами ея веселая, беззаботная, улыбающаяся. Юлія взглянула на нее съ страшной, невыразимой ненавистью, и въ душѣ произнесла клятву погубить ее.

Съ этого дня она стала самымъ нѣжнымъ другомъ молодой Вельской.

2.

Юлія понимала, что ей невозможно вкрасться въ душу Вѣры, пока самолюбіе молодой женщины, уколотое равнодушіемъ Александра, не перестанетъ подозрѣвать въ Юліи торжествующей соперницы; по этому первымъ дѣломъ ея было устранить это препятствіе. Смѣясь и шутя, рассказала она однажды Вѣрѣ сцену съ портретомъ, которой она была какъ будто нечаянною свидѣтельницей: «Между нами будь сказано, Александръ повѣрилъ мнѣ свою тайну: онъ не переставалъ любить васъ, Вѣра; мои уроки, мои наставленія не подѣйствовали на него; я должна признаться въ этомъ къ своему стыду,» говорила Юлія, ласково обвивая рукою станъ Вѣры. Притворное равнодушіе его приняла я за исцѣленіе, а теперь вижу, что ваша красота и любезность разрушили весь трудъ мой, побѣдили мою философію. Я уже махнула рукой: Александръ неисцѣлимъ, хоть брось! пусть дурчится, если ему это нравится. Признаюсь, Вѣра, я сначала торжествовала; я вѣрила, что образумила Александра, и это льстило моему самолюбію; но торжество осталось на вашей сторонѣ! Я вижу, что спорить съ вами опасно. «Какъ Юлія откровенна, думала Вельская, какъ простодушно признается она въ томъ, что слишкомъ рано обрадовалась исцѣленію Александра. Я удивляюсь ей и уважаю ее: я не была бы въ состояннн такъ откровенно признаться побѣжденной. Самолюбіе Вѣры успокоилось; она не видѣла болѣе въ Юліи самонадѣянной и торжествующей исправительницы Александра, и съ этой минуты перестала ее ненавидѣть. Она была легковѣрна, довѣрчива, самолюбива, и Юлія умѣла этимъ воспользоваться. Незамѣтно вкрасась она въ душу Вѣры, завладѣла ея сердцемъ, ея умомъ. Объ Александрѣ Вѣра теперь мало заботилась; узнавъ, что равнодушіе его къ ней притворное, что дружба Юліи не могла перевѣсить ея власть надъ нимъ, она успокоилась, мало по малу совершенно охладѣла къ Грузину, не брала на себя лишняго труда кокетничать съ нимъ и обратила вниманіе на другихъ поклонниковъ. Дружба ея и короткость съ Юліей увеличивались съ каждымъ днемъ. Вѣра довѣряла ей всѣ свои тайны, жаловалась на мужа, рассказывала о своихъ побѣдахъ, называла счастливецъ, успѣв-

шихъ обратить на себя ея вниманіе. Юлія знала каждое слово, произнесенное въ домъ Вельскихъ. Никто не умѣлъ утѣшить Вѣру въ ея *несчастіяхъ*, какъ Юлія, никто не понималъ такъ хорошо ея горестнаго положенія, никто не умѣлъ такъ искусно доказать Вѣрѣ, что Юрій тиранъ, не стоящій ея привязанности, что Вѣра ангелъ покорности и кротости, что другая жена давно возстала бы противъ мужа, перестала бы любить его и искала бы развлеченія въ другой привязанности. Вѣра не могла жить безъ Юліи !

Трудно растолковать какими способами хитрѣя и испорченныя души умѣютъ завладѣть и привязать къ себѣ легковѣрныхъ и легкомысленныхъ женщинъ; трудно объяснить постоянно возраставшую власть, которую Юлія брала надъ слабымъ характеромъ Вѣры. Ежедневно вливала она въ душу молодой женщины каплю яда; незамѣтно внушила ей ложныя понятія, исказила ея образъ мыслей, удалила ее отъ мужа, отъ Наташи, развратила ея понятія, и до всего этого достигла она лаской, шуткой, лестью, насмѣшкой и притворствомъ.

Напрасно старался Юрій удалить жену отъ Варовой; въ его нападкахъ на дружбу этой женщины, Вѣра видѣла ужасную несправедливость, и изъ упрямства еще сильнѣе привязалась къ своей новой пріятельницѣ; наконецъ Вельскій запретилъ женѣ знакомство съ Варовой; тогда Вѣра стала ѣздить къ ней тихонько отъ мужа, и дружба ея усилилась всѣмъ негодованіемъ, которое возбудилъ въ ней мужъ своимъ предубѣжденіемъ противъ такой прекрасной женщины.

Юлія ненавидѣла также Наташу, во-первыхъ за то, что Александръ любилъ и уважалъ, ее какъ сестру, во-вторыхъ за то, что она боялась вліянія сиротки на Вѣру. Ненависть свою умѣла она передать Вѣрѣ, которой внушила подозрѣніе, что Наташа подматриваетъ за нею, осуждаетъ каждый шагъ ея и держитъ сторону Юрія, чтобъ заслужить его расположеніе.

Семейная жизнь стала сущимъ адомъ въ домъ Вельскихъ. Между супругами происходили постоянныя ссоры, неудовольствія; съ Наташей Вѣра обходилась не только холодно, но съ явнымъ пренебреженіемъ.

— Скоро, скоро достигну я цѣли своей, думала Юлія, глядя на Александра. Вѣра упадетъ въ глазахъ свѣта, въ глазахъ мужа, въ глазахъ Александра. Не долго ему любить эту глупую куклу, изъ которой я дѣлаю все, что хочу!

3.

Изъ всѣхъ поклонниковъ Вѣры Вельской молодой Выдровъ успѣлъ болѣе другихъ обратить на себя ея вниманіе. Мнѣ не нужно описывать вамъ это новое лицо моея повѣсти: отыщите перваго молодаго человѣка, пользующагося вниманіемъ женщинъ и репутаціею вѣтренника, и вы узнаете въ немъ нашего героя. Своею извѣстностью обязанъ онъ какой нибудь модной красавицѣ, которая первая обратила на него вниманіе и оцѣнила его достоинства или недостатки, за которые онъ такъ любимъ. Примѣру красавицы послѣдовали другія, и наконецъ всѣ женщины стали считать необходимою восхищаться имъ и говорить о немъ. Онъ недурень, его превозносятъ красавцемъ; разговоръ его игривъ и веселъ, его считаютъ человѣкомъ необыкновеннаго ума, и пока капризная рука моды не свергнетъ его съ пьедестала свѣтскаго героя, онъ властвуетъ въ обществѣ, самодовольно наслаждаясь своими успѣхами.

Молодой Выдровъ пользовался подобною извѣстностью въ свѣтѣ, когда Вѣра появилась въ обществѣ. Сначала она не обратила на него особеннаго вниманія, и этимъ самымъ раздосадовала и кольнула его самолюбіе. Онъ записался въ число ея поклонниковъ. Юлія ежедневно говорила Вѣрѣ о немъ, поздравляла ее съ блестящею побѣдой. «Еслибъ ты знала, какъ тебѣ завидуютъ, говорила она ей часто. Досихъ поръ никто еще не могъ побѣдить сердце этого всеобщаго побѣдителя! а ты, ты дѣлаешь изъ него, что хочешь: онъ твой рабъ; онъ сходитъ съ ума отъ любви къ тебѣ; ты одна приковываешь къ себѣ его вниманіе. Онъ никого не видитъ, не знаетъ и не любитъ, кромѣ тебя.»

Любовь этого льва льстила самолюбію Вѣры. Онъ сталъ ѣздить къ Вельскимъ и успѣлъ понравиться молодой женщинѣ.

— Юлія! ты напрасно думаешь, что я занимаюсь Выдровымъ, казала однажды краснѣя Вельская, оставшись наединѣ съ Варовой, которая завела по обыкновенію о немъ разговоръ. Юлія засмѣялась.

— Право? спросила она ласково Вѣру, грозя ей пальцемъ, я увѣряю тебя, что ты просто влюблена въ него!

— Что за фантазія! я люблю моего мужа.

Смѣхъ Юліи усилился. Нахотавшись до слезъ, полно, Вѣра, сказала она, ты слишкомъ умна, чтобъ брать на себя роль влюбленной жены. Зачѣмъ скрывать истину? Выдровъ тебѣ нравится, ты влюблена въ него, нѣтъ, ты *любишь* его, это гораздо важнѣе, и ты въ правѣ гордиться этимъ чувствомъ.

Вѣра было чрезвычайно пріятно считать себя необыкновенною женщиной, героиней романа, сознавать въ себѣ сильное, смѣлое чувство, какъ выражалась Юлія, и она была вполне убѣждена, что ни одна женщина въ мірѣ не умѣла еще такъ *страдать и любить*, какъ она.

Была ли Вѣра въ обществѣ, Выдровъ болталъ съ нею, иногда шептался; на балахъ онъ танцевалъ съ нею мазурку; въ театрѣ сидѣлъ въ ея ложѣ. Была ли Вѣра дома, нашъ левъ неотлучно находился при ней. Онъ безъ доклада входилъ въ ея кабинетъ.

— Вѣра, сказалъ однажды Юрій, если ты не заботишься о своей доброй славѣ, я, какъ мужъ, имѣю право дорожить ею и дать тебѣ добрый совѣтъ.

— Я знаю, о чемъ вы хотите говорить, отвѣчала Вѣра вспыльчиво, но позвольте вамъ замѣтить, во-первыхъ, что я презираю сплетни, а во-вторыхъ, что дружба моя съ Выдровымъ такъ чиста и благородна, что вы совершенно не впопадъ вздумали ревновать.

— Ты меня не знаешь еще, Вѣра, отвѣчалъ ей Юрій, слегка блѣднѣя и подымая голову съ неумовимымъ движеніемъ гордости: я слишкомъ самолюбивъ, чтобъ ревновать. Не такъ легко возбудить мою ревность; но если душой моей завладѣетъ это чувство. между нами все будетъ кончено, я разстанусь съ тобою навсегда.

— Ха, ха, ха! Юрій, какъ ты забавенъ! разстаться навсегда изъ-за какой нибудь глупой фантазіи.

— Я не ревную напрасно, замѣтилъ Юрій серьезно, не смѣйся, Вѣра! ты меня не знаешь, предупреждаю тебя: когда ты лишишься моей довѣренности и моего уваженія, мы разстанемся съ тобою на вѣкъ.

— Да, мужъ твой просто глупъ, замѣтила Юлія хладнокровно, когда Вѣра пересказала ей слова Вельскаго. Онъ считаетъ тебя дурочкой и вздумалъ стращать.

— Но я, слава Богу, не такъ глупа и смѣюсь надъ его угрозами, отвѣчала Вѣра тономъ уколотаго самолюбія.

— Можешь ли ты сравнивать Юрія съ Выдровымъ, спросила Юлія!

Вѣра вздохнула. Въ эту минуту она убѣдилась, что ей назначено судьбой *страдать, какъ страдаютъ всѣ необыкновенныя души*.

Вѣра избѣгала встрѣчъ съ Наташею. Ихъ образъ мыслей, ихъ понятія были такъ противоположны, что каждый разговоръ кончал-

ся, хотя не ссорой, но горячимъ споромъ. Наташа, не смотря на свою молодость, имѣла твердый характеръ и самостоятельный умъ. Слова Вѣры и Юліи, сужденія, которыя она часто слышала въ обществѣ, не поколебали ея убѣжденій. Моральное одиночество, пассивная роль въ обществѣ развили въ ней наблюдательность. Она присматривалась къ людямъ и привыкла строго обсуживать все свои впечатлѣнія. Сверхъ того, въ сердцѣ Наташи была горячая любовь къ добру, и это чувство охраняло ея молодую душу. Ничто не можетъ быть прилипчивѣе, какъ образъ мыслей окружающихъ насъ людей. Какъ бы онъ ни оттаивалъ насъ сначала, иногда мы привыкаемъ къ нему со временемъ, миримся съ нимъ, и наконецъ начинаемъ уступать одно за другимъ, свои убѣжденія; чтобъ избѣгнуть этого, чтобъ сохранить свою самостоятельность, нужно много твердости, а Наташа была тверда.

Вѣра съ каждымъ днемъ удалялась все больше и больше отъ сироты. Наташа не переставала любить Вѣру, и не смотря на холодность молодой женщины, старалась поколебать власть Юліи и возбудить прежнюю дружбу Вельской. Часто со слезами на глазахъ, съ пламеннымъ краснорѣчіемъ горячихъ убѣжденій старалась она опровергать софизмы Вѣры и внушить ей уваженіе къ долгу. Вѣра смѣялась и называла ее ребенкомъ, неимѣющимъ понятія о жизни; иногда однако слова Наташи заставляли ее задумываться и трогали ее, но пріѣзжала Юлія, и Вѣра опять передавалась на ея сторону.

— Знаете ли, М-г Выдровъ, кто вредитъ вамъ во мнѣніи Вѣры? говорила Юлія молодому, лъву вы никогда не отгадаете? Наташа! эта пустая дѣвченка вздумала удалять отъ васъ Вѣру.

Левъ улыбнулся съ презрѣніемъ. Наташа показала ему ничтожнымъ врагомъ, но онъ все-таки рѣшился отомстить ей, и выбралъ самое легкое и пріятное мщеніе: вскружить голову молодой дѣвушкѣ и бросить ее, мщеніе однако не удалось. Наташа очень хладнокровно приняла его ухаживанье и любезности, не смотря на это, вниманіе льва къ Наташѣ возбудило ревность Вѣры. Она возненавидѣла сиротку. Ненависть эта имѣла еще другую причину: Вѣра не любила Юрія, но ей было досадно, что Наташа стояла выше ея во мнѣніи Вельскаго. Ей казалось, что они въ заговорѣ противъ нея, что Наташа потакаетъ во всемъ Юрію и возстановляетъ его противъ жены. Грустные дни настали для сиротки! Тяжело было ей присутствовать при непрерывныхъ непріятностяхъ и неудовольствіяхъ домашней жизни Вельскихъ, переносить холод-

ность и пренебреженіе Вѣры, которую она еще такъ горячо любила, и которая преслѣдовала ее колкостями и неумѣстными подозрѣніями; но чѣмъ больше она страдала, тѣмъ быстрѣе развивались ея душевныя силы. Характеръ ея выработывался и совершенствовался; взглядъ на жизнь становился серьезнѣе и яснѣе. Имѣя предъ собою примѣръ Вѣры, Наташа убѣдилась сильнѣе въ необходимости твердыхъ правилъ, и она бодро и горячо стремилась къ духовному уясненію жизни, въ такіе годы, когда другія дѣвушки думаютъ только о нарядахъ, танцахъ, и мечтаютъ о любви послѣ каждаго бала.

4.

Однажды вечеромъ Наташа и Юрій сидѣли въ кабинетѣ Вѣры. Наташа работала. На лицѣ ея были замѣтны слѣды недавнихъ слезъ. Юрій курилъ сигару и казалось былъ погруженъ въ грустныя размышленія. Напрасно старалась Наташа развеселить его, болтала, шутила, рассказывала анекдоты, лицо Юрія не прояснялось. Голосъ Вѣры раздавался въ сосѣдней комнатѣ. Она спорила о чемъ-то съ портнихой. Черезъ нѣсколько минутъ Вѣра вошла въ кабинетъ въ черномъ, атласномъ домино, богато убранномъ кружевами. Не замѣчая Юрія, она стала передъ зеркаломъ и спросила у Наташи не находитъ ли она также, что домино слишкомъ длинно.

— Такъ ты собираешься завтра въ маскарадъ? спросилъ Юрій.

Вѣра немного смутилась, услышавъ его голосъ, но оправившись въ ту же минуту, отвѣчала спокойно, что онъ угадалъ, что она намѣрена ѣхать въ маскарадъ.

— И вѣроятно съ Варовой? спросилъ опять Юрій.

Вѣра сдвинула брови.—Помилуйте! что за допросы? Я ѣду съ кѣмъ хочу и куда хочу.

— А, вотъ какъ! сказалъ Юрій, блѣднѣя, но удерживая свое негодование.

— Не хотите ли вы мнѣ запретить и это удовольствіе?

— Я никогда не запрещаю вамъ никакого удовольствія, но вы знаете: я не люблю, чтобъ вы ѣздили въ маскарадъ съ г-жею Варовой.

— Конечно! вы не любите того, что меня веселитъ, и ненавидите друзей моихъ; но я не могу и не намѣрена покориться вашимъ капризамъ.

— Вѣра, сказалъ Юрій, я вижу съ кѣмъ ты провела сегодня

утро; но послушай: я не хочу, чтобъ ты ѣхала въ маскарадъ съ m-me Варовой, и прошу тебя серьезно оставить этотъ планъ.

Вѣра вспыхнула. Глаза ея засверкали, щеки покрылись густымъ румянцемъ.

— А! если такъ, то позвольте мнѣ вамъ сказать, что я непременно поѣду и поѣду съ Юліей.

— Вы не поѣдете, сказалъ Вельскій строго и рѣшительно, если хотите остаться со мною подъ одной крышей. Я запрещаю вамъ ѣхать.

Наташа хотѣла уйти изъ комнаты, но Вѣра подбѣжала къ ней, взяла ее за руку и подошла съ нею къ мужу.

Въ эту минуту никто не узналъ бы Вѣры. Она совершенно вышла изъ себя. Губы ея дрожали, въ глазахъ выражалась ненависть.

— Я тоже угадываю, Юрій Николаевичъ, сказала она почти задышающимъ голосомъ, съ кѣмъ вы провели сегоднешній вечеръ, и глаза ея устремились на Наташу. Вы думаете, я ничего не вижу, ничего не понимаю, ошибаетесь! Я знаю давно *кто* васъ вооружаетъ противъ меня и противъ моего друга, *кто* разстроилъ наше семейное счастье, *кто* старается всѣми средствами унижить меня въ вашихъ глазахъ, кто выставляетъ себя совершенствомъ добродѣтели... Я давно знаю, кого вы любите, кого..

— Молчи! сказалъ Юрій, съ негодованіемъ, прерывая Вѣру и выходя наконецъ изъ терпѣнія. Я не позволю тебѣ чернить тѣхъ, кого ты должна уважать. Ты сама не знаешь, что говоришь.

Вѣра расхохоталась и посмотрѣла на Наташу.

Сиротка стояла передъ нею гордо и спокойно. Блѣдныя щеки ея вдругъ покрылись румянцемъ, но глаза были сухи; въ нихъ выражалось не страданіе, не гнѣвъ, но презрѣніе.

— Вы думаете, продолжала Вѣра, смѣясь, что я не замѣтила вашей дружбы, вашего предпочтенія къ Наташѣ; вы думаете, я вѣрю ея высокимъ добродѣтелямъ, не понимаю ея лицемѣрія, ея фальшивости? О, не бойтесь, я не такъ глупа! Я долго терпѣла, все молчала; но повѣрьте, я знаю, кому обязана своимъ несчастіемъ!

— Вѣра! сказалъ Юрій, взявъ ее за руку. Я тебѣ говорю, чтобъ ты молчала; ты сошла съ ума!

— А я говорю вамъ, Юрій Николаевичъ, что или я, или Наташа должны выйти изъ вашего дома.

Наташа подошла къ Вѣрѣ.

— Да простить вамъ Богъ, сказала она ей твердымъ голосомъ и глядя ей прямо и спокойно въ глаза. Да простить вамъ Богъ вашъ тяжкій грѣхъ! Присутствіе мое не будетъ вамъ въ тягость. Я съ каждымъ днемъ ожидаю пріѣзда моего опекуна.—

Наташа вышла изъ комнаты. Между мужемъ и женой произошла ужасная сцена. Чѣмъ больше Юрій хотѣлъ доказать ей всю низость ея поступка, тѣмъ болѣе Вѣра выходила изъ себя и убѣждалась въ истинѣ словъ Варовой, которая успѣла очернить Наташу въ ея глазахъ.

Наташа съ трудомъ дошла до своей комнаты. Твердость ее покинула; ноги ея дрожали, грудь стѣнялась глухимъ рыданіемъ. Вѣра! Вѣра! твердила она почти въ безпамятствѣ, голосомъ, раздирающимъ сердце. Не успѣла она переступить порога своей комнаты, какъ упала безъ чувствъ на полъ.

Въ этотъ вечеръ Юлія получила отъ Вѣры слѣдующую записку: «Мужъ запрещаетъ мнѣ ѣхать завтра въ маскарадъ. Я проведу день у Наденьки; въ 12-мъ часу пришли туда свою карету. Я заѣду къ тебѣ переодѣться, и мы отправимся на полчаса въ маскарадъ. Надѣюсь, что ты не назовешь меня послѣ этого безхарактерной. Съ Наташей мы разстались. Ея опекунъ пріѣдетъ за нею на дняхъ. Пора положить конецъ этой нелѣпой исторіи. Мнѣ надобно быть игрушкой хитрой дѣвченки. Мужъ за нее ужасно заступается. Онъ даже не скрываетъ теперь любви своей. Вообрази! Юрій получилъ на дняхъ безыменное письмо, въ которомъ его предостерегаютъ противъ Выдрова. Онъ мнѣ показалъ эту записку. Я тотчасъ же узнала почеркъ Наташи, хотя она очень искусно его передѣлала. Завтра я сообщу тебѣ еще множество подробностей. Ты видишь, Юлія, что доброта моя не доходитъ до глупости, что я умѣла сохранить свое достоинство и не потерплю, чтобъ противъ меня интриговали въ собственномъ моемъ домѣ.»

Глаза Юліи заблестали отъ радости при чтеніи этой записки. Вотъ что я сдѣлала изъ этой дуручки, подумала она, улыбаясь. Я скоро достигну своей цѣли. Юрій будетъ презирать жену. Александръ узнаетъ о жестокомъ поступкѣ Вѣры съ Наташей; это удалить его совершенно отъ Вельской. Послѣдствія завтрашняго маскарада будутъ самыя грустныя для Вѣры, для этой ненавистной женщины, которую Александръ любитъ такъ глубоко, такъ упрямо! Мою безыменную записку предписываютъ Наташѣ, тѣмъ лучше! Эту дѣвочку мнѣ необходимо удалить изъ дома Вельскихъ, чтобъ утвердить власть мою надъ Вѣрой. Она мнѣ мѣшаетъ.—Але-

Александръ вошелъ въ комнату, Юлія спрятала поспѣшно записку Вельской.

— Вообрази, Александръ! я слышала, что сегодня произошла какая-то прескверная исторія у Вельскихъ. Не знаю, что у нихъ тамъ было, но одна знакомая моя заѣзжала сегодня къ нимъ и нашла Наташу заплаканною. Вѣра выгоняетъ ее изъ дома.

— Это ложь! сказала Александръ, краснѣя. Скажите вашей знакомой, что она солгала. Вѣра не въ состояніи выгнать изъ дома бѣдную сироту, которую приняла подъ свое покровительство.

— Однакоже, отвѣчала Юлія съ злобнымъ хладнокровіемъ, однако же она это сдѣлала. Ее ослѣпила ревность, или Богъ знаетъ какое предубѣжденіе. Какъ бы то ни было, но Наташа оставляетъ на дняхъ ихъ домъ. Юрій страшно заступается за Наташу и понятно: онъ влюбленъ въ нее.

— Все это ложь! гнуснѣйшая выдумка! сказалъ Александръ съ негодованіемъ. Я знаю Вельскаго, знаю Наташу, знаю Вѣру!

— Дай Богъ, чтобъ ты былъ правъ, мой другъ! но я не понимаю, зачѣмъ ты такъ выходишь изъ себя!

— Потому что я люблю и уважаю всѣхъ тѣхъ, на кого выдумали эту глупую сплетню.

— Ты забываешь свою роль, замѣтила Юлія спокойно и ласково, грозя ему пальцемъ. Предо мною теперь не хладнокровный и равнодушный Александръ, а прежній пламенный и восторженный мальчикъ!

— Такъ по вашему, кухня, благоразумный человѣкъ не можетъ увлекаться негодованіемъ?

— Благоразумный человѣкъ ничѣмъ не увлекается. Благоразумный человѣкъ знаетъ людей, и потому ничто не можетъ удивить его съ ихъ стороны. Люди способны на все. Нѣтъ низости, предъ которою бы они остановились. Что казалось намъ въ дѣтствѣ гнуснымъ, покажется въ послѣдствіи самой естественной вещью.

— Грустная философія! сказалъ Александръ съ горькой улыбкою.

— Ты еще ребенокъ, Александръ, продолжала Юлія: въ тебѣ до-сихъ-поръ много наивности, много юношеской душевной чистоты. Въ жизни это большіе недостатки, мой милый. Впрочемъ, ты молодъ. Погоди—узнаешь свѣтъ, узнаешь людей, и тогда ты перестанешь удивляться тому, что Вѣра выгнала изъ дому беззащитную сироту, которая, разумѣется, не виновата въ томъ, что Юрій влюбленъ въ нее!

— Нѣтъ, я этому не вѣрю! это не можетъ быть! Вѣра добра, она не способна поступать не деликатно съ кѣмъ бы то ни было.

— Юлія посмотрѣла на Александра съ грустною улыбкой, какъ будто сожалѣя о его ослѣпленіи.

Александръ далъ себѣ слово на другой же день побывать у Наташи, и надѣялся, что вся эта исторія окажется пустою сплетней. Онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ за фортепьяно. Въ кабинетъ Варовой собралось нѣсколько знакомыхъ. Юлія разсказала по секрету одной записной сплетницѣ, что у Вельскихъ произошла прескандалезная исторія, что Юрій отказалъ отъ дому Выдрову, что Вѣра, желая отмстить ему, выгнала изъ дому Наташу. Сплетня эта съ ужасными преувеличеніями разошлась по всему городу, а на другой день объ ней уже толковали въ гостиныхъ. Добрая слава Вѣры и Наташи пострадала отъ этихъ слуховъ.

Бѣдный ребенокъ! бѣдная Наташа! не успѣла она еще вступить въ жизнь, которую любила съ дѣтскою горячностью, не успѣла еще осмотрѣться въ ней, какъ ее уже встрѣтила злоба и ненависть, и она почувствовала ихъ ядовитое дыханіе на дѣвственномъ и чистомъ челѣ своемъ. Имя ея было замарано. Чувства, ея горячія чувства были уязвлены; привязанность ея оттолкнули съ жестокостью; сиротство не защитило ее!

Тяжкую ночь провела Наташа въ своей комнатѣ послѣ оскорбительной сцены съ Вѣрой. Она не ложилась. Заснуть ей было невозможно. Негодование и скорбь наполняли ея молодую душу. Если Степанъ Петровичъ не пріѣдетъ завтра, я убѣгу куда бы то ни было изъ этого дома! говорила она почти съ изступленіемъ, вспоминая низкія обвиненія Вѣры. Нѣтъ, онъ пріѣдетъ, онъ добръ, онъ не оставитъ меня!—Она почувствовала нестерпимую боль въ головѣ и легла на диванъ.

Все утро провела она въ своей комнатѣ. Физическія страданія ея увеличились. Съ нею сдѣлалась лихорадка.—Александръ, не найдя возможности освободиться утромъ отъ занятій, пріѣхалъ послѣ обѣда къ Вельскимъ. Вѣры не было дома; онъ велѣлъ доложить о себѣ Наташѣ, и его провели въ ея комнату. Наташа сидѣла на диванѣ, съ трудомъ поддерживая голову. При видѣ Александра, она встала и протянула ему руку.

— Такъ вы вспомнили обо мнѣ!.. такъ вы не вѣрите ихъ клеветамъ! сказала она, крѣпко сжимая его руки. Рыданія заглушили ея голосъ. Александръ поцѣловалъ ея руку, посадилъ ея

на диванъ, умоляялъ успокоиться. «Не могу ли я вамъ быть полезнымъ, Наталья Михайловна? будьте увѣрены въ моей преданности. Вы имѣете во мнѣ искренняго друга. Располагайте мною. Боже мой! какъ вы разстроены. Надо послать за докторомъ.»

— Не надо! не надо! сказала живо Наташа, удерживая Александра. Докторъ велитъ мнѣ лечь въ постель, а мнѣ необходимо оставить этотъ домъ.

— Помилуйте! возможно ли это? Вы больны! вы должны лечь!

— Нѣтъ, нѣтъ! я убѣгу отсюда. Боже мой! я ежечасно, ежеминутно ожидаю Степана Петровича!

— Я получилъ недавно письмо изъ дому, мнѣ писали, что Степанъ Петровичъ не совсѣмъ здоровъ и вѣрно отложить свою поѣздку!

Наташа чуть не вскрикнула отъ испуга, услыша эту новость. Она вскочила. Рыданіе заглушило ея голосъ. Возможно ли! возможно ли! говорила она съ отчаяніемъ. Онъ не пріѣдетъ? такъ я здѣсь *одна*, одна, совершенно одна! Боже мой! куда же я дѣнусь?

— Успокойтесь, другъ мой, говорилъ ей Александръ съ участіемъ, почти съ нѣжностью. Степанъ Петровичъ вѣроятно скоро оправится и пріѣдетъ сюда.

— А пока—куда дѣнусь я?

— Но развѣ... развѣ вы не можете остаться здѣсь.

— Здѣсь? спросила Наташа, вставая съ дивана и смотря на Александра съ гордостью и достоинствомъ. Остаться здѣсь, въ этомъ домѣ, гдѣ меня оскорбили, гдѣ меня оклеветали, изъ котораго меня выгнали! Здѣсь? да я не могу дышать въ этихъ комнатахъ, Александръ, здѣсь воздухъ зараженъ клеветой и ненавистью! Боже мой, Боже мой! куда мнѣ дѣваться!

Александръ стоялъ передъ Наташей съ потупленными глазами. Ея страданіе терзало его душу.

— Александръ! сказала Наташа слабымъ голосомъ, устремивъ на него съ мольбою прекрасные глаза свои, полные слезъ: Не оставьте меня, сжальтесь надо мною! приищите мнѣ уголокъ, гдѣ бы я могла преклонить голову до пріѣзда Степана Петровича! Умоляю васъ, наймите мнѣ каморку, чердачекъ, мнѣ ничего не надо кромѣ уголка, гдѣ бы я могла умереть спокойно. Другъ мой, я васъ умоляю! не откажите мнѣ въ моей просьбѣ! Въдъ я здѣсь одна, безъ защиты, безъ пріюта, безъ друга—и давъ волю слезамъ своимъ: въдъ я сирота, Александръ! сказала она голосомъ, разди-

рающимъ душу. Знаете вы, что значить быть сиротой, жить въ чужомъ домѣ? Это значить переносить капризы, холодность, униженія, молча, безропотно, безъ свидѣтелей!.. О я давно страдала, и никто не слыхалъ отъ меня слова жалобы! я терпѣла, я все терпѣла изъ любви, изъ благодарности; но вчера, вчера—Боже мой!.. Я не могу здѣсь остаться—Рыданіе заглушило ея голосъ. Голова ея тяжело опустилась на подушку. Въ эту минуту пришли спросить можетъ ли Юрій войти въ комнату.

— Нѣтъ! я не въ состояніи никого видѣть, сказала Наташа, едва слышнымъ голосомъ. Прощайте, Александръ! оставьте меня, не забывайте моей просьбы.

— Я употреблю всѣ старанія, чтобъ пріискать вамъ приличный пріютъ, отвѣчалъ Александръ взволнованнымъ голосомъ, цѣлуя ея руку и выходя изъ комнаты.

Вечеромъ онъ поѣхалъ къ одной почтенной старушкѣ, известной своею благотворительностью, и просилъ ее принять къ себѣ въ домъ Наташу до пріѣзда ея опекуна. Почтенная старушка засмѣялась. «За кого вы меня принимаете? сказала она Александру, развѣ вы не знаете, *кого* вы мнѣ рекомендуете? Отвѣчаю вамъ, что ни въ одномъ порядочномъ домѣ не примутъ вашу интересную protégée.

Душу Александра обдало холодомъ. Онъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу, не отвѣчалъ ей ни слова и улыбался съ презрѣніемъ. Да! подумалъ онъ, ты права, бѣдное дитя, ты здѣсь *одна!* въ свѣтъ никто не приметъ въ тебѣ участія и не защититъ тебя!

Возвратясь домой, Александръ нашелъ на столѣ записку. Узнавъ почеркъ, онъ бросился на нее съ восторгомъ.

— Наташа спасена, сказалъ онъ радостно, и съ души его скатилось какъ будто тяжелое бремя. Онъ вздохнулъ свободнѣе и распечаталъ записку.

4.

Наташа провела весь день въ безпамятствѣ. Юрій, увѣдомленный о ея состояніи, послалъ за докторомъ. Вѣра, возвращаясь домой послѣ утреннихъ визитовъ, встрѣтила Юрія, сходящаго съ лѣстницы верхняго этажа, съ докторомъ. Вообразивъ, что онъ выходитъ изъ комнаты Наташи, она улыбнулась такъ насмѣшливо, съ такимъ презрѣніемъ, что Юрій не вынесъ этого новаго оскорбленія, и подойдя къ ней, спросилъ серьезно и строго, что мог-

ло ее насмѣшить. Вѣра посмотрѣла на него, расхохоталась, и, не отвѣчая ни слова, вошла въ комнаты.

Вечеромъ Наташа пришла въ память. Она приподняла голову, посмотрѣла вокругъ себя. Въ первую минуту она ничего не понимала, но скоро сознание и память возвратились къ ней. На лбу ея выступилъ холодный потъ. Невыносимая, страшная тоска наполняла ея душу. Въ комнатѣ было темно. Она была одна. Слышенъ былъ однообразный стукъ маятника и ея собственное тяжелое дыханіе. Страшная боль сжимала ея сердце. «Я умру! подумала Наташа, и слезы потекли градомъ изъ глазъ ея: умру здѣсь одна, безъ друга, забытая, заброшенная; умру сиротой, какъ жила! Имя мое останется запятнанное клеветою. Зачѣмъ и жить? да! Но страшно умереть *одной!*» Изнеможенная опустила она снова голову на подушку.

Ночью проснулась она внезапно отъ ужаснаго шума, который раздавался въ нижнемъ этажѣ, подъ ея комнатою. Тамъ былъ кабинетъ Вѣры. Наташа вскочила въ испугъ съ постели. Внизу слышались крики, рыданіе, бѣготня.

— Боже мой! что тамъ случилось съ Вѣрой, спросила она взволнованнымъ голосомъ. Первая мысль ея была о молодой Вельской. Вѣра, Вѣра! я еще не отвыкла любить тебя! подумала она съ невыразимою грустью. Ради Бога, Дуняша, узнай, что случилось! не больна ли Вѣра Сергѣевна?—Сердце Наташи замирало отъ страха, пока не возвратилась Дуняша.

— Ничего не могла узнать! сказала горничная. Барыня пріѣхала домой въ маскарадномъ костюмѣ; баринъ пріѣхалъ вслѣдъ за нею. Они заперли дверь, никто не смѣетъ войти, а съ барынею, кажется, сдѣлалось дурно. Они такъ кричатъ и плачутъ, что страшно слушать. Господи! что это у насъ въ домѣ дѣлается, барышня! Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра Сергѣевна стала ѣздить къ Юліи Павловнѣ, все пошло верхъ дномъ!

— О, я не даромъ боялась этой женщины, подумала Наташа; она погубила насъ обѣихъ!

Понемногу однако шумъ началъ утихать. Наташа надѣялась, что дѣло обошлось одною ссорой.

5.

Вотъ что случилось въ этотъ вечеръ съ Вѣрой и Юріемъ. Они были приглашены къ обѣду къ Наденькѣ Р. Послѣ обѣда

Юрій отправился домой, а Вѣра сказала, что проведетъ у Наденьки весь вечеръ. Въ 12-мъ часу карета Юліи стояла у подъезда. Вѣра, распростившись съ хозяевами, отправилась къ Варовой. Здѣсь она переодѣлась на-скоро и поѣхали объ въ маскарадъ. Въ 12-мъ часу незнакомый лакей принесъ слѣдующую записку въ домъ Вельскихъ, адресованную на имя Юрія:

«Сегодня въ 12 часовъ, ваша жена назначила свиданіе Выдрову, въ маскарадъ, около такой-то колонны. Вамъ совѣтують надѣть домино и явиться туда.»

Записка эта, разумѣется, была написана Юліей. Въ 12 часовъ Выдровъ стоялъ у означенной колонны. Юлія шла подъ руку съ Вѣрой, Вѣра смѣялась, шутила и съ безпокойствомъ искала глазами своего героя.

— Кого я вижу! сказала она съ притворнымъ удивленіемъ, указывая Юліи лорнетомъ на нашего льва. Пойдемъ поболтать съ нимъ. Онѣ подошли. Только что разговоръ завязался между Вѣрой и Выдровымъ, Юлія отошла въ сторону, какъ будто съ цѣлью интриговать знакомаго. Въ это время Вельскій вошелъ въ залу. На немъ небыло домино. Онъ не хотѣлъ унизиться до роли шпиона и скрыватьсь подъ маской. Спокойно вошелъ онъ въ залу и отыскалъ означенную колонну. Выдровъ говорилъ съ Вѣрой съ одушевленіемъ и держалъ ея руку. Вѣра смѣялась и шутила; Юрій подошелъ ближе. До него долетѣло нѣсколько словъ. То были страстные и восторженныя слова любви. Юрій подошелъ къ Выдрову поздоровался съ нимъ весело, не обращая вниманія на Вѣру, которая такъ мало ожидала встрѣтить его здѣсь, что испугалась, задрожала и уронила букетъ. Юрій нагнулся, поднялъ букетъ, подалъ его Вѣрѣ улыбаясь и отошелъ.

— Неужели онъ не узналъ меня? подумала Вѣра со страхомъ. Она тотчасъ же простилась съ Выдровымъ, который самъ былъ очень встревоженъ.

— Моя маска обворожительна! но чертъ меня побери, если я чувствую малѣйшее желаніе стрѣляться съ ея мужемъ, думалъ онъ съ досадой. Вѣра отыскала Юлію и поѣхала домой. Хотя Варова надѣялась на болѣе эффектную сцену, рассчитывала на публичный скандалъ, она утѣшила себя мыслью, что Вѣра все таки была узнана мужемъ, что Юрій не оставитъ безъ наказанія поступокъ жены, и что исторія эта, съ большими преувеличеніями, распространится по всему городу.

Возвратясь домой, Юрій вошелъ въ кабинетъ жены. Вѣра

стояла посреди комнаты, напрасно стараясь успокоиться. При видѣ строгаго и холоднаго взора мужа, Вѣра поняла, что онъ видѣлъ ее въ маскарадѣ. Она невольно вздрогнула.

— Юрій! сказала она, бросаясь къ нему навстрѣчу, я виновата. Не смотря на твое запрещеніе, я была въ маскарадѣ съ Варовой.

— И имѣла свиданіе съ извѣстнымъ свѣтскимъ негодяемъ, въ котораго влюблена?.. Да говорите же, прошу васъ, сказалъ Юрій спокойно.

— Нѣтъ, клянусь тебѣ, я не назначала ему свиданія, сказала Вѣра, испуганная строгимъ тономъ мужа.

— Не клянитесь, сударыня! вы-этимъ думаете спасти его жизнь. Какая великодушная заботливость! Но успокойтесь, я не намѣренъ вызывать нашего героя на дуэль, во-первыхъ потому, что онъ отказался бы стрѣляться, во-вторыхъ потому, что я и самъ не охотникъ до громкихъ скандаловъ. Выслушай меня, Вѣра: я пришелъ сюда не для увѣщаній, не для просьбъ; не буду говорить тебѣ ни о любви, ни о счастіи. Они уже не существуютъ для меня. Между нами не можетъ быть ни довѣрчивости, ни уваженія; мы должны забыть наше прошедшее,—забыть потому, что тебѣ оно кажется смѣшнымъ, а мнѣ больно вспоминать о немъ. Я пришелъ сюда только съ цѣлью предложить тебѣ нѣкоторыя условія, и ты вполне свободна принять или отвергнуть ихъ. Я даю тебѣ два мѣсяца на размышленіе.

— Условія? какія условія? спросила Вѣра, все еще испуганная.

— Я не требую отъ тебя любви, не ожидаю счастія, но хладнокровно и твердо рѣшился защищать свое имя и свою честь. Я требую, чтобъ ты прекратила всякое сношеніе и знакомство съ Юліей и съ Выдровымъ, чтобъ ты жила и поступала не по своимъ новымъ, а по *моимъ* правиламъ; если ты на это не согласна, если тебѣ трудно исполнить эти условія, мы разстанемся черезъ два мѣсяца. Здоровье твое требуетъ теплаго климата. Ты отправишься въ чужіе края. Служба и дѣла не позволяютъ мнѣ оставить Петербурга. Ты ни въ чемъ не будешь нуждаться. Денегъ у меня довольно, и онѣ мнѣ теперь не нужны. Я скорѣе соглашусь лишиться себя послѣдняго куска хлѣба, чѣмъ.. чѣмъ жить подъ одной кровлей съ женщиной, которую я любилъ и которую пересталъ уважать.

— Но Юрій, но... я не виновата..!

— Конечно, отвѣчалъ Юрій съ горькою улыбкой, вы не виноваты! Честь, спокойствіе, счастье мужа—все это ничтожный вздоръ, о которомъ не стоитъ заботиться!

— Юрій! Юрій! выслушай меня, я не назначала свиданія Вьдрову; притомъ же разговоръ нашъ былъ самый обыкновенный, говорила Вѣра, запинаясь и со слезами бросаясь на шею мужа. Юрій! я знаю что заслужила твое неудовольствіе, но я тебя люблю. Юрій, другъ мой, прости меня! говорила она, рыдая и обнимая мужа. Вельскій смотрѣлъ на нее холодно. Ея отчаяніе не смягчало его строгости. Вѣра, рыдая и укоряя мужа въ жестокости, упала на диванъ.

Юрій подошелъ къ ней. Лицо его было блѣдно, губы дрожали.

— Вѣра, сказалъ онъ тихо, напрасно стараешься ты скрывать свое волненіе: Богъ видитъ, что я терпѣлъ долго, и любилъ тебя глубоко! такъ любилъ, что готовъ былъ отдать за тебя жизнь, такъ любилъ, какъ никого не любилъ еще на свѣтѣ! но ты лишилась моего уваженія: ты имъ не дорожила, ты не дорожила моею любовью и моею честью; ты свела дружбу съ женщиной, которую я презираю; она возстановила тебя противъ меня и развратила твой умъ. Вчера ты жестоко и несправедливо оскорбила бѣдное и благородное дитя и выгнала изъ дому сироту, взвела на меня нелѣпыя обвиненія, и наконецъ—прибавилъ онъ блѣднѣя,—ты назначаешь свиданія въ маскарадѣ, не смотря на всѣ мои увѣщанія и совѣты. Я давно замѣтилъ тебя, какъ непріятны мнѣ твои отношенія съ этимъ человѣкомъ. Я презираю ложь и обманъ: женщина, которая скрываетъ отъ мужа поступки свои, не заслуживаетъ, по-моему, его уваженія! — Вельскій вышелъ изъ комнаты, не поднимая глазъ на жену.

— Юрій! Юрій! я не виновата! Юрій, я люблю тебя, говорила Вѣра со слезами, но онъ уже ее не слышалъ и заперся въ своемъ кабинетѣ.

6.

И такъ Юлія достигла своей цѣли. Наташа была оскорблена и выгнана изъ дому своихъ покровителей.

Вѣра была несчастна; добрая слава ея страдала, семейное счастье разрушено; уваженіе мужа уничтожено.

Я погубила ее, думала Юлія съ злобнымъ восхищеніемъ, воз-

вращаясь домой изъ маскарада. Ненависть ея была удовлетворена. Она отомстила и торжествовала. Отчего же сердце ея сжалось внезапно съ ужасною болью, когда она вошла въ свою комнату и осталась одна? Неужели въ ней проснулась *совѣсть*? Но вѣдь Юлія презирала и смѣялась надъ этой наивной выдумкой, какъ она называла совѣсть. Вѣдь она не вѣрила въ наказаніе, которое влечетъ за собою преступленіе? Все это называла она дѣтскими вымыслами. Что же такое чувствовала она въ эту минуту? какъ назвать это невольное, тяжелое чувство страха, смущенія, грусти, которое внезапно проснулось въ душѣ ея?..

Юлія позвонила и велѣла раздѣвать себя. Горничная, подавая ей туфли, донесла, между прочимъ, что маленькой барышнѣ стало хуже, и что докторъ до сихъ поръ сидитъ у ея постели. Юлія поблѣднѣла. Она встала и пошла въ дѣтскую. Грустное зрѣлище ожидало ее тамъ. Ребенокъ лежалъ въ постелькѣ, въ предсмертной агоніи. Варовъ сидѣлъ возлѣ умирающей, держалъ ея руку и смотрѣлъ съ невыразимою тоской на страданія дочери. Англичанка плакала, няня рыдала тихонько, стоя на колынахъ въ ногахъ Китти. Докторъ ходилъ задумчиво по комнатѣ. Только матери не было тутъ, при постелѣ умирающей... Войдя въ комнату, Юлія остолбѣла. Дрожь пробѣжала по ея членамъ. Ей стало страшно. Безмысленно устремила она глаза на умирающую малютку. «Смерть! смерть!» шептала она сквозь зубы, и ужасъ овладѣлъ душой ея. Наконецъ она подошла къ постели. Дитя мое! проговорила она съ воплемъ отчаянія и бросилась на колына. Она прильнула лицомъ къ лицу дочери, взяла ея руку... рука была холодна. Она припала къ головкѣ Китти съ жаркимъ поцѣлуемъ, но малютка не отвѣчала на ласку, не улыбалась уже матери, не просилась болѣе къ ней на руки!..

— Китти! говорила Юлія съ изступленіемъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: дитя мое! дитя мое! не умирай, мнѣ страшно! Почти въ безпамятствѣ цѣловала она ноги ребенка, прижимала ихъ къ груди своей.

— Не пугай ее, матушка! сказала няня, наклоняя голову къ уху Юліи.

— Не пугать! такъ она еще можетъ пугаться! такъ она жива, ее можно еще спасти? спросила Юлія, вставая и подходя къ доктору. Докторъ! спасите ее, спасите ее! она бросилась къ ногамъ доктора. Онъ покачалъ головой и вздохнулъ. Юлія поняла и лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя, въ комнатѣ царствовало страшное безмолвіе. Тяжелаго дыханія ребенка уже не было слышно. Всѣ стояли на колънахъ, вокругъ ея кровати. Докторъ держалъ руку Юліи и избѣгалъ ея взгляда. Юлія встала и шатаясь подошла къ постели дочери. Глаза Китти были уже закрыты, ручки сложены на груди. Юлія перекрестилась, и долго, долго всматривалась съ отчаяньемъ въ лицо малютки, какъ будто стараясь еще отыскать въ немъ слѣды жизни.

— Все кончено! сказала она наконецъ и рыдая бросилась на тѣло дочери.

Напрасно старались уговорить Юлію лечь въ постель; она провела всю ночь съ няней, возлѣ усопшей малютки. Къ утру няня заснула. Юлія подошла къ дочери и оглянулась: ей стало страшно; она боялась смерти... но всмотрѣвшись въ прекрасныя безжизненныя черты Китти, Юлія успокоилась. Нѣтъ! смерть не страшна, сказала она, наклоняясь къ трупу. Осторожно подняла она Китти съ постели, взяла ее на руки и прижала къ сердцу.

— Вѣдь я не любила тебя однако же до сихъ поръ, сказала она задумчиво, приблизивъ губы къ локонамъ дочери; отчего же не могу я теперь разстаться съ тобою, дитя мое? отчего же хочу я удержать тебя на груди моей?.. Китти!.. я мать! я люблю тебя! ты не видала ласкъ моихъ при жизни, ты напрасно обнимала меня, ожидая нѣжности; но теперь... О, я люблю тебя теперь, мое бѣдное дитя! и слезы Юліи обливали безжизненное, младенческое личико дочери, на которое безгрѣшность наложила свою чистую печать.

Она подняла ребенка къ небу. Губы ея дрожали. Боже! сказала она рыдая, возьми ее къ себѣ! Я не умѣла любить ее, я не была ей матерью!..

ГЛАВА IV.

1.

На слѣдующее утро Вѣра встала съ полнымъ убѣжденіемъ, что Юрій придетъ съ нею мириться. Она вспомнила его вчерашнія слова, его строгость, и стала размышлять о своемъ поступкѣ. Юлія успѣла до такой степени исказить душу и образъ мыслей

Вѣры, что Вельская не видѣла ничего предосудительнаго въ своемъ поведеніи.—Не понимаю, что было со мною вчера, думала она: я въ первую минуту до такой степени испугалась жестокаго обхожденія моего бездушнаго мужа, что мой поступокъ показался мнѣ непростительнымъ. Ха, ха, ха! это презабавно! Что же я сдѣлала? я поѣхала въ маскарадъ противъ воли мужа и прекрасно! Я не раба, чтобъ покоряться его капризамъ, его неумѣстной взыскательности. Я поѣхала въ маскарадъ съ Юліей, которую мужъ мой ненавидитъ; но это очень благородно съ моей стороны; я не пожертвовала дружбой изъ страха прогнѣвить моего мужа. Ненависть его къ Юліи верхъ несправедливости. Онъ не любитъ ее за то, что она не потакаетъ его капризамъ, не восхищается его предразсудками и обличила Наташу, лицемѣрку, эту интриганку, которая успѣла возстановить мужа противъ меня, унижить меня въ его глазахъ. Я убѣждена, что она настроила его вчера! Это все ея козни! Не даромъ Юлія предостерегала меня отъ всѣхъ женщинъ, которыхъ считаютъ добродѣтельными. Наконецъ, мужъ сердится на меня за нашъ невинный разговоръ съ Жоржемъ Выдровымъ, за то что Жоржъ признавался мнѣ въ любви! Ха, ха! вотъ глупость! Неужели кромѣ Юрія никто не смѣетъ любить меня? неужели онъ вмѣняетъ мнѣ въ преступленіе удовольствіе, съ которымъ я слушаю Жоржа? Это мнѣ нравится; да развѣ есть женщина на свѣтѣ, которая слушала бы безъ удовольствія объясненіе въ любви? Его невинная Наташа умѣла же завлечь его! и она этимъ недовольствуется: она еще интригуетъ противъ меня, а я, бѣдная, что сдѣлала я худаго? Кому вредитъ любовь Жоржа... и моя дружба къ нему? Еще бы я не радовалась такой побѣдѣ! во-первыхъ, мнѣ самой онъ очень нравится, и еслибъ я его и любила, страстно любила, тутъ нѣтъ еще ничего; во-вторыхъ, въ него влюблены безъ памяти двѣ-три мои знакомыя; его любовь льститъ моему самолюбію. Все это очень просто, очень невинно! Юрій съ своими понятіями о супружескомъ счастіи, просто смѣшонъ, даже глупъ! Юлія мнѣ это часто говорила. Онъ еще вздумалъ меня стращать разлукой! Вотъ нашелъ дурочку!.. Да если мы и развѣдемся, не велика бѣда! я избавлюсь несноснаго, капризнаго мужа, который ревнуетъ, не любя меня! я буду свободна, независима и счастлива; буду ѣздить, куда хочу и съ кѣмъ хочу; притомъ же не пройдетъ мѣсяца, и мужъ образумится и придетъ просить у меня прощенія; тогда роли переменяются... тогда я буду взыскательна, строга, а онъ раскается и

покорится! Признаюсь, я очень желаю вѣхать въ чужіе края. Всѣ знакомые были за границей! я не могла уговорить Юрія вѣхать туда; теперь онъ самъ меня посылаетъ, *c'est charmant!* Я тамъ повеселюсь, и Юрій накажетъ только себя—и подѣломъ! У этого челоуѣка нѣтъ ни души, ни чувства, ни нѣжности. Онъ строгъ, холоденъ, спѣсивъ. Сердце его каменное. Онъ требуетъ, чтобъ всѣ покорялись его желѣзной волѣ, но я вышла наконецъ изъ терпѣнія. Его вчерашняя выходка уничтожила во мнѣ всякое чувство къ нему. Я его не люблю. Мнѣ ужасно досадно, что вчера, въ первую минуту страха, я до такой степени обезумѣла, что унизилась до просьбъ, до ласкъ, до слезъ, до извиненій! Вотъ это непростительно! это моя единственная вина! Мнѣ досадно на себя: я забыла свое достоинство; но вчера... вчера, быть можетъ, я любила его! онъ этого не понялъ! Какъ я несчастна, я истинно невинная жертва, жертва своей любви, своей доброты; но теперь все кончено. Я не унижусь больше до просьбъ! какъ угодно Юрію! если онъ не придетъ просить у меня прощенія, я оставлю его; мнѣ надоѣло быть его рабой, его игрушкой!

Бѣдная Вѣра! она возмущалась противъ мнимаго тиранства мужа, и не понимала, что была рабой, игрушкой, бессмысленнымъ инструментомъ Варовой. Она не хотѣла покоряться власти мужа и покорилась вліянію женщины, которая въ блестящихъ парадоксахъ, прикрытыхъ ложною добротой, ласкою, шуткою, дала ей смертельный ядъ, медленный, скрытый, упоительный, но вѣрный и пагубный.

Однако Юрій не приходилъ. Это сердило Вѣру. По ея понятіямъ, она была въ правѣ требовать, чтобъ онъ просилъ у нея прощенія. Мысль итти къ нему, тронуть его своимъ раскаяніемъ, своею любовью, не приходила ей въ умъ. Она была такъ разсержена на Юрія, что всѣ чувства ея обратились въ ненависть. Ей хотѣлось выместить ее на комъ нибудь. Мужа не было дома. Она вспомнила о Наталѣ и пошла къ ней. Наташа лежала на диванѣ и спала. Страніе выражалось во всѣхъ ея чертахъ. Волосы ея падали въ беспорядкѣ на подушку. Сонъ ея былъ безпокоенъ, дыханіе не ровно. Возлѣ нея сидѣлъ Степанъ Петровичъ. Онъ глядѣлъ на молодую дѣвушку съ невыразимою заботливостью и глубокимъ состраданіемъ. Сердце его рвалось на части. Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ я тебя, мое бѣдное дитя! думалъ онъ съ грустью. За стуломъ Заливина стоялъ Александръ. Мы видѣли, какъ онъ былъ обрадованъ наканунѣ, найдя на столѣ своемъ записку. Эта

записка была отъ Степана Петровича, только что прїѣхавшаго въ Петербургъ. Александръ повѣхалъ къ нему и объяснилъ положеніе Наташи, разсказалъ поступокъ Вѣры и нелѣпыя слухи, распространившіеся въ городъ. На другое утро они были уже оба у Наташи. Александръ боялся, чтобъ прїѣздъ Заливина не произвелъ на сироту слишкомъ сильнаго впечатлѣнія и хотѣлъ приготовить ее къ радостной встрѣчѣ. Наташа вздрогнула во снѣ и открыла глаза. Степанъ Петровичъ отодвинулся за ширмы. Глаза молодой дѣвушки встрѣтили Александра. Она протянула ему руку. Въ эту минуту Вѣра вошла въ комнату. Сухо и холодно поклонилась она Заливину и подошла къ Наташѣ. Сиротка взглянула на нее безъ упрека, безъ негодованія и не сказала ни слова.

— Какъ она искусно притворяется несчастною страдальцей, подумала Вѣра: она интересничаетъ предъ Александромъ. Какая хитрая!

— Наталья Михайловна, сказала она съ холодностью: я слышала, что вы очень больны, что докторъ не позволяетъ вамъ выходить изъ комнаты, и потому пришла сказать вамъ, что вы можете остаться въ моемъ домѣ до вашего выздоровленія. Надѣюсь, что вы постараетесь выздороветь поскорѣе. Вы можете утѣшать себя мыслью, прибавила она сухо, что достигли вашей цѣли—сдѣлали мнѣ столько вреда, сколько вамъ было возможно: поссорили меня съ мужемъ, очернили въ глазахъ свѣта. Надѣюсь, прибавила она смѣясь и не удерживая болѣе своей вспльчивости,—надѣюсь, что это прїятное сознаніе ускоритъ ваше выздоровленіе. Я вамъ очень благодарна за интриги, которыми вы отплатили за мою дружбу. Я говорю это смѣло, въ присутствіи всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы обманываете, разыгрывая предъ ними интересную роль несчастной жертвы. Истина однакоже откроется, и всѣ узнаютъ низость вашихъ поступковъ.

Молча, безъ слезъ, безъ упрековъ слушала сирота жесткія обвиненія Вѣры, устремивъ на нее кроткіе глаза, въ которыхъ отражалась вся чудная, дѣвственная чистота ея прекрасной души. Когда Вѣра замолчала, она съ трудомъ приподнялась и оперлась локтемъ на подушку. «Вѣра, сказала она твердымъ голосомъ, въ которомъ звучала тихая и глубокая скорбь: Вѣра! эти слова сказала не ты, а Юлія! не твое сердце внушило ихъ, а испорченная душа твоей прїятельницы, которая ведетъ тебя къ ти-

бели. Я невинна. Твои обвинения могут очернить только имя мое, но души моей они не помрачатъ: она чиста предъ Богомъ!»

— Комедія, комедія! сказала Вѣра, смѣясь и обращаясь къ Александру. Вы осуждаете меня, сказала она ему, но скоро узнаете истину. Будущность покажетъ, кто изъ насъ виновнѣе. — Александръ посмотрѣлъ на нее съ горечью; въ глазахъ его выражалось сожалѣніе объ утраченномъ вѣрованьи и о его безумной любви къ ней!

— Да, сказалъ онъ, вы правы, Вѣра Сергѣевна. Истина откроется, и вы увидите поступокъ вашъ въ настоящемъ свѣтѣ!

— Вы забываетесь, милостивый государь! сказала ему Вѣра гордо и вспльчиво. Я также мало расположена слушать ваши грубости и нравоченія, какъ прежде была склонна восхищаться вашими фразами. Вѣра засмѣялась.

Александръ поднялъ голову. Щеки его пылали, глаза блестя.

— Вы упрекаете меня моею любовью, сказалъ онъ, глядя на нее гордо. Да, вы въ правѣ смѣяться надъ нею. Эта любовь была безумна и слѣпа. Но теперь я очнулся и прежняюсь предъ чистымъ и благороднымъ созданиемъ. Повторяю: вы въ правѣ смѣяться надъ моимъ чувствомъ.

Въ эту минуту пронзительный крикъ прервалъ слова Александра. Наташа безъ памяти отъ радости лежала въ объятіяхъ Степана Петровича. Пока Вѣра говорила съ Александромъ, она привстала съ дивана, желая удалиться отъ нихъ; ноги ея дрожали, она чуть не упала отъ слабости. Заливинъ, наблюдавшій за нею, видя, что она падаетъ, невыдержалъ и протянулъ ей руку. Увидя его, Наташа остолбѣла въ первую минуту, потомъ съ крикомъ бросилась на грудь своего друга.

— Какъ все это трогательно! сказала Вѣра выходя изъ комнаты. Александръ проводилъ ее глазами. Въ душѣ его произошло что-то необыкновенное. Негодованіе замѣнило любовь его, эту упрямую любовь, которую не могли побѣдить ни его усилия, ни благоразуміе, ни даже интриги Юліи. Въ душѣ почувствовалъ онъ вдругъ ужасную пустоту, какъ будто что-то свѣтлое, прекрасное отлетѣло отъ него.

Наташа, другъ мой, дитя мое! твердилъ Степанъ Петровичъ, усаживая больную на диванъ и поправляя ее подушки. Наташа

не могла произнести ни одного слова. Она плакала, рыдала и смѣялась, смотря на Заливина съ дѣтскою любовью; оправившись немного отъ своего волненія, она въ короткихъ словахъ объяснила Степану Петровичу все, что перенесла въ послѣднее время.

— Другъ мой! сказала она со слезами, въ заключеніе: увезите меня въ деревню, я поселюсь въ Никитенкѣ, въ какойнибудь крестьянской избѣ, и буду жить тамъ одна, въ бѣдности, въ одиночествѣ, но спокойно и счастливо. Тамъ никто не осмѣлится унижать меня; тамъ я никому не буду въ тягость; тамъ никто не будетъ упрекать меня благодареніями, за которыя я заплатила горькими слезами и добрымъ именемъ. Ни за какія блага въ міръ не пойду я больше въ чужой домъ! Вы не знаете, вы не можете себѣ вообразить какъ тяжело ѣсть чужой хлѣбъ и переносить всѣ возможные огорченія!..

— Успокойтесь, успокойтесь, ради Бога, говорилъ тронутый Степанъ Петровичъ. Теперь вы не въ состояніи говорить о дѣлахъ. Завтра я перевезу васъ къ моей родственницѣ. Когда вы оправитесь, мы поговоримъ о вашей будущности. Теперь старайтесь успокоиться и заснуть, милое дитя мое.

— Заснуть! нѣтъ, это невозможно! Я такъ счастлива, что вижу васъ, моего единственного друга, говорила Наташа слабымъ голосомъ, и въ глазахъ ея выражалась дѣтская чистая радость.

4.

Родственники Заливина приняли Наташу радушно, окружили ее вниманіемъ и попеченіями. Наташа скоро оправилась. Въѣвъ съ здоровьемъ возвратилась къ ней полное сознание своего горькаго положенія. Не смотря на врожденную кротость нрава и покорность судьбѣ, Наташа не могла невозмутиться противъ Вѣры и Юліи, не могла перенести безъ негодованія незаслуженнаго униженія; притомъ сердце ея было уязвлено. Она такъ искренно, такъ глубоко любила Вѣру!..

Судьба сироты тяжело озабочивала Степана Петровича. Не городскіе слухи, какъ бы они ни были оскорбительны для чести молодой дѣвушки, смущали его: онъ зналъ, что слухи эти замолнутъ, клевета падетъ сама собою, что Наташа будетъ уважаема и любима; но будущность сироты страшила его. На немъ лежала

обязанность обезпечить ее. На просьбу Наташи поселить ее одну въ Никитенкѣ, смотрѣлъ онъ какъ на дѣтскую фантазію. Съ другой стороны здоровье ея было такъ разстроено, что ей нельзя было и думать поступить въ какое нибудь казенное заведеніе или въ частный домъ. Здоровье Наташи было слабо съ дѣтства; но послѣ смерти ея родителей и дѣдушки оно совершенно разстроилось, и доктора совѣтовали Заливину увезти ее до весны въ деревню.

Наташа, сказалъ ей однажды Степанъ Петровичъ: долго я размышлялъ о вашемъ положеніи, о вашей будущности и не могъ придумать для васъ лучшаго пріюта, какъ мой собственный домъ.

— Вашъ домъ! сказала Наташа съ восхищеніемъ. Вашъ домъ— я буду жить у васъ, буду вашею дочерью, буду лелѣять васъ, какъ отца!

— Да, милое дитя мое, но я съ боязнью предлагаю вамъ этотъ пріютъ. Не радуйтесь заранѣе. Знаете ли какую жертву должны вы принести мнѣ или лучше сказать своему спокойствію. Выслушайте меня, Наташа. Привязанность наша, отношенія нами чисты и святы предъ Богомъ; но долгъ требуетъ отъ насъ сохраненія приличій, которыми мы не въ правѣ пренебрегать. Я забочусь не о себѣ. Что мнѣ за дѣло до людскихъ сужденій, когда могу наслаждаться невыразимымъ счастіемъ жить съ вами подъ одною крышею, имѣть въ васъ дочь, воскреснуть для всѣхъ святыхъ и чистыхъ радостей жизни; я ничего не теряю, все выигрываю; но вы не можете и не имѣете права ставить себя въ ложное положеніе, пренебрегать приличіями: вы должны дорожить вашей доброй славою; вы молоды, предъ вами длинная будущность. Присутствіе молодой дѣвушки въ домѣ холостаго, чужаго ей челоуѣка, противорѣчитъ законамъ приличія. Отдѣлиться отъ общества, быть исключенной изъ него, стать въ жизни одиноко, безъ уваженія, безъ любви ближняго—такое несчастіе для женщины, котораго ничѣмъ нельзя искупить. Какъ бы совѣсть наша не была чиста, мы не имѣемъ права произвольно ставить себя въ исключительное положеніе и пренебрегать общимъ уваженіемъ.

— Я вижу, сказала Наташа со слезами, что мнѣ надо на вѣкъ отказаться отъ счастья жить съ вами, подъ вашимъ покровительствомъ! Это была прекрасная, но несбыточная мечта!

— Нѣтъ, сказалъ Заливинъ растроганнымъ голосомъ, нѣтъ, отъ васъ зависить осуществить эту мечту, и для этого, Наташа,

вамъ надо рѣшиться на жертву, на серьезный и важный поступокъ, который рѣшитъ навсегда судьбу вашу; для этого, бѣдное дитя, вамъ надо отказаться отъ многихъ сладкихъ и прекрасныхъ надеждъ, покорить чувства ваши благоразумію, посвятить молодость однообразной жизни, которая не удовлетворитъ, быть можетъ, потребности вашего молодого, пылкаго духа, однимъ словомъ, чтобъ быть моею дочерью, вамъ надо быть моею женою!.. Заливинъ замолчалъ и посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Она сидѣла предъ нимъ безмолвно, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и въ сильномъ смущеніи. Горячія слезы текли изъ глазъ ея. Долго не могла она произнести ни одного слова, наконецъ взяла руку Заливина и поцѣловала ее съ чувствомъ.

— Наташа! Наташа! что вы дѣлаете? спросилъ Заливинъ въ смущеніи.

— Степанъ Петровичъ, сказала Наташа, смотря съ любовью и довѣрчивостью на опекуна: Богъ видитъ, какъ хорошо я понимаю ваше великодушное предложеніе. Вы хотите не только обезпечить мою будущность, призрѣть бѣдную сироту, но и защитить мое имя, мою добрую славу своимъ покровительствомъ. Вы благороднѣйшій человекъ, уважаемый и любимый всѣми, берете подъ свою защиту бѣдное, безпріютное дитя, призываете меня къ мирному, отрадному существованію! И вы говорите еще, что отъ меня требуется жертва!..

— Не увлекайтесь, дитя мое, своими чувствами, сказалъ онъ, обдумайте, обсудите хорошенько свое рѣшеніе. Не такъ легка обязанность, которую вы берете на себя! *Теперь* счастье, которое я могу доставить вамъ удовлетворитъ васъ, но придетъ, можетъ быть, время, другъ мой, когда это счастье покажется вамъ блѣднымъ, однообразнымъ. Сердце ваше будетъ просить другаго; въ немъ проснется потребность любить, но любить не безмятежною любовью; но тревожною любовью женщины, и тогда начнется для васъ мучительная борьба; и пока лѣта и разумъ не смирятъ этой пылкости, не побѣдятъ этихъ чувствъ, вы перенесете тяжкія страданія!

— Но еслибъ это и случилось, сказала Наташа съ чувствомъ, не будетъ ли у меня вѣрнаго друга, добраго и нѣжнаго руководителя, отъ котораго я не скрываю ни одного впечатлѣнія, ни одной мысли? О я не боюсь ничего, ничего!.. Вы охраните меня отъ зла, отъ собственнаго сердца моего, если оно будетъ заблуж-

даться... Вы образуете и душу мою, и умъ мой; вамъ буду я обязана всеѣмъ!

— Наташа! вы ребенокъ, вы не знаете жизни.

— Но я знаю васъ, сказала Наташа съ кротостью и ласкою. Я буду счастлива. Я знаю, что вы приведете меня къ доброй цѣли. Вѣрьте же и вы мнѣ. Предоставьте мнѣ заботу о вашемъ счастьи.

— Я въ немъ увѣренъ, отвѣчалъ Заливинъ, цѣлуя руку молодой дѣвушки; я боюсь только за васъ, за вашу будущность, и если я рѣшился предложить вамъ пожертвовать мнѣ вашей молодостью, то это потому, что вамъ нуженъ покой, отдыхъ, что здоровье ваше требуетъ заботливыхъ попеченій друга! Вы еще не любили и не знаете...

— Нѣтъ, сказала Наташа, прерывая Заливина и смотря на него съ дѣтскою откровенностью: нѣтъ, вы ошибаетесь, мой другъ! Я испытала это чувство; испытала сначала его радости, а потомъ его мученія. Я любила Александра. Это было при жизни дѣвушки. Мы незамѣтно привязались другъ къ другу, и существованіе наше было полно тихаго счастья; но Александръ влюбился въ Вѣру, и мнѣ же всегда повѣрялъ всѣ свои тайны. Сначала я страдала, сильно страдала; но благоразуміе и гордость взяли верхъ надъ любовью. Я побѣдила ее; она обратилась въ дружбу. Я до-сихъ-поръ люблю Александра, какъ друга. Его посѣщенія, его бесѣда, его участіе были здѣсь моимъ единственнымъ счастьемъ, моимъ единственнымъ утѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что привязанность мою не отравляла ревность; но повѣрьте мнѣ, и вы знаете, что мнѣ можно вѣрить—повѣрьте мнѣ, другъ мой: ни моя теперешняя привязанность къ Александру, ни прежняя любовь моя не могутъ сравниться съ тѣмъ высокимъ и свѣтлымъ чувствомъ, которое вы мнѣ внушили. Да, я люблю жизнь съ тѣхъ поръ, какъ меня одушевила надежда посвятить ее вашему счастью.

Заливинъ посмотрѣлъ на нее съ нѣжною довѣрчивостью и протянулъ ей руку. Я не сомнѣваюсь въ *своемъ* счастьи, сказалъ онъ ей твердымъ голосомъ, въ которомъ звучала неподдѣльная искренность. Я васъ люблю больше, чѣмъ вы думаете, больше, чѣмъ я самъ признавался себѣ въ томъ до-сихъ-поръ.

— Такъ обоймите же невѣсту вашу, сказала Наташа робко, обращаясь къ нему съ очаровательною улыбкой; глаза ея были полны слезъ. Заливинъ прижалъ ея къ своему сердцу, и на дру-

гой же день представилъ Наташу, какъ невѣсту, своимъ роднымъ.

ГЛАВА V.

1.

Два мѣсяца спустя, Юлія грустная, разстроенная, безпокойная, ходила неровными шагами по своей комнатѣ, то останавливалась, какъ будто размышляя о чемъ-то, то опускалась въ кресла съ выраженіемъ усталости, то подходила къ двери, переступала порогъ, и махнувъ рукою, возвращалась опять въ кабинетъ. Въ домѣ была грустная тишина. Комнаты были пусты. Юлія посмотрѣла вокругъ себя: «Боже мой, какъ здѣсь холодно, какъ мрачно! сказала она съ уныніемъ. Мой домъ похожъ на жизнь мою: *мракъ, пустота, скука!*»

Въ эту минуту Юліи подали записку отъ Вѣры. Она взяла ее и нечитая положила въ карманъ, сказавъ, что пришлетъ отвѣтъ послѣ.

— Я погубила эту женщину, сказала Юлія хладнокровно: погубила ее изъ ревности, изъ любви къ человѣку, который меня презираетъ. Теперь она несчастна; скоро она будетъ тѣмъ, чѣмъ стала я, съ тою только разницею, что она глупѣе и безхарактернѣе меня! Жизнь ея будетъ такъ же безотраднa и горька какъ моя! Юлія улыбнулась съ презрѣніемъ.—Такъ я несчастна? сказала она съ горечью. Этого быть не можетъ. Счастье зависитъ отъ насъ. Захочу, и буду снова счастлива, буду веселиться, торжествовать!.. Нѣтъ, зачѣмъ себя обманывать! Я упала духомъ! меня ничто больше не веселитъ; жизнь утомила меня! Вокругъ меня такая страшная пустота!

Александръ вошелъ въ комнату. На блѣдныхъ губахъ Юліи показалась улыбка, въ глазахъ блеснуло что-то похожее на радость.

— Какъ ты давно не былъ у насъ! сказала она ему съ ласковымъ упрекомъ. Что ты подѣлывалъ, Александръ?

— Да все хлопоталъ. Передъ отъѣздомъ дѣлъ бѣдна.

— Передъ отъездомъ? передъ какимъ отъездомъ? спросила Юлія почти съ крикомъ. Рука ея судорожно протянулась къ Александру.

— Развѣ вы не слышали, кузина, что меня перевели на службу въ Тамбовъ? Я думалъ, что дядушка сообщилъ вамъ эту новость, которая меня очень обрадовала. Во-первыхъ, мнѣ даютъ лестную для меня должность, во-вторыхъ я буду жить недалеко отъ моего семейства. Я на дняхъ отправлюсь и пришелъ проститься съ вами.

Голосъ и взоръ Александра были холодны.

Юлія стояла, какъ остоленѣлая. Глаза ея были неподвижны, руки опустились, лицо стало блѣднѣе и безжизненнѣе прежняго. Долго не могла она произнести ни слова, наконецъ... улыбнулась. Въ улыбкѣ этой выразилось страшное страданіе сердца...

— Къ чему эта шутка, Александръ! сказала она ему кроткимъ, ласковымъ, почти умоляющимъ голосомъ. Развѣ я не понимаю, что ты хочешь испугать меня! развѣ я повѣрю, что и ты... котораго я люблю... ты, которымъ я живу, оставишь меня безъ жалости, безъ состраданія, когда я несчастна, когда я больна, когда въ этой холодной, безотрадной жизни ты одинъ составляешь мое счастье, мое утѣшеніе? Ты говоришь о своемъ семействѣ... но развѣ ты не знаешь, Александръ, что никто въ немъ, даже мать твоя, не любитъ тебя такъ какъ я. Вѣдь она жила и живетъ безъ тебя; вѣдь существованіе ея не зависитъ отъ твоего взгляда, отъ твоей улыбки! А я—никого не люблю на свѣтѣ, кромѣ тебя. Теперь ты со мною, и я счастлива; за минуту до твоего пріѣзда, вокругъ меня былъ мракъ, холодъ, пустота. Я страдала. Жизнь была мнѣ невыносимо тягостна... все это безъ тебя. Дай же мнѣ руку; зачѣмъ ты опускаешь глаза? тебѣ совѣстно твоей шутки? но я уже простила, другъ мой, я не сержусь на тебя.

— Я не шутилъ, Юлія! сказалъ Александръ взволнованнымъ голосомъ. Я пришелъ проститься съ вами.

Юлія схватила его руку и посмотрѣла на него пристально.

— Вы всегда были добры ко мнѣ, продолжалъ Александръ не-твердымъ голосомъ, вы меня приласкали, приняли, какъ роднаго сына, я обязанъ вамъ многимъ и никогда не забуду этого... не смотря на все, что произошло въ послѣднее время! Прощайте, кузина; на будущій годъ мы съ вами увидимся, вѣроятно... при-

бавилъ онъ съ усиленіемъ, какъ будто принуждая себя сказать ласковое слово несчастной женщинѣ, которая стояла предъ нимъ блѣдная и убитая. Въ молодости сердце наше мягко. Александръ былъ молодъ. Когда онъ вошелъ къ Юліи, онъ ненавидѣлъ ее и думалъ съ удовольствіемъ, что растаетъ съ нею, быть можетъ, навсегда, теперь, при видѣ ея страданія, ея отчаянія, онъ жалѣлъ объ ней.

— Александръ, сказала Юлія слабымъ и дрожащимъ голосомъ. Я не прошу любви твоей, знаю что ты меня любить не можешь; не требую твоего уваженія... знаю, что ты меня не уважаешь, но я умоляю тебя, умоляю всѣмъ, что свято тебѣ въ мірѣ: не оставляй меня! Я одна на свѣтѣ. Одно существо любило меня въ жизни... любило, не понимая кого любить, то была дочь моя—я лишилась ее! я несчастна, Александръ, слышишь ли? еще никому не признавалась я въ этомъ, никому... даже самой себѣ! ты единственный человѣкъ, которому я сказала, что я несчастна, что жизнь меня утомила!.. и одна надежда оставалась у меня, надежда видѣть тебя, быть тобою любимой, она одна привязывала меня къ жизни. Не оставляй меня, Александръ, если въ душѣ твоей есть состраданіе!

— А было ли въ душѣ вашей состраданіе, Юлія, сказалъ ей Александръ дрожащимъ голосомъ, который онъ старался смягчить,—была ли въ душѣ вашей жалость, когда вы завладѣли сердцемъ молодого и неопытнаго ребенка и погубили его навсегда; когда вы съ хладнокровнымъ и вѣрнымъ расчетомъ заманили въ ваши сѣти бѣдную женщину, которую ненавидѣли? когда вы встали между ею и мужемъ ея, убили ихъ семейное счастье, отравили ихъ отношенія, исказили умъ и душу Вѣры, пользуясь безхарактерностью; очернили въ глазахъ ея невинную дѣвушку и предали доброе имя ея поруганію свѣта. Душа ея отравлена. Завтра она уѣзжаетъ за границу, оставляетъ мужа, котораго любила, который ее любитъ! Скажите же, было ли состраданіе въ вашей душѣ къ этой несчастной?

— Такъ ты мстишь за Вѣру? такъ ты все еще ее любишь? спросила Юлія, смѣясь безсмысленнымъ и ѣдкимъ смѣхомъ.

Лицо Александра подернулось грустью.

— Я люблю *прежнюю* Вѣру, сказалъ онъ тихо и съ душевной скорбью, я люблю доброе и благородное созданіе, которое я зналъ прежде, которое уже не существуетъ; Вѣру, вышедшую изъ

рукъ вашихъ съ холодною, испорченною душой, Вѣру, на которой вы оставили отпечатокъ вашей ненависти, я не могу любить и не люблю!

Юлія опустила голову. Обвиненія Александра уничтожали ее. Отчаяніе отнимало у нея способность говорить. Александръ взялъ шляпу, поклонился молча Варовой и вышелъ изъ комнаты.

Юлія уже не старалась растрогать и удержать его: она была въ безпамятствѣ. Машинально дала она ему свою руку, проводила его глазами и долго стояла неподвижно на томъ же мѣстѣ, безъ слезъ, безъ жалобы... наконецъ пришла въ себя, бросилась къ двери, пробѣжала нѣсколько комнатъ, произнося имя Александра—но его уже не было въ домѣ. Юлія пошла въ бывшую комнату Китти, бросилась на опустѣлую кровать малютки и закрыла лицо руками: «Одна! одна!.. навсегда, на всю жизнь одна!» произнесла она, рыдая въ глубокомъ отчаяніи.

2.

Александръ былъ правъ. Вѣра не опомнилась въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ. Она обвиняла Юрія и въ тайнѣ радовалась предстоящей поѣздѣ за границу. Всякая перемѣна прельщала ея легкомысленный умъ. Въ отношеніи къ мужу считала она себя жертвою его несправедливости. Поведеніе ея оскорбляло съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе Юрія, и по прошествіи двухъ мѣсяцевъ они разстались. Душа Юрія была глубоко уязвлена. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобъ жаловаться, и переносилъ молча и спокойно свое несчастіе. Отличія и успѣхи по службѣ замѣнили ему семейныя радости, которыми онъ наслаждался такъ не долго и которыя потерялъ навсегда.

Левъ Выдровъ отправился за границу, вслѣдъ за Вѣрой.

3.

Можно себѣ вообразить какое удивленіе произвело въ деревнѣ извѣстіе о свадьбѣ Наташи. Многіе завидовали, очень немногіе радовались счастію сироты, и всѣ вообще долго и много разсуждали объ этой новости. Съ Ненилой Андревной чуть не сдѣлался ударъ. Она пожелтѣла отъ злости пуще прежняго, и полюбила покойника своего еще съ большимъ жесточеніемъ. Ей оставалось

одно утѣшеніе—злословіе, да еще письмо Александра къ Вѣрѣ, тщательно склеенное и сбереженное въ кладовой рѣдкостей. Однажды отдала она это письмо Наташѣ, въ присутствіи Заливина, съ ласковою и сладкою улыбкой, говоря, что ставитъ себя въ долгъ возвратить Наташѣ бумагу, драгоценную ей по воспоминанію.

Наташа взяла письмо спокойно и, прочитавъ его, улыбнулась.

— Я никогда не видала и не получала этого письма, сказала она, передавая его мужу. Не понимаю, Ненила Андревна, что вамъ было за охота склеить и беречь его такъ тщательно.

— Мнѣ его передалъ въ такомъ видѣ Макарь Николаичъ, отвѣчала Ненила Андревна со злостью. Онъ нашелъ его недавно въ Орлиновѣ, въ угловой комнатѣ нижняго этажа. Я думала, что эта комната была занята вами, и потому изъ дружбы къ вамъ взяла это письмо у Макара Николаевича, боясь, чтобъ оно не пошло по рукамъ и полагая, что оно напомнитъ вамъ пріятное время. Оно валялось въ рабочемъ столѣ.

— Благодарю васъ, отвѣчала Наташа весело и спокойно: но письмо это не напоминаетъ мнѣ ничего пріятнаго, тѣмъ болѣе, что оно не ко мнѣ писано.

Степанъ Петровичъ, не читая и не развертывая письма, изорвалъ его и попросилъ Ненилу Андревну не брать на себя впередъ великодушнаго труда доказывать Наташѣ свою дружбу. Послѣ этой сцены знакомство между Заливиными и Каретиной прекратилось совершенно.

ГЛАВА VI.

1.

Къ мелкимъ и тихимъ радостямъ нашей жизни принадлежитъ, неоспоримо, дружескій, тѣсный кружокъ, собравшійся въ зимній вечеръ вокругъ самовара, около котораго хлопочетъ молодая и хорошенькая хозяйка. Конечно, и тутъ для полнаго удовольствія требуются важныя условія: во-первыхъ, чтобъ хозяйка была въ духѣ, а это не всегда бываетъ; чтобъ мужъ не ворчалъ и не нѣжничалъ, это тоже довольно рѣдко, и наконецъ, чтобъ общество, собравшееся

вокругъ стола, было малочисленное, но дружеское и веселое. Въ эти условія были соблюдены однажды въ холодный декабрьскій вечеръ, за чайнымъ столомъ хорошенькой и искусной хозяйки. Пока на дворѣ трещалъ морозъ и звѣзды ярко сверкали на зимнемъ небѣ, пока вѣтеръ завывалъ жалобно вокругъ деревянныхъ строений, въ маленькой и уютной комнатѣ, весело освѣщенной лампой, топился каминъ, а вокругъ самовара собрался веселый, дружескій кружокъ.

Вниманіе наше обращаетъ на себя особенно молодая хозяйка, которая разливаетъ въ эту минуту чай. Не скоро узнаемъ мы въ ней нашу старую знакомую, блѣдную, грустную, болѣзненную Наташу. Пять лѣтъ прошли, или лучше сказать пролетѣли надъ ея прелестною головкой, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались съ нею. Она пополнѣла. Мыслящее, прекрасное личико ея носить отпечатокъ здоровья и спокойствія. Въ глазахъ ея, кроткихъ и задумчивыхъ, отражается чистая душа, отдохнувшая отъ несчастій и тревогъ, которыя встрѣтили ее въ началѣ жизни. Была ли она теперь счастлива? трудно отвѣчать. Въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ ни Наташа, ни Степанъ Петровичъ не задавали себѣ этого вопроса. Имъ и некогда было размышлять о немъ, анализировать свое счастье или несчастье, взвѣшивать и оцѣнивать его. Жизнь ихъ проходила не въ праздныхъ и безполезныхъ умиствованіяхъ и разсужденіяхъ о своемъ счастьи: у каждаго было свое дѣло, свои занятія, свои обязанности; оба шли спокойно и бодро по общему пути, помогая другъ другу. Наташа была заботливою хозяйкой; она оживляла свой домъ, распространяла въ немъ миръ и довольство, дѣйствовала своимъ кроткимъ вліяніемъ на всѣхъ окружающихъ. Не знаю, была ли она счастлива; въ жизни нельзя избѣгнуть неприятностей и испытаній; но странная вещь произошла въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, право, я съ трудомъ рѣшаюсь говорить о ней. Слова мои возбуждаютъ можетъ быть, нѣчто въ родѣ негодованія въ кругу моихъ молодыхъ читательницъ; однако же истина важнѣе всего, и я должна сказать имъ, что въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, Наташа—молоденькое, прелестное, поэтическое созданіе, полюбила страстно, нѣжно, безгранично своего не молодого, положительнаго и благо-разумнаго мужа; полюбила горячею и сильною любовью, которою любить только женщина, одаренная высокою душою. Конечно, это непростительно: Заливину было за сорокъ лѣтъ! и онъ такъ мало

подходилъ къ идеалу мужа, какимъ создаетъ его женское воображеніе! Любовь его была такъ проста, такъ непричудлива, такъ некраснорѣчива, такъ чужда ревности, страсти, мучительныхъ волненій, словомъ, всего, что придаетъ особенную прелесть супружеской любви, въ глазахъ молодой женщины! даже имя его было такое не поэтическое, не изящное, такъ мало имѣло прелести для женскаго слуха, что одно это обстоятельство должно было бы отдалить отъ него любовь иной женщины со вкусомъ. Но не смотря на его лѣта, на его непоэтическое хладнокровіе, на его не поэтическую толщину, на его не поэтическое имя, Наташа привязалась къ мужу со всею нѣжностью своего сердца. Но я ошибаюсь: было еще существо, которому принадлежала эта тихая и прекрасная жизнь, эта сильная и нѣжная душа—у Степана Петровича былъ соперникъ въ сердцѣ Наташи, маленькое, невинное созданіе, которое такъ сладко и безмятежно покоилось на рукахъ матери, охраняемое ея молитвами и ея любовью!..

Но что же могло такъ сильно привязать Наташу къ Степану Петровичу? Доброта его? уваженіе, которое онъ ей внушалъ? его попеченія о ней? Но часто мы видимъ, что всего этого недостаточно, чтобъ внушить женѣ благоразумную привязанность къ мужу. Достоинства одного изъ супруговъ не всегда обезпечиваютъ взаимную любовь обоихъ; притомъ въ Наташѣ и въ Степанѣ Петровичѣ было такъ много противоположностей: они вступили въ супружество подъ такими различными условіями жизни! Заливинъ былъ уже старъ въ сравненіи съ Наташей. Ея молодость такъ рѣзко отличалась отъ его зрѣлости, ея неопытность отъ его опытности, горячность и живость ея чувствъ, отъ его спокойствія. Казалось, между ними никогда не могло быть гармоніи, требующей равенства лѣтъ и одинаковой степени душевнаго развитія; откуда же взялась эта чудная, высокая гармонія, въ которой сливались ихъ души, ихъ умы, ихъ чувства? откуда взялась эта глубокая, безграничная любовь, которая соединила ихъ незамѣтно крѣпкими, вѣчными узами?

Отвѣчать не трудно. Въ это супружество вошли двѣ одинаково прекрасныя и благородныя души, одаренныя любовью къ добру и стремленіемъ къ усовершенствованію; въ это супружество вошла молодая женщина не легкомысленная, не избалованная, съ чистыми вѣрованіями, съ неиспорченными понятіями; вступилъ человѣкъ съ благороднымъ умомъ и чистою душою Ихъ сердца

были достойны другъ друга, и слились въ чудномъ и святомъ согласіи, безъ котораго самая страстная любовь проходить такъ же скоро, какъ прошла любовь Вѣры и Юрія.

Но обратимся къ чайному столу. Около него болтаютъ такъ мирно. Мы отыщемъ здѣсь много старыхъ и двухъ новыхъ знакомыхъ. Семень Сергѣичъ Грузинъ сегодня въ необыкновенно-добромъ расположеніи духа. Онъ рассказываетъ Заливину и зятю своему Тишевину какой-то забавный анекдотъ прошедшаго вѣка, и предобродушно смѣется надъ своимъ рассказомъ. Настасья Федоровна рассуждаетъ сама съ собою о достоинствѣ вишневаго варенья, спокойно допивая третью чашку чая и прислушиваясь то къ словамъ мужа, то къ разговору *молодежи*. Къ числу молодежи принадлежитъ, во-первыхъ, старшая дочь ея, потомъ Наташа, Александръ и еще одна молодая особа, которую я должна познакомить съ читателемъ, и рекомендовать какъ жену Александра, или лучше сказать Александра Семеновича Грузина, принявшаго очень важный и почтенный видъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ важное и почтенное сословіе мужей, что случилось тому нѣсколько мѣсяцевъ. Жена его была милая женщина, влюбленная въ него безъ ума, которую онъ самъ любилъ, между нами будь сказано, страстно. Александръ не умѣлъ удержаться на степени героя романа, увѣковѣчить свое отчаяніе, окружить себя поэтическимъ блескомъ тайной грусти: онъ преспокойно и прелегородно забылъ прошлое, утѣшился, влюбился вновь и—женился!

Трехъ-лѣтній прелестный мальчишка сидитъ съ няней на диванѣ, разстанивая на столѣ игрушки и причиняетъ страшныя разсѣянности молодой хозяйкѣ, которая въ одно и тоже время разливаетъ чай, болтаетъ и смѣется въ кругу *молодежи*, и поглядываетъ поминутно съ улыбкою на своего сына. Однако самоваръ унесли; гости стали собираться домой, простились съ хозяевами, потомъ посидѣли, опять простились, опять посидѣли, поговорили въ гостиной, поговорили въ столовой, поговорили въ передней, и наконецъ простились не на шутку, уѣхали въ самый дѣль. Въ деревняхъ рѣдко уѣзжаютъ безъ ужина.

На лицѣ Наташи замѣтно было выраженіе грусти, когда она возвратилась въ комнату и сѣла возлѣ сына къ рабочему столу.

— Знаешь ли? сказала она мужу, о комъ мы говорили съ Александромъ?

— Какъ не знать! разумѣтся, ты распрашивала его о Вѣрѣ.

— Да, сказала Наташа задумчиво и опуская рукодѣлье на колѣна: я все еще надѣялась до-сихъ-поръ, что Вельскіе помирятся, но Александръ сказалъ мнѣ, что они продолжаютъ жить врознь. Вѣра пріѣзжаетъ въ Петербургъ, когда мужъ уѣзжаетъ отсюда. Она все таже, какою я ее оставила, говоритъ Александръ, легкомысленна, вѣтрена; Юрій гордъ и холоденъ; впрочемъ, я и не ожидала, чтобъ онъ сдѣлалъ шагъ къ примиренію: его ничто не можетъ поколебать, когда онъ принялъ твердое рѣшеніе. Онъ обиженъ въ глубинѣ души и никогда не проститъ Вѣрѣ; а вѣдь онъ любитъ ее, долго любилъ, пока она не вывела его изъ терпѣнія. Бѣдная Вѣра! чего бы не сдѣлала я, чтобъ спасти ее.

— Не она первая, не она послѣдняя, замѣтилъ Заливинъ. Подобныя супружества не рѣдко встрѣчаются въ свѣтѣ!

— А Вѣра могла бы быть счастливою! сказала Наташа въ раздумьи, вспоминая тихіе дни, прожитые въ Орлиновѣ.

— Счастливою? спросилъ машинально Степанъ Петровичъ, что ты называешь счастіемъ?

Молодая женщина не отвѣчала: она не слышала этого вопроса. Вниманіе ея было обращено на малютку, который усѣлся на ея колѣно съ преважною и пресерььозною миною.

Наташа смотрѣла на него съ улыбкой, но улыбки этой не стану я описывать, воля ваша! Богъ знаетъ откуда берутъ женщины такія улыбки! Эту улыбку, въ которой столько счастья, нѣжности, гордости, чистой и глубокой любви, эту чудную улыбку, которая мелькаетъ только на лицѣ женщины-матери не только нельзя описать, но не всякій въ состояніи понять ея смысла. Степанъ Петровичъ посмотрѣлъ вокругъ себя... въ комнатѣ было такъ отрадно, такъ хорошо; лампа разливала въ ней тихій и ровный свѣтъ; дрова догорали въ каминѣ; малютка игралъ безмятежно подъ кроткимъ взоромъ матери; на лицѣ Наташи отражались всѣ тихія впечатлѣнія, которыя пробудились въ душѣ ея мужа.

— Наташа, что ты называешь счастіемъ? улыбаясь спросилъ онъ ее снова; но на этотъ разъ тайное волненіе звучало въ его голосѣ. Не машинально проговорилъ онъ теперь вопросъ этотъ. Въ немъ былъ смыслъ, понятный Наташѣ. Весело посмотрѣла она на мужа; въ глазахъ ея блистало одушевленіе; съ страстною, невыразимою нѣжностью прижала она сына къ своей груди—и дру-

жески протянула мужу руку. Въ этомъ движеніи, въ этомъ взорѣ высказалась вся полнота ея чувствъ. Наташа не отвѣчала на вопросъ мужа изысканными, сентиментальными фразами, не разыграла предъ нимъ сцену нѣжности; ея движеніе было необдуманно, просто, естественно; въ немъ выразились два чувства, преобладающія въ ея душѣ—довѣрчивая, безграничная *привязанность къ мужу и материнская любовь*. Въ этихъ чувствахъ была вся жизнь ея!

Радостно и свѣтло было въ эту минуту въ маленькой уютной комнатѣ. Звѣзды небесныя просились въ нее, заглядывая съ завистью въ окна и ярко сверкая на зимнемъ, холодномъ небѣ...

2.

Но что случилось съ Вѣрой? мы потеряли ее изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ она оставила Юрія.

По прошествіи пяти лѣтъ находимъ мы ее въ Петербургѣ. Она возвратилась съ бала. На этомъ балѣ ее окружали поклонники; она танцевала до упаду; теперь утомленная, опустившись въ кресла, она улыбалась, припоминая удовольствія вечера. Вѣра все еще хороша и граціозна, хотя личико ея потеряло прежнюю свѣжесть, а улыбка прежнюю безпечность.

Въ движеніяхъ, во взглядахъ ея проглядываетъ тайное безпокойство.

— Какъ я рада, что не встрѣтила *его* сегодня. *Онъ* до-сихъ-поръ отравляетъ жизнь мою. Пора мнѣ оставить Петербургъ. Я поселюсь въ Одессѣ, тамъ я *его* не встрѣчу; и не все-ли равно гдѣ жить? Вездѣ одно и тоже. Удовольствія, пиры, поклонники, веселье и одиночество! вездѣ одни и тѣ же люди, однѣ и тѣ же сплетни... одна и таже скука и пустота. Вѣра звѣнула. Прелестная головка ея, еще увѣнчанная цвѣтами, тяжело опустилась на грудь.

— Говорятъ, Юрій счастливъ. Ему везетъ по службѣ. Честолюбіе его удовлетворено. Чего ему больше? Какъ знать, быть можетъ и ему скучно. Нѣтъ! онъ счастливъ, слава Богу! и я также счастлива. Что мнѣ за дѣло до толковъ, до сплетень, до пересудовъ? Что мнѣ за дѣло, что добрая слава моя утрачена? Я веселюсь, наслаждаюсь молодостью... а если на меня и нападаетъ

хандра, какъ теперь, то ее нельзя назвать несчастіемъ: хандра проходитъ!

Вѣра начала раздѣваться, продолжая заглушать подобными разсужденіями тайную грусть, вкравшуюся въ ея душу, а между тѣмъ слеза скатилась на ея щеку.

— Мнѣ скучно, мнѣ смертельно скучно! Теперь понимаю я слова Юліи, которая бывало твердила поминутно: Вѣра! какъ пусто, какъ мрачно въ жизни! Я смѣялась тогда надъ нею, а теперь сама повторяю эти слова.

Укладывая свои брилліанты, Вѣра вздрогнула. Ей повался въ руки браслетъ съ портретомъ Юрія. Невольно, съ какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ грусти, страха и любопытства взяла она этотъ портретъ и подошла съ нимъ къ лампѣ. Долго смотрѣла она на него; рука ея дрожала. *Тогда* онъ любилъ меня! *тогда*, я была счастлива! говорила она сквозь слезы. Какой у него гордый взглядъ! Да; но *тогда* любовь смягчала эту гордость, нѣжность сіяла въ его улыбкѣ!.. Юрій! не такъ взглянулъ бы ты на меня теперь, еслибъ мы встрѣтились съ тобою. Теперь ты оттолкнулъ бы меня съ презрѣніемъ, съ холодною; ты гордо и надменно спросилъ бы у меня отчета въ моихъ поступкахъ, ты сказалъ бы мнѣ, что я опозорила твое имя и убила твое счастье... Нѣтъ! нѣтъ, я боюсь твоего взгляда; мы разстались съ тобою на вѣкъ! Когда я оставила тебя, возмущенная твоими нелѣпыми требованіями, ты самъ сказалъ мнѣ, что мы не увидимся больше въ жизни. Пусть будетъ по-твоему! Вѣра бросила браслетъ въ ящикъ и утерла слезы.

3.

Юлія умерла еще за годъ до женитьбы Александра, въ слѣдствіе мучительной болѣзни, которую она не старалась излечить, съ нетерпѣніемъ ожидая смерти.

Настала и минута смерти. Юліи стало страшно. Съ тоскою взглянула она вокругъ себя: возлѣ постели ея стояли люди съ хладнокровными и любопытными лицами, все чужія и ни въ одномъ взглядѣ не было не только любви, даже состраданія!

Юлія произнесла имя Китти. Это имя напомнило ей единственное существо, любившее ее въ жизни!

Нѣтъ! нѣтъ, грустно останавливаться на такихъ картинахъ, неправда-ли, благосклонный и терпѣливый читатель, добравшійся со мною до послѣдней страницы моей повѣсти?

Не лучше-ли перенестись опять въ деревню, и заглянуть въ свѣтлую и уютную комнату, въ которой такъ дружно и весело болтають вокругъ чайнаго стола?

Не гнѣвайтесь, читатель, не обвиняйте меня въ томъ, что я нахожу Наташу счастливою... вѣдь я ни слова не говорила о ея счастіи, и мнѣ совершенно неизвѣстно, была ли она счастлива, или нѣтъ. Я имѣла только честь засвидѣтельствовать вамъ слѣдующую истину, не подлежащую сомнѣнію: Наташа любила Заливина; больше ничего я не знаю, и о счастіи судить не мое дѣло. Съ читателемъ я спорить не хочу, и напередъ соглашаюсь съ его мнѣніемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТИФЛИССКАЯ НОЧЬ.

Дышитъ городъ нѣгой ночи;
Звѣзды на небѣ зажглись,
И глядятъ какъ Божьи очи,
На темнѣющей Тифлисъ.
Сазандара пѣснь ночная
Надъ Курою чуть слышна,
И умолкла, замирая,
Утомленная зурна.

Отчего-же сонъ не можетъ
Глазъ для отдыха сомкнуть?
Что привольно такъ тревожитъ
Чувства жаждущую грудь?
Отъ волненій жизни трудной
Что насъ на небо зоветъ,
И въ таинственности чудной
Сердцу шепчетъ и поетъ?

Ужъ не голосъ-ли отжившихъ
Призываетъ въ звѣздный часъ
Насъ, въ тревогахъ позабывшихъ
Ихъ, все помнящихъ о насъ?
Не они-ли на мгновенье
Шлютъ намъ въ сумракъ ночей
Безыменное томленье
И бесѣду безъ рѣчей?...

Гр. Соллогубъ. *

* Графъ В. А. Соллогубъ въ настоящее время такъ рѣдко даритъ нашу литературу своими произведеніями, что мы сочли долгомъ напечатать поскорѣе это послѣднее, прекрасное его стихотвореніе. *Ред.*

*
* *

Со мной разстались вы въ печали:
 Богъ вѣсть, сойдусь-ли съ вами я!
 Вы мнѣ сквозь слезы повторяли,
 Что не забудете меня...

Я въ искренность желанья вѣрю,
 Не вѣрю въ обычность его:
 Не разъ и тяжкую потерю
 Сотрете съ сердца своего!

О, сколько злое время лечить
 Кипящихъ кровью ранъ людскихъ,
 И сколько въ прахъ забвенья мечеть
 Безшадно, перловъ дорогихъ!

Такъ обо мнѣ-ль воспоминанье
 Вы сохраните! Что вамъ я?
 Не много свыклись... Разставанье,
 Скажу, печалить и меня...

Но я привыкъ къ нему, я знаю
 Судьбу разлуки съ тѣмъ, кто милъ,
 И ничего не общаю,
 Хотя-бы многимъ заплатилъ

За то, чтобъ память до могилы
 Мы другъ о другѣ донесли...
 Но станетъ ли на то въ васъ силы?
 Забудьте-жъ вы слова свои!

Жизнь наша—смѣна впечатлѣній:
 Ихъ вѣчно новыя тѣснятъ;
 Въ ней мало розъ и много терній...
 Законъ забвенья мудръ и святъ!

Но не дарить успокоеньемъ
 Онъ душу гордую—страдать
 Для ней отраднѣй, чѣмъ забвеньемъ
 Покой и счастье покупать.

Богъ съ нею! Я не пожелаю
 На вашу долю тѣхъ отрадь:
 На счастье васъ благословляю
 И на забвенье всѣхъ утратъ...

РИККЕ-ТИККЕ-ТАКЪ.

I.

Недавно я посѣтилъ ферму, въ которой начинается исторія рикке-тикке-такъ. Эта ферма и теперь еще существуетъ миляхъ въ двѣнадцать къ западу отъ Антверпена; въ ней живутъ земледѣльцы, едва помнящіе соотечественника своего Жана Дельмана, съ которымъ мы послѣ познакомимся. Ферма, о которой здѣсь говорится, хотя имѣла во время описываемой нами исторіи видъ живописный, но не представляла ничего особеннаго. Почернѣлыя ея крыши, подъ мохомъ и дикимъ чеснокомъ, казались зеленоватыми; растрескавшіяся стѣны закрыты были вьющимся плющемъ; на кучахъ навоза, между курами и голубями, весело разсказывали и хрюкали извѣстныя животныя; далѣе, въ хлеву, стояли три коровы съ гладкою блестящею шерстью и жевали съ наслажденіемъ сочный трилистникъ.

Но лучшимъ украшеніемъ этой фермы было обширное покрытое кустарникомъ поле, простиравшееся отъ самаго входа на мызу вдаль до предѣловъ зрѣнія. Позади цвѣтника извивался по этому полю серебряный ручей, освѣщенный ивою и ольхой. Присоедините къ этому ясную лазурь неба, трескотню кузнечиковъ и щебетанье любящихся птичекъ, выбравшихъ эту уединенную ферму своимъ роднымъ приютомъ, и вы будете имѣть довольно близкое понятіе о мѣстности.

Было утро 1807 года. Солнце не освѣщало еще равнину, едва слышались тамъ и сямъ прелюдіи какой-нибудь птички. Въ главной

комнатъ фермы царствовала глубокая тишина; слабый огонекъ едва не потухалъ на широкомъ очагѣ; только стѣнные часы продолжали свои непрерывные тик-такъ, да въ полутемномъ углу слышался монотонный скрипъ прялки, предъ которою сидѣла дѣвушка странной наружности. Судя по лицу, ей могло быть лѣтъ шестнадцать; платье ея изъ грубой матеріи, отличалось только необыкновенною чистотою. Въ ея дѣтской фізіономіи было что-то такое, что невольно вась плѣняетъ и прелекаетъ къ себѣ. Нельзя было назвать ее красавицей, потому-что она была блѣдна, какъ прозрачный мраморъ, но когда ея глаза, черные, какъ смоль, бросали изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ жгучій взглядъ, они принимали выраженіе дикое, суровое. Были и такія минуты, когда она смотрѣла на все глазами унылыми: тогда лицо ея какъ бы озарялось радостною улыбкой, какъ будто что-то родное говорило ея сердцу. О! тогда она была прекрасна, прекрасна, какъ нѣжный цвѣтокъ, который раскрываетъ свою чашечку солнцу, между тѣмъ, какъ жадный червь уже точить его корень.

Видя ее съ часъ предъ прялкой, можно было подумать, что она составляетъ съ нею одно цѣлое: такъ мало она обращала вниманія на нить, скользившую между ея пальцами; глубокое раздумье обняло ее вереницею видѣній; міръ дѣйствительный не существовалъ для нея; кроткая радость свѣтилась на дѣвственномъ лицѣ.

Какая же пріятная мечта занимаетъ молодую дѣвушку и отражается на лицѣ ея? Вотъ губки ея раскрываются: она поетъ. Голосъ ея нѣженъ, серебристъ и неуловимъ; пѣсенка странна и непонятна. Она поетъ.

Рикке-тикке-такъ
 Бейте дружно въ ладъ!
 Бейте, молодцы,
 Куйте, кузнецы!
 Красное желѣзо
 Сыплетъ искръ каскадъ!
 Рикке-тикке-такъ,
 Бейте дружно въ ладъ!

Потомъ она опять предается тайной своей думѣ.

Между тѣмъ, какъ молодая дѣвушка, склонивъ голову, неподвижная предъ прялкой, забываетъ, кажется, сама себя, какаѣ-то ста-

руха сходить съ лѣстницы и является въ комнату. По строгому взгляду, брошенному ею на гаснущій очагъ и на молодую дѣвушку, можно догадаться, что это фермерша. Въ глазахъ ея загорается гнѣвъ; она подходитъ къ мечтательницѣ и бьетъ ее такъ сильно по щекѣ, что бѣдная дѣвушка чуть не падаетъ со стула.

— Ступай! кричитъ фермерша, ступай, лѣнивица, раздуй скорѣе огонь не то возьму палку, чтобъ разбудить тебя, ни къ чему негодная!

Молодая дѣвушка встала и пошла къ очагу исполнить приказаніе фермерши. Видно, что она давно привыкла къ такому обращенію, потому-что на ея мраморномъ лицѣ не обнаружилось ни печали, ни боли, только красное пятно на щекѣ свидѣтельствовало о тяжести удара.

Когда фермерша увидѣла, что огонь пылаетъ подъ котломъ, она взшла на первую ступеньку лѣстницы, и что есть мочи закричала: Вставайте, вставайте, лѣнивцы! или я заставлю васъ встать, сони! Ну, Трина, Варвара, Жанъ! скорѣе на ноги — ужъ четыре часа!

Черезъ нѣсколько секундъ, позванные лица сошли въ комнату. Трина и Варвара, дочери фермерши, были лѣтъ около двадцати, и, какъ наибольшая часть крестьянокъ, крѣпкаго сложенія, но ни чѣмъ особеннымъ не отличались.

Молодой человѣкъ, котораго мать назвала Жаномъ, казался лѣтъ семнадцати; черты лица его были грубы, но правильны и мужественны; взглядъ его перебѣгалъ съ предмета на предметъ и его подвижная физиономія свидѣтельствовала, что если онъ отъ природы не надѣленъ высокимъ умомъ, то по-крайней-мѣрѣ проворный и красивый малый. Его голубые глаза и длинные русые волосы придавали ему видъ доброты и кротости, качества, которыя онъ дѣйствительно имѣлъ.

Онъ подошелъ къ молодой служанкѣ, стоявшей подлѣ очага, и сказалъ ей тихо:

— Здравствуй, Лена!

Лена отвѣчала еще тише:

— Здравствуй, Жанъ, благодарю тебя.

Прежде чѣмъ каждый изъ обитателей фермы отправился на свою работу, подали на столъ кофе, и фермерша нарѣзала тартинокъ. Молоденькая Лена получила на свою долю такой маленькой кусокъ хлѣба, что онъ не утолил бы голода и дитяти. Она наскожь дѣвушка не обратила на это никакого вниманія, и по глазамъ ея не было видно, чтобъ она внутренно жаловалась на фер-

мершу. Жанъ смотрѣлъ на Лену съ глубокимъ состраданіемъ, и замѣтивъ, что молодая дѣвушка съѣла большую часть своего хлѣба, подкладывая ей кусочки отъ собственной порціи, всякій разъ какъ матушка его на нихъ не смотрѣла.

Послѣ завтрака, Жанъ и его сестры вышли изъ дому, чтобъ заняться своими обыкновенными работами. Лена осталась на фермѣ со старухой смотрѣть за сбивкою масла, между тѣмъ, какъ собака будетъ вертѣть колесо*.

Лишь только молоко было влито въ кадку для сбивки, старуха пошла за собакой, чтобъ втолкнуть ее въ колесо, но къ величайшему изумленію она нашла собаку въ конурѣ мертвою. При этомъ зрѣлицѣ ярость старухи вышла изъ всѣхъ границъ. Она какъ бѣшеная бросилась въ комнату, ударила по лицу бѣдную Лену и, втолкнувъ ее въ комнату, закричала:

— Собака околѣла, гадкая тряпка! Ты недала ей вчера ѣсть; но я покажу тебѣ... Сюда!

И она вновь принялась безцѣдно бить бѣдную дѣвушку, которая не произносила ни одного слова.

— Ты все будешь молчать, пока не издохнешь, упрямый осель! вопила она. Не правда ли, что ты вчера не дала ѣсть собакѣ? Говори, или я тебѣ переломаяю руки и ноги!

— Госпожа Фермерша: отвѣчала Лена съ какимъ-то безчувствіемъ, я вчера давала ѣсть собакѣ, корыто и теперь еще полно въ ея канурѣ.

— О мерзкая лгунья! Корыто полно оттого, что ты сегодня положила въ него кормъ. Знаю я твои плутни! Но ты раскаешься, я заставлю тебя бѣгать на мѣсто собаки; пошла сейчасъ въ колесо!

Это новое наказаніе, вѣроятно, очень устрашило Лену; она задрожала всѣмъ тѣломъ и оставалась посреди комнаты съ поникшею головою и опущенными руками, какъ осужденная, которую ведутъ на казнь, однакожъ все молчала.

Старуха, вѣвъ себя отъ гнѣва, выхвативъ сучковатую палку изъ валежника, лежавшаго подлѣ очага, махала ею надъ головою Лены, крича:

— Сейчасъ въ колесо! Идешь ты, или нѣтъ?

Лена медленно опустилась на колѣна, простерла умоляющія руки и устремила свои черные глаза на жестокую преслѣдовательницу:

* Родъ барабана, въ который выпускаютъ большую собаку, чтобъ она вертѣла его для сбивки масла.

— О! сжальтесь надо мною! Я готова итти въ колесо, но, ради Бога, не бейте меня!

Въ эту минуту дверь растворилась настезь, и Жанъ бросился въ комнату; онъ подбѣжалъ къ Ленѣ, поднялъ ее съ полу и стараясь удерживать себя, сказалъ матери:

— Что съ вами, матушка! Всегда одно и тоже: не успеешь выйти изъ дому, тотчасъ и слышенъ крикъ несчастной Лены; вы обращаетесь съ нею не по человѣчески. Если хотите умертвить ее, убейте съ разу. Развѣ не видите, что она больна, и съ каждымъ днемъ таетъ!

При этихъ словахъ слезы брызнули изъ глазъ молодаго чело-вѣка, и онъ продолжалъ умоляющимъ голосомъ:

— О матушка! оставьте ее въ покоѣ, если же нѣтъ, преду-преждаю васъ, что уйду съ первыми солдатами, которые здѣсь случатся: тогда поминайте меня, какъ звали!

— Я говорю, чтобъ она шла въ колесо! это научить ее морить собакъ! кричала фермерша.

— Что вы говорите, матушка! вскричалъ Жанъ испуганнымъ и исполненнымъ негодованія голосомъ: Ее, Лену, въ колесо! о матушка, это уже слишкомъ!

— Смотрите, какъ дрожить этотъ глупецъ! сказала старуха съ язвительною насмѣшкой! а чтожъ бы ты сдѣлалъ?

— Слушайте, матушка, отвѣчалъ Жанъ съ важностью, сдѣлавшею на его мать глубокое впечатлѣнiе: если Лена пойдетъ въ колесо, я сейчасъ оставлю этотъ домъ, хоть бы вы меня къ нему цѣпями привязали. Вѣрьте мнѣ, матушка, я готовъ произнести предъ вами страшную клятву.

Фермерша, въ свою очередь, затрепетала отъ гнѣва, стараясь однакожъ преодолѣть его, потому что видѣла необходимость уступить. Жанъ былъ единственный мужчина на фермѣ и имѣлъ довольно силы и опытности, чтобъ при обработываніи полей замѣнять своего умершаго отца. Еслибъ Жанъ оставилъ мызу, она въ конецъ бы разорилась. Пожирая огненными глазами лицо убитой молодой дѣвушки, она вскричала:

— Хорошо! Пусть же не остается на глазахъ моихъ эта лѣнивица! Пошла, веди на траву бѣлую корову, и не думай раньше четырехъ часовъ сюда возвращаться, иначе я раздѣлаюсь съ тобою! А ты, Жанъ, скажи Тринѣ, чтобъ шла сюда пахтать масло.

Лена медленными шагами пошла изъ комнаты. У двери, она обернулась и ея черные блестящіе глаза бросили на Жана длин-

ный, томный взгляд, какъ бы говоря: Благодарю, благодарю, ты покровительствуешь умершей! Скоро я буду молиться за тебя тамъ, на небесахъ!

II.

Лена отправилась отыскивать вдоль ручья кое-гдѣ растущую траву, шла по тропинкѣ, и вела за веревку бѣлую корову. Достигнувъ мѣста, гдѣ поляна, поросшая ольхой и можжевельникомъ примыкаетъ къ болоту, Лена отошла на нѣсколько шаговъ отъ тропинки къ высокому буку, вѣроятно выросшему отъ зерна, брошеннаго на влажную почву какою нибудь птичкою, потому что на всемъ пространствѣ, которое можно было окинуть взоромъ, не было ни одного буковаго дерева. Лена опустила на землю къ подошвѣ гигантскаго дерева, склонила голову, устремивъ неподвижные глаза въ землю, пустила веревку и предалась обычнымъ своимъ мечтамъ.

На свободномъ воздухѣ, подъ лазурнымъ небомъ, сердце ея облегчилось отъ тяжелой грусти: ни одна жалоба не вылетѣла изъ усть, ни одинъ вздохъ не вырвался изъ груди ея, только слезы чистыми перлами скатывались изъ ея прекрасныхъ глазъ на пердникъ. Продолжительна была скорбь молодой дѣвушки; наконецъ слезы мало-по-малу прекратились, она устремила къ небу влажные глаза и запѣла:

«Рикке тикке-такъ,
Бейте, дружно въ ладъ!
Бейте, молодцы,
Куйте, кузнецы!
Красное желѣзо
Сышетъ искръ каскадъ!
Тикке-рикке-такъ,
Бейте, бейте въ ладъ!»

Что означаетъ эта странная, таинственная песенка въ устахъ Лены? Тщетно бы стали спрашивать у нея объясненія, она и сама не знаетъ, откуда у нея берутся эти слова. Она не помнитъ чтобъ кто нибудь пѣлъ ей эту пѣсенку, можетъ быть, эти слова и голосъ сами собою, безъ всякой причины, родились въ умѣ молодой дѣвушки. Но странная пѣсенка составляетъ какъ бы часть ея

загадочнаго существованія; въ голосѣ пѣсни есть другой тайный голосъ, понятный только Ленѣ, хотя онъ и не выражаетъ ничего опредѣленнаго, особеннаго,—она его любитъ, какъ источникъ облегченія и утѣшенія ея страданій. Она привыкла пѣть эту пѣсню въ минуты радости и печали, какъ выраженіе глубокихъ задуманныхъ своихъ чувствованій.

Пѣсенка эта производила такое дѣйствіе на Лену, что нѣсколько разъ повторивъ ее, болѣе и болѣе веселымъ голосомъ, она, казалось, забывала всю жестокость своего положенія. Магическое рикке-тикке-такъ озаряло ея лицо лучемъ спокойствія и радости. Она медленно приподнялась съ земли и повела дальше бѣлую корову, гдѣ было болѣе для нея травы, потомъ побѣжала сама черезъ поле, на песчаную горку, откуда можно было обозрѣвать всю равнину.

На самой вершинѣ пригорка было замѣтно углубленіе, какъ бы отпечатокъ прекрасной женской формы. Безъ сомнѣнія, Лена часто посѣщала это мѣсто, она и теперь тамъ съѣла. Поднявъ голову и положивъ на колѣна руки, она устремила черные свои глаза на синеватую точку, которая виднѣлась на самомъ краю горизонта.

Отъ этой точки, вѣроятно, означавшей отдаленный городъ, бѣжала чрезъ поляну извилистая дорожка и терялась недалеко отъ фермы посреди кустарника. Неподвижный взоръ Лены былъ прикованъ къ началу этой дорожки: она походила на сиротинку рыбака, которая съ песчанаго берега смотритъ съ стѣсненнымъ сердцемъ на далекія волны—не принесутъ ли онѣ родной челнокъ, которому не суждено возвратиться! Но не то было съ Леной: она также чего-то ожидала, только не могла сама себя объяснить чего именно ждать, и чего желаетъ ея сердце.

Она безпрестанно смотрѣла на дорогу и, можетъ быть, съ предчувствіемъ, что по этой дорогѣ пріѣдетъ ея избавитель; однакожь она никого не знала въ мірѣ. Сотня путешественниковъ могла пройти передъ ея глазами, она не обратила бы на нихъ никакого вниманія. Но не была ли она немножко безумна? О! нисколько, хотя дочери старухи и называли ее дурочкой.

Лена подъ тяжестью безпрестанныхъ обидъ и страданій создала для себя особую жизнь... Поступки ея, непонятные другимъ, часто носили на себѣ печать безумія, а между тѣмъ, благодаря непрерывнымъ мечтамъ и размышленіямъ, умъ ея изощрялся и воображеніе получило могучую силу. Тайныя помышленія, волновавшія ея грудь, не затмили ея разсудка; она взвѣшивала и пони-

мала все, что съ нею ни случалось; но выводы этихъ разсужденийъ всегда были замкнуты въ ней самой. Впрочемъ, къ чему могъ послужить разсудокъ? Не осуждена ли она была томиться и умереть медленною, но вѣрною смертию!

Уже лучи солнца начали освѣщать западную сторону песчаного пригорка; вечеръ приближался, а Лена все еще не отводила глазъ отъ синющейся точки горизонта. Она чувствовала голодь, терпѣла, и все оставалась неподвижною.

Но вотъ молодой крестьянинъ осторожно проскользнулъ чрезъ ольхи, осѣняющія ручей; онъ по временамъ оборачивается къ сторонѣ фермы, какъ бы опасаясь чтобъ его оттуда не увидѣли; наконецъ онъ достигаетъ до высокаго буковаго дерева, подлѣ которымъ недавно сидѣла и плакала молодая дѣвушка. Онъ обращается къ песчаной горкѣ, прикладываетъ ко рту обѣ ладони, чтобъ лучше могъ быть услышанъ, и кричитъ:—Лена! Лена!

Молодая дѣвушка встала и тихонько пошла къ крестьянину, который сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она возлѣ него сѣла. Онъ вынулъ изъ—подъ своей блузы ломоть чернаго хлѣба и кусокъ ветчины, который разрѣзавъ на маленькіе кусочки, положилъ на хлѣбъ, подавая этотъ скудный обѣдъ молодой дѣвушкѣ, и ставя въ тоже время небольшую кружку пива подлѣ кустовъ можжевельника, онъ тихонько сказалъ ей:—вотъ тебѣ, Ленушка, кушанье и питье.

Молодая дѣвушка бросила на него взглядъ полный признательности, и отвѣчала ему также тихо:

— Жанъ, Богъ тебя наградить за твое доброе сердце; благодарю тебя за нѣжную дружбу.

Глубокая горестъ сжала сердце молодаго крестьянина; онъ не произносилъ болѣе ни слова, хотя по временамъ катились и у него украдкою слезы.

Лена, окончивъ свой обѣдъ, сказала:

— Жанъ, добрый мой другъ, не печалься обо мнѣ; твои слезы для меня, право, больнѣе побой твоей матери!

— Прости ее, Лена, ради меня; если не простишь, она погибнетъ на томъ свѣтѣ. Вѣдь она мнѣ мать, Лена, прости ее!

— Да мнѣ не въ чемъ ее прощать, Жанъ. Я не питаю къ ней дурнаго чувства и не помню ея обидъ, право, я все забыла.

— Не обманывай меня, Лена, прошу тебя.

— Я много разъ тебѣ говорила, что ты меня не понимаешь, да я и сама не очень себя понимаю. Когда со мною дурно обращаются, и даже бьютъ, конечно, тѣло мое страдаетъ, но душа ни

сколько; мнѣ являются тогда какія-то мечты, предо мною проходятъ какія-то неясныя видѣнія, которыя меня очаровываютъ. Эти таинственныя видѣнія составляютъ пищу и потребность моей души. Благодаря имъ, я забываю все; онѣ мнѣ говорятъ о другой, лучшей жизни и подають надежду, что я не останусь весь вѣкъ сиротой. Впрочемъ, Господь на небесахъ не есть ли общій всѣмъ отецъ? Но, можетъ быть, суждено еще мнѣ и на землѣ когда нибудь увидѣть моего отца или мою мать!

— Твои родители умерли, Лена, матушка мнѣ часто объ этомъ говорила; но не тоскуй объ этомъ. Взгляни на мои руки: онѣ уже сильны. Скоро я сдѣлаюсь настоящимъ человѣкомъ; потерпи долѣе-порѣе, Лена! Я буду для тебя работать съ утра до ночи, хотя бы для этого нужно было сдѣлаться твоимъ рабомъ!

— Ты, моимъ рабомъ! что ты, Жанъ! Но взгляни, пожалуйста, на лицо мое и скажи: что значить мертвая блѣдность на щекахъ моихъ?

Молодой человѣкъ закрылъ обѣими руками лицо свое и задышающимъ голосомъ, съ болѣзненнымъ вздохомъ, сказалъ: смерть! смерть!

За тѣмъ послѣдовало продолжительное молчаніе; ничто не нарушало тишины, только вѣтеръ легонько качалъ можжевельный кустарникъ, возлѣ котораго сидѣли молодые люди; напослѣдокъ Жанъ схватилъ руку Лены и продолжалъ:

— Лена, ты никогда не знала своихъ родителей, съ младенчества ты была воспитываема моею матерью и испытала столько горя. Но еслибъ съ завтрашняго дня тебя оставили въ покоѣ и стали съ тобою хорошо обращаться, стала-бы ты жить?

— Жить? повторила Лена: но кто можетъ знать часъ своей смерти? Я понимаю твое намѣреніе, но зачѣмъ тебѣ раздражать свою мать и изъ-за меня навлекать на себя ея гнѣвъ?

— Зачѣмъ? вскричалъ Жанъ, какъ бы съ досадой,—зачѣмъ? я, право, не знаю; но вѣрь мнѣ, если у тебя есть постоянная мысль, постоянная мечта, у меня есть также мысль, которая ни на минуту меня не покидаетъ ни при тяжелой работѣ, ни въ глубокомъ снѣ. Лена, я не умѣю такъ хорошо говорить, какъ ты, но, ради Бога, вѣрь тому, что я тебѣ скажу: когда ты умрешь, Жанъ не будетъ болѣе работать: онъ также скоро переселится на кладбище, и ляжетъ въ землю подлѣ тебя. Если спросишь зачѣмъ? я не умѣю тебѣ этого изъяснить; но подъ моей блузой бьется сердце, которое живо чувствуетъ: ты бѣдное дитя, сиротинка; для меня этого довольно. Живи, Лена, живи...

Грозный голосъ послышался вдали: — Веди назадъ корову, сейчасъ-же веди!

Жанъ всталъ, бросилъ на Лену умоляющій взглядъ и, скрываясь въ чащѣ ольховыхъ деревъ, сказалъ въ полголоса: Я иду на ферму, иди и ты, Лена. Она не станетъ тебя бить.

Лена поднялась, грустно взглянула на Жана, и повела корову медленными шагами на ферму.

III.

Въ деревнѣ Вестмаль* была небольшая кузница, въ которой работали хозяинъ съ четырьмя работниками. Сколько визгъ пилъ и стукъ молотовъ позволялъ слышать, разговоръ шель о Наполеонѣ и его побѣдахъ. Одинъ изъ работниковъ, у котораго на лѣвой рукѣ не доставало двухъ пальцевъ, началъ было рассказывать какую-то интересную исторію изъ временъ итальянскихъ войнъ, какъ два всадника очутились предъ кузницею, одинъ изъ нихъ вскричалъ:

— Эй, товарищи! подкуйте-ка мою лошадь!

Работники съ любопытствомъ смотрѣли на двухъ прѣзжихъ, которые соскочили съ лошадей. Не трудно было догадаться, что это военные люди; у одного изъ нихъ на лицѣ замѣтенъ былъ широкій рубецъ, а въ петлицѣ сюртука виднѣлась красная ленточка; другой, на которомъ подобно первому, было партикулярное платье, казался его подчиненнымъ. Онъ взялъ подъ уздцы лошадь своего начальника и спросилъ:—которую ногу надо подковать, полковникъ?

— Лѣвую, переднюю, поручикъ.

Пока одинъ изъ работниковъ ставилъ въ станокъ лошадь, полковникъ вошелъ въ кузницу; окинувъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, онъ сталъ брать въ руки разные инструменты, какъ бы отыскивая между ними знакомые ему. Въ самомъ дѣлѣ, онъ нашелъ, что искалъ, и держа въ одной рукѣ тяжелые клещи, а въ другой молотъ, разсматривалъ ихъ съ странною улыбкой, къ удивленію работниковъ, глядѣвшихъ на него, выпуча глаза.

Между тѣмъ желѣзо брошено въ горнъ, мѣхи засвистѣли, и яркія искры посыпались надъ раскаленными угольями. Работники, вооружась тяжелыми молотами, приготовились къ дѣлу. Хозяинъ вытащилъ желѣзо изъ горна, и удары молотовъ раздались въ тактъ по кузницѣ.

* Вестмаль, деревня въ четырехъ миляхъ отъ Антверпена, по большой дорогѣ къ Турне.

Эта веселая музыка, казалось, задѣла за живое полковника; онъ слушалъ ее съ восхищеніемъ, какъ будто очаровательная симфонія касалась его слуха. Однакожъ въ ту минуту, какъ сняли съ наковальни новую подкову, чтобъ подковать ею лошадь, выраженіе презрѣнія пробѣжало по его лицу; онъ взялъ изъ рукъ хозяина клещи, которыми тотъ держалъ желѣзо, и бросивъ его въ огонь вскричалъ: Нѣтъ, это не такъ! какую неуклюжую сковали вы подкову. Къ дѣлу, друзья! Принимайтесь опять за мѣхи!

Тогда какъ всѣ приказанія его исполнялись съ точностью, и всѣ смотрѣли на него съ возрастающимъ любопытствомъ, онъ снялъ съ себя сюртукъ и засучилъ по-локоть рукава рубашки. Когда желѣзо раскалилось до-красна, онъ положилъ его на наковальню схватилъ самый тяжелый молотъ, и какъ настоящій мастеръ, весело сказалъ: Ну, ребята, смотрѣть и слѣдовать за мною; мы скуемъ такую подкову, что лучшей нѣтъ и у наполеоновской лошади. Ну, друзья, въ тактъ, за пѣсней:

Рикке-тикке-такъ,
 Бейте дружно въ ладъ!
 Бейте жъ, молодцы,
 Куйте, кузнецы!
 Красное желѣзо,
 Сыплетъ искръ каскадъ.
 Рикке-тикке-такъ,
 Бейте, бейте въ ладъ.
 Мы скуемъ на славу
 Красное желѣзо.
 Ну, лихіе кузнецы,
 Ай, да молодцы!
 Приударьте въ ладъ!
 Рикке-тикке-такъ.

Теперь, покажите-ка подкову?

Работники разинули рты отъ удивленія, глядя на легкую, чудную подкову. Одинъ только хозяинъ, кажется, смѣкалъ въ чемъ дѣло, и въ раздумьи покачивалъ головою. Онъ приблизился къ пріѣзжему, который успѣлъ уже надѣть свой сюртукъ, но какъ ни вглядывался, не могъ узнать въ немъ того, кого подозрѣвалъ.

Лошадь подкована и осѣдлана.

Полковникъ дружески пожалъ руку хозяину, поблагодарилъ

работниковъ, и положивъ на наковальню два наполеондора, сказалъ: Одинъ изъ нихъ хозяину, другой работникамъ, выпейте, друзья, за мое здоровье! потомъ вскочилъ на лошадь, и вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ поскакалъ въ деревню.

Лишь только всадники скрылись за уголъ сосѣдняго дома, работники обратились къ хозяину съ вопрошающимъ взглядомъ.— Полковникъ! полковникъ! пробормоталъ одинъ изъ нихъ, по мнѣ, этотъ весельчакъ—кузнецъ, или былъ кузнецомъ. Не знаете ли вы его, хозяинъ?

— То есть, отвѣчалъ хозяинъ, я зналъ человѣка, который одинъ въ состояннн такъ мастерски ковать желѣзо, и если не обманываюсь, полковникъ ни кто другой, какъ землякъ нашъ, Карлъ Ванъ-Мильгемъ, котораго обыкновенно звали Рикке-тикке-такъ.

— Какъ! Неужели это веселый кузнецъ вестмальскій! воскликнулъ одинъ изъ работниковъ; я много слыхалъ про Карла Рикке-тикке-такъ: онъ былъ постоянный посѣтитель кабака, горькнй пьяница, и ставилъ верхъ дномъ всю деревню. Полковникъ, кажется, порядочный человѣкъ. Нѣтъ это вѣрно не онъ!

Хозяинъ сѣлъ на наковальню и сказалъ работникамъ: Ну, братцы, мы за это утро получили вдсятеро, и до обѣда работать больше не будемъ. Послушайте, что я вамъ расскажу, а тамъ судите ужъ сами. По моему, такъ полковникъ точно Карлъ Ванъ-Мильгемъ. Назадъ тому шестнадцать лѣтъ, въ этой самой кузницѣ жилъ и работалъ молодой человѣкъ, у котораго жена была крестьянка, первая красавица во всемъ здѣшнемъ околоткѣ. Они жили, какъ говорится, душа въ душу, и такъ другъ друга любили, что вся деревня, смотря на нихъ, не могла нарадоваться. Карлъ-Ванъ-Мильгемъ, такъ звали этого молодаго человѣка, работалъ съ утра до вечера, такъ, что потъ катилъ съ него градомъ, и прнатели дали ему прозвище тикке-рикке-такъ, потому что онъ, стуча по наковальнѣ цѣлый день, насвистывалъ пѣсню, которую такъ хорошо знаетъ полковникъ. Никогда не скучалъ онъ, за словомъ въ карманъ не лѣзъ, а когда, бывало, скажетъ что, такъ надорвешься со смѣху. Въ Вестмалъ не было другаго человѣка, котораго бы такъ всѣ любили, какъ веселаго кузнеца Карла. Нѣсколько лѣтъ не было у него дѣтей; но вотъ и его наградила Господь; кузнецъ самъ себя не помнилъ отъ радости; пѣсенка Рикке-тикке-такъ не умолкала съ утра до вечера, и добрые люди начали побаиваться, чтобъ Карлъ отъ радости

не ряхнулся. Наконецъ насталь давно желанный день: Карлъ сдѣлался отцемъ прекрасной малютки дочери; но бѣдная его жена ужь не встала съ постели. Она похоронена на кладбищѣ, знаете, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ желѣзный крестъ. Съ той поры, Карлъ точно переродился: онъ непринимался за молотъ; труба хижины его никогда не дымилась, и сталъ онъ пить на пропалую. Тутъ ужь ему было не до любимыхъ пѣсень, онъ такъ дурно себя велъ, что сдѣлался соблазномъ для всей деревни. Когда же возвращался домой, слишкомъ навеселъ, и принимался какъ неистовый за работу, нянька, ходившая за ребенкомъ, имѣла вѣрное средство укрощать его. Она сажала дитя къ нему на колѣни, и какъ бы ни былъ Карлъ пьянъ, видъ малютки магически укрощалъ его. Онъ улыбался тогда по-прежнему, сажалъ дочь на колѣна верхомъ, и заставлялъ ее скакать, напѣвая любимую свою пѣсенку Рикке-тикке-такъ. Нельзя сказать, чтобъ Карлъ совѣтъ сдѣлался дурнымъ человѣкомъ: всѣ знали, что преждевременная потеря жены, которую онъ такъ любилъ, была причиною его пьянства, потому что всякій разъ, когда проходилъ онъ мимо кладбища, хотя бы былъ такъ пьянъ, что едва на ногахъ держался, видъ желѣзнаго креста всегда извлекалъ изъ глазъ его слезы, это видѣла вся деревня. По этому имѣли къ нему большое снисхожденіе сосѣди: они, безъ его вѣдома, заботились о малюткѣ. Такъ прошли три года. Карлъ сдѣлался болѣзнъ и долго хворалъ. Его друзья, вспомошествоваемые священникомъ, умѣли уговорить его въ продолженіе болѣзни, и казалось, онъ излечился отъ страсти своей къ пьянству; но въ то же время родилось у него намѣреніе оставить деревню, гдѣ не могъ онъ видѣть могилы своей жены. Не говоря ни слова, куда думаетъ итти, Карлъ продалъ отцу моему кузницу, и въ одно прекрасное утро, взявъ на руки дочь свою, ушелъ отъ насъ неизвѣстно куда, и съ тѣхъ поръ не было вѣстей ни о немъ, ни о его дочери.

— Нечего и сомнѣваться, полковникъ ни кто другой, какъ тикке-рикке-такъ, вскричалъ одинъ изъ работниковъ.

— И я увѣренъ, что это самъ Ванъ-Мильгемъ, продолжалъ хозяинъ; онъ бралъ въ руки разные инструменты, которые куплены были моимъ отцемъ или мною, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія, за то тѣми, которые сохранились еще отъ прежней кузницы, какъ ими онъ любовался. Притомъ умѣнье его ковать и въ особенности его пѣсенка!.. Нѣтъ сомнѣнія, что это нашъ молодецъ... И кто бы подумалъ? Полковникъ!..

Между тѣмъ, какъ на кузницѣ продолжались разсужденія о Карлѣ Рикке-тикке-такъ, два путешественника подъѣхали къ гостиницѣ, «Корона», велѣли поставить лошадей въ конюшню, а сами кое-что перехватили. Затѣмъ полковникъ, оставивъ гостиницу, отправился по большой дорогѣ пѣшкомъ къ секретарю общины. Его ввели въ особую, маленькую комнатку, гдѣ онъ дождался довольно долго, пока секретарь возвратился съ полевыхъ работъ и отворивъ двери, сказалъ съ глубочайшею церемоніею:

— Господинъ полковникъ Ванъ-Мильгемъ, я къ вашимъ услугамъ. Простите, если...

Полковникъ прервалъ привѣтствія, взявъ его дружески за руку.

— Что жъ, мой другъ, открыли вы, гдѣ моя дочь?

— Нѣтъ еще, господинъ полковникъ, отвѣчалъ печально секретарь.

— О Боже! Какое несчастіе! воскликнулъ офицеръ, неужели никакой нѣтъ надежды?

— Господинъ полковникъ, продолжалъ секретарь, потрудитесь меня выслушать, и вы увидите, что не только не должно намъ терять надежды, а напротивъ, мы близки къ открытію истины. Въ послѣднее ваше посѣщеніе, вы оставили довольно денегъ на всевозможные розыски, вѣрьте, что я не упустилъ ничего, чтобъ заслужить вашу благосклонность и, вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться обѣщанными мнѣ тысячею франками. Вотъ что я узналъ: Когда Карлъ Ванъ-Мильгемъ (здѣсь секретарь почтительно поклонился полковнику) отправился изъ Вестмаля съ своимъ четырехлѣтнимъ ребенкомъ, онъ никому не объявилъ, куда намѣренъ итти, можетъ быть, тогда онъ и самъ еще хорошенько не зналъ объ этомъ. Въ послѣдствіи вы мнѣ сказали, и мои разысканія подтвердили, что въ Вильде, повыше Турне, онъ ввѣрилъ свое дитя старому школьному учителю, по имени Петру Дриссену, который жилъ съ своей женою въ деревни, въ уединеніи. Карлъ Ванъ-Мильгемъ вручилъ учителю небольшую желѣзную шкатулку, въ которой хранились деньги, вырученныя отъ продажи кузницы; шкатулку эту старики уполномочены были открыть въ случаѣ надобности, чтобъ ни дитя, ни они сами не терпѣли нужды. Карлъ Ванъ-Мильгемъ отправился въ Голландію, гдѣ, по общему мнѣнію, вступилъ въ военную службу, подъ начальство французскаго генерала Пишегрю. Какъ бы то ни было, но съ того времени онъ не справлялся о своей дочери: такъ говорятъ жители изъ Вильде, знавшіе Петра Дриссена.

— Люди эти не знаютъ сами что говорятъ, сказалъ полковникъ, прерывая секретаря; я два раза писалъ изъ Египта, желая получить вѣсточку о моей дочери. Письма мои оставались безъ отвѣта, и когда, по смерти Клебера, я возвратился во Францію, и мнѣ дозволено было прѣхать сюда повидаться съ дочерью, когда съ трепещущимъ сердцемъ я подходилъ къ хижинѣ, гдѣ оставилъ мое дитя, я нашелъ тамъ только груду пепла. Передать вамъ, что я чувствовалъ при этомъ страшномъ зрѣлищѣ, невозможно: у васъ самихъ есть дѣти... Къ счастью, мнѣ сказали нѣкоторые крестьяне, что Петръ Дриссенъ спасся отъ пожара съ маленькою Моникой, и пошелъ просить подаванія.

— Это суцая правда, господинъ полковникъ; во время пожара сгорѣла только жена Петра Дриссена, самъ же онъ, держа на рукахъ маленькую Моника, да желѣзную шкатулку, вышелъ изъ пламени живъ и невредимъ. Онъ получилъ хорошее свидѣтельство * для испрошенія подаванія и отправился съ своимъ пріемышемъ въ разныя деревни за помощью. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что его видѣли съ маленькою Моникой въ Равельсѣ, Бирси, Арендонкѣ и Рети; но, послѣ этой деревни, онъ являлся уже одинъ, безъ Моника, въ другихъ селеніяхъ. Въ Молѣ старикъ заболѣлъ и умеръ. Со вчерашняго дня я только узналъ мѣсто и время его смерти; секретарь Мольской общины прислалъ мнѣ настоящій объ этомъ актъ и присовокупляетъ, что въ оставшихся послѣ Дриссена вещахъ, не нашли ничего, что могло бы дать указаніе о дѣвчкѣ, которую, я неутомимо отыскиваю. Онъ ничего также не говоритъ о желѣзной шкатулкѣ. Не полагаете ли, господинъ полковникъ, что Петръ Дриссенъ способенъ былъ сдѣлать какое либо зло вашему ребенку или оставить его въ полѣ или въ лѣсу?

— О, никогда! отвѣчалъ полковникъ: Дриссенъ училъ меня и всегда былъ лучшимъ моимъ другомъ. Когда я пришелъ къ нему съ моею дочерью и объяснилъ мое намѣреніе итти въ Голландію, чтобъ служить у Пишегрю, какъ вы давеча сказали, онъ самъ меня упросилъ оставить у него Моника, сколько для услажденія его старости, столько и для пользы самого ребенка, который иначе попалъ бы въ чужія руки. Я увѣренъ, что въ одной лишь крайности онъ могъ передать Моника честнымъ людямъ и, думаю, что имъ же ввѣрилъ и шкатулку.

* Такія свидѣтельства обыкновенно выдаются почтенными лицами потерпѣвшимъ разореніе отъ пожаровъ и другихъ непредвидимыхъ случаевъ.

— Я тоже думаю, господинъ полковникъ, и какъ, по моимъ розыскамъ, Моника должна находится между Рети и Миру, и рѣшился пуститься завтра въ Моль, и обойти оттуда всѣ окрестныя деревни и фермы.

— Сдѣлайте же это, мой другъ, ваши труды не останутся безъ вознагражденія. Между тѣмъ, у меня есть еще нѣсколько свободнаго времени, и я употреблю его, съ своей стороны, также на поиски. Сегодня вечеромъ мы ночуемъ въ Лихтеръ, а завтра, около полудня, будемъ у секретаря въ Моль, и тамъ условимся съ вами о дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствіяхъ. Не жалуйте денегъ, мой другъ, возьмите хорошій экипажъ, чтобъ не подвергаться напраснымъ безпокойствамъ. До завтра, и, дай вамъ Богъ добраго успѣха!

Сказавъ это, полковникъ всталъ, пожалъ руку секретаря и возвратился въ гостиницу «Корона». Черезъ часъ послѣ того, два всадника скакали въ галопъ по дорогѣ въ Лихтеръ.

IV.

На другой день, рано поутру, полковникъ съ своимъ товарищемъ ѣхали по извилистой дорожкѣ, ведущей чрезъ равнину покрытую кустарникомъ изъ Лихтера въ Моль.

Солнце во всемъ блескѣ сіяло на голубомъ небѣ, между тѣмъ изъ песчаной равнины подымались волнистые пары, уподоблявшіе ее какому-то безцвѣтному, безбрежному океану. Особенный запахъ отъ куренія «Sarts» * наполнялъ всю атмосферу; кузнечики пѣли свою монотонную пѣсню, и тысячи другихъ насекомыхъ жужжали въ кустарникахъ. Все это необыкновенно дѣйствовало на полковника; здѣсь, въ этой самой странѣ, онъ провелъ лучшіе свои годы; все, до послѣдней былинки, пробуждало въ немъ глубокія воспоминанія. Онъ тихо ѣхалъ, опустивъ узду своей лошади и не говорилъ ни слова. Болѣе часа молодой поручикъ не прерывалъ молчанія своего начальника, наконецъ подѣхалъ къ нему ближе, желая разсвѣять его грусть:

— Полковникъ, сказалъ онъ, перестаньте тосковать. Я очень понимаю, какъ велико ваше желаніе отыскать свое дитя; но такой человекъ, какъ вы, сто разъ видѣвшій передъ глазами не-

* Sarts, это дѣрнъ съ мелкимъ кустарникомъ, который рѣжутъ и складываютъ въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ небольшихъ пирамидъ, и потомъ жгутъ, какъ торфъ. Кто испыталъ особенный запахъ горящаго «Sarts», вѣрно его не забудетъ.

пріятеля и смерть, можетъ ли до такой степени предаваться обыкновенной грусти?

— Обыкновенной грусти! Да, Адольфъ, это обыкновенная грусть, да только она у меня глубоко лежитъ на сердцѣ. Пойми, мой другъ, что во всю мою жизнь я любилъ одну только женщину. Женщина эта была крестьянка, но память о ней не разлучна со мною, даже и въ битвахъ. Рано умерла моя подруга, но оставила мнѣ дитя, совершенное свое подобіе. И это дитя, быть можетъ, вымалываетъ себѣ кусокъ хлѣба для жалкаго существованія, тогда, какъ я имѣю средства сдѣлать ее счастливою! Мнѣ кажется, что ея мать оттуда, съ высоты, спрашиваетъ меня: Что сдѣлалъ ты съ нашею дочерью!..

— Полковникъ, полковникъ! отвѣчалъ поручикъ, вы очень поэтизируете вашу печаль: этимъ невозможно ее ослабить. Ну, разсудите хладнокровно: недолженъ ли солдатъ имѣть столько твердости духа, чтобъ побѣдить грусть, еслибъ она была и сильнѣе вашей!

— Ты думаешь, Адольфъ, возразилъ полковникъ, что я вылить изъ бронзы? ошибаешься, мой другъ. Вотъ видишь, ты воображаешь себя нечувствительнымъ, и этимъ гордишься, а скажи мнѣ откровенно: еслибъ сейчасъ вдали, за этимъ горизонтомъ, показалась хижина твоей старушки матери, съ которою лѣтъ шесть ты невидался, прослезился бы ты или нѣтъ?

Молодой поручикъ сначала не сказалъ ни слова, а потомъ, потупя глаза, какъ бы стыдясь своего признанія, отвѣчалъ: Да, вы правы, полковникъ, я упалъ бы на колѣна и залился слезами!

— Стало быть, тебѣ понятно, какъ сильно мое желаніе отыскать дочь, и что я также утопалъ бы въ слезахъ, еслибъ Богъ привелъ мнѣ ее увидѣть. Подумай, Адольфъ, у меня нѣтъ болѣе ни матери, ни отца, ни брата, даже родственника! одно только существо, съ которымъ я связанъ узами родства и крови— это потерянная дочь моя. Бѣдная жена моя, умирая отдала мнѣ ее на руки и, въ послѣднюю минуту, сказала: Умоляю тебя, другъ мой, люби ее всегда! Эти слова произнесъ полковникъ задыхающимся отъ внутренняго волненія голосомъ, такъ, что поручикъ, уважая скорбь его, осадилъ свою лошадь и повѣхалъ молча позади его. Полковникъ вскорѣ также задержалъ свою лошадь, и, поравнявшись съ товарищемъ, протянулъ ему руку и сказалъ: Не удивляйся, мой другъ, что глаза мои наполняются слезами. Видишь ли тамъ, за можжевельникомъ, подлѣ ручья, возвышается гигантскій

букъ? Подъ его тѣнью, трепещущая молодая дѣвушка услышала въ первый разъ признаніе въ моей любви. Здѣсь все мнѣ родное: трава, кустарникъ, деревья, все меня привѣтствуетъ какимъ-то мнѣ одному понятнымъ языкомъ. Сойдемъ съ лошадей: мнѣ хочется посмотрѣть сохранились ли на корѣ дерева знаки, начертанные моею любовью!..

Нѣсколько времени они вели лошадей своихъ въ поводу, потомъ привязали ихъ къ двумъ деревьямъ и перескочили черезъ ручей. Подойдя къ буку, полковникъ всплеснулъ руками: начертанные имъ знаки были ясно видны.

Но вдругъ онъ почувствовалъ какъ бы электрическое сотрясеніе, вздрогнулъ и сталъ слушать отдаленные звуки. Поручикъ, испуганный необыкновеннымъ движеніемъ полковника, невольно хватился за эфесъ шпаги; но повелительный знакъ полковника заставилъ его хранить молчаніе.

За деревьями, растущими за ручьемъ, раздавались чудные, серебряные звуки, и вскорѣ они явственно слышали слѣдующія слова:

Рикке-тикке-такъ,
Бейте, дружно въ ладъ!
Бейте, молодцы,
Куйте, кузнецы!
Красное желѣзо,
Сыплетъ искръ каскадъ!
Рикке-тикке-такъ,
Бейте дружно въ ладъ!

Голосъ умолкъ, а полковникъ все оставался неподвиженъ. Вѣрно онъ ждалъ втораго куплета. Не слыша ничего болѣе, онъ самъ зацѣлъ съ особою пріятностью

Рикке-тикке-такъ,
Бейте дружно въ ладъ!
Мы скуемъ на славу
Красное желѣзо.
Ну, лихіе кузнецы,
Ай, да молодцы!
Пріударьте въ тактъ!
Рикке-тикке-такъ.

Не было отвѣта на его слова, голосъ умолкъ за ольховою изгородью. Полковникъ подбѣжалъ къ поручику, схватилъ его за руку и увлекая за собою, говорилъ ему прерывающимся голосомъ: Иди, иди, мой другъ, сюда! Я дрожу, я самъ не свой. Мы слышали голосъ моей жены, ея голосъ, ея пѣсня!.. О Боже! чего я долженъ надѣяться?

Вдругъ полковникъ остановилъ офицера, и не говоря ни слова, указалъ ему на молодую дѣвушку, сидѣвшую на травѣ, подлѣ можжевельнаго куста. Казалось, она не подозрѣвала, что ее примѣчаютъ, потому что ея большіе черные глаза неподвижно устремлены были на буковое дерево; правая рука приложена была къ полураскрытымъ губамъ, какъ будто она хотѣла отдалить отъ себя всякій шумъ, чтобъ только слышать одинъ звукъ.

Полковникъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ приблизиться къ дѣвушкѣ, и тогда только въ испугъ она замѣтила, что двое незнакомыхъ внимательно на нее смотрятъ. Однако жъ мгновенно страхъ ея исчезъ, и она привѣтливо посмотрѣла на нихъ.

Полковникъ невытерпѣвъ, подбѣжалъ къ молодой дѣвушкѣ, взялъ ее за руку и спросилъ дрожащимъ голосомъ: Какъ зовутъ тебя, дитя мое?

— Лена, отвѣчала она.

Болѣзненный стонъ вырвался изъ груди несчастнаго полковника, онъ вскричалъ съ отчаяніемъ:

— Лена? о Боже! Это не она!

Слезы брызнули изъ глазъ его и онъ закрылъ лицо руками. Молодой поручикъ старался его утѣшить, но полковникъ тихо оттолкнулъ его и сдѣлалъ знакъ, чтобъ оставили его въ покоѣ.

Лена взглянула на незнакомцевъ, и замѣтивъ, что полковникъ плачетъ, сама взяла его за руку и сказала нѣжнымъ, сострадательнымъ голосомъ:

— О чемъ вы грустите? Если неприятна вамъ пѣсенка моя, я не стану ее пѣть.

Полковникъ, пораженный звукомъ ея голоса, быстро взглянулъ на нее и тревожно спросилъ:

— Кто научилъ тебя, милая, этой пѣсенкѣ?

— Не знаю, отвѣчала она съ нѣжностью, давно она мнѣ известна, только не умѣю сказать съ какого времени.

— Не помнишь ли, милая, когда ты была еще малюткой, стука молотовъ, которыми бьютъ по наковальнѣ?

Лена не отвѣчала на этотъ вопросъ ни слова, но смотря во-

всѣ глаза поднесла руку ко лбу, какъ бы желая что-то припомнить.

— Вспомни, сказала еще скорѣе полковникъ, не слыхала ли ты часто вотъ это :

И ударяя ручкой хлыстика по своей ладони, подобно тому какъ бьютъ молотомъ по наковальнѣ, онъ запѣлъ :

Рикке-тикке-такъ,
Бейте дружно въ ладъ!
Бейте, молодцы,
Куйте, кузнецы!
Красное желѣзо
Сыплетъ искрѣ каскадъ!
Тикке-рикке-такъ
Бейте, дружно въ ладъ.

Молодая дѣвушка затрепетала всѣми членами, и послѣ послѣдняго куплета закричала съ восторгомъ: да, да, рикке-тикке-такъ. И захлопала ручками въ тактъ пѣснѣ.

— Не помнишь ли, дитя мое, чтобъ какойнибудь человѣкъ качалъ тебя на колѣнахъ подѣ голосъ рикке-тикке-такъ?

Лена приложила пальчикъ къ розовымъ губкамъ и зажмурила глаза. Помолчавъ съ минуту, она сказала въ полголоса, какъ бы еще сомнѣваясь: да... этотъ человѣкъ... былъ отецъ мой!

При этихъ словахъ полковникъ задрожалъ, онъ распростеръ уже объятія, чтобъ поцѣловать Лену, но все еще удерживая себя, спросилъ:

— И тебя точно зовутъ Лена? Подумай хорошенько... Не помнишь ли, какъ называлъ тебя человѣкъ, у котораго ты скакала на колѣнѣхъ какъ на лошадакъ?

Лена опустила глаза въ землю и немного подумавъ сказала нетвердымъ голосомъ: — онъ называлъ меня милая... милая Моника!

— Дочь моя! дочь моя! вскричалъ полковникъ и заключилъ Моника въ свои объятія.

Молодая дѣвушка устремила на него свои черные глаза, нѣжно ему улыбалась, и уступая душевному волненію, упала на трепещущую грудь отца.

Черезъ часъ полковникъ велъ подѣ руку свою дочь по дорогѣ въ Моль; поручикъ вѣхалъ шагомъ на одной лошади,

держа другую за поводь. Блѣдное лицо Моника озарилось самымъ слабымъ румянцемъ, подобно лепесткамъ бѣлыхъ розъ; она не могла насмотрѣться на отца и улыбалась ему, полная счастья; а тотъ ласкалъ голову, плеча молодой дѣвушки, и часто останавливался, чтобъ поцѣловать ее.

Полковникъ никакъ не хотѣлъ заходить на ферму, гдѣ несчастная его дочь такъ долго страдала, въ особенности не желалъ встрѣтиться съ злою женщиною; которая перемѣнила имя вѣтренной ей дѣвочки, чтобъ воспользоваться ея шкатулкой и деньгами. Безъ сомнѣнія, Моника все ему рассказала, и не утаила какъ молодой крестьянинъ такъ великодушно всегда защищалъ ее. Полковникъ понималъ, что она не безъ грусти оставитъ того, который былъ для нея братомъ и утѣшителемъ въ ея жестокихъ страданіяхъ; но какъ ни горяча была ея признательность къ Жану, отецъ ея не могъ не чувствовать глубокаго отвращенія къ сыну жестокой женщины, и охотно бы прервалъ навсегда всѣ сношенія съ этимъ недобрымъ семействомъ.

Но Моника вдругъ освободила себя изъ рукъ отца, обратила взоры на ферму и остановилась на мѣстѣ. Полковникъ, уважая ея чувства, также остановился, но видя, что она плачетъ, сказалъ ей:

— Милая Моника, отчего тебѣ жаль покинуть мѣсто, гдѣ съ тобою такъ дурно обращались?

— Не умереть ли онъ? спросила Моника задыхающимся голосомъ.

— Не бойся этого, дитя мое. Конечно, молодой человекъ погруститъ отъ разлуки съ тобою, но потомъ утѣшится и тебя позабудетъ.

Глаза молодой дѣвушки заблестали страннымъ огнемъ.

— Меня забыть! воскликнула она; ему забыть свою сестру! О! если бъ я могла еще однажды его видѣть! Смотрите, смотрите... вотъ онъ! Жанъ! Жанъ!

И быстрѣе стрѣлы полетѣла она черезъ поле къ молодому крестьянину, который шелъ вдаль между ольхами. Она бросилась къ нему съ распростертыми объятіями, крича: Жанъ, я ѣду... ѣду далеко, далеко отсюда...

Молодой человекъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, не понимая что она говоритъ. Но дѣвушка указала ему пальцемъ на поле:—Смотри, вонъ отецъ мой, не имѣла ли я предчувствія, что найду его!

— Этотъ богатый господинъ твой отецъ? пробормоталъ Жанъ съ увеличивающимся волненіемъ.

— Да, и я ужъ не называюсь болѣе Леной, мое имя гораздо лучше: Моника!

Молодой крестьянинъ, едва понимая всю мѣру своего несчастія, затрясся какъ тростникъ, и, не говоря ни слова, смотрѣлъ блуждающими глазами то на полковника, то на молодую дѣвушку. Потомъ обхвативъ судорожной рукою стволъ ольхи, прислонилъ къ нему свою голову и горько заплакалъ.

Моника, понимая скорбь, раздиравшую его сердце, обвила руками шею Жана, осторожно отняла его голову отъ дерева и, въ первый разъ поцѣловала молодого человѣка въ лобъ. — Жанъ, воскликнула она, не печалься, я возвращусь, навѣрно возвращусь, и мнѣ съ тобою трудно разстаться!

Эти знаки любви, казалось, возвратили силы молодому человѣку. Печальный, но хотя немного успокоенный, смотрѣлъ онъ сквозь слезы на молодую дѣвушку, которая продолжала обвивать руками его шею; но приходъ полковника разстроилъ этотъ обмѣнъ взаимныхъ чувствъ. Отецъ видѣлъ въ этой сценѣ только дѣтскую дружбу. Онъ подошелъ къ молодому крестьянину и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Жанъ Дельманъ, благодарю тебя за дружбу къ моей дочери. Если будешь имѣть когда нужду въ покровителѣ, обращайся прямо ко мнѣ. Мы ѣдемъ въ Моль, а оттуда во Францію. Жалеть, что Моника счастлива, было бы, мой другъ, съ твоей стороны не хорошо. Приходи въ Моль, въ гостиницу «Орель», тамъ ты можешь провести нѣсколько часовъ съ Моникой. Между тѣмъ мнѣ желательно дать тебѣ маленькое награжденіе...

Сказавъ это, онъ всунулъ въ руку молодого крестьянина нѣсколько наполеондоровъ. Въмѣсто признательности Жанъ съ негодованіемъ взглянулъ на полковника, почти не понимая, что происходитъ.

— Теперь отправимся, Моника, сказалъ полковникъ дочери, намъ надо поторопиться. Умѣрь печаль свою: въ Моль вы еще увидите другъ съ другомъ.

Моника съ слезами на глазахъ схватила руку своего друга и, удаляясь отъ него медленными шагами, сказала: Прощай, Жанъ, до скорого свиданья!

Молодой крестьянинъ поникъ головою и нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ. Когда онъ поднялъ голову, полковникъ и Мо-

ника исчезли уже изъ виду. Тогда только онъ почувствовалъ что-то тяжелое въ рукѣ, посмотрѣлъ съ презрительною улыбкой на золото и бросилъ его далеко отъ себя въ кустарникъ. Потомъ, упавъ самъ подъ дерево, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Спустя нѣсколько дней, изъ деревни Моль выѣхала прекрасная почтовая карета. Въ ней сидѣли: полковникъ, величавой наружности, хорошенькая молодая дѣвушка и молодой офицеръ.

V.

Черезъ часъ солнце освѣтитъ равнину, покрытую кустарникомъ; уже горизонтъ позлащается, и темныя облака сгущаясь бѣгутъ къ западу; вездѣ какой-то неопредѣленный гулъ, возбѣщаетъ пробужденіе природы. Въ хижинѣ уединенной фермы, стѣнные часы продолжаютъ по прежнему свой неумолимый тик-такъ; ничто не нарушаетъ тамъ угрюмой тишины ночи; очагъ холоденъ.

Въ полутемномъ углу стоитъ прялка; на вертенѣ еще наматана тончайшая нить, какъ будто молодая дѣвушка сейчасъ только оставила работу.

Въ двухъ или трехъ шагахъ отъ прялки рисуется въ темнотѣ человѣческая фигура: тутъ сидитъ молодой человѣкъ и смотритъ на прялку съ страннымъ выраженіемъ. Сложивъ руки на грудь и наклонивъ голову, онъ попеременно и задумчиво смотритъ то на прялку, то на стоящій возлѣ нея стулъ. На лицѣ его видны слѣды глубокой горести: огонь горитъ въ его дикихъ глазахъ, и кажется, что имъ овладѣло совершенное отчаяніе, между тѣмъ, иногда является у него и мимолетная улыбка.

Всматриваясь ближе въ него, думаешь, что невидимая пральщица сидитъ за прялкой, и что молодой человѣкъ ведетъ съ нею самый одушевленный разговоръ глазами. Тихіе звуки, непрерываемые тишиною ночи, свободно разстилаются въ комнату. Молодой человѣкъ, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ бы внимаетъ имъ, не замѣчая того, что самъ поетъ извѣстную пѣсенку:

Рикке-Тикке-такъ
Бейте дружно въ ладъ!
Бейте, молодцы,
Куйте, кузнецы!
Красное желѣзо

Сыплеть искръ каскадъ!
Рикке-тикке-такъ,
Бейте, бейте въ ладъ!

Онъ встаетъ, беретъ палку и медленно выходитъ изъ комнаты. Въ раздумьи идетъ онъ въ чащу ольховника, останавливается, срываетъ цвѣтокъ, смотритъ на него улыбаясь, обрываетъ лепестки и разбѣянно бросаетъ ихъ на землю. Доходить до дороги, смотритъ на песчаные бугорки, возвышающіеся на равнинѣ; глаза его наполняются слезами: бѣдный молодой крестьянинъ садится и горько плачетъ. Потомъ встаетъ, идетъ подъ исполинскій букъ, и опять прислушивается къ таинственнымъ звукамъ пѣсенки, которую тихонько самъ напѣваетъ:

Тикке-Рикке-такъ,
. . . . .

Но мечта исчезаетъ. Молодой человѣкъ оставляетъ букъ и направляется къ кустарникамъ. Онъ всходитъ на песчаную горку, вонзаетъ палку въ песокъ и упираясь въ нее локтемъ, стоитъ какъ статуя. Глаза его устремлены на синеватое пятнышко отдаленнаго горизонта, откуда змѣится дорожка на равнину, покрытую кустарникомъ и теряется въ нѣкоторомъ разстояніи отъ горки.

Чего ищетъ задумчивый юноша? что принесетъ ему извилистая дорожка? кому понесетъ вѣтерокъ вздохи, вырывающіеся изъ груди его? Слушайте, что онъ самъ говоритъ, вздохи его превращаются въ слова, въ имя, произносимое съ любовью и грустью: Лена!.. Моника!..

Позади его всходитъ на горку молодая крестьянка, подойдя къ молодому человѣку, она говоритъ ему язвительнымъ голосомъ: Жанъ, иди домой!

Онъ вздрагиваетъ, оборачивается и бросаетъ укорительный взглядъ на дѣвушку, которая нарушила его мечты. Вскорѣ однакожь онъ успокоивается и сходитъ съ горы, говоря: иду, иду, сестра!

Пока онъ идетъ, потупя голову, молодая дѣвушка читаетъ ему слѣдующее наставленіе: Хорошую ведешь ты жизнь, съ своими мечтами! ты думаешь, что онъ тебя накормятъ! Вотъ уже три мѣсяца какъ ты сдѣлался дурень-дурнемъ, точь въ точь какъ эта лѣ-

нивица Лена, которая, говорятъ, ушла отсюда съ своимъ отцемъ. Можешь похвалиться, что добру тебя научила! Что ты тутъ съ утра до вечера на воронъ зъваешь?.. На твоемъ мѣстѣ я бы умерла со стыда... Мать больна, а ты какъ дуракъ шатаешься. Ферма скоро совсѣмъ пропадетъ, мы будемъ на соломѣ, а ты въ сумасшедшемъ домѣ!

Жанъ ничего не отвѣчалъ на эту выходку и, казалось, ее не слышалъ. Онъ далъ сестрѣ волю говорить, все что ей вздумается и, по видимому, равнодушно слѣдовалъ за нею на ферму.

VI.

Однажды послѣ полудня Жанъ въ задумчивости стоялъ предъ буковымъ деревомъ и смотрѣлъ на знаки, недавно вырѣзанные на его корѣ. Бѣдный молодой человекъ имѣлъ томный, болѣзненный видъ; вмѣсто здороваго цвѣта лица, щеки его покрылись синева-тою блѣдностью; глаза его выражали какую-то дикость и безуміе, и голова его склонялась на лѣвое плечо.

Болѣе получаса онъ не трогался съ мѣста; вдругъ услышалъ, что позади его хрустятъ сухіе листья ольхи, и кто-то къ нему приближается; это былъ старикъ-священникъ. Молодой человекъ старался принять на себя прежній беззаботный видъ; онъ привѣтствовалъ священника съ улыбкой, но увь! эта улыбка еще болѣе обнаружила его болѣзненную скорбь.

Священникъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ сѣлъ на траву, взялъ его за руку, и смотря на него съ душевнымъ сожалѣніемъ, сказалъ строгимъ голосомъ: Такъ-то Жанъ исполняешь ты свое обѣщаніе? Что это? опять подъ буковымъ деревомъ! Развѣ ты хочешь, чтобъ твоя мать исполнила угрозу срубить это дерево, чтобъ тебя вылечить?

При этихъ словахъ съ молодымъ человекомъ чуть не сдѣлались конвульсии, онъ бросилъ на священника огненный взглядъ и вскричалъ: Какъ! срубить дерево.. срубить букъ! О! нѣтъ, нѣтъ, батюшка, да я бы убилъ работниковъ!

Такая выходка удивила священника, который часто добрыми совѣтами старался убѣдить Жана забыть предметъ его грусти, и думалъ, что уже довольно успѣлъ въ этомъ. Онъ отвѣчалъ безъ гнѣва отеческимъ голосомъ:

— Жанъ, сынъ мой, грѣшно говорить такъ. Матушка твоя сказала это на вѣтеръ, и ты самъ хорошо знаешь, что ея слова

еще не законъ непреложный; но у тебя есть умъ и сердце, а ты выходишь изъ себя отъ бездѣлицы, и угрожаешь другимъ смертію; этого я не понимаю и, признаюсь, мнѣ прискорбно это слышать. Не ожидалъ я отъ тебя такого отвѣта!

— Простите меня, отецъ мой, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ искреннимъ раскаяніемъ. Я знаю, что вы желаете мнѣ добра и пользы; но у меня гнѣздится въ сердцѣ какое-то непонятное чувство, которое сильнѣе моей воли.

— Жанъ! человѣкъ, ищущій своей гибели—погибаетъ, такъ можетъ случиться и съ тобою. Ты предаешься пустымъ мечтамъ, которыя только расслабляютъ тѣло; ты погруженъ въ бездѣйствіе, а еслибъ принялся за полевую работу, за исполненіе своихъ обязанностей, то забылъ бы и причину своей грусти, и былъ бы въ состояніи работать для твоей больной матери. Но ты проводишь цѣлые дни или подъ деревомъ, или на песчаномъ бугрѣ, не исполняя обязанностей своихъ для пустой мечты.

— О! отецъ мой, долго еще по ея отъѣздѣ я былъ дѣятеленъ и прилеженъ. Я приходилъ сюда только до работы и послѣ работы. Я и самъ надѣялся, что ее позабуду. Но уввы! ея образъ преслѣдовалъ меня повсюду. Когда я былъ за плугомъ, она шептала мнѣ на ухо мое имя; на гумнѣ цѣпы повторяли ея любимую рикке-тикке-такъ; въ пѣннѣ птичекъ мнѣ чудился ея голосъ; во всѣхъ звукахъ, во всѣхъ голосахъ природы мнѣ слышалось: Моника! Моника! Къ чему же служила мнѣ работа? Понималъ ли я, что дѣлалъ? Нѣтъ, отецъ мой, нѣтъ! ни къ чему мнѣ это не послужило. Сонъ мой я предпочиталъ жизни, потому что находилъ въ немъ утѣшеніе; я видѣлъ ее, разговаривалъ съ нею; но спокойствіе далеко отъ меня бѣжало. Теперь я не могу работать, еслибъ и хотѣлъ: я слабъ и болѣнъ.

Священникъ покачалъ головою и нѣсколько времени молчалъ, потомъ взявъ опять руку молодаго человѣка сказалъ: Ну, Жанъ, ты долженъ мнѣ отвѣчать: хочешь или нѣтъ оставаться въ теперешнемъ состояніи? Ты знаешь, что Моника никогда сюда не возвратится, а еслибъ и возвратилась, было бы еще хуже. Она богатая барышня, а ты сынъ крестьянки. И такъ твоя болѣзнь настоящее сумасшествіе.

— Но, отецъ мой, могу ли я забыть ее?

— Желаетъ ли ты этого искренно?

— Отъ всего сердца, потому что съ давняго времени мои

мечты для меня только горечь и отравя. Отчаяніе наполняетъ мою душу!

— И такъ докажи, что въ тебѣ дѣйствительно есть мужество, и что ты хочешь излечиться. Исполни желаніе твоей матери и мой совѣтъ: ступай въ Малинь.

— Но я тамъ умру, отецъ мой.

— Отчего же?

— Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, я пошелъ въ Брюссель, гдѣ долженъ былъ остаться недѣлю. Еслибъ вы знали, какія я неслыханныя претерпѣлъ мученія!

— Я тебя не понимаю.

— Извольте, я скажу. Когда позволено мнѣ было наконецъ возвратиться домой, я шелъ день и ночь, не зная отдыха. Когда же впервые вѣтеръ мнѣ принесъ запахъ курящагося «saris», я такъ былъ разстроганъ, что плакалъ какъ ребенокъ; далѣе, при первой елкѣ, я бросился на колѣна и громкимъ голосомъ благодарилъ Бога, что опять увидѣлъ родныя деревья. Я цѣловалъ траву, и возвратясь сюда, побѣждалъ прежде не къ дому, а къ любезному моему буковому дереву, чтобъ обнять его и поговорить съ можжевеловыми кустами, какъ будто они были одушевленные... И вы предлагаете мнѣ разстаться на шесть лѣтъ съ нашею равниной! Это невозможно!

— Сынъ мой, мнѣ извѣстна причина, почему ты больше другихъ любишь нашу равнину; но эту-то причину и надо истребить. Умственные занятія лучше физическихъ изгонять изъ твоего воображенія образъ, который тебя преслѣдуетъ, и побѣждать твои земныя мечты, не сомнѣвайся въ этомъ!..

Слова священника, произнесенныя съ убѣжденіемъ и строгостью, сильно подѣйствовали на молодаго человѣка. Онъ понималъ, что священникъ высказалъ ему страшныя истины. Нѣсколько времени онъ молчалъ потупя глаза, напоследокъ поднявъ голову, какъ бы послѣ тяжкаго рѣшенія, сказалъ:

— Хорошо! отецъ мой, пусть будетъ такъ! Я иду въ Малинь.

— Завтра? спросилъ обрадованный священникъ.

— Ужъ и завтра! возразилъ молодой человѣкъ, завтра оставить равнину, и, можетъ быть, навсегда!

— Жанъ, не произноси такихъ неразумныхъ рѣчей, отвѣчалъ священникъ. Каждый годъ по нѣсколькы разъ ты можешь навѣщать свою матушку, а во время вакансій, насмотришься вдоволь

на равнину. Наконецъ, ты можешь получить мѣсто въ какой нибудь деревнѣ кампинскаго округа, и тамъ будешь проводить тихіе, безмятежные дни подъ небомъ родной равнины... И такъ завтра, не правда ли?

— Такъ и быть, завтра! вскричалъ юноша раздирающимъ голосомъ, который раздался далеко за ольхами. Завтра, завтра! и онъ поднесъ руки къ глазамъ, изъ которыхъ брызнули слезы.

Черезъ полчаса, рука въ руку они отправились къ фермѣ.

VII.

Когда Моника оставила ферму и отправилась во Францію, сердце ея исполнено было живѣйшею радостью, мечта ея осуществилась: она нашла того, кого столько лѣтъ взоръ ея ожидалъ съ вершины песчанаго холма. Полная любви къ отцу, безпрестанно лелѣемая его ласками, она мало-по-малу стала забывать Жана, который на уединенной фермѣ приходилъ въ отчаяніе отъ разлуки съ нею, и скоро память о прошлой жизни и о томъ, кто въ ея несчастіи былъ другомъ и покровителемъ, казалось, совершенно изгладилась изъ ея души.

По прїѣздѣ въ Парижъ, Моника окружили лучшіе учителя, и какъ она одарена была отъ природы прекрасными способностями, и поощряема безпрестанными похвалами своего отца, то въ четыре года она узнала все, что нужно знать благовоспитанной дѣвушкѣ, чтобъ блистать въ свѣтѣ, особенно, когда она надѣлена красотою. Вскорѣ слабый румянецъ показался на щекахъ Моника, и она физически стала укрѣпляться. Ни чѣмъ невозмущаемая радость возвратила ей здоровье. Казалось, что изнурительная болѣзнь, ее подтачивавшая, совсѣмъ покинула свою жертву. Человѣкъ ко всему привыкаетъ и, можетъ быть, скорѣе всего къ счастью. Такъ было и съ Моникой; въ продолженіе цѣлаго года все ее радовало; она посѣщала вечера и балы, любила свѣтъ, искала его одобреній... Однакожъ эта безмятежная радость была непродолжительна. По временамъ бѣглыя воспоминанія проходили передъ глазами Моника, и къ концу втораго года задумчивость и мечты снова ею овладѣли. При звукахъ увлекательной музыки, при яркомъ блескѣ люстръ, среди шумныхъ праздниковъ она была разсѣяна, какъ бы преслѣдуемая тайнымъ воспоминаніемъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, была память о прошломъ; совершенно дѣтское воспоминаніе заставляло биться ея сердце; она са-

ма призналась своему отцу, что иногда мечтаетъ о прежней равнинѣ, покрытой кустарникомъ, о высокомъ букѣ и можжевельныхъ кустахъ. Она сдѣлала это признаніе смѣясь и шутя, говоря, что болѣзнь мечтаній ее не покидаетъ.

Невидала ли она также въ туманномъ представленіи родной равнины еще молодаго человѣка, оплакивающаго ея отсутствіе? Кто знаетъ! но объ этомъ она никогда не признавалась ни себѣ самой, ни другимъ.

Мало-по-малу Моника получила отвращеніе отъ свѣта и его удовольствій; только по неотступнымъ просьбамъ отца, она являлась еще на вечерахъ и въ собраніяхъ, предпочитая имъ уединеніе. По временамъ губки ея невольно раскрывались, и слышны были звуки знакомой пѣсенки рикке-тикке-такъ. Щеки ея опять покрылись блѣдностью; она видимо худѣла и таяла, такъ, что отецъ, употребивъ всѣ средства, чтобъ противоборствовать упадку нравственныхъ и физическихъ силъ дочери, началъ серьезно за нее бояться. Одинъ ученый медикъ утверждалъ, что самое лучшее леченіе для Моника былъ бы бракъ по склонности, и ручался въ такомъ случаѣ за несомнѣнный успѣхъ. Полковникъ старался обратить вниманіе дочери на Адольфа; она отдавала полную справедливость прекраснымъ его свойствамъ, но безъ всякой любви; сердце ея въ отношеніи къ молодому офицеру было холодно, какъ ледъ. Это чрезвычайно огорчало полковника, который лишился такимъ образомъ послѣдняго средства спасти свое дитя. Каждый день полковникъ старался открыть, чего желаетъ Моника и что за причина ея болѣзни; но она увѣряла, что вовсе не больна, и умѣла избѣгать болѣе положительныхъ отвѣтовъ. Все, что могъ узнать полковникъ, заключалось въ томъ, что она имѣла непреодолимое желаніе возвратиться въ Брабантъ и увидѣть равнину, словомъ, она страдала тоскою по родинѣ.

Нѣсколько разъ онъ обѣщалъ дочери предпринять съ нею путешествіе въ Кампинь и прожить тамъ довольно долгое время, чтобъ воздухъ равнины могъ ее поправить; но военныя дѣйствія мѣшали ему осуществить это предположеніе. Въ концѣ 1812 года, онъ успѣлъ однакожъ получить отъ военнаго министра трехмѣсячный отпускъ. Моника была внѣ себя отъ радости; это извѣстіе, казалось, подѣйствовало благодѣтельно на ея здоровье; но ужасныя вѣсти стали приходить съ сѣвера: французская армія почти уничтожена была русскими, и никто не могъ предугадать дальнѣйшихъ событій, которыя могли послѣдовать отъ пораженія Наполеона. Военнымъ, оставшимся во Франціи, нельзя было и думать

объ отпускахъ. Полковникъ не могъ скрыть отъ Моника этихъ неприятныхъ новостей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможность ѣхать будущею весною въ Кампинь.

Вдругъ Наполеонъ возвратился изъ Россіи безъ своей арміи, и Сенатъ издалъ декретъ о призваніи къ оружію трехъ сотъ пятидесяти тысячъ конскриптовъ. Полковникъ получилъ повелѣніе присоединиться съ своимъ полкомъ къ арміи, находящейся въ Германіи. Онъ принужденъ былъ помѣстить дочь въ одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ женскихъ пансіоновъ, и простаясь съ больною Моникою, последовалъ съ императоромъ за Рейнъ.

Спустя шесть мѣсяцевъ, въ сраженіи при Дрезденѣ, пуля попала ему въ колѣно: онъ остался на всю жизнь хромымъ и не могъ болѣе ходить безъ костыля. Получивъ позволеніе возвратиться въ Парижъ, онъ нашелъ, что Моника еще болѣе похудѣла; блѣдная, съ сверкающими глазами, она говорила разсѣянно, и все о чемъ-то мечтала. Только двѣ чувствительныя струны отзывались въ ея сердцѣ, двѣ сильныя страсти владѣли ею: любовь къ отцу и пламенное желаніе видѣть родину. Полковникъ постарался какъ можно скорѣе все приготовить къ отъезду въ Брабантъ. Послали нарочнаго въ Антверпенъ, чтобъ нанять порядочный домикъ до тѣхъ поръ, пока найдется случай купить небольшую ферму въ окрестностяхъ Моля.

Черезъ нѣсколько дней, отецъ и дочь отправились въ почтовой каретѣ. Въ Антверпенѣ, когда экипажъ подъѣзжалъ къ дому полковника, Моника нечаянно выглянувъ на улицу, такъ пронзительно вскрикнула, что полковникъ испугался. Когда онъ ее спросилъ о причинѣ ея страха, она отвѣчала:—Ничего, батюшка, я такъ легко прихожу въ волненіе! Я видѣла на улицѣ молодого человека, почти въ рубищѣ, который пристально на меня посмотрѣлъ; взглядъ его поразилъ меня. Онъ удивительно похожъ на Жана Дельмана, однакожъ это не онъ... и я совершенно успокоилась...

УШ.

Прошло шесть недѣль съ пріѣзда полковника въ Антверпенъ.

На чердакѣ небольшого домика, находившагося на Золотой Горѣ (Mont d'or), женщина очень пожилыхъ лѣтъ сидѣла передъ кружевною подушкой. Вечерѣло; комната старухи была самая бѣдная, подъ кровлей, и вся ея мебель состояла изъ маленькаго стола, двухъ стульевъ и постели, одѣяло на которой было сшито изъ разноцвѣт-

ныхъ доскутьевъ. Казалось, эта женщина съ совершеннымъ равнодушіемъ перебираетъ коклюшками; однакожь по временамъ она наклоняла ухо къ алькову, гдѣ находилась постель, и внимательно прислушивалась къ едва примѣтному шуму. Она положила обѣ руки недвижно на подушку, но вдругъ отворилась дверь, и въ комнату вошла другая женщина. Старуха приложила къ губамъ своимъ указательный палецъ, и чуть замѣтнымъ движеніемъ дала знать, чтобъ пришедшая хранила молчаніе. Подошедъ къ гостѣ, она взяла ее за руку, привела къ столу, и указавъ на другой стулъ, сказала тихонько:

— Не шуми, Трина, онъ такъ спокойно спитъ.

Трина вынула изъ кармана чулокъ, и сказала также тихо:

— А, это тотъ человѣкъ, котораго вы къ себѣ взяли! Въдь вы, тетушка Тирлингъ, сдѣлали доброе дѣло, если справедливо то, что говорятъ.

— Да, Трина, будь увѣрена: безъ меня молодой человѣкъ давно ужъ былъ бы въ могилѣ.

Осмотрѣвъ всѣ уголки комнаты, Трина продолжала:—Но если я не ошибаюсь, этотъ человѣкъ находится у васъ пять или шесть недѣль. Гдѣ же вы сами спите?

— Гдѣ я сплю? а вотъ, въ этомъ углу, на стулѣ, а голову кладу на столъ. Впрочемъ, это для меня не важно, я отжила уже свой вѣкъ!

— Говорить это легко, но какъ вы можете переносить такое безпокойство: шесть недѣль спать безъ постели! Да отъ этого, просто, можно умереть!

— Трина, всякій даетъ ближнему, что можетъ: богатый — деньги, а я—мою постель и спокойствіе.

— Ну, признаюсь, я бы не могла этого сдѣлать; конечно, это хорошо, и Богъ васъ вознаградитъ, однакожь я незнаю настоящей исторіи; одинъ говоритъ одно, другой другое, а какъ свести все вмѣстѣ, такъ и выйдетъ, что ровно ничего не знаю. Какъ же это случилось?

— Изволь, Трина, я тебѣ все расскажу по порядку; придвинься ко мнѣ поближе, чтобъ его не разбудить. Это случилось назадъ тому пять или шесть недѣль, въ субботу. Было около одиннадцати часовъ вечера, я испекла печенку для моей кошки, и какъ ее съ самаго послѣ обѣда не было дома, то я взяла фонарь и сошла внизъ къ стѣнѣ, гдѣ стоятъ фуры да телѣги. Пока я тутъ та-скалась и кричала: Муни! Муни! вдругъ слышу какъ будто чело-

вѣкъ стонеть; я такъ испугалась, что даже подпрыгнула; глядь въ землю, совсѣмъ обмерла со страху: лежитъ человѣкъ на спинѣ, и все лицо у него въ крови!

— Боже мой, все въ крови!

— Да, въ крови. Я кинулась къ сосѣдямъ, они прибѣжали съ огнемъ;—вдругъ видимъ молодаго человѣка, который, вѣрно, хотѣлъ лечь на телѣгу съ углемъ, да и упалъ оттуда. Должно быть, онъ лежалъ тутъ давно, потому-что кровь запеклась.

— И онъ умеръ, тетушка?

— Умеръ!.. ахъ ты, глупенькая, вѣдь я сказала тебѣ, что онъ спитъ тамъ, на постелѣ!

— Ахъ я безпамятная! Чтожъ было дальше?

— Дальше было то, что бываетъ всегда: много совѣтовъ, да мало дѣла. Видя, что бѣдный молодой человѣкъ лежитъ въ крови, на холодной мостовой, сердце у меня такъ и надрывалось. Я сказала самой себѣ: вѣдь всѣ люди братья; за докторомъ не посылаютъ, въ больницу не несутъ... подниму же я его и положу на свою постель...

— Но гдѣ же вы взяли денегъ, чтобъ его лечить и содержать, или у васъ запрятанъ гдѣ нибудь подъ черепицею чулочекъ * ?

— Пустяки городишь, Трина, я много работала, конечно, и позадолжала, но это ничего; что даешь отъ чистаго сердца, то Богъ возвращаетъ.

— Какъ бы то ни было, все это прекрасно! Но знаете ли вы его родныхъ и гдѣ они живутъ?

— Нѣтъ, я объ этомъ еще его не спрашивала... но когда онъ былъ въ горячкѣ, то много бредилъ, и я узнала, что его отецъ и мать померли.

— А больше вы ничего не могли узнать?

— Нѣтъ, онъ говорилъ что-то о буковомъ деревѣ, о равнинѣ съ кустарниками, да о ельникѣ... произносилъ какія-то латинскія слова, и иногда вскрикивалъ: Моника! Моника! вѣрно такъ звали его мать, или сестру. Еще онъ знаетъ одну пѣсенку, Трина, я бы дала цѣлый флоринъ, чтобъ ты только ее услышала! Начинается она рикки-тикке-такъ и, право, можно подъ нее танцовать.

Ахъ, Трина, еслибъ ты, послушала его, упала бы предъ

* Многія старухи изъ низшаго класса, кладутъ сбереженные деньги въ чулокъ, который прячутъ подъ черепицы кровли.

нимъ на колѣна; онъ говоритъ, какъ печатная книга... какія наставленія читаетъ... Вотъ платье его виситъ на стѣнѣ: посмотри, какое тонкое сукно, хотя оно и въ лохмотьяхъ. Всякій разъ, какъ онъ принимается меня благодарить, у меня на глазахъ слезы! Вѣрь мнѣ, что я люблю его такъ, какъ можно любить только роднаго сына, и еслибъ онъ захотѣлъ со мною остаться, я бы работала для него по гробъ. Онъ меня называетъ матушкой; я бы желала, Трина, чтобъ ты слышала, какъ произноситъ онъ это слово!

— Но, каково ему теперь? выздоравливаетъ ли онъ?

— Онъ цѣлый мѣсяцъ былъ безъ памяти въ горячкѣ, но вотъ ужъ съ недѣлю, какъ ему лучше, онъ пришелъ въ себя и силы его понемногу восстанавливаются. Еслибъ онъ побольше говорилъ, я бы все узнала, но онъ только благодаритъ меня, и я ни о чемъ его не спрашиваю. Его зовутъ Жаномъ, вчера онъ это сказалъ, а когда ему еще будетъ лучше, узнаемъ и остальное, Трина. Теперь онъ еще худъ, какъ рыба кость, и бѣлъ, какъ твой чепчикъ; въ первый разъ какъ онъ всталъ съ постели, такъ былъ слабъ, что упалъ бы, еслибъ я неподдержала.

— Бѣдный молодой человекъ!

— Но теперь онъ поправляется: онъ ходитъ хорошо, и вчера сказалъ, что выдетъ нынѣшнимъ вечеромъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Едва тетушка Тирлингъ произнесла послѣднія слова, какъ послышался изъ-за занавѣсъ постели нѣжный и пріятный голосъ: Матушка! добрая матушка!

Это слово, этотъ голосъ производили необыкновенное дѣйствіе на старуху: глаза ея заблестали; она взяла тотчасъ лампу и стаканъ молока, смѣшаннаго съ водою, и побѣжала къ постелѣ.

Больной смотрѣлъ на нее съ такою нѣжностью и признательностью, что старуха отвернулась, чтобъ отереть слезу. Молодой человекъ схватилъ ея руку и цѣлуя ее съ любовію, повторялъ: добрая матушка!

Тринъ очень хотѣлось видѣть лицо больнаго, и сердце ея сильно билось; она задрожала отъ страха, когда два впалые глаза Жана устремились на нее и отодвинула свой стулъ, какъ бы убѣгая отъ привидѣнія.

Больной обнялъ свою благодѣтельницу, прижалъ ее къ себѣ и сказалъ что-то на ухо, потому-что старуха тотчасъ пошла за платьемъ, положила его на кровать и задернула завѣсу. Потомъ, возвратясь къ столу, сказала тихонько, все еще трепещущей Тринъ:—онъ встанетъ! Эта новость нисколько однакожь не успокоила Трину, которая еще болѣе поблѣднѣла и посматривала на дверь. Безъ сомнѣнія, страхъ заставлялъ ее убраться изъ комнаты прежде появленія молодаго человѣка, похожаго на призракъ; но свойственное женщинамъ любопытство приковывало ее къ стулу. Спустя нѣсколько секундъ, завѣсы у кровати раскрылись. Титушка Тирлингъ подошла къ больному, пособила ему встать съ постели и дойти до стола.

Этотъ живой скелетъ ужъ не знакомый ли намъ молодой несчастный крестьянинъ? Именно онъ и есть. Теперь у Жана одни кости да кожа; глаза впали, спина согнулась, голова клонится на сторону. Чтоже такое случилось съ нимъ?

Онъ останавливается предъ добродѣтельною старухою и жметъ ея руку; смотритъ на благодѣтельницу свою съ нѣжностью, къ которой способенъ только родной сынъ:—Добрая матушка, говоритъ онъ, я бы желалъ теперь пройтись.

— Жанъ, другъ мой, отвѣчаетъ старуха, ты еще такъ слабъ, можешь упасть... Подумай, какъ я буду беспокоиться!

Участіе старухи, такъ живо изображающееся на морщинистомъ ея лицѣ, глубоко тронуло Жана.

— Матушка, за что вы меня такъ любите? сказалъ онъ. Чего никто не могъ сдѣлать, то можетъ быть сдѣлаетъ безкорыстная любовь бѣдной женщины. О! превосходнѣйшее сердце! Предъ концемъ жизни у васъ остается еще столько нѣжности, чтобъ исхитить несчастнаго изъ бездны, въ которую ввергло его глубокое отчаяніе...

Молодой человѣкъ говорилъ съ страннымъ одушевленіемъ, и восторженный его голосъ сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на Трину; безпокойство ея совершенно уничтожилось; она смотрѣла во всѣ глаза и прислушивалась къ голосу молодаго человѣка, который имѣлъ для нея непостижимую гармонию. Тетушка Тирлингъ обратила на нее вопрошающій взглядъ, какъ бы говоря: чтожь скажешь теперь о сынкѣ моемъ? Но Трина была олицетворенное вни-

маніе, она продолжала слушать Жана даже тогда, когда тотъ уже пересталъ говорить.

— Бѣдняжка, говорила старуха, не унывай! хотя я стара и бѣдна, но если останешься со мною, я буду всегда тебя любить и для тебя работать.

Молодой человѣкъ поцѣловалъ руку у старушки, но ничего не отвѣчалъ.

— Жанъ, продолжала Тирлингъ съ нѣжностью, если тебѣ непременно хочется выйти, не оставайся для меня, но позволь мнѣ тебя проводить.

— Хорошая матушка, я точно желаю итти, но одинъ. Голова моя горитъ, и мнѣ поможетъ уединенная прогулка. Завтра я скажу вамъ, кто я, и какая горестъ отравила мою жизнь. Позвольте мнѣ итти одному, и оставайтесь здѣсь спокойно, чрезъ часъ я возвращусь.

Старушка Тирлингъ подала Жану свои собственные костыли, проводила до нижняго конца лѣстницы, и сказавъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, заперла за нимъ дверь.

Молодой человѣкъ въ темнотѣ тихо пробирался вдоль домовъ, опираясь на костыли; трудно ему итти, однакожъ у него есть цѣль, потому что онъ не колеблется въ выборѣ улицъ. Время отъ времени онъ останавливается для отдыха, потомъ опять идетъ до площади Мира. Вскорѣ онъ останавливается предъ окнами богатаго дома, облакачивается на каменный фундаментъ и старается проникнуть глазами чрезъ штору во внутренность дома. Комната освѣщена, лучъ свѣта падаетъ на лицо молодаго человѣка, который послѣ долгаго наблюденія отъ слабости падаетъ головой на подоконникъ.

IX.

Въ богатой гостиной, полковникъ Ванъ-Мильгемъ сидѣлъ въ бархатныхъ креслахъ предъ мраморнымъ каминомъ. Казалось, что онъ былъ чѣмъ-то очень занятъ, потому что задумчиво глядѣлъ на коверъ и не сводилъ съ него глазъ. Возлѣ стола, на которомъ стоялъ серебряный несессеръ, молодая дѣвушка нанизывала жем-

чугъ. Блѣдное лицо ея обнаруживало изнурительную болѣзнь, и матовая бѣлизна щекъ еще рѣзче выказывалась, когда при малѣйшемъ движеніи упали на нихъ ея роскошные локоны. Послѣ долгаго молчанія, она тихонько пропѣла послѣдній куплетъ пѣсенки рикке-тикке-такъ. Вѣрно это не понравилось полковнику, потому что онъ покачалъ головою и сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Моника, не пой, душа моя, такъ часто эту пѣсенку, она располагаетъ тебя къ грусти, а ты знаешь, какъ мнѣ прискорбно видѣть тебя печальною.

— Боже мой, развѣ я пѣла ее? вскричала удивленная Моника. Это было печально, батюшка; простите мою разсѣянность.

— А что, спросилъ полковникъ, скоро ты кончишь кошелекъ? Бѣдный Адольфъ, какъ онъ радъ будетъ твоему подарку! Онъ такъ тебя любитъ!

— Какъ вы думаете, гдѣ онъ теперь?

— О! это очень трудно знать. Кто можетъ отвѣчать за то, что онъ не лежитъ теперь въ какомъ нибудь госпиталѣ, или что не-пріятельское ядро не поразило его на полѣ сраженія?

— О Боже! вы заставляете меня содрогаться, батюшка!

— Какъ содрогаться! Стало-быть ты принимаешь въ немъ живое участіе, Моника?

— Безъ сомнѣнія, я люблю его, какъ брата.

— Тебѣ бы, моя душа, надо было любить его даже и не какъ брата, этого онъ вполне заслуживаетъ: онъ хорошъ собою и имѣетъ все, что женщинамъ можетъ нравиться. Притомъ онъ спасъ жизнь твоего отца въ кровопролитной Дрезденской битвѣ. Если любовь не находитъ дороги къ твоему сердцу, признательность должна бы тебя заставить послѣдовать моимъ совѣтамъ, и наградить его за великодушіе и любовь къ тебѣ.

— Ахъ, батюшка, посмотрите на меня! что же я могу дать Адольфу? Въ моемъ сердцѣ, исполненномъ къ вамъ любовью, не остается для него мѣста. Должна ли я сдѣлать его несчастнымъ моимъ равнодушіемъ? Мужъ для своего счастья требуетъ болѣе, чѣмъ холодной дружбы... притомъ, я чувствую непреодолимое отвращеніе къ союзу, который лишитъ меня моей свободы.

— Какой же свободы, Моника? свободы безпрестанно думать и мечтать? Дай Богъ, чтобъ она была у тебя отнята, эта свобода, которая тебя убиваетъ! Вотъ видишь ли, когда мы будемъ жить въ нашей виллѣ, подлѣ Моля, какъ ты будешь счастлива имѣя друга, съ которымъ можешь пробѣгать твою любимую равнину, которому знакомы уже и большой букъ, и ручей, и который всегда будетъ намъ товарищемъ въ нашемъ уединеніи!

— Батюшка, все это правда, но Адольфъ не уроженецъ равнины, онъ не пойметъ меланхолической пѣсни кузнечика; черныя ели не защищали своею тѣнью его младенческія игры; равнина, обширная какъ море, и небо какъ огромный лазурный куполъ не покажутся ли монотонными ему, сыну горной страны? Признайтесь, батюшка, что между мною и моей родной равниной онъ будетъ лишній... онъ не пойметъ нашего языка.

Слова Моника не понравились ея отцу; лицо его помрачилось, онъ обернулся къ дочери и сказалъ ей растроганнымъ голосомъ: Моника, я вижу, просьбы отца не имѣютъ на тебя вліянія. Въ теченіе столькихъ лѣтъ я прочилъ тебя за Адольфа: я представлялъ тебѣ его красоту, храбрость, примѣрную жизнь, чтобъ возбудить въ тебѣ нѣжность; я говорилъ тебѣ, что онъ спасъ жизнь твоего отца въ Дрезденѣ, цѣною собственной крови, и просилъ какъ награды ему и себѣ, чтобъ ты согласилась присоединить его къ нашей фамилии родственными узами. Ты отказала, отказываешь и теперъ. Для чего? чтобъ быть добычею мечтаній, которыя сведутъ тебя въ могилу! Ты говоришь, что его не любишь, но онъ не требуетъ отъ тебя любви.

Моника посмотрѣла съ удивленіемъ на своего отца и повторила: онъ не требуетъ моей любви! чего же онъ отъ меня хочетъ?

Полковникъ продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ: Ты заставляешь меня наконецъ, Моника, сказать тебѣ такія вещи, которыя я бы никогда не долженъ былъ произносить. Послушай же и оцѣни человека, которымъ ты пренебрегаешь. Уже нѣсколько лѣтъ, Моника, ты приближаешься скорыми шагами къ могилѣ; смотря на тебя, на мое милое единственное дитя, мнѣ всегда кажется, какъ будто я вижу подлѣ тебя смерть. Боязнь, что могу тебя потерять, раздираетъ мнѣ сердце; это мечъ, висящій надъ моею головою, онъ сокращаетъ жизнь мою, и я терплю неизъяснимыя мученія. Адольфъ понялъ мои страданія; я ему далъ почувство-

вать, что остается одно средство, чтобъ освободить тебя отъ тайныхъ и пагубныхъ мечтаній и вырвать изъ челюстей смерти. Я самъ, я, отецъ твой, предложилъ ему просить твоей руки, и онъ, спаситель отца, хотѣлъ спасти и дочь. Онъ имѣлъ уже обязательства: его невѣста была красавица, богата, въ почетѣ, однакожь, покоряясь своему великодушнѣю, онъ разорвалъ прежнія обязательства, и чтобъ упрочить намъ возможное счастье, согласился на бракъ съ молодою, болѣзненною, нечувствительною къ нему дѣвушкою; отказался отъ надежды жить некогда въ горахъ, гдѣ родился, и рѣшился слѣдовать съ нами въ уединенную равнину. И все это сдѣлано для того, чтобъ сохранить твою жизнь, а ты его презираешь! Моника, подобная жертва не пробуждаетъ ли въ тебѣ другаго чувства, кромѣ признательности? Неужели всѣ фибры твоего сердца порваны и ты ничего не можешь болѣе сказать, кромѣ отчаяннаго *нѣтъ*?

Моника была сильно растрогана; ея наружность довольно это показывала. Она отвѣчала:

— Батюшка, я была неблагодарна къ Адольфу и къ вамъ, я сознаюсь, и душа моя поражена глубокою скорбію. Однакожь и вы многого требуете! Поймите, что отъ меня требуется забвеніе всѣхъ моихъ родныхъ воспоминаній, потому что если я соглашусь быть женою Адольфа, я должна дать ему мѣсто въ моемъ сердцѣ. Я не покажусь неблагодарною и должна вознаградить благородную его къ намъ преданность нѣжнымъ сочувствіемъ, если не пламенною любовью. И такъ я должна буду забыть все, что мнѣ осталось отъ прежней жизни.

Восторгъ радости изобразился на лицѣ полковника; онъ взялъ руку своей дочери: Милая Моника, сказалъ онъ, ты должна пожертвовать твоими мечтами, если хочешь жить. Избери Адольфа своимъ мужемъ, сдѣлай и меня счастливымъ, мое милое дитя, умоляю тебя, скажи, что ты согласна.

Моника тихонько подняла голову и отвѣчала твердымъ голосомъ:—Хорошо, батюшка, если это можетъ васъ сдѣлать счастливымъ...

Вдругъ неожиданное смятеніе овладѣло ею; она подняла руку и съ трепетомъ стала прислушиваться къ слабому, неизъяснимо-пріятному звуку.

— Что ты слушаешь? вскричалъ изумленный полковникъ.

— Слушайте, слушайте, отвѣчала Моника съ нѣжною улыбкою.

Звуки съ улицы проникали въ окно; полковникъ ясно услышалъ:

Рикке-тикке-такъ
Бейте дружно въ ладъ!
Бейте, молодцы!
Куйте, кузнецы!
Красное желѣзо
Сыплетъ искръ каскадъ!
Рикке-тикке-такъ
Бейте, бейте въ ладъ!

Полковникъ зналъ, какое необыкновенное дѣйствіе производитъ эта пѣсня на душу его дочери, притомъ онъ считалъ ее теперь для себя оскорбительною, какъ-бы напоминающею его происхожденіе. Предавшись гнѣву, онъ дернулъ за шнурокъ и застучалъ ногами: я хочу знать, вскричалъ онъ, кто смѣетъ насмѣхаться надо мною!

Вошелъ слуга за приказаніемъ; полковникъ разсерженнымъ голосомъ сказалъ ему:—Какой-то негодяй поетъ подъ окномъ, ступай туда съ другими, схватите его и приведите ко мнѣ. Если будетъ сопротивляться, взять его насильно.

— Батюшка! вскричала испуганная Моника, что вы говорите? взять насильно! знаете ли кого!

— Увидимъ! отвѣчалъ разсерженный полковникъ. Молодая дѣвушка возвратилась къ столу и сѣла на кресло въ страшномъ безпокойствѣ.

Слышно было, что наружная дверь отворилась и потомъ опять затворилась. Наконецъ слуга вошелъ и сказалъ своему господину: это бѣднякъ, нищій, такой слабый и больной, что чуть на ногахъ держится. Онъ нисколько намъ не сопротивлялся, и теперь въ снѣгахъ, прикажете его выпустить?

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ полковникъ: я хочу разгадать эту

загадку... Что ты такъ дрожишь, Моника? Развѣ ты знаешь этого нищаго? Сейчасъ привести его сюда!

Лишь только бѣднякъ съ поникшею головою и потупленными взорами показался у дверей гостиной, Моника бросилась къ нему, схватила за руку и вскричала: Жанъ! это ты?

— Я, сударыня, отвѣчалъ молодой человѣкъ, не поднимая глазъ.

Полковникъ оставался нѣкоторое время въ смущеніи, потомъ провела рукою по лбу, какъ-бы озаренный новою мыслію. Онъ взялъ молодаго человѣка за руку, тихонько подвелъ его къ креслу и заставилъ сѣсть. Моника не выпускала руки Жана и молчала.

Полковникъ также сѣлъ и сказалъ молодому человѣку:—Жанъ Дельманъ, почему вы не вспомнили меня, находясь въ несчастіи? Не говорилъ ли я вамъ, близъ вашей фермы, что буду вашимъ покровителемъ, когда будете имѣть въ томъ нужду? Я вижу, что вы въ самомъ жалкомъ положеніи, но съ этого дня вы не будете, мой другъ, ни въ чемъ нуждаться.

Полковникъ отворилъ ящикъ комода, вынулъ оттуда горсть золота и положилъ его возлѣ молодаго человѣка

— Возьмите, мой другъ, это не милостыня, но малѣйшее вознагражденіе за то, что вы некогда сдѣлали для моей дочери. Прошу васъ принять отъ того, кто хочетъ быть вашимъ другомъ и покровителемъ.

Жанъ посмотрѣлъ на столъ, посмотрѣлъ на полковника и съ тяжкимъ вздохомъ сказалъ, странно улыбаясь: Золото! всегда золото!

Потомъ взглянувъ на свое платье, почти въ лоскутьяхъ, прибавилъ:—Да, золото мнѣ было-бы полезно. Я могъ-бы купить себѣ платье и вознаградить ту, которая такъ обо мнѣ заботится; но, прошу васъ избавить меня отъ этого униженія. Отъ васъ я не могу принять денегъ, хотя бы онѣ выкупали мою жизнь!

Произнеся эти слова Жанъ освободилъ свою руку изъ рукъ Моника. Молодая дѣвушка смущенная, трепещущая сѣла на прежнее свое мѣсто, и безмолвно продолжала смотрѣть на молодаго человѣка.

— Другъ мой, Жанъ, продолжалъ полковникъ, ты несправедливъ ко мнѣ и къ себѣ. Если ты отказываешься отъ денегъ, то скажи: чѣмъ могу я быть тебѣ полезенъ? мнѣ пріятно будетъ оказать тебѣ какую бы то ни было услугу.

— Вы хотите сдѣлать мнѣ одолженіе? отвѣчалъ молодой человѣкъ, и такъ у меня есть къ вамъ просьба, угодно-ли будетъ ее исполнить?

— Говори, Жанъ, я исполню твою просьбу; чего ты просишь?

Молодой человѣкъ съ трудомъ поднялся со стула и, казалось, приготавлился къ важному объявленію.

— Полковникъ ванъ-Мильгемъ, сказалъ онъ, съ завтрашняго дня для меня начинается новая жизнь, я воздвигаю между моимъ прошедшимъ и будущимъ непреодолимую преграду. Трудно разставаться съ воспоминаніями, которыя росли по мѣрѣ того, какъ образовывались умъ и сердце, и которыя составляютъ часть моего бытія. Можетъ быть, я не вытерпѣлъ бы этой борьбы, находясь уже на краю могилы. Случай послужилъ мнѣ: я нахожусь въ присутствіи той, которая одна въ свѣтѣ можетъ меня понять. Мнѣ бы нужно было многое сказать и не быть прерываему въ моемъ разсказѣ. Пусть она узнаетъ, какая была моя участь на землѣ, и тогда я скажу прощай мечтѣ, которая меня убиваетъ, если не съ радостію, то по крайней мѣрѣ, съ самоотверженіемъ! Полковникъ ванъ-Мильгемъ, вотъ милость, которую я у васъ испрашиваю. Позвольте мнѣ говорить и не сердитесь на то, что я скажу; оказавъ мнѣ эту милость, вы меня наградите болѣе чѣмъ жизнію. Жанъ говорилъ голосомъ исполненнымъ самоотверженія, такъ, что полковникъ невольно былъ тронутъ. Притомъ ему любопытно было знать изъясненіе и подтвержденіе нѣкоторыхъ своихъ догадокъ. Онъ отвѣчалъ ласково:—говори, мой другъ, и ничего не бойся; я тебя внимательно слушаю.

Молодой человѣкъ началъ говорить медленно и съ трудомъ:

— Я былъ молодъ, доволенъ своею участью и радовался жизни. Повинуясь сердцу, я нашелъ себѣ сестру въ нашей молодой служанкѣ. Расположеніе мое къ ней увеличивалось по мѣрѣ ея страданій и несчастія; чувство мое было невинно и чисто, а въ послѣдствіи, укоренясь, превратилось въ огонь, который долженъ

меня сжечь. Полковникъ, я чувствую, что моя рука горитъ еще и теперь отъ золота, которымъ вы хотѣли наградить меня... Это было, помните, близъ фермы; но это золото унизило меня.. Неужели вы думали утѣшить меня презрѣннымъ вознагражденіемъ, похищая мою сестру, вы пронзили меня ножемъ. О! только тогда я понялъ всю бездну моего несчастія: отчаяніе раздира-ло мое сердце, и вашъ отъѣздъ оставилъ во мнѣ всѣ муки любви безнадежной. Я забылъ все на свѣтѣ, чтобъ питать въ себѣ только одно раздирающее воспоминаніе; много я плакалъ подъ бук-вымъ деревомъ. Долго съ песчаного холма смотрѣлъ я въ даль и ждалъ чего-то... Ничто меня не трогало, ничто не утѣшало: къ работѣ я сдѣлался не способенъ и ко всему равнодушенъ, и жилъ я на свѣтѣ одинъ съ моими грустными мечтами. Всѣ жалѣли о несчастномъ безумцѣ. Но я находилъ нѣкоторую отраду въ самой грусти, потому что оплакивалъ потерю сестры. Силы мои, пожигаемыя внутреннимъ огнемъ, терялись; какъ живая тѣнь, какъ призракъ, блуждалъ я подъ тѣми деревьями, которыя некогда слышали и ея жалобы.

Старый другъ отца моего хотѣлъ насильно разлучить меня съ родиною; онъ думалъ этимъ вылечить меня. Но я противился его просьбамъ. Оттого-ли что небо равнины лазурнѣе, а воздухъ ароматнѣе? Оттого ли, что обширная равнина радуется сердце и возвышаетъ душу? О! нѣтъ, нѣтъ! Потому что тутъ жила она, потому что по этой тропинкѣ ходила она. Я зналъ, какія былинки были помяты ея робкою ножкой, умѣлъ находить мѣста на корѣ дерева, къ которымъ она прикасалась; могъ отыскивать цвѣтки, на которые падали ея слезы. И деревья, и равнина, и ручей все мнѣ говорило о ней. Тамъ я былъ не одинъ: она всюду мнѣ сопутствовала, также какъ и я, потерянная, забытая цѣлымъ свѣтомъ. Вѣтеръ приносилъ мнѣ чрезъ листья ольхи ея голосъ, въ пѣннн кузнечиковъ я слышалъ ея прекрасную пѣсенку риккетикке-такъ, а между тѣмъ я испытывалъ невыносимыя мученія, я понималъ горькую истину: «она никогда не возвратится!» Потерялъ я сестру мою навсегда и оставалось мнѣ послѣднее утѣшеніе—въ скорой смерти.

Увѣщанія старика священника и слезы больной матери привели меня однакожъ къ лучшимъ чувствамъ, и на минуту дали силу противиться воспоминаніямъ о ней. Я хотѣлъ из-

гнать образъ, котораго всегдашнее присутствіе мучило меня; я поѣхалъ въ Малинь, чтобы послѣ долгихъ лѣтъ ученія найти въ духовномъ званіи оружіе противъ преслѣдующихъ меня воспоминаній. Тудно изобразить, что я перенесъ въ уединенной семинаріи! Чтобы я ни дѣлалъ, куда бы ни шелъ, она всегда была тутъ, изгоняя самовластно всѣ другія мысли изъ души моей... все она, и всегда она!

Наука разширила мое воображеніе, и все это послужило мнѣ на пагубу. Всегда угрюмый, я удалялся отъ моихъ товарищей, скрываясь въ какомъ нибудь уединенномъ углу, я тихонько напѣвалъ рикке-тикке-такъ, чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ. Всѣ меня отвергали, и ничто не могло меня излечить, ни строгость моихъ наставниковъ, ни ихъ ласковые совѣты. Наконецъ настало время, въ которое я долженъ былъ рѣшиться избрать духовное поприще; мнѣ нечего было и рѣшаться, я чувствовалъ себя недостойнымъ этого званія. И такъ я оставилъ семинарію. Мать моя умерла, и мнѣ досталось небольшое имуществво. Я велъ жизнь беззаботную, скитальческую, нисколько не думая о будущности, къ которой былъ равнодушенъ, я скоро расточилъ все, что имѣлъ.. Бѣдность меня не ужасала; я спалъ подъ открытымъ небомъ, иногда подъ тѣнью телѣги или забора; голодь раздиралъ мою внутренность, и я питался милостынею. Но всѣ страданія физическія ничего не значили предъ страданіями моего сердца! Ничто въ свѣтѣ меня не трогало, не занимало. Видѣть всегда ея образъ предъ глазами, говорить мысленно съ нею, повторять потихоньку ея пѣсенку—вотъ въ чемъ заключалась моя жизнь: все остальное во мнѣ умерло!—Здѣсь молодой человѣкъ отъ усталости на минуту остановился, съ трудомъ переводя духъ.

Моника, облокотясь на столъ, плакала, и изъ стѣсненной ея груди вырывались стоны.

Полковникъ молча сидѣлъ въ креслѣ и, наклонивъ голову, смотрѣлъ на паркетъ.

Молодой человѣкъ продолжалъ:

— По совѣту одного пріятели, я попробовалъ пить водку до совершеннаго опьянѣнія, такъ что падалъ безчувственнымъ на землю... Ничто не помогало: образъ ея носился предъ моими блуждающими глазами! Однажды, никогда не забуду этого дня, я шелъ медленными шагами по Площади Мира, вдругъ вижу ее въ каретѣ, которая

быстро промчалась. Но, брошенный ею взглядъ совершенно пронзилъ меня, я не могъ устоять на ногахъ и упалъ на мостовую. Вечеромъ я хотѣлъ заснуть на стоявшей возлѣ стѣны одного дома телѣгѣ. Голова моя горѣла какъ въ горячкѣ; я упалъ съ телѣги головою на камень, кровь хлынула изъ раны и я лишился чувствъ... Бѣдная женщина подняла меня и дала пріютъ въ своей комнаткѣ на чердакѣ. Во время продолжительной болѣзни, она заботилась обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ; отнынѣ жизнь моя должна быть посвящена ей. Дай Богъ, чтобъ мое намѣреніе не было тщетнымъ, иначе могила будетъ достойнымъ наказаніемъ моей слабости! Завтра я не буду болѣе узнавать ни васъ, сударыня, ни васъ, полковникъ ванъ-Мильгемъ. Забудьте того, который такъ много претерпѣлъ, любя вашу дочь; мы съ вами теперь разочлись. Простите бѣдному безумцу, осмѣлившемуся говорить такъ вольно и откровенно... А вы, сударыня, вспоминайте иногда обо мнѣ въ вашихъ молитвахъ и просите у неба помощи бѣдняку, изнуренному душевными муками...

Произнеся послѣднія слова, Жанъ всталъ и пошелъ къ дверямъ; но Моника вдругъ вскочила, откинула назадъ свои длинные локоны, отерла слезы, и дѣлая повелительный знакъ рукою, вскричала: Останься! останься!

Потомъ, бросаясь на колѣна предъ отцемъ, протянула къ нему умоляющія руки: Батюшка, удержите его, или я умру. Образъ его также носился въ мечтахъ моихъ; онъ мой братъ, мой покровитель, мой возлюбленный! О Боже! онъ уходитъ! а онъ одинъ только можетъ меня спасти! Отдайте мнѣ его, отдайте! Вы также, батюшка, плачете, вы постигли мои мученія, неправда ли? Батюшка, не осуждайте меня на смерть! Я буду жить, буду здорова, буду васъ благословлять! Именемъ матери моей прошу васъ, отдайте мнѣ его!

Полковникъ поднялъ свою дочь и вскричалъ растроганнымъ голосомъ: Такъ вотъ гдѣ тайна! Живи, живи, милая Моника, будь счастлива мое дитя! Пусть будетъ онъ твоимъ мужемъ!

Пронзительный крикъ вырвался изъ груди Жана; онъ хотѣлъ опереться на стулъ, но упалъ всею тяжестью своего тѣла на полъ; Моника бросилась къ нему съ распростертыми объятіями.

X.

Въ 1831 году, вскорѣ послѣ французской революціи, одинъ

солдаты съ ружьемъ на плечѣ, съ сумой и ранцемъ за спиною, шель по равнинѣ между Молемъ и Дешелемъ. Онъ достигъ до большой фермы, имѣвшей видъ хорошаго загороднаго дома, и показалъ билетъ на квартирровку челоуьку, стоявшему у воротъ. Послѣдній позвалъ служанку, и, оба вмѣстѣ, принявъ привѣтливо военнаго, помогли ему снять съ себя всѣ тяжести. Молодой солдатъ, признательный къ приему, дружески потрепалъ по плечу крестьянина, и сказалъ ему:—А что, товарищъ, служили въ военной?

— Нѣтъ, отвѣчалъ крестьянинъ, но вы найдете здѣсь кому рассказывать про войну и сраженія. Войдите, любезный, окорокъ и пиво уже на столѣ.

Вошелъ въ приемную комнату, солдатъ увидѣлъ въ углу старика съ бѣлыми волосами, почтенной наружности, который съ перваго раза вселялъ къ себѣ уваженіе. Широкой рубецъ на щекѣ и ленточка почетнаго легіона въ петлицѣ сюртука показывали ему того, который, по словамъ крестьянина, радъ будетъ разговаривать про войну и сраженія.

Старикъ привѣтствовалъ воина улыбкою и указалъ ему на столъ, какъ бы говоря: покушай прежде и выпей, а тамъ побесѣдуемъ.

Солдатъ послѣдовалъ доброму совѣту и принялся за предложенный завтракъ, между тѣмъ окидывалъ любопытнымъ взглядомъ всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Въ углубленіи сидѣла за прямою среднихъ лѣтъ женщина, возлѣ нея стоялъ тотъ самый челоуькъ, котораго онъ встрѣтилъ у воротъ. Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что оба они здоровы, счастливы и другъ друга любятъ. Еще подалѣе, за кружевною подушкой сидѣла ветхая старуха и онѣмѣлыми пальцами перебирала коклюшки.

Не успѣлъ еще онъ кончить своего обозрѣнія, какъ услышалъ позади себя пѣсню, которой странныя рифмы заставили его обернуться къ камину. Старикъ съ рубцемъ держалъ на колѣнахъ прекрасныхъ мальчика и дѣвочку, и заставлялъ ихъ скакать подь тактъ этой пѣсенки.

Солдатъ скоро познакомился со всѣми живущими на фермѣ, и такъ полюбилъ это примѣрное и счастливое семейство, что по прошествіи двухъ мѣсяцевъ съ трудомъ могъ разстаться

съ добрыми хозяевами, которые ласкали его, какъ сына. Когда онъ надѣлъ суму и ранецъ, всѣ живущіе на фермѣ вышли къ воротамъ и дружески подали ему руку; разстроганный воинъ, съ на-вернувшимися на глазахъ слезами, отправился по тропинкѣ на равнину, отойдя не много, онъ обернулся, и еще закричалъ голосомъ, исполненнымъ признательности:—Прощайте, полковникъ ванъ-Мильгемъ! прощайте, Жанъ Дельманъ! Прощайте, добрая хозяйка! Прощайте, тетушка Тирлингъ! Прощайте!

Дошедъ до равнины, солдатъ сказалъ самъ себѣ: Вотъ еслибъ я былъ романистъ или поэтъ, написалъ бы интересную исторію-ку... А почему знать? можетъ быть, со временемъ и буду...

Онъ ускорилъ шаги и продолжалъ ити подъ тактъ пѣсенки, которую безъ сомнѣнія выучилъ на фермѣ. Онъ пѣлъ:

Рикке-тикке-такъ
Бейте дружно въ ладъ!
Бейте, молодцы,
Куйте, кузнецы!
Красное желѣзо
Сыплетъ искръ каскадъ!
Рикке-тикке-такъ
Бейте, бейте въ ладъ.

Вы видите, любезный читатель, что молодой воинъ сдержалъ свое обещаніе.

С М Е С Ъ

III.

КОСТЯНЫЯ КОПИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СЪВЕРНУМУ ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ.

—

I.

ЯКУТСКЪ.

Якутскъ одинъ изъ главныхъ городовъ Сибири, которую многіе, по ложнымъ и преувеличеннымъ понятіямъ, считаютъ страню печальною и бесплодною. Огромныя рѣки ея съ зеленѣющими островами, какъ средства сообщенія, замѣняютъ ей желѣзныя дороги. Гористыя мѣста ея покрыты лѣсами, почва вездѣ воздѣлана и даетъ богатую растительность, необходимую для жизненныхъ потребностей; ея торговля мѣхами и костью неистощима. Кромѣ сѣверныхъ оконечностей, Сибирь, какъ и многія другія страны, щедро вознаграждаетъ за суровость своего климата.

Якутскъ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ и стоитъ при Ленѣ. Улицы его широки, но обстроены плохими деревянными домами, гдѣ стекло въ окнахъ замѣнено зимою льдомъ. Въ городѣ считается до 4000 жителей, до 500 домовъ, три церкви каменные, двѣ деревянные и одинъ монастырь. Не такъ давно, въ Якутскѣ была достопримѣчательность, которую показывали путешественникамъ: старинную ле-

ревянную крѣпость, Острогъ, построенную въ 1647 году казаками, но она грозила разрушеніемъ, и теперь исчезла окончательно. Но время не идетъ даромъ для этого отдаленнаго края, прогрессъ вездѣ ощутителенъ: по немногу хивины замѣняются удобными домами, не лишенными нѣкотораго комфорта. Якутскъ центръ обширной торговли, куда стекаются произведенія сѣвера отъ *Анубры* до Берингова пролива, отъ береговъ Ледовитаго моря до горъ Алданскихъ и даже изъ Охотска и Камчатки. Въ лѣтнее время купцы пріѣзжаютъ сюда для мѣновой торговли и запасаются мѣхами, моржевными зубами и мамонтовыми клыками, изъ которыхъ выдѣлываютъ отличную кость, вымѣнивая ихъ за привезенный табакъ, зерна, муку, чай, сахаръ, вина, шелковыя и бумажныя китайскія матеріи, сукна, мѣдныя, стальныя и стекляныя вещи, и проч.

Городскіе жители большею частію купцы, покупающіе мѣха по дешевой цѣнѣ у якутскихъ охотниковъ, и перепродающіе потихоньку свой товаръ прикащикамъ, которыхъ присылаютъ къ нимъ русскіе купцы. Въ продолженіе годовой ихъ ярмарки, они держатъ товаръ своей дома; туда якутскіе пріѣзжіе торговцы должны за нимъ являться. Эти купцы всѣ русскіе; якутское населеніе города составляетъ ремесленный классъ. Въ этой отдаленной колоніи, русскіе отдають новорожденныхъ якутскимъ кормилицамъ, и когда ребенокъ выростетъ и выучится читать и писать, его пріучаютъ къ торговлѣ мѣхами, тѣмъ и оканчивается воспитаніе.

Иванъ Ивановичъ родился въ Якутскѣ, и родные, давъ ему образованіе общее всѣмъ русскимъ дѣтямъ ихъ города, предоставили ему на время выбрать самому себѣ занятіе. Иванъ сдѣлался охотникомъ. Еще съ малолѣтства онъ пристрастился къ охотѣ, блуждая по степямъ съ якутами; отлично зналъ ловлю куніцъ и горностаевъ, умѣлъ гнаться за рысью, и на длинныхъ лыжахъ обгонялъ быстрый бѣгъ оленя; въ длинныхъ походахъ своихъ онъ проникалъ до самыхъ сѣверныхъ оконечностей края для ловли моржей. Такъ въ двадцать лѣтъ онъ зналъ всю практическую и дѣятельную часть своего ремесла; но когда надо было наконецъ приняться за тихую и сидячую жизнь торговца, Ивану Ивановичу стало скучно. Суровая и свободная жизнь въ степяхъ дѣлалась для него городъ невыносимымъ, и сидѣть въ лавкѣ стало ему противно, какъ всякому кочующему, краснокожему, арабу, татарину и сибиряку.

Однако Ивану Ивановичу говорили, что надо же себѣ прокладывать въ свѣтѣ дорогу. Родные, умирая, оставили ему деньгами и мѣхами небольшое состояніе, которое стараніемъ и трудомъ могло поставить его на выгодное мѣсто въ родномъ городѣ. Выслушавъ добрые совѣты

друзей, онъ бросилъ бродячую жизнь и поселился въ отцовскомъ домѣ, собралъ въ магазины мѣха и кость, купилъ товару и приготовился къ предстоящей ярмаркѣ. Сбытъ его на этой ярмаркѣ вышелъ удаченъ, но все же онъ не сталъ счастливѣе. Онъ тосковалъ о скалистыхъ пустыняхъ, о прозрачныхъ озерахъ, о ночахъ на бивакѣ съ чудесными и страшными разсказами старыхъ якутовъ. Городескимъ пирамъ предпочиталъ онъ мерзлое масло, которое едва можно разрубить топоромъ, или *струганину*, смѣсь рыбы съ оленьими мозгами, грубыя блюда, напоминавшія ему годъ его молодости. Преданные друзья совѣтовали ему жениться. «Безъ жены, говорили они, скучная жизнь; женитьба прогонитъ у васъ охоту шататься съ медвѣдями и дикарями.»

Онъ повѣрилъ на-слово, и послушно бросился въ общество, то есть чаще сталъ посѣщать гастрономическія собранія, которымъ посвящается суровая часть года. Якуты, какъ и другіе народы въ дикомъ состояніи, сантиментально называемомъ первобытнымъ, считаютъ обѣдъ важнымъ дѣломъ въ жизни. Есть баснословныя легенды о громадномъ количествѣ блюдъ, которыя съѣдаютъ на пирахъ эскимосы. Наѣвшіе жирнаго и выпивъ въ такой же пропорціи всякихъ крѣпкихъ напитковъ, старики саятся за карты съ трубками въ зубахъ и стаканами пунша, между тѣмъ какъ дамы готовятъ чай и ѣдятъ каленые орѣхи, вѣроятно для пищеваренія. Молодые люди вступаютъ съ дамами въ разговоры, подчуя ихъ орѣхами, а цвѣтъ общества, тамошніе денди, иногда рискуютъ пуститься въ какой-нибудь сибирскій танецъ, подъ скрипку или гусли, родъ національной гитары. Иногда, какъ-нибудь мода, нѣсколько лѣтъ забытая въ Парижѣ, пролетитъ черезъ Петербургъ, Москву до Иркутска въ пустыни Сибири, дастъ безконечную пищу женскимъ толкамъ вмѣстѣ съ городскими сплетнями, и оживитъ общество.

Одна изъ этихъ дамъ привлекла на себя вниманіе молодаго человека. Марья Воротынская, богатая вдова, была красою и удивленіемъ Якутска. Мужъ ей оставилъ порядочное состояніе, съ хорошо меблированнымъ домомъ, что составляетъ неслучайно plus ultra человеческого счастья въ Сибири. Общій слухъ былъ, что Марья, не смотря на молодость, отлично понимала торговлю. Она покупала кожи дешевле другихъ и продавала дороже всѣхъ. Такія способности были бы истинною находкой для Ивана Ивановича, который былъ не далекъ въ торговыхъ соображеніяхъ; но онъ долго оставался равнодушнымъ къ красотѣ вдовы и прочимъ ея преимуществамъ, хоть часто встрѣчалъ ее въ обществѣ и болѣе другихъ подчивалъ ее калеными орѣхами. Однако въ одинъ вечеръ, когда Марья подавала ему чай съ горячимъ пирожкомъ, Иванъ

Ивановичъ нашелъ въ ея улыбкѣ что-то особенное, въ ея движеніи что-то напоминающее материнскую заботливость, что его сильно взволновало, и на другой день онъ сдѣлалъ ей формальное предложеніе. Марья засмѣялась; покачала головою, отвѣчала нѣсколькими незначущими словами, и не отклоняя окончательно его сватовства, отговаривалась молодостью, незнаніемъ въ дѣлахъ, недостаткомъ состоянія. Иванъ Ивановичъ съ жаромъ возразилъ, что онъ лучший охотникъ въ Якутскѣ, и пересчиталъ ей свои доходы.

— Да это четвертая доля того, что мнѣ оставилъ покойный, сказала предусмотрительная вдова.

— Но если я захочу, вскричалъ Иванъ Ивановичъ, я буду самымъ богатымъ купцомъ въ Сибири.

— Какимъ образомъ? спросила Марья съ любопытствомъ, оживляясь при одномъ словѣ о богатствѣ.

— Я почти единственный русскій, жившій между якутами; я могу сдѣлать длинную поѣздку, и собрать огромный запасъ кости. Есть преданіе о костяной копѣ на сѣверѣ, и я знаю отъ одного стараго якута, что оно вѣрно.

— Можетъ быть, возразила Марья, я знаю, что существуютъ большія копи мамонтовыхъ костей, но торговыя компаніи, которыя вы знаете, давно ихъ разработали.

— Только не эти, вскричалъ Иванъ, эти не тронуты. Онѣ далеко, очень далеко, на берегахъ Ледовитаго моря, чтобъ ихъ найти надо много труда и мужества. Ихъ однажды открыли два якута; но одного убили дикари туземцы, а другой теперь старикъ, еще въ живыхъ.

— Еслибъ вы могли найти эти копи, сказала Марья, вы были бы самымъ богатымъ человѣкомъ въ Сибири.

— А вы? смиренно спросилъ Иванъ.

— Иванъ Иванычъ, сказала спокойно Марья, вы мнѣ правитесь больше всѣхъ въ Якутскѣ, а тогда бы я въ васъ влюбилась.

Иванъ былъ въ восхищеніи. Онъ не понималъ характера женщины, которая въ первый разъ вышла замужъ за старика по расчету, и теперь хотѣла какъ-нибудь согласить любовь съ прибылью. Но такого пониманія нельзя требовать отъ полуобразованныхъ людей, не знающихъ сердца человѣческаго, ни его эгоистическихъ побужденій.

Какъ бы то ни было, Иванъ началъ обдумывать свой планъ, который еще прежде его внезапной страсти являлся ему въ молодыхъ мечтахъ. Во время своихъ экспедицій, онъ встрѣчалъ одного извѣстнаго охотника, Сакалара, называвшаго себя потомкомъ знаменитаго Тартара, отца якутовъ; онъ рассказывалъ ему о поѣздкахъ на саняхъ по Ледо

втому морю, и о множествѣ мамонтовыхъ клыковъ и другихъ остаткахъ допотопныхъ животныхъ, находящихся въ глубинѣ земли; онъ говорилъ также, что открылъ костяную копь почти на поверхности, весьма удобную для разработки. Въ молодости эта попытка стѣдила жизни его лучшему другу, и потому онъ уже не хотѣлъ возобновлять ее.

Иванъ рѣшился на поѣздку, и даже заумалъ уговорить Сакалара быть провожатымъ.

II.

ОХОТНИКЪ-ЯКУТЬ.

Прошло нѣсколько дней, въ которые Иванъ Ивановичъ приготовился къ отъѣзду. Онъ купилъ двухъ лошадей и все необходимое для дороги, особливо то, что могло польстить вкусу его друга, стараго охотника: чаю, рому, водки, табаку, пороху и проч. Для себя онъ взялъ два ружья, пару пистолетовъ, теплое платье, чугунный котель, самоваръ, необходимые въ холодномъ краю, куда онъ пускался. Все, кто путешествовалъ на сѣверѣ, знаютъ какъ предохраняются отъ холода жирная пища и чай; о съѣстныхъ припасахъ Иванъ Ивановичъ не беспокоился: онъ зналъ, что китовый жиръ и масло найдутся у Якута, это обыкновенная роскошь камчадаловъ и эскимосовъ.

Первымъ пунктомъ путешествія была, конечно, юрта Сакалара, безъ котораго Иванъ не надѣялся никогда достигнуть цѣли своихъ желаній. Чувствуя въ себѣ довольно мужества отправиться одному въ долину *Миуры*, гдѣ жилъ старый охотникъ, онъ отправился на зарѣ, предупредивъ одну Марью, и смѣло исчезъ въ снѣжной степи, простирающейся отъ Якутска до моря.

Вся эта часть Сибири—огромныя болота, мрачныя лѣса и горы, покрытыя снѣгомъ уже въ сентябрѣ, когда Иванъ началъ свое путешествіе. Пять лошадей, которыхъ онъ взялъ съ собою, были привязаны одна за другой; онъ сидѣлъ на первой, медленно подвигаясь впередъ, безпрестанно оглядываясь все ли за нимъ въ порядкѣ. Ночью онъ разстилалъ подъ кустарникомъ медвѣжью шкуру, разводилъ огонь, приготовлялъ себѣ ужинъ и заеышалъ, закутавшись всемъ своимъ платьемъ. На зарѣ онъ грѣлъ самоваръ съ снѣжною водою и пилъ чай. Поѣздъ его продолжался съ большимъ трудомъ; ни что не обозначало дороги;

озера, образовавшіяся отъ недавнихъ наводненій, останавливали его на каждомъ шагу, принуждая сворачивать въ объѣздъ, что замедляло дорогу и усиливало опасности.

Утромъ третьяго дня Иванъ очутился въ сильномъ затрудненіи; въ какую сторону ѣхать: дальнія горы хотя и лежали по направленію его дороги, но до нихъ надо было объѣхать огромное болотистое пространство. Передъ нимъ лежала замерзшая рѣчка. Иванъ отвязалъ лошадей, предоставивъ ихъ инстинктомъ и чутьемъ найти себѣ переправу, вскочилъ на одну изъ нихъ, и пустился по рѣкѣ со всевозможной осторожностью, какъ вдругъ раздался трескъ, ледъ проломился подъ копытами лошади, и оба исчезли въ пропасть. Но вмѣсто смертельнаго паденія въ стремнину, Иванъ очутился подъ необозримымъ ледянымъ сводомъ; небольшою ручей текъ по ложу рѣки. Иванъ зналъ, что этотъ феноменъ случается не рѣдко. Морозы сковали рѣку во время полнолудья; съ тѣхъ поръ хотя рѣка и сбывла, но надъ нею сохранилась ледяная кора. Ивану некогда было любоваться этою темною галереей, которая шла по обѣ стороны на необозримое пространство; онъ сталъ на спину лошади, и пытался выйти хоть одинъ, жертвуя бѣднымъ животнымъ. Достигнувъ берега, онъ проломалъ ледъ у берега, лошадь бросилась за нимъ, и тоже освободилась изъ ледяной тюрьмы. Избѣжавъ опасности, Иванъ Ивановичъ нашелъ наконецъ дорогу и спокойно могъ продолжать путь.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ достигъ долины Міуры, гдѣ надѣялся найти жилище Сакалара. Выѣхавъ изъ совершенной пустыни, онъ очутился на краю плодоносной долины, со множествомъ маленькихъ озеръ. Вся эта долина была, вѣроятно, нѣкогда однимъ большимъ озеромъ. По ней разбросаны были юрты якутовъ, и въ лугахъ паслись стада и лошади. Иванъ зналъ этотъ край, и пустилъ лошадь прямо къ одинокой куртѣ, вдали отъ другихъ, гдѣ жилъ другъ его, охотникъ. Хижина его была просторнѣе и чище другихъ, благодаря совѣтамъ Ивана и заботамъ одной изъ дочерей Сакалара, которую воспитала въ Якутскѣ мать Ивана, покуда онъ велъ кочующую жизнь. Дочь охотника приняла городскія привычки и вообще была пообразованнѣе другихъ женщинъ ея племени. За то и хижина ихъ не походила на сосѣднія; якуты, происхожденія татарскаго, необыкновенно грубы и грязны. Ученые полагаютъ, что невѣжество, бѣдность и недостатокъ цивилизаціи производятъ одинакіе результаты какъ въ саваннахъ Америки, такъ въ степяхъ Сибири, въ хижинахъ ирландцевъ, и въ тѣсныхъ жилищахъ населенныхъ городовъ; но объ якутѣ можно сказать, что неопрятность у него врожденная; хотя между дикарями ихъ племя одно изъ лучшихъ. Отъ частыхъ сношеній съ русскими, они имѣютъ даже нѣкоторый достатокъ, у

нихъ большія стада, и въ каждой хижинѣ можно найти кумысъ и конское мясо. Якутъ безъ труда переносятъ лишенія и страшный холодъ. Онъ отправляется въ путь безъ шубы и палатки, спитъ на снѣгу, разостлавъ чапракъ и положивъ сѣдло подъ голову, и завернувшись въ свое платье. Умѣренность его непостижима, а глазъ такъ зорокъ, что однажды якутъ рассказывалъ русскому путешественнику, какъ одна большая голубая звѣзда съѣла нѣсколько маленькихъ, и потомъ опять рассыпалась на мелкія звѣзды. Дикарь видѣлъ простыми глазами затмѣніе спутниковъ Юпитера. Какъ краснокожій, якутъ памятливъ на мѣстность каждаго куста и камня, и никогда не сбивается съ пути, какъ бы дологъ онъ ни былъ.

Пища его—вареная говядина и конина, и молоко; любимая ѣда—сырой или топленый жиръ, а главное дѣло все въ количествѣ. Для него они примѣшиваютъ въ рыбу и муку еще древесную кору. Мужчины и женщины курятъ и глотаютъ дымъ; водку предпочитаютъ кумысу. Лѣтомъ для сѣнокоса они располагаются лагеремъ; зимою сидятъ въ юртахъ или деревянныхъ хижинахъ въ родѣ улей, слѣпленныхъ землею и глиной и покрытыхъ дерномъ, съ кусками льда вмѣсто стеколъ. Якуты побѣднѣе роютъ юрты въ землѣ фута на три глубиною; въ нѣкоторыхъ есть деревянные полы; грубыя скамьи служатъ постелью. Печь въ среднихъ юрты, ближе къ двери, съ трубою для дыма.

Почти стемнѣло, когда Иванъ остановился у юрты Сакалара. Два пастуха курили у двери; Иванъ поручилъ имъ лошадей и вошелъ. Сакаларъ расположился ужинать. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, рослый и сильный; передъ нимъ стояла на столѣ огромная чашка съ похлебкой изъ рыбы и говядины. Ему прислуживала дѣвушка лѣтъ осемнадцати, недурная и чисто одѣтая.

— Спасите насъ, духи лѣсные, вскричала она съ испугомъ, разлвѣвъ на полъ похлебку.

— Иль тамъ какой звѣрь, *Колина?* спросилъ охотникъ, и вдругъ увидѣлъ Ивана.

— А, добро пожаловать, Иванъ! вскричалъ онъ. Скорѣе, Колина, тарелку, стаканъ, водки, да мою московскую трубку.

Эти приказанія были не нужны; Колина, быстрая какъ олень, уже явилась съ посудой, и даже стала готовить для Ивана родъ пирога, который онъ выучилъ ее дѣлать, потому что знала, что молодой человѣкъ не можетъ обойтись безъ хлѣба.

— Куда же ты ѣдешь? спросилъ Сакаларъ, когда Иванъ не много утолилъ голодъ.

— Къ Ледовитому океану, искать костяныя копи, отвѣчалъ тотъ рѣшительно.

Колина остановилась въ изумленіи и страхѣ, тогда какъ любопытный и безпокойный взоръ дикаря доказывалъ ясно, что Сакаларь считалъ Ивана помѣшаннымъ. Но Иванъ всталъ, велѣлъ принести свои дорожные запасы и разложилъ все эти сокровища передъ хозяевами. Тутъ былъ чай для Колины, для ея отца ромъ, водка, порохъ, табакъ, ножи и ружья, все что могло соблазнить якута. Отецъ и дочь осмотрѣли все съ удовольствіемъ; но чрезъ минуту Колина покачала головою, какъ бы предчувствуя горе.

— Иванъ, сказалъ дикарь, ты привезъ эти сокровища, чтобъ прельстить бѣднаго якута и заманить его съ собою въ ледяныя пустыни. Тутъ много хорошаго, да еще мало, чтобъ я сошелъ съ ума; злые духи стерегутъ копи. Ты мнѣ скажи, какъ ты это задумалъ?

Иванъ разсказалъ все какъ было.

— И для такой злой женщины ты пустился въ страшную дорогу, вскричала съ печалью Колина. У якутовъ тебя бы не пустили. Тебѣ сказала бы якутская женщина: останься съ нами, пускай мамонтовы кости лежать всегда подъ сѣверными льдами.

— А онъ все таки пойдетъ, и умретъ тамъ какъ собака, сказалъ дикарь, воодушевляясь негодованіемъ дочери.

— Ступай съ нимъ, батюшка, сказала дѣвушка, бросивъ сострадательный взглядъ на молодаго человѣка, а какъ мнѣ одной жить нельзя, то и Колина пойдетъ съ вами.

Якутъ подумалъ немного, и вдругъ рѣшившись сказалъ торжественно:

— Мы поѣдемъ, и ты съ нами, Колина, потому что проѣздимъ два года.

Иванъ крѣпко сомнѣвался, чтобъ вдова ждала его такъ долго; но дикарь объяснилъ ему, что менѣе двухъ лѣтъ на экспедицію положить невозможно. Старый охотникъ полагалъ прежде всего ѣхать въ кочевья дикихъ въ окрестностяхъ Нижне-Колымска, гдѣ только можно найти собакъ и сани для дальнѣйшей поѣздки. Это первое путешествіе и разныя приготовленія должны были занять всю зиму. Лѣтомъ предпринимать ничего невозможно. Съ возвратомъ морозовъ, цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ пройти въ дорогѣ къ полюсу, гдѣ слѣдовало пребыть уже весь остатокъ зимы, если найдется кость. Лѣто положено было употребить на разработку копей, откормленіе собакъ и укладку товара, и третью зиму на возвращеніе. Выслушавъ такой расчетъ, молодой человѣкъ почувствовалъ, что рѣшимость его ослабѣваетъ; но дикарь такъ увлекся предположеніями, что на другой день ничто уже не могло от-

влекъ его отъ желанія побывать тамъ, гдѣ онъ уже одинъ разъ рисковалъ жизнью. Дочь его уже объявила, что непременно хочетъ ѣхать. Такая твердая воля бываетъ только у дикарей: они рѣшаются въ одну ночь на то, что намъ стояло бы полжизни размышленія.

Дѣвушка не могла заснуть всю ночь. Подъ одною кровлею съ нею былъ тотъ, котораго она съ малолѣтства воображала своимъ будущимъ мужемъ,—и теперь ему нравилась другая. Бѣдной дѣвухѣ было грустно, но сердиться на него она не могла, и твердо положила быть спутницею его и отца въ страшной поѣздкѣ къ полюсу.

III.

НИЖНЕ-КОЛЫМСКЪ.

Путешественники положили пять дней полного сбора къ отъѣзду. Лошади Ивана были промѣнены на болѣе годныхъ къ такому пути. Всѣ трое приготовили одинакій костюмъ, потому что Колина надѣла мужское платье. Сверхъ обыкновенной одежды на нихъ были куртки изъ лисьяго мѣха, мѣховые тулупы, чулки изъ заячьей шкуры, лосинные панталоны съ мѣховыми наколѣвниками, и такіе же сапоги, сверхъ всего родъ плаща изъ оленьей кожи, съ широкими рукавами и воротникомъ. Лице скрывалось подъ маской, и остроконечная мѣховая шапка покрывала голову.

У каждаго было ружье, пара пистолетовъ, небольшой топоръ и охотничій ножъ, а на поясѣ прицѣплена трубка и кисеть съ табакомъ. Въ деревнѣ никто не зналъ куда собрался они, но всѣ предполагали далекое и затруднительное путешествіе. Дикари вышли изъ юртъ и ободряли ихъ искреннимъ прощаньемъ, хотя и толковали, что женщины не слѣдовало бы отваживаться на такія опасности.

Они оставили за собою долину Міуры и направились къ сѣверу. Лощины и болота, покрытыя тонкимъ льдомъ, останавливали ихъ на каждомъ шагу. Якутъ шелъ впереди, и опытность стараго охотника часто ихъ спасала. Скоро они достигли необозримой равнины, совершенной пустыни на пространствѣ трехъ сотъ миль, усаженной скалами и болотами, которые на футъ подъ поверхностью воды скрываютъ вѣчный ледъ. Благодаря сильнымъ морозамъ, переправа лошадей была удачна. Но когда случались на пути широкія рѣки, на ледъ невозможно было надѣ-

яться. Такъ чрезъ Алдану переправлялись путники на лодкахъ. Къ ночи располагались на отдыхъ, укрѣпивъ по кустамъ олени шкуры; Колина готовила ужинъ; охотники шли искать хотя поденѣжной травы на кормъ лошадей, но скоро и ее не стало, и бѣдныя животныя принуждены были довольствоваться скудною порціей сѣна.

На третій день ихъ пути по мрачной пустынѣ, пошелъ сильный снѣгъ и мгновенно прикрылъ темносѣрую поверхность равнины. Наступила зима. Теперь для общаго спасенія, старому якуту необходимо было все его знаніе. Малѣйшіе признаки дороги исчезли, и путеводателями остались однѣ отдаленныя скалы и звѣзды; но дикарь ни разу не сбился. Для ночлега онъ постоянно выбиралъ подножіе холма, гдѣ можно было развести огонь изъ старыхъ древесныхъ щей и мелкаго кустарника. На зарѣ пятаго дня, когда молодые люди еще спали, Сакаларъ давно проснулся. Старый охотникъ предчувствовалъ близкую опасность. Они вступали на землю чукчей враждебнаго племени, и огонь ихъ костра могъ открыть путниковъ непріятелю. Еслибъ якутъ былъ одинъ, онъ проспалъ бы на снѣгу безъ огня, онъ зналъ, какъ страшно встрѣчаться съ этими независимыми дикарями, еще недавно только покорившимися Россіи. Глубокій выпавшій снѣгъ увеличивалъ опасность. Якутъ, сидя на срубленномъ пнѣ и куря трубку, внимательно глядѣлъ вдаль. Вдругъ онъ увидѣлъ на горизонтѣ черную массу, быстро приближавшуюся къ ихъ биваку. Онъ узналъ бѣгъ оленей: множество чукотскихъ саней летѣло по снѣгу.

— Вставайте, закричалъ охотникъ, за ружья: ѣдутъ чукчи; не робѣйте, стрѣляйте хоршенько!

Иванъ и Колина не теряя минуты, спокойно встали, слушая приказанія охотника. Дикари приближались, и соскочивъ съ саней, схватились за руки и полетѣли впередъ на длинныхъ лыжахъ. Ихъ было до двѣнадцати. Внезапный ружейный залпъ остановилъ ихъ. Начальникъ отряда былъ раненъ, и дикари сѣли опять въ сани совѣтоваться. Очевидно, они не имѣли огнестрѣльнаго оружія, значить опасности не было. Охотники поспѣшно навьючили лошадей, и маленькій караванъ поѣхалъ, между тѣмъ какъ дикари издали слѣдили за ними.

Путники спокойно провели ночь на берегу Теркуланы, у подножія Верхоянскихъ горъ. Оставалась самая трудная часть дороги: отвѣсныя скалы, глубокія ущелья, снѣжныя и ледяныя лавины лежали на ихъ пути. Надо было пробираться чрезъ страшныя пропасти по узкимъ невѣрнымъ тропицамъ; лошади ихъ стали въ снѣжныхъ сугробахъ, откуда съ трудомъ могли освободить ихъ. Хорошо, что сибирскія лошади, хотя малорослыя, сильны и терпѣливы, и могутъ пробить мѣсяца три

въ дорогѣ на гниломъ и мерзломъ снѣгѣ. Отдыхи становились продолжительнѣе; случалось, что ледъ на рѣкахъ былъ такъ скользокъ, что лошади не могли удержаться, и тогда охотники запасались золою изъ костровъ, чтобъ сдѣлать твердую тропинку подъ ихъ ногами. Наконецъ измученный и усталый отрядъ прибылъ въ Нижнеколымскъ. Ледовитое море было близко.

Селеніе Колымскъ находится подъ 18° сѣверной широты; на равномъ разстояніи отъ полюса съ Бопла-Феликсъ, гдѣ капитанъ Россъ четыре года былъ затертъ льдами. Селеніе основано, лѣтъ двѣсти назадъ, кочующими казаками. Нельзя понять, что могло заставить людей поселиться въ странѣ, гдѣ солнце свѣтитъ не согрѣвая, гдѣ одинъ день равняется нашимъ пятидесяти двумъ днямъ, а ночь тридцати осьми ночамъ; страна безъ весны и осени, гдѣ три мѣсяца чего-то похожаго на лѣто, смѣняются безконечною зимою, гдѣ вся растительность чахлая трава и рѣдкій кустарникъ, и подъ едва растаявшею корою земли вѣчно ледяная почва. Единственное вознагражденіе состоитъ въ стадахъ оленей, во множествѣ бурыхъ и черныхъ медвѣдей, лисицъ и бѣлокъ. Есть волки, и особенныя полярныя лисицы, «isatis,» лебеди, дикіе гуси, утки, дичь, и множество рѣчной рыбы.

Хотя нынѣшнее населеніе ограничено, и время его происхожденія извѣстно, но есть признаки, что этотъ край былъ нѣкогда обитаемъ многочисленнымъ племенемъ, которое оставило слѣды развалинъ своихъ крѣпостей и селеній. На всемъ этомъ пространствѣ считается до 5000 жителей, изъ ихъ числа около трехъ сотъ русскихъ. Они живутъ въ хижинахъ, сплоченныхъ изъ кусковъ дерева, собраннаго многолѣтними трудами, стѣны изъ глины и моху довершаютъ постройку.

Вообще это племя очень смѣлое и промышленное. Охота и рыбная ловля занимаютъ ихъ большую часть года. Къ концу морозовъ, именно въ то время, когда голодъ и нужда начинаютъ истощать жителей, прилетаютъ стаи лебедей, утокъ и другой дичи, и тогда всѣ, женщины и дѣти отправляются на охоту. Съ оттепелью возвращается рыболовля, а также охота за оленями. Женщины собираютъ траву и корни, въ концѣ лѣта ловятъ тамъ же сельдей, и такимъ образомъ все теплое время посвящается приготовленію съѣстныхъ припасовъ на зиму, когда уже невозможно охотиться.

Колымскъ имѣетъ и торговлю. Базаръ въ Островной самый значительный въ краю; но и въ Нижне-Колымскѣ купцы покупаютъ мѣха, которые смѣлые чукчи привозятъ отъ американскихъ индѣйцевъ, изъ-за Берингова пролива и вымѣниваютъ на чай, водку, табакъ, и проч.

Иванъ и его спутникъ пріѣхали въ Колымскъ ночью, не мало изу-

мивъ все селеніе, гдѣ не привыкли видѣть путешественниковъ въ это время года. По счастью, одинъ казакъ тотчасъ предложилъ имъ на жигѣ половину своего дома.

IV.

ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ.

Въ Колымскѣ всѣ приняли радушно неустрашимаго якутскаго кушца. Когда онъ предложилъ за наемъ собакъ и саней, привезенныя имъ сокровища—ромъ, чай, и проч., то нашелъ много охотниковъ, хотя никто не вызвался пристать къ отряду, чтобъ управлять и завѣдывать собаками. Старый якутъ это предвидѣлъ, и потому не упалъ духомъ. Онъ сталъ готовиться къ пути, предоставивъ молодому человѣку веселиться; но тотъ въ свободныя минуты находилъ болѣе удовольствія учить, что зналъ, Колину, и рѣдко показывался въ высшемъ обществѣ Колымска, хотя безпрестанно получалъ приглашенія на вечера и балы. Мы говоримъ вечера, потому что, хоть и стояла постоянная ночь, но часы времени съ точностью наблюдались, и общество собиралось въ 5 часовъ послѣ обѣда, чтобъ разойтись въ десять. Пѣли, танцевали, пили безконечный чай. Когда пришла масляница, Иванъ придумывалъ все, что могъ, чтобъ разеять молодую дѣвушку, которую не принимало въ свой кругъ русское общество, и цѣлые дни проводилъ съ нею. Этимъ временемъ якутъ ходилъ изъ юрты въ юрту для найма саней, и 39-ти собакъ, по 13 въ каждые сани; сдѣлалъ запасъ сухой рыбы для собакъ и припасы для отряда. Наконецъ нашелъ трехъ молодыхъ смѣльчаковъ, которые рѣшились участвовать въ экспедиціи, и такимъ образомъ къ ней присоединилось еще трое саней. Зима прошла. Лѣтомъ, Иванъ съ другими колымскими охотниками проникалъ до мыса Святаго, т. е. до мѣста, откуда должна была начаться ихъ поѣздка въ море. Здѣсь они устроили небольшую платформу, огородивъ ее бревнами, и сложивъ запасы, завалили камнями отъ лисецъ и медвѣдей.

Наконецъ съ возвращеніемъ зимы пришло и желанное время отъѣзда. Стали собираться; каждые сани съ 800 фунтами груза были запряжены тринадцатью собаками, по шести въ рядъ, и одною впереди. Путешественники не брали съ собою дровъ, полагаясь, что найдутъ лѣсу, прибитаго волною къ берегу, по которому они будутъ слѣдовать до мыса

Святаго, это случается, когда море нѣсколько освобождается отъ льдовъ. Одни сани были заняты палаткою, фонаремъ и небольшою кухонною посудой. Привыкнувъ немного управлять собаками, охотники пустились въ путь въ одно ноябрьское утро. Они направились къ устью рѣки Чукчи, и къ концу перваго дня достигли предѣловъ сѣверной растительности. За нею лежали вѣчные снѣга, по которымъ сани скользили съ невѣроятною быстротою. На другой день къ полудню собралась буря, и невыносимый холодный вѣтеръ несъ тучи снѣга. Собаки останавливались; сани Колины опрокинулись; съ большими усилиями повзды пришелъ въ порядокъ. Якутъ ускакалъ въ передъ, и когда отрядъ къ нему присоединился, то нашли, что онъ разрывалъ огромный сугробъ; тутъ, сколько онъ помнилъ, была когда-то юрта. Все бросились помогать ему, и наконецъ нашли лачугу, совершенно занесенную снѣгомъ. Собаки вырыли себѣ норы, и уткнувъ морды въ косматую шерсть, прятались отъ выюги.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ усиленной работы, юрта была открыта и внутри разложенъ костеръ. Все кое-какъ улеглись въ ней, здыхаясь отъ густаго дыма, но не столь убійственнаго какъ вѣтеръ, дувшій съ моря. Дымъ едва вылеталъ въ отверстіе, служившее дверью, но скоро костеръ догорѣлъ, и путешественники могли приготовить себѣ чай и ужинъ.

Буря утихла, и небо озарилось удивительнымъ сѣвернымъ сіяніемъ. На горизонтѣ явилась радуга и поднялось множество яркихъ столбовъ во всехъ направленіяхъ. Свѣтъ ихъ равнялся лунному сіянію. Лучи огненные и блѣдно-красные то вспыхивали, то потухали, и среди мертвой тишины, послѣдовавшей за бурей, слышался глухой, отдаленный гулъ. Явленіе продолжалось нѣсколько минутъ, и погасло во мракъ ночи.

Пріютившись у огня, путники завели разговоръ. Старый якутъ ни когда не лгалъ, но молодые люди изъ Колымска, какъ почти все охотники, разсказывали небывалыя вещи, преувеличивали свои успѣхи на ловлѣ; тутъ были и схватки одинъ на одинъ съ медвѣдемъ, т. е. случаи, почти невѣроятные, но иногда возможные, и проч. Наконецъ все уснуло.

На третій день путники увидѣли море. Съ небольшою возвышенности они смотрѣли на неподвижный океанъ, и не вѣрили глазамъ, чтобъ передъ ними было море. Также какъ и на землѣ, взоръ обнималъ снѣжныя равнины, пересекаемыя отвѣсными ледяными скалами, безпредѣльными пространствами прозрачнаго льду, или полыньями, похожими на сибирскія озера. Страшные вихри крутились надъ этою пустыней, все было мертво, мрачно, дико, и безнадежный взоръ путника не зналъ на чемъ остановиться. Мысль пуститься по этимъ безжизненнымъ равни-

намъ сжимала душу. Но твердость молодого купца устояла предъ испытаніемъ, онъ достигалъ желанной цѣли, видѣлъ впереди богатство и извѣстность.

Укрѣпивъ палатку между двумя стѣнами рубленого снѣга, чтобъ укрыться отъ невыразимо сильнаго вѣтра, отрядъ расположился заснуть. Но къ полуночи все проснулись отъ страшнаго удушья. Якутъ проворно всталъ, и при свѣтѣ костра ощущалъ выходъ. Онъ былъ совершенно заваленъ снѣгомъ. Отчистивъ его, охотникъ вышелъ. Буря шумѣла, и собаки смѣшивали съ нею жалобныя завыванія. Это былъ признакъ опасности: осторожныя животныя почували грознаго врага, полярнаго медвѣдя. Сакаляръ взялъ ружье, и когда собаки еще сильнѣе залаяли, онъ рассмотрѣлъ среди выюги тяжелую массу, приближающуюся къ палаткѣ. Якутъ выстрѣлилъ, и схвативъ топоръ ждалъ твердо нападенія медвѣдя; но тотъ остановился, и съ яростнымъ рычаніемъ бросился назадъ. Иванъ и Колина выстрѣлили, собаки пустились за нимъ, и Якутъ ударомъ топора добилъ страшнаго звѣря. Добыча была брошена собакамъ, но тѣ его не тронули: онѣ вообще не ѣдятъ свѣжаго медвѣжьего мяса, а любятъ только мерзлое. Снявъ шкуру, все воротились въ палатку, и зажгли фонарь, который долженъ былъ вмѣстѣ и свѣтить и нѣсколько согрѣвать шестерыхъ путниковъ. Но заснуть никто не могъ, въ ожиданіи нападенія медвѣдей, которые рѣдко являются по одному.

Дни шли чрезвычайно однообразно, ѣхали то берегомъ, то моремъ; для предохраненія собакъ отъ холода, лапы у нихъ были окутаны, что замедляло ѣзду. Когда собака, запряженная впереди другихъ, хорошо выѣзжена, то легко управлять всею; но безъ того почти невозможно ѣхать, не сбиваясь съ дороги. Всякій разъ какъ собаки почувуютъ медвѣдя или лисицу, ихъ охотничій инстинктъ беретъ верхъ, и онѣ съ санями бросаются въ погоню за звѣремъ. Но хорошо выученная передовая собака обманываетъ стаю, обнюхивая и будто чуя звѣря въ противоположной сторонѣ, и такимъ образомъ удерживаетъ поѣздъ на настоящей дорогѣ.

Къ концу одного дня, Сакаляръ далеко уѣхалъ въ море; подвѣзжая къ одной высокой ледяной горѣ, собаки вдругъ съ необыкновенною быстротой рванулись впередъ. Якутъ далъ имъ волю, хотя и предвидѣлъ куда онѣ мчатся. Въ мгновеніе онъ взлетѣлъ на громадную льдину, но нарте зацѣпилась, упряжь оборвалась, и стая бросилась впередъ одна. Оставшись при опрокинутыхъ саняхъ, якутъ думалъ, что стая для него совершенно погибла, но не теряясь, онъ взялъ ружье, и пошелъ за собаками, уже скрывшимися изъ виду и прицѣпивъ лыжи, сбѣжалъ съ горы, гдѣ ледяная стѣна вдругъ его остановила. Все товарищи далеко

отъ него отстали. Оглядѣвшись, онъ замѣтилъ небольшой круглый бассейнъ, покрытый тонкимъ льдомъ, пробитымъ до воды. Вдругъ тамъ что-то шевельнулось, и охотникъ узналъ снѣжную берлогу огромнаго медвѣдя. Звѣрь отдыхалъ, протянувшись на льдинѣ; но въ ту минуту какъ охотникъ нагнулся, чтобъ разсмотрѣть берлогу, вынырнулъ моржъ и легъ около страшнаго сосѣда; медвѣдь оглянулся, и сильная лапа, схвативъ моржа, тотчасъ его задушила. Натуралистъ остановился бы полюбоваться грознымъ звѣремъ, но охотникъ едва далъ ему выйти изъ снѣжной пещеры за своей добычей, какъ мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ.

Скоро онъ нашелъ своихъ собакъ, которыя съ воплями и лаемъ рвались изъ узкаго ледянаго перехода, гдѣ зацѣпились упряжью. Собравъ въ порядкѣ стаю и добычу, медвѣдя и моржа, якуть скоро присталъ къ отряду.

Съ такими же опасностями ѣхали они и слѣдующіе дни, пока достигли до *салбы*, или складочнаго мѣста, устроеннаго ими прошлымъ лѣтомъ для сохраненія провизіи. Все было нетронуто, и кромѣ того, они нашли здѣсь много лѣсу; тутъ они остановились, чтобъ перегрузиться, и дать отдохнуть собакамъ. Съ этого пункта экспедиція совершенно покидала твердую землю, и вступала въ полярное море.

V.

НА МОРѢ.

Не смотря на огонь, разложенный въ палаткѣ, холодъ былъ невыносимъ. Былъ конецъ декабря, и дулъ такой сильный сѣверный вѣтеръ, что путешественники принуждены были вскакивать нѣсколько разъ ночью и бѣгать, чтобъ расправить ооченѣлые члены. Утро вѣтало ясное, и солнце обѣщало болѣе благоприятные дни. Отдохнувшія собаки быстро пустились въ путь; къ концу дня они едѣлали тридцать миль, и остановились, для привала, въ небольшой ледяной равнинѣ.

Странное зрѣлище явилось предъ ихъ глазами: отвсюду ледяныя скалы, быть можетъ съ самаго сотворенія міра поднимающія здѣсь къ небу свои остроконечныя вершины, и опирающіяся въ пески глубокаго океана. Воображеніе могло придавать имъ самыя причудливыя формы; мелькали будто цѣлые города, дворцы, развалины колоннадъ, безконеч-

ныя галереи, опрокинутые конусы, высокія пирамиды, и къ довершенію оптическаго обмана, на горизонтѣ являлись зеленѣющія равнины и волнующееся море. По мѣрѣ удаленія путниковъ на сѣверъ, гдѣ они думали отыскать твердую землю, пловучіе льды сходились въ болѣе плотныя массы, образуя равнины, тогда какъ мелкія льдины дѣлали поверхность ихъ до того бугроватою, что ѣзда становилась почти невозможна. Вдругъ встрѣтились имъ огромныя польньи; охотники попробовали ледъ палкой, и онъ тотчасъ проломился. Спасеніе ихъ зависѣло теперь единственно отъ скорости ѣзды. По данному якутомъ знаку, всѣ приударили собакъ; онѣ полетѣли какъ стрѣла. Только этой быстротою всѣ спаслись отъ неминуемой гибели; вслѣдъ за проѣхавшими нартами, ледъ трескался со всѣхъ сторонъ. Въѣхавъ на болѣе твердое мѣсто, охотники вздохнули свободнѣе, и внутренно благодаря Небо за спасеніе, расположились къ ночи.

Но температура воздуха перемѣнилась: такъ называемый здѣсь теплый вѣтеръ дулъ цѣлый день, и наконецъ превратился въ ураганъ. Поужинавъ въ палатѣ и закуривъ трубки, путешественники почувствовали, что ледъ колеблется подъ ихъ ногами; раздались глухіе удары; со всѣхъ сторонъ разрывались и трещали льдины, та, на которой укрѣплялась палатка, была довольно высока, и охотники на нѣсколько минутъ были еще въ безопасности. Но волны уже яростно ревѣли кругомъ. Наступила полночь; охотники въ оцѣпенѣніи и ужасѣ прислушивались, какъ дрожала подъ ними льдина; эти колебанія стали наконецъ ужасны. Якутъ одинъ сохранилъ присутствіе духа; колымскіе охотники рвали съ отчаянія волосы, проклиная тѣхъ, кто повелъ ихъ на вѣрную смерть; молодая дѣвушка то кричала, то молилась; Иванъ страдалъ за всѣхъ, какъ виновникъ общаго бѣдствія. Массы льда налетали съ трескомъ на ихъ пловучій островъ, и вдругъ ударясь — подняли его почти перпендикулярно надъ разъяренными волнами. Цѣпляясь за льдины въ смертномъ отчаяніи, всѣ поручили себя Богу, думая, что все кончено. Но этотъ ударъ былъ послѣдній, буря вдругъ стихла, море улеглось, посыпалъ снѣгъ, и безпредѣльная равнина приняла прежній спокойно-мрачный видъ; морозъ опять схватилъ разорванные льды, и опасность миновала. Колымскіе охотники настаивали, чтобъ воротиться; но якутъ былъ непоколебимъ, и утромъ всѣ пустились въ дорогу. Отрядъ вошелъ въ непрерывный лабиринтъ ледяныхъ горъ, гдѣ сани съ трудомъ могли пробраться. Здѣсь отрядъ безпрестанно встрѣчалъ медвѣдей; ловкіе и смѣлые охотники сражались съ ними, и битвы кончались благополучно, доставляя хорошій запасъ шкуръ и мяса.

За то дровяной запасъ истощался, какъ ни бережно его употреб-

ляли. Раза два находили дерево, затертое льдомъ, но большею частью грѣлись кругомъ фонаря и тѣнотю въ палаткѣ.

Дней черезъ шесть, отрядъ нашелъ землю; это былъ небольшой островокъ съ заливомъ, куда прибило много лѣсу. Якутъ былъ чрезвычайно обрадованъ: онъ узналъ свою прежнюю дорогу къ копямъ. Всѣ весело расположились у большаго огня, и выпили немного рому, драгоценнаго въ морозы, но который, согрѣвъ на минуту, потомъ заставляетъ чувствовать холодъ еще сильнѣе.

Охотники поймали здѣсь нѣсколько моржей, и убили пятерыхъ медвѣдей и одиннадцать лисицъ. Уложивъ припасы, отрядъ тронулся. Но чѣмъ болѣе подвигались они къ полюсу, тѣмъ умножались опасности: ближе къ полюсу море становилось глубже, ледяныя горы съ страшными разсѣлинами обступали кругомъ; чтобъ переправиться черезъ нихъ, путешественники устраивали ледяные мосты и пробирались надъ пропастями. Солнце, появившееся на нѣсколько часовъ, казалось не грѣло, а приносило холодъ въ морозную атмосферу.

Наконецъ, послѣ двадцати-дневныхъ трудовъ и бѣдствій, на горизонтѣ показалась столь долгожданная земля. Взобравшись на ледяную скалу, пустынники увидѣли снѣжные пееки Новой Сибири; направо разстилалось необозримое море, а у ногъ ихъ, на разстояніи, котораго нельзя было окинуть глазомъ, шелъ узкій стремительный протокъ, не скованный морозами: онъ крутилъ и уносилъ обломки льду съ страшною быстротою. Въ оцѣпенѣніи смотрѣли всѣ на мрачную картину; но якутъ, не задумываясь поѣхалъ по направленію протока, осмотрѣлъ его, и нашелъ, чего искалъ, т. е. одну ровную, большую льдину, на которой могъ бы помѣститься весь отрядъ, и вмѣстѣ такой, чтобъ она могла отдѣлиться отъ другихъ при небольшихъ усиліяхъ. Когда сани, собаки и люди взобрались на этотъ родъ плота, охотники отрубили его топорами отъ прочихъ льдинъ, и пустили ее по теченію. Льдина завертѣлась и, колеблясь, пошла по стремленію воды. Охотники, стоя по краймъ, управляли льдиною, употребляя свои пики вмѣсто весель.

Черезъ нѣсколько минутъ, быстрота потока увлекла плотъ съ необычайною силою, ударяя его безпрестанно о другія исполинскія льдины. Колымскіе охотники въ отчаяніи ждали смерти, видя какъ все далѣе и далѣе катились они въ безпредѣльный ревущій океанъ, вѣчно волнуемой кругомъ полюса. Но по немногу льдина пришла въ равновѣсіе, и вдругъ вошла подъ громадный ледяной сводъ, гдѣ новый протокъ воды съ противоположной стороны, позволилъ путешественникамъ направить льдину вверхъ по теченію, и вскорѣ они достигли желаемаго берега. Не смотря на трудности окончательнаго пути, всѣ одушевились;

собаки, почуявъ землю, а можетъ быть даже дичь, радостно залаяли. Узкая равнина, съ рѣчкою вдаль, занесенная снѣгомъ и льдомъ, открылась предъ путешественниками.

— Вотъ костяныя копи! сказалъ якутъ тихо Ивану, который поблагодарилъ его взглядомъ безпредѣльной признательности.

VI.

КОСТЯНЫЯ КОПИ.

Цѣль столь новаго и опаснаго путешествія была достигнута, но успѣхъ былъ еще сомнителенъ. Суровость зимы не позволяла приняться за отысканіе копей, и путешественники принялись за постройку дома на зиму. По счастью, нашлось много древесныхъ пней, полусгнившихъ и еще свѣжихъ, разбросанныхъ по берегу, или куда прибило ихъ волною. Нашли также рубленые дрова, сложенные здѣсь вѣроятно кочующими жителями Новой Сибири, которые живутъ въ снѣгу какъ эскимосы. На этихъ бревнахъ укрѣпили хижину, которую выстроили изъ льда и снѣгу, но такъ плотно, и такъ хорошо обили ее внутри медвѣжьими шкурами, что одинъ большой фонарь поддерживалъ въ ней теплоту днемъ и ночью. Въ небольшомъ отдѣлѣ у стѣны готовили ѣсть. Собакамъ предоставили собственному сохраненію; они вырыли ямы въ снѣгу, гдѣ отдыхали наконецъ послѣ дороги.

Кончивъ необходимыя работы, приготовили силки, западни и другія охотничьи средства противъ лисицъ; ловили моржей, и выбравъ лучшихъ собакъ, охотился за медвѣдями.

Такъ прошло дней десять. Собравъ въ одно утро всѣхъ товарищей, якутъ показалъ имъ вдаль приближающіяся странныя фигуры. Это были двѣнадцать дикарей приземистыхъ и сильныхъ, вооруженные длинными пиками и одѣтые какъ эскимосы. Намѣренія ихъ, казалось, были не изъ миролюбивыхъ. По совѣту Сакалара, ихъ встрѣтили ружейнымъ холостымъ залпомъ, который остановилъ ихъ; они осмотрѣлись съ безпокойствомъ, и обратились въ бѣгство. Огнестрѣльное оружіе имѣло чудесное вліяніе на этихъ дикарей.

— Они воротятся, сказалъ якутъ, хмура брови; такъ было и въ мою первую поѣздку; они воротились ночью и убили моего друга, а я спасся.

Въ случаѣ нападенія, рѣшили днемъ поочередно сторожить съ собаками, а ночью накрѣпко запереться въ хижинѣ. Такъ прошло нѣсколько дней безъ всякихъ приключеній. Якуть увелъ товарищей на охоту, оставивъ Ивана и дочь дома. Молодой человѣкъ давно понялъ добрыя качества этого полудикаго ребенка. Преданная отцу и ему, ни разу не пожаловалась она на лишенія и трудности пути. Напротивъ, она еще одушевляла Ивана, предсказывая успѣхъ и блестящую будущность. Она будто забывала, что дорогой для нея человѣкъ жертвовалъ жизнью для другой женщины. Иванъ былъ печаленъ; онъ чувствовалъ, что его забыли въ родномъ краю, и не предвидѣлъ конца своему предпріятію. Дѣвушка вывела его изъ грустнаго раздумья, предложивъ ему пойти посмотрѣть на моржей, которые выходили подышать изъ-подъ льда, пробитаго охотниками для воды. Они весело пошли къ маленькой бухтѣ. Моржей не было. Лаѣ собакъ заставилъ ихъ вернуться къ хижинѣ. Не было слѣдовъ ни звѣря, ни человѣка, однако чуткія собаки страшно были въ своихъ снѣжныхъ берлогахъ. Удивленный охотникъ, зарядивъ ружье, приподнялъ шкуру, закрывавшую входъ въ хижину, думая найти тамъ медвѣдя. Фонарь былъ погашенъ, и вдругъ въ совершенной темнотѣ четыре человѣка бросились на охотника и схватили его. Дѣвушка, отступивъ на шагъ, тоже зарядила ружье, но довольные уже одною добычею, дикари окружили Ивана, связали ему руки и велѣли идти передъ собою. Надо было повиноваться: по одеждѣ, угрожающимъ и дикимъ взглядамъ, Иванъ узналъ чукчей, которые часто охотятся проникаютъ въ полярное море. Эти кочующіе переплываютъ въ кожаныхъ лодкахъ Беринговъ проливъ, и временнымъ жильемъ въ Новой Сибирі дали нѣкоторымъ путешественникамъ поводъ думать, что эта страна обитаема.

Первую минуту, молодая дѣвушка не знала, что ей дѣлать; но потомъ отцѣпивъ четырехъ собакъ, пошла съ ними велѣдъ за дикарями.

Чукчи тащили плѣнника необыкновенно быстро. Они спустились въ крутой оврагъ, и по сжатой между льдами тропинкѣ дошли до своего жилища. Это была огромная пещера, съ однимъ узкимъ выходомъ, куда они толкнули Ивана. Пещера имѣла нѣсколько отдѣловъ, образованныхъ самою природою. Около двадцати дикарей, столько же женщинъ и дѣтей сидѣли кругомъ костра; свѣтильни, горѣвшія въ растопленномъ жирѣ, освѣщали сборище. Горячій сѣрный ключъ, тонкою струей вытекалъ изъ пещеры и исчезалъ въ морѣ. Густой, неприятный дымъ вылеталъ изъ расщелины скалы. Связаннаго плѣнника бросили въ родъ клѣти, устроенной между утесомъ и кожаными лодками, въ которыхъ дикари переправляются черезъ опасныя мѣста.

Оглушенный печальнымъ приключеніемъ, Иванъ долго не могъ со-

браться съ мыслями; но прійдя въ себя, онъ осмотрѣлъ свою тюрьму. Все было темно кругомъ, и блѣдный свѣтъ сверху исчезалъ ежеминутно подъ клубами дыма, вылетавашаго изъ разсѣлинъ пещеры. Онъ ждалъ смерти, зная, что чукчи врожденные враги пришлецовъ, которые охотятся въ ихъ владѣнiяхъ. Но каково было его удивленiе, когда онъ услышалъ, что кто-то тихо произнесъ его имя. Рядомъ съ нимъ, въ пещерѣ, поднялся шумъ. Тамъ громко спорили: мужчины, женщины, дѣти кричали, и опять онъ услышалъ свое имя.—«Колина!» отвѣчалъ онъ, и въ ту же минуту охотничий ножъ упалъ къ его ногамъ. Фуртовъ на двѣнадцать надъ его головою, показалась человѣческая фигура: то была въ самомъ дѣлѣ Колина: великодушная и смѣлая дѣвушка спустилась къ нему. Перерѣзавъ топоромъ веревки, которыми были связаны его руки, Колина и охотникъ вырубили въ стѣнѣ ступеньки, и стали уже взбираться на верхъ, какъ страшные крики остановили ихъ. Бѣглецы забились въ самую глубину пещеры.

Когда дикари, при свѣтѣ фонаря увидѣли, что плѣнникъ ихъ исчезъ, они бросились за нимъ въ погоню. Не теряя времени, охотникъ и дѣвушка вошли въ общую пещеру, и бросившись съ ножами и топорами въ рукахъ среди испуганныхъ женщинъ, безпрепятственно нашли выходъ. Нѣсколько времени они бѣжали въ темнотѣ, какъ услышали голоса за собою. Говоръ приближался.

— Я еще вижу ихъ слѣды, говорилъ Сакаларъ, спасемъ, если еще живы, а нѣтъ, такъ отметимъ.

— Это наши! Это батюшка, закричали молодые люди, и вскорѣ всѣ были уже вмѣстѣ.

Сакаларъ тотчасъ рѣшился. Отрядъ повернулъ къ пещерѣ и завладѣлъ ею; женщины и дѣти не сопротивлялись. Ихъ собрали въ одинъ уголь и отдали стеречь колымскимъ охотникамъ. Якутъ зналъ какъ пригрозить непрiятелю: онъ послалъ одну женщину къ дикарямъ, которые ушли въ погоню, сказать имъ, что онъ готовъ мириться, возвратитъ женъ мужьямъ, и не тронетъ ихъ имуществъ, если тѣ обѣщуютъ не дѣлать болѣе нападенiя. Во всякомъ случаѣ, Сакаларъ требовалъ четырехъ заложниковъ въ обезпеченiе мира. Посланная возвратилась съ полнымъ успѣхомъ. Побѣдители выбрали четырехъ молодыхъ дикарей и оставили пещеру.

Боясь засады со стороны чукчей, Сакаларъ велѣлъ заложникамъ итти впередъ. Прiйдя домой, имъ устроили особый отдѣлъ, и пригрозивъ имъ собаками, которыхъ привязали у юрты, всѣ успокоились. Иванъ съ благодарностью разсказалъ якуту самоотверженiе его дочери.

Рано утромъ, матери смиренно пришли къ плѣннымъ дѣтямъ съ

провизіей; охотники подарили имъ кое-какія бездѣлицы, и онѣ ушли въ восхищеніи. Къ полудню, всѣ чукчи явились безъ оружія, предлагая размѣнъ припасовъ: они принесли множество рыбы, желая вымѣнять ее на табакъ. Якутъ, знавшій ихъ языкъ, выдалъ имъ свертокъ табаку даромъ, за ихъ рыбу и дрова, которыми отрядъ завладѣлъ при вступленіи на островъ. Послѣ такого великодушнаго поступка, дѣло пошло на мировую, и якутъ отдалъ заложниковъ.

Съ этихъ поръ обѣ партіи охотниковъ составили одну и прекратились всѣ непріязненные покушенія.

VII.

ЛѢТО И ОСЕНЬ.

Солнце и лѣто воротились. Снѣгъ, таявшій на скалахъ, стекалъ потоками въ море; но юрта уцѣлѣла, и прикрытый пескомъ ледъ на ея стѣнахъ остался крѣпокъ. Стая дикихъ гусей и утокъ спустились на островъ; кое-какія былинки пробивались отъ земли, и море разорвало льдины. Отрядъ принялся за разработку копей. Берега рѣки были покрыты грудями ископаемой кости, которую сосѣдніе потоки наносятъ сюда въ продолженіе столѣтій. Въ нѣсколько дней ее набрали болѣе, чѣмъ могли свезти всѣ сани въ двѣнадцать поѣздокъ. Иванъ молча и нетерпѣливо смотрѣлъ на эти сокровища. Взявъ всю эту кость, онъ былъ бы самымъ богатымъ купцемъ въ Якутскѣ; но перевезть все не было никакой возможности. Однако смѣлые чукчи взялись, съ платою табакомъ и другими вещами, довести большую часть на лодкахъ, и въ условленномъ мѣстѣ выгрузить на берегахъ Сибири. Эти чукчинскія лодки устроиваются всѣ изъ кожи, охваченной деревомъ и китовыми усамі; онѣ широки и выносятъ большія тяжести. Когда море немного освободится отъ льдовъ, дикари съ неистожимою, почти безсознательною смѣлостью минуютъ пловучія горы, управляя веслами. Иванъ рѣшился довѣрить имъ грузъ, общая за то всѣ свои съѣстные припасы. Всѣ принялись усердно охотиться, ловить рыбу, исправлять сани и лодки, и наконецъ въ одно довольно теплое утро, чукчи отплыли, оставивъ отрядъ на островѣ.

Охотники сдѣлали новую поѣзду къ рѣкѣ за костью, починивъ и расширивъ сани, нагрузили ихъ. Но все же половина богатства должна

была остаться на мѣстѣ, не смотря на сильное желаніе взять все, такъ ненасытимъ человѣкъ. И безъ того молодой охотникъ везъ болѣе цѣлаго тонна кости, то есть 30-ю часть того, что доставляетъ вся Сибирь.

Сани были готовы еще до начала зимы, и до-тѣхъ-поръ занимались приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ къ отъѣзду. Утомительный двухмѣсячный день сталъ наконецъ смѣняться ночами; показались лисы; дичь стала отлетать; медвѣди стали проявляться ближе къ жилью путешественниковъ; посыпалъ снѣгъ, установилась зима.

Морозы сдѣлали море опять проходимымъ, и экспедиція тронулась въ обратный путь. Мысль Сакадара была ускорить поѣздку и взять болѣе прямую дорогу. Они повернули на востокъ, но вдругъ набрали на прежніе слѣды. Колымскіе охотники кричали, что сбились съ пути, но якутъ доказалъ имъ, что эта льдина съ слѣдами ихъ саней была занесена моремъ, по крайней мѣрѣ на 50 миль отъ прежняго мѣста.

Холодъ стоялъ жесточе предыдущей зимы; дрова истощались; собаки съѣли почти всю запасную рыбу, а отрядъ не былъ еще и вполвинѣ морскаго пути. Одно отчаяніе придавало мужество; все смотрѣли въ даль, не найдется-ли хоть дичь, и ѣхали въ мрачномъ молчаніи; голодъ начиналъ сильно всехъ беспокоить. Богатство было въ рукахъ, и не могло избавить отъ мучительной смерти. Грузъ кости занялъ столько мѣста въ саняхъ, что едва осталось куда положить немного припасовъ. Никто не зналъ, какъ еще далеко до берега; предлагали отчаянную мѣру—убить нѣсколькихъ собакъ. Иванъ и якутъ слушали, какъ громко упрекали ихъ охотники въ жадности, которой теперь все дѣлалась жертвою.

— Взгляните, сказалъ вдругъ радостно старый охотникъ, указывая на югъ: на небольшомъ разстояніи поднимался столбъ дыма: это былъ условленный сигналъ съ чукчами, которые расположились въ мѣстѣ, гдѣ было много лѣсу, и могли постоянно держать огонь, чтобъ путеводить издали союзный отрядъ.

Почувявъ близость жилья, собаки полетѣли подъ вѣтеръ, и измученныя и усталыя, упали у юртъ дикарей. Чукчи вѣрно сдержали слово: они совершили свое плаваніе съ непостижимою быстротою и смѣлостью, сдѣлали кромѣ того большіе запасы и великодушно подѣлились съ Иваномъ. Два дня прошли въ отдыхъ и въ размѣнъ услугъ съ обѣихъ сторонъ; отрядъ успѣшилъ тронуться; дорога была еще долга, а припасовъ мало.

Дикари, кочевавшіе около четырехъ лѣтъ въ полярныхъ краяхъ,

тоже спѣшили къ себѣ, къ своимъ юртамъ и оленямъ. Они направились къ Берингову проливу, дружелюбно разставшись съ охотниками.

VIII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Возвращеніе охотниковъ было не совсѣмъ благопріятно. Съѣстные припасы значительно уменьшались; была одна надежда пополнить ихъ на рѣчкѣ Вшивой, которая, по быстротѣ своей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ замерзла. Отъ рѣки предполагали ѣхать прямо на Нижне-Колымекъ, не смотря на трудность и неизвѣстность пути; но время было дорого потому, что провизія истощалась; убавили дневную порцію на половину, прибавивъ ее собакамъ. На разсвѣтѣ одного дня, снявъ палатку съ ночлега, направились къ берегу небольшой рѣчки, совершенно покрытой льдомъ, довольно гладкимъ, такъ что по немъ пустили сани. Но сдѣлавъ около двѣнадцати миль, отрядъ остановился на подводныхъ камняхъ, съ которыхъ въ этомъ мѣстѣ обрывалась рѣка и текла внизъ въ глубокую лощину. Теперь она была скована морозомъ, но путешественники принуждены были повернуть назадъ и ѣхать подъ громадными скалами узкимъ берегомъ, до того скользкимъ и высокимъ, что малѣйшій невѣрный шагъ сбросилъ бы всѣхъ въ бездну. Путники вышли изъ саней, и едва миновали страшный берегъ, какъ остановились передъ глубокою лощиной, имѣвшей форму воронки. Сильный вихрь крутился въ этой пропасти, и могъ опрокинуть отрядъ съ перваго шага. Путешественники пріютились надъ нею подъ навѣсомъ скалы, и когда буря немного утихла, всѣ съѣли немного сырой рыбы, потому что огня и дровъ не было, и отыскали дорогу. Спустившись съ горы въ равнину, они увидѣли на одной скалѣ нѣсколько сибирскихъ барановъ или argali. Надежда оживила бѣдныхъ охотниковъ, и оставивъ дѣвушку стеречь сани, всѣ бросились за добычею. Тотчасъ трое барановъ были убиты. Ивану показалось, что раненъ четвертый, онъ побѣжалъ за нимъ въ погоню. Взобравшись на скалу, и увидѣвъ охотника за собою, животное бросилось по противоположному склону. Иванъ не хотѣлъ оставить своей добычи; склонъ былъ крутъ; охотникъ уже не бѣжалъ, а скользилъ съ ужасающею быстротой, и когда хотѣлъ остановиться, было ужъ поздно: страшная пропасть была подъ его ногами.

Однимъ взглядомъ онъ измѣрилъ весь ужасъ своего положенія, потомъ ужъ ничего не видалъ до той минуты какъ ударился и остановился у выступа скалы надъ самую бездной. Избавившись отъ вѣрной смерти и благодаря Небо, онъ воротился, оставивъ свою погоню.

Оставалось по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать дней пути, а отрядъ подвигался съ трудомъ, и наконецъ припасы истопились. Это была ужасная минута: за ужиномъ они съѣли все, что оставалось мяса и рыбы. На другой день отдали послѣдній кормъ собакамъ; у путниковъ оставался одинъ чай. Они поѣхали, рѣшившись на слѣдующій день убить двухъ или трехъ собакъ. Голодный и истощенный отрядъ медленно подвигался. По счастью встрѣтилось нѣсколько сосновыхъ кустовъ; сѣдали приваль. Истомленные собаки недоумчиво поглядывали на своихъ хозяевъ; въ стаѣ ихъ было 64, но таковъ ихъ страхъ и повиновеніе человѣку, что ни одна, подстрекаемая голодомъ, не бросилась на охотниковъ. Вдругъ они подняли яростный вопль: медвѣдь былъ близко. Сакаляръ выстрѣлилъ, и вся дикая стая бросилась за звѣремъ. Было бы опасно отнимать у нее хоть часть добычи. Успокоенный хоть на день на счетъ собакъ, Сакаляръ предчувствовалъ, что на завтра его товарищи, не такіе сильные какъ онъ, не двинутся съ мѣста отъ истощенія, если останутся на одной порціи чая; онъ вспомнилъ одно средство, употребляемое охотниками: срубилъ молодую сосну, и содралъ съ нея верхнюю кору; сѣззалъ вторую, довольно толстую и мягкую, и векипятилъ на водѣ. Все бросились къ костру, ожидая новаго кушанья. Якутъ, хладнокровный даже въ такіа ужасныя минуты, спокойно снималъ ложкой накипѣвшую смолу на поверхности странной похлебки. Понемногу, кора разварилась и обратилась въ густое тѣсто, показавшееся всею чрезвычайно вкуснымъ.

Утромъ, послѣ второй порціи разварной коры и чаю, отрядъ вѣхалъ въ необозримую равнину, печальную, непрерываемую ни одною возвышенностью. Опять угрожалъ голодъ, и никто не могъ сказать, гдѣ конецъ этой пустыни. Рѣшились бросить здѣсь добытыя сокровища, но еще откладывали эту отчаянную мѣру. Вечеромъ сѣлади приваль у большой рѣки, не совсемъ замерзшей. Отчаяваться было нельзя: закинули сѣть на ночь, чтобъ къ утру ее вытащить.

Все улеглись разбитые, изнеможенные. Утомленные собаки, раскрывъ страшныя пасти, тяжело и грозно дышали. Деревя у береговъ были высоки и уже совершенно безсочны. Иванъ ходилъ передъ костромъ около палатки. Все было безотрадно кругомъ: темная и глубокая рѣка мрачно шумѣла въ ночи, безконечный снѣгъ, пустынная палатка съ мерцающимъ огнемъ; все наводило его на одну безотвѣтную мысль: онъ

былъ виновникомъ страданій товарищей, на него пала отвѣтственность за ихъ бѣдствія, и въ особенности за добрую и преданную Колину.

Молодая дѣвушка сидѣла на снѣгу, устремивъ глаза на догоравшій костеръ. Иванъ подошелъ къ ней.

— Колина, сказалъ онъ печально, простишь-ли ты мнѣ?

— Что? возразила она кротко.

— Что ты умираешь здѣсь по моей винѣ.

— Лишь бы остался живъ отецъ, сказала она съ живостью, а мнѣ ничего. Пускай меня похоронятъ здѣсь, у моря, гдѣ лежатъ цѣлыя племена подъ вѣчными льдами.

— Но ты могла бы быть счастлива, Колина. Я бы подѣлился находкою съ твоимъ отцемъ, и ты была бы самая богатая дѣвушка въ долинѣ Миуры.

— Твои богатства не сдѣлали бы меня счастливою, возразила она грустно.

— Послушай же, вскричалъ съ живостью молодой человѣкъ, я безумный, я Богъ-вьсть куда погнался за счастьемъ, когда оно было такъ близко. Прости меня, что я тебя не оцѣнилъ прежде.

— Что ты хочешь сказать? спросила дѣвушка въ смущеніи.

— А то, что еслибъ Богъ помогъ мнѣ воротиться на родину, я просилъ бы у твоего отца позволенія жениться на тебѣ,—и вотъ, мы умираемъ здѣсь. Но скажи мнѣ передъ смертию, согласилась ли бы ты?..

— А Марья Воротынская? спросила дѣвушка виѣ себя отъ изумленія.

— Я давно забылъ ее, и развѣ я могъ думать о ней, когда ты была со мною? Прости меня, чтобъ я могъ умереть безъ упрека совѣсти.

— Если ты самъ себя не обманываешь, сказала тихо Колина, я была бы очень счастлива.

Молодой человѣкъ съ восторгомъ благодарилъ дѣвку. Она знала его съ дѣтства и любила давно, а онъ полюбилъ ее съ перваго дня ихъ путешествія.

Ночь для обоихъ прошла безъ сна, въ тихихъ, сердечныхъ разговорахъ. Но понемногу воротилось имъ страшное сознаніе общаго бѣдствія. Измученные охотники еще спали, а Иванъ и Колина пошли къ рѣкѣ. Жизнь для обоихъ была теперь еще дороже, и мысль, что если сѣти, заброшенныя въ рѣку, пусты, ужасала ихъ. Тогда исчезла бы послѣдняя надежда, тогда голодная смерть была неизбежна.

Вдругъ оба радостно вскрикнули. Тронувъ сѣть, они почувствовали, что едва вытаскать ее отъ тяжести. Вынувъ ее наконецъ изъ во-

ды, они положили на берегъ болѣе трехъ сотъ мелкихъ и большихъ рыбъ.

— Бѣгите, бѣгите скорѣе, закричалъ Иванъ, бросаясь къ палаткѣ и захвативъ съ собою рыбы. Прибѣжали якутъ и товарищи, и едва вѣрили глазамъ своимъ. Тотчасъ покормили собакъ и приготовили роскошный обѣдъ. Всѣ оживились и повеселѣли. Рѣшено было пробыть здѣсь еще сутки, чтобъ приготовить полный припасъ къ отъѣзду. Всѣ принялись за работу. Радостная дѣвушка помогала, напѣвая пѣсни. Эта внезапная веселость удивила Сакалара, но когда онъ узналъ намѣреніе Ивана, старый якутъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ давно любилъ Ивана какъ сына, и когда молодому человѣку случалось на охотѣ отдыхать въ его юртѣ, старикъ придумывалъ, какъ было бы хорошо съ нимъ породниться. Теперь это сбывалось; хоть сватовство Ивана за вдову чуть не разрушило его соображеній.

— Ты скорый человѣкъ на дѣла, Иванъ, сказалъ якутъ, помолчавъ.

— Правда, отвѣчалъ тотъ со смѣхомъ. Тоже скажутъ на родинѣ и другіе, которые бы рады были отнять у меня Колину.

Случилось, какъ предвидѣли колымскіе охотники: рыбы наловилось такъ много, что достало на весь остатокъ пути; дорога становилась знакома, и опасности всѣ миновали. Черезъ нѣсколько дней, къ великому изумленію жителей, отрядъ, который уже считали погибшимъ, вошелъ въ Колымскъ.

Пиръ и праздники встрѣтили смѣльчаковъ-охотниковъ. Они нѣсколько дней остановились въ Колымскѣ, чтобъ дождаться остальнаго груза кости, который должны были подвести чукчи, и здѣсь отпраздновали свадьбу Ивана и Колины.

Огромное богатство, привезенное Иваномъ, обратило здѣсь вниманіе ученаго путешественника, который, со словъ охотника, составилъ описаніе ихъ экспедиціи, и представилъ его въ Петербургъ.

Лѣтомъ молодые съ отцемъ уѣхали въ Якутскъ, куда прибыли въ сентябрѣ, остановясь на нѣсколько дней въ долину Міуры. Иванъ засталъ вдовушку уже замужемъ. Узнавъ о его успѣхѣхъ и о женитьбѣ, ей стало досадно, но скоро она помирилась съ женою Ивана, и всѣ зажили на славу.

Для достовѣрности этого разсказа, мы хотимъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Ископаемая кость, о которой здѣсь говорится, не что иное какъ громадныя остатки допотопныхъ животныхъ, мамонтовъ и слоновьи клыки, которые находятъ во всемъ полярномъ пространствѣ земнаго шара отъ 40 до 75° широты, а особливо въ странѣ, заключающейся между горами центральной Азіи и полярными островами. Здѣсь эти кости

такъ многочисленны, что болѣе вѣка составляютъ богатую отрасль торговли. Кости болшею частью находятся въ глинистомъ и песчаномъ грунтѣ; потоки и морскія волны часто смываютъ землю, ихъ покрывающую, и оставляютъ ихъ на поверхности въ продолженіи всего лѣта. Иногда находятъ въ полномъ составѣ неповрежденные временемъ скелеты. Самый замѣчательный изъ нихъ, по которому зоологи возсоздали настоящей видъ и исторію допотопнаго мамонта, найденъ лѣтомъ 1799 г. рыбакомъ тунгусомъ, у устьевъ Лены. Рыбакъ разработывалъ кость въ обломкахъ скалъ и песчаникѣ, потому что болшею частью находятъ ее на высотахъ, въ скалахъ, или на песчаныхъ рѣчныхъ отмеляхъ. Онъ замѣтилъ однажды странную темноватую массу во льдахъ, футовъ на пятьдесятъ надъ водою. На слѣдующее лѣто онъ замѣтилъ ту же глыбу, только болѣе оттаявшую чѣмъ въ прошломъ году; въ 1801 г. онъ ясно различилъ клыки и бокъ громаднаго животнаго, а въ 1803, когда зима была не такъ сурова и оттепель сильнѣе, мамонтъ обозначился совѣмъ и упалъ со льдины на песокъ. Весною рыбакъ отпилилъ клыки и продалъ ихъ за 50 руб., а два года спустя, г. Адамсъ, бывшій въ Сибири, сдѣлалъ подробный отчетъ объ этой любопытной находкѣ: «Въ то время, говоритъ онъ, я нашелъ еще мамонта на прежнемъ мѣстѣ, но чрезвычайно поврежденнымъ. Клыковъ уже не было, и сосѣдніе туземцы сняли съ него мясо для собакъ. Позднѣе, медвѣди, волки и лисцы объявили, что оставалось мяса; слѣды этихъ животныхъ были еще видны кругомъ. Скелетъ, почти совѣмъ открывшійся, былъ цѣль, доставало только одной передней ноги; голова была покрыта высохшею кожей; на одномъ сохранившемся ухѣ, былъ еще клочъ шерсти. Нельзя было безъ небольшого поврежденія перевезти животнаго въ Петербургъ (за семь тысячъ триста миль отъ мѣста), но глаза мамонта сохранились, и въ одномъ изъ нихъ видны зрачокъ. Этотъ мамонтъ былъ самецъ; у него была длинная грива; но не нашли ни хобота, ни хвоста. Кожа, около трехъ четвертей, которая находится у меня, темно-сѣраго цвѣта, покрыта рыжеватою шерстью съ черными крапинами, но сырость и время до половины ее вытерли. Я собралъ на мѣстѣ всѣ кости скелета. Животное имѣло 9 футовъ 4 дюйма вышины и 16 футовъ 4 дюйма длины, не считая клыковъ, въ которыхъ было 9 фут. 6 дюймовъ по наружной выгнутой сторонѣ. Разстояніе отъ начала клыка до оконечности было въ 3 фута и 7 дюймовъ. Оба клыка вмѣстѣ вѣсили 360 англійскихъ фунтовъ, и одна голова вѣсила 414 фунтовъ. Шкура была такъ тяжела, что едва десять человекъ могли перенести ее на берегъ, и собрали кругомъ болѣе 36-ти фунтовъ шерсти разбросанной медвѣдями, которые съѣли мясо.»

Съ тѣхъ поръ находили много остововъ, болѣе или менѣе сохранившихся, остатки носороговъ, мастодонтовъ и другихъ четвероногихъ той же породы; мамонтовъ болшею частью въ Старомъ свѣтѣ, а мастодонтовъ въ Новомъ. Эти животныя отличаются отъ нынѣшнихъ породъ; всѣ они громаднхъ размѣровъ, и судя по ихъ чрезвычайно густой и грубой шерсти, по гривамъ, которыя длиною болѣе фута,—всѣ они были предназначены жить, если не совѣмъ въ полярныхъ странахъ, то по крайней мѣрѣ въ суровомъ климатѣ. Но есть вѣрнѣйшія доказательства, что эти страны пользовались въ далекія времена болѣе умѣренной температурой: часто находятъ сосновые и березовые цни тамъ, гдѣ теперь нѣтъ признака растительности. Кромѣ того, найдены остатки сосновыхъ шишекъ, небольшихъ березовыхъ сучьевъ и другихъ растений въ зубахъ и желудкахъ этихъ животныхъ. Очевидно, что въ допотопную эпоху, сѣверная часть земнаго шара имѣла болѣе теплый климатъ, что тамъ жила исчезнувшая теперь порода четвероногихъ; что тогда твердая земля и воды были иначе распредѣлены чѣмъ теперь, что въ эпоху общаго переворота, когда мѣстности измѣнились, эти животныя умерли и остались подъ песками, глиной и другими наносными слоями земли, гдѣ вѣчные льды сохранили ихъ цѣлыми, какими они были въ эпоху ихъ гибели, при климатическихъ измѣненіяхъ, несомнѣстныхъ съ ихъ жизненными условіями. Долго доказывали, что найденныя животныя могли жить и въ нынѣшнемъ полярномъ климатѣ; но такое мнѣніе почти не стоитъ опроверженія. Что они кочевали отъ сѣвера къ югу, и съ юга къ сѣверу, смотря по временамъ года, это вѣроятно; но чтобъ цѣлыя стада такихъ громаднхъ животныхъ могли жить въ этихъ краяхъ, и еще цѣлыя тысячелѣтія, — надо предположить необходимо и сильную растительность, и въ слѣдствіе того умѣренную температуру для ея развитія. Предполагали, что порода мастодонтовъ и мамонтовъ должна была быть многочисленна и послѣ потопа; но вѣрнѣе, что новыя жизненныя условія были для нихъ разрушительны, и что эти животныя уже не существовали при позднѣйшихъ племенахъ человѣческихъ.

НЕВѢСТА БЕЛЛИНИ.

(Разсказъ Гольста; переводъ съ датскаго).

«Когда я отправился въ Италію, король приказалъ мнѣ отвезти поклонъ кардиналу Монтичелли въ Неаполь. Я зналъ его только по слухамъ. Онъ былъ извѣстный ученый, и его изслѣдованія минераловъ горы Везувія приняты были съ величайшимъ одобреніемъ въ ученомъ мірѣ. Датскій король, бывшій еще принцемъ, посѣщалъ Италію, и Монтичелли былъ его *чицероне*. Поэтому-то Христіанъ VIII и вспомнилъ о немъ.

Я былъ чрезвычайно удивленъ, когда меня привели въ его ученый кабинетъ. Его самага еще не было, и вниманіе мое прежде всего устремилось на большую картину, изображавшую королевскій замокъ Санъ-суси, и висѣвшую между портретами короля и супруги его. Далѣе, куда я ни оглядывался, вездѣ видѣлъ датскіе ландшафты. Это вполнѣ убѣдило меня, что хозяинъ тоже очень хорошо помнитъ христіана VIII.

Кто-то положилъ мнѣ руку на плечо, и я очулся. Это былъ хозяинъ, сѣдой старикъ, съ кроткою, умною фізіономіею.

— Васъ нечего и спрашивать кто вы, сказалъ онъ. Вниманіе ваше къ этимъ портретамъ и ландшафтамъ доказываетъ, что вы датчанинъ. Садитесь. Для меня всегда истинная радость, когда я могу поговорить съ кѣмъ либо изъ вашихъ одноземцевъ.

Я спѣшилъ передать ему поклонъ короля, и глаза старика заблестали восторгомъ.

— *Angeli del ciel!* (Ангелы небесные) Онъ еще помнитъ обо мнѣ, воскликнулъ Монтичелли, и началъ мнѣ рассказывать все собранныя имъ черты прекраснаго характера Христіана VIII.

Я часто посѣщалъ его послѣ того, и онъ всегда принималъ меня съ отверстыми объятіями, открылъ мнѣ все неаполитанскіе музеи и архивы, и оказывая мнѣ ежедневно услуги, казалось, радъ былъ тому, какъ будто *мнѣ* былъ обязанъ какою нибудь благодарностью.

При отъѣздѣ моемъ въ Сицилію, снабдилъ онъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ другу своему, Франческо Феррари, подаривъ мнѣ и сочиненіе его о Сициліи, гдѣ авторъ обнаружилъ самыя глубокія свѣдѣнія какъ въ древней, такъ и въ новѣйшей исторіи этой страны. Онъ былъ ректоръ Катанскаго университета, и Монтичелли просилъ, чтобы я въ первый же день пріѣзда вручилъ Феррари его письмо.

По плану моего путешествія, мнѣ не прежде какъ черезъ мѣсяцъ удалось пріѣхать въ Катану. Что за восхитительный городокъ! Улицы красивыя, широкія, вымощены лавою, съ нѣкоторымъ склономъ къ срединѣ, такъ что при величайшихъ дождяхъ можно пройти сухо. Поэтому катанскія дамы носятъ всегда самую тонкую обувь. Иной путешественникъ, глядя на этихъ дамъ и эту обувь, забылъ бы, можетъ быть, и самыя улицы. Дѣйствительно, женщины здѣсь самыя красивыя во всей Италіи. Красота ихъ возвышается еще болѣе туземнымъ характеристическимъ нарядомъ, тогда какъ во всей Европѣ вы заранѣе знаете, что дамы одѣваются по парижской картинкѣ моднаго журнала. Здѣсь, какъ въ средніе вѣки, все еще господствуетъ легкое черношелковое домино съ кашшономъ. Юбка свѣтлая или пестрая, а башмаки бѣлыя, фіолетовыя или голубыя. Однимъ словомъ нарядъ обнаруживаетъ полное чувство изящнаго.

Домы здѣсь тоже строятся изъ лавы. Землетрясенія столько разъ разрушали этотъ городъ, что все дома новые. Въ 1169 году, векорѣ послѣ того какъ Катана опустошена была и Сарацинами, и Норманнами, землетрясеніе довершило ея гибель, истребивъ въ одинъ день 15,000 человекъ. Лѣтъ черезъ двѣсти потомъ опустошена она была извою, а въ 1669 залита была цѣлою рѣкою лавы, которая черезъ нее низверглась въ море, гдѣ образовала мысъ. Въ 1693 снова разрушена она была землетрясеніемъ, истребившимъ 20,000 жителей и весь городъ. Но всякій разъ Катана, какъ фениксъ, воскресала изъ своего пепла, забывая о минувшихъ бѣдствіяхъ.

Городъ этотъ, какъ Цирцея, очаровываетъ путешественниковъ.

Однажды англичанка спросила у меня за общимъ столомъ въ гостиницѣ: надолго ли я пріѣхалъ въ Катану?

— Дней десять или двѣнадцать пробуду, отвѣчалъ я.

— И я тоже думала, пріѣхавши сюда, сказала она; но вотъ двадцать четыре гола, какъ я живу здѣсь.

Первый мой визитъ въ Катанѣ былъ, разумѣется, къ Франческо Феррари. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, заваленномъ книгами, картами, глобусами. Я ему подаль письмо Монтичелли, и пока онъ его читалъ, я всматривался въ его черты. Видъ его обнаруживалъ не одно глубокомысліе и ученость, но свѣтскость и участіе. Онъ подаль мнѣ руку послѣ прочтенія письма, и прежде всего потребовалъ, чтобъ я къ нему переселился.

— Вы видите, сказалъ онъ, — какой у меня огромный домъ, а я въ немъ живу одинъ. Слѣдственно всякій добрый товарищъ для меня истинная находка. При томъ же вы у меня совершенно будете свободны. Если вздумаете зайти ко мнѣ, я буду радъ, если же у васъ будутъ другія занятія, то не стѣсняйте себя нисколько.

Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и мы тутъ же пошли съ нимъ гулять по городу, осматривали музей, видѣли статую короля Фердинанда, и когда разсуждали о неживописной ея позѣ, вдругъ къ хозяину моему подошли двѣ дѣвушки и почтительно поцѣловали его руку.

— А, Донна Розарія! Донна Исмена! вскричалъ онъ, и началъ съ ними очень живой разговоръ; я нѣсколько отошелъ, но внимательно смотрѣлъ на дѣвушекъ, которыхъ красота могла и въ самой Катанѣ назваться чрезвычайною. Розарія была живая, пылкая, одушевленная, лѣтъ семнадцати, съ полнымъ выраженіемъ дѣвственности и счастія. Исмена же была, напротивъ того, блѣдна, тиха, молчалива, и взоръ ея выражалъ болѣе замогильныя надежды, нежели земныя радости.

Я въ первый разъ въ жизни былъ въ Катанѣ, и однако же видъ этихъ дѣвушекъ напоминалъ мнѣ что-то знакомое. Я тщательно сталъ припоминать... и дѣйствительно, я видѣлъ ихъ однажды въ Палермѣ.

— Откуда вы теперь, мои милыя? спросилъ ихъ старикъ.

— Отъ вашихъ дѣтей, отвѣчала Исмена, указывая на сиротскій домъ.

— И какъ всѣ они обрадовались, прибавила Розарія, когда мы имъ принесли ваши прекрасные подарки.

— Да! только не мои, а ваши, сказалъ Феррари. Вы разоряетесь, дѣти, а вамъ вѣдь надобно подумать и о своей будущности.

— Не забывая и прошедшаго, прервала его, улыбаясь, Исмена. Развѣ вы забыли какой сегодня день?

— Помню, помню, мои милыя: день св. Винцента...

— Такъ вы къ намъ пожалуете?

— Разумѣется, и приведу съ собою еще гостя, который у меня живеть. Вы и его, конечно, тоже примете, какъ меня.

— *Sia benedetto!* сказала Исмена, обратясь ко мнѣ съ ласковымъ привѣтствіемъ и подавая мнѣ руку.

Обѣ дѣвушки опять поцѣловали руку Феррари, дружески поклонились мнѣ и ушли.

Я стоялъ, какъ окаменѣлый, вспоминая случай, который меня уже однажды свелъ съ ними.

Это было въ Палермѣ, недѣли три тому назадъ. Я ходилъ осматривать капуцинскій монастырь и знаменитыя его катакомбы. День былъ праздничный; я сошелъ въ катакомбы, тамъ раздавалось духовное пѣніе и молитвы. Въ одномъ отдѣльномъ сводѣ, гдѣ хоронили молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, было множество молящихся. Я вошелъ туда изъ любопытства, и вмѣстѣ со мною пожилая дама съ двумя дѣвушками. Одна изъ этихъ дѣвушекъ была свѣжа, какъ роза, другая блѣдна, но чрезвычайно красива. При видѣ всѣхъ умершихъ, взоръ дѣвушки просвѣтлѣлъ, она улыбнулась и осматривалась, какъ бы ища себѣ мѣста вѣчнаго успокоенія. Она что-то тихо сказала своей спутницѣ—и та заплакала.

— О! не плачьте! сказала она съ очаровательною улыбкой. Не всѣ ли мы будемъ тамъ? Я только пойду немного пораньше, и буду ждать васъ. Но всѣ мы, конечно, соединимся...

Я въ первый разъ видѣлъ эту дѣвушку, но спѣшилъ уйти, чтобъ не зарыдать.

И теперь эта же самая дѣвушка съ своею подругою стояли передо мною!

— Что это, вы какъ будто окаменѣли? спросилъ меня, улыбаясь, Феррари. Ужъ не влюбились ли вы? въ которую же?

— Не были ли недавно эти дѣвушки въ Палермѣ? спросилъ я.

— Были, чтобъ слышать *Пуританъ* Беллини, которыхъ тамъ всякій день играютъ.

— Пуританъ! воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Да! Вѣдь Беллини катанскій уроженецъ. Вся его фамилія здѣсь живеть. Сегодня даютъ въ честь его праздникъ, и вы къ нему приглашены. Одна изъ этихъ дѣвушекъ сестра его.

— А донна Исмена? спросилъ я.

— Это дочь одного извѣстнаго ученаго Дона Джіузепе Панити. Они жили дверь о дверь съ Беллини, и она вмѣстѣ съ Беллини воспитывалась. Отецъ ея умеръ и оставилъ ей значительное имѣніе. Съ тѣхъ поръ она поселилась въ домѣ Беллини.

Я рассказалъ тогда Феррари мое свиданіе съ этими дѣвушками въ Палермѣ. Старикъ прослезился.

— Да, вы совершенно правы!.. Мы объ этомъ другой разъ поговоримъ.

Вечеру отправились мы съ Феррари въ Бенедиктинскій монастырь Санъ-Николо, на праздникъ, который тамъ давали въ честь Беллини. Въ ту минуту, какъ мы входили въ ворота, вѣзжалъ верхомъ какой-то господинъ. Увидѣвъ меня, радостно вскричалъ онъ, соскочилъ съ лошади и бросился обнимать меня со всею итальянскою живостью.

— Вы ли это, Донъ Чезаре Канту? сказалъ я.

— Mio caro poeta! воскликнулъ онъ, и толкнувъ своего мула ногою, крикнулъ: пошелъ, ищи себѣ конюшни!

— Все тотъ же вѣтрогонъ, сказалъ Феррари, подавая ему руку.

— Васъ-то я увѣренъ былъ найти на этомъ праздникѣ, но датчанинъ, въ Катанѣ, у Беллини?..

— Ну, гдѣ вы? что вы? спросилъ у него Феррари. Пристроились ли наконецъ?

— Слава Богу, отвѣчалъ Канту. Всѣ увидѣли наконецъ мои достоинства, и я теперь maestro di capella въ неаполитанской консерваторіи. Я нарочно пріѣхалъ въ Катану, чтобъ повидаться съ моимъ опекуномъ и жениться на родинѣ.

— О! сказалъ я, за этимъ дѣло здѣсь не станеть. Столько красавиць нигдѣ нѣтъ какъ у васъ, въ Катанѣ.

— А вотъ увидимъ! хорошо если удастся... Ну, а вы, любезный мой поэтъ, осмотрѣлись ли вы въ Италіи. Гдѣ такое небо? Гдѣ родится такое вино? Гдѣ такія красавицы?.. Ну, да объ этомъ въ другой разъ поговоримъ. А теперь вы куда?

— Съ вами же, на праздникъ Беллини, отвѣчалъ Феррари.

— Это прекрасно! А какъ я учредитель праздника, сказалъ Канту, то прошу, господа, войти. Вы увидите хорошей ли я капельмейстеръ? Вы услышите моихъ diletanti, моихъ хористовъ, — и все это въ угожденіе двухъ прекрасныхъ глазъ...

— Донны Имены? спросилъ я совершенно нечаянно.

— Донны Имены! повторилъ Канту, остолбенѣвъ и испугавшись. Santissima Agato! Вы колдунъ. Какъ вамъ въ голову пришло это имя? Развѣ вы знаете Донну Имену?

Феррари тоже бросилъ на меня вопросительный и удивленный взглядъ. Но я обратилъ всё дѣло въ шутку, сказавъ, что передъ тѣмъ слышалъ это имя въ какомъ-то разговорѣ.

— Но о чемъ былъ разговоръ?

— О какихъ-то подаркахъ на сегодняшний праздникъ, о какихъ-то пожертвованіяхъ...

— Да, и о важныхъ...

Это было сказано съ задумчивымъ и печальнымъ видомъ.

Но прежде чѣмъ продолжать рассказъ, я долженъ описать мое знакомство съ Дономъ Чесаре Канту.

Когда, въ февралѣ, я отправился изъ Рима въ Неаполь въ дилижансѣ, мы долго ждали послѣдняго пассажира и начинали уже сердиться. Вдругъ онъ прибѣжалъ, какъ вольтижеръ, вкочилъ въ карету, со всѣми раскланялся, со всѣми разговорился, какъ давнишній знакомый, и когда, по обыкновенію, толпы нищихъ окружили нашъ дилижансѣ, Донъ Чесаре бросился къ дверцамъ и осыпалъ ихъ градомъ такихъ ругательствъ, что всѣ невольно улыбнулись, а нищіе обратились въ бѣгство.

Мы поѣхали. Дорогою былъ онъ со всѣми разговорчивъ и любезенъ, а въ особенности со мною, какъ съ сосѣдомъ. Онъ мнѣ рассказалъ, что учился музыкѣ, ѣдетъ въ Неаполь для изученія генераль-баса, и будетъ потомъ стараться получить мѣсто капельмейстера.

Вотъ мое первое знакомство съ Дономъ-Чесаре. Потомъ видѣлъ я его нѣсколько разъ въ Неаполѣ. Для всякаго сѣвернаго европейца подобное знакомство было бы вовсе незначущимъ, но у итальянцевъ—этого уже достаточно, чтобъ почитать васъ своимъ вѣчнымъ другомъ и ввѣрить вамъ всѣ свои душевные тайны.

Возвратимся теперь къ празднику въ честь Беллини.

Садъ бенедиктинскаго монастыря разведенъ былъ на слояхъ лавы, на которую свезли достаточно чернозема, чтобъ произвести удивительнѣйшій и богатѣйшій разсадникъ всѣхъ деревьевъ, цвѣтовъ и растений. Холмъ изъ лавы служилъ мѣстомъ для оркестра на этотъ день, и при входѣ нашемъ раздались молодическіе звуки увертюры изъ *Нормы*. Въ среднѣй сада была площадка, обсаженная платанами. Тутъ устроена была эстрада для хоровъ и солистовъ. Здѣсь пѣли попеременно разные нумера беллиниевской музыки.

Я разстался съ своими спутниками и пошелъ одинъ гулять по празднику, на который собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Милліоны лампъ, шкаликовъ освѣщали весь садъ. Вездѣ были надписи въ честь

Беллини. Наконецъ, на возвышеніи поставлена была статуя Беллини съ пышною надписью:

Uincenzo Bellini, genio sublime, filosofo artista, classico ristoratore della melodica scena. (Винценту Беллини, высокому генію, художнику-философу, классическому возстановителю сценической музыки).

Вообще праздникъ былъ великолѣпный и величественный. Никогда я не видалъ подобнаго. Онъ можетъ только существовать въ Италіи, гдѣ восторгъ публики къ композиторамъ превышаетъ чѣмъ ко всякой другой знаменитости въ искусствахъ.

Около статуи была бесѣдка изъ зелени—и я, просидѣвъ на скамьѣ, любуясь пестрыми толпами гуляющихъ и восторженными ихъ возгласами, хотѣлъ было уже итти отыскивать Феррари, какъ вдругъ по ту сторону трельяжа услышалъ голоса, которые приковали меня невольно къ мѣсту. Это была Донна Исмена и Донъ Чесаре Канту.

— Не говорите мнѣ объ этомъ ничего, сказала дѣвушка, продолжая начатой разговоръ. Вы такъ добры и откровенны, что мнѣ не хотѣлось бы опечалить васъ. Въ особенности сегодня, когда у меня такъ много причинъ благодарить васъ. Будьте великодушны и не требуйте отъ меня невозможнаго.

— Почему же *невозможнаго*? спросилъ Канту. Кто вамъ мѣшаетъ? Воображеніе—тѣнь, имя, воспоминаніе — и только. Вы хотите сохранить вѣрность, но къ кому? Къ тому, кто никогда не зналъ вашихъ чувствъ, и кто умеръ въ той мысли, что вы его никогда не любили.

— Но теперь онъ это знаетъ, и теперь—то именно хочу я сохранить къ нему вѣрность. Оставьте мнѣ собственное сознаніе, что я вѣрна ему. Я бы унизилась въ своихъ глазахъ, еслибъ полюбила другаго послѣ него.

— И это ваше послѣднее слово, Донна Исмена?

— Первое и послѣднее. Я въ нынѣшній вечеръ такъ счастлива!.. все, что я слышу и вижу, приводитъ меня въ восторгъ. Мнѣ кажется, что я сегодня же должна умереть, потому что сердце мое едва вмѣщаетъ въ себѣ все ощущаемое блаженство. Будьте же великодушны, Донъ Чесаре. Въ моей жизни такъ мало счастливыхъ дней... Оставьте мнѣ хоть пріятное воспоминаніе о сегодняшнемъ.

Она встала, и они ушли.

Этотъ разговоръ, котораго я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ, далъ другое направленіе моимъ идеямъ; я опять присоединился къ толпѣ, и принималъ участіе во всеобщей радости; мысль о Донъ Чесаре не вы-

ходила у меня изъ головы. Это по-видимому олицетворенное легкомысліе скрывало подъ своею оболочкою пламеннаго страдальца...

Мои размышленія прерваны были приходомъ Феррари.

— Вы, сѣверные, всегда мечтательны, сказалъ онъ. Что вы тутъ философствуете? Посмотрите на меня, старика, я сегодня веселъ какъ ребенокъ. Посмотрите на моихъ добрыхъ катанцевъ, какъ они отъ души празднуютъ память своего знаменитаго соотечественника!

Въ это время подошелъ къ намъ молодой человекъ прекрасной наружности. Феррари представилъ его мнѣ:

— Рекомендую вамъ брата нашего знаменитаго Беллини, онъ тоже хорошій музыкантъ и органистъ, какъ были отецъ его и дѣдъ. Знаете ли что всего болѣе радуется этого юношу на нынѣшнемъ праздникѣ? Онъ восхищается тѣмъ, что можетъ все это пересказать отцу своему, старому Дону Розаріо, который по слабости не могъ самъ явиться къ торжеству.

— О! это поддержитъ его старость еще на нѣсколько лѣтъ, вскричалъ юноша.

Мы всѣ трое усѣлись у статуи. Но едва ли просидѣли одну минуту, какъ опять по ту сторону трельяжа послышался голосъ Дона Чесаре и другой женскій голосъ. Я было хотѣлъ заговорить, чтобъ предупредить говорящихъ о нашемъ присутствіи, но молодой Беллини быстро сжалъ мою руку и шепнулъ:

— Тихе, это *сестра* моя.

Я принужденъ былъ замолчать и быть снова свидѣтелемъ другаго разговора.

— Но на что вы жалуетесь, Донъ Чесаре, спросила его Донна Розарія. Вы сегодня доставили всѣмъ столько радости и удовольствія, что нельзя видѣть васъ недовольнымъ. Вы столько сдѣлали въ память покойнаго моего брата...

— Кто вамъ сказалъ, что это для него все сдѣлано? сурово спросилъ онъ дѣвушку.

— Для кого же? спросила удивленная Донна Розарія.

— И вы можете спрашивать: развѣ вы не знаете?

— Неужели... спросила она дрожащимъ голосомъ... неужели я должна думать, что это для меня?

Сильный аккордъ оркестра, кажется, помѣшалъ Дону Чесаре разслушать слова дѣвушки, потому что онъ съ жаромъ продолжалъ толковать, что все это дѣлалъ для той, которую любить, и которая не хочетъ наградить его за это.

— Но какъ же мнѣ васъ наградить? спросила дѣвушка съ трепетомъ.

— Вы?.. Тутъ только понялъ Донъ Чесаре и прежній не разслышанный отвѣтъ. Вы? повторилъ онъ, но уже вовсе другимъ тономъ. Боже мой! какой я глупецъ! Такъ вы меня поняли, прелестная Донна Розаріо? Да и какъ я могъ быть слѣпъ къ такой красотѣ?.. Я, правда, оставилъ васъ дитятею, но теперь вы пышная роза, и какъ же мнѣ было не праздновать памяти брата изъ любви къ сестрѣ?

— Да! продолжала она. Мнѣ всегда казалось, что вы не равнодушны ко мнѣ. Но мнѣ не вѣрилось, мнѣ казалось, что вы шутите. Даже и теперь я не знаю, не шутка ли это?

— Да, вы правы, я шутилъ. Шутилъ на краю бездны, шутилъ, какъ пошлый глупецъ. Но, милая Донна Розаріо, вы будете моимъ гениемъ—хранителемъ. Вы подадите мнѣ спасительную руку. Не такъ ли *anima della mia vita*?

— Возьмите, вотъ она, прошептала дѣвушка, подавая руку.

— Принимаю ее и клянусь, что вы никогда не будете раскаиваться въ своей добротѣ.

— Благодарю васъ и благодарю Бога, что не ошиблась въ васъ.

— И я благодарю Провидѣніе, которое указало мнѣ путь къ спасенію. Я вѣтренъ, легкомысленъ, Донна Розаріо. Но у меня доброе сердце, а съ вашею рукою буду я вполне счастливъ.

— И я васъ благословляю, дѣти мои, сказалъ Феррари, который съ нами подошелъ къ нимъ во время послѣдней фразы.

— Богъ да благословитъ васъ, прибавилъ молодой Беллини, къ которому на грудь упала покрасѣвшаяся сестра.

Донъ Чесаре обнималъ всѣхъ. Дошла очередь и до меня.

— А вы, поэтъ, желаете ли мнѣ счастія? спросилъ онъ.

— Умѣйте только заслужить его, отвѣчалъ я вполголоса, и нѣсколько отводя его шепнулъ: «только чтобъ никогда будущая жена ваша не знала разговора, который вы на этомъ же мѣстѣ имѣли съ другою за полчаса...» Канту хотѣлъ было спрашивать.

— Молчите, прервалъ я его, и берегите собственное свое счастье.

Въ эту минуту подошла къ намъ Донна Исмена. Ферраро рассказалъ ей все, что случилось. Съ удивительною твердостью и спокойствіемъ выслушала она рассказъ, съ улыбкою удовольствія обняла Донну Розаріо, подала Донну Чесаре руку, и съ торжественностью сказала:

— Сдѣлайте ее счастливою, она стоить этого. А какъ все это случилось *сегодня*, то я увѣрена, что тѣнь брата благословитъ васъ.

Ровно въ полночь раздался трескъ фейерверка. Потомъ хоръ запѣлъ а съ нимъ и всѣ гости: *piange Catania, piange di dolore!* и съ этимъ прѣтвомъ вышли мы изъ сада. Я случайно очутился подлѣ Донны Исмены и подаль ей руку, чтобъ проводить ее. Она сама начала со мною разговоръ.

— Феррари сказалъ мнѣ, что мы уже съ вами видѣлись въ Палермѣ.

— Но въ такомъ мѣстѣ и въ такую минуту, что я никогда бы не рѣшился вамъ напомнить объ этомъ.

— Напрасно! я не пуглива, отвѣчала она улыбаясь; признаюсь, видѣ всѣхъ этихъ усопшихъ въ катакомбахъ поразилъ меня. Какъ ни привыкла я къ мысли о смерти, но слабость природы одержала верхъ.

— Напротивъ, я удивлялся вашей твердости; что до меня касается, я, не краснѣя, сознаюсь, что мысль о смерти всегда для меня непріятна.

— И вы вполнѣ правы, потому что привязаны къ землѣ. У васъ есть въ жизни какая-нибудь цѣль, какое-нибудь назначеніе. Надобно исполнить ихъ. У меня этого нѣтъ, и я безъ малѣйшаго сожалѣнія оставляю землю...

Въ это время подошли мы къ дому Беллини, и Исмена подала мнѣ дружески руку.

Признаюсь, я дурно провелъ эту ночь. Ужасные сны тревожили меня: я видѣлъ опять катакомбы, слышалъ аккорды грозной музыки; видѣлъ Исмену; всѣ усопшіе составили фантастическій вальсъ около нее, увлекли съ собою,—я вскрикнулъ и проснулся.

Солнце прѣвѣтливо сіяло въ мой окна, я вздохнулъ свободно, и красоты природы векорѣ прогнали ночныя мечты. Я сошелъ въ садъ. Феррари уже работалъ въ немъ около цвѣтовъ.

Вѣрно на лицѣ моемъ остались еще слѣды ужаснаго сна, потому что добрый хозяинъ съ живостію и участіемъ спросилъ у меня: здоровъ ли я? я ему все рассказала.

— Боюсь, сказалъ онъ съ печальною улыбкою, чтобъ въ вашемъ снѣ небыло больше правды, нежели вы воображаете. Садитесь, я тоже расскажу вамъ всю разгадку жизни Донны Исмены.

— Ребенкомъ на рукахъ носилъ я Исмену и помню, что ея умственные, душевные качества гораздо раньше и сильнѣе развились, нежели тѣлесныя. Ея отецъ видѣлъ это со страхомъ, потому что мы почитаемъ это здѣсь признакомъ недолговѣчности. Она была всегда тиха, задумчива, молчалива, какъ бы равнодушная зрительница земной жизни. Я былъ учителемъ ея, и когда обыкновенно хотѣлъ иногда объяснить ей что нибудь мудреное, отвлеченное, она съ удивленіемъ смо-

трѣла на меня и отвѣчала: «да, я это знаю». По цѣлымъ часамъ сидѣла она иногда въ задумчивости и смотрѣла на небо, не отвлекаясь ни играми подругъ, ни разговорами родителей.

Мать ея умерла. Отецъ былъ зажиточный адвокатъ, но слишкомъ занять дѣлами, чтобъ слѣдить за своею дочерью. Я часто говорилъ ему, что она требуетъ совершенно другихъ попеченій, нежели прочія дѣти, но онъ не понималъ меня.

Когда ей минуло четырнадцать лѣтъ, я замѣтилъ вдругъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ ней произошла внезапная переменна: она сдѣлалась живѣе и разговорчивѣе. Цвѣтъ лица ея сдѣлался цвѣтущимъ и здоровымъ, и я видѣлъ, какъ она иногда играла и шутила съ своими подругами. Случайно узналъ я причину этой перемены.

Однажды пришелъ я къ отцу ея, но у него въ это время кто-то сидѣлъ, и я не хотѣлъ мѣшать имъ, а пошелъ въ садъ. Тамъ сѣлъ я у бесѣдки на скамью и рѣшился подождать. Вдругъ услышалъ я голосъ въ бесѣдкѣ. Тамъ была Исмена за столомъ, покрытымъ книгами и ландкартами. Противъ нее сидѣлъ юноша, нѣсколькими лѣтами старше ея. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми ея словами.

Это былъ Винченцо Беллини. Отецъ его, старый Розаріо, жаловался мнѣ не задолго передъ тѣмъ, что старшій сынъ ужасный лѣнivecъ, не учится музыкѣ, и что нѣтъ ни малѣйшей надежды сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Тутъ же я вдругъ увидѣлъ, что онъ беретъ уроки у Исмены. Та объясняла ему на картѣ исторію всѣхъ городовъ Сициліи, и исчисляла великихъ людей, ученыхъ и художниковъ, прославившихъ свое отечество. Она говорила ему объ Архимедѣ Сиракузскомъ, о Эмпедоклѣ Агригентскомъ, о Эпихармѣ Мегарійскомъ, о Дафнисѣ Терминійскомъ, о Діодорѣ Эгирскомъ и о Новеллѣ Монреальскомъ. Она рассказала ему всѣ ихъ заслуги, оказанныя отечеству, наукамъ и художествамъ.

— Но въ Катанѣ, съ нетерпѣніемъ прервалъ ее Беллини, кто же прославился въ Катанѣ?

— Не было никого, отвѣчала она, быстро на него глядя. Да кажется и не будетъ.

— Какъ не будетъ! вскричалъ онъ..

Я всталъ и отошелъ отъ бесѣдки въ эту минуту, увидя, что посѣтитель, бывшій у Розаріо, вышелъ. Войдя къ отцу, я сказалъ ему о странной картинѣ, которую сейчасъ видѣлъ.

— Да, Исмена вздумала учить этого болвана Винченцо. Она хочетъ изъ него сдѣлать великаго человѣка. Пусть попробуетъ, сама откажется.

И однакоже старый Донъ Розаріо вскорѣ объявилъ мнѣ, что сынъ его вдругъ сдѣлался совѣтъмъ другимъ человѣкомъ, что онъ трудолюбивъ и прилеженъ; что дѣлаетъ замѣчательные успѣхи въ музыкѣ, и что страсть къ изящному въ немъ болѣе и болѣе развивается. Старикъ, еще недавно увѣрявшій, что изъ Беллини ничего не выйдетъ, говорилъ теперь, что онъ будетъ чудомъ своего вѣка. Такъ прошло года два, и отношенія молодыхъ людей остались тѣ же. Только старикъ Розаріо, самъ учившій до тѣхъ поръ своего сына музыкѣ, объявилъ, что ему нуженъ другой учитель, и просилъ меня прискаты такого, который бы подвинулъ его. Я написалъ къ Цингарелли въ Неаполь, приложилъ ему нѣкоторыя сочиненія молодого Беллини и просилъ его взяться за образованіе юноши. Тотъ согласился.

Но когда это радостное извѣстіе сообщено было Беллини, онъ объявилъ, что не можетъ разстаться съ Катаню, и лучшаго учителя, какъ отца своего, не хочетъ. Я тотчасъ же понялъ, что Исмена должна быть главною причиною во всемъ этомъ дѣлѣ; я пошелъ къ ней и объяснилъ ей весь случай. Она залилась слезами. Внушивъ юношѣ страсть къ ученію и славѣ, она никакъ не воображала, чтобъ ей надобно было съ нимъ когда либо разстаться. Но когда я ей растолковалъ, что вся будущая его слава зависить отъ этой разлуки, она бросилась въ мои объятія, и улыбаясь сквозь слезы дала мнѣ слово, что черезъ недѣлю его уже не будетъ въ Катанѣ.

Такъ и случилось. Беллини уѣхалъ, и вскорѣ Цингарелли началъ писать ко мнѣ о немъ съ величайшею похвалою. Старанія и успѣхи его были удивительны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Цингарелли жаловался, что ученикъ его всегда печаленъ, грустенъ, и что это мѣшаетъ настоящему развитію его способностей.

Съ Исменою было тоже самое. И она по отъѣздѣ его сдѣлалась задумчива и печальна, но при всей своей ко мнѣ довѣренности никогда не ввѣряла мнѣ любви своей къ нему. Однажды получилъ я отъ Цингарелли пакетъ съ музыкою. Это была первая кантата, сочиненія Беллини, названная *Исмена*. Я принесъ эту тетрадь къ той, для кого она была написана, и ея восторгъ и радость объяснили мнѣ состояніе ея сердца.

— Онъ не забылъ меня, padre! вскричала она: онъ еще помнитъ обо мнѣ!

Она побѣжала къ фортепяно, чтобъ попробовать сочиненіе Беллини, восхищаясь всякою музыкальною фразою.

— О! онъ непремѣнно будетъ великимъ человѣкомъ! сказала она, и рыдая бросилась въ мои объятія. Я вѣдь предсказывала это!

Вдругъ въ эту самую минуту вѣжалъ въ комнату ея самъ Беллини. Получивъ за первыя свои сочиненія нѣсколько денегъ, онъ ни слова не сказавши Цингарелли, а оставя ему только извинительное письмо, отправился въ Мессину, увѣряя впрочемъ учителя, что вскорѣ воротится.

Это было трогательное, умильное свиданіе. Беллини ожилъ духомъ; Имена расцвѣла опять. Весь городъ смотрѣлъ уже на Винченцо, какъ на будущую славу родины.

Недѣли двѣ прожилъ онъ въ упоеніи радости. Вдругъ замѣтилъ я въ немъ опять перемѣну; сталъ доискиваться причины и открылъ, что это была ревность къ Чесаре Канту. Это былъ бѣдный сирота, котораго я принялъ на свое попеченіе. Его живость, усердіе и музыкальныя способности побудили настоятеля бенедиктинцевъ взяться за дальнѣйшее его образованіе. Но онъ безпрестанно приходилъ ко мнѣ и посѣщалъ домъ отца Имены. Не мудрено, что, не смотря на все его легкомысліе, дѣвушка эта понравилась ему, и что онъ надѣялся пріобрести ея взаимность. Беллини замѣтилъ это, и ревность его вспыхнула.

Въ это время Цингарелли требовалъ скорѣйшаго его возвращенія, говоря, что онъ приготовилъ для него либретто, и что если онъ скоро не воротится, то отдастъ сочиненіе оперы другому. Имена, узнавъ объ этомъ, убѣждала его какъ можно поскорѣе ѣхать,—и Беллини принялъ ея слова за хитрую увертку, чтобъ сбыть его съ рукъ. Осыпавъ ее упреками, онъ въ тотъ же день уѣхалъ.

Эта вспышка и подозрѣнія сильно огорчили Имену, но она не обнаруживала этого, а напротивъ, предъ всѣми защищала Беллини. Я одинъ только видѣлъ, какъ она страдала и какъ силы ея день отъ дня упадали.

Долго мы ничего не слыхали о Беллини. Только Цингарелли писалъ мнѣ, что онъ удвоилъ еще прежнее рвеніе и трудолюбіе. Первая его опера: «Біанка де Фернандо» имѣла успѣхъ въ Неаполѣ и Миланѣ. Композиторъ 22-хъ лѣтъ никогда еще не имѣлъ такой чести. Всѣ газеты гремѣли о немъ. До тѣхъ поръ Россини первенствовалъ на сценахъ Италіи. Пиччини, Меркаданте, Караффа и въ особенности Донизетти были только подражателями его. Беллини оставилъ эту рутину. Онъ хотѣлъ простоты и чувствъ, бросивъ шумные эффекты; его *Пиратъ*, котораго успѣхъ увеличенъ былъ талантомъ Рубини, поставилъ Беллини наряду съ любимѣйшими композиторами Италіи.

Всѣ разсказывали въ это время о свиданіи его съ Россини въ Болоньи. Россини осыпалъ его похвалами, и когда юноша отвѣчалъ ему,

что онъ только *первоуценка*, Россини сказалъ: «конечно, вы только начинаете, но начинаете такъ, какъ другіе кончаютъ.»

Для Венеціанскаго театра Беллини написалъ *Монтекки и Канулетти*, а для Миланскаго «Straniero» и «Sonnambula.» Слава его уже утвердилась, и онъ почитался въ числѣ первыхъ композиторовъ Италіи. Всеобщій восторгъ еще болѣе усилился, когда появилась его *Норма*. Я тогда былъ въ Миланѣ и видѣлъ въ этой роли Малибранъ. До тѣхъ поръ упрекали Беллини, что онъ оставилъ въ пренебреженіи инструментовку. На этотъ разъ онъ возвысился и въ этомъ отношеніи. Въ мелодическомъ же я ничего не слыхалъ подобнаго, можетъ быть и потому, что выше Малибранъ не было пѣвицы.

Италія стала уже гордиться Беллини. Ему предлагали блистательнѣйшія условія въ Лондонѣ и Парижѣ, но онъ еще разъ хотѣлъ побывать на родинѣ. Въ февралѣ 1832 года пріѣхалъ онъ въ Неаполь, гдѣ его всячески старались удержать, предлагая за новую оперу, которую онъ тамъ напишетъ, 8000 червонныхъ. Но онъ отказался отъ предложеній, говоря, что спѣшить на родину; сѣлъ на корабль и прибылъ въ Палерму.

Со всеобщимъ восторгомъ былъ онъ встрѣченъ цѣлымъ городомъ въ самой гавани. Филармоническая академія съ торжествомъ проводила его по улицамъ, привела въ свою залу, гдѣ бюстъ его былъ увѣнчанъ лаврами. Герцогъ Монтелеоне говорилъ ему рѣчь и назвалъ его *славою Сициліи*.

Все путешествіе его по Сициліи было полнымъ, небывалымъ торжествомъ. Въ Мессинѣ воздвигли ему триумфальныя ворота, а когда онъ ввечеру вошелъ въ театръ, вся публика встала, желая выразить ему свое уваженіе. Въ ратушѣ приготовлена была для него торжественная встрѣча и поднесена золотая медаль съ надписью: «Vincentius Bellini Catanientis, musicae decus.» Отцу же его назначена была пожизненная пенсія.

Всѣ эти почести произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на чувствительное сердце Беллини. Когда празднество встрѣчи кончилось, онъ пришелъ ко мнѣ и зарыдалъ. Я повялъ его, и молча повелъ въ домъ Донны Исмены. Инстинктивно взошелъ онъ, не останавливаясь прямо въ садъ, въ ту бесѣдку, гдѣ она давала ему первые уроки, и дѣйствительно, она тамъ сидѣла, разбирая новыя его сочиненія.

Они упали въ объятія другъ къ другу.

Разумѣется, оба молчали и плакали. Но и это безмолвное удовольствіе было кратковременно. Всѣ узнали, что Беллини въ саду у Донны Исмены, и весь городъ тотчасъ же собрался къ ней. Надобно

было разговаривать, благодарить, знакомиться. Однако же Исмена была вполне счастлива, видя славу своего друга. Увы! это чувство счастья дорого ей стоило!

День склонялся къ вечеру. Посѣтители то приходили, то уходили, и любящая чета могла уже болѣе заниматься собою, нежели другими. Я старался принимать всѣхъ гостей, и по возможности отдалялъ ихъ отъ жениха и невѣсты. Я самъ радовался, видя ихъ счастье.

Рука въ руку шли они мимо меня, и взоры ихъ блистали неземнымъ блаженствомъ... вдругъ Исмена испустила крикъ, схватилась за грудь и зашаталась. Я подбѣжалъ, она безъ чувствъ упала ко мнѣ на руки. Всѣ засуетились, забѣгали. По счастью, знаменитый врачъ Гиммалара былъ въ числѣ посѣтителей. Онъ тотчасъ же подалъ ей нужную помощь и привелъ ее въ чувство. Потомъ уложилъ ее въ постель, предписалъ ей совершенное спокойствіе духа и просилъ, чтобъ всѣ разошлись по домамъ.

Можно вообразить себѣ, въ какомъ отчаяніи былъ Беллини. Я его увелъ къ себѣ, и онъ былъ совершенно растроенъ, все порывался идти къ больной, но я его не пускалъ, говоря, что его присутствіе принесетъ ей только вредъ. Но самъ я отправился туда поздно вечеромъ и общалъ ему принести о ней извѣстіе.

На лѣстницѣ догналъ я доктора, шедшаго тоже къ Исменѣ. Мы съ нимъ вмѣстѣ вошли къ ней въ комнату: она лежала въ забытьи, какъ будто спала, и была чрезвычайно блѣдна. Гиммалара внимательно всматривался въ нее, считалъ бѣіеніе пульса, прислушивался къ дыханію ея, и обратясь ко мнѣ сказалъ:

— Осталась небольшая лихорадка, и кризисъ пройдетъ *на этотъ разъ*.

— На этотъ разъ? съ испугомъ повторилъ я. Такъ болѣзнь ея опасна?

Серьіозно взглянулъ онъ на меня.

— Въдъ и вы учитесь медицинѣ, отвѣчалъ онъ: развѣ вы не видите, что мечъ Дамокла виситъ надъ ея головою. У нея расширеніе боевой жилы у самаго сердца. Малѣйшее волненіе можетъ убить ее.

— И скоро? спросилъ я съ трепетомъ.

— Кто это можетъ знать? Это можетъ случиться и сегодня, и завтра, и черезъ годъ, и черезъ десять лѣтъ. Но смерть уже положила тутъ печать свою. Это неизбѣжная ея добыча!

Я ушелъ, и воротясь старался успокоить Беллини. Дѣйствительно, Исмена встала на другой день здоровою; но она была тиха и молчалива. Она послала даже за Беллини, но приняла его холодно и только

изрѣдка улыбалась. Онъ спрашивалъ ее, что съ нею вчера сдѣлалось? что за болѣзнь у нее, и проч. Имена отвѣчала, что это незначущая дурнота и больше ничего. Съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее Беллини, и видимая ея холодность совершенно разстроила его.

Такъ прошло нѣсколько дней. Вдругъ пришелъ ко мнѣ Беллини и объявилъ, что уѣзжаетъ. Я съ удивленіемъ спросилъ его о причинѣ такой поспѣшности, и онъ отвѣчалъ, что непостижимая холодность Исмены этому виною. Въ первый день свиданія приняла она съ удовольствіемъ все планы его на счетъ брака и будущей ихъ жизни: но послѣ болѣзни совсѣмъ перемѣнилась, равнодушно слушаетъ все его увѣренія въ любви, и какъ будто не помнить и не понимаетъ прежнихъ плановъ о соединеніи ихъ. Я было хотѣлъ успокоить Беллини, сваливая все на болѣзнь, но Беллини съ жаромъ отвѣчалъ, что она здорова, и сама ему говорить это, только о любви его не хочетъ уже и слышать.

— Я любилъ ее какъ безумецъ, сказалъ онъ, но не буду какъ нищій вымалывать руки ея. Она богата, независима, и можетъ располагать собою. Я уѣзжаю и навсегда.

Я убѣдилъ его подождать до вечера, обѣщая сходить къ Именѣ и вывѣдать у нее причину ея равнодушія.

Я дѣйствительно отправился къ ней, и по праву лѣтъ моихъ и званія потребовалъ у нее объясненія: почему она вдругъ отказывается отъ брака съ человѣкомъ, котораго съ малолѣтства любила и которымъ теперь гордится вся Италія?

Твердо и серьезно посмотрѣла она на меня и спокойно отвѣчала:

— Вы мнѣ говорите о бракѣ, радге, но скажите сами, развѣ смерть можетъ сочетаться съ жизнію?

— Что значать эти слова, милое дитя мое? спросилъ я со страхомъ.

— Помните ли вашъ разговоръ съ Гиммалари въ день моего припадка? Вы оба думали, что я сплю, но я не спала и все слышала.

— Что вы слышали?

— Мой смертный приговоръ!.. О! не тратьте даромъ словъ, чтобъ меня успокоивать и разувѣрять. Вы знаете, что Гиммалара не ошибается. Вы знаете и то, что я люблю Винченцо болѣе всего на свѣтѣ. Я горжусь тѣмъ, что вдохнула въ грудь его жажду къ славѣ. Эта мысль дѣлаетъ меня счастливою и на краю гроба. Искусство, которому онъ посвятилъ себя, требуетъ свободнаго ума и поощренія. Соединясь же со мною, онъ будетъ только видѣть увядающую жизнь, и это будетъ мучить его.

— Такъ скажите ему объ этомъ. Пусть онъ знаетъ, что любовь его награждена взаимностью.

— Нѣтъ! онъ будетъ требовать, настаивать на ускореніи брака, и я буду слишкомъ слаба, чтобъ противиться собственному своему счастью. Онъ гордъ и самолюбивъ. Если онъ будетъ думать, что я не люблю его, или капризничая, то скоро обо мнѣ забудетъ и займется своею славою, тогда какъ соединясь со мною, броситъ все, чтобъ лечить меня, а когда я скоро умру, то будетъ тосковать обо мнѣ.

— И будетъ удивляться вашему мужеству. Вы не только жертвуете собою, но не хотите, чтобъ знали объ этомъ самопожертвованіи. О, я боюсь за послѣдствія этой рѣшимости!

— За меня бояться нечего. Моя участь рѣшена. Мой долгъ обезпечить *его* судьбу.

Чтоъ рассказывать о послѣдовавшихъ событіяхъ? Беллини уѣхалъ въ тотъ же вечеръ, чтобъ никогда уже не возвращаться на родину.

Оказалось, что Исмена хорошо знала его. Послѣ непродолжительнаго пребыванія во Франціи, отправился онъ вмѣстѣ съ Пастою въ Лондонъ, чтобъ поставить тамъ свою оперу. Онъ былъ осыпанъ и почестями, и золотомъ, но скоро возвратился въ Парижъ, гдѣ *Пуритане* его были тамъ приняты съ невыразимымъ восторгомъ. Но посреди этихъ торжествъ онъ вдругъ занемогъ горячкою, и 24 Сентября 1835 года скоропостижно умеръ, въ ту самую минуту, когда восторженные зрители вызывали его въ театръ.

Россини, съ отеческою заботливостью пекшійся о молодомъ своемъ соперникѣ, самъ устроилъ его похороны, и все парижскіе художники слѣдовали за гробомъ его. Старикъ Розаріо письмомъ благодарилъ Россини за его заботливость. Въ газетахъ, описывавшихъ все подробности болѣзни его и смерть, рассказывали, что онъ на смертномъ одрѣ часто произносилъ имя *Исмены*.

Феррари окончилъ свой рассказъ, и я понялъ тогда все величіе души несчастной дѣвушки. Увы! судьба ея скоро свершилась!

Послѣ небольшой моей поѣздки къ исполинскому каштановому дереву (*castagno di cento cavalli*), возвратился я въ Катану, чтобъ встрѣтить погребеніе Доны Исмены. Она похоронена была въ томъ самомъ бенедиктинскомъ монастырѣ, гдѣ еще недавно давали праздникъ въ честь Беллини.

Послѣ церемоніи все разошлось, а я одинъ въ задумчивости остался въ церкви. Вдругъ органы торжественно заиграли Перголезіево «*Salve Regina*,» но такъ трогательно, такъ выразительно, что я бросился на верхъ, чтобъ видѣть игравшаго виртуоза. Это былъ Донъ Че-

саре Канту. Это было его послѣднее прощаніе съ умершею. Увидя меня, онъ быстро вскочилъ и зарывавъ упалъ въ мои объятія. Я стараясь успокоить его, и мы оба вышли.

— А что, сказала онъ мнѣ вдругъ, когда мы были на улицѣ, въѣдъ по лицу моему не видно, что я плакалъ?

— Что жъ за бѣда? вы имѣете право оплакивать ее...

— Нѣтъ, саго роета, моя невѣста не очень снисходительнаго нрава, и если она замѣтитъ...

— Но въѣдъ она любить васъ...

— Конечно!.. Даже больше нежели нужно... Но я радъ, я совершенно счастливъ. Помните разговоръ мой съ Именою: ну, что было бы со мною, еслибъ она согласилась быть моею женою. Въѣдъ я бы сегодня былъ уже вдовцемъ. Я не пережилъ бы этого несчастія. А теперь я не смѣю даже печалиться!..

(Lesefrüchte).

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

Статья П. М. Шпилевскаго.

12. ИГРИЩА.

Игрищами въ Бѣлоруссіи называются общественныя собранія и неразлучныя съ ними пляски въ карчмахъ, устраиваемыя обыкновенно, по предварительному согласію всей молодежи извѣстнаго села или деревни, во время святокъ и иногда, очень рѣдко, лѣтомъ*. На эти игрища собирается молодежь съ родными, которые неотлучно находятся при ней, особенно при дѣвицахъ, до самаго окончанія плясокъ. Можетъ быть, кто нибудь подумаетъ, что такъ какъ эти собранія бывають въ карчмахъ, то есть постоянныхъ дворахъ, извѣстныхъ продажею вина и вообще всего хмѣльнаго, то, конечно, необходимо тамъ безъ пьянства. Такъ думать, значитъ не имѣть понятія о бѣлорусскихъ нравахъ или смѣшивать игрища бѣлорусскія съ увеселеніями великорусскихъ крестьянъ и польскими гулянками: игрища бѣлорусскія только отчасти имѣють нѣкоторое сходство съ польскими гулянками, именно съ варшавскими. Будучи въ Варшавѣ, я имѣлъ возможность сравнить тѣ и другія увеселенія, посѣщая для этого сборища престоляродья на такъ-называемыхъ *Саксонскихъ островахъ* (Saska kera), что на Прагскомъ предметъ за Вислой. Сходство между бѣлорусскими и прагско-варшавскими сборищами то, что цѣль

* Лѣтомъ эти игрища бывають больше послѣ уборки съ полей и огородовъ конопли, отчего и называются *конопельными*; при чемъ и самыя пѣсни носятъ названіе *конопельныхъ*.

тѣхъ и другихъ — собственно повеселиться, повидаться съ знакомыми дѣвицами, нерѣдко невѣстами, съ которыми парни не могутъ встрѣчаться въ домахъ, гдѣ служатъ тѣ и другія. Здѣсь все чинно: никакого буйства и шума не встрѣтите, потому что увеселенія эти большею частію обходятся безъ вина; угощаютъ преимущественно другъ друга пивомъ и сладкимъ питнымъ медомъ. Различіе же то, что на Саксонскихъ островахъ встрѣчаются нерѣдко горничныя и лакеи, слѣдовательно болѣе или менѣе народъ понатертый и притомъ въ тонкомъ платьѣ, тогда какъ на бѣлорусскихъ игрищахъ увидите исключительно поселянъ и развѣ въ мѣстечкахъ или большихъ селахъ, прилегающихъ къ помѣщичьимъ дворамъ, иногда дворчанъ, то есть дворовыхъ людей. За то на послѣднихъ игрищахъ сохраняется болѣе народности какъ въ нарядахъ, такъ въ обращеніи, пляскахъ и вообще способѣ препровожденія времени просто, чисто по деревенски; здѣсь и музыка обыкновенно незатѣйливая: она состоитъ изъ одного скрипача и очень рѣдко изъ двухъ—трехъ.

На игрища собираются не раньше шести часовъ вечера и просиживаютъ нерѣдко далеко за полночь. Пляски начинаются тогда, когда соберутся посѣтители въ большомъ количествѣ и особенно, когда явятся такъ—называемые *водары**, или что тоже главные кавалеры, завѣдующіе и дирижирующие цѣлымъ обществомъ. Эти водары—извѣстные въ деревнѣ ловкостью, красотою и молодечествомъ, а слѣдовательно и видные женихи; впрочемъ они имѣютъ своихъ избранныхъ дѣвицъ, предполагаемыхъ невѣсть, и съ ними больше пляшутъ на игрищахъ. Водары пользуются общимъ уваженіемъ: имъ повинуются музыка и все собраніе молодежи; къ нимъ обращаются за совѣтомъ и испрашиваютъ у нихъ согласія на такой или другой танецъ всѣ желающіе плясать.

Такъ какъ игрища составляютъ общественное сборище, на которомъ нерѣдко завязывается знакомство парней съ дѣвицами и въ слѣдствіе того часто рѣшается судьба тѣхъ или другихъ, то на игрища являются въ возможно—нарядныхъ платьяхъ. Парни стараются имѣть почище и поновѣе *свитки*, побольше цвѣтныхъ лентъ на фуражкахъ, блестокъ и запонокъ на рубашкахъ, а главное *почерниѣ* сапоги. Нужно замѣтить при этомъ, что въ Бѣлоруссіи больше ходятъ въ лаптяхъ, сапоги надѣваютъ только въ праздники или по какому нибудь другому торжественному случаю, но и тутъ большею частію смазанные только саломъ безъ сажи, слѣдственно рудые, смазанные же дегтемъ рѣдко попадаются. Въ свою очередь и дѣвицы принаряживаются какъ можно лучше: главное украшеніе ихъ составляютъ безчисленные снурки разноцвѣтнаго бисера

* *Водаръ* отъ слова водить, руководить, значитъ собственно—водитель, руководитель.

и стекляруса на шеѣ; кромѣ того обуваютъ башмаки нерѣдко съ подковками и даже какими-то погремушками.

Цѣль нарядовъ, какъ сказано уже, та, чтобъ понравиться другимъ и имѣть болѣе возможности плясать, потому что кто лучше одѣтъ, того чаще выбираютъ на пляски. Чѣмъ *наряднѣе* общество, тѣмъ веселѣе проводятъ время. Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что въ составъ *наряднаго* общества входятъ люди посторонніе, не принадлежащіе къ сельскому быту или сословію дворчанъ. Напротивъ, нѣтъ ничего легче разстроить это общество деревенское, какъ явиться туда какому нибудь горожанину или проѣзжему господину въ городскомъ платьѣ: появленіе подобныхъ посѣтителей разгоняетъ цѣлое общество. Оттого-то желающіе короче познакомиться съ бытомъ бѣлорусскихъ поселянъ, и особенно ихъ нравами и пѣснями, которыя всего легче можно подмѣтить на подобныхъ общественныхъ сборищахъ, должны передѣваться въ простонародную одежду, и въ ней уже являться на игрища. Такимъ образомъ и мнѣ приходилось дѣлать, и только такимъ способомъ я могъ успѣть собрать пѣсни и поговорки бѣлорусцевъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что для посѣщеній игрищъ необходимо знаніе бѣлорусскаго языка.

Когда соберется ожиданное общество, водары обращаются къ музыкантамъ съ поклономъ и, заплативъ имъ условленную плату за первый танецъ, именно три копѣйки съ брата*, подходятъ къ избраннымъ своимъ дѣвицамъ и *ангажируютъ* ихъ на танецъ. Тоже дѣлаютъ и прочіе парни, то есть каждый платитъ музыкантамъ три, иногда и двѣ копѣйки, и становится на мѣсто танца съ дѣвицею. Водары, разумѣется, всегда занимаютъ первыя мѣста. Очень интересно, какъ выбираютъ себѣ дѣвицъ для танца парни, не имѣющіе своихъ избранныхъ. Заложивъ руки за поясъ, они обыкновенно фертномъ расхаживаютъ среди комнаты и разсматриваютъ дѣвицъ, которыя прячутся отъ нихъ и закрываютъ свои лица руками или передниками. Эта церемонія продолжается иногда довольно долго, такъ что нерѣдко водары заставляютъ или уговариваютъ дѣвицъ согласиться на предложеніе того или другаго парня. Причина же, почему нѣкоторыя дѣвицы не вдругъ принимаютъ предложенія нѣкоторыхъ парней, та, что парни эти не нравятся имъ почему нибудь.

Игрища открываются танцемъ—*калаводъ*. Названіе такое онъ по-

* Музыкѣ платятъ обыкновенно парни, дѣвицы же пляшутъ на счетъ кавалеровъ: своего рода вѣжливость!...

лучилъ, вѣроятно, оттого, что танцующіе ходятъ только кругомъ. Этотъ танецъ очень похожъ на *польскій* (полонезъ). Различіе въ томъ, что парни въ одной рукѣ держатъ платки и, пристукивая каблуками, машутъ платками на всѣ стороны.

Во время каловода, пляшущія дѣвицы поютъ:

Калаводъ гой-да-да!
 Чья дѣвка малада?
 Чы дзякова, чы вайтова,
 Альба наша мужикова?
 Калаводъ густа-та —
 Чья дѣвка красата?
 Чы дзякова, чы вайтова?
 Таки наша мужикова...

(Коловодъ гой-да-да! Чья дѣвица молода? Дочь дьячка, или войта, а можетъ быть и нашего брата, мужика? — Коловодъ *густа-та* (непереводимое междомѣтіе)! Чья дѣвица красавица? Дочь дьячка или войта? Нѣтъ, дочь крестьянина!)

Во время танца калавода, равно какъ и другихъ танцевъ, въ пѣсняхъ часто встрѣчаются сравненія дѣвицъ крестьянскихъ съ дочерьми дьячка, войта и нерѣдко писаря (волостнаго, сельскаго), а потому не мѣшаетъ замѣтить, что причина такихъ сравненій и вообще воспоминаній объ этихъ лицахъ заключается въ томъ, что въ прежнія времена дѣти сельскихъ дьячковъ, нерѣдко выбираемыхъ изъ поселянъ, войтовъ (то есть старостъ или досмотрщиковъ въ имѣніяхъ) и писарей участвовали въ игрищахъ вмѣстѣ съ крестьянами. Нынче, конечно, этого не бываетъ, и въ пѣсняхъ сохранилось только преданіе о быломъ.

Послѣ калавода бываетъ небольшой отдыхъ и угощеніе. Парни угощаютъ своихъ дѣвицъ пивомъ, медомъ и очень рѣдко водкой. За этимъ угощеніемъ строго слѣдятъ матери и отцы, которые большею частью остаются въ одной комнатѣ съ танцующею молодежью. Впрочемъ, случается иногда, что какой нибудь парень, понавшій на игрище безъ родителей, позволяетъ себѣ нѣкоторыя шалости и веселится не въ мѣру: но за то подобная неумѣренность стѣдитъ ему не дешево; корчмарь, то есть содержатель корчмы, пользуется его нетрезвостью и заставляетъ его рѣшаться на тройные и четверные проценты. А въ прежнія времена, именно, когда корчмами завѣдывали жида, шалости невоздержна-

го поселянину обходились еще дороже: нерѣдко жидъ—арендаторъ выманивалъ послѣднюю корову или теленка, и даже рожь или пшеницу на корнѣ. Въ такомъ случаѣ жидъ—корчмаръ давалъ разгулявшемуся парню *двуконечный* мѣлокъ, и тотъ собственною рукою *карбовалъ* (чертилъ) свои долги на стѣнѣ вдвое*; будучи въ нетрезвомъ видѣ, парень не замѣчалъ такой плутни, и на другой день безспорно долженъ былъ расплачиваться съ корчмаремъ по записанному счету; въ противномъ случаѣ терялъ всякое довѣріе мнимаго своего благодѣтеля и не могъ имѣть входа въ корчму.

Послѣ калавода слѣдуютъ другіе танцы; болѣе замѣчательные и характеристическіе, изъ нихъ суть: *журавель*, *горлица*, *вербавінецъ*, *чурылла*, *казакъ* и *чабарашка*.

Журавель. Журавель—отъ птицы *журавель*, аистъ—получилъ названіе такое потому, что танцующіе медленно поднимаютъ то правую, то лѣвую ногу, подобно аисту, и вообще представляютъ изъ себя эту птицу всеми возможными тѣлодвиженіями. Танецъ этотъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько паръ, взявшись за руки, образуютъ кругъ: въ срединѣ круга ходитъ парень, который собственно и называется журавлемъ. Въ то время, когда пары кружатся, журавель постоянно подкрадывается къ дѣвицамъ и старается вырвать которую нибудь изъ рукъ кавалера, но кавалеръ ловко увертывается съ своею дѣвицею. Между тѣмъ дѣвицы поютъ:

Да унадзвися журавель
 Да дз нашихъ канапель:
 Таки—таки журавель,
 Што не выгнаць его нигдзѣль;
 Таки—таки чубаты,
 Таки—таки насаты!

(Повадился аистъ въ наши конопля; такой—такой аистъ, что никакъ не выгнать его; какой хохлатый! а съ какимъ клювомъ!)

* Эту плутню жидовъ—корчмарей очень вѣрно изобразилъ бѣлорусскій (минскій) писатель В. *Дупинъ-Марцинкевичъ* въ извѣстной народной опереткѣ: *Селянка*. Вотъ какъ въ этой опереткѣ уговариваетъ жидъ Ицекъ поселянину Тита брать водку въ долгъ: «Ну... каан не заплацисъ, то *закарбуи*, а мы паацымъ; и я приму старну сѣна, сто у цабе у адрынцѣ, и есче на барысѣ кварту гарелки паставлю...»—То есть: Ну... если не заплатишь, то запиши, а мы сосчитаемъ; я возьму и стогъ сѣна, что у тебя въ сараѣ, и еще въ придатокъ поставлю тебѣ мѣрку водки.

Наконецъ, когда дѣвицы закричатъ: *ханай, журавель!* (хватай, лови, аистъ!), журавель долженъ схватить которуюнибудь изъ дѣвицъ за руку и съ нею сдѣлать кругъ, если же не схватитъ, опять остается въ кругу; но если схватитъ, то на его мѣстѣ остается тотъ, кто лишился своей пары. Во всякомъ случаѣ оставшійся не въ парѣ съ дѣвицею обязанъ угостить музыканта.

Горлица. Тоже отъ названія птицы. Образуется большой кругъ изъ нѣсколькихъ парней и дѣвицъ: внутри круга вертится въ разныя стороны дѣвица съ завязанными платкомъ глазами и, въ то время, когда пары кружатся какъ можно скорѣе, она должна указать рукою на мужчину и остановить его; остановленный мужчина лишается своей дѣвицы, которая входитъ въ средину круга и дѣлаетъ тоже, что и первая. Если же находящаяся внутри круга дѣвица остановить рукою дѣвицу, а не мужчину, то она обязана поцѣловать въ лицо кавалера остановленной ею дѣвицы, и потомъ опять остается внутри круга. Находящаяся внутри круга дѣвица и называется горлицею, а отсюда и самый танецъ получилъ названіе *горлицы*. Во все время танца парни поютъ:

Ой, дѣвчина горлица
 Да да хлопца горнитца;
 А хлапчина якъ арѣль
 Якъ набачивъ, ажна умѣръ!

(Ой, дѣвица горлица къ дѣтинѣ льнетъ; а дѣтина точно орелъ, какъ замѣтилъ это, такъ и обмеръ—съ радости).

Этотъ танецъ очень часто повторяется по желанію парней, потому что во время его не одному изъ нихъ приходится поцѣловать любимую дѣвицу,—а дѣвицѣ—любимаго парня.

Танецъ прекращается по желанію дѣвицъ.

Большею частью этимъ танцемъ заключается игрище. Причина понятна: каждому парню хочется получить на прощаніе невынужденный, добротный поцѣлуй предположенной невѣсты или вообще нравящейся дѣвицы.

Вербованецъ. Этотъ танецъ носитъ названіе отъ слова—*вербовать*, выбирать. Онъ состоитъ въ томъ, что мужчины и дѣвицы раздѣляются на двѣ равныя по числу половины: мужчины выходятъ въ другую комнату, а дѣвицы, оставшіяся въ главной, такъ называемой *сборной*, выбираютъ, каждая, по одному парню; условившись такимъ образомъ, дѣвицы садятся полукругомъ на скамьяхъ и поютъ:

У Заславлю * славнымъ мѣсьцѣ
Звербавали хлопцавъ двѣсьцѣ.
А чымъ жа ихъ вербавали?
Гарныхъ жонакъ даравали.

У Заславлю славнымъ мѣсьцѣ
Звербавали хлопцавъ двѣсьцѣ:
И вайтовы и писары
Всѣ туды—отъ приставали.

Пристань, Юрка, да вербунку
Будзешъ ѣсьци зъ масломъ курку,
Будзешъ ѣсьци, будзешъ пици,
Будзешъ якъ панокъ хадзици.

Забудзь тату, забудзь маму
А самъ пристань къ вербаваню!
Цяперъ маешъ гараваци,
Лепѣй зъ жонкай гацаци.

(Въ знаменитомъ городѣ Заславлѣ навербовали двѣсти парней. Чѣмъ же ихъ заманили? А тѣмъ, что выбрали имъ красивыхъ женъ. Въ знаменитомъ городѣ Заславлѣ навербовали двѣсти парней: тутъ были и дѣти войтовъ, и писарей, всѣ пристали туда. Согласись, Юрій (иногда переимѣняютъ и другое имя, нерѣдко каждаго парня называютъ его именемъ), перейти на нашу сторону, будешь кушать курицу съ масломъ; будешь ѣсть, будешь пить, будешь ходить точно баринъ!.. Забудь отца, забудь мать, переходи на нашу сторону! Чѣмъ теперь лишь горевать, такъ не лучше ли веселиться съ женою?).

Во время пѣнія этой пѣсни, парни по одному выходятъ изъ другой комнаты, и приплясывая называютъ какую нибудь дѣвицу по имени, думая, что она выбрала его; если парень угадаетъ, дѣвица встаетъ и подходитъ къ нему; сдѣлавъ кругъ, парень сажаетъ дѣвицу на прежнее мѣсто, а самъ садится возлѣ другой какой нибудь дѣвицы, съ тѣмъ, чтобъ обмануть слѣдующаго парня, который послѣ него будетъ выбирать себѣ дѣвицу и можетъ подумать, что эта именно дѣвица выбрана имъ. Если же парень не угадаетъ, то всѣ дѣвицы встаютъ съ своихъ

* Заславль нынѣ мѣстечко въ Минской губерніи, а въ древности—городъ, построенный Владиміромъ Великимъ; въ этой пѣснѣ онъ называется славнымъ, знаменитымъ городомъ, согласно съ показаніемъ летописей.

мѣсть и, хлопая въ ладоши, выгоняють его; этотъ парень до тѣхъ поръ является, пока наконецъ не выберетъ ту, которая его выбрала.

Когда же всѣ выберутъ себѣ дѣвиць, то начинаютъ танцовать нѣчто въ родѣ вальса; различіе только то, что не мужчина одинъ обхватываетъ талію дѣвицы, но въ одно и тоже время и дѣвица обхватываетъ талію парня. Пѣсня своимъ порядкомъ продолжается до окончанія танца, который прекращается тотчасъ послѣ двухъ, трехъ круговъ.

Этотъ танецъ рѣже употребляется, вѣроятно потому что слишкомъ многосложенъ и отнимаетъ не мало времени, а главное — производить большой крикъ и шумъ.

Чурылла. Самое уже слово *чурылла* показываетъ, что этотъ танецъ довольно древній, и чуть ли не отъ временъ славяно-русскаго язычества ведетъ свое начало. Извѣстно что у славянъ вообще и въ частности у славянъ-русскихъ, въ числѣ разныхъ божествъ, былъ *Чуръ-богъ*, духъ, охраняющій границы земель; объ немъ сохранились преданія чуть ли не въ цѣлой Россіи, а въ Бѣлороссіи самыя опредѣленныя повѣрья и даже разныя пословицы *. Очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ этими же вѣрованіями, въ честь того же Чура сохранился и танецъ чурылла. Такъ думать можно тѣмъ болѣе, что самое свойство и содержаніе танца, какъ увидимъ дальше, напоминаютъ нѣчто въ родѣ раздѣленія и какъ бы охраненія границъ...

Впрочемъ, кромѣ такого смѣлаго предположенія можно еще прибѣгнуть къ другимъ, основаннымъ также на древнихъ памятникахъ. Можно производить танецъ чурылла отъ героя *Чурылло*, о которомъ упоминается въ старинныхъ русскихъ сказкахъ, какъ о какомъ-то мифологическомъ лицѣ; въ нихъ говорится, что Чурылло по прозванію Пленко, жилъ во время Владиміра Великаго, славился наѣздничествомъ и имѣлъ великолѣпный дворець, въ которомъ не разъ принималъ и угощалъ самаго князя Владиміра. Вотъ отрывокъ изъ одной старинной пѣсни **.

Тутъ Владиміръ на то слово спохватился:

Кто это Чурылло есть таковъ?

Выступился тутъ старой Бермята Васильевичъ:

— Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю;

Чурила живетъ не въ Кіеви,

А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.

* См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 1 статью: Бѣлорусскія народ. преданія; стр. 19. Слово *чуръ-богъ*.

** Древнія русскія стихотворенія, собр. Кир. Даниловымъ. Москва 1818 г.

Дворъ у него на семи верстахъ,
 Около двора желѣзный тынь (стѣна);
 На всякой тыненькѣ (желѣзная доска) по маковкѣ
 А и есть по жемчужинкѣ;
 Среди двора свѣтлицы стоятъ,
 Гридни бѣлодубовыя
 Покрыты сѣрымъ бобромъ
 Палолокъ черныхъ соболей
 Матица то вальженая;
 Полсерета одного серебра,
 Кривки да пробои по булату злачены.
 Первые у него ворота валасчатые,
 Другіе ворота хрустальные;
 Трети ворота оловяные.

А въ хроникѣ Червоной Руси говорится, что въ Галиціи въ XV вѣкѣ существовала какая-то фамилія Чурилло съ гербомъ, *Корчакъ*, отчество которой Нѣсецкій полагаетъ землю *Премыскую* *; объ этой фамиліи сохранилось преданіе, что въ 1570 году нѣкто Мартинъ Чурилло прославился въ сраженіяхъ съ турками и волохами; въ награду за безпримѣрную его храбрость и стойкость, бывшій въ то время русскій воевода Юрій Язловецкій выдалъ за него свою дочь Анну **.

До какой степени все эти предположенія вѣрны, предоставляю на судъ авторитетныхъ археологовъ и филологовъ; во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что въ этихъ предположеніяхъ можетъ быть часть правдоподобнаго намека на древнее происхожденіе существующаго въ Бѣлоруссіи танца *Чурылло*.

Въ чемъ же состоитъ этотъ танецъ?

Обыкновенно какъ можно побольше паръ парней и дѣвицъ раздѣляются на двѣ половины: парни становятся подъ рядъ въ длину съ одной стороны, а дѣвицы въ такомъ же порядкѣ, каждая противъ своего парня, съ другой. Между послѣднею парой становится болѣе видный мужчина, который и называется Чурылло. Начинаютъ танцевать. Съ противоположнаго отъ Чурылла конца сходитъ первая пара и, взявшись за руки, какъ можно быстрѣе вертятся и старается обойти кругомъ

* Niesiecki, Korona Polska, T. 1 стр. 389.

** Такое преданіе можно допустить по смыслу пѣсни, которую поютъ во время танца Чурылло. См. тутъ же.

Чурыллы, такъ чтобъ онъ не поймалъ дѣвицы; если не поймаетъ, пара становится выше Чурыллы; между тѣмъ продолжаютъ танцовать слѣдующія пары; если же Чурылло не допуститъ пару къ своимъ *границамъ* и поймаетъ дѣвицу, то пойманный парень обязанъ стать на мѣстѣ Чурыллы, а Чурылло съ пойманною дѣвицею становится за границею намѣстника своего, и т. д. Когда пара несется мимо Чурыллы, то, во время пѣнія пѣсни всѣми танцующими, она кричитъ: *чуръ адъ насъ! пусьци насъ!* (Прочь отъ насъ, пусти насъ!)

Очень замѣчательна пѣсня, которую поютъ во время этого танца, пѣсня, какъ кажется, имѣющая значеніе древне-историческое. Вотъ она:

Ой ты Чурылла пане!
 Гдѣ тваё войска стане?
 Гдѣ яго начурышь?
 Якъ ты-зѣ имъ парушишь?
 Ой ты Чурылла, ой ты!
 Куды адъ цябе зыйци?
 — Ой па-падъ межою у присыцѣню
 Да пасѣю я ячменю:
 У мяне ячень уросъ,
 У яго чырвоный калосъ!
     Ой калосъ
     Да уросъ!
 А па ячменю я парусу
 Зѣ войскамъ ворагу на катушу.

(Ой ты, господинъ Чурылло! Гдѣ остановится твое войско? Гдѣ ты назначишь ему мѣсто? Какъ ты съ нимъ выступишь въ походъ? Ой ты Чурылло, ой ты! куда уйти отъ тебя?—Ой, на границѣ двора (или замка, собственно каменной стѣны) я посѣю ячень: у меня ячень выросъ, а на немъ колосъ красный. Ой выросъ колосъ! Вотъ чрезъ этотъ ячень я пройду съ войскомъ на погибель врагу!)

Очень ясно, что здѣсь упоминается о походѣ Чурыллы противъ Турокъ. Нельзя ли отнести эту пѣсню ко времени владычества Монголовъ и грабежей Татаръ въ западной Руси?

Танецъ Чурылло тѣмъ интереснѣе, чѣмъ болѣе паръ танцующихъ.

Казакъ. Казакъ извѣстенъ почти въ цѣлой Россіи, и потому онъ не требуетъ особаго описанія. Но такъ-какъ и этотъ танецъ, подобно

прочимъ общественнымъ, собственно *игрищнымъ* танцамъ въ Бѣлоруссіи, сопровождается припѣвами и пѣснями, то считаю не лишнимъ при-
весть одну изъ пѣсней, которыя поютъ пляшущіе (парни, иногда впро-
чемъ и дѣвицы пляшутъ казака) казакъ и которая, вѣроятно, перешла
въ Бѣлоруссію изъ Малороссіи.

Бхавъ казакъ зъ гары зъ вадою
Гопъ! Гопъ! зъ вадою!
Дай надыбавъ дзѣвчину зъ бандуринаю
Гопъ! Гопъ! зъ бандуринаю!
«Памагай Богъ! Якъ ты маяшся?
Гопъ! Гопъ! якъ ты маяшся?
Да дай жа мнѣ бандурку, што на ёй граешъ,
Гопъ! Гопъ! што на ёй граешъ!»
— А мая бандурка зъ самага золата
Гопъ! Гопъ! зъ самага золата.
Хто на ёй заграе, забяре яго ахвѣта
Гопъ! Гопъ! забяре яго ахвѣта.
А мая бандурка зъ самага серебра
Гопъ! Гопъ! зъ самага серебра.
Хто на ёй заграе, затрасе таго трасца
Гопъ! Гопъ! затрасе таго трасца.
А мая бандурка зъ самой мѣдзи.
Гопъ! Гопъ! зъ самой мѣдзи.
Хто на ёй заграе, незнае бѣды!..
Гопъ! Гопъ! незнае бѣды!..

(Бхалъ козакъ съ горы съ водой. Гопъ! Гопъ съ водой! Да встрѣ-
тилъ онъ дѣвицу съ *бандуриной* (инструментъ въ родѣ гитары или
торбана). «Помогай Богъ! (говоритъ казакъ). Какъ ты можешь? Дай мнѣ
эту бандурку, на которой ты играешь.—(А дѣвица въ отвѣтъ.) О! моя
бандурка изъ чистаго золота; кто на ней съиграеть, того разбереть
охота (веселиться). Моя бандурка изъ чистаго серебра; кто на ней
съиграеть, того схватитъ дрожь (собственно лихорадка). Моя бандурка
вся изъ мѣди: кто на ней съиграеть, тотъ не будетъ знать горя. Гопъ!
Гопъ! не будетъ знать горя!)

О казакъ-танцѣ нужно замѣтить, что его танцуютъ въ Бѣлоруссіи
только въ припадкѣ необыкновеннаго веселья; его нельзя назвать люби-
мымъ народнымъ танцемъ Бѣлорусцевъ.

Чабарашка. Чабарашка не что иное, какъ мазурка съ разными фигурами. Особенность чабарашки та, что ее танцуютъ иногда однѣ дѣвицы безъ мужчинъ, которыя впрочемъ обязаны платить музыкѣ. Этотъ танецъ очень любимый у Бѣлорусцевъ, и его можно встрѣтить на всякомъ игрищѣ, даже на свадьбахъ. Различіе то, что на свадьбахъ чабарашку пляшутъ безъ пѣсень, а на игрищахъ непременно съ пѣснями. Пѣсень этихъ очень много; приведу нѣкоторыя.

I.

За вартми дудка грае
Мене маці не пускае;
Пусьци мене мая маці
За варота пагуляци;
Якъ рыбойка зъ акунцами
Такъ я сабѣ зъ хлапцами.

(За воротами музыка (дуда) играетъ, а меня мать туда не пускаетъ. Позволь мнѣ, матушка, поиграть за воротами: я тамъ буду играть съ парнями, какъ маленькая рыбка съ окунями).

II.

На вѣлицы скрышки граюць,
А мяне маладую не пускаюць;
Пусьци, пусьци мяне, маці
На вулицу пагуляци.
Цѣлу ночку бѣ гуляла,
А завтра дѣ-свѣта бѣ устала.

(На улицѣ на скрипкахъ играютъ, а меня молодую не пускаютъ туда. Позволь, позволь, матушка, мнѣ на улицѣ поиграть; я всю ночь проплясала бы, а завтра съ разсвѣтомъ бы встала).

III.

Пошла (такая-то) у поле жаць
Да забыла хлѣбъ узяць;

Хлѣбъ узяла, серпъ забыла,
 Таки (такая-то) у дома была.
 Ой ба (такая-то) добре жпець,
 Серпа у руку не возьмець;
 А за (такою-то) густый сношь:
 Повна хлопцавъ бы сто копъ.
 Пашла (такая-то) на бураки
 А за ёю усѣ двараки,
 А вакѡманъ изъ пароду:
 «Пачкѡй (такая-то)! куплю мѣду!..»

(Пошла такая-то на поле жать, да забыла хлѣбъ взять; взяла хлѣбъ, а забыла серпъ, ну, и осталась дома. Охъ ужъ (такая-то) хорошо жнетъ: не возьметъ въ руки серпа, а за нею толстый сношь; (не удивительно) у нее множество парней, нажнуть и сто копень! Пошла такая-то за свеклой, а за нею толпа дворчанъ и самъ экономя впереди; (и кричить:) постой, такая-то! Я куплю тебѣ меду)...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чабарашка извѣстна подъ именемъ *шумки*.

Кромѣ описанныхъ танцевъ, на игрищахъ бываютъ и другія менѣе извѣстныя пляски. Изъ нихъ можно указать на *коломыйку*, нѣчто въ родѣ кадрили, потому именно, что этотъ танецъ общеславянскій. Онъ извѣстенъ въ Галиціи, польскихъ губерніяхъ, въ Сербіи, у Словаковъ и въ Венгріи. Вѣроятно потому коломыйку не любятъ танцевать въ Бѣлоруссіи, что этотъ танецъ очень вялъ и даже скучець, а музыка къ нему меланхолическая, заунывная, точно погребальная.

Игрища, какъ сказано выше, продолжаются иногда за полночь. Не смотря на то, участвующіе въ игрищахъ, на другой день встаютъ рано и являются на работу бодрые, какъ будто ничего небывало.

13. ЧАРЫ, ЗАГОВАРИВАНЬЯ, СУЕВѢРЬЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ.

Отрывокъ изъ обширнаго сборника.

Кажется, ни одна полоса громадной Россіи не можетъ похвалиться такимъ обиліемъ народныхъ чаръ, заговариваній, суевѣрій и предрасудковъ, какимъ славилась Бѣлоруссія: въ этомъ отношеніи она по спра-

ведливости можетъ быть названа странною волшебствъ и всякихъ дивъ, которыя потому и имѣютъ археологическое значеніе, что въ устахъ народа облечены какою-то таинственностью, начало и разгадка которой доступна только духамъ невидимымъ. Еслибъ, кажется, возможно было когда-нибудь собрать все эти повѣрья бѣлорусскаго народа, то изъ нихъ составились бы большіе томы, которые бы пригодились въ области изучи отечественной археологіи. Но то какъ много есть еще такихъ, которые считаютъ собраніе подобныхъ памятниковъ народности тратою времени; какъ много встрѣчается и такихъ, которые печатаніе древнихъ преданій, суевѣрій и поговорокъ считаютъ печатаніемъ ничтожныхъ, глупыхъ сказокъ... Миѣ самому не разъ приходилось слышать подобныя сужденія, такъ-что думалось послѣ того: а въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, мой трудъ напрасенъ?.. Но свѣтъ археологіи разгонялъ всякій разъ эту мрачную думу, и я опять продолжалъ трудиться...

Трудно собрать все повѣрья бѣлорусскаго народа, и потому пусть довольствуется читатель тѣмъ, что ему предлагается здѣсь *.

Болѣе всего Бѣлоруссія славилась своими чарами въ самыхъ оригинальныхъ и фантастическихъ видахъ. Нѣтъ деревни, нѣтъ малѣйшаго застѣнка, который бы не имѣлъ своего рода фиглярства и волшебства. Главными хранительницами чаръ считались женщины и по преимуществу женщины старыя, уродливыя, также пожилыя дѣвы. Народъ объясняетъ это по-своему, и можетъ быть на какихъ нибудь данныхъ, сохранившихся отъ пращуровъ. Онъ думаетъ, что первыя чары и всякія колдовства произошли отъ женщины, которая, будучи зла на всехъ мужчинъ за то, что никто изъ нихъ не хотѣлъ обращать на нее вниманія въ слѣдствіе ея безобразія, рѣшилась прибѣгнуть къ помощи нечистой силы. Спознавшись будтобы съ нечистою силою, она получила силу превращаться въ красавицу, въ разныхъ животныхъ и, при помощи подобныхъ превращеній, стала вредить людямъ. Но такъ какъ нечистая сила требовала отъ нее соблазна мужчинъ, то она должна была сообщить тайны своего волшебства и мужчинамъ.

Въ Бѣлоруссіи гораздо болѣе встрѣчалось вѣдьмъ, чѣмъ вѣдьмарей; послѣдніе больше извѣстны подъ именемъ *знахарей*, тогда какъ знахарокъ, напротивъ, очень мало. Но знахари и знахарки въ мнѣніи народа стоятъ ниже вѣдьмъ и вѣдьмарей: это большею частію люди, умѣ-

* Значительная часть мѣологическихъ преданій и повѣрій описана въ журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 1, 4; Прибавл. № 3.

ющіе заговаривать нѣкоторыя болѣзни, залечивать раны посредствомъ извѣстныхъ травъ. Она находится въ сношеніяхъ съ вѣдьмами, тогда-какъ вѣдьмы и вѣдьмари имѣютъ, по понятію народа, непосредственныя сношенія съ нечистыми духами.

Главною вѣдьмою считается Баба-Яга Костяная-Нога, которая упоминается во всѣхъ сказкахъ бѣлорусскихъ и играетъ въ нихъ главную роль могущаго духа. Мѣстомъ пребыванія ея считаютъ *Лысую гору* въ *Кіевѣ*; отсюда мнѣніе, что и всѣ вѣдьмы въ полночь, превращаясь въ совъ, летаютъ туда для совѣщаній съ Ягой. На этомъ основаніи, всякая вѣдьма, колдунья и даже всякая сварливая, злая женщина называется кіевскою вѣдьмою, т. е. имѣющею сношеніе съ Ягой.

Принадлежности каждой вѣдьмы для совершенія чаръ составляютъ: *вегоць* (метла), иготь, клочекъ прядива (кудели) и *ажогъ*, т. е. небольшая палка или кій, съ обожженнымъ концомъ, замѣняющій въ бѣлорусскомъ простонародьи кочергу. Назначеніе *вегтя* есть то, что вѣдьма съ помощію его можетъ испортить только-что выдоенное молоко коровѣе, выгнать *ужей* и *гадюкъ* (безвредныя змѣи) изъ домовъ, гдѣ они любятъ плодиться и тѣмъ приносить счастье извѣстному семьянину, — *закалять* (дѣлать закаль, отвердѣлость подъ нижнею коркой) хлѣбъ и т. д. Для всего этого вѣдьмѣ не нужно превращаться въ то или другое животное, стоить только подумать что-нибудь, шепнуть какія-то таинственныя слова и нѣсколько разъ плюнуть на вегоць. На *иготи* вѣдьмы летаютъ по воздуху и иногда отправляются на Лысую гору. Изъ клочка *кудели* вѣдьма или чаровница можетъ выпрясть такую длинную и тоненькую нитку, что ею обвивается какъ сѣтью; сдѣлавшись невидимою при помощи этой сѣти, она отправляется на пастбища и въ хлѣва и тамъ выдаиваетъ у коровъ молоко, или же захватываетъ *цудилки* (полотенце, сквозь которое процеживаютъ свѣжее молоко), изъ которыхъ тоже дѣлаетъ какое-нибудь употребленіе. Въмѣсто кочерги, бѣлорусцы назначаютъ чаровницамъ *ажогъ*. Ажогъ очень важенъ для совершенія чаръ. Съ нимъ вѣдьма непобѣдима даже въ борьбѣ съ нечистымъ духомъ: такъ думаетъ народъ, для подтвержденія чего сохранилъ преданіе о силѣ ажога. Говорятъ, будто чаровница-баба когда-то вызвала *нечистика* (нечистаго духа) на борьбу (побороться). Борющихся раздѣлялъ небольшой заборъ-плетень изъ вербъ. Рѣшено было каждому выбрать любое оружіе: чаровница выбрала *ажогъ*, а нечистикъ—вилы. Нечистикъ первый бросился на чаровницу, но его вилы завязли въ плѣтнѣ; пользуясь этимъ положеніемъ противника, чаровница просунула

ажогъ сквозъ плетень и такъ уходила нечистика, что тотъ долженъ былъ уйти со стыдомъ. Есть еще иное назначеніе ажога. На немъ вѣдмы могутъ ѣздить по верхушкамъ деревъ и высокихъ зданій.

До сихъ поръ говорено было о вѣдмахъ, собственно получившихъ силу отъ нечистыхъ духовъ или Бабы-Яги, съ которыми онѣ бывали въ связи. Но кромѣ этихъ вѣдмъ, по понятію народа, есть еще такія, которыя случайно какъ нибудь доходятъ до чаръ и всякаго колдованія.

За то эти чаровницы не имѣютъ такой силы и дара невидимости, какими владѣютъ вышеописанныя. Вотъ забавное преданіе объ одной изъ нихъ. Одинъ паробокъ (слуга), подмѣтивъ, какъ старуха-хозяйка его, обмочивъ средній палецъ въ какую-то жидкость, превратилась въ рапуху (лягушка) и вмѣстѣ съ прочими подобными ей вѣдмами собиралась отправиться на иготи на Лысую-Гору, вздумалъ побывать на этой же горѣ въ одно время съ своею хозяйкой; для этого онъ обмочилъ свой средній палецъ въ ту же массу и, запрятавшись въ иготь въ видѣ кошки, очутился на Лысой-горѣ. Тамъ Баба-Яга узнала объ этомъ и не допустила къ своему сборищу такую недалновидную чаровницу.

Вѣдмы чаровницы и даже знахарки владѣли безчисленными тайнами чародѣйства и заговариваній. Вотъ описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ—изъ устъ народа.

Чаровница можетъ приворожить парней къ любой дѣвицѣ: для этого она даетъ дѣвицѣ какую-то косточку нетопыря и велеть имъ колоть ею парня въ то мѣсто, гдѣ сердце; послѣ чего будто парень не отстанетъ отъ этой дѣвицы.

Чтобъ сдѣлаться невидимымъ, для этого нужно найти гнѣздо съ воронятами и привязать ихъ проволокою къ дереву, такъ чтобъ старыя вороны не могли освободить своихъ дѣтей отъ такой неволи. Для избѣжанія гибели воронятъ, вороны на другой-же день приносятъ въ гнѣздо какой-то черный камушекъ, который дѣлаетъ невидимымъ того, кто постоянно носить его съ собою.

Чтобъ вызвать дождь, бросаютъ въ колодезь макъ. А чтобъ разогнать тучи или остановить дождь, для этого объѣзжаютъ три раза вокругъ дома на деревянной лопатѣ.

Если хотять, чтобъ звѣри и всякая дичь сами бѣжали и летѣли на охотника, то обкуриваютъ ружье дымомъ отъ головни. Если-же ружье *живитъ*, то дуло обмываютъ водою, въ которой растворяютъ тѣсто, и заговариваютъ слѣдующими словами: *адгавариваюца уроки, радасныя и зависныя, и зъ радасьци и зъ зависьци и мужчинскіе*

и жаноцкіе и дѣвичія и малыхъ дзяцей и сустречныхъ и попережныхъ и жадныхъ поглядавъ. (Отчаровывается, т. е. заговаривается, всякая порча и сглазенье, радостныя и завистливыя, мужскія и женскія, дѣвичьи и дѣтскія, всѣхъ встрѣчныхъ и попережныхъ подь какимъ-бы то ни было видомъ).

Чтобъ добыть денегъ, для этого нужно поймать летучую мышъ (кажана) и закупорить въ какой угодно ящикъ съ безчисленными дырочками; въ такомъ видѣ оставить тамъ на тринадцать дней; послѣ чего въ ящикѣ, вмѣсто мыши явятся деньги.—Это повѣрье такъ общеупотребительно въ Бѣлоруссіи, что его знаютъ почти всѣ дѣти, и хотя на дѣлѣ убѣдились, что въ ящикѣ никогда не оказывалось денегъ, но все таки не перестаютъ вѣрить въ эти чары.

Чтобъ курей и особенно цыплятъ не хватали хищныя птицы, для этого окуриваютъ ихъ порохомъ или же садятъ *квоктухъ* (курицы, сидящія на яйцахъ и квокчущія) на гнѣздахъ, устланныхъ вороньими перьями.

Конвульсіи у дѣтей считаются навожденіемъ злого духа, и потому страдающихъ конвульсіями дѣтей окуриваютъ травою, извѣстною подь названіемъ: *каткѣ*.

Если курица поестъ пѣтухомъ, то думаютъ, что въ ней поселился нечистый духъ; для изгнанія его, знахарки, связавъ несчастную птицу, бросаютъ ее отъ одного порога къ другому: если курица очутится у втораго порога хвостомъ, то вѣрятъ, что нечистика можно изгнать посредствомъ отсѣченія у курицы хвоста; если-же головою, то это значить, что курица неизлечима, и нечистую силу изъ нее можно изгнать отсѣченіемъ головы, что и дѣлають.

Есть средства чародѣйскія (очевидно не вѣрныя) для отпиранія замковъ безъ ключей, именно посредствомъ какого-то *земля* (травы), которымъ питается дятель. Для этого, говорятъ, стоитъ только огородить его гнѣздо съ яйцами осиновыми прутиками, и онъ на другой-же день принесетъ траву, которая имѣетъ силу уничтожать всѣ ограды *.

Чаровницы учатъ также, что можно добыть кладъ при помощи *золотыхъ пожекъ предводителя ужей*, т. е. самаго старшаго ужа. Для этого вотъ что нужно сдѣлать. Въ день 24 іюня, когда всѣ змѣи собираются къ своему старшинѣ, нужно подмѣтить, какъ бу-

* Что, еслибъ англичане знали про этотъ бѣлорусскій секретъ? вѣроятно, при помощи паровъ, пустили-бы его въ ходъ! То-то бы досталось русскимъ крѣпостямъ и оградямъ!... Безъ ключей отворили-бы *замокъ кронштадскій!*..

детъ ползти самъ старшій, и разостлатъ предъ нимъ бѣлый платокъ. За такую честь старшина обтираетъ золотыя свои ножки о платокъ; съ этимъ платкомъ и можно отыскивать клады.

Не менѣ чаръ найдете въ Бѣлоруссіи предрасудковъ и суевѣрій. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились отъ язычества. Привожу здѣсь болѣе интересныя, имѣющія значеніе въ археологическомъ отношеніи.

— Накзунѣ Купалы собираютъ цвѣты, извѣстные подъ именемъ *купалокъ*; всякъ прячетъ отдѣльно собранныя имъ купалки и ожидаетъ, разцвѣтетъ—ли распуколка его купалки или нѣтъ? Если вовсе не разцвѣтетъ, то вѣрятъ, что скоро умретъ этотъ человекъ.

Думаютъ, что молоко у коровъ высасываютъ змѣи и лягушки, посланные вѣдьмами или чаровницами. Утверждаютъ, что эти змѣи являются возлѣ домовъ на другой день Купалы. Нѣкоторые опровергаютъ это тѣмъ предположеніемъ, что змѣи потому выходятъ изъ своихъ болотистыхъ логовищъ въ этотъ день, что въ это время года въ болотахъ цвѣтетъ ненавистное имъ растеніе, извѣстное подъ именемъ: *Парыла*. Какъ-бы то нибыло, но дѣйствительно въ то время, когда разцвѣтаетъ трава *смолка*, коровы меньше даютъ молока, для предотвращения чего хозяйки кормятъ коровъ такъ называемою травой *божіе кресло*.

Старики неохотно переносятся въ новопостроенныя дома, въ слѣдствіе того убѣжденія, что новый домъ *укоротитъ* старый ихъ вѣкъ.

Замѣчательно, что всемъ почти котамъ, (но не кошкамъ), особенно чернымъ, отсѣкаютъ хвосты, думая, что въ хвостахъ—ихъ гаятся нечистая сила.

Никогда не жгутъ той колоды, на которой рубятъ дрова, потому что считаютъ эту колоду орудіемъ чаровницъ и вѣдьмъ. Если неосторожная мать приспитъ свое дитя, то причиною этого несчастія полагаютъ то, что будто-бы вѣдьмы подложили подъ кровать спавшей эту колоду.

Посѣщая мертвеца, стараются смотрѣть ему не въ глаза, а на ноги, думая, что въ такомъ только случаѣ онъ не приснится. Чтобъ облегчить старанія умирающаго, обмываютъ его грудь водою, поданною чрезъ окошко или же обкуриваютъ сквозь рѣшето липовымъ цвѣтомъ.

При досматриваніи пчелъ, не позволяютъ постороннимъ глазѣтъ на улья сквозь заборы; въ противномъ случаѣ, говорятъ, пчелы сильно кусаютъ бартниковъ. Если пчелы уходятъ, то бѣгущіе за ними постоянно присѣдаютъ и даже припадаютъ къ землѣ, думая, что отъ этого и пчелы осядутъ на землю.

Если гость приходит на короткое время, хозяинъ проситъ его садиться, чтобъ пчелы сядились въ ульяхъ.

Если какая-нибудь скотина заблудится въ лѣсу, то вколачиваютъ топоръ надъ дверьми дома, думая, что послѣ этого она возвратится, если только не попадется въ зубы какому нибудь хищному звѣрю.

Если волкъ ранитъ какое-нибудь домашнее животное, то непременно когда нибудь задушитъ его: такое животное называютъ намѣченнымъ (наслоненнымъ).

Если хотять растить, для расплоду, купленного теленка, то его обливаютъ водой, растворомъ солью.

Думаютъ, что нехорошо давать что нибудь даромъ для расплода или заведенія въ домъ: чрезъ это теряетъ дающій; по этому хоть кофѣйку да берутъ за дареную для размноженія животину.

Не позволяютъ оставлять въ иготи пестикъ, толкушку или въ макотерѣ (глиняная посуда, въ которой толкутъ макъ) *млао*, въ противномъ случаѣ свиньи не будутъ водиться.

Новорожденнымъ дѣтямъ не дѣлаютъ рубашечекъ изъ новаго полотна, чтобъ они, выросши, не рвали скоро бѣлья.

На Крещеніе не ѣдятъ *предъ дымомъ*. То есть, до вечера не топятъ въ печи и ничего не готовятъ изъ съѣтнаго. Вечеромъ же, сѣвши за столъ, хозяинъ бросаетъ зерна ржи на всѣ четыре стороны комнаты, и потомъ уже приглашаетъ свое семейство кушать. Покушавъ, хозяинъ съ сыновьями выходитъ на дворъ съ зажженною лучиной и замѣчаетъ, въ какую сторону бросается пламя. Вѣрять, въ какую сторону бросается пламя, оттуда лѣтомъ прилетятъ рой пчелъ; почему и улья весною приготавливаютъ по направленію къ этой сторонѣ.

Въ новый годъ, вечеромъ, дѣвицы пекутъ большой блинъ и съ нимъ отправляются на скотный дворъ, гдѣ каждая изъ дѣвицъ, закрывъ глаза, раздастъ по кусочку блина скотинѣ; если дастъ блинъ волу, то, думаютъ, выйдетъ замужъ въ томъ году, если-же коровѣ, то не выйдетъ.

Беременные женщины не посѣщаютъ родильницъ, опасаясь, чтобъ отъ этого ихъ будущее дитя не родилось уродомъ.

Въ день 40 мучениковъ, дѣвицы, приплясывая переламываютъ сорокъ досокъ и разрываютъ сорокъ небольшихъ веревочекъ или шнурковъ.

Въ день Великомученицы Варвары пекутъ изъ пшеничнаго тѣста

разныя изображенія головъ, роговъ, ногъ, копытъ и ушей, и кормятъ ими скотину, которая будто-бы отъ этого лучше плодится и водится.

Если какой-нибудь хозяинъ бросаетъ свой домъ и станетъ *волочить-ся*, какъ бобыль, то родные его даютъ *на позвонъ* (названы), думая, что отъ этого онъ образумится и возвратится къ своей семьѣ.

Очень интересно заговариваніе бѣлорусскихъ знахарей и знахарокъ отъ боли зубовъ.

Ведутъ больного на перекрестокъ, и обратившись лицомъ къ новому мѣсяцу (молодику) ведутъ съ нимъ (т. е. съ мѣсяцемъ) слѣдующій разговоръ:

Знахарь: Новы, новы мѣсячку!

Чы ты бы въ на небечку?

Мѣсяцъ: Бывъ

И неразъ бывъ.

Знахарь: А чы есть же люди тамъ?

Мѣсяцъ: Есть! Я бачыхъ ихъ самъ.

Знахарь: Чы баляць ихъ зубы?

Мѣсяцъ: Не! мой любый.

Знахарь (обращаясь къ больному.) Нехайже и табѣ небаяць,

А якъ у ихъ сѣдзяць.

Къ числу предразсудковъ бѣлорусцевъ слѣдуетъ отнести и ворожбу или гаданье. Больше всего занимаются гаданьями дѣвицы, мечтающія о женихахъ.

Такъ, чтобъ угодать, кто будетъ ея мужемъ, дѣвица отправляется на перекрестныя дороги, и связавъ букетъ розъ, вынимаетъ изъ него розы по парѣ, приговаривая: *недзпяля зъ панедзплкамъ, панедзплакъ за вторкамъ* (воскресеніе съ понедѣльникомъ, понедѣльникъ со вторникомъ) и т. д., наконецъ, дойдя до субботы, говоритъ: *субота адна и я адна*. Затѣмъ возвращается домой въ полной надеждѣ, что ей приснится женихъ. А сны очень важную роль играютъ при гаданьи или ворожбѣ.

Если кукушка кукуетъ близъ дома, то это значить, что она предвѣщаетъ какое-нибудь несчастье. По числу ея кукованій гадаютъ, кто сколько лѣтъ проживетъ, или когда дѣвица выйдетъ за мужъ. Кто услышитъ голосъ кукушки на тощакъ, тотъ весь годъ будетъ голодать; а кто имѣетъ при себѣ деньги на ту пору, тотъ будетъ имѣть деньги цѣлый годъ.

Кстати, говоря о кукушкѣ, приведу преданіе о ея кукованіи. Когда-то жила на свѣтѣ богатая княгиня, у которой была красавица дочь. Почему-то вздумалось княгинѣ выдать свою дочь за какого-то старика. Долго дочь противилась волѣ матери: умоляла, заклинала она мать въсѣмъ свѣтомъ невыдавать ее за старика, но когда никакія мольбы не могли преклонить княгиню, то дочь рѣшилась наконецъ назначить день брака. Назначенный день насталъ; гости собрались, женихъ явился въ нарядномъ платьѣ; хватились—княжны молодой не было. Мать стала искать ее по всѣмъ комнатамъ; наконецъ пошла въ садъ, стала звать ее по имени, но княжны не было, и только въ отвѣтъ на зовъ княгини, раздался по саду какой-то странный хохотъ. Тутъ княгиня озлилась и, въ припадкѣ гнѣва прокляла свою дочь слѣдующими словами: такъ прячься жъ навсегда и откликайся вѣчно хохотомъ. Съ этихъ поръ княжна превратилась въ птицу и стала *куковать* (т. е. откликаться хохотомъ.)

Падающая звѣзда означаетъ предсмертный вздохъ какого-нибудь человѣка.

Если жеребенокъ или теленокъ играютъ при закатѣ солнца, то непременно ихъ задушитъ волкъ въ ту же ночь.

Если одно и тоже слово скажутъ вмѣстѣ два человѣка, то изъ этого заключаютъ о прибытіи гостя-лгуна.

Впрочемъ обо всѣхъ этихъ ворожбахъ и гаданьяхъ нужно замѣтить, что онѣ суть только остатки прежнихъ вѣрованій и въ настоящее время поддерживаются больше для забавъ, чѣмъ для выраженія вѣры въ нихъ. Самъ даже народъ иногда смѣется надъ тѣми, которые слѣпо вѣрятъ имъ и видятъ въ нихъ осуществленіе своихъ надеждъ, желаній и предположеній. Есть даже присказка по этому случаю. Если кто нибудь, на основаніи извѣстной примѣты, гадаетъ объ исполненіи какого нибудь предположенія, то шуточно замѣчаютъ:

Бавки казу зѣли:

Ба ѣсци хацѣли.

Асталися роги
И чатыры ноги.
Баба варажила:
Будзецъ каза жива..

(Волки съѣли козу, потому что голодны были. Осталпсь отъ козы рога да четыре ноги. Старуха ворожила, что коза будетъ жива.)

Въ послѣднихъ словахъ ясно говорится въ тонѣ насмѣшки на счетъ ворожбы или гаданья.

ПИСЬМА ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ. *

Н. П. МУНДТА.

Зальцбургъ $\frac{2}{11}$ Июля 1854 года.

Я располагалъ пробить въ Дрезденѣ не болѣе одного дня, а прожилъ шесть. Изъ всѣхъ городовъ Германіи Дрезденъ имѣетъ какую-то особенную прелесть; онъ нравится мнѣ и своими узкими улицами, и пяти-этажными домами, почеркнѣвшими отъ времени, и Цвингеромъ съ его прекрасными садами, и Эльбою и наконецъ очаровательною Брюлевскою терассою. Я люблю его жителей добрыхъ, простодушныхъ, въ которыхъ нѣтъ ни жеманства, ни излишней самонадѣянности, какъ у почтенныхъ ихъ сосѣдей берлинцевъ. Однимъ словомъ, Дрезденъ чудный, патриархальный уголокъ Германіи, и вотъ почему всегда такъ трудно разстаться съ нимъ, когда однажды въ него попадешь.

Первый визитъ мой былъ къ почтенному доктору Оксу, который послѣ двадцати-лѣтняго пребыванія у насъ въ Петербургѣ, переселился на родину въ Саксонію; онъ обрадовался мнѣ какъ брату, распрашивалъ о своихъ петербургскихъ знакомыхъ и говорилъ, что хотя тихая дрезденская жизнь очень ему нравится, но что онъ часто вспоминаетъ о Петербургѣ, увѣряя, что нигдѣ нельзя жить лучше и пріятнѣе, какъ въ Россіи. Это слышу я ужъ не отъ перваго изъ иностранцевъ, знакомыхъ съ нашею Русью: года два тому мнѣ говорили тоже самое въ Парижѣ многіе французы, искренно вздыхавшіе о Петербургѣ. Отъ Окса я отправился въ галерею взглянуть на Сикстинскую мадону и

* Къ С. А. Мосолову, въ Тамбовѣ.

во всё шесть дней, которые пробылъ въ Дрезденѣ, каждое утро просиживалъ по нѣскольку минутъ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ красуется этотъ перлъ Рафаэля. Я видѣлъ много картинъ, видѣлъ всё лучшія европейскія галереи, но никогда и нигдѣ не чувствовалъ того, что чувствую, смотря на это дивное изображеніе Богоматери и Предвѣчнаго младенца! По моему мнѣнію, это первая картина, и съ нею не могутъ сравниться ни *Maddona della Sedia* во Флоренціи, ни *Maddona Foligno* въ Римѣ, ни даже *вознесеніе Божіей матери* Мурильо, купленное недавно французскимъ правительствомъ изъ галереи маршала Сульта и находящееся теперь въ Луврѣ. Не понимаю, какимъ образомъ папы могли выпустить это сокровище изъ Рима?

Какъ ни жаль было мнѣ разстаться съ Дрезденомъ, но время летѣло, я долженъ былъ спѣшить въ Гастейнъ, куда меня отправили пetersбургскіе и берлинскіе врачи. И такъ, въ половинѣ шестаго часа утра былъ я на станціи желѣзной дороги, взялъ второе мѣсто до Нюрнберга, и лишь только пробило шесть, поѣздъ двинулся и полетѣлъ къ Лейпцигу. Въ Германіи вторыя мѣста также комфортабельны, также покойны и даже роскошны, какъ и первыя. Кареты первыхъ мѣстъ почти всегда пусты и ихъ очень немного; тамъ только изрѣдка увидишь какую нибудь длинную фигуру англичанина съ его леди и полудожинию молодыхъ, блѣднлицыхъ миссъ, или какихъ нибудь германскихъ принцевъ да русскихъ бояръ; весь остальной путешествующій людъ занимаетъ обыкновенно мѣста втораго класса и большею частью третьяго.

Какъ записной курильщикъ, я помѣстился въ *Rauch-Coupe*; товарищами моими были какіе-то два молодые франта; у одного изъ нихъ рыжіе усы торчали вершка на три отъ носа, а у другаго густая черная борода и такіе же бакенбарды закрывали почти все лицо; рядомъ съ ними помѣстился сѣдой старичекъ, маленькій, худенькій, остроносый, нѣмецъ въ полномъ смыслѣ слова, а противъ него его дражайшая половина, фрау Кунигунда, какъ онъ называлъ ее. Эта старая Кунигунда могла бы безъ затрудненія спрятать своего супруга въ карманъ своей широкой юбки—она, конечно, была вчетверо толще и вдвое выше его и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ. Всё, разумѣется, кромѣ фрау Кунигунды, закурили сигары, но какія сигары? Какъ я ни привыкъ ко всякому табачному дыму, но у меня не достало силъ выдержать убійственный ароматъ, распространившійся въ вагонѣ, и я предложилъ попробовать мои сигары. Нѣмцы безъ отговорокъ взяли отъ меня по сигарѣ, но вообразите мой ужасъ: они никакъ не хотѣли оставить своихъ до тѣхъ поръ, пока не докурили даже до самаго нельзя, и тогда уже принялись за мои. Нѣмецъ человекъ расчетливый, и хотя сигара

его стоитъ одинъ пфенингъ, но онъ ни за что не броситъ ее, хотя бы ему предложили лучшую гаванскую. Нечего было дѣлать, я вооружился терпѣніемъ, опустилъ окно и высунулъ голову изъ вагона. Вообще я замѣтилъ въ Германіи большую переменъ; еще за три года почти все курили трубки, красивыя фарфоровыя, съ каротенькими, тоненькими чубуками, съ разными хитрыми изображеніями, какъ на примѣръ: Фауста съ Фаргаритой, Мефистофеля, старика Фрица, усатаго Блюхера; трубки эти, по нѣмецкому обычаю, могли куриться часа по два, потому что нѣмцы не затягиваются, какъ мы. Теперь эти чудесныя трубки, распространявшія пріятный запахъ табаку Drei Koenig и Mond und Sonne совершенный анахронизмъ, они рѣшительно исчезли и ихъ замѣнили убійственныя сигары, отъ которыхъ закружится хоть какая нѣмецкая голова.

Во весь путь до Лейпцига мои нѣмцы толковали безъ умолку о политикѣ: всехъ крайне занималъ восточный вопросъ, и какъ имъ ни хотѣлось впутать меня въ разговоръ, но я ограничивался только киваніемъ головы и односложными *да* и *нѣтъ*. Наконецъ мы долетѣли до Лейпцига; тутъ надобно было дожидаться часа два поѣзда, отправлявшагося до Гофа, и я воспользовался этимъ, чтобъ побродить по городу и освѣжиться отъ заданнаго мнѣ угощенія нѣмецкими сигарами.

Кто не знаетъ Лейпцига?.. Кто не бывалъ въ немъ или, по крайней мѣрѣ, кто не слыхалъ о немъ? Я не нашелъ въ немъ никакой переменъ: все обстояло по старому; дома, улицы, сады были на тѣхъ же мѣстахъ, не было только добраго Германа въ Ауербахскомъ погребѣ: онъ переселился къ праотцамъ, и теперь уже нѣкому рассказывать такъ оригинально и такъ простоудно легенду о Фаустѣ. Вздохнувъ о добромъ старичкѣ, я побрелъ къ желѣзной дорогѣ, и минутъ черезъ десять тащился по направленію къ Гофу; я говорю тащился, потому что поѣздъ этотъ былъ товарный, и мы едва ли дѣлали въ часъ по 15 веретъ. Къ счастью, я былъ въ вагонѣ одинъ. Мы миновали красивый Алтенбургъ съ его стариннымъ замкомъ и еще нѣсколько маленькихъ городовъ. По сторонамъ тянулись однообразно пашни; почти весь хлѣбъ на нихъ былъ побитъ градомъ, и жалко было смотрѣть на придавленную, погибшую рожь. Мы были въ Баваріи; синіе кондукторы смѣнились красными; поѣздъ двигался еще медленнѣе; скоро сонъ одолѣлъ меня и я не видалъ Гофа. На развѣтѣ третьяго дня показались вдали башни Нюрнберга, въ семь часовъ утра мы были уже на мѣстѣ. Изъ всехъ городовъ, которые мнѣ случилось видѣть, только два — Нюрнбергъ и нашъ Ревель носятъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ среднихъ вѣковъ; въѣзжая въ нихъ, вамъ кажется, что вы не въ XIX а въ XIV столѣ-

тин; особенно Нюрнбергъ: тамъ все переноситъ васъ къ временамъ давноминувшимъ; вамъ такъ и кажется, что изъ-за угла какой нибудь улицы выйдетъ къ вамъ навстрѣчу средневѣковая процессія цеховъ, или важный бургомистръ въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ, или какой нибудь закованный въ желѣзо рыцарь. Въ Нюрнбергѣ настоящему народонаселенію съ его нынѣшними костюмами какъ-то неловко: тамъ все—церкви, дома, фонтаны, улицы, мосты говорятъ о среднихъ вѣкахъ; вамъ самимъ какъ-то совѣстно входить въ ратушу Дюрера въ вашемъ прозаическомъ пальто. А какъ дивно хороша церковь св. Себальда! Какъ смѣло взбѣжали къ небесамъ ея стрѣльчатые своды, украшенные по бокамъ каменными кружевами! Какъ цвѣтиста живопись на стеклахъ оконъ: кажется будто она вчера только кончена, а ей болѣе 500 лѣтъ! Церковь эта принадлежитъ къ немногимъ чисто готическимъ; въ ней нѣтъ смѣшенія вкусовъ саксонскаго, романскаго и готическаго, какъ въ большей части церквей Германіи, Бельгіи и Франціи, и какъ это мы видимъ даже въ церкви Парижской Богоматери. Надобно также сказать, что эта церковь пострадала меньше другихъ отъ разныхъ передѣлокъ и украшеній позднѣйшихъ архитекторовъ, которые не постигая всего величія средневѣковыхъ построекъ, украшали ихъ своими добавленіями, совершенно противными духу и характеру самаго зданія. Только одно время положило на эту церковь могучую печать свою и украсило ее мрачнымъ цвѣтомъ вѣковъ, который придаетъ памятникамъ столько поэзіи и величія. Проведя въ этой церкви около часа, я отправился въ ратушу, другой памятникъ среднихъ вѣковъ, величавый и мрачный, какъ самые эти вѣка. Въ большой залѣ его, называемой *судейской*, (*Der Ritter-Saal*), стѣны покрыты фресками Албрехта Дюрера и другихъ старинныхъ живописцевъ, изображающими различные роды казней, и въ числѣ ихъ есть также гильотина, подъ которой подписанъ 1538 годъ—новое доказательство, что подъ луною нѣтъ ничего новаго, и что не французы выдумали эту, какъ они называютъ, филантропическую машину. Бродя по узкимъ, извилистымъ улицамъ города, я невольно переносился мыслію къ тому времени, когда Нюрнбергъ славился промышленностью и ремеслами, когда его бюргеры могли поспорить богатствомъ съ владѣтельными князьями, и когда сюда со всѣхъ концовъ міра стекались тысячи путешественниковъ и кушцовъ. Лучшими серебряными издѣліями, филогравовыми работами почитались Нюрнбергскія; здѣсь покупали золотыя цѣпи, ожерелья, браслеты, кольца, тысячи мелкихъ серебряныхъ бездѣлокъ, отличавшихся прекрасною работою и вкусомъ. Теперь все это из-

мѣнилось; Нюрнбергъ утратилъ прежнюю свою знаменитость; теперь только игрушками и пряниками славится онъ еще въ Германіи.

Изъ Нюрнберга поѣздъ помчался къ Мюнхену, куда мы пріѣхали около четырехъ часовъ по полудни.

Мюнхенъ называютъ новыми Аѳинами, и онъ дѣйствительно заслуживаетъ это названіе: чего тамъ нѣтъ? Картинныя галереи, статуи, пинакотеки, бібліотеки, собранія монетъ, фрески; но все это было столько разъ описано, что повторять сказанное было бы скучно. Зная хорошо Мюнхенъ, гдѣ въ прежнія мои поѣздки я жилъ довольно долго, я пошелъ только взглянуть на новую колоссальную статую Баваріи, которая, сказать правду, есть подражаніе статуѣ Карла Баромейскаго въ Аронѣ, и уступаетъ ей въ огромности. На утро, взявъ мѣсто въ почтовой каретѣ, я былъ уже на другой день въ Зальцбургѣ. Зальцбургъ очарователенъ своею мѣстностью; горы окружаютъ его со всѣхъ сторонъ; отсюда начинаются тирольскія Альпы, придающія столько прелести этому древнему епископскому городу, съ его стариннымъ, на высокой скалѣ замкомъ, и влекутъ къ нему толпы путешественниковъ всѣхъ націй; но эти горы, столь живописныя, причина безпрестанныхъ дождей. Миѣ довелось быть въ Зальцбургѣ три раза, въ разныя времена года, и каждый разъ проливной дождь мѣшалъ миѣ осмотрѣть прекрасныя его окрестности. Какой-то шутникъ не даромъ сказалъ, что въ Зальцбургѣ 20,000 жителей и 40,000 зонтиковъ. Рассказываютъ анекдотъ про одного англичанина-туриста, который пріѣзжалъ въ Зальцбургъ одиннадцать разъ, и всегда дождь не позволялъ ему выйти на улицу; англичанинъ съ досадою вернулся во-свои, и черезъ 20 лѣтъ послалъ нарочно своего сына въ Зальцбургъ, посмотрѣть все ли идетъ тамъ дождь? Сынъ донесъ ему, что дождь не переставалъ идти со времени выѣзда родителя изъ мокраго города, и благородный Джонъ Буль умеръ въ полномъ убѣжденіи, что есть на землѣ мѣсто, гдѣ дождь никогда не прекращается. На этотъ разъ миѣ посчастливилось: день былъ чудесный, и я вполне могъ насладиться прогулкой. Надобно было видѣть, съ какою радостью толпа туристовъ высыпала на улицы изъ всѣхъ трактировъ; всюду составлялись веселыя поѣздки, одни собирались въ Галейнъ осмотрѣть соляныя копи, другіе на Королевское озеро König-See, третьи на Капучинскую гору; городъ оживился, всѣ были веселы и счастливы. На бѣду нашу, часу во второмъ полилъ дождь; зонтики зашептели, все побѣжало домой, только тѣ, которые отправились въ дальнія прогулки, не могли сдѣлать того же, и возвратились уже поздно вечеромъ, промокши до костей. — Зальцбургъ отличается еще одною особенностью: нигдѣ трактирщики не грабятъ такъ путешественниковъ, какъ тамъ; надобно

непремѣнно заранѣе условиться во всемъ, а не то вы не досчитаетесь многихъ гульденовъ, которые можно бы употребить гораздо лучше; такъ же опасно прїѣзжать въ Зальцбургъ съ иностранною монетою; непремѣнно надо запастись австрійскими гульденами, и все вы будете въ страшномъ убыткѣ.

Гастейнъ $\frac{28 \text{ іюля}}{9 \text{ августа}}$ 1854.

Вотъ уже третья недѣля, какъ я въ Гастейнѣ, и до сихъ поръ не могу еще налюбоваться имъ. Надобно видѣть его, чтобъ понять всю дикую красоту этого очаровательнаго уголка, заброшеннаго въ ущелье высокихъ альповъ, которые сторожатъ его, какъ великаны. Трудна дорога въ Гастейнъ, даже не совсѣмъ безопасна, особенно въ узкомъ ущельѣ, называемомъ Passklamm, гдѣ весьма часто скатываются огромныя лавины, увлекающія на пути своемъ все, что имъ не встрѣтится; но за то трудъ и опасности съ избыткомъ вознаграждаются видомъ гигантскихъ горъ, страшныхъ скалъ, съ развалинами старинныхъ замковъ, чудной роскошной растительностью долинъ и наконецъ великолѣпнымъ, страшнымъ въ своемъ величіи, Гастейнскимъ водопадомъ, котораго ревъ слышится уже за полверсты. Ничего прекраснѣе этого водопада не видалъ я; вообразите себѣ массу воды, которая съ высоты 670 футовъ падаетъ четырьмя уступами, широкою полосою; брызги отъ паденія, поднимаются сажень на 30 и орошаютъ все вокругъ своею влажною пылью; вѣчно неумолкаемый шумъ, или лучше сказать ревъ этого водопада оглушительнъ, и многіе больные потому только предпочитаютъ Гофъ-Гастейнъ, лежащій въ долинѣ, въ одной милѣ отъ настоящаго Гастейна, называемаго Вилдбадомъ, гдѣ собственно начало цѣлебныхъ источниковъ, что здѣсь безпрестанный шумъ водопада не даетъ имъ покоя.

Вилдбадъ-Гастейнъ возвышается надъ уровнемъ моря на 3200 ф.; преданіе говоритъ, что здѣсь еще въ 696 году была небольшая часовня, въ память св. Примаса и Фелиціана, а въ 1122 году сооружена первая церковь. Нынешняя церковь, единственная, которая есть въ Гастейнѣ, начата постройкою въ концѣ XVII вѣка и освящена въ 1706 году зальцбургскимъ епископомъ Сигизмундомъ-Карломъ. Въ Гастейнѣ кромѣ императорскаго замка, прекрасной гостиницы Штраубингера, загороднаго дома Эрцгерцога Іоанна, другаго такого же дома принца Рогана, называемаго Solitude, трактировъ Bellvue и Goldner Hirsch можно насчитать еще десятка два домовъ и хижинъ—вотъ и все мѣстечко. Но какъ оно красиво, какъ живописно прилепились къ горамъ эти до-

мики и хижины, какая дивная мѣстность окружаетъ все это; какъ легко, прозраченъ и здоровъ воздухъ, которымъ вы дышите! Изъ всего сказаннаго вы видите, что Вилдбадъ-Гастейнъ не можетъ сравниться съ другими знаменитыми германскими водами Баденъ-Баденомъ, Гомбургомъ, Карлсбадомъ, Киссингеномъ, и проч. и проч. куда съѣзжается такое множество больныхъ, а еще болѣе здоровыхъ, чтобъ повеселиться, а главное поиграть въ trente и quarante и въ рулетку. Въ Гастейнъ, гдѣ нѣтъ ни удобствъ помѣщенія, ни прихотливаго стола, ни баловъ, ни игры, ѣдутъ одни истинно больные, и конечно, изъ ста человѣкъ заѣзжавшихъ туда, 95 благословляютъ этотъ отдаленный уголокъ, возвратившій имъ здоровье, или по-крайней-мѣрѣ значительно облегчившій ихъ страданія. Почти все прїѣзжающіе въ Гастейнъ помѣщаются обыкновенно въ гостиницѣ Штраубингера, и только тѣ, которые не найдутъ тамъ мѣста, расходятся по другимъ домамъ и хижинамъ. Штраубингера называютъ княземъ Гастейна; дѣйствительно, тамъ почти все принадлежитъ ему: лучшіе дома, огромная гостиница, мельницы, ванны, множество фермъ, разбросанныхъ въ долину и по горамъ, огромныя стада. Фамилія Штраубингеровъ извѣстна въ Гастейнѣ съ XI вѣка, и не смотря на то, Штраубингеръ также усердно и услужливо перемѣняетъ вамъ тарелки за общимъ столомъ, и подобно другимъ нѣмцамъ, ни мало не чванится восьми-вѣковою древностью своего рода, и кажется находится въ полной и совершенной командѣ своего оберъ-кѣльнера *.

Жизнь въ Гастейнѣ очень однообразна; рано утромъ въ пять часовъ больные начинаютъ брать ванны, послѣ которыхъ непременно надо пролежать въ постелѣ по-крайней-мѣрѣ полчаса; потомъ начинаются недалежныя прогулки около водонада, на Bellvue и вдоль по шоссе, идущему къ Гофъ-Гастейну; ровно въ часъ обѣдъ: все собирается къ Штраубингеру за его общій столъ; въ семь часовъ начинается играть музыка на площадкѣ между Штраубингеровой гостиницей и замкомъ; въ половинѣ девятаго ужинъ, а въ десять все Гастейнъ ложится спать. Можно было бы соскучиться при такомъ образѣ жизни, еслибъ васъ не окружала дивная природа, и еслибъ курсъ леченія продолжался, какъ на другихъ водахъ, не менѣе шести недѣль. Въ Гастейнѣ весь курсъ оканчивается обыкновенно въ три недѣли, за весьма немногими исключеніями. Тамъ только купаются, а не пьютъ воды, или по-крайней-мѣрѣ очень рѣдко и мало. Воды Гастейнскія дѣйствуютъ чародѣйски; онѣ чрезвычайно полезны во всѣхъ нервическихъ болѣзняхъ, въ параличахъ, невралгіяхъ, рангахъ, подаграхъ и множествѣ другихъ болѣзней; вредны

* Главнаго прислужника, буфетчика.

въ водяной, въ болѣзни сердца и легкихъ. Онѣ укрѣпляютъ силы, и можно сказать возвращаютъ молодость. Нельзя описать наслажденія, которое вы чувствуете при первыхъ ваннахъ; вода чистая, прозрачная, какъ кристаллъ, въ которой нѣтъ ни особеннаго вкуса, ни запаха, ни цвѣта, точно обыкновенная ключевая вода, только съ температурою въ 38 градусовъ тепла. Ванны обыкновенно берутъ въ 28, 27 и 26 градусовъ по реомюру, прохладя ихъ заранѣе, безъ примѣси другой холодной воды, но давая имъ простывать; воды эти очень сильны, и потому при началѣ ваннъ не должно оставаться въ нихъ болѣе пяти минутъ; онѣ не производятъ никакого пота, никакого расслабленія; курсъ ограничивается обыкновенно 21 ванной, рѣдко 24-мя, но случается оканчивать леченіе 18 и даже 8 ваннами. Воды эти были нѣсколько разъ разлагаемы, и въ нихъ не нашли никакихъ особенныхъ минеральныхъ частей; думаютъ что въ нихъ заключается много электричества, и потому онѣ дѣйствуютъ преимущественно на нервы, укрѣпляя ихъ. Особенно замѣчательно, что соленныя ванны какъ будто сами скажутъ вамъ, когда должно прекратить ихъ; какъ онѣ бывають отрадны сначала, такъ непріятны, когда приходитъ время кончить ихъ, и это случается у иныхъ больныхъ, какъ я уже сказалъ, на восьмой или девятой ваннѣ. При употребленіи этихъ водъ не требуется никакой діеты; не должно только пить много вина, также не утомлять себя продолжительными прогулками по горамъ, особенно при началѣ леченія. Благодѣтельное дѣйствіе водъ оказывается весьма часто еще въ самомъ Гастейнѣ, но большею частію спустя нѣсколько времени, и даже черезъ два и три мѣсяца; я видѣлъ удивительные случаи скорого исцѣленія: разбитые параличемъ, хромые, совершенно расслабленные, получали вдругъ силы и какъ будто оживали, и все это послѣ какихъ нибудь восьми ваннъ. Удивительно, не постижимо!

Во время моего пребыванія въ Гастейнѣ, пріѣхало туда нѣсколько русскихъ и въ числѣ ихъ Всеволодъ Мауреръ, нашъ отличный скрипачъ; онъ такъ любезенъ, что почти каждый вечеръ играетъ на скрипкѣ, и все гастейнское общество стекается слушать его и восхищаться имъ. Не могу выразить, какое наслажденіе доставилъ онъ мнѣ и всѣмъ русскимъ, играя наши народныя пѣсни. Въ такомъ отдаленіи, посреди дикихъ Альповъ, отратно было намъ внимать сладкимъ, заунывнымъ звукамъ, переносившимъ насъ на родину; тихій вечеръ; безоблачное, усеянное яркими звѣздами небо; угрюмыя, покрытыя лѣсомъ горы; отдаленный шумъ водопада, вторившій звукамъ скрипки—все это было такъ хорошо, такъ упоительно, что подобныя минуты не забываются, и я никогда не забуду ихъ, какъ не забуду очаровательнаго Гастейна!

Въ Гастейнѣ есть гора, называемая, незнаю почему, Патриаршею; на самой вершинѣ ея выстроена красивая бесѣдка съ балконами на всѣ стороны; оттуда открывается чудесный видъ на двѣ долины, Бекштейнскую и Гастейнскую; стѣны этой бесѣдки всѣ написаны стихами на всѣхъ возможныхъ языкахъ, въ числѣ ихъ есть и русскіе, но довольно плохіе; лучшіе стихами показались мнѣ нѣмецкіе, написанные извѣстнымъ Грильпарцеромъ; я списалъ ихъ для памяти, вотъ они:

O Natur! wie bist du prächtig,
 Wie ist deine Kraft so mächtig
 Unbegreiflich, wunderbar!
 Wer beflügelt diese Wellen,
 Wer bezauberte die Se Quellen,
 Wer hat dieser Berge Schaar
 Aufgetürmt so hoch und sicher,
 Wer hat diese Himmelswand,
 Wer die weissen Leihentücher
 Auch die Höhen ausgespannt,
 Wer begabte diese Luft
 Mit der Blumen Balsamduft,
 Wer hat alles dies vollbracht?
 Dank Ihm der es hat gemacht!
 Solche Wunder hingestellt
 Auf dies Pünktchen Seiner Welt.
 Da zum Segen und Gedeih'n,
 Sieh dies herrliche Gasteyn!

Вчера была большая охота за сернами. Е. В. Э. I. страстный охотникъ, каждое лѣто пріѣзжаетъ въ Гастейнъ для того только, чтобъ поохотиться. Я удостоился чести приглашенія на эту охоту, которая была для меня тѣмъ интереснѣе, что я въ жизнь мою охотился только за зайцами въ нашихъ украинскихъ степяхъ, гдѣ такое раздолье и человѣку, и звѣрю. Серны или дикія козы живутъ на самыхъ высокиихъ горахъ, и такъ быстры, такъ легки, что могутъ поспорить съ птицами. Рано утромъ отправились мы черезъ Бекштейнъ къ Насфельдскимъ горамъ, покрытымъ вѣчными снѣгами; онѣ возвышаются почти на семь тысячъ футовъ надъ моремъ. Насъ было, кромѣ проводниковъ, шесть человѣкъ: самъ эрц... сынъ его графъ де М...нъ, принцъ Роганъ, я и два охотника, у каждаго было по двустольному ружью. Довольно долго взбирались мы на крутизны Насфельда, наконецъ достигли мѣста, откуда начинаются снѣга, и тутъ увидѣли множество серней, которыя мелькали передъ нами, какъ птицы. Трофеями этого дня были девять серней, изъ которыхъ я не убилъ ни одной, хотя и

стрѣлялъ по тремъ; вся честь охоты принадлежала эрцгерцогу и сыну его, — принцъ Роганъ убилъ двѣ серны. Надобно быть очень искуснымъ стрѣлкомъ, чтобъ пуля попала въ серну, это какіе-то дьяволенки, которые мелькаютъ предъ глазами, какъ молніи; не успеешь мигнуть, какъ слѣдъ ея уже простылъ. Ничего красивѣе и граціознѣе серны я не видалъ; прыжки ея со скалы на скалу удивительны, и часто случается, что серна видя угрожающую ей гибель, бросается со всего размаха въ пропасть, стараясь приладить такъ, чтобъ упасть на рога, тогда она спасена; какъ же крѣпокъ долженъ быть лобъ у такого маленькаго животного, если сила паденія съ значительной высоты, и часто на камни, не раздробляетъ его? Хотя мнѣ было немного совѣстно, что я три раза промахнулся и долженъ былъ вернуться съ пустыми руками, но я все таки былъ очень доволенъ моимъ днемъ: я имѣлъ по крайнѣй мѣрѣ понятіе, что такое охота по горамъ за сернами, и долженъ сознаться, что она поинтереснѣе и поопаснѣе охоты за зайцами.

Я еще не говорилъ вамъ ничего объ исторіи Гастейна; каждый уголокъ въ мірѣ, какъ бы малъ онъ ни былъ, имѣетъ свою исторію. Исторія Гастейна довольно интересна. Гастейнъ былъ извѣстенъ римлянамъ, промѣнявшимъ здѣсь свой мечъ на заступъ и лопату; слѣды золота и серебра, которыми были обильны эти горы, заставили ихъ рыться въ землѣ. Усилія ихъ были не напрасны, и они добывали золото въ значительномъ количествѣ. Въ Бекштейнѣ, мѣстечкѣ лежащемъ отъ Гастейна на часъ ходьбы, до сихъ поръ еще продолжаютъ работы для отысканія и промывки золота. Преданіе говоритъ, что во время владычества римлянъ была проведена изъ Либурни, черезъ горы дорога въ Гастейнскую долину; остатки этой дороги, выложенной огромными плитами, видны еще и понынѣ. Послѣ паденія Римской имперіи, горное дѣло было оставлено въ Гастейнской долинѣ; только въ 719 году началось оно снова, но въ малыхъ размѣрахъ; къ этому же времени должно отнести первую промывку золотыхъ росыней въ Понгаѣ.

Въ 680 году, на мѣстѣ нынѣшняго Виллбадъ-Гастейна, бывшемъ въ то время дикою пустыней, поселились два отшельника, и говорятъ, что по ихъ усердной мольбѣ Богъ наградилъ Гастейнскую долину чудными цѣлебными источниками, составляющими теперь славу и богатство этого края. Охотники изъ Голдега подстрѣлили оленя, но онъ ушелъ отъ нихъ, и они преслѣдуя его по горамъ, нашли его купающимся въ тепломъ источникѣ, изъ котораго онъ выпрыгнулъ, исцѣлясь совершенно отъ рапы. Такимъ образомъ были открыты цѣлебные источники.

Въ X вѣкѣ не было уже никакихъ слѣдовъ горнаго дѣла, собственно въ Гастейнской долинѣ. Въ старинныхъ бекштейнскихъ рукописяхъ

упоминается, что въ концѣ XI столѣтія многіе туземцы сдѣлались полными обладателями этихъ горъ, и стали заниматься производствомъ горныхъ работъ для добыванія золота. Изъ договорной грамоты, заключенной Фридрихомъ III, епископомъ Зальцбургскимъ съ графомъ Голдегомъ въ 1327 году, видно, что въ то время уже горныя гастейнскія работы были весьма значительны, ибо въ грамотѣ этой сказано: «Все найденныя въ горахъ сокровища, какъ-то: золото, серебро и даже драгоценныя камни, должны принадлежать его милости, епископу.»

Съ половины XVI вѣка, когда Зальцбургскіе епископы сдѣлались обладателями всего Гастейнскаго края, они обратили все свое вниманіе на распространеніе и усовершенствованіе тамъ горнаго дѣла, и время съ 1491 по 1580 годъ, можно назвать золотымъ вѣкомъ Гастейна. Богатства, добытыя въ этотъ періодъ изъ горъ, были такъ велики, что многіе изъ простыхъ гастейнскихъ жителей, занимавшихся этимъ дѣломъ, сдѣлались значительными капиталистами. Въ числѣ обогатившихся болѣе другихъ былъ также и Штраубингеръ, предокъ нынѣшняго содержателя гастейнской гостиницы; но тотъ, котораго богатство можно было назвать баснословнымъ, былъ нѣкто *Вейтмосеръ*; онъ выдалъ четырехъ своихъ дочерей за нѣмецкихъ бароновъ, и въ томъ числѣ одну за герцога Аугсбургскаго графа Фюгера, давъ за каждую въ приданое по 80 тысячъ червонныхъ, сумму огромную по тогдашнему времени, и когда умеръ, то оставилъ капиталъ въ одинъ милліонъ золотыхъ гульденовъ. Замѣчательно, что рудники, изъ которыхъ Вейтмосеръ добывалъ золото и серебро, находятся на такой высотѣ, которая теперь болѣе трехъ четвертей года покрыта снѣгомъ. Въ одномъ 1500 году, Гастейнскій округъ внесъ въ казну зальцбургскаго епископа Леонарда слишкомъ 80,000 червонцевъ; а съ 1554 по 1570 годъ, когда рудники гастейнскіе начали уже истощаться, все таки добывалось изъ нихъ въ годъ не менѣе 2360 маркъ золота и 19,000 маркъ серебра, такъ, что въ то время Зальцбургское епископство по справедливости называлось европейскимъ Перу.

При такомъ цвѣтущемъ развитіи горнаго дѣла, край этотъ былъ еще оживленъ значительною торговлей съ Италіею и многими городами Германіи—Аусбургомъ, Регенсбургомъ и Нюрнбергомъ, употреблявшими гастейнское золото на свои отличныя филограмовыя издѣлія, которыми въ особенности славился Нюрнбергъ. Истощеніе золотыхъ рудниковъ хотя и уменьшило богатство края, но не разорило бы его въ конецъ, какъ это случилось въ послѣдствіи, когда возникли религіозныя безпокойства. Новое ученіе реформатора Лютера нанесло смертельный ударъ всей этой странѣ. Жители ея, находясь въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Саксоніею и Германіею вообще, не могли не принять и и

усвоить себѣ новыхъ идей, и будучи подданными духовнаго князя, занимавшаго въ іерархіи римской церкви значительную степень, неминуемо должны были подвергнуться жестокимъ гоненіямъ двора, который въ новыхъ религіозныхъ правилахъ Лютера видѣлъ ересь, клонившуюся къ ослабленію папской власти, а слѣдовательно и власти его епископовъ. Въ 1611 году изъ 298 горныхъ гастейнскихъ работниковъ было только 30 католиковъ, а въ числѣ 30,000 горныхъ жителей епископства зальцбургскаго, которые въ слѣдствіе религіознаго гоненія принуждены были оставить свое отечество, было болѣе 1000 гастейнцевъ. Самые искусные работники, опытность, приобрѣтенная вѣками, значительные капиталы, все это было навсегда утрачено для гастейнскаго края. Мѣсто ихъ заступили бѣдность и нищета, усиливаемая бенедиктинскими монахами, которые толпами вторгнулись въ эти мирныя долины какъ—будто для поддержанія католицизма, но въ самомъ дѣлѣ для своего обогащенія. За всѣмъ тѣмъ горное дѣло еще не совсѣмъ прекратилось и продолжалось, хотя въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, до 1732 года; въ этомъ году удалось умному епископу Іерониму Колоредо, разными поощреніями и улучшеніями довести работы до того, что онѣ приносили около 20 лѣтъ вдвое болѣе дохода, чѣмъ прежде; но со смертію его все пришло опять въ упадокъ, и горное дѣло не возобновилось уже никогда. Теперь въ одномъ Бекштейнѣ остались слѣды прежнихъ горныхъ работъ; тамъ до сихъ поръ существуютъ мельницы для промывки золота.

Настоящее народонаселеніе всего гастейнскаго края есть смѣсь кельтскаго и славянскаго племенъ, которыя въ разныя времена поселились въ этихъ горахъ; есть также много выходцевъ изъ Тироля, Штиріи и Баваріи, пришедшихъ сюда по оставленіи этой страны природными ея жителями, въ слѣдствіе религіозныхъ гоненій, которымъ они подвергнулись по принятіи ими реформации. Жители, въ особенности женщины, не отличаются красотою, и я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ страшныхъ и отвратительныхъ старухъ, какъ здѣсь; попадаются также, хотя довольно рѣдко, кретины. Главное занятіе всего народонаселенія составляетъ скотоводство; у многихъ, въ томъ числѣ и у Штраубингера, есть весьма значительныя стада, доставляющія въ изобиліи молоко, масло и сыръ, который здѣсь довольно вкусенъ; но главнѣйшій доходъ—больные, пріѣзжающіе сюда лечиться. Въ Вильдбадъ-Гастейнѣ и въ Гофъ-Гастейнѣ бываетъ ихъ до двухъ тысячъ человѣкъ въ годъ. Жизнь въ Гастейнѣ дешева; я платилъ за очень порядочную комнату въ гостиницѣ Штраубингера по восьми гульденовъ въ недѣлю; одинъ столъ стоить гульденъ безъ вина; ванны въ недѣлю 3¹/₂ гульдена, такъ, что на

полный курсъ совершенно достаточно 80 гульденовъ, считая въ томъ числѣ и то, что нужно дать доктору.

Мало найдется мѣстъ, развѣ только одинъ Баденъ-Баденъ, гдѣ можно было бы пользоваться такими живописными и разнообразными прогулками, какъ въ Гастейнѣ. Я не говорю уже о величии и дикости природы, которая окружаетъ васъ, и въ Швейцаріи не часто встрѣчаются такія картины, какія являются здѣсь на каждомъ шагѣ. Даже тотъ, кто не болѣвъ и кому не нужны чудесные гастейнскіе источники, не раскается если приѣдетъ сюда. Сколько туристовъ шатаются по свѣту, и какъ мало изъ нихъ заѣзжаютъ въ Гастейнъ; предѣломъ ихъ странствованій послѣ Швейцаріи и Италиі обыкновенно бываетъ Зальцбургъ, и они неподозрѣваютъ, что въ 25 или 26 часахъ отсюда скрывается въ ущельяхъ, почти непреступныхъ горъ, чудесный уголокъ, который можетъ поспорить красою и величіемъ съ прекраснѣйшими мѣстами на земномъ шарѣ. Я видѣлъ многое, видѣлъ Швейцарію, всю Италію, Шотландію, Пириней, видѣлъ нашъ грозный Кавказъ, и все-таки никогда не забуду чуднаго Гастейна; минуты, проведенныя тамъ, причисляю я къ лучшимъ въ моей жизни!

Дней черезъ пять прошусь я съ этимъ очаровательнымъ мѣстомъ; мнѣ хочется черезъ Тироль пробраться на Констанское озеро; теперь я здоровъ, и трудный путь по горамъ не пугаетъ меня.

Венеція $\frac{12}{24}$ августа 1853 г.

«L' Homme propose et Dieu dispose» говоритъ пословица: такъ было и со мною. Я писалъ вамъ, что хотѣлъ черезъ Тироль пройти на Констанское озеро, а очутился въ Венеціи, и вотъ почти недѣля, какъ живу здѣсь. Я не былъ въ Венеціи съ 1847 года, въ то время тамъ никто не подозрѣвалъ смуты, которая вспыхнула потомъ такъ внезапно. Тогда мирная, тихая Венеція думала только о томъ, какъ бы лучше угостить ученыхъ, которые собрались въ нее со всѣхъ концовъ Италиі на конгрессъ; тогда праздникамъ, катаньямъ въ гондолахъ, серенадамъ, регатамъ не было конца; тогда площадь св. Марка, освѣщенная тысячами газовыхъ огней, кипѣла народомъ, который при громѣ трехъ соединенныхъ оркестровъ полковой музыки, толпился тамъ до поздней ночи. Теперь все перевернулось. Венеція, какъ больной послѣ страшныхъ судорогъ, терзавшихъ его, впала въ какой-то безчувственный сонъ; теперь въ ней все уныло, все мрачно; безумныя ея мечтанія не осуществились и не могли осуществиться; она осталась тѣмъ же, чѣмъ была—провинціальнымъ городомъ австрійской монархіи; но смуты обошлись ей дорого,

промышленность и торговля упали, бѣдность и нищета появились тамъ, гдѣ прежде было изобиліе и довольство, и даже многія изъ правъ и преимуществъ, которыми она пользовалась прежде, отняты у нея и можетъ быть на долго. Вотъ плоды неусобицы, вотъ до чего довели Венецію Мадзини и подобные ему, которые, укрывшись подъ защиту Англіи и не рискуя ничѣмъ, возбуждаютъ въ соотечественникахъ своихъ желанія, страсти и мечты, гибельныя только для нихъ самихъ. И чего хотѣла Венеція? Неужели думала она, что прежніе дни ея славы могутъ возвратиться? Нѣтъ, она отжила свой вѣкъ! Почти цѣлые четырнадцать вѣковъ занимала она одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду европейскихъ державъ; она была посредницею между западомъ и востокомъ; она властвовала не только надъ Адриатикой, но во всемъ Средиземномъ морѣ и въ Левантѣ, она видѣла свое знамя съ крылатымъ львомъ св. Марка, развѣвающимся на стѣнахъ Византіи: богатство, слава, величіе, все было ея удѣломъ; но въ здѣшнемъ мірѣ ничто не вѣчно! Настало время, когда достигнувъ высшей точки своего могущества, Венеція не могла уже идти впередъ, и по непреложному закону судьбы стала постепенно клониться къ упадку. Открытіе пути въ восточную Индію, мимо мыса Доброй Надежды въ XV вѣкѣ, было первымъ ударомъ, нанесеннымъ ея торговлѣ, ея значенію, какъ морской державы, а слѣдовательно и ея могуществу; богатства и сокровища, пріобрѣтенныя ею, сдѣлались причиною ея ослабленія; ея граждане, изнѣженные роскошью, предавались всемъ чувственнымъ наслажденіямъ; развратъ проникнулъ во все слои общества; она стала терять мало-по-малу, одну за другою, свои провинціи на твердой землѣ. По этому пути, безславному и скользкому, хотя и усыпанному цвѣтами наслажденій, Венеція, отуманенная пиршествами и оргіями, усыпленная тихимъ плескомъ своихъ лагунъ, шла почти два вѣка и дошла наконецъ до Кампо-Формійскаго трактата, положившаго конецъ ея политическому существованію. Есть-ли въ мірѣ какая нибудь власть, которая могла бы вдохнуть новую жизнь въ одряхлѣвшій, изнуренный болѣзнями, почти безчувственный трупъ старца? И вотъ однакожь чего добивалась Венеція въ послѣднюю свою революцію; но въ ней истощила она только послѣдній остатокъ силъ своихъ.

А какъ дивно хороша Венеція и до сихъ поръ; чѣмъ же была она въ эпоху своей славы и могущества? Помню, какое впечатленіе произвела она на меня, когда я въ первый разъ увидѣлъ ее; это было въ 1840 году, тогда еще не существовала желѣзная дорога, соединяющая ее теперь съ итальянскимъ материкомъ. Чтобъ достигнуть Венеціи, надобно было сѣсть въ гондолу въ Местрѣ или въ Фузинѣ и

плыть часа три по лагунамъ. Мы отправились изъ Местра въ часть ночи, и на расвѣтѣ Венеція, съ куполами своихъ церквей, съ своими мавританскими дворцами, показала намъ вдали какъ бы выходящая изъ моря; утренній туманъ началъ мало по малу рѣдѣть, лагуны, не колеблемые ни малѣйшимъ вѣтеркомъ, растлались какъ чистое зеркало, какъ наша Нева въ тихій лѣтній вечеръ; скоро изъ-за острова Лидо показалось солнце, лучи его заблистали на крестахъ св. Марка и освѣтили безконечную, синюю полосу Адриатики... Картина была истинно восхитительная! Жельзная дорога, проведенная теперь отъ Падуи до самой Венеціи черезъ лагуны, можетъ быть принесла пользу, сокративъ разстояніе съ берегомъ и доставивъ городу матеріальныя выгоды, но съ этою дорогою Венеція утратила много поэзіи; теперь она уже не отдѣльный міръ посреди моря какъ была прежде.

Кто бывалъ въ Венеціи, тотъ вѣрно знаетъ кафе Флоріани. Тамъ обыкновенно собирается лучшее общество, до обѣда завтракать, послѣ обѣда ѣсть мороженое, которое, послѣ неаполитанскаго и нашего петербургскаго, лучшее въ цѣломъ мірѣ. Кафе это замѣчательно еще тѣмъ, что оно въ продолженіе 163 лѣтъ, то есть, со времени своего основанія, никогда, ни днемъ, ни ночью, не затворяло своихъ дверей; но послѣ послѣдней революціи пробилъ роковой часъ и для Флоріани: кафе его было заперто, по-крайней-мѣрѣ, такъ увѣрили меня въ Венеціи. Теперь оно опять распахнуло свои гостепріимныя двери, и толпа опять день и ночь наполняетъ его.

Въ нынѣшній пріѣздъ мой я съ грустью замѣтилъ, что Венеція видимо все болѣе и болѣе разрушается. Пять лѣтъ тому, она какъ будто стала оживать; многіе богатые люди покупали здѣсь палатцы и реставрировали ихъ; теперь никто уже не думаетъ о пріобрѣтеніи этихъ полумавританскихъ, полуготическихъ развалинъ: покинутыя и опустѣлыя, онѣ печально доживаютъ свой вѣкъ и какъ-то уныло смотрятся въ воды каналовъ. Палаццо Барбариго, на каналѣ св. Павла, съ терассою, выходящею на Большой каналъ, еще не такъ давно привлекавшій къ себѣ путешественниковъ, опустѣлъ, какъ и его сосѣди; знаменитая галерея его, состоявшая вся изъ картинъ Тиціана, который жилъ и умеръ въ семействѣ Барбариго, перевезена въ Петербургъ, и теперь уже никто не заглядываетъ въ этотъ брошенный дворецъ. А я помню еще маленькаго, худенькаго старичка, который такъ пріятливо встрѣчалъ васъ на мраморныхъ ступеняхъ этого полуразрушеннаго палаццо, вводилъ въ завѣтную комнату Тиціана и съ гордостью показывалъ его картины. Иностранцы принимали его за простаго *кустода*, то есть, привратника, и осматривъ галерею, давали ему нѣсколько мѣл-

кихъ монетъ, а старичекъ этотъ былъ потомокъ двухъ дожей, на портреты которыхъ самъ вамъ указывалъ; имя его знаменитаго рода было вписано въ золотую книгу при самомъ ея учрежденіи; предки его были славны и богаты, однимъ словомъ, старичекъ этотъ былъ послѣдній изъ дома Барбариговъ. У него не было ничего, кромѣ родового палаццо и картинъ Тиціана; ни тотъ, ни другія не давали никакого дохода; онъ терпѣлъ нужду, голодь, но не хотѣлъ разстаться съ этими сокровищами, и только послѣ смерти его можно было купить картины, которыми онъ такъ дорожилъ.

Всѣ посѣщавшіе Венецію, говорятъ всегда о ея каналахъ и гондолахъ и почти никогда объ улицахъ, тогда какъ ихъ безчисленное множество и онѣ составляютъ настоящій лабиринтъ, изъ котораго довольно трудно выбраться. Правда, эти улицы уже самаго узкаго изъ нашихъ переулковъ и имѣютъ видъ длинныхъ коридоровъ, куда почти никогда не проникаетъ солнце. Самая широкая улица Венеціи, за исключеніемъ Славянской набережной, та, которая идетъ отъ часовой башни къ Ріальтекому мосту. Наибольшая ширина ея составляетъ вѣдь ли четыре аршина, и то только въ одномъ мѣстѣ. Всѣ палаццы обращены главнымъ фасадомъ къ каналамъ, а заднимъ фасомъ къ переулкамъ; въ этихъ переулкахъ толпится все народонаселеніе Венеціи; тамъ безчисленное множество разнаго рода лавокъ, тамъ при растворенныхъ дверяхъ, какъ вообще во всей Италіи, ремесленники занимаются своими работами, и тотъ, кто заглядывалъ въ эти улицы, не назоветъ Венецію тихою: тамъ такой шумъ и гамъ, что Боже упаси! Въ Венеціи есть своего рода лазарони, это *Vimbi*: они также лѣнны и безпечны, также не имѣютъ ни крова, ни пріюта, какъ и неаполитанскіе ихъ собратья; но имъ надобно отдать справедливость—костюмъ ихъ нѣсколько благопристойнѣе; они не выказываютъ такого отвратительнаго цинизма, какъ тѣ. Женщины въ Венеціи большею частью хороши собою; у нихъ особенный типъ красоты, и между ними попадаетъ много бѣлокурыхъ съ прекрасными голубыми глазами; онѣ вообще стройны и удивительно граціозны. Часто, сидя подъ аркадами прокураторскаго дворца, на площадкѣ, у турецкой кофейни, съ чашкою кафе и съ длинною трубкою въ зубахъ, любовался я милοвидностью и красотою простыхъ венеціанскихъ дѣвушекъ, которыя съ коромыслами и ведрами спѣшили за водою къ большой цистернѣ дворца дожей; всѣ онѣ съ какою-то особенною граціей носятъ на головѣ высокія, мужскія шляпы, съ узкими полями и большою стальною пряжкой напередѣ.

Кто не слыхалъ о чудныхъ венеціанскихъ ночахъ? Дѣйствительно, ничего не можетъ быть восхитительнѣе этихъ ночей, когда полная

луна освѣщаетъ мрачные палацы и смотрится въ чистое зеркало лагуны; въ эти минуты прогулка въ гондолѣ по Большому каналу, мимо острововъ св. Георгія и Армянскаго, до Лидо, истинное очарованіе! Въ одну изъ такихъ ночей мнѣ посчастливилось испытать особаго рода наслажденіе. Въ первую мою поѣздку въ Венецію познакомился я съ кавалеромъ S..... бібліотекаремъ св. Марка; однажды пригласилъ онъ меня провести у него вечеръ, и я отправился къ нему въ Дожевскій дворецъ, гдѣ у него была небольшая комнатка, рядомъ съ залами бібліотеки. Кавалеръ S.... человекъ весьма ученый и умный, былъ чрезвычайно простъ съ обхожденіемъ, говорливъ, какъ почти все итальянцы и очень любезенъ. Будучи природнымъ венеціанцемъ и почти 70-ти лѣтъ отъ роду, онъ хорошо помнилъ исторію своей родины и много рассказывалъ мнѣ интереснаго; не имѣя семейства и не будучи никогда женатымъ, онъ провелъ всю жизнь въ одиночествѣ и по большей части съ своими книгами; онъ любилъ ихъ, какъ лучшихъ друзей, но еще болѣе любилъ Венецію: каждый ея памятникъ, каждый камень были ему дороги... Долго болтали мы, разумѣется, все о Венеціи, наконецъ часы на камнанили св. Марка пробили одиннадцать, и я взялся за шляпу.

— Пойдите, сказалъ мнѣ кавалеръ, я провожу васъ, а въ благодарность за то, что подарили мнѣ вечеръ, отказавшись отъ оперы, я покажу вамъ то, что не многіе изъ иностранцевъ видѣли въ Венеціи.

— Что же такое? спросилъ я.

— Дворецъ нашихъ дождей въ лунную ночь.

— Я не разъ ужъ любовался имъ въ такія ночи.

— Да, снаружи, но не внутри; идите за мною.

Съ этимъ словомъ онъ отворилъ маленькую боковую дверь, и мы очутились прямо изъ его комнаты въ длинную залъ, обставленную кругомъ шкафами съ книгами.

— Вотъ мое царство, моя дорогая бібліотека! Сколько тутъ сокровищъ для будущаго историка Венеціи!

— Какъ, для будущаго? Развѣ до сихъ поръ нѣтъ хорошей исторіи Венеціи, а Дарю?

— Дарю хорошъ да не совѣмъ; онъ многого не понималъ, а еще большаго не читалъ и даже не видалъ. Въ исторіи его множество промаховъ; видно, что онъ читалъ наскоро. Напримѣръ, онъ говоритъ будто Марино Фальери былъ казненъ на верхней площадкѣ лѣстницы великановъ, но этого никакъ не могло быть по весьма простой причинѣ: лѣстница эта тогда еще не существовала; казнь Фальери была въ 1335 году, а лѣстницу начали строить только въ концѣ XV вѣка; мало того, въ эпоху казни Фальери даже весь фасадъ дворца, къ кото-

рому примыкаетъ лѣстница великановъ, не былъ еще сооруженъ. Между тѣмъ слова Дарю приняты за непреложный фактъ; они ввели въ заблужденіе многихъ, и теперь вкоренилось ложное мнѣніе, будто коронованіе дожей на этой лѣстницѣ было установлено въ послѣдствіи, единственно для того, чтобъ напомнить каждому новому дожу, чего онъ долженъ былъ ожидать, если вздумалъ бы измѣнить, въ чемъ бы то ни было, коренныя постановленія Венеціи, а это сущій вздоръ, и никто никогда не имѣлъ подобной мысли. Чтобъ написать исторію народа, занимавшаго въ продолженіе четырнадцати вѣковъ одно изъ значительнѣйшихъ мѣстъ въ семьѣ державъ, недостаточно какихъ нибудь трехъ или четырехъ лѣтъ, на это надо посвятить цѣлую жизнь, да и той иногда не достанетъ. Но довольно, пойдемъ дальше.»

Я шелъ за нимъ изъ комнаты въ комнату, изъ залы въ залу, и такимъ образомъ мы обошли весь дворецъ. Я не въ состояніи выразить того впечатлѣнія, какое произвела на меня эта ночная прогулка по пустымъ, безмолвнымъ заламъ, освѣщеннымъ блѣднымъ свѣтомъ полного мѣсяца. Всѣ картины Тиціана, Тинторетто, Бассано, Павла Веронеза, которыми покрыты стѣны залъ, длинный рядъ портретовъ дожей въ парчевыхъ мантияхъ, съ коронами на головахъ, все это въ полумракѣ, при лунномъ сіяніи, принимало какія-то фантастическія формы и что-то таинственное; казалось, всѣ эти фигуры оживились, двигались и готовы были говорить, прибавьте къ этому невольное воспоминаніе о томъ, чему были свидѣтелями эти стѣны, могильную тишину вокругъ, прерываемую только шумомъ нашихъ шаговъ, полуночное время, располагающее всегда къ мечтательности, и вы поймете, что мы чувствовали въ эти минуты!

Поблагодаря отъ полноты души кавалера S... за доставленное мнѣ удовольствіе, я спустился съ лѣстницы великановъ, прошелъ подъ дворцовыми арками Піацеты до пристани, сѣлъ въ гондолу, и чрезъ Джу-деку по Большому каналу, часа черезъ два вернулся домой.

Венеція 19/31 августа 1853.

Я живу на Большомъ каналѣ, противъ церкви Santa Maria de Salute, и каждый вечеръ съ широкаго балкона люблюсь живописною панорамой Венеціи, съ ея поэтическими лагунами, по которымъ въ разныхъ направленіяхъ скользятъ тысячи гондолъ. Ловкость, съ какою управляютъ ими гондольеры, удивительна; баркароль или гондольеръ обыкновенно помѣщается позади черной будки или павильона гондолы, устроенной почти на серединѣ, и стоя гребетъ однимъ весломъ не къ себѣ, какъ наши гребцы, а отъ себя; небольшая, едва замѣтная качка гондолы со стороны на сторону чрезвычайно пріятна; вы лежите въ ней, какъ въ

люлькѣ, на мягкихъ подушкахъ, и плывя мимо всѣхъ этихъ фантастическихъ дворцовъ, невольно погружаетесь въ какую-то тихую мечтательность.

Большой каналъ, составляющій главную улицу Венеціи, ничто иное, какъ продолженіе теченія Brenty, которая вливаясь у Фузины въ лагуны, близъ острова Ріальто, впадаетъ у Лидо въ Адриатику. Когда въ началѣ IX вѣка, венецы были принуждены оставить Маламоко и перенесли свою метрополию на Ріальто, то первыя жилища, построенныя ими, тянулись по берегамъ этого канала; сначала всѣ они были деревянные, а въ послѣдствіи, съ развитіемъ силы и могущества Венеціи, превратились въ тѣ великолѣпные дворцы, которые теперь изумляютъ чужеземца. Венеція раздѣляется на шесть кварталовъ (*sestieri*); кварталъ *Dorso-Duro* съ южной стороны города, самый древнѣйшій; мѣстность, которую онъ занимаетъ, называлась *Scorlani*, что доказываетъ, что здѣсь грунтъ былъ тверже, нежели на сосѣднихъ островахъ; кварталъ же св. Марка, составляющій центръ города, выше всѣхъ другихъ, и никогда не былъ покрытъ водою, что доказывается отдаленною древностью многихъ его церквей. Въ началѣ IX вѣка, въ эпоху перенесенія правительства на Ріальто, тутъ былъ ужъ построенъ первый дворецъ дождей: тогда какъ и теперь тихія волны лагунъ омывали его подножіе; дворецъ этотъ съ того времени часто мѣнялъ форму, но никогда мѣста; это видно изъ слѣдующаго стиха одной старинной венеціанской хроники:

.....L'angusto porto
Per entro al qual ontrando il marsi sparte
In più lagune, e zugne à lo nostr orto.

Неутомимыхъ, вѣковыхъ трудовъ стоило венеціанцамъ утвердить болотистую почву, на которой они поселились; развалины древняго Алтинума и Пизы, развалины Маламоко послужили имъ къ сооруженію каменныхъ зданій и храмовъ. Уже въ XII вѣкѣ множество зданій въ византійскомъ вкусѣ, преобладавшемъ тогда, украшенныхъ богатыми мозаиками, возвышались повсюду; на обоихъ берегахъ Большаго канала было въ то время уже множество дворцовъ, свидѣтельствовавшихъ о богатствѣ и величіи венеціанской аристократіи. Въ эту эпоху Венеція, окруженная стѣнами, имѣла уже болѣе ста церквей, множество палатъ, обширный арсеналъ, огромное народонаселеніе, и была удивленіемъ востока и запада; но полного, великолѣпнаго своего развитія въ отношеніи наружномъ, достигла она только въ концѣ XVI вѣка, который былъ для нея и для другихъ итальянскихъ городовъ истиннымъ золо-

тымъ вѣкомъ искусства; тогда-то явились все эти зотчіе, скульпторы, живописцы, которые такъ прославили венеціанскую школу.

Единственная, по своей мѣстности, Венеція не менѣе удивительна по своимъ памятникамъ, которые надо разсматривать не отдѣльно, а въ общемъ ихъ составѣ. Здѣсь вы не найдете того однообразія, той монотонной красоты, которая поражаетъ васъ въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Туринѣ, Миланѣ, Болоннѣ и даже въ Виченцѣ, въ этой чудной игрушкѣ, гдѣ геній Паладіо проявился съ такимъ блескомъ. Въ Венеціи смѣшеніе всехъ вкусовъ, всехъ стилей, всехъ эпохъ; величавое и мрачное, стройное и фантастическое поражаютъ васъ на каждомъ шагу. Здѣсь вы найдете образцы зодчества византійскаго и арабскаго, готическаго и эпохи возрожденія; школы флорентинскую и Паладія; однимъ словомъ Венеція типъ романтизма.

Зданія площади св. Марка и Піацеты представляютъ какъ бы въ сокращеніи всю исторію венеціанскаго зодчества съ эпохъ самыхъ отдаленныхъ до нашихъ временъ.

Во-первыхъ, соборъ св. Марка, огромное, величавое зданіе въ восточномъ вкусѣ, явное подражаніе церкви св. Софіи въ Константинолѣ. По исторіи извѣстно, что проектъ этого собора былъ составленъ однимъ византійскимъ архитекторомъ, вызваннымъ отсюда дожемъ Себастіаномъ Зіани. Онъ выстроенъ на мѣстѣ, гдѣ была церковь св. Теодора, сооруженная уже, какъ говорятъ, при Нарцессѣ; постройка его началась въ 1043 году и была окончена въ 1071. Богатство матерьяловъ, мраморъ, порфиръ, яшмы, прекрасныя мозаики, великолѣпіе и можно сказать странности украшеній, величіе и стройность въ цѣломъ, все это дѣлаютъ этотъ храмъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ.

Рядомъ съ соборомъ возвышается Дворецъ Дожей, другое удивительное зданіе, смѣшеніе стилей готическаго и мавританскаго, которому подобнаго нѣтъ нигдѣ. Онъ имѣетъ три фасада, одинъ, главный, на набережную, другой на Піацету и третій на узкій каналъ, раздѣляя дворецъ отъ тюремнаго зданія; кругомъ его, наверху идетъ зубчатый карнизъ, вѣнчающій его точно короной; верхній, третій этажъ, составляетъ огромную массу краснаго мрамора, лежащую на двойномъ рядѣ портиковъ, поставленныхъ одинъ на другой; портики или лучше сказать галерея втораго этажа, состоитъ изъ безчисленнаго множества колоннъ полуготическихъ, полумавританскихъ, а галерея перваго, изъ низкихъ, тяжелыхъ колоннъ съ готическими аркадами, которыя поддерживаютъ все зданіе. Общій видъ этого дворца страннаго, фантастическаго, величаваго—удивителенъ. Впрочемъ, онъ хорошо извѣстенъ и тѣмъ, кто не бывалъ въ Венеціи, по картинамъ Каналлета и по множеству гравюръ,

которыя могутъ дать о немъ гораздо лучшее понятіе, чѣмъ все описанія. Дворецъ этотъ былъ проектированъ и начатъ постройкою *Филиппомъ Календаріо*, который за участіе въ заговорѣ Марино Фальери былъ казненъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1335 году. Смерть его остановила на время работы, которыя были начаты опять въ 1423 году, при дождѣ Францискъ Фоскари и продолжаемы по плану Календаріо, со стороны Пиацеты, начиная съ шестой аркады до главнаго входа, называемаго *Porte della Carta*, рядомъ съ соборомъ св. Марка.

Обширный дворъ, на который ведетъ *Porte della Carta*, представляетъ самую великолѣпную, самую восхитительную архитектурную декорацію, какую только можетъ создать себѣ воображеніе. Главный фасадъ съ длинною линіею портиковъ, былъ начатъ въ 1500 году сенъоромъ *Антоніо Бреньо*, и конченъ чрезъ 50 лѣтъ *Антоніемъ Скарпаньяно*. Къ этому-то фасаду ведетъ знаменитая лѣстница великановъ, вся изъ бѣлаго мрамора, съ перилами, унизанными скульптурными украшеніями, столь мелкими, что онѣ кажутся настоящими кружевами. Названіе лѣстницы великановъ, получила она отъ двухъ колоссальныхъ статуй *Нептуна* и *Марса*, поставленныхъ на самомъ верху ея и означающихъ владычество венеціанцевъ надъ моремъ и землею. Эти двѣ статуи во вкусѣ фигуръ Микель-Анджеловскихъ, принадлежать рѣзцу флорентинскаго архитектора и скульптора *Саусовино*. Посреди этого великолѣпнаго двора замѣчательны также два колодца или двѣ цистерны: онѣ изъ бронзы и украшены прекрасными скульптурными фигурами, работы *Албергетти* и *Контти*.

Кромѣ этихъ двухъ зданій замѣчательны на площади св. Марка *галереи старыхъ и новыхъ прокураторовъ*, *часовая башня*, *цека* или монетный дворъ на Пиацетѣ и въ особенности зданіе *тюремъ* (*Carceri*) на Славянской набережной, рядомъ съ Дожевскимъ дворцомъ, отъ котораго онѣ отдѣляются только узкимъ каналомъ. Въ этомъ зданіи много вкуса; фронтонъ его прекрасенъ, и оно могло бы гораздо приличнѣе служить для жилища какого нибудь патриція, нежели для содержанія преступниковъ. Оно было послѣднимъ зданіемъ, построеннымъ искуснымъ архитекторомъ *Да-Понте*, тѣмъ самымъ, который прославилъ себя постройкою Ріальтскаго моста; ему также обязаны сохраненіемъ Дожевскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ теперь. Дворецъ этотъ, послѣ сильнаго пожара, котораго онъ сдѣлался жертвою въ 1577 году, хотѣли срыть и выстроить новый, по плану *Паладіо*, къ счастью послѣдній встрѣтилъ сильнаго противника въ *Да-Понте*. Конечно, никто не могъ бы соорудить лучшаго дворца, какъ Паладіо, но его новый дворецъ едва-ли бы вознаградилъ потерю та-

кого смѣлаго, оригинальнаго и фантастическаго памятника, какъ старинный палаццо знаменитаго Календаріо. Нельзя также не упомянуть о великолѣпномъ зданіи, рядомъ съ цekoю, бывшимъ прежде бібліотекою св. Марка, а теперь обращеннаго въ дворець, гдѣ помѣщается вице-король Ломбардскій. Оно построено въ 1536 году знаменитымъ Сансовино; и по мнѣнію Паладіо, принадлежитъ къ самымъ изящнымъ и замѣчательнымъ по своему богатству памятникамъ, сооруженнымъ со времени древнихъ. Фасадъ состоитъ изъ двухъ ордеровъ дорическаго и іоническаго; по карнизу идетъ балюстрада, на которой помѣщены двадцать пять прекрасныхъ статуй, работы лучшихъ учениковъ Сансовино; нижній портикъ возвышается на трехъ ступеняхъ, въ немъ двадцать одна аркада, поддерживаемыя пиластрами, къ которымъ снаружи примыкають колонны, средняя аркада съ двумя колоссальными каріатидами ведетъ къ лѣстницѣ, украшенной богатыми лѣсными работами, а сводъ расписанъ фрескаль-*Франкомъ* и *Баттистомъ-дель-Моро*. При сооруженіи этого дворца случилось весьма непріятное для Сансовино происшествіе: въ одной изъ залъ, замѣчательной по своему потолку, раздѣленному на 24 разноштучныхъ отдѣленій, расписанныхъ *Іосифомъ Сальвиати, Франко, Скиавоне* и *Поль-Веронезомъ*, потолокъ этотъ векорѣ по окончаніи его обвалился. Сансовино былъ немедленно заключенъ въ темницу, приговоренъ къ тысячѣ червонныхъ пени и лишенъ званія перваго архитектора Венеціи. Только неутомимыя старанія многочисленныхъ друзей его, въ числѣ которыхъ былъ и кавалеръ Мендоза, посланникъ Карла V, могли смягчить гнѣвъ Сената и возвратить бѣдному архитектору потерянное званіе. Замѣчательно, что въ числѣ ревностѣйшихъ защитниковъ Сансовино былъ *Аретинъ*, который употребилъ для оправданія его все сокровища своего краснорѣчія, и что всего удивительнѣе—*безденежно*.

До сихъ поръ назвалъ я только нѣкоторыя публичныя или правительственныя зданія, но кромѣ ихъ въ Венеціи множество замѣчательныхъ церквей и великолѣпныхъ частныхъ дворцовъ. Главные изъ нихъ занимають обѣ стороны Большаго канала, каналовъ Санъ-Поло, Реджіо и другихъ. Изъ дворцовъ на Большомъ каналѣ отличаются въ особенности величіемъ вѣнскимъ, богатствомъ матеріаловъ, странностью, или если можно такъ выразиться, фантастичностью стили, палаццы *Контарини, Рецонико, Фаскари*, послѣдній, почти одинаковаго стили съ дожескимъ дворцомъ, *Бальба, Пизани, Барбариго, Спинелли, Моченго, Манини*, въ которомъ умеръ послѣдній дожъ Венеціи. Далѣе за Ріальтскимъ мостомъ: палаццы *Микелли*, интересный по собранію разныхъ вооруженій и оружій, служившихъ дожу

Микелли, во время экспедиціи его въ Св. Землю, Сá-Дого (золотой домъ) удивительный образчикъ византійскаго, готическаго и мавританскаго вкусовъ, и наконецъ *Вендрамини-Калержи* великолѣпнѣйшій, чудеснѣйшій изъ всѣхъ. Дворецъ этотъ принадлежитъ къ числу немногихъ зданій, которыхъ фізіономія полна жизни, которыя имѣютъ какъ будто голосъ, чувство и которыя никогда не изглаждаются изъ памяти; кто же создалъ этотъ дивный памятникъ? *Санте-Ломбардо* ли, какъ это долго думали, *Пиетро* ли *Ломбардо*, какъ утверждаетъ архитекторъ Сельва?.. Несомнѣнно только то, что онъ принадлежитъ кому нибудь изъ этихъ великихъ артистовъ одного племени и одного имени, которые съ конца XV и до половины XVI вѣка наполнили Венецію памятниками зодчества, замѣчательными по оригинальности вымысла, по чистотѣ стили и по гениальности исполненія. Всѣ эти Ломбарди были также и скульпторами, и Венеція полна ихъ созданіями.

Но всѣ эти частныя зданія, построенныя съ огромными издержками самую богатою и самую гордою изъ всѣхъ аристократій, которая употребляла для того знаменитѣйшихъ зодчихъ Италіи, въ эпоху самаго блестящаго развитія искусства, не составляетъ еще характерической стороны Венеціи: есть другіе города въ Италіи, которые могутъ соперничать съ нею въ этомъ отношеніи, напримѣръ: Генуя, Флоренція, Римъ; тамъ также много превосходныхъ, великолѣпныхъ дворцовъ. Венеція, какъ и Римъ, между всѣми городами Италіи и цѣлаго міра отличается оригинальностью, разнообразіемъ и множествомъ своихъ религіозныхъ памятниковъ и церквей. Венеціане всегда оказывали большую ревность къ религіи, и венеціанское духовенство было самое многочисленное на всемъ итальянскомъ поземеліи; еще въ X вѣкѣ считалось въ Венеціи до ста церквей, а въ минуту ея паденія въ ней было всего 288 зданій, посвященныхъ религіи, какъ-то церквей, часовень и монастырей, изъ которыхъ осталось теперь только 122.

Всего болѣе поражаетъ въ Венеціи и на островахъ къ ней принадлежащихъ Торчелло, Бурано, Мурано и другихъ, удивительное разнообразіе типовъ и стилей церквей. Венеціанцы народъ по преимуществу торговый, имѣли постоянныя сношенія съ различными народами востока и запада; они часто посѣщали Византію, берега Сиріи и Египта, порты Неаполя, Пизы, Генуи, Марсели, Барцелоны, Палермо, Мессины и другихъ европейскіхъ городовъ. Впечатлѣнія, оставаемыя въ душѣ воспріимчивыхъ венеціанцевъ, разнообразными и совершенно разнородными памятниками всѣхъ этихъ мѣстъ, развили въ нихъ вкусъ къ зодчеству византійскому, греческому, мавританскому и готическому, и метрополія ихъ украсилась дворцами и въ особенности церквами, принадле-

жащими ко всѣмъ этимъ стилямъ, которые часто были даже соединяемы и смѣшиваемы въ одномъ и томъ же зданіи. Оттого вы нигдѣ, кромѣ Венеціи, не найдете такого страннаго, разнообразнаго, можно сказать фантастическаго и грандіознаго типа зодчества, родившагося отъ смѣшенія всѣхъ стилей; прибавьте къ этому, что для возведенія всѣхъ этихъ зданій и памятниковъ, Венеція, по богатству своему, имѣла возможность пользоваться талантами и гениемъ знаменитѣйшихъ зодчихъ Италіи, изъ которыхъ Сансовино, Паладіо, Скамоци, Саймикели и всѣ Ломбарди исключительно посвятили труды свои Венеціи. Изъ множества церквей, замѣчательнѣйшія — соборъ св. Марка, соборъ св. Іоанна и Павла, церкви: св. Маріи Фрари, св. Захаріи, св. Іереміи, св. Георгія греческаго, св. Роха, св. Фуско на островѣ Торчелло, св. Довата на островѣ Мурано, Спасителя, на берегу Джудеки и св. Франциска делла-Винья, тамъ же.

До сихъ поръ я говорилъ только о наружномъ видѣ Венеціи — но надобно заглянуть въ ея церкви, въ ея дворцы, чтобъ имѣть понятіе о разнообразіи, изобиліи и богатствѣ предметовъ искусства во всѣхъ родахъ; надобно видѣть всѣ эти статуи, картины, фрески, мозаики, лепные работы, чтобъ имѣть возможность оцѣнить вполне значеніе Венеціи на поприщѣ искусствъ, и составить себѣ вѣрную идею о ея славѣ и богатствѣ.

Въ Венеціи множество отличныхъ скульптурныхъ произведеній; перечислить ихъ значило бы написать цѣлую книгу. Я не имѣю къ тому ни времени, ни способвъ; но не въ томъ дѣло, существуетъ ли собственно скульптура венеціанская, имѣетъ ли она особый, ей одной свойственный характеръ? Многіе изъ національных венеціанскихъ писателей думаютъ и стараются утвердить это, указывая на нѣкоторыя скульптурныя произведенія XII, XIII и XIV вѣковъ, приписываемыхъ собственно венеціанскимъ мастерамъ, и находятъ въ нихъ особенный вкусъ и совершенно оригинальный стиль. Но это ничего не доказываетъ; всѣ произведенія, на которыя они указываютъ, имѣютъ, можетъ быть, для привычнаго и опытнаго глаза, какіе нибудь отличительные оттѣнки передъ другими такими же работами, произведенными въ Италіи въ этотъ періодъ времени, и зависятъ или отъ рода самаго таланта, или отъ степени искусства этихъ первыхъ мастеровъ итальянскаго ваянія, но не имѣютъ рѣзкихъ, отличительныхъ свойствъ, которыя необходимы для олицетворенія особой, оригинальной школы. По этому я полагаю, что собственно венеціанской школы ваянія не было; въ Венеціи жили и работали многіе отличные ваятели, оставившіе ей превосходныя произведе-

нія, но всё ихъ работы носятъ характеръ подражанія великимъ древнимъ мастерамъ и не могутъ назваться собственно венеціанскими.

Въ числѣ этихъ первобытныхъ скульптурныхъ произведеній, которыхъ достоинство и въ особенности оригинальность такъ преувеличивали, единственно для того, чтобъ доказать существованіе мѣстной школы, указываютъ въ особенности на гробницу дожа *Виталія Фальери*, въ соборѣ св. Марка, принадлежащую концу XI вѣка, и на гробницу *Фелиции*, супруги дожа Виталія Микели XII вѣка; также памятники *Маразини* и *Градениго*, стоящіе рядомъ съ вышеозначенными; потомъ на изваянія двѣнадцати апостоловъ, помѣщенные на балюстрада хора св. Марка и исполненные въ 1394 году венеціанскими артистами *Джіакобелло* и *Петромъ Паоло*, которые были однакоже учениками сіенскихъ мастеровъ. Къ той же категоріи принадлежатъ полувыпуклыя фигуры, приклоненныя къ колоннамъ главнаго алтаря св. Марка: старинное изображеніе Божіей Матери, барельефъ 1345 года, поставленный теперь надъ главнымъ входомъ въ Академію художествъ, барельефы гробницы дожа *Андрея Дандоло*, барельефъ 1340 года въ преддверіи храма кармелитовъ и бронзовыя двери дожевской капеллы, отлитыя въ 1300 году скульпторомъ *Бертучіо*.

Но къ самымъ замѣчательнымъ, самымъ оригинальнымъ произведеніямъ ваянія этой эпохи, конечно должно отнести капители колоннъ Дожевскаго дворца, приписываемыя генію *Филиппа Календаріо*. Капители эти самаго прихотливаго, оригинальнаго рисунка, составлены изъ переплетенныхъ листьевъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ красивыя символическія фигурки, полныя жизни и движенія, доказывающія всю силу и грацію рѣзца, ихъ изваявшаго. Геніальный зодчій древняго дожевскаго дворца, будучи въ тоже время и отличнымъ ваятелемъ, конечно могъ создать также и эти восхитительныя фигурки; но эти капители, какъ и самый дворецъ его, къ несчастію, не имѣли никакого ошутительнаго вліянія на современное и на послѣдующее искусство. Дѣйствительно, почти съ этой эпохи начинается преобладать въ Венеціи исключительно вкусъ пизанской школы, творцомъ которой былъ *Николо Пизанскій* и которая владычествовала въ Венеціи во все продолженіе XIV вѣка. Къ этой школѣ принадлежали изваянія 12 апостоловъ въ соборѣ св. Марка, о которыхъ я сказалъ выше.

Въ концѣ XV вѣка школа пизанская, воспроизведенная *Донателло*, переходитъ изъ Пизы во Флоренцію, и распространяется оттуда по всей Италіи. Падуанецъ *Андрей Риччи*, котораго прозвали *Венеціанскимъ Лизиппомъ* за искусство въ отливаніи бронзы, отлил четыре бронзовыя барельефа, изображающіе исторію св. Елены; они хранят-

ся въ венеціанской Академіи художествъ и цѣнятся знатоками чрезвычайно высоко.

Къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ ваянія XV вѣка принадлежитъ гробница дожа *Николо Триво*, въ церкви *Santa-Maria di Fraggi*, работы *Антоніо Бренцо*, того самаго, который окончилъ надворный фасадъ дожевскаго дворца и построилъ лѣстницу великановъ. Гробница эта по огромности своихъ размѣровъ можетъ назваться отдѣльнымъ зданіемъ; статуи и барельефы украшаютъ ее; статуй этихъ числомъ 19, величины болѣе чѣмъ натуральной, замѣчательны въ особенности прекраснымъ стилемъ драпировки, съ чрезвычайно мелкими складками, напоминающими древнія греческія фигуры.

Школа *Ломбардіевъ* отличалась также скульптурными произведеніями, принадлежавшими большею частью къ орнаментамъ зданій. Впрочемъ можно сказать утвердительно, что прежде *Донателло* и *Микель-Анджело*, ваяніе, принимаемое въ смыслѣ искусства греческаго, было только второстепеннымъ занятіемъ артистовъ среднихъ вѣковъ и времени возрожденія, и почти всегда служило какъ бы дополненіемъ къ зодчеству; это доказываютъ всѣ скульптурныя произведенія съ XII до XVI вѣка. Скульптурныя работы школы ломбардовъ весьма многочисленны въ Венеціи и почти всѣ, какъ я уже замѣтилъ, дополняютъ собою памятники зодчества и совершенно подчиняются имъ.

Въ числѣ памятниковъ, оставленныхъ Венеціи этою школой, особенно замѣчательны: капелла кардинала Зено, въ соборѣ св. Марка и гробница дожа Вендрамини, въ церкви св. Іоанна и Павла; гробницы эти работы Александра Леонардо и Тулліо Ломбарди, принадлежатъ къ лучшимъ памятникамъ венеціанскаго ваянія въ эпоху самаго блистательнаго его развитія, и вмѣстѣ съ дворцомъ Вендрамини составляютъ лучшее проявленіе школы *Ломбардіевъ*. Надобно сознаться, что этотъ дожъ Вендрамини особенно счастливъ: два замѣчательнѣйшіе памятника зодчества и ваянія принадлежатъ его имени.

Надгробные памятники *Джювани* и *Петро Мочениго* въ той же церкви св. Іоанна и Павла, работы *Тулліо* и *Антоніо Ломбарда*; гробница дожа *Марчелло*, почти неуступающая въ великолѣпіи гробницѣ Вендрамини, памятники *Орсини* и *Брогандино*, принадлежащіе къ концу XV и къ началу XVI вѣка, представляютъ родъ музеума лучшей эпохи венеціанскаго ваянія.

Съ началомъ XVI вѣка открывается для Венеціи, какъ и для всей Италіи, новая блестящая эпоха ваянія. Въ числѣ скульпторовъ, посвятившихъ труды свои Венеціи, нельзя не упомянуть о *Бартоломео*, творцѣ статуй портала дожевскаго дворца, о *Бартоломео Буоно*, по-

строившаго дворецъ старыхъ прокураторовъ. Онъ какъ и большая часть здѣхъ того времени былъ также и ваятелемъ. *Гульельмо Бергамаско*, которому приписываютъ превосходный алтарь съ изображеніемъ *св. Магдалины*, въ церкви св. Іоанна и Павла и *Антоніо Деитоне*, прославившагося статуей *Виталия Капело* на колѣнахъ предъ св. Еленой, въ церкви св. Елены.

Но первый изъ всѣхъ этихъ ваятелей, конечно, *Жакобо Сансовино*, который по множеству и важности своихъ произведеній также популяренъ въ Венеціи какъ Микель-Анджело во Флоренціи, Паладіо въ Виенцѣ, Сан-Микели въ Веронѣ. Онъ былъ мастеромъ своего дѣла не только въ ваяніи, но и въ зодчествѣ, и болѣе чѣмъ кто либо содѣйствовалъ къ установленію флорентинскаго вкуса, который со времени Микель-Анджело сталъ преобладать въ Венеціи и вообще во всей Италіи. Его собственныя созданія и произведенія учениковъ его *Тиціана Мунио* и *Дезидеріо* носятъ на себѣ печать флорентинской манеры. Венеція полна его статуями и барельефами изъ мрамора и бронзы; двѣ колоссальныя фигуры лѣстницы великановъ, которыя онъ исполнилъ будучи уже 75 лѣтъ, извѣстнѣе другихъ, но не принадлежатъ къ лучшимъ его созданіямъ; въ нихъ подражаніе Микель-Анджелу слишкомъ ощутительно. Болѣе оригинальности, свободы, и жизни видны въ изваяніи *св. Іоана Крестителя*, въ церкви «S-t Maria de Fragi», въ сидящей статуѣ *Марка Равенскаго* надъ входомъ церкви св. Жюстины; въ фигурѣ *Аполлона* и другихъ статуяхъ, помѣщенныхъ между колоннъ *Лоджесты Кампанильской*. Онъ особенно отличался въ изображеніи *Мадонъ*, любимѣйшемъ предметѣ итальянскихъ артистовъ, но самое замѣчательное, самое капитальное изъ его созданій, это бронзовая *дверь ризницы св. Марка*, которая, какъ увѣряютъ, стояла ему двадцати-лѣтнихъ трудовъ. Дверь эту можно бы назвать счастливымъ подражаніемъ превосходнымъ дверямъ *Лоренца Гиберти* во Флоренціи, еслибъ она не отличалась особеннымъ типомъ и оригинальностью манеры Сансовино. Посрединѣ она въ двухъ барельефахъ изображаетъ *Положеніе во гробъ* и *Воскресеніе Спасителя*; въ маленькихъ нишахъ по бордюру этихъ барельефовъ видны изображенія четырехъ евангелистовъ, а въ шести бюстахъ, расположенныхъ по бокамъ барельефовъ, узнаемъ портреты самого *артиста*, благородную, важную фигуру *Тиціана* и физиономію *Аретина*.

Самый замѣчательный изъ учениковъ Сансовино былъ *Александръ Виторіа* изъ Тридента, переселившійся въ Венецію еще въ дѣтствѣ и проведшій тамъ всю жизнь свою. Онъ превосходилъ своего учителя и всѣхъ современныхъ ваятелей благородствомъ своего стиля и граціею

своихъ созданій. Кромѣ мраморовъ и бронзъ, онъ дѣлалъ модели для множества лѣпныхъ работъ, и занимался также рѣзбою на деревѣ. Лѣпныя работы его лѣтницъ дожескаго дворца, остались до сего времени классическими образцами по богатству вымысла, разнообразію рисунка и по изяществу вкуса. Всѣ прекрасныя *каріатиды* при входѣ въ старинную бібліотеку св. Марка, прелестная фигура *св. Себастіана* въ церкви Спасителя, изваянія *пророка Захаріи* на фасадѣ церкви этого святаго, группа «*de la Pietà*» на гробницѣ Веспіери въ церкви Спасителя, изображеніе *св. Іакова*, на главномъ алтарѣ церкви этого апостола въ Ріальто, и множество другихъ статуй, барельефовъ, плафоновъ, лѣпныхъ работъ свидѣтельствуютъ о плодovitости и талантѣ этого замѣчательнаго артиста, который въ ряду ваятелей занималъ такую же степень, какъ Тиціанъ въ ряду живописцевъ.

Въ продолженіе XVII вѣка ваяніе, какъ и всѣ другія искусства, постепенно клонилось къ упадку. Впрочемъ и въ это время являлись таланты, и Венеція украсилась многими замѣчательными памятниками; но исторія искусства, достигнувъ періода упадка или застоя, теряетъ свою занимательность.

Что же касается до XVIII вѣка, то *церковь иезуитская*, построенная какимъ-то *Фанторетто* съ ея фасадомъ, загроможденнымъ статуями и разными украшеніями, отличающимися пестротой и безвкусіемъ, даютъ понятіе о степени искусства въ эту эпоху. *Торетти, Бонале, Кабини, братья Гропелли, Бернардоне*, лучшіе артисты того времени; *Баратти, Терсія, Кандероне и Камачіо*, содѣйствовали къ украшенію этого зданія, и изъ него вышло что-то странное, пестрое, не имѣющее ни величія, ни вкуса, ни единства. Вотъ до чего дошли въ началѣ XVIII вѣка преемники *Ломбардіевъ* и *Виторія*; впрочемъ тоже самое было во всей Италіи и въ цѣлой Европѣ. Кто бы могъ подумать, что въ ваяніи прежде конца этого же самого вѣка произойдетъ перевотъ, и что для него настанетъ также *эпоха возрожденія*. Еще менѣе можно было предполагать, чтобъ Венеція сдѣлалась мѣстомъ эпохи возрожденія, и чтобъ художникъ, давшій такое новое направленіе искусству, былъ венеціанецъ. Однакожъ это дѣйствительно было такъ, и художникъ этотъ былъ *Канова*. Про школу *Кановы* можно сказать, что она не была выраженіемъ внезапнаго вдохновенія, но болѣе результатомъ глубокаго изученія древняго греческаго ваянія. Руководителями его, или лучше сказать первыми двигателями на этомъ поприщѣ, были археологи и профессеры эстетики; Канова въ сочиненіяхъ и совѣтахъ *Винкельмана, Рафаэля Менгса, Милиція, кавалера Гамильтона*, по прибытіи въ Римъ въ 1779 году, очер-

пнулъ энтузіазмъ, который вдохнулъ ему смѣлую мысль воспроизвести въ первобытной красотѣ греческое ваяніе, и если можно, даже превзойти его. Но эта попытка воскресить форму или типъ искусства, умершаго уже болѣе 20-ти вѣковъ, была, если можно такъ выразиться, послѣднимъ порывомъ отчаянія издыхающаго ваянія, мечтавшаго, что она можетъ получить новую жизнь посредствомъ этой метампсихозы. Оттого-то и школа *ново-греко-римская*, которой рожденіе и смерть мы все видѣли въ продолженіе какихъ нибудь сорока лѣтъ, оставила, за немногими исключеніями, только холодныя, безжизненныя и безцвѣтныя созданія. Все это говорю я не столько о самомъ Кановѣ, какъ о его послѣдователяхъ и о школѣ имъ созданной; можетъ быть, мнѣніе мое покажется слишкомъ строго; но къ этой школѣ отношу я не одну скульптуру, а также и живопись, представителемъ которой былъ извѣстный живописецъ *Давидъ*. Нельзя сказать, чтобъ этой школѣ недоставало талантовъ: они были и весьма замѣчательные; но школа эта стремилась и искала невозможнаго; вмѣсто *идеализма*, котораго она добивалась и который думала воскресить, она достигла только какого-то условнаго формализма, отвлеченнаго и исполненнаго педантства.

Самъ Канова, несмотря на всю силу своего таланта, не можетъ избѣжать этого упрека. Необыкновенный усилъ, которымъ пользовались все его созданія, восторженное поклоненіе, которое ему воздавали въ продолженіе полувѣка въ цѣлой Европѣ, великій авторитетъ его имени, которое итальянцы ставили рядомъ съ именами Фидія и Микель-Анджело, весь этотъ шумъ, весь этотъ восторгъ, возбуждавшійся при каждомъ новомъ появленіи какого либо его произведенія, теперь очень поуменился и въ самой Италіи. Тамъ поняли наконецъ странность претензій Кановы быть грекомъ болѣе, чѣмъ сами греки, и перечитывая все современныя похвалы, панегирики и рецензій, удивляешься, какъ могли люди съ такимъ умомъ, познаніями и вкусомъ ошибаться до такой степени на счетъ настоящаго достоинства и характера произведеній Кановы. Съ своею женственною граціей, съ своимъ кокетливымъ щегольствомъ, Канова походить на грековъ столько же, сколько Миньяръ на Рафаэля. Впрочемъ, онъ обладалъ великимъ талантомъ, и если его мраморы не имѣютъ тѣхъ достоинствъ, которыя думали видѣть въ нихъ современники, они тѣмъ не менѣе преисполнены прелести по своей мягкости, оконченности и роскоши малѣйшихъ деталей; самая свѣтская манерность ихъ, совершенно нынѣшняя, которая проявляется почти вездѣ безъ сознанія самаго художника, изъ-подъ типа греческаго, придаетъ имъ какую-то особенную оригинальность.

Канова, какъ и все гениальныя художники, былъ чрезвычайно пло-

ловить; онъ оставилъ 60 статуй, изъ которыхъ 7 колоссальныхъ; 12 группъ, 14 сенатофовъ, 8 большихъ надгробныхъ памятниконъ, 54 бюста, 26 барельефовъ и множество неоконченныхъ мраморовъ. Въ Венеціи очень мало его произведеній, а именно: въ Арсеналѣ *памятникъ* въ честь знаменитаго венеціанскаго адмирала *Анджело Эмо*, во дворцѣ Пизани группа *Дедана, привязывающаго крылья Икару*, во дворцѣ старыхъ прокураторовъ *барельефъ, изображающій Сократа, прощающагося съ своими друзьями*, два бюста у кавалера Чиконьяра и *корзинка съ плодами* во дворцѣ Фирсети.

Съ Кановою кончился для Венеціи періодъ ваянія, и я кончаю письмо свое. Я только теперь замѣтилъ, что оно чрезвычайно длинно; если я не надоѣлъ вамъ, то въ слѣдующемъ поговорю о живописи венеціанской.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Парижъ 1/2 іюня, 1854 г.

Настало лѣтнее время, самое неблагопріятное для литературы, журналистики, искусствъ, которое вездѣ называется непродуцибельнымъ потому, что въ жары, кажется, нѣтъ никакой возможности заняться чѣмъ нибудь серіозно, особенно въ душномъ, пыльномъ городѣ. Послѣ скачекъ на Марсовомъ полѣ, часть счастливыхъ, то есть богатыхъ жителей Парижа, разѣхалась по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ водамъ, къ провинціальнымъ замкамъ, или просто къ загороднымъ домикамъ, чрезвычайно напоминающимъ петербургскія дачи. Однако изъ этого не слѣдуетъ что Парижъ пустъ и отдыхаетъ въ бездѣйствіи. Въ немъ и не замѣтно недостатка нѣсколькихъ тысячъ дачниковъ, потому что ихъ замѣнили тысячи пріѣзжихъ иностранцевъ и провинціаловъ, пользующихся скорымъ сообщеніемъ, чтобъ въ хорошую погоду осмотрѣть Парижъ со всѣми его достопримѣчательностями. Дѣла же и удовольствія идутъ своимъ порядкомъ. Жарь ни сколько не мѣшаетъ имъ, точно также какъ и дожди. Займемся прежде серіозными дѣлами, открытіями, промышленностью.

Больше всего говорятъ вездѣ о великолѣпномъ дворцѣ промышленности, возвышающемся въ Елисейскихъ поляхъ, и уже приходящемъ къ окончанію. Это будетъ удивительное зданіе не только по красотѣ наружной и внутренней, но также по прочности, удобству и безопасности отъ огня. Извѣстно, что съ нѣкотораго времени архитекторы приняли въ постройкахъ употребленіе желѣза и чугуна вмѣсто дерева, и новый дворецъ почти весь вылитъ изъ металла. Балки, колонны, галереи, бал-

коны, своды, рамы отлиты изъ прочнаго вещества, которое не боится ни времени, ни несчастныхъ случаевъ.

Дворецъ имѣетъ 234 метра длины и 108 ширины. Этотъ огромный паралелограммъ прорѣзанъ внутри пятью галереями, каждая въ два этажа, кромѣ средней, проходящей черезъ всю длину зданія.

Для подобныхъ колоссальныхъ работъ казалось требовались бы обыкновенные инструменты и огромное число рабочихъ. Ничего не бывало. Для постройки дворца промышленности употребляютъ самое незначительное число каменщиковъ и плотниковъ, потому что дерево почти совсѣмъ изгнано изъ этого зданія, и камня также меньше чѣмъ въ обыкновенныхъ домахъ. Но для поднятія на огромную вышину чугунныхъ балокъ и сводовъ и для укрѣпленія ихъ, надобно было бы внутри сдѣлать большіе лѣса и устроить машины въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на что потрачено было бы много времени и денегъ. Однако нашли средство отворотить и это. Строители придумали очень удобную временную машину, которая, безъ большихъ усилій работниковъ, поднимаетъ куски литаго чугуна на какую угодно вышину.

Этого еще мало. Такъ какъ эту громаду нельзя переставлять съ мѣста на мѣсто, то искусный инженеръ придѣлалъ къ ней колеса, которыя вставлены въ рельсы, положенныя во всю длину паралелограмма. Десять человѣкъ легко тянутъ канатами эту огромную машину, которая тихо и важно прогуливается подъ сводами.

Всѣ изобрѣтенія зависятъ одно отъ другаго. Если бы желѣзныя дороги, переносящія цѣлыя народонаселенія на огромныя пространства не были придуманы, то нельзя было бы и устроить подвижныя лѣса, которыя чрезвычайно какъ облегчили строителей великолѣпнаго дворца промышленности.

Торговое сословіе Франціи въ большихъ хлопотахъ, но причиною этого совсѣмъ не всемірная выставка, назначенная въ новомъ зданіи будущей весною. До нея еще далеко, и притомъ же только что составила компанія капиталистовъ, чтобъ устроить въ Парижѣ огромную гостиницу въ родѣ американской, способную вмѣстить въ себѣ уже не сотни, но тысячи посѣтителей; а между тѣмъ фабриканты и промышленники выбираютъ лучшія свои произведенія, чтобъ поддержать народную славу на ежегодной лейпцигской ярмаркѣ. Этотъ маленькій германскій городокъ, по счастливому географическому положенію служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ всей Европы, и кромѣ того играетъ важную роль въ книжной торговлѣ. Нѣтъ ни одного библіофила и книгопродавца не только въ Германіи, но и во Франціи, который бы нѣсколько

разъ въ жизни не посѣтилъ знаменитой лейпцигской ярмарки. Вотъ отчего французская промышленность спѣшитъ отправлять туда свои дорогія бездѣлки, шелковыя матеріи, шали, сукна, оружіе.

Въ послѣднее время сильно умножились промышленныя изобрѣтенія, долженствующія замѣнить сахаръ, вино, спирты. Прожектеры обѣщаютъ горы сладостей, моря упоенія, и воображаютъ, что представляютъ публикѣ что нибудь новое, если объявятъ, съ помощію всѣхъ газетъ, что нашли средство добывать сахаръ изъ маиса или изъ тыквы, а вино и спирты изъ всѣхъ плодовъ садовыхъ или дикихъ. Тутъ нѣтъ ничего новаго и важнаго. Давно уже доказано учеными изысканіями, что сахарное вещество находится во многихъ плодахъ и овощахъ, точно также какъ алкоголь, и весь вопросъ состоитъ въ экономическихъ средствахъ для обработыванія этихъ плодовъ, требующихъ другаго способа и совершенно новаго устройства машинъ и заводовъ. Но до этого нѣтъ никакого дѣла мнимымъ изобрѣтателямъ. Въ 1834 году, Паласъ прислалъ въ академію наукъ записку, въ которой говоритъ, что добылъ изъ маиса сахаръ, ни въ чемъ не уступающій тростниковому. Съ тѣхъ поръ дѣланы были многіе опыты, и вѣроятно послѣдствія ихъ были не такъ удовлетворительны, чтобъ принять ихъ въ фабрикаціи сахара. Что же касается до винъ и спиртовъ, то въ новомъ добываніи нѣтъ ничего новаго. Изъ сахарнаго тростника давно уже добывали превосходный ромъ, стало быть, вездѣ гдѣ есть сахарное вещество, есть также и алкоголь. Послѣ этого не трудно было найти въ свеклѣ алкоголь, пользующійся теперь всеобщимъ уваженіемъ. Если давно не изобрѣли этого способа, то потому только, что оно было не нужно. Важнѣйшія открытія произошли отъ необходимости. Болѣзнь винограда заставила дѣлать вино изъ другихъ плодовъ, точно также какъ дороговизна колониальнаго сахара имѣла результатомъ сахаръ свекловичный.

Правда, что чистаго винограднаго вина очень мало въ продажѣ, и его обыкновенно разводятъ, подмѣшиваютъ, красятъ, словомъ изъ здороваго напитка дѣлаютъ какую-то отраву, которую еще продаютъ такъ дорого, что недостаточные люди не въ состояніи пользоваться ею. Стало быть, добываніе вина изъ другихъ плодовъ и умноженіе его послужитъ не только къ пониженію цѣны, но и къ продажѣ чистаго вина вмѣсто отравленнаго.

Неурожай хлѣба тоже произвелъ толпу изобрѣтателей, предлагающихъ замѣнить его какими-то неизвѣстными травами и кореньями. Неизвѣстно еще будутъ ли имѣть успѣхъ эти предложенія. Впрочемъ пока еще недостатокъ хлѣба не такъ чувствителенъ, и потому не при-

нято никакихъ мѣръ противъ возможнаго голода. Особенно Парижъ никогда не думаетъ о будущемъ. Теперь онъ сытъ, ему тепло, весело, и онъ не хочетъ ничего знать. Для него зима кажется такъ далека, что не стоитъ и думать о ней.

Что касается до изобрѣтенія Андро, оно будетъ тотчасъ же принято и быстро распространится, потому что обѣщаетъ большую выгоду капиталистамъ, строящимъ желѣзныя дороги. Этотъ ученый нашель средство заставить локомотивъ подниматься на горы. До сихъ поръ горы были главнымъ препятствіемъ для проведенія дорогъ, потому что тоннели трудно прорывать, и они обходятся очень дорого. Сдѣланъ былъ уже опытъ въ Сентъ-Этьенѣ, и машина пошла вверхъ по рельсамъ по возвышенности, разумѣется съ усиленными парами. Не окажется ли только опаснымъ это усиленіе паровъ.

Еще полезное открытіе—это размноженіе пивковъ въ искусственныхъ болотахъ. Борнъ и докторъ Гарро устроили резервуары, въ которыхъ пивки множатся съ такою силою, что теперь нѣтъ никакой надобности вывозить ихъ изъ Египта, изъ Венгрии, или съ большимъ трудомъ ловить въ болотахъ, гдѣ онѣ стали уже очень рѣдки, потому что болота постепенно высыхаютъ. Въ Парижѣ, въ Сентъ-Денискомъ предмѣстьи устроено огромное депо пивковъ.

Мы еще не кончили съ изобрѣтеніями. Какой-то Варнель объявляетъ, что онъ открылъ средство управлять воздушнымъ шаромъ. Многіе уже давно занимаются этимъ любопытнымъ вопросомъ, но до сихъ поръ всѣ успія были безуспѣшны. Теперь же опытъ удался на маломъ пространствѣ, и изобрѣтатель въ непродолжительномъ времени обѣщаетъ перелетѣть съ Марсова поля въ Тюльерійскій садъ. Разумѣется, на первый разъ нельзя требовать чтобъ онъ побывалъ на лунѣ, но все таки для пользы науки и для полного результата не мѣшало бы назначить пространство побольше. Впрочемъ тогда парижская публика не послѣдовала бы за воздухоплателемъ, и пожалуй, не повѣрила бы его успѣху. Теперь же всѣ умы пришли въ большое волненіе. Говорятъ вездѣ о воздушныхъ путешествіяхъ, объ уничтоженіи желѣзныхъ дорогъ, которыя окажутся ненужными, неудобными или слишкомъ медленными, объ увеселительныхъ поѣздкахъ чуть ли не на звѣзды. Какъ бы то ни было, но если опытъ удастся и будетъ повторенъ въ большихъ размѣрахъ, онъ произведетъ большой переворотъ, а пока онъ не признанъ, нечего и фантазировать о его послѣдствіяхъ. Можетъ быть, всѣ предположенія разлетятся какъ мыльный пузырь, и шаръ Вернеля понесется по вѣтру, какъ всѣ его предшественники, а не по волѣ человека.

Пока еще не рѣшены увеселительные поѣзды по воздуху, Парижъ собирается подражать Венеціи, а Сена между Сенъ-Клу и Пасси будетъ представлять Адриатическое море. Настоящія венеціянскія гондолы будутъ въ извѣстные часы отправляться отъ моста Согласія, и нѣжно качать публику на волнахъ, при звукахъ тихой музыки. За одинъ франкъ—каждый можетъ прогуляться съ венеціянскимъ гондольеромъ и прослушать баркароллу. У кого очень сильное воображеніе, тотъ можетъ мечтать, что онъ родня дожа, что дворець промышленности похожъ на венеціянскій палаццо, Іенскій мостъ напоминаетъ мостъ вздоховъ, пристань въ Пасси—лѣстницу великановъ. Трудно только принять парижское небо за италіанское, и еще труднѣе встрѣтить Тиціана или Веронеза.

Рѣшительно страсть къ водѣ пробуждается у парижанъ, и кромѣ венеціанскихъ увеселеній на Сенѣ, составители плановъ удовольствій придумали еще новое наслажденіе для публики. Составляется компанія яхтъ и небольшихъ пароходовъ, которые будутъ ходить по Средиземному морю близъ береговъ, останавливаться въ замѣчательныхъ городахъ, и совершивъ увеселительную поѣздку до Мальты и даже до Константинополя, возвращаются опять во Францію. Цѣны за это любопытное путешествіе назначены самыя незначительныя, такъ что недостаточные люди могутъ себѣ позволить эту морскую поѣздку безъ большихъ жертвованій. Если только компанія эта состоится, то живописцы, артисты, писатели первые воспользуются случаемъ увидѣть настоящее море и востокъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, а не такъ какъ его описываютъ авторы, никогда не выѣзжающіе дальше Шантिल्и. Пора уже оживить чѣмъ нибудь искусства и литературу, а то вездѣ пишутъ одно и то же, и за неимѣніемъ новыхъ сюжетовъ, наполняютъ газеты *утками*, имѣющими привычку пролетать каждое лѣто. Въ это время обыкновенно бываютъ странные феномены, о которыхъ никто не знаетъ кромѣ журналистовъ. То явится въ приморскомъ городѣ невиданная рыба, то охотникъ убьетъ птицу небывалой породы, то гдѣ-то въ неслыханномъ мѣстечкѣ идетъ дождь изъ ящериць. Всѣ нищіе, умирающіе лѣтомъ, оставляютъ миллионы, спрятанные въ лохмотьяхъ; дѣвушки же и молодые люди умираютъ отъ любви, а вовсе не отъ чахотки или другихъ болѣзней. Впрочемъ журналисты увѣрены, что ихъ читаютъ безъ вниманія, и потому наполняютъ свои листы чѣмъ ни пошло. Недавно парижане, не выѣзжающіе изъ города, были перепуганы одною изъ подобныхъ утокъ, объявившею за достоверное, что городское начальство продало Елисейскія поля компаніи капиталистовъ, предположившей истребить это народное гулянье, и на

мѣсть его построить цѣлый кварталъ. Приводили даже цѣну въ сорокъ милліоновъ, заплаченную компанію. Какъ же тутъ не повѣрить. Подтверждали это еще тѣмъ, что Булонскій лѣсъ, прежде необдѣланный и пустынный, превратился теперь въ великолѣпный паркъ, въ которомъ какъ будто бы по волшебству явилась искусственная рѣка, каскады, аллеи, желѣзная дорога, огибающая весь лѣсъ и поминутно сообщаемая съ городомъ. Разумѣется, что парижане пользуются и новымъ мѣстомъ гулянья, но все таки оно довольно далеко отъ Парижа, тогда какъ Елисейскія поля находятся близко отъ центра города и всегда наполнены толпою гуляющихъ. При томъ въ нихъ собраны всевозможныя народныя увеселенія, начиная отъ бала на чистомъ воздухѣ и великолѣпнаго цирка, до фокусниковъ и представленія полишинелей. Всѣ сословія, всѣ туалеты встрѣчаются на безчисленныхъ аллеяхъ и пользуются увеселеніями, соответственными вкусу и кошельку, и вдругъ распространяется страшное извѣстіе, что каменщики выгоняютъ всю публику, и вмѣсто столѣтнихъ деревьевъ начнутъ выводить стѣны. Къ счастью, слухъ этотъ опровергнуть былъ скоро официальнымъ образомъ, что не много успокоило приверженцевъ Елисейскихъ полей. Сады необходимы въ огромномъ многолюдномъ городѣ, и надобно не уничтожать ихъ, а напротивъ, увеличивать для здоровья жителей. Если для этой цѣли городское начальство уничтожило цѣлыя улицы и кварталы, то стало быть, ему нѣтъ ни какой надобности лишать городъ огромнаго красиваго сада, служащаго къ пользѣ и увеселенію большей половины жителей Парижа.

Продажа библіотеки покойнаго Бертона окончилась. Тысячи любителей посѣщали разобрать сокровища, собранныя покойникомъ въ продолженіе всей его жизни. Жаль только что не нашлось достаточнаго покупателя, который бы приобрѣлъ всю коллекцію, не раздробляя ее и не вывозя изъ Франціи, можетъ быть, лучшіе сочиненія. Надобно замѣтить, что борьба между покупателями была очень жаркая, и на нѣкоторыя книги набили огромныя цѣны, что весьма удивительно въ наше время, когда страсть къ книгамъ давно пропала. Если публика и бѣжитъ на аукціоны, такъ только для того, чтобъ закупить бездѣлушекъ, украшеній или картинъ, и то какъ можно дешевле.

Впрочемъ не всегда любители или знатоки покупаютъ книги и картины, особенно если онѣ достигаютъ большихъ цѣнъ. На последнемъ аукціонѣ Армана-Бертенъ было много англичанъ, которые вѣроятно даже не прочтутъ доставшихся имъ книгъ. Въ искусствахъ Джонъ-Буль также не далекъ, что доказываетъ слѣдующій анекдотъ. На последнюю картинную выставку въ Лондонѣ прислана была картина одного изъ

лучшихъ французскихъ живописцевъ, чрезвычайно понравившаяся въ Парижѣ. Лондонская комиссія объявила, что картина дѣйствительно хороша, но ее невозможно принять на выставку, потому что *рама очень велика*, и выставка переслала живописцу произведеніе его съ учтивымъ письмомъ, подписаннымъ секретаремъ комиссіи Прескоттомъ. Что же сдѣлалъ французскій артистъ? Онъ вставилъ въ красивую рамочку письмо англичанина и послалъ его на выставку.

Во Франціи разыгрывается опять вѣчная исторія подъ названіемъ *дядя изъ Америки*. Только этотъ дядя, вышедшій изъ отечества нищимъ, обогатился въ Азіи и умеръ тамъ, оставивъ бѣднымъ родственникамъ колоссальное состояніе. Этого набоба звали Бланъ, то есть бѣлый, а такъ какъ фамилія эта встрѣчается довольно часто, то вѣроятно явится множество Блановъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, чтобъ получить хоть милліончикъ изъ наслѣдства, хотя въ наше время уже наслѣдники почти невозможны, потому что исправительная полиція умѣетъ отличить бѣлое отъ чернаго.

Другой анекдотъ о наслѣдствѣ еще занимательнѣе. У одного скупаго богача былъ наслѣдникомъ племянникъ, котораго неизвѣстно почему Гарнагонъ ненавидѣлъ. Но молодой человекъ терпѣливо переносилъ дурное обхожденіе дяди и бѣдность, надѣясь на будущее и увѣренный, что портфель, набитый банковыми билетами, все таки перейдетъ въ его руки. Вдругъ старикъ захворалъ, и чувствуя приближеніе смерти, тѣмъ болѣе, что доктора отказались отъ него, собралъ остатки своихъ силъ, досталъ портфель, въ которомъ заключалось все его богатство, и бросилъ его въ огонь, чтобъ онъ не достался племяннику. И чтожь, послѣ этой жертвы, старикъ почувствовалъ облегченіе, и можетъ быть, прожить еще долго, по нищимъ. Желая наказать племянника, онъ наказалъ самого себя. Какое ужасное положеніе! Вѣроятно драматурги не замедлятъ воспользоваться имъ, чтобъ представить поразительную сцену и составить эффектную роль для Фредерика Леметра, точно также какъ они уже составили піесу изъ несчастнаго случая въ Экюльи.

Во всѣхъ журналахъ было описано несчастное происшествіе. Два работника Жирѣ и Жалѣ рыли колодезь въ мѣстечкѣ близъ Ліона, и были засыпаны пескомъ и землею на глубинѣ десяти метровъ. По причинѣ рыхлости земли, обваливающейся безпрестанно на несчастныхъ, было очень трудно подать имъ помощь. Прежде всего помогли имъ освободить верхнюю часть тѣла, и инженеры, находящіеся въ Ліонѣ, немедленно приступили къ работамъ. Такъ какъ не было никакой возможности укрѣпиться на краяхъ колодца, не опасаясь совершенно задавить

двухъ работниковъ, то капитанъ Робине приказалъ рыть другой колодезь въ пяти метрахъ отъ перваго, чтобъ съ боку добраться до Жиро и Жалá. Мѣра эта была медленная но вѣрная. Притомъ же въ первое отверстіе опускали имъ пишу и даже разговаривали съ ними. Оба работника чувствовали большіе ушибы, и нижняя часть ихъ тѣла была вся погребена въ землѣ, такъ что если бъ нашли средство спустить къ нимъ блокъ или веревку, то скорѣе разорвали бы ихъ на части, но ни какъ не освободили бы изъ-подъ земли. Въ несчастію Жалá, старшій изъ работниковъ не могъ перенести своего положенія. Съ нимъ дѣлалась горячка, во время которой онъ метался, мучилъ своего товарища и увеличивалъ вокругъ себя обрушеніе земли. Наконецъ послѣ двухдневныхъ страданій онъ умеръ, и бѣдный Жиро остался въ колодезѣ съ разлагающимся трупомъ еще девятнадцать дней. Въ это время инженеры окончили косвенную подземную галерею, добрались до несчастнаго и вынесли его на чистый воздухъ. Не смотря на продолжительную пытку и многочисленныя раны, Жиро по-видимому былъ еще довольно бодръ, и благодарилъ своихъ великодушныхъ спасителей, подвергавшихся тоже не разъ опасностямъ. Кромѣ капитана Робино, управлявшаго работами, саперы Бравду, Бернаръ и Баке не жалѣли усилий для спасенія погребенныхъ живою. Эта страшная подземная драма произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе, и тотчасъ открыта была подписка въ пользу бѣднаго Жиро, принужденнаго, можетъ быть, навсегда отказаться отъ работы. Печальнѣе всего то, что всѣ труды, пожертвованія, все великодушіе спасителей имѣло грустный результатъ. Жиро не могъ перенести страданій, и послѣ отнятія лѣвой ноги, умеръ, не смотря на всѣ заботы и попеченія, оплаканный всѣми окружающими.

И этимъ-то печальнымъ происшествіемъ вздумалъ воспользоваться Селестинскій театръ въ Ліонѣ, и уже выставилъ на офишахъ что въ скоромъ времени представлена будетъ драма подъ названіемъ *Работникъ въ Эколли*; но неизвѣстно почему афиши эти сняты. Вѣроятно, дирекція догадалась, что неприлично тревожить прахъ человѣка только что умершаго послѣ нечеловѣческихъ страданій.

Уже нѣсколько лѣтъ Парижъ былъ лишенъ музыкальныхъ праздниковъ Орфеона. Теперь они возобновились въ циркѣ Елисейскихъ полей подъ президентствомъ директора музыка Шарля Гуно. Въ послѣднее воскресенье было открытіе Орфеона, въ которомъ исполнили тысяча сто хористовъ десять музыкальныхъ сочиненій! *Мирозданіе* Гайдна, *Пары* Томаса, *Alla Trinita*, большой хоръ XVI вѣка, *Часовщики* мужской хоръ Адана, *Вокальная симфонія*, Шаляра, *хоръ изъ говолін* Гуно,

Кузнецы Галевн, *Ода Жильбера* (J'ai révélé mon coeur) Буске, военная пѣснь, мужской хоръ Тиса, *Бивакъ* Адана. Заставили повторить *Военную пѣснь* и хоръ *Кузнецовъ*. Одинъ изъ хоровъ, пѣтый безъ акомпанимента, произвелъ тоже большое впечатлѣніе. Вообще засѣданіе Орфеона было одно изъ самыхъ блистательныхъ и привлекло многочисленную публику.

Кромѣ этого праздника, открыты также всѣ лѣтніе загородные балы. Содержатели *Мабиля*, *Шомьеры*, *Ранела* и другихъ извѣстныхъ мѣстъ стараются выдумать какое нибудь особенное удовольствіе, чтобъ привлечь многочисленную публику. Всѣ торопятся набирать лучшихъ музыкантовъ. Руджіери приготовляетъ великолѣпные фейерверки; Годаръ собирается подняться на воздухъ на своемъ шарѣ, не извѣстно еще только съ кѣмъ. Пробовали уже летать съ лошадьми, козлами, львами—теперь остается попросить въ Парижскомъ звѣринцѣ недавно привезеннаго гипопотамы и попробовать пуститься съ нимъ въ воздушное путешествіе, чтобъ наблюдать за впечатлѣніями интереснаго животнаго. Только наврядъ ли шаръ поднимется съ нимъ очень высоко.

На всѣхъ этихъ праздникахъ и гуляньяхъ ни какъ нельзя не замѣтить нынѣшнихъ эксцентрическихъ модъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Женщины нашли почему-то удобнымъ носить шляпки безъ тульи и безъ полей, и воображаютъ что эти инструменты защищаютъ ихъ отъ солнца, пыли и дождя. Надобно признаться, что у женщинъ сильное воображеніе! Платья и безъ того длинныя, теперь стараются подражать шлейфамъ, ширина ихъ необъятная, и по всей юбкѣ нашиты цѣлыя каскады разноцвѣтныхъ волановъ. Кружевъ лентъ и цвѣтовъ напутано на модницахъ базчисленное множество, такъ что издали можно принять ихъ за разукрашенныя яхты въ праздничный день. Какое-то только мужьямъ этихъ яхтъ? Впрочемъ и они, не желая уступить прекрасному послу въ эксцентричествѣ, придумали себѣ чуть ли не такой же оригинальный и неудобный нарядъ. Длинные реденготы ихъ замѣтаютъ пыль на улицахъ не хуже женскихъ подоловъ, рукава á la pagode выказываютъ до локтя рукавъ рубашки, застегнутый огромными запонками, шляпы съ широкими полями надвинуты на глаза, точно такъ же какъ и прическа, которая закрывая лобъ, соединяется съ бакенбардами и усами и представляетъ изъ лица дремучій лѣсъ, въ которомъ трудно отыскать черты. Находятъ же люди, что это очень легко, красиво и удобно—особенно лѣтомъ!

Однако не всѣ слѣдуютъ этимъ модамъ, и надобно замѣтить, что

женщины первыя вооружились какъ противъ уродливости костюмовъ, такъ и противъ чрезмѣрной роскоши. Пять дамъ вышшаго круга, молодыхъ, прекрасныхъ, рѣшили принять, на весь лѣтній сезонъ, который онѣ проводятъ на водахъ, самый простой, удобный и дешевый костюмъ. Вѣроятно многія послѣдуютъ этому примѣру изъ желанія походить на аристократокъ, и модныя торговки будутъ въ отчаяніи. Это еще небольшая бѣда! Зачѣмъ они выдумываютъ смѣшныя и разорительныя моды!

Въ литературѣ не можетъ быть много новостей, потому что писатели привыкли лѣтомъ отдыхать. Однако вышелъ третій томъ записокъ Верона, но его успѣху помѣшали только что изданныя записки дѣвицы Селесты Могадоръ. Всѣ бросились на первую книгу, вышедшую изъ-подъ пера писательницы-авантюристки; но замѣтя пустоту содержанія и однообразіе происшествій, ограничатся первымъ томомъ и примутся опять читать немного серіозныя, но все таки любопытныя и остроумныя записки доктора Верона.

Дюма нажилъ себѣ столько хлопотъ съ своими записками и *Мушкетеромъ*, что кажется скоро остановится и то и другое изданіе. Говорятъ, что *Мушкетеръ* умираетъ отъ чахотки, потому что его мало читаютъ. Но это напраслина, потому что если бѣ его не читали, то не заводили бы съ его родителемъ безпрестанныхъ процесовъ за разныя романическія выдумки, приписанныя живымъ людямъ. Дюма такъ привыкъ импровизировать свои романы, драмы, водевили, что, говоря о современныхъ происшествияхъ и о людяхъ, съ которыми видѣлся за недѣлю, онъ взводитъ на нихъ такую напраслину для увеселенія своихъ читателей, что бѣдныя жертвы не смотря на лестное названіе друзей автора (у Дюма нѣсколько тысячъ друзей) смѣшаютъ протестовать противъ дружескихъ выдумокъ, подавая на него жалобы въ полицію. Вотъ какіе нынче друзья! Не дадутъ и пофантазировать бѣдному Мушкетеру.

Де Беллуа издастъ въ скоромъ времени стихи и рассказы *Шевалье д'Аи*, извѣстнаго своимъ остроуміемъ и приключеніями.

Перейдемъ теперь къ театральнымъ новостямъ. Лѣтніе жары не мѣшаютъ представленіямъ, и если только на афишѣ явится новое заманчивое названіе, публика предпочитаетъ сады и цвѣты душному театру, въ которомъ рада плакать и смѣяться, восхищаясь любимыми артистами. Одна итальянская опера замолкла при появленіи весны, какъ будто не желая вступать въ соперничество съ соловьями, и послѣ блистательнаго представленія *Беатриче ди Тенда*, въ которой Фреццоллини бы-

ла удивительна, все артисты отправились въ Лондонъ. За то французскіе лирическіе театры продолжаютъ распѣвать, не смотря на жары. *Встрѣча въ Дунаѣ*, комическая опера Поля Анріона, очень понравилась публикѣ, не столько по музыкѣ, сколько по сюжету. Стоитъ только выпустить изъ нея куллеты, арии, хоры, и выйдетъ хорошенькая комедія для театра гимназій или даже для французской сцены. Многіе изъ зрителей желали утопить музыку въ Дунаѣ, чтобъ она не мѣшала развиваться интересной интригѣ, гдѣ два Германа, одинъ герцогъ, другой бѣдный живописецъ, послѣ встрѣчи въ водѣ никакъ не могутъ встрѣтиться на землѣ, гдѣ поминутно принимаютъ одного за другаго; герцога сажаютъ въ тюрьму, живописца уважаютъ, ласкаютъ, выдаютъ за него богатую невѣсту. Впрочемъ музыкантъ невиноватъ въ этомъ, и такъ какъ это первое его произведеніе, то все замѣтили его способности и надѣются, что въ будущій разъ его музыка заставитъ забыть либрето. Кромѣ того возобновили *Сонъ въ лѣтнюю ночь* Тома, не говоря уже о комической оперѣ, гдѣ въ каждое представленіе новой оперы Мейербера берутъ приступомъ кассу. Общество Цециліи продолжаетъ давать свои концерты, и въ послѣднемъ изъ нихъ очень понравились публикѣ отрывки изъ неоконченной оперы Мендельсона *Долеря*, напоминающіе Оберона. Ораторія *Блѣство въ Египетѣ*, Гектора Берліоза, исполненная превосходно, произвела величайшій эффектъ тѣмъ болѣе, что авторъ скрылъ свое имя и придавъ рукописи древній видъ, выдалъ ее за древнее сочиненіе, найденное въ какомъ-то монастырѣ. Геніальный артистъ употребилъ эту мистификацію для того, чтобъ заставить себя аплодировать злѣйшихъ враговъ и совершенно успѣлъ въ этомъ. Все пришли въ восторгъ отъ этого сочиненія виртуоза и провозгласили, что это одно изъ лучшихъ произведеній, если не шестнадцатаго, то нашего времени.

Александръ Дюма предложилъ дать концертъ, чтобъ на выручку его воздвигнуть памятники двумъ знаменитымъ писателямъ Бальзаку и Сулье. Правда, что вдова Бальзака поспѣшила объявить, что она не нуждается въ помощи, и что памятникъ ея мужа, сдѣланный извѣстнымъ скульпторомъ уже готовъ, и будетъ въ скоромъ времени поставленъ, но несмотря на это, концертъ состоялся хоть для одного Сулье, и все лучшіе артисты поспѣшили предложить свои услуги. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что публика наполнитъ съ этою цѣлю всякую залу, какъ бы она ни была велика, и желаніе Дюма исполнится. При жизни онъ былъ не очень друженъ съ Сулье, боясь его соперничества какъ на сценѣ, такъ и въ литературѣ, но за то ни кто больше его не хлопочетъ поставить на могилѣ Сулье великолѣпный памятникъ—чтобъ покойникъ

не вздумалъ воскреснуть, прибавляютъ *друзья* Мухкетера. Мери сказалъ очень остроумно: если всѣ читатели Бальзака и Сулье принесутъ на могилы ихъ по пѣсенкѣ, то составитя пирамида огромнѣе Вандомской.

Пианистъ Шульгофъ тоже очень понравился въ Парижѣ, и сочиненія его, мелодическія, безъ всякихъ фокусовъ и пальцоломанія, въ большой молѣ.

Но довольно о музыкѣ. Французскій театръ ожилъ опять съ прїѣздомъ Рашели, которая, не смотря на всѣ нелѣпныя слухи о ея отставкѣ, замужествѣ, отъѣздѣ, вышла на сцену въ Федръ и принята была публикою съ восторгомъ.

Успѣхъ слезливой комедіи г-жи Жирарденъ *Радость пугаетъ*, подстрекнулъ все того же неутомимаго Александра Дюма, и онъ написалъ пьесу почти на тотъ же сюжетъ. У г-жи Жирарденъ мать оплакиваетъ потерю, сына, и возвращеніе его чуть не стоитъ ей жизни. Здѣсь отецъ лишается дочери, и родные его, чтобъ скрыть отъ него ужасную потерю принимаютъ къ себѣ сиротку однихъ лѣтъ съ покойницею, похожую на нее, и старикъ, не подозрѣвая обмана, привязывается къ ней всею душой. Но сынъ честнаго Жерве, зная подлогъ, влюбляется въ сиротку Матильду, и не знаетъ какъ объяснить отцу, что онъ хочетъ жениться на мнимой сестрѣ. Вдругъ приходитъ артистъ, дѣлающій надгробныя памятники (Margrieg) и подаетъ Жерве рисунокъ и счета по погребенію. Тогда несчастный отецъ понимаетъ все; но ударъ не такъ силенъ, потому что бывши долго въ отсутствіи, онъ успѣлъ отвыкнуть отъ дочери, а сиротку полюбилъ всею душой и съ радостію отдаетъ руку ея своему сыну. Не смотря на бѣдность сюжета, на общія мѣста, на частыя повторенія и извѣстную развязку, разговоръ Дюма такъ живъ и увлекателенъ, что комедію прослушали съ большимъ удовольствіемъ. Разумѣется, этому помогала много превосходная игра артистовъ. Роль Жерве игралъ неподражаемо Бокажъ.

Одеонъ поставилъ на сцену настоящую комедію, имѣвшую заслуженный успѣхъ, которая была бы не лишнею и на первой французской сценѣ: *Что скажетъ свѣтъ?* (Que dira le monde)—такъ назвалъ свою пьесу Серре—представляетъ превосходныя картины и характеры большого свѣта. Германъ де Куртене любитъ молодую богатую вдову г-жу де Вернель, но не предлагаетъ ей своей руки, чтобъ *свѣтъ не сказалъ*, что онъ женится на ней изъ корыстолюбія. Вдругъ онъ получаетъ неожиданное наслѣдство и вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе жениться на молодой богатой дѣвушкѣ, которая его любитъ. Но Германъ отвѣчаетъ, что

онъ женится на г-жѣ Вернель. — Что про тебя скажутъ? говорить ему дядя. Что тебя ожидаетъ въ будущемъ? Эта женщина измѣнила своимъ обязанностямъ такъ можетъ и еще разъ сдѣлать тоже. Притомъ же всѣ замѣтили, что за нею ухаживаетъ богатый иностранецъ, стало быть, нѣтъ ничего мудренаго, что это будущій соперникъ Германа. Всѣ эти сомнѣнія сильно волнуютъ молодого человѣка. Онъ истинно любитъ г-жу Вернель и увѣренъ въ ея любви, но толки свѣта пугаютъ его до того, что онъ ищетъ ссоры съ своею невѣстою. Она доказываетъ свою невинность, но видя рѣшительность Германа, его слабый характеръ, довѣрчивость къ слухамъ, ревность и подозрѣніе, сама отказывается отъ него и уѣзжаетъ изъ Франціи.

Не смотря на небольшіе недостатки, неизбежныя въ большой комедіи, комедія Серре заслуживаетъ вниманіе и общается много въ будущемъ. Притомъ-же она была прекрасна обставлена и разыграна.

La bonne Aventure, игранная съ успѣхомъ на театрѣ Gaité, взята изъ извѣстнаго романа Эжена Сю, и поставлена только для того, чтобъ сдѣлать превосходную роль Фредерику Леметру, въ которой онъ могъ бы выказать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. Безъ него не было бы ни успѣха, ни пьесы, стало быть, надобно смотрѣть одного Фредерика Леметра, а не рассказывать извѣстный романъ.

Ambidu ставитъ на сцену великолѣпную волшебную глупость, которая будетъ имѣть огромный успѣхъ и доставитъ дирекціи огромные сборы. Всѣ дѣтскія сказки: Котъ въ сапогахъ, Красная шапочка, Спящая красавица, Ослиная кожа, Мальчикъ съ пальчикъ, и пр. выведены на сцену съ безчисленными перемѣнами.

Но больше всѣхъ драмъ и водевилей, трагедій и комедій привлекаютъ публику китайцы изъ Шанъ-гаи, показывающіе такіе удивительные фокусы, о какихъ не имѣютъ понятія всѣ наши Боско и Германы. Штуки ихъ можно принять за настоящее волшебство, отъ котораго только слабонервные парижанки падаютъ въ обморокъ. Да и можно ли смотрѣть хладнокровно, когда одинъ китаецъ, поставя товарища къ доскѣ, начинаетъ бросать въ него ножами такъ вѣрно, что сталь втыкается въ доску на нѣсколько линий отъ лица, шеи, груди, рукъ несчастнаго. Одна секунда разсѣянности, или невольное судорожное движеніе — и острый ножъ насквозь пронзитъ китаецца. Впрочемъ это еще не вѣрно, потому что кожа ихъ кажется гораздо тверже нашей, по крайній мѣрѣ на головѣ, что доказываетъ другой мандаринъ, который вѣшаетъ себя за косичку къ высокой перекладинѣ и движеніемъ мускуловъ поднимается и опускается на косъ, какъ ведро на веревкѣ. Стран-

ные люди эти китайцы! Теперь они въ большой модѣ и предлагают даже Годару взять ихъ въ свой воздушный шаръ, для большого стеченія публики.

Корреспондентъ Пантеона.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Проперцій и писатели время Августа. **ОТКРЫТИЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Языки въ Остъ-Индіи. — Плодородный колодезь. — Письмо изъ Вавилона. — Ломки аспиднаго камня въ Англіи. — Шляпная промышленность. — Экспедиція доктора Барта во внутреннюю Африку. — Судоходный каналъ чрезъ Даріенскій перешеекъ. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** Рѣзьба на деревѣ. — Завѣщаніе Рубини. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Одураченный докторъ. — Американскія афиши. — Пантеонъ Надара. — Аркадскіе и Шотландскіе острова (*изъ записокъ англійскаго путешественника*). — Путешествіе китайца Гуан-Цанга въ VII столѣтіи — Китайскій дипломатъ (*изъ журнала секретаря французскаго посольства въ Китай*). Черный день корреспондента газеты «Теймсъ».

I. ЛИТЕРАТУРА.

Проперцій и писатели время Августа, (статья первая). Въ декабрь мѣсяцѣ, около середины XV вѣка, Аццо Синчери, ученый неаполитанскій адвокатъ, пригласилъ къ обѣду гостей, большею частью юрисконсультовъ по званію, философовъ въ свободныя ихъ минуты. Зимой въ его домѣ въ Неаполѣ, а въ жаркое время въ его виллѣ Педрино, собирались литераторы, ученые и артисты. Онъ требовалъ отъ гостей за свое радушное гостепріимство, за вина, за плоды его садовъ, только того, чтобы они выслушивали иногда стихи его сочиненія; это не могло имѣть дурныхъ послѣдствій и нисколько не вредило пищеваренію, потому что стихи гостепріимнаго хозяина принадлежали къ легкой поэзіи. На этотъ разъ послѣ десерта, сопровождаемаго вкуснымъ лакрима-кристи, умственное угощеніе состояло изъ нѣсколькихъ элегій Проперція, считавшихся тогда новизною; по общему предположенію ихъ открыли въ какомъ-то старомъ чуланѣ, гдѣ сырость и мыши такъ испортили манускриптъ, что комментаторамъ предстояло не мало труда объяснить многіе стихи.

Г-жа Бичеръ-Стоу вѣроятно будетъ рада узнать, что элегіи Проперція были прочитаны въ этотъ день гостямъ Синчери—ученымъ не-

громъ. Сивборъ Аццо образовавъ своего негра, далъ ему волю и сдѣлалъ изъ него своего секретаря.

Когда какойнибудь авторъ, не принадлежа къ числу первоклассныхъ писателей, сохранить свою славу и нравится въ продолженіе восемнадцати вѣковъ, хотя бы даже и ограниченному кругу, это все таки значить, что онъ произвелъ на свое поколѣніе, какъ и на слѣдующія, большое впечатлѣніе, какъ по содержанію, такъ и по слогу своихъ поэмъ.

Въ сравненіи съ *Виргиліемъ*, *Гораціемъ* и *Овидіемъ*, *Проперція* читали мало, но это не аргументъ противъ его достоинствъ. Содержаніе его поэзіи можетъ быть немного бѣдно. Онъ воспѣваетъ свою любовь; это, конечно, не эпическая любовь *Дидоны* и *Энея*. Но въ эпическихъ поэмахъ, исключая *Виргилія*, кто можетъ привлечь большое число читателей? Лирическая поэзія исчезла съ *Гораціемъ*, а элегическая съ *Овидіемъ*.

Не прославивъ собою вѣка *Августа*, *Проперціей* объясняютъ его однакоже на столько, что можетъ облегчить изученіе этой эпохи. Его такъ часто сравнивали съ *Тибулломъ*, и даже съ другимъ, болѣе извѣстнымъ поэтомъ, *Катуломъ*, что въ исторіи словесности говорятъ обо всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Родъ и направленіе ихъ поэзіи дѣйствительно общіе. Моложе *Тибулла* и *Катула* и менѣе извѣстный *Проперціей* представляетъ все таки замѣчательную личность. Жизнь его почти вовсе неизвѣстна, но поэмы его помогаютъ ея изслѣдованію. Списки его поэмъ очень рѣдки, наполнены большими пропусками и ошибками. Забвеніе, едва не уничтожившее его литературныхъ произведеній скрываетъ большую часть его жизни.

Горацій въ нѣкоторой степени былъ самъ своимъ биографомъ. Черезъ него самого узнали мы о его родствѣ и приключеніяхъ, о его философіи и исторіи его любви, образѣ жизни и даже его имуществѣ. Умный и строгій *Виргилій* не любилъ, судя по характеру своихъ произведеній, говорить о своихъ дѣлахъ, и этимъ отличался отъ своего дороднаго товарища *Горація*, который самъ называлъ себя поросенкомъ *Эпикурова стада*.

Потому преданіе имѣло полную свободу составлять какія угодно предположенія объ авторѣ *Энеиды* и *Георикъ*; оно попеременно дѣлало изъ него опытнаго ветеринара, волшебника, и даже колдуна.

Нѣсколько городовъ оспаривали честь быть мѣстомъ рожденія *Гомера* и *Тасса*. *Проперціей* былъ предметомъ подобнаго соперничества между семью городами, находящимися въ *Омбріи*, что по крайней мѣрѣ доказываетъ, что онъ родился въ этой странѣ. Слѣдуя мнѣнію древнихъ, принимаемому за самое вѣроятное, мы узнаемъ, что онъ родился въ *Меваніи*. Годъ его рожденія составляетъ также предметъ спора; надо полагать, что онъ явился на свѣтъ около семи сотъ лѣтъ послѣ основанія *Рима*. Такъ какъ онъ часто говоритъ объ обширныхъ отеческихъ поляхъ, о стадахъ, принадлежавшихъ ихъ дому, то его можно считать потомкомъ одного изъ тѣхъ богатыхъ владѣтелей, которымъ римляне давали титулъ *Eques*, соответствующій названію *Squire* въ *Англіи*. Жизнь по-

этовъ въ матеріальномъ отношеніи, рѣдко бываетъ спокойна. Не иначе жили и поэты времянь Августа; но въ этомъ виноваты большею частью ихъ отцы, что составляетъ исключеніе изъ правила. Эти безразсудные отцы принадлежали обыкновенно къ дурнымъ партіямъ. Отець Проперція послѣдовалъ за Антоніемъ, былъ взятъ въ плѣнъ въ Перузѣ, и лучшая часть его родового имѣнія досталась ветеранамъ Цесаря; онъ умеръ, когда сынъ его былъ еще ребенкомъ. Это мы узнаемъ изъ самаго Проперція; но онъ не зналъ, или по крайней мѣрѣ ничего не говоритъ объ обстоятельствѣ, рассказанномъ его биографами, что старый Проперцій былъ убитъ, по повелѣнію Августа, вмѣстѣ съ другими жертвами, въ отмщеніе за смерть Цесаря. По причинѣ уменьшенія родового имѣнія, молодой Проперцій принужденъ былъ избрать себѣ какое нибудь занятіе; онъ отправился въ Римъ съ намѣреніемъ изучить законовѣдніе. Вскорѣ соотечественники его услышали объ успѣхахъ Проперція въ поэзи, и стали смотрѣть на него, по обыкновенію, какъ на потеряннаго чловѣка. По ихъ мнѣнію, это роняло его значеніе въ свѣтѣ, и, что еще хуже, уничтожало всякую надежду научиться. Однако поэзія была тогда также средствомъ доставать себѣ пропитаніе. *Виргиліи* искалъ милостей у Августа, *Гораций* служилъ при казнохранилицѣ; *Тибулл* оплакивалъ потерю своего родового имѣнія. Не было болѣе ораторовъ, потому что не было болѣе народныхъ собраній. Выборы были только пустою формою. Римъ еще дрожалъ при воспоминаніи убійствъ и изгнаній диктаторовъ.

Трудно опредѣлить какимъ образомъ римскіе литераторы пріобрѣтали все нужное къ жизни, и достигали извѣстности. Однако, если литературой, во времена Августа, нельзя было составить себѣ состоянія, по крайней мѣрѣ милости, оказанныя *Виргилію*, имѣніе, пріобрѣтенное *Горациемъ* и потерянное *Овидіемъ*, что составляло всегда предметъ его горькихъ сожалѣній, доказываютъ, что этотъ путь могъ привести къ богатству. Конечно, эти поэты болѣе или менѣе знаменитые, обязаны были своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ покровительству людей, игравшихъ важныя роли, но такого рода покровительство доказываетъ все таки, если и не общепризнанное достоинство, по крайней мѣрѣ нѣкоторую предварительную извѣстность. Какимъ же образомъ заслуживалось это покровительство? Въ этомъ—то и состоитъ вопросъ. Сорокъ томовъ *памятниковъ древности Гревіуса* и *Гроновіуса* нисколько не разъясняютъ этого. Въ ту эпоху въ Римѣ было много журналовъ, — *Acta Diurna*; но это были официальные газеты безъ малѣйшаго литературнаго отбѣка. *Періодическія* сочиненія того времени слетались всенародно передъ кружкомъ болѣе или менѣе многочисленныхъ слушателей; авторъ и критикъ могли изустно передавать другъ другу свои мнѣнія. Никто не могъ писать подъ чужимъ именемъ. Кромѣ того были все таки и читатели, потому что были книгопродавцы; стоитъ взглянуть на процвѣтавшую торговлю, производившуюся подъ портиками, возлѣ храма *Януса* и *Вертумна*, на издателей болѣе высшаго разряда въ улицѣ *Аргилетумъ*. Конечно, у этихъ книгопродавцевъ и издателей, также какъ и въ наше время, скорѣе можно было найти

Бавія и Медвія, чѣмъ первыя произведенія Горація и Виргилія. Слѣдовательно ни число книжныхъ лавокъ, ни удачная ихъ торговля не могли все таки объяснить процвѣтанія писателей.

Съ другой стороны, со времени Августа, число читателей было очень незначительно сравнительно съ писателями: обстоятельство неблагоприятное для тѣхъ, кто долженъ былъ доставать себѣ хлѣбъ, потому что производительность превышала требованія. Этотъ избытокъ писателей доказывается не только словами Горація и Овидія, но еще и отрывками, разбросанными въ произведеніяхъ грамматиковъ, гдѣ встрѣчаются строфы поэтовъ совершенно неизвѣстныхъ.

Во всѣ вѣка римской литературы, со времени Эннія, отца латинской поэзіи, до временъ Клавдіана и Авзонія, искусствами и литературой въ Римѣ исключительно занимались только въ высшихъ сословіяхъ. Только лица этого сословія могли сравнить латинское подражаніе съ греческимъ оригиналомъ, оцѣнить степень дарованія, съ которымъ переводились стихи Алкея и Архилоха, необыкновенное искусство, съ которымъ Виргилій вставлялъ метафоры и эпитеты Гомера и Гезіода въ свои гармоническіе гекзаметры, и заимствованія, сдѣланныя безъ всякихъ измѣненій ученымъ Проперціемъ у Калимака и Филетаса. Все это было потеряно для остальнаго круга римлянъ, а къ нему принадлежали не только простые плебеи, громко требовавшіе гладиаторовъ и слововъ посреди представленій комедій Теренція, но также тысячи знатныхъ римскихъ гражданъ. Съ вѣками римляне забыли многое, но сохранили одну черту, характеризующую ихъ прошедшее: это ненасытную жадность; въ особенности средній классъ обладалъ ею. Литература не увеличивала капитала и не приносила процентовъ. Кругъ читателей былъ поэтому весьма ограниченъ, и большая часть римскаго общества, во времена Августа, какъ простой народъ, такъ и знатные, думавшіе только объ деньгахъ, смотрѣли равнодушно на литературу. Горацій и его товарищи могли ли быть въ милости у спекуляторовъ той эпохи Альфія и Новія? Мода можетъ намъ объяснить, какимъ образомъ жили литературою въ такое тяжелое время. Въ послѣдній вѣкъ республики, римскіе аристократы стали считать библіотеку необходимою принадлежностью ихъ домовъ, въ городѣ и въ виллахъ. Цицеронъ употребилъ на это много денегъ, а Лукуллъ, между прочею добычею, привезъ изъ Азіи великолѣпную коллекцію греческихъ манускриптовъ. Въ это время начали составлять публичныя библіотеки подъ надзоромъ одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей того вѣка, славнаго Марка Варрона. Если онъ и не промѣнялъ свои прекрасныя книги на иберійское оружіе во время междоусобныхъ войнъ, коллекція эта все-таки была разграблена Маркомъ Антоніемъ и его товарищами, сдѣлавшими его виллу Тускулумъ мѣстомъ своихъ сатурналій. Основаніе національной библіотеки, по великолѣпному образцу королевскихъ коллекцій въ Александріи и Пергамѣ, было однимъ изъ великихъ проектовъ Цесаря въ то время, когда онъ палъ подъ кинжаломъ Брута. Однако намѣреніе Юлія Цесаря было отчасти выполнено Азиніемъ Полліономъ. Въ послѣдствіи Августъ предпринялъ тоже самое, но

съ болѣе обширными источниками, и поэтому съ большимъ успѣхомъ Съ этого времени, всякій римскій дворець, заключалъ между своими пространными залами библіотеку, въ построеніи которой участвовалъ всегда архитекторъ Августа Витрувій. Принимая въ соображеніе, что древнія книги были не инфоли, не инкварты, но плотные свертки, требовавшіе мало мѣста, и что авторы ихъ принуждены были какъ можно болѣе сокращать свои сочиненія, дѣлая это изъ экономіи, потому что бумага и переписчики стоили очень дорого,—пространство, назначенное Витрувіемъ для библіотеки, заключающее въ себѣ также мѣсто произведеній для живописи и скульптуры, для письма и столы для чтенія, было даже очень велико и заставляеть думать, что въ библіотекахъ того времени хранились большія коллекціи книгъ.

Значительное количество полокъ было назначено для греческихъ писателей того вѣка. Діониссій Галикарнасскій и Діодоръ Сицилійскій соглашаются съ тѣмъ, что безъ столичныхъ библіотекъ, историческія сочиненія ихъ не могли быть написаны, или вовлекли бы ихъ въ раззорительныя издержки, принудивъ переѣзжать изъ города въ городъ и даже изъ страны въ страну, для собранія матеріаловъ. Вѣкомъ позже, Плутархъ съ завистью смотрѣлъ на библиографическія коллекціи въ Римѣ и оправдывалъ несовершенство своихъ біографій тѣмъ, что находился слишкомъ далеко отъ палатинскихъ книгохранилищъ.

Въ тотъ вѣкъ, когда всѣ писатели пользовались благосклонностью, разумѣется не одни только греческіе авторы занимали большія библіотеки, Палатинскую и Октавіанскую. Національныя произведенія Рима были также въ изобиліи; между аристократами вошло въ моду помогать поэтамъ. Сципіоны подали блистательный примѣръ покровительствомъ, оказаннымъ ими Эпнію и Луцілію. Домъ Гракховъ былъ настоящимъ убѣжищемъ греческихъ ученыхъ; Архіасъ былъ любимымъ писателемъ Лукулловъ; Силла окружалъ себя шутами, комедіянтами и поэтами; Гораций приводитъ цѣлую толпу писателей, одержимыхъ въ разныхъ степеняхъ страстью писать и читать свои стихи. Азоній Полліонъ принималъ въ свой домъ писателей отвергнутыхъ Меценатомъ; Виргилій былъ предметомъ памфлетовъ Бавія и Мевія; по крайней мѣрѣ третья часть друзей Овидія писали стихи. Къ нимъ можно присоединить многихъ поэтовъ: Вальгія, Варія, Кассія и Севера, вовсе намъ неизвѣстныхъ. Римъ имѣлъ свои литературныя партіи, отличавшіяся большою дѣятельностью. Одна партія, которую можно назвать археологическою, поставила себѣ обязанностью хвалить саіійскіе гимны, остроты Плавта, *Plautos sales*, грубость Луцілія, тяжелые гекзаметры и драматическіе опыты Эпнія и Пакувія. Молодая Италия не хотѣла признавать ничего, что носило на себѣ отпечатокъ прошедшихъ временъ, и провозглашала Корнелія Галла образцомъ блистательнаго моднаго таланта и изящной литературы. Существовала еще третья партія, по всѣмъ вѣроятностямъ менѣе многочисленная: это партія людей здравомыслящихъ и съ тонкимъ вкусомъ. Соглашаясь съ Гораціемъ, эта партія хвалила въ одно и тоже время и энергію древ-

нихъ, и утонченность современниковъ. Изъ всего этого мы видимъ, что для молодыхъ людей, какъ Тибулъ и Проперцій, литература могла быть средствомъ къ жизни. Неизвѣстны условія, существовавшія между писателями и римскими издателями тѣхъ временъ, но всѣ знаютъ, что покровители литературы если и не платили чистыми деньгами за посвященія, то дарили хорошія земли своимъ поэтамъ. Любимые поэты Августа получили болѣе, нежели потеряли во время изгнанія. Отношенія между поэтами и ихъ покровителями рѣдко облагораживали труды музъ; но по всѣмъ признакамъ, отношенія эти были менѣе унижательныя въ Римѣ, нежели отношенія Драйдена къ Карлу Галифаксу и Дорсету. Съ первыхъ временъ республики римляне изучили роли покровителя и кліента, такъ какъ онѣ выполнялись Меценатомъ и Горациемъ, Тибулломъ и Мессалою, Проперціемъ и Волькаціемъ Туллою. Эта зависимость со стороны кліента не требовала никакихъ жертвовацій.

Литература могла вознаграждать Проперція за потерю большей части его наслѣдства. Неизвѣстно въ какое время онъ былъ принятъ въ кругу Мецената и кто ввелъ его туда. Онъ конечно глубоко уважалъ Виргилія, потому что объявилъ однажды въ одномъ римскомъ обществѣ, что вскорѣ явится поэма выше *Иліады*. И какъ по видимому онъ имѣлъ случай читать нѣкоторыя мѣста *Энеиды* въ то время, какъ она писалась, то изъ этого можно заключить, что Виргилій высоко цѣнилъ поэтическое дарованіе и вкусъ своего молодого собрата. Съ другой стороны, Овидій говоритъ не разъ о Проперціи съ удивленіемъ и видимымъ расположеніемъ къ нему; четвертая книга элегій послѣдняго содержитъ въ себѣ отрывки, похожіе на поэтическій календарь, оконченный Овидіемъ въ его изгнаніи и заставляетъ также думать, что эти два поэта сошлись по сходству своихъ наклонностей и занятій. Ничего не говорится, напротивъ, о Горации въ произведеніяхъ Проперція; Гораций не упоминаетъ также никогда объ имени своего товарища по поэзии, тогда какъ приводитъ длинный списокъ всѣхъ своихъ друзей и враговъ. Можетъ быть, въ партіи Мецената были тайные раздоры. Улыбка сильнаго покровителя, вѣроятно, падала чаще на веселаго Горация, нежели на ученаго и серіознаго Проперція.

Біографическія подробности, стояція на послѣднемъ планѣ въ произведеніяхъ Проперція, всѣ относятся только къ его любви. Говорили однако, что любовь его одинъ вымыселъ, и что онъ иногда воспѣвалъ воображаемыхъ красавицъ, потому—что элегическіе греки, образцы его, поступали точно также. По всему видно, что Проперцій былъ человѣкъ умный и любилъ удовольствія; нельзя представить себѣ рыцаря безъ Дульциней, и поэта такого какъ Проперцій, безъ героини.

Страсть его къ Цинтіи можетъ показаться менѣе пылкой и глубокой, нежели страсть Тибулла къ Деліи; но Цинтія далеко не принадлежитъ къ категоріи красавицъ Эротическихъ поэтовъ, какъ Горациевы Гликерія, Лассаге и Фолое. Проперцій былъ Петрарка своего вѣка. Цинтія, обожаемая имъ, кажется намъ языческою Венерой мало идеализированною. Онъ ей сплетаетъ гирлянду изъ эпитетовъ, которые собираетъ у греческихъ поэтовъ. Спитъ-ли Цинтія?—ея поклонникъ сравниваетъ ее

съ утомленною вакханкою, съ Ариадною въ ту минуту, когда ее покидает Тезей, съ Андромедою, засыпающею на холмѣ, на которомъ чудовище хотѣло ее поглотить, когда Персей явился къ ней на помощь. Плачетъ-ли Цинтія—Ниобеа не пролила столько слезъ передъ тѣмъ, какъ боги превратили ее въ камень. Бризеида и Андромаха, въ первые дни ихъ заключенія, плакали менѣе. Случится-ли похвалить ея каштановые волосы?—Они были одного цвѣта съ волосами Паллады. Ея прекрасный станъ?—Она стройна какъ Исхомаха и другія мифологическія героини. Жалобы Проперція такъ же поучительны, какъ его комплименты. Цинтія слишкомъ любитъ туалетъ, тогда какъ Фебея и сестра ея Гилаира обходились безъ украшеній, и когда Аполлонъ оспаривалъ у Ида сердце дочери рѣки Эвена, она была одѣта тѣмъ, что дала ей природа. Всѣ эти мифологическія сравненія не доказываютъ однакожь, чтобъ та, къ кому онѣ относятся, сама была мифомъ.

Предметъ страсти Проперція, по-видимому самъ оправдываетъ свою красоту похвалы поэта. Цинтія была только поэтическое имя; она называлась Гостія. Отецъ ея, Гостій, самъ составилъ себѣ нѣкоторую извѣстность стихами. Гостія или Цинтія, также занималась стихами и музыкой. Она сначала отвѣчала страсти Проперція; но вскорѣ богатый, хотя весьма ограниченный преторъ Иллирій, сдѣлался опаснымъ соперникомъ поэта.

Praetor ab Slyricis venit modo, Cynthia, terris,
Maxima preada tibi, maxia curima mihi.

Цинтія уѣхала съ своимъ поклонникомъ въ провинцію, и предпочитала его Проперцію даже въ Римѣ. Отъ этого происходили ревность, нѣжныя жалобы, сильное отчаяніе, проявлявшіяся поочередно въ его элегіяхъ, посвященныхъ Цинтіи. Изъ словъ самого Проперція видно, что онъ однакожь далеко не былъ образцемъ постоянства; но если Цинтія не могла совершенно овладѣть имъ, то все-таки занимала въ его сердцѣ первое мѣсто до той минуты, когда смерть похитила ее у поэта, которому тогда было тридцать лѣтъ.

Должно сознаться, что многіе поэты временъ Августа, если судить объ ихъ нравственности по ихъ произведеніямъ, дурно употребляли свое время. Нравится Цинтіямъ, казалось было единственною ихъ цѣлью, исключительнымъ занятіемъ. Въ этомъ отношеніи ихъ произведенія походятъ на списокъ Лепорелло жертвъ Донъ Жуана. Весьма замѣчательно, что между поэтами Августа, одинъ Овидій, стихи котораго не всегда безукоризненны, какъ намъ извѣстно, былъ женатъ, и былъ довольно хорошимъ мужемъ. Его привязанность къ женѣ возрасла быть можетъ въ слѣдствіе разлуки во время его изгнанія, вдалекѣ отъ нее и отъ Рима. Извѣстно, что Гораций былъ безпечный сибаритъ, и жизнь Virgilія заставляетъ предполагать, что онъ также былъ незнакомъ съ тихою и спокойною семейною жизнью.

Въ произведеніяхъ элегическихъ поэтовъ временъ Августа проглядываетъ все-таки истинное и нѣжное чувство. Проперцій испытывалъ глуб-

же и сильнѣе Тибулла, описываемыя имъ чувства. Поэтическіе восторги у него гораздо возвышеннѣе. Онъ преодолѣлъ трудъ, не совсѣмъ удачно выполненный въ послѣдствіи Овидіемъ—соединить римскую поэзію съ историческими легендами Рима. Дошедшіе до насъ отрывки изъ этого труда выказываютъ менѣе ловкости при слитіи мифовъ съ преданіями римской старины; но характеръ ихъ болѣе благороденъ и естественъ, чѣмъ въ Фастахъ Овидія.

Но и съ другой точки зрѣнія Фасты Проперція имѣютъ преимущество. Овидій, даже на тѣхъ страницахъ своихъ «Превращеній», гдѣ болѣе всего разыгрывалось воображеніе, говоритъ о холмахъ, долинахъ, лѣсахъ и водахъ, какъ человекъ, который большую часть своей жизни провелъ въ стѣнахъ города, и который сочиняетъ свои описанія картинъ природы, въ торжественныхъ и великолѣпныхъ садахъ Рима, или беретъ ихъ съ декораціи Помпейскаго театра. Проперцій, напротивъ, сохраняетъ вѣрное и живое воспоминаніе дней, проведенныхъ подъ роднымъ кровомъ въ Умбріи; ясно видно, что онъ представляетъ картины природы какъ человекъ, привыкшій съ дѣтства любоваться стадами Клитумна, возвращающимися вечеромъ домой, прислушиваться къ неопредѣленному и гармоническому шелесту апенинскихъ лѣсовъ, слѣдить за ручейками, бѣгущими по полямъ Меваніи и освѣщаемыми то золотистыми, то серебристыми лучами солнца.

Несправедливо было бы, ссылаясь на извѣстныхъ поэтовъ, и даже на общій характеръ нравовъ, обвинять литературу времяя Августа въ мелочности. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ этой эпохи, одинъ историкъ, вставая рано утромъ, отправлялся въ Палатинскую бібліотеку, или въ архивъ храма Діаны, гдѣ терпѣливо собиралъ матеріалы. Этотъ историкъ, родившійся въ муниципальномъ городѣ Патавіумѣ, отличался высокимъ и спокойнымъ умомъ, одушевлялся двоякою цѣлью, во-первыхъ забыть низости и дурныя дѣла настоящаго времени, во-вторыхъ, воздвигнуть римской исторіи памятникъ, который бы пережилъ Форумъ и Капитолій. Капитолій исчезъ въ-самомъ-дѣлѣ; нѣсколько колоннъ и бугорковъ съ обломками, вотъ все, что осталось отъ форума,—книга «Декаль», также представляетъ однѣ развалины, но развалины сохранившія безсмертную память историка, и уцѣлѣвшія отъ времени и варваровъ, составляющія и въ наше время славу Тита-Ливія. Титъ-Ливій былъ не единственный историкъ описанной имъ эпохи. Въ тѣхъ самыхъ залахъ, можетъ быть, въ то же самое время, одинъ чужеземецъ по имени и по происхожденію, предпринималъ такой же трудъ.

Цѣлью его однако было не столько соорудить памятникъ римскому героизму, какъ присоединить новыи трофей ко всѣмъ греческимъ трофеямъ, доказавъ, что Римъ былъ греческаго происхожденія и обязанъ славой своего оружія и законодательствомъ военной тактикѣ и законамъ Эллады. Если мало читаютъ Діонисія Галикарнасскаго, то потому, что онъ наводитъ тоску своими вымышленными монотонными рѣчами. Разсказъ его даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ ошибается въ приводимыхъ имъ свидѣтельствахъ, или въ описываемыхъ происшествіяхъ, вообще весьма живописенъ, и описаніе возвращенія Virgilія въ лагерь,

послѣ умерщвленія его дочери, представлено не менѣе искусно, нежели смерть Бразидаса или гибель афинской арміи въ Сиракузахъ у Фукидида. На другомъ поприщѣ работалъ въ тоже время въ Римѣ другой современникъ Тита-Ливія и Діонисія Галикарнасскаго замѣчательный географъ древности. Въ изложеніи математическихъ наукъ, Страбона превзошелъ Эратосфелъ и другіе александрійскіе ученые, но въ отношеніи къ красотѣ и силѣ своихъ географическихъ описаній, онъ уступаетъ первенство только одному Гумбольдту.

(Westminster Review).

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Языки въ Остѣ-Индіи. Южные языки Остѣ-Индіи не такъ еще изслѣдованы какъ сѣверные, но многіе этнологи и филологи довели свои разысканія до того, что съ увѣренностью можно дать имъ всеѣмъ одинаковое происхожденіе. Одинъ изъ изслѣдователей, Годжсонъ, пишетъ къ секретарю азіатско-бенгальскаго общества слѣдующее:

«При изслѣдованіяхъ моихъ о сродствѣ языковъ всей Остѣ-Индіи, составилъ я лексиконъ семи южныхъ діалектовъ. Пять изъ нихъ: Тамиль, Малайаламъ, Телугу, Карнатака и Тулавари принадлежатъ образованнымъ сословіямъ этихъ странъ; два же, Курги и Тодава—необразованнымъ. Первые имѣютъ древнѣйшія и новѣйшія формы, и въ нихъ больше всего встрѣчаются санскритскія слова.

Въ южныхъ языкахъ очень часто вводятъ слова пракритскаго языка, и тѣмъ затрудняютъ изученіе ихъ (напримѣръ *ракта*—кровь, вмѣсто туземскаго слова *натаръ*). Вообще видны во всеѣхъ важныхъ языкахъ близкія отношенія къ санскритскому. Все образованные діалекты покорились вліянію санскритскаго и грамматикѣ его, хотя очень часто видно, что свойство языка вовсе не соотвѣтствуетъ этимъ грамматическимъ правиламъ. Отъ этого самые эти языки подверглись многимъ измѣненіямъ. По количеству вторженія въ каждый языкъ санскритскихъ словъ, можно судить о степени владычества самого народа, говорившаго по-санскритски, надъ различными областями Остѣ-Индіи. По этому, филологическія изслѣдованія еще болѣе интересны. Такъ, напримѣръ, видно, что Тудасы, Курги и Гонды не приняли стихій санскритскаго языка, и слѣдственно не покорялись владычеству этого народа.

Санскритскій народъ и языкъ болѣе всего распространенъ на западномъ берегу до 15° сѣверной широты. Къ югу до Седазивагуръ видна уже смѣсь конканскаго діалекта съ санскритскимъ. Потомъ уже начинается полоса Канары, называемая у туземцевъ *Гайва*, или *Гайта*, гдѣ съ 13° до 15° издревле обитали брамины, называемые гайга-браминами. Эти брамины говорятъ однакожъ туземнымъ языкомъ *Гайта*, нарѣчіемъ Малабарскаго.

Карнатская область наполнена браминскими постановленіями. Гарскіе языки образовались подъ вліяніемъ Гайвы и Тулувы съ частію

малайаламскаго, хотя въ послѣднемъ больше санскритскаго, нежели въ тумулійскомъ.

Ключъ къ этому можетъ дать исторія джайнасовъ; главнымъ жилищемъ этого племени была Канара, или лучше сказать, Гайва и Тулува съ Дарваромъ. По всему видно, что Джайнасы составляли буддистскую секту, которая тѣмъ отличалась отъ прочихъ, что признавала различіе кастъ. Въ этихъ странахъ долго продолжалась борьба между браминами и буддистами. Туземцы не могли долго принять ученія послѣднихъ, и съ XII до XVI вѣка продолжался періодъ соглашенія здѣсь этихъ двухъ сектъ.

Долго здѣсь царствовали джайнасскіе князья, и памятники ихъ во множествѣ остались въ этой странѣ; но послѣ долгой борьбы, преобладаніе арійскаго элемента побѣдило. Туземцы остались покоренными народами, образовавъ нѣсколько сословій, признанныхъ браминами. Очевидно, слѣдственно, почему высшія сословія наиболѣе употребляютъ слова изъ санскритскаго языка. Всѣ, даже съ европейцами, стараются говорить пракритскимъ діалектомъ.

Арійскій элементъ вездѣ преобладаетъ также между Кистнахѣмъ и Тумбудрою, гдѣ уже живетъ мало маратовъ, и гиндустанскій языкъ распространенъ далѣе къ сѣверу.

Степень разности въ числѣ пракритскихъ и мараттскихъ словъ въ карнатакской и тулувайской областяхъ обнаруживаетъ вторженіе этихъ языковъ въ Индостанъ.

Нельзя удивляться, что въ этой странѣ, бывшей столько столѣтій мѣстомъ борьбы между арійскими индѣйцами и смѣшанными ихъ потомками, арійскія узаконенія вездѣ преобладаютъ, тогда какъ въ Малабарѣ (Малайала) не проникли эти элементы, хотя и остался духъ раздѣленія кастъ. Это видно по наслѣдственнымъ законамъ наиронъ, гдѣ, какъ у малайцевъ на Суматрѣ не сыновья, а племянники наслѣдуютъ (самое имя *наиръ*—значитъ племянникъ). Это тѣмъ замѣчательнѣе, что закона этого нѣтъ ни у Курговъ, ни у Тудасовъ, которые жили всегда совершенно отдѣльно.

Всѣ эти показанія Годжсона служатъ доказательствомъ всеобщей связи языковъ.

Полоса плоской возвышенности раздѣляется на три діалекта. Протянувъ линію отъ Пулаката къ Бонгалору (въ срединѣ полуострова подъ 13°), получатся границы между языками Талинга на сѣверѣ и Тамула на югѣ. Другую линію протянувъ отъ Адони къ юго-востоку до Ріакотты,—опредѣлится граница между языками Карната и Телинга. Наконецъ линія отъ Ріакотты къ юго-западу къ Коимбатору и Палатши, обозначитъ границу между Тамула и Карната. Изъ этого видно, что въ пользу тамулійскаго языка достается наибольшее пространство, и именно: области Пандія, Кера и Кола, (*Кола Мандало*—область Колы, изъ чего европейцы сдѣлали *Коромандель*).

Въ окрестностяхъ главнаго города Мадурѣ, въ Танджорѣ и др., въ полной силѣ царствуетъ религія гиндусовъ. Магометанство никогда не могло здѣсь утвердиться. Только въ послѣднемъ столѣтїи начало здѣсь

усиливаться христіанство, но гиндусскіе обычаи остались во всей своей силѣ. Полигоры (мелкіе феодалные владѣтели) и козарисы (разбойники, пользующіеся здѣсь особеннымъ уваженіемъ), преобладаютъ въ этой странѣ. Остался только одинъ древній языкъ, претерпѣвшій нѣкоторыя измѣненія.

Изъ всѣхъ южныхъ языковъ самый образованный тамулискій. Во время процвѣтанія его, были для него учреждены академія и ученныя общества. До двѣнадцати милліоновъ людей говорятъ имъ. Имѣлъ-ли этотъ языкъ уже письменность до прибытія арійскихъ гиндусовъ, какъ стараются доказать магамалайурскими надписями,—это еще не рѣшенный вопросъ.

Замѣчательно, что народъ, говорящій языкомъ телинга, никогда не отличался образованностью. Въ сравненіи съ тамулійскимъ діалектомъ, этотъ очень грубъ, и однакожъ сродство его съ нимъ обнаруживается на каждомъ шагѣ. Впрочемъ области, говорящія языкомъ телинга, часто были покоряемы магометанами, и высшее сословіе говоритъ здѣсь маратскимъ или гиндостанскимъ языкомъ. Число говорящихъ діалектомъ телинга, простирается до семи милліоновъ.

Слѣдственно въ Индіи два главные филологическіе источника: санскритскій и туземный. Первый, въ гиндусской своей формѣ составляетъ ключъ ко всѣмъ арійскимъ языкамъ, и при нѣсколько серіозномъ изученіи этого діалекта, очень легко ознакомиться съ языками бенгальскимъ и пенджабскимъ, маратскимъ и гиндусскимъ. До ста двадцати милліоновъ людей говорятъ этими языками.

Изученіе же туземныхъ языковъ должно начато быть съ тамулійскаго, и познаніе санскритскаго языка для него также необходимо, какъ знаніе арабскаго для изученія ново-персидскаго. Главное дѣло состоитъ только въ званіи первоначальныхъ источниковъ, всякое же развѣтвленіе очень легко. (Erheiterungen).

Многородный колосъ. Въ кембриджскомъ ботаническомъ саду дѣлали любопытный опытъ съ пшеничнымъ колосомъ.

Нѣсколько посаженныхъ сѣмянъ вышли и поднялись, и отъ одного колоса пошли многія вѣтви отъ самаго корня. Ихъ отдѣлили и посадили врозь, и каждый колосъ вышелъ опять съ многочисленными вѣтвями. Въ первый разъ обрѣзали восемнадцать отростковъ, во второй шестьдесятъ семь, въ третій посажены были пятьсотъ отростковъ, которые произвели 21,000 колосевъ и съ нихъ собрано двадцать одинъ килограмъ сѣмянъ.

Стало-быть одинъ колосъ въ продолженіе года, потому-что разсаживали отростки, черезъ мѣсяць или черезъ два произвелъ 576,840 сѣмянъ. (Musée des familles).

Письмо изъ Вавилона. Жюль Оппертъ, посланный въ Вавилонъ для ученыхъ разысканій, пишетъ оттуда слѣдующее одному члену академіи наукъ:

« Я пишу вамъ нѣсколько строкъ изъ Моссула, гдѣ остановился передъ отъѣздомъ въ Европу. Я везу съ собою нѣсколько вавилонскихъ древностей, нѣсколько монетъ, купленныхъ мною здѣсь. Кромѣ того у меня составлена карта Вавилона. Я размѣрялъ, вычислялъ, чертилъ и представилъ въ большомъ размѣрѣ планъ развалинъ. Я нашелъ на моемъ планѣ положеніе многихъ зданій и самыя вѣрныя размѣры халдейскаго города.

« Я изучалъ очень подробно всѣ мѣстности, и могу поддержать мое мнѣніе неоспоримыми доказательствами. Вы увидите мои карты, замѣтки, расчеты тригонометріи, и можете повѣрить ихъ, если у васъ достанеть времени и терпѣнія.

« Лейардъ дѣлалъ свои разысканія по плану Керъ Портера, но планъ этотъ невѣренъ во многихъ отношеніяхъ, что я легко могу доказать.

« Я отыскалъ систему халдейскихъ мѣръ, хотя мнѣ стоило это большихъ трудовъ. Размѣряя камни и плиты, я нашелъ мѣру локтя, имѣющаго такую же длину, какъ и египетскій локоть. Локоть раздѣлялся на пять ладоней, ладонь на пять пальцевъ. Футъ имѣетъ три ладони (пальма не восточная мѣра). Изъ этого я вывелъ, что стадія должна имѣть 189 метровъ длины. Вавилонъ имѣлъ протяженіе въ 22,680 метровъ. Я измѣрилъ вѣрно всѣ развалины и представляю труды мои публикѣ.

Потомъ я нашелъ и въ городѣ: двѣ цитадели Вавилонъ и Казръ, и открылъ, что мѣстность *Амранъ ибнъ Али* занимала висячіе сады, которые были не въ самомъ дворцѣ, а подлѣ. Это видно по фундаментамъ. Я означилъ также положеніе набонидской набережной, потому что вода Эвфрата понизилась и открыла огромное каменное строеніе съ надписью: Нериглиссора и Набонида. Въ Моссулѣ Пласъ помогалъ мнѣ дѣлать размѣры и самъ сдѣлалъ много любопытныхъ открытій. Онъ предполагалъ, что часть Хорсабада, очищенная имъ, заключала въ себѣ гаремъ. Я началъ дѣлать разысканія на томъ же мѣстѣ, и нашелъ надписи, подтверждающія мнѣніе Пласа.

Англичане отыскали въ Кунджекѣ превосходныя скульптурныя украшенія, какихъ здѣсь еще не встрѣчали. Я видѣлъ между прочимъ скульптурныя плиты, на которыхъ изображена охота, такъ отчетливо, какъ еще никогда не было ни на одномъ ассирійскомъ памятникѣ.

Великолѣпный дворецъ, барельефы котораго должны быть перенесены въ Лувръ, принадлежалъ сыну Эссаргаддона, по имени Ассаръ-дана-Пала. Вотъ настоящій Сарданапалъ и дворецъ его женъ. Имя его написано въ другомъ мѣстѣ Ассаръ-данъ-навалъ-ла.

Въ Нимродѣ нашли обелискъ шести футовъ вышины и двухъ футовъ у основанія, съ округленнымъ верхомъ. Три стороны его исписаны съ верху до низу, на четвертой вырѣзано изображеніе царя, имени котораго я не могъ еще разобрать.

Де-Соси увѣрялъ, что въ Наръ-эль-Кельбѣ нѣтъ египетскихъ скульптуръ. Мы сомнѣвались въ этомъ, но напрасно осматривали всѣ развалины, нигдѣ не было ничего похожаго на египетскія изображенія,

что могут подтвердить Френель, Томасъ, Смись и прусскій консулъ Веберъ. Отправляюсь изъ Моссула во Францію.» (Athenaeum).

Ломка аспиднаго камня въ Англии. Путешественники, проѣзжающіе княжество Валлійское, чтобъ отправиться въ Ирландію, очень хорошо сдѣлаютъ если сверотятъ съ дороги и посѣтятъ замѣчательныя ломки аспиднаго камня въ Нантъ-Франконѣ. Они не будутъ раскаиваться, что пропустили поѣздъ желѣзной дороги; если же путешественники ѣдутъ въ своемъ экипажѣ, то могутъ еще остановиться, чтобъ осмотрѣть ломки Аптонъ-Смита въ Сноудонѣ, или ломки мистрисъ Оклей въ живописномъ Фестинейгѣ. Вообще на Сѣверѣ Валлиса много аспидныхъ ломокъ, но самыя замѣчательныя изъ нихъ, находящіяся въ Бангорѣ и обогатившія фамиліи Пенринсовъ и Пеннантъ. Замокъ Пенринсъ самое красивое современное строеніе, стоилъ 100,000 фунтовъ стерлинговъ, и постройка его можетъ похвастаться архитектурнымъ монументомъ аспидной промышленности. Такъ какъ онъ строенъ хозяиномъ ломокъ, то аспидный камень долженъ былъ играть большую роль въ покрывкѣ, украшеніи, и даже мебелировкѣ замка.

Въ самомъ дѣлѣ, любопытно видѣть работы въ ломкахъ на верху горы Ибронъ. Отверстіе находится не на самомъ верху, а довольно низко, и такъ какъ на этомъ мѣстѣ трудятся уже девяносто лѣтъ, то прорыто уже больше полумили внутрь горы, гдѣ составленъ цѣлый амен-театръ террасъ какъ въ Колизеѣ, только монументъ Иброна еще обширнѣе римскаго.

Работники на Ибронѣ кажутся уже не пигмеями а муравьями, но труды ихъ величественны, какъ труды этихъ насекомыхъ. Террасы на горѣ образовались случайно, потому что аспидный камень лежитъ слоями перпендикулярно къ горѣ, и потому дѣлаютъ большой надрѣзъ внизу и проводятъ его какъ можно дальше, второй дѣлаютъ сверху перваго, потомъ третій и такъ далѣе, и вотъ какъ образуется со временемъ эта лѣстница гигантовъ. Потомъ нижнія траншеи роютъ все дальше, отыскивая новые слои аспиднаго камня. На Ибронѣ теперь шестнадцать террасъ, каждая вышиною въ сорокъ футовъ, и каждая изъ нихъ все болѣе и болѣе углубляется въ средину горы. Новыя работы образуютъ уступы еще выше, и скоро достигнутъ до самой вершины.

Двѣ тысячи работниковъ непрерывно трудятся въ ломкахъ; одни взрываютъ глыбы, другіе копаютъ землю, ломаютъ камни, нѣкоторые находятся на высотѣ собора св. Павла; но всѣ работаютъ подъ открытымъ небомъ, а не такъ какъ бѣдныя рудокопы. Однако здѣсь бываютъ очень опасны взрывы. Спускаютъ на веревкахъ людей въ какую нибудь трещину скалы, гдѣ они вырываютъ яму и кладутъ порохъ. Потомъ ихъ поднимаютъ на верхъ какъ можно скорѣе, и всѣ удаляются какъ можно дальше во время взрыва; но во время путешествія на веревкѣ случается съ работниками головокруженіе, и они невольно бываютъ причиною несчастій. Въ верхней полосѣ горы аспидный камень

легко отрывается желѣзными вилами, но во внутренности земли слои камня такъ тверды, что ихъ надобно отдѣлять только взрывами. Иногда слои аспиднаго камня перемежаются съ базальтовыми жилами, чрезвычайно твердыми. Тутъ уже всѣ труды напрасны, и работники считаютъ подобную встрѣчу большимъ несчастіемъ.

Люди, инструменты, и всѣ принадлежности передаются съ террасы на террасу въ особенной машинѣ, поднимающейся и опускающейся съ чрезвычайною скоростью.

Работники, отломавъ аспидный камень отъ горы, разрѣзываютъ его тонкими слоями и потомъ тонкими листами. Остается только придать имъ правильную форму и обдѣлать. Почти на каждой террасѣ есть мастерскія, гдѣ исполняютъ первоначальныя работы. Крѣпкіе камни рѣжутъ пилами, другіе готовятъ къ покрывкѣ кровель.

Аспидныя ломки составляютъ только часть огромнаго имѣнія Пенринса. Долина, въ которой находится аспидная гора, называется Нантъ-Франковъ, ломки же, на валлійскомъ нарѣчій: Долавенъ или Брейгъ-и-Каунъ; ихъ называютъ также по имени перваго владѣльца Пенринскими или Бангорскими, потому что ихъ нагружаютъ въ этой гавани.

Ибрионъ возвышается на лѣвомъ берегу небольшой рѣки Огвенъ и вокругъ горы группированы селенія работниковъ. Самое замѣчательное изъ нихъ называется *Вивезда*, гдѣ находится главная религіозная секта рудокоповъ, и каждый годъ бываетъ митингъ методистовъ, на которомъ они поютъ гимны на своемъ непонятномъ валлійскомъ языкѣ. Здѣсь тоже устроенъ у нихъ рынокъ, въ которомъ продаютъ хлѣбъ, холстъ, седелки, булавки, сѣрныя спички, свѣчи, кастрюли, вино—словомъ все необходимое для рабочаго народонаселенія.

Отъ ломокъ до Бангора устроена желѣзная дорога для перевозки аспиднаго камня въ гавань. Эта дорога стоила двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, но всякій другой способъ перевозки обошелся бы вчетверо дороже. Въ Бангорѣ также устроены мѣста для складки камня и для нагрузки его прямо на корабли.

Мы не знаемъ цифръ дохода этой отрасли промышленности. Слышали, что три тысячи работниковъ занимаются на ломкахъ, что жалованьемъ ихъ живутъ одиннадцать тысячъ человекъ ихъ семействъ, что расходы на ломкахъ простираются до восьмидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, но доходы значительно превышаютъ ихъ, только не знаемъ въ какой степени.

Желающіе осмотрѣть работы, не встрѣтятъ ни какихъ препятствій, напротивъ, найдутъ всевозможныя удобства.

Нашъ положительный вѣкъ успѣлъ уже употребить аспидный камень на множество предметовъ. Не успѣютъ ученые изобрѣсти что нибудь новое, какъ спекуляторы уже овладѣютъ его мыслью и превратятъ ее въ чистый доходъ. Жаль только, что изобрѣтатель не имѣетъ доли въ доходѣ. Въ послѣднее время аспидную доску начали обрабатывать усовершенствованными машинами, парами, и находятъ поминутно новое для нея употребленіе. Есть уже мостовыя изъ аспиднаго камня, террасы, стѣны, резервуары, не говоря уже о крышахъ изъ

аспидныхъ листовъ. Начинаютъ также употреблять его для лѣстницъ, балконовъ, амбаровъ, погребовъ, чтобъ сохранить прохладу и не допустить сырости. Аспидныя плиты кладутъ на могилы, дѣлаютъ изъ нихъ монументы, циферблаты, солнечныя часы, водосточныя трубы, жолобы, даже пороховыя магазины, если камни толще обыкновеннаго. Замѣчательно, что можно сдѣлать аспидную доску пятнадцати футовъ длины и восьми ширины, гладкую какъ поверхность бильярда. Твердость ея также испытана. Въ Кристалльномъ дворцѣ южная сторона была вымощена аспидными плитами, и сколько тысячъ ногъ прошло по нимъ безъ малѣйшаго вреда для плитъ. Скамейки въ публичныхъ прачешныхъ и корыта доказываютъ прочность этого вещества, вѣчно обливаемаго водою, точно также какъ полы въ этихъ заведеніяхъ.

Мы привыкли теперь все полировать и лакировать. Мы носимъ лакированныя туфли, кухарки наши готовятъ въ полированной посудѣ—отчего же не полировать и аспидный камень. Полировка сохраняетъ вещество, и позволяетъ покрывать его какою угодно краскою. Въ этомъ новомъ видѣ аспидная доска не уступаетъ самымъ драгоценнымъ матеріаламъ. Мы видѣли паркетъ изъ этого камня, назначенный для ванны, и изображающій флорентинскую мозаику изъ разнаго мрамора; кандеабры подъ порфиръ, цѣлый бильярдъ, тоже выложенный подъ мраморъ, круглый столъ точно изъ чернаго мрамора съ разными инкрустаціями, каминныя чернильницы, пресъ-папье, все это съ виду подходитъ къ самымъ рѣдкимъ матеріаламъ. Эти поддѣльные порфиры и мраморы приобрѣтаются богачами, но для людей средняго состоянія они просто находка, потому что дешевы, красивы и прочиѣ всѣхъ мраморовъ. Надобно еще прибавить, что аспидный камень гораздо легче и удобнѣе для работъ, чѣмъ мраморъ, потому что его можно разрѣзывать на самыя тонкія дощечки и покрывать ими огромныя пространства.

Искусство эмалировать аспидный камень требуетъ большой ловкости и превосходно устроенной печи. Доску, покрытую красильнымъ веществомъ, кладутъ въ печь при температурѣ отъ трехъ сотъ до пяти сотъ градусовъ, и послѣ этого краска такъ войдетъ въ камень, что нельзя уже никакъ стереть ее.

Всякій ученикъ знаетъ, что грифельная доска его сдѣлана изъ того же камня, какимъ покрываютъ крыши, только отдѣлана немного лучше и тоньше. На ломкахъ, доски для учениковъ готовятъ всегда мальчики, обдѣлывая ихъ въ деревянныя рамки. Грифеля дѣлаютъ они же изъ лучшаго сорта камня.

Замѣчательно, что изъ всего минеральнаго царства, произведенія аспиднаго камня имѣютъ самыя аристократическія названія. Работники называютъ глыбы разнаго размѣра герцогинями, графинями, леди, и въ продажѣ камни эти сохраняютъ свои герольдическія имена. Аспидная доска герцогиня, два фута длины и одинъ ширины, простая леди шестнадцать дюймовъ длины и восемь ширины. Для каждой изъ аристократическихъ досокъ требуется извѣстное число гвоздей, для приколачиванья ихъ, только число гвоздей увеличивается, такъ, что для прос-

тыхъ леди надобно огромное количество гвоздей, что видно изъ записокъ аспиднаго работника, которыя можно получить на ломкахъ.

(Revue britannique.)

Шляпная промышленность. Одинъ ученый экономистъ, принимаясь писать исторію шляпъ, доказалъ прежде всего, что изобрѣтеніе покрывать себѣ голову принадлежитъ генію войны. Всѣ первобытные народы ходили съ непокрытою головою и распущенными волосами до тѣхъ поръ, покуда жили въ мирѣ. Но вмѣстѣ съ честолюбіемъ родились мысли о завоеваніяхъ, и разумѣется, люди прежде всего придумали средство охранять голову отъ непріятельскаго оружія. Стало быть, первоначальныя шляпы были каски изъ звѣриныхъ кожъ, изъ плетеныхъ жиль дерева, изъ мѣди, изъ желѣза, отдѣланныя артистически, смотря по степени образованности каждаго народа.

Мирнѣе это раздѣляется не всѣми, не смотря на его вѣроятность. Разумѣется, люди должны были прожить довольно долго прежде чѣмъ вздумали вести войну, но занимаясь работами для пропитанія, они должны были защищаться отъ солнечнаго жара, отъ непогодъ, отъ холода. Первая головная уборка состояла непременно изъ листьевъ бана на или пальмъ, привязанныхъ къ головѣ и образующихъ собою защиту отъ жара и дождя. Вотъ стало быть первыя шляпы изъ богатой фабрики природы. Въ послѣдствіи приняты были другія формы, и теперь шляпная промышленность имѣетъ огромныя размѣры и пользуется уваженіемъ въ торговлѣ.

Если описывать все развитіе этой промышленности, всю исторію касокъ, шлемовъ, шапокъ, баретовъ, фуражекъ, колпаковъ всѣхъ цвѣтовъ и формъ, изображающихъ то чинъ, то значеніе, то состояніе челоуѣка—надобно исписать цѣлую книгу, которая въ тоже время будетъ и исторіею челоуѣчества.

Изъ-всѣхъ головныхъ уборовъ, украшавшихъ людей въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, самый некрасивый и неудобный, это труба, которую мы носимъ теперь на головѣ и которая во всеобщемъ употребленіи во всемъ образованномъ мирѣ. Напрасно смѣялись надъ современными шляпами, распускали ихъ поля, понижали и повышали тульи, съуживали верхъ и расширяли его, шляпа перенесла хладнокровно всѣ измѣненія и крѣпко еще сидитъ на нашихъ бѣдныхъ головахъ, не думая уступать своего мѣста другому убору.

Шляпы наши дѣлаютъ изъ шелка и шерсти. Шелковыя самыя претія, потому что готовятся изъ плюша (шелкъ съ бумагой). Шерстяныя дѣлаютъ изъ шерсти бобра, верблюда, вигони, морской выдры, зайца, кролика, овцы, козы. Самыя лучшія и легкія шляпы тѣ, въ фабрикацію которыхъ входитъ больше бобровой шерсти, потому что чисто бобровыхъ шляпъ не дѣлаютъ, по причинѣ чрезвычайной ихъ доровизвы. Шерсть морской выдры тоже очень красива, но чрезвычайно непрочна. Верблюжью шерсть мы получаемъ изъ Египта, Сиріи и Аравіи. Кашемирская шерсть вывозится изъ Тибета, перуанская

изъ Буэносъ-Айреса; Ангора и Левантъ, Канада, Англія, Россія, Германія, доставляютъ лучшую шерсть кроликовъ, зайцевъ, и все это для выдѣлки безобразныхъ шляпъ.

Въ Средніе вѣки дѣлали во Франціи плюшевыя шляпы или бареты, но промышленность эта не распространилась, и Флоренція завела у себя шляпныя фабрики. Только сорокъ лѣтъ тому, назадъ фабрикація эта вернулась во Францію, и теперь Парижъ и Ліонъ славятся своими фабриками.

Ліонскія фабрики долго имѣли превосходство надъ парижскими, потому что краски ихъ были лучше. Ліонскій плюшъ изнашивался, но все было черного, блестящаго цвѣта, тогда какъ шляпы парижской фабрикаціи дѣлались рыжими и тусклыми. Теперь эта разница почти исчезла.

Шелковая шляпа имѣетъ больше блеска, чѣмъ шерстяная, но она не такъ прочна. Притомъ надобно, чтобъ она была лучшей фабрики, иначе швы на ней будутъ замѣтны, что очень некрасиво.

Долго думали, какъ бы устранить неудобства шелковыхъ шляпъ и тусклость шерстяныхъ, и теперь задача эта рѣшена. Парижскій шляпникъ Дюшенъ смѣшалъ шелкъ съ шерстью бобровъ, зайцевъ и другихъ звѣрей, и сдѣлалъ отличную шляпу, красивую, легкую, прочную непромокаемую и блестящую. Стоитъ только модѣ принять эти шляпы и шляпная промышленность замѣтно усовершенствуется.

(Le Voleur).

Экспедиція доктора Барта во внутреннюю Африку.— Отъ путешественника по Африкѣ доктора Барта получены вновь письма. Онъ благополучно прибылъ въ Тимбукту, цѣль экспедиціи его. Направленіе пути его было чрезъ Ковару (по рѣкѣ Нигеру) и Листако.

Ковара небольшой городъ изъ 400 домовъ, важенъ только какъ гавань всей области. Докторъ Бартъ въѣхалъ сюда 7-го сентября съ большою пышностью съ братомъ Шейхъ-Эль-Бакая, на лошадяхъ и верблюдахъ, при громкихъ крикахъ народа. Докторъ принялъ званіе Стамбульскаго посланника, но и это навлекло ему много непріятностей, потому что здѣсь есть сильная партія противъ турокъ.

Здоровье Барта было чрезвычайно разстроено. Въ три года сдѣлалъ онъ 2000 нѣмецкихъ миль, подвергался всѣмъ лишеніямъ и опасностямъ. Въ это время пало подъ нимъ шесть верблюдовъ.

Столица Тимбукту вовсе непривлекательна: это масса домовъ, посреди которыхъ господствуютъ вѣчныя лихорадки. Она лежитъ въ 18° 43' 30" сѣверной широты и 1° 45' долготы отъ Гринича. Она представляетъ треугольникъ. Дома построены изъ глины и камня. Есть дома съ красивыми фасадами. Число жителей простирается до 20,000 душъ. Рынокъ городской меньше, нежели въ Кано, но товары лучше. Рынокъ этотъ посѣщается многими англичанами. Вся окрестность пустынна и неводѣлана.

Докторъ Бартъ все еще не зналъ ничего о путешествіи Фогеля.

Петерманъ, получившій письмо Барта, издалъ на дняхъ книгу объ открытіяхъ послѣднихъ четырехъ путешественниковъ по Африкѣ съ превосходными картами, портретами Барта, Ричардсона, Овервега и Фогеля. (Novellen-Zeitung).

Судоходный каналъ чрезъ Даріенскій перешеекъ. — Въ Аугсбургской газетѣ сообщаютъ, что американцы отказались отъ надежды на устройство судоходнаго канала чрезъ Даріенскій или Панамскій перешеекъ. Известно, что американцы, французы и англичане дѣйствуютъ совокупно для изслѣдованія неизвѣстныхъ странъ между Каледонскою бухтою въ Атлантическомъ океанѣ и Санъ-Мигуэльскою въ Тихомъ. Изъ послѣдней бухты произвели англичане, подъ начальствомъ Прево, экспедицію въ декабрѣ 1853, открыли 1-го января 1854 новую рѣку; вскорѣ потомъ другую, видѣли съ высоты горъ Атлантическое море, но должны были воротиться, не достигнувъ до него. Большая часть пройденнаго имъ пространства состояла въ равнинѣ, густо поросшей лѣсомъ. Съ этой стороны не было бы большаго препятствія къ прорытію канала, но со стороны Атлантическаго океана предстоить невозможность, гдѣ сѣверо-американцы, подъ начальствомъ лейтенанта Страйна начали изслѣдованіе съ Каледонской бухты. 20-го числа пришелъ англійскій корабль и французскій пароходъ съ инженерами. На протяженіи пятнадцати англійскихъ миль находились горы за горами, и они съ трудомъ могли подвигаться впередъ. Англійская партія лейтенанта Фоунтлероя убѣдилась, что нельзя прорыть канала черезъ гору въ 4000 футовъ вышины. Карты Куллена и Джисборна, по которымъ дѣлались изслѣдованія, все невѣрны. Ни тотъ, ни другой не знали этой страны. Страйнъ хотѣлъ съ американцами, во чтобы то ни стало, достигнуть до Тихаго океана. Въ Нью-Йоркѣ почитаютъ теперь проектъ этого канала мечтою. (Nov. Zeit).

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Рѣзба на деревѣ. — Искусство воспроизведенія картинъ рѣзбою на деревѣ извѣстно было еще до открытія книгопечатанія. Дюреръ и Гольбейнъ довели его въ свое время до высокой точки совершенства. Но ихъ же гравюры вскорѣ вытѣснили это искусство, такъ что его стали только употреблять на виньетки и другія украшенія. Въ Англіи впервые опять занялись имъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, пользуясь выгодами иллюстрированныхъ изданій, гдѣ картинки можно помѣщать въ срединѣ текста.

Томасъ Бевикъ былъ первымъ, основавшимъ новѣйшее искусство

политипажей въ 1770—1780 годахъ. Онъ вмѣсто продольнаго дерева употребилъ поперечное, а вмѣсто ножа—рѣзецъ (грабштихъ). Англійскія газеты по одному пени сдѣлали это искусство весьма популярнымъ.

Франція послѣдовала своей соперницѣ, и образовала свой отдѣльный иллюстраціонный стиль, отличающійся скоростью и тонкостью. Не смотря на это, многіе французскіе издатели печатаютъ свои политипажи въ Англии, тогда какъ Германія совершенно независима отъ нихъ въ этомъ отношеніи, и довела это искусство до высшей степени.

Еще въ концѣ XVIII вѣка берлинскіе рѣщики на деревѣ Унгеръ и сынъ стали подражать англичанамъ, и ввели политипажи въ большое употребленіе. Послѣ нихъ сдѣлались извѣстны Унцельманъ и Губицъ. *Народный календарь* послѣдняго имѣлъ величайшій въ свое время успѣхъ, равно какъ и потомъ Pfenning-Magazin, издававшійся съ 1833 года.

Въ 1843 году Лейпцигская иллюстрація придала этому искусству новую значительность. Съ тѣхъ поръ шло оно съ возрастающимъ усовершенствованіемъ. Тогда какъ за пятьдесятъ лѣтъ было во всей Германіи только нѣсколько художниковъ, занимавшихся рѣзбою на деревѣ, теперь число мастерскихъ гораздо больше, нежели тогда мастеровъ. Лучшія мастерскія: въ Вѣнѣ Блазіусъ-Гёфеля, въ Берлинѣ Фогеля, въ Дрезденѣ Гуго Бюркнера. Заведеніе Эдуарда Клечмара въ Лейпцигѣ издаетъ иллюстрированную газету, а Брауна и Шнейдера прославились изданіемъ *Летучихъ листковъ* и *Нѣмецкою домашнею хроникою*.

Существенное преимущество рѣзбы на деревѣ состоитъ въ возможности производить безчисленное множество оттисковъ. Тогда какъ съ мѣдной гравировальной доски можно только снять нѣсколько тысячъ оттисковъ, съ деревянной доски дѣлается по нѣскольку сотъ тысячъ, а съ ивой виньетки *иллюстрированной газеты* отпечатывается до милліона.

Эти оттиски производятся не на одной бумагѣ, но и на свинцѣ (такъ называемыя *кшише*). Мягкость дерева весьма благоприятствуетъ художнику въ выраженіи лицъ и въ передачѣ автографовъ. Уступая гравировкѣ въ постепенности тѣней, это искусство старается теперь стать на равнѣ съ нею. Блазіусъ Гёфель наиболѣе трудился сравнить политипажъ съ гравюрами. По мягкости и нѣжности рисунка, конечно нельзя было достигнуть до этого, но сильное и вѣрное всегда будетъ принадлежностью политипажей.

Адольфъ Менцель въ изданіяхъ своихъ и предметахъ XVIII вѣка наиболѣе отличился въ этомъ искусствѣ. Фридрихъ великій и современники его лучше всего изображены имъ. Иллюстраціи къ *Жизни Фридриха*, сочиненія Куглера, отличны.

Герои Фридриха великаго (въ Берлинѣ, у Александра Динкера) представляютъ великолѣпное изданіе, и могутъ служить образцомъ политипажнаго искусства. (Moden Zeitung).

Замѣчаніе Рубини.— Смерть Рубини произвела большое волненіе въ артистическомъ мірѣ, и когда узнали, что онъ въ духовной не забылъ ни одного изъ своихъ товарищей и даже знакомыхъ, то сожалѣніе еще болѣе увеличилось изъ благодарности. Недавно въ Фойе Итальянской оперы собрались артисты, оплакивавшіе смерть неподражаемаго пѣвца.

— Какъ онъ рано умеръ! говорилъ одинъ, нюхая табакъ изъ богатой табакерки, оставленной ему великимъ теноромъ.

— Вотъ часы, подаренные мнѣ Рубини, прерывалъ другой, смотря на стрѣлки сквозь слезы.

— Мнѣ онъ оставилъ булавку.

— Мнѣ кольцо.

— Мнѣ цѣпочку, говорили всѣ, а въ это самое время публика думала:

— Зачѣмъ онъ не оставилъ своего голоса одному изъ васъ.

Любопытно тоже замѣчаніе Лаблаша, остроуміе котораго давно извѣстно. Когда ему сказали, что Рубини оставилъ четыре или пять милліоновъ, Лаблашъ замѣтилъ:

— Я не думалъ, чтобъ Рубини былъ такъ бѣденъ! (*Musée des familles*).

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Одураченный докторъ.— Одинъ изъ извѣстныхъ парижскихъ докторовъ, любившій лечить богатыхъ пациентовъ, былъ недавно приведенъ въ затруднительное положеніе одною догадливою дамою.

Однажды утромъ пріѣхала къ нему дама прекрасно одѣтая, по видимому образованная, и просила осмотрѣть ей глаза, которые отъ чего-то сдѣлались слабы.

— Это очень опасно, сказалъ докторъ, осматривая туалетъ молодой женщины.

— Вы меня пугаете, ужъ не ослѣпну ли я?

— До этого я не допущу... я берусь васъ вылечить, но предупреждаю, что леченіе будетъ продолжительно.

— Боже мой, что жъ у меня за болѣзнь?

— Эта глазная болѣзнь называется *аморозз*.

Въ наукѣ есть странныя слова, пугація даже тѣхъ, которые ихъ не понимаютъ.

— Что жъ мнѣ дѣлать? спросила дама въ испугѣ, я не живу въ Парижѣ, а пріѣхала сюда только посоветоваться съ вами...

— Въ такомъ случаѣ вамъ надобно на время поселиться здѣсь, потому что малѣйшее упущеніе можетъ лишить васъ драгоценнаго органа, и я долженъ каждый день видѣть васъ, чтобъ наблюдать за ходомъ леченья. Въ противномъ случаѣ я не отвѣчаю ни за что.

Молодая женщина, принадлежащая въ самомъ дѣлѣ къ лучшему обществу и очень богатая, наняла великолѣпный домъ въ Шоссе д'Антенъ, и исполняла всѣ приказанія доктора, который акуратно прѣзжалъ каждый день, и все обѣщалъ что зрѣнiе ея скоро совсѣмъ поправится. Но лечение продолжалось уже нѣсколько недѣль, и молодая женщина начала подозрѣвать, не дурачить ли ее модный докторъ, чтобъ получить больше денегъ за визиты. Не думавши долго она отыскала старую шаль, которую надѣла на голову, закрывъ совершенно свои бѣлокурные волосы. Изуродовавъ себя еще чепчикомъ съ длинною оборкою, она выкрасила себѣ брови, взяла узелъ, старый зонтикъ, спрятала свои ножки въ огромныя калоши, а ручки въ широкія перчатки и отправилась къ доктору въ дурную погоду.

Надобно вообразить въ какомъ видѣ она доплыла къ нему. Даже влюбленный не могъ бы узнать въ этой сгорбленной жалкой нищей блистательную женщину лучшаго общества.

Докторъ, разумѣется, заставилъ ее ждать въ передней, и когда увидѣлъ мокрую старуху, то сказалъ довольно грубо:

— Что у тебя болитъ, бабушка?

— Глаза, добрый господинъ. Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ какъ они у меня такъ слабы, что я не могу ничего дѣлать. Ломить что-то подъ рѣсницами...

— Дай-ко я посмотрю на твои глаза.

Молодая женщина смѣло подвинула свое лицо скрытое оборками къ доктору, который въ эту минуту никакъ не могъ подозрѣвать, что передъ нимъ богатая его пациентка. Осмотрѣвъ глаза онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— У тебя совсѣмъ не болятъ глаза.

— Какъ не болятъ, ворчала незнакомка, а мой докторъ увѣрялъ что у меня какой-то... какъ его... амо... аму...

— Аморозъ?

— Ну, да.

— Докторъ твой совралъ. У тебя слабое зрѣнiе и больше ничего. Тебѣ надобно беречься, а совсѣмъ не лечиться.

— Да что жъ мнѣ говорилъ мой докторъ?

— Твой докторъ оселъ!

— Какъ вы рѣзко отзываетесь о себѣ самомъ! вскричала молодая женщина смѣясь и сдергивая съ себя шаль.

Окулистъ такъ смѣшался, что даже не являлся потомъ за деньгами къ дамѣ. Теперь онъ въ большомъ страхѣ, что репутація его пострадаетъ, потому что на врядъ ли пациентка его будетъ молчать. (idem).

Американскія афиши.— Вотъ любопытный образчикъ афишъ американскихъ театровъ:

Въ Courcier de New-York навечатано слѣдующее:

МУЗЕЙ БАРНУМА.

ТРЕТЬЯ НЕДѢЛЯ БЛИСТАТЕЛЬНАГО УСПѢХА

пріятной, увеселительной, комической, патетической и

Занимательной моральной драмы,

поставленной нарочно для музея и составленной изъ большого сочиненія подъ названіемъ

КАРТИНА СОВРЕМЕННЫХЪ ПРАВОВЪ

изданнаго недавно обществомъ миссій. Драма называется:

СТАРАЯ ПИВОВАРНЯ,

и будетъ играна

КАЖДЫЙ ДЕНЬ НА ЭТОЙ НЕДѢЛѢ,

отъ понедѣльника, 13-го марта, до субботы, 18-го марта.

Въ среду и пятницу будутъ еще представленія послѣ полудня.

Главные артисты:

Альфредъ Грантъ, прикащикъ въ Севинг-Банкъ.

Кларкъ Гюль Гонтлей, зять стараго Невиля.

Дали Самъ Нобль, лондонскій житель.

Гадейръ.

Люси Грайсонъ, единственная дочь Грайсона.

Миссъ Местайеръ.

И еще нѣсколько замѣчательныхъ лицъ труппы. Начало

ВЪ ТРИ ЧАСА.

Кромѣ того будутъ играть комедіи, фарсы, смотря по требованію публики.

(Le Voleur).

Пантеонъ Надара.— Недавно всѣ окна парижскихъ магазиновъ съ эстампами были заставлены огромною литографіею, на которой изображена цѣлая процессія уродовъ всевозможныхъ видовъ. Это все современные знаменитости литературы и искусства, апотеозу которыхъ представила очень остроумная карикатура.

Какой странный талантъ данъ живописцу Надару! Его глазъ походить на извѣстный родъ оптическихъ инструментовъ, представляющихъ предметы въ самомъ чудовищномъ видѣ.

Всѣ линіи фizioноміи и фигуръ принимаютъ причудливыя формы. Носы пухнуть какъ шары, или сдуваются въ видѣ флейтъ, то гнутся дугою, то выворачиваются хоботомъ, или расходятся въ нѣсколько сторонъ. Глаза обозначены то цѣлыми окнами; то совсѣмъ незамѣтны, и сливаются съ безчисленными морщинами; щеки висятъ до плечъ или совсѣмъ не существуютъ. Рты напоминаютъ разныя звѣриныя морды. Головы покрыты необыкновенными растеніями или совсѣмъ голыя. Нѣкоторые люди напоминаютъ овощи и животныхъ, и не смотря

на всѣ несообразности, сходство лишь поразительное, разумѣется, жестокое и ироническое, но все-таки такое, что всякій тотчасъ назоветъ имена всѣхъ этихъ уроловъ. Самые лучшіе портреты не могутъ быть похожіе карикатуръ Надара.

Какая странная способность у этого человѣка видѣть все съ смѣшной стороны! Въ Пантеонѣ его собраны самыя уморительныя маски.

Шестіе открываютъ Викторъ Гюго и Ламартинъ, потомъ слѣдуютъ Мюссе, де Виньи, Александръ Дюма съ сыномъ, Карръ, Жераръ де Нерваль, Леонъ Гозланъ, оба Лакруа. За ними слѣдуетъ фаланга фельетонистовъ: Жаненъ, Ролъ, Поль де Сенъ Викторъ, Тьерри, Премаре, Лирье; даѣе группа политическихъ лицъ: Гизо, Тьеръ, Эмиль Жирарденъ. *Revue de Paris* ведетъ фалангу своихъ сотрудниковъ: Максима Дюкана, Лорана Пиша, Луи Корменена, Юльбаха, Шамфлери, Боделера, Обріе и множество другихъ, которыхъ невозможно назвать, потому что въ пандемоніумѣ Надара собрано четыреста портретовъ съ природы, всѣ превосходной отдѣлки и чрезвычайно схожіе. Неизвѣстно, довольны ли оригиналы этихъ ироническихъ портретовъ, но публика въ восторгѣ, и Пантеонъ будетъ принадлежностью каждаго письменнаго стола. За то есть много особъ, почитавшихъ себя почти безсмертными, и которые очень оскорбились, что фізіономіи ихъ не представлены хотя въ смѣшномъ видѣ возлѣ Ламартина или Тьера. На всѣхъ не угодишь!

(*idem*).

Аркадскіе и шотландскіе острова (*изъ записокъ англійскаго путешественника*). «Я выѣхалъ изъ Абердина на англійскомъ суднѣ, назначенномъ для ловли сельдей и шедшемъ въ Тромнессъ. Вѣтеръ былъ попутный, а какъ мы были нагружены только баластомъ, то весьма быстро шли, не теряя однакожъ изъ вида береговъ Шотландіи, видѣвшихся въ туманѣ. Но достигнувъ до мыса Дункана, вѣтеръ переѣнился, и мы вошли въ Пентландскій заливъ, протекающій между аркадскими островами и сѣвернымъ берегомъ Шотландіи и имѣющій двѣ мили ширины.

Здѣсь боролись мы со многими затрудненіями и опасностями. Сила волнъ увлекала насъ, бросая то въ одну, то въ другую сторону. Еслибъ нашъ лоцманъ не былъ такъ хладнокровенъ и опытенъ, судно наше неминуемо разбилось бы въ шкерахъ у входа въ заливъ.

Къ югу видѣлся Кайтнесскій мысъ, къ сѣверу Рональдсейскій, возвышавшіеся на одномъ изъ аркадскихъ острововъ, а къ юго-западу значащій островъ Свина, извѣстный морякамъ по своей неприступности. Чѣмъ далѣе мы плыли къ западу, тѣмъ видѣе становились горы на островѣ Гофъ, обхватывающемъ съ Рональдсеемъ море и превращая его въ озеро, усѣянное небольшими островками, похожими на корзинки съ зеленью, какъ бы принесенными сюда изъ счастливейшихъ странъ.

Глядя на карту Шотландіи, невольно раждается мысль, что аркад-

скіе острова составляли нѣкогда часть Великобританіи. Небольшая глубина, отдѣляющая острова, одинаковая почва ихъ и произведенія — все подтверждаетъ эту гипотезу. И однакожь климатъ аркадскихъ острововъ различествуетъ съ англійскимъ и шотландскимъ. Первые подвержены холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ, защищая отъ него сами берега Англій. Отъ этого въ іюнѣ, когда въ Англій царствуютъ жары, бываетъ на островахъ часто снѣгъ и градъ, потому-что въ это время ледъ таетъ въ Гренландіи.

Здѣшняя почва, подверженная частымъ холоднымъ вѣтрамъ, не имѣетъ почти растительности. Деревья достигаютъ до небольшого роста. Здѣсь бываетъ рѣдкое явленіе, всегда чрезвычайно пугающее жителей, а именно: *черный снѣгъ*. Но физики догадываются, что, какъ въ это время Гекла находится всегда въ изверженіи, то пепелъ и увлекается вѣтромъ, смѣшиваясь потомъ со снѣгомъ.

Аркадскіе острова, гдѣ расходятся огромныя массы сельдей и рыбъ, плывущихъ къ югу, сдѣлались чрезъ то естественнымъ пребываніемъ морскихъ птицъ, которымъ сверхъ того очень удобно свивать себѣ гнѣзда. Туленей также здѣсь множество, и весною слѣзжаются сюда англійскіе и шотландскіе *спортсмены*, чтобъ вдоволь поохотиться въ здѣшнихъ узкихъ проливахъ.

Гой представляетъ безъ сомнѣнія одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ острововъ архипелага. Извилистые берега его весьма живописны. Ясно, почему простодушная фантазія древнихъ гойскихъ норманновъ дѣлала этотъ островъ мѣстомъ событій странныхъ ихъ сагъ.

Въ одной изъ этихъ сагъ говорится о вардъ-гильскомъ *карфункель* (карбункулъ). Этотъ свѣтящійся камень лѣтомъ во время полуночи составляетъ и нынѣ занимательный предметъ для естествоиспытателей, но уже конечно баснословныя его качества исчезли.

На одномъ изъ склоновъ Вардъ-Гилля стоитъ тоже памятникъ, который до сихъ поръ составляетъ неразгаданную задачу для археологовъ. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ *Дварфи-Стоун* (скала карликовъ). Онъ состоитъ изъ обломка скалы, который повидимому оторвался отъ верхней ея половины. Этотъ обломокъ, семь футовъ вышины, 22 длины и 17 ширины. Внутренность превращена въ пещеру трудомъ человѣческихъ рукъ, что и доказывается слѣдами по стѣнамъ желѣзныхъ орудій. Пещера эта совершенно отдѣлана въ видѣ комнаты, и безъ сомнѣнія служила нѣкогда жилищемъ для людей: что тоже видно по двумъ каменнымъ кроватямъ, изсѣченнымъ у стѣнъ. Свѣтъ проходитъ въ отверстіе, сдѣланное сверху. Входъ не выше трехъ футовъ и закрывается камнемъ такой же величины. Сага говоритъ, (можетъ быть, основываясь на величинѣ двери), что тутъ жилъ таинственный карликъ. Въ новѣйшихъ же преданіяхъ упоминаютъ, что здѣсь обиталъ отшельникъ.

Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ *Пиратѣ*, столь вѣрно и живо описавшій аркадскіе острова, говоритъ о *скаль карлика* совсѣмъ другое. — «Я замѣтилъ, говоритъ онъ, что по линіи, начинающейся противъ карликовой скалы и идущей до морскаго берега, видно множество каменныхъ кучъ,

или отдѣльныхъ большихъ камней, которые служили по видимому соединеніемъ скалы съ главною кучею камней. Слѣдственно этотъ странный памятникъ служилъ храмомъ сѣвернаго «*diïmanes*,» къ которому путь указывали небольшія кучки камней.» Признаюсь, эта гипотеза кажется мнѣ вѣроятнѣе всѣхъ прочихъ, мною слышанныхъ.

Въ 1827 году сооружена была на островѣ Гоѣ французскими учеными, въ главѣ которыхъ былъ Біо, обсерваторія. Гоѣ отдѣленъ отъ Помоны (главный аркадскій островъ) небольшимъ проливомъ, котораго самое узкое пространство находится между гойскимъ и стратнесскимъ мысами.

Стратнессъ составляетъ до сихъ поръ разсадникъ матросовъ, гдѣ всѣ сѣверныя китоловныя суда набираютъ свои экипажи. Съ раннихъ лѣтъ привыкшіе къ трудностямъ рыболовнаго ремесла, сильные и смѣлые жители аркадскихъ и шотландскихъ острововъ самые лучшіе матросы въ Англіи. А потому всѣ англійскіе и шотландскіе корабли, отправляющіеся въ Гренландію, или Баффиновъ заливъ, берутъ при отъѣздѣ весьма малое количество матросовъ, а пополняютъ экипажи здѣсь, между жителями, привыкшими ко всѣмъ нуждамъ и стужамъ.

Стратнесская губа глубоко вдается во внутренность острова Помона на нѣсколько миль и образуетъ родъ озера, которое жители называютъ Стенискимъ. Каменное шоссе, снабженное мѣстами большими отвѣртіями для ската озера, соединяетъ оба берега этого озера, раздѣляя его на двѣ половины. На восточной оконечности этой гавани видно множество большихъ отдѣльныхъ камней мягкой породы, стоящихъ стоймя и въ полукружій, нѣкоторые изъ нихъ въ 20 футовъ вышины, 6 ширины и одинъ толщины, иные опрокинуты, нѣкоторые полуразбиты. Въ срединѣ полукруга стоитъ такой же большой камень, на вершинѣ котораго сдѣлано отвѣртіе. Островитяне называютъ эти камни «стоячими стенисовыми камнями.» На противоположномъ перешейкѣ находится другой такой же памятникъ, только образующій полный кругъ. Камни его меньше. Самые большіе въ 15 футовъ. Кругъ, образуемый ими, имѣетъ до 30 футовъ въ діаметрѣ. Онъ окруженъ рвомъ, а къ востоку и западу кончается искусственными холмами. По всему острову встрѣчаются подобныя стоячіе камни, которыхъ назначеніе тоже неизвѣстно.

Между Стратнесномъ и Кирквалемъ девять англійскихъ миль. Полоса земли, раздѣляющая ихъ, имѣетъ совершенно различный характеръ. Голыя, печальныя пустыни смѣняются болотами и цвѣтущими долинами. Деревьевъ тамъ нѣтъ, а все одинъ кустарникъ и трава (можжевельникъ и мохъ играютъ главную роль). Необработанныя полосы земли заросли густою травой. Впрочемъ, подъ влияніемъ распространяющагося земледѣлія Помоны обнаруживается нѣкоторая растительность. Но непреодолимая страсть жителей къ мореходной жизни долго еще будетъ препятствіемъ къ земледѣлію.

Киркваль можетъ безспорно назваться столицею аркадскихъ острововъ. Онъ стоитъ на узкомъ перешейкѣ въ сѣверо-восточной части острова. По званію *мьстечка*, имѣетъ оно королевскій судъ. Остатки укрѣ-

пленій указываютъ, что оно нѣкогда служило и для военной цѣли. Но со времени присоединенія аркадскихъ и шотландскихъ острововъ къ Великобританіи, они сдѣлались мирными жилищами. Теперь главное произведеніе здѣшней торговли—сода, фабрикуемая на берегахъ въ большомъ количествѣ. Вывозится отсюда тоже много лошадей, небольшого роста, извѣстныхъ подъ названіемъ «ponies,» или «shelties,» которыя дорого цѣнятся во всѣхъ гористыхъ странахъ, даже выше шотландскихъ. *Поней* аркадскихъ острововъ отличается длинною спиною и короткими ногами. Онъ переноситъ величайшее утомленіе, и одаренный удивительнымъ чутьемъ и памятью, всегда находитъ обратную дорогу въ тѣ мѣста, гдѣ бывалъ. Его чрезвычайно длинная грива придаетъ ему видъ дикаго звѣря.

Кирквалъ былъ прежде столицею владѣтельнаго графа аркадскихъ острововъ. Еще до сихъ поръ видны развалины его замковъ и епископскихъ дворцовъ. Въ городѣ есть древній и красивѣйшій соборъ (первый послѣ Глазго). Онъ построенъ въ XII вѣкѣ въ римскомъ стилѣ, принявшемъ уже нѣсколько готическаго. Онъ посвященъ покровителю аркадскихъ острововъ св. Магнусу. Уваженіе жителей къ нему такъ велико, что даже въ періодъ реформацій храмъ этотъ совершенно уцѣлѣлъ.

Замокъ графскій кажется выстроенъ въ началѣ XVII вѣка. Это надобно полагать по большимъ круглымъ башнямъ на углахъ зданія, и по рядамъ пилястръ въ классическомъ вкусѣ, украшающихъ замокъ съ обѣихъ сторонъ главнаго входа.

Разсказываютъ, что аркадскіе и шотландскіе острова достались слѣдующимъ образомъ. Когда Яковъ VI женился на датской принцессѣ Аннѣ, то острова эти даны были въ видѣ залога въ исполненіи заключеннаго свадебнаго договора. Но какъ онъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе, то острова эти съ тѣхъ поръ и остались во владѣніи.

Къ сѣверу отъ Помоны архипелагъ этотъ образуетъ тѣсную группу маленькихъ островковъ, раздѣленныхъ силою теченія морскихъ приливовъ. Исключая Шепунсея, Стронсея, Эдея, Папа-Вестрея и Савдея, имѣющихъ отъ 500 до 2000 жителей, на прочихъ—или вовсе никто не живетъ, или чрезвычайно мало. Всѣ они пустыньны и бесплодны. Только Папа-Вестрей довольно плодороденъ. Общій характеръ этихъ острововъ—однообразіе. Они приучаютъ уже путника къ печальнымъ картинамъ дальнихъ сѣверныхъ морей.

Хотя жители аркадскихъ острововъ и смѣшались съ шотландцами, но энергичекій типъ и крѣпкое тѣлосложеніе древнихъ скандинавовъ и теперь остались неизмѣнными. Образованностью ума уступаютъ они шотландцамъ. Они до чрезвычайности суевѣрны. Какъ часто видишь, что отправляющіеся судохозяева покупаютъ дорогою цѣною у обманщиковъ попутный вѣтеръ. Спросите у любого островитянина. Каждый хоть разъ въ жизни видалъ огромную морскую змѣю, которая поднимаясь изъ бездны моря, угрожаетъ головою своею небесамъ.

Во время путешествія моего по всѣмъ этимъ бѣднымъ островамъ, жители принимали меня со всѣмъ своимъ древнимъ, трогательнымъ го-

степрѣимствомъ. Копченый силлокъ, хлѣбъ изъ овсяной муки и протокваша предлагаются всякому страннику, даже въ самыхъ бѣднѣйшихъ хижинахъ.

Шотландскіе острова такъ во всемъ схожи съ аркадскими, что ихъ можно назвать близнецами. Между Нартъ-Рональдсеємъ, самымъ сѣвернымъ изъ аркадскихъ острововъ, и мысомъ Скамбургомъ, крайнею южною оконечностью главнаго шотландскаго острова Майнлинда, разстояніе составляетъ пятьдесятъ англійскихъ миль. Проѣзжая съ юга, путешественникъ ѣдетъ и мимо острова Файра (Fair), гдѣ нѣкогда разбился адмиральскій корабль необѣдимой испанской Армады.

Глядя съ открытаго моря на островъ Майнлиндъ, похожъ онъ на фигуру топора. Длинная полоса земли, начинающаяся у Бургъ-Вестрея и оканчивающаяся у Ярслофа, шириною едва въ двѣ мили, а длиною въ двадцать пять.

Лервикъ, главный городъ шотландскихъ острововъ, имѣетъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ жителей, живущихъ на круговомъ пространствѣ отличной гавани Брессей-Зоунда. Дома построены амѣтеатромъ на скатѣ горы. На обширной вершинѣ стоитъ пресвитеріанская церковь и Диссидентская молеельня. Отсюда видна вся лервикская гавань. Къ востоку лежитъ островъ Брессей съ коническими своими горами, на которыхъ построены древніе кельтійскіе памятники. На долинахъ есть зеленые дуга, гдѣ пасутся пони, обросшіе длиною, густою гривой. Въмѣстѣ съ ними пасутся небольшія коровы безъ рогъ и бараны съ удивительно-тонкою шерстью, но съ высокими спиральными рогами. Кое-гдѣ стоятъ дома подъ защитою холмовъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Кромѣ смородинныхъ кустовъ и малорослой березы нѣтъ никакого дерева.

Къ сѣверу видѣнъ проливъ между Майнландомъ и Брессеємъ. Налѣво, въ небольшой бухтѣ, небольшая верфь, пышно называемая *королевскимъ докомъ*, въ которомъ чинятся рыбацкія лодки. Нѣсколько ближе находятся старыя укрѣпленія Форта-Шарлотты, вооруженныя одинадцатью плохими пушками. Фортъ построенъ Кромвелемъ, и вѣроятно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ венеціанскій патрицій Николо Зено основалъ въ XIV вѣкѣ крѣпость, въ которой и зимовалъ съ своими спутниками. Онъ ѣхалъ по торговымъ своимъ дѣламъ въ Англію и бурями загнанъ былъ къ шотландскимъ островамъ. Направо черезъ горы видно море во всемъ его величій и дикой красотѣ. У подножія горы начинается городъ Лервикъ, въ которомъ всего одна главная улица *Торговая* (Commercialstcest). Здѣсь вся дѣятельная жизнь туземцевъ, живущихъ рыбною ловлею по берегамъ и въ Гренландіи. Здѣсь же продаются и шерстяныя издѣлія, приготовляемыя шотландцами въ продолженіе зимы.

По странной противоположности съ прочими сѣверными странами, гдѣ дома всѣ деревянные съ остроконечными крышами, здѣсь все каменные. Строительный матеріалъ для домовъ составляетъ родъ зеленоватаго шифера, который въ изобиліи добывается на этихъ островахъ. Впрочемъ, дома всѣ устроены на англійскій манеръ. Только въ дерев

няхъ строятся теплыя дома, находящіеся вполонину подъ землею, съ крышею, начинающеюся отъ земли.

Недалеко отъ Лервика стоитъ Скалловайскій замокъ, построенный въ 1600 году Патрикомъ Стевартомъ, графомъ аркадскихъ и шотландскихъ острововъ, на мысу, далеко вылавшемся въ море; онъ построенъ изъ крѣпкаго камня, и стѣны его чрезвычайной толщины. Внутренность замка теперь развалилась. Скалловайскіе жители почитаютъ этотъ замокъ каменоломнею, изъ которой добываются уже обтесанные камни. Они сняли всѣ дѣлствіи, перила, вынули каминныя, отбили всѣ украшенія, и только наружныя стѣны противятся своею крѣпостію ихъ усиліямъ.

Съ вершины башни этого замка видѣнъ прелестный ландшафтъ, вознаграждающій за трудъ восхода на нее. Кромѣ всѣхъ острововъ, горъ и моря, видѣнъ даже, въ 30-ти англійскихъ миляхъ, мысъ Фулы, покрытый облаками.

Биргъ-Вестрей главное мѣсто дѣйствія романа Вальтеръ-Скотта *Пиратъ*, и надобно удивляться вѣрности его описаній.

Изъ восьмидесяти шотландскихъ острововъ, только тридцать обитаемы. Прочіе нечто иное, какъ голый камень, покрытый мѣстами пескомъ, и составляющій жилище тюленей.

Какъ ни занимательны были всѣ эти мѣста, но, признаюсь, я съ удовольствіемъ уѣхалъ отсюда, до того грусть однообразія тягостна чело-вѣку.

(Westminster Review).

Путешествіе китайца Гуанъ-Цанга въ VII столѣтіи. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приподнимается завѣса, скрывавшая отъ насъ такъ долго древнюю Индію. Мало по малу открылись намъ неизвѣстные источники, и дали возможность къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, распространившимъ наши свѣдѣнія объ этой недоступной землѣ.

Самыя древніе письменные памятники Индіи — *Веды* (которыхъ составленіе обыкновенно относятъ къ XIV вѣку до Р. Х.), теперь вполнѣ извѣстны Европѣ, и переводъ ихъ уже отчасти изданъ. Религіозныя гимны значительнѣйшей изъ этихъ книгъ *Ригъ-Веды* показываютъ намъ тогдашнее общество Индусовъ близкими къ первобытной пастушеской жизни, съ развитіемъ первоначальныхъ ихъ идей, вѣрованій и обычаевъ, съ первыми познаніями силъ природы, которыя подъ небомъ Индіи такъ величественны и грозны.

Другіе источники также разрабатываются, а именно: *Упи-Веды*, принадлежащія къ промежуточному періоду, не такъ древнему какъ Веды, содержаніе которыхъ упоминается въ Упи-Ведахъ. Эти Упи-Веды гораздо древнѣе однако же нежели Буддистская реформа, происшедшая въ VI вѣкѣ до нашей эры. Въ этомъ промежуточномъ періодѣ основаны огромныя царства и были большіе династическіе перевороты. Законодательная книга Ману, объясняетъ составъ первыхъ, а ве-

ликія эпопеи Мага-барата и Рамайана сообщаютъ геройскіе эпизоды послѣднихъ.

Далѣе находимъ мы литературу не столь уже значительную, но доставляющую намъ всѣ свѣдѣнія о позднѣйшихъ временахъ. Сюда принадлежатъ розыски археологовъ при разборѣ надписей на разныхъ древнихъ памятникахъ. Это тяжелый и неблагодарный трудъ, но онъ много уже объяснилъ.

Благодаря исполинскимъ работамъ Бюрнуфа, открытъ намъ теперь и еще одинъ источникъ, а именно буддистскіе документы. Они обнимаютъ періодъ въ 1000 лѣтъ какъ до Р. Х., такъ и въ началѣ нашего лѣтосчисленія. По нимъ опредѣлительно узнали мы эпоху весьма важную въ исторіи Индіи, а именно: смерть Будды Саккіа-Муни въ 543 году до Р. Х. Къ этой эпохѣ можетъ теперь историческая критика присоединить хронологію легендъ и неопредѣленнаго періода *Пуранъ*. Такимъ образомъ горизонтъ нашихъ познаній объ Индіи день отъ дня расширяется — и векорѣ мы будемъ въ состояніи опровергнуть тѣхъ критиковъ, которые увѣряютъ, что Индія не имѣетъ исторіи.

Конечно, у нея нѣтъ ни Геродотовъ, ни Титъ-Ливіевъ, но у нее есть источники, которыми наука можетъ пользоваться для составленія исторіи: у нее есть легенды или поэмы, гимны, законодательныя книги, компіляціи *Пураны*; у нее есть древніе памятники, надписи и мѣстныя хроникѣ, напримѣръ, кашмирская, а для сѣверныхъ частей Индіи пѣсни ея бардовъ.

Есть еще весьма драгоценный источникъ, а именно: извѣстія о древней Индіи, заимствованныя изъ иностранныхъ хроникъ тѣхъ народовъ, которые были въ сношеніяхъ съ нею торговыхъ, религіозныхъ или военныхъ. Послѣдними обязаны мы грекамъ и римлянамъ. Послѣ похода Александра Македонскаго, и долгое время потомъ это были единственные источники свѣдѣній объ Индіи. Потомъ найдены были арабскіе и персидскіе источники, а наконецъ китайскіе документы съ IV вѣка по Р. Х., когда между буддистами Китая и Индіи начались частыя сношенія.

Извѣстный синологъ Сень-Жюльенъ издалъ недавно Путешествіе въ Индію одного китайца Гуанъ-Цанга въ VII столѣтіи. Оно вдвойнѣ драгоценно, потому что во-первыхъ открываетъ исторію, ученіе и легенды буддистовъ, а во-вторыхъ показываетъ политическое состояніе Индіи въ VII вѣкѣ и географическое распредѣленіе огромныхъ странъ, омываемыхъ Гангомъ и притоками Инда.

Если для науки важны были записки Мегасѣена во время пребыванія его при Сандракетскомъ дворѣ, (Чандрагупта), изъ которыхъ намъ остались только отрывки по компіляціямъ Страбона, Плинія и Арріана; если они многое открыли изъ историческаго періода Индіи за три вѣка до нашего лѣтосчисленія, то тѣмъ занимательнѣе извѣстія о состояніи всего индѣйскаго полуострова въ VII вѣкѣ. Мы узнаемъ изъ нихъ обычаи, религію и сношенія этихъ народовъ, названіе городовъ и государствъ и границы послѣднихъ.

Индія, гдѣ родился Будда Сакіамуни, было для иноземныхъ

приверженцевъ буддизма въ теченіе 1500 лѣтъ тоже, что Менка для мусульманъ. Многочисленныя толпы ихъ ходили изъ Китая чрезъ Среднюю Азію въ Индію на берега Ганга.

Абель-Ремюза издалъ уже путешествіе Фа-гіена, совершенное въ 399 году по Р. Х — Нынѣ вышедшій трудъ Сенъ-Жюльена о путешествіи Гуэнь-Цанга гораздо важнѣе по множеству государствъ, которыя этотъ путешественникъ проходилъ и по отдѣльнымъ свѣдѣніямъ о самой Индіи. Мы представимъ начало этого путешествія.

Гуэнь-Цангъ родился въ одной изъ сѣверныхъ провинцій Китая, и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ приобрѣлъ большую славу за свою ученость. На 26 году рѣшился онъ совершить путешествіе на западъ, чтобы изслѣдовать ученіе Будды въ самомъ его источникѣ. Это случилось въ 629 году нашей эры. Онъ сперва отправился въ Лянгъ-Чеу, одинъ изъ пограничныхъ городовъ на сѣверо-западной оконечности Китая, бывший тогда сборнымъ мѣстомъ купцовъ, торговавшихъ съ западомъ. Оттуда прибылъ онъ въ Куа-Чеу, городъ, стоявшій при большомъ оверѣ, которое составляло тогда крайнюю границу Китайской имперіи, и начало знаменитаго государства Уйгуровъ (называемаго у китайскаго путешественника И-гу.)

Здѣсь одинъ старикъ разсказалъ пилигриму о пути, по которому онъ долженъ слѣдовать въ этихъ неизвѣстныхъ странахъ. Старикъ этотъ не разъ ѣзжалъ по Уйгуріи, и описываетъ ее молодому путешественнику слѣдующимъ образомъ:

«Западные дороги дурны и опасны. Путешественниковъ безпрестанно останавливаютъ то цѣлые потоки подвижнаго песку, то жгучіе вѣтры, то злые духи, иногда погибаютъ цѣлые караваны.» Слова старика о злыхъ духахъ напоминаютъ Марко-Поло, совершавшаго тоже путешествіе 650 лѣтъ спустя, и серьезно разсказывающаго, что «если кто ночью заблудится, то около него начнутъ звать невидимые голоса по имени, и заведутъ его въ такое мѣсто, гдѣ онъ погибнетъ.» Иногда же голоса этихъ духовъ похожи на легіоны музыкальныхъ инструментовъ и барабановъ. «На предостереженіе старика Гуэнь-Цангъ отвѣчалъ, что если онъ не достигнетъ царства Поломановъ (Браминовъ), то никогда не возвратится на востокъ (въ Китай).»

Нѣсколько дней ѣхалъ Гуэнь-Цангъ по песчанымъ степямъ, томимъ жаждою и безпрестанно обманываемый миражами. Ему казалось, что сотни военныхъ колесницъ покрываютъ поле; что воины подѣзжаютъ на богато убранныхъ верблюдахъ и лошадахъ. Видѣнія непрерывно смѣнялись, и когда онъ подходилъ къ нимъ, все исчезало.

Наконецъ путешественникъ увидѣлъ опять воду и зелень, и вскорѣ достигъ до И-гу, столицы Уйгурскаго королевства. Городъ этотъ кажется тотъ, который на новѣйшихъ картахъ называется Гами, или Камиль въ Восточномъ Туркестанѣ. Королевство И-гу было тогда подвластно королю Као-Чанга, потому что какъ скоро онъ узналъ о прибытіи Гуэнь-Цанга въ И-ву, то велѣлъ прислать къ нему этого *законника* (этимъ званіемъ обыкновенно пользовался путешественникъ). Въ позднѣйшихъ документахъ видно, что Као-Чангъ и Уйгуръ составляли

уже одно владѣніе, управляемое властителемъ турецкаго племени. Это было въ то время, когда турецкія орды владѣли большею частію внутренней Азіи на западъ отъ Каспійскаго моря.

Као-Чангскій король, исповѣдывавшій тоже Буддистскую вѣру, употребилъ просьбы и угрозы, чтобъ удержать у себя Гуэнь-Цанга, но упорство китайца побѣдило всѣ просьбы, и онъ его отпустилъ на Западъ. Знаки уваженія, оказанные *законнику*, составляютъ замѣчательную черту въ исторіи кочующихъ племенъ внутренней Азіи. Као-Чангскій король составлялъ для него собранія въ 300 человекъ въ нарочно устроенной палаткѣ и съ большимъ великолѣпіемъ. Королева мать, король, глава духовенства и всѣ главные сановники присутствовали при его лекціяхъ. Всякій день король самъ подводилъ его къ каедрѣ, и при концѣ засѣданій просилъ его посвятить четырехъ законниковъ.

При отъѣздѣ снабдилъ онъ его теплою одеждою, перчатками, сапогами, наличниками, и проч. Сверхъ того далъ ему сто унцій золота 30,000 серебряныхъ монетъ и 500 кусковъ шелковой матеріи, однимъ словомъ снабдилъ его всѣмъ нужнымъ на двадцатилѣтнее путешествіе. Ко всему этому прибавилъ онъ тридцать лошадей и двадцать пять служителей, приказавъ одному придворному Гуанъ-су проводить его въ столицу хана Шегу. Это еще не все. Онъ написалъ ему двадцать четыре рекомендательныя письма, чтобъ доставить ему входъ въ королевство Кіу-чи.

Къ хану Шеху отправлены были особые подарки, и въ письмѣ къ нему было сказано:

«Законникъ Гуэнь-Цангъ—младшій братъ твоего невольника. Онъ намѣренъ искать истинъ въ странѣ Поломановъ (Браминовъ). Живѣйшимъ образомъ желаю, чтобъ ханъ оказалъ законнику столько же благоволенія и сочувствія, какъ и невольнику, который почтительнѣйше пишетъ эти строки.»

Путешествіе продолжалось отъ столицы Као-Чанга все далѣе къ западу чрезъ многія государства и города. Потомъ вступилъ онъ въ область, нынѣ называемую Джунгарію. Гуэнь-Цангъ упоминаетъ о горѣ съ богатыми серебряными рудниками, прибавляя, что этимъ серебромъ снабжаются всѣ князья Запада для чеканки своихъ монетъ. Это указаніе можетъ и теперь быть полезно.

Далѣе къ западу достигъ Гуэнь-Цангъ до горы Лингъ (нынѣ Му-зуръ Дабаганъ), которая, по показанію его, составляетъ сѣверную границу Цонгъ-Линскихъ горъ (снѣговаго хребта), отдѣляющихъ бассейнъ рѣки Карашара отъ Яксарта (Сыръ Дары). Описаніе этой горы весьма любопытно. На ней много опасныхъ ледниковъ. «Вершина горы, говоритъ китаецъ, поднимается до небесъ. Съ начала міра накопился здѣсь снѣгъ и превратился въ ледъ, который никогда не таетъ. Зрѣніе ослабляется видомъ этихъ огромныхъ ледяныхъ равнинъ. Пыля ледяныя скалы нависли надъ дорогой. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до ста футовъ вышины. Здѣсь часто случаются бури и мятели, отъ которыхъ путники, не смотря на теплую одежду, замерзаютъ.»

Семь дней употребилъ Гуэнь-Цангъ, чтобъ пройти эти горы, и

потерялъ въ нихъ отъ стужи четырнадцать человѣкъ свиты. Наконецъ достигъ до равнины по ту сторону горъ, и вышелъ къ большому озеру, называемому имъ Цингъ-Чи. По мѣстоположенію его и пространству оно должно быть то самое, которое на нынѣшнихъ картахъ называется у монголовъ Темурту, а по-турецки Иссекуль.

При этомъ должно замѣтить, что географическія показанія буддистскаго путешественника вполне согласны съ описаніемъ центральной Азіи Гумбольдта. До послѣднихъ временъ полагали и на всѣхъ картахъ повторяли, что отъ Памирской плоской возвышенности, гдѣ источники Оксуса, до Алтая простирается непрерывная горная цѣпь. Гумбольдтъ первый объявилъ, что Памирскія горы крутымъ склономъ спускаются къ подножію Алтая. Этотъ склонъ, на которомъ образовались большія озера, (напримѣръ Иссекуль и Тенгисъ), составляетъ обширную страну, называемую нынѣ Джунгарією. Это единственное соединеніе между высокими степями Монголіи и низкими равнинами Сыръ-Дарьи. По этой естественной равнинѣ проходили въ древности безчисленные переселенія, приведшія столько кочующихъ племенъ къ Каспійскому морю и на равнины древней Россіи. Поэтому пути шелъ и караванъ китайскаго путешественника.

Гуанъ-Цангъ ѣхалъ нѣсколько времени по берегамъ озера Цингъ-Чи, которое ему казалось огромнымъ моремъ; потомъ пустился въ западныя горныя долины и достигъ до города Та-лоссе, который и нынѣ извѣстенъ подъ именемъ Таласа.

Между озеромъ и Таласомъ встрѣтилъ онъ хана Ше-ху на охотѣ. Ханъ былъ въ шелковой зеленой мантии, съ распущенными по плечамъ волосами, голова обернута была черною шелковою лентою въ десять футовъ, спускающеюся потомъ по спинѣ. Съ нимъ была свита во сто человѣкъ вельможъ и множество воиновъ на лошадяхъ и верблюдахъ съ длинными копьями, знаменами и прямыми луками. Число воиновъ было такъ велико, что нельзя было ихъ исчислить по равнинѣ.

Въ этой же самой долинѣ близъ Таласа былъ шестьдесятъ лѣтъ спустя (въ 569 г.) посолъ Византійскаго императора Юстина II принятъ турецкимъ ханомъ Дизабуломъ. Любопытно сравнить отдѣльныя подробности обоихъ пріемовъ.

«Ханъ (говоритъ Гуанъ-Цангъ) жилъ въ большой палаткѣ, украшенной золотыми цвѣтами, ослѣпавшими глаза. Такуаны (вводители) расположились въ два ряда, сидя на цыновкахъ. На всѣхъ надѣты были шелковыя платья съ разводами. Позади ихъ стояла стража хана. Самъ же ханъ сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, и всѣ приближались съ подобострастіемъ. Но ни онъ, ни вельможи не сидѣли ни на чемъ деревянномъ, потому что поклоняясь огню, они думаютъ, что стихія эта заключается въ деревѣ — и на него сѣсть нельзя, а подстилаютъ ковры и шкуры.

Гуанъ-Цангъ исчисляетъ всѣ княжества, подвластныя хану въ Согдіанѣ и Бактріанѣ. Самъ онъ не видалъ всѣхъ этихъ владѣній и городовъ, но сравнивая эти показанія съ арабскими писателями, видно, что всѣ извѣстія законника достовѣрны и добросовѣстны.

Изъ Таласа отправился Гуэнь-Цангъ въ Самаркандъ, а оттуда въ Балкъ. Между этими обоими городами проѣзжалъ онъ чрезъ извѣстные *Жельзные ворота*. «Это двѣ горы, говоритъ онъ, — образующія отвѣсныя стѣны, и между ими тѣсный проходъ, запирающійся большими воротами, надъ которыми повѣшено нѣсколько колоколовъ.»

Эта тѣснина составляла границу турецкихъ владѣній. За нею начиналось владѣніе Ту-го-ло (Тохарестанъ мусульманскихъ географовъ). Проѣхавъ же нѣсколько сотъ *ли*, доѣхалъ путешественникъ до рѣки Фо-цу. Китайское названіе это измѣнено изъ туземнаго. Въ санскритскомъ оно Банчу, а у грековъ и римлянъ Оксусъ.

Хотя колоніи индійскихъ буддистовъ вторглись въ здѣшнія страны сѣвернѣе отъ Оксуса, но настоящая столица Буддизма въ Балкѣ. Въ этомъ городѣ царствовалъ тогда турецкій владѣтель. По городу разсѣяно было множество *бшарасовъ* (общинныхъ домовъ буддистовъ). Здѣсь Гуэнь-Цангъ впервые увидѣлъ *Ступы*, пирамидальныя зданія, которыми буддисты усыпали всю сѣверную Индію и восточный Хорисганъ, въ которыхъ нынѣшніе археологи находятъ такъ много свѣдѣній для науки.

Изъ Балка начинаются снѣговыя горы до Балкана. Гуэнь-Цангъ видѣлъ здѣсь много статуй, которыя были найдены и послѣдующими путешественниками. Эти снѣговыя горы названы у китайскаго путешественника *черными*, у персидскихъ географовъ называются онѣ *Гиндукушъ*.

За этими горами вступилъ онъ въ королевство Кіа-пи-ше, которое тогда было сильнѣйшимъ въ этой странѣ. Греческое имя Каписса вѣроятно тоже самое. Птоломей помѣщаетъ Каписсу на $\frac{1}{6}^{\circ}$ сѣвернѣе Кабура (новѣйшаго Кабусса), значитъ, путешественникъ перешелъ уже въ систему водъ Кабусса, впадающаго въ Индъ.

Страна эта раздѣлялась тогда на два королевства: Лан-по (по санскритски Лашпа) и Кіень-то-но. Первое названо у Птолемея Лашпаге, (народное санскритское названіе его—Лашпака), а нынѣ измѣнено въ Лагманъ.

Кіень-то-ла, тоже что Гандара — извѣстное въ санскритскихъ преданіяхъ. Главный городъ Пу-лу-ча-пу-ло переначенъ изъ индійскаго названія Пулачапура, измѣненнаго нынѣ въ Пертшауэръ, или Пешауэръ. Въ этомъ мѣстѣ Гуэнь-Цангъ переправился черезъ Синдъ у У-ту-кіа-нан-ча (безъ сомнѣнія санскритское Утакандака, а въ новѣйшихъ картахъ Аттокъ или Уттокъ).

Здѣсь вступилъ путешественникъ въ Индію.

(Revue contemporaine).

Китайскій дипломатъ. Изъ журнала секретаря французскаго посольства въ Китай. — Китайскую дипломатию узнала Европа съ недавняго времени. До Нанкинскаго трактата все западные народы считались въ Китаѣ варварами, состоящими въ подданствѣ Богдыхана, обязанными поклоняться ему, а не заключать съ нимъ договоровъ. До тѣхъ поръ знали только китайскихъ мандариновъ, но не дипломатовъ.

Когда торговля Индіи съ Китаемъ объявлена была свободною, то число англійскихъ кораблей въ Кантонѣ чрезвычайно усилилось. Несогласія дѣлались важными уже по числу производящихся сдѣлокъ, и для рѣшенія ихъ нуженъ былъ уже не повѣренный торговаго общества, а представитель націи. Пренія купцовъ въ Кантонѣ становились между народными.

Американцы, народъ предприимчивый и промышленный, котораго корабли вездѣ, а колоніи — ни гдѣ, спѣшили воспользоваться проломомъ, сдѣланнымъ въ Китайской дипломати, и отправили въ Макао своего посланника. Французское правительство послѣдовало этому же примѣру, и послало Лагрене для обезпеченія въ Китаѣ выгодъ своей торговли.

Кантонскій намѣстникъ Ки-ингъ назначенъ былъ вести переговоры съ французскимъ посланникомъ. Это былъ татаринъ, близкій родственникъ Богдыхана, который велъ уже переговоры съ англичанами и американцами. Онъ принадлежалъ къ немногому числу китайцевъ, благопріятствующихъ иностранцамъ. Онъ управлялъ дѣлами въ послѣдніе годы царствованія Тав-Куанга, и былъ въ немилости при преемникѣ его. Въ это время былъ онъ уже опять губернаторомъ двухъ куанговъ, императорскимъ комиссаромъ, и въ помощь ему прикомандированы были казначей Гуангъ, богатый мандаринъ *Красной пуговицы* Пань-сеченъ и академикъ Цао, Гуангъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ секретаремъ посольства.

Переговоры были назначены въ Макао. Китайскіе дипломаты прибыли туда черезъ мѣсяць послѣ французовъ и размѣстились по пагодамъ около города, изъ которыхъ вынесены были на это время идолаы. Два дня спустя по пріѣздѣ ихъ, Ки-ингъ предупредилъ въ учтвости г-на Лагрене и сдѣлалъ ему первый визитъ.

Это было 1-го октября. Пушки съ португальскаго форта возвѣстили въѣздъ намѣстника въ городъ, и свита его потянулась по улицѣ, въ которой жилъ французскій посланникъ. Тутъ были татарскіе всадники на маленькихъ своихъ лошадахъ и огромныхъ сдѣлахъ, пѣшіе солдаты съ копьями въ рукахъ, писцы въ длинныхъ платьяхъ и съ зонтиками, другіе сидѣли въ паланкинахъ, наконецъ несли множество разноцвѣтныхъ знаменъ и стандартовъ, а позади всехъ несли Ки-инга, Гуанга, Пань-сечена и Цао. Все шествіе сопровождалось ужаснымъ громомъ въ гонго, тамтамы, подъ звуки волюнокъ, флейтъ и другихъ болѣе или менѣе несозвучныхъ инструментовъ.

Французское посольство тоже принарядилось. Моряки были въ новыхъ мундирахъ и стояли во фронтѣ у подъезда подъ навѣсомъ, лѣстница была убрана цвѣтами. Въ залѣ былъ повѣшенъ большой портретъ Ки-инга во весь ростъ, присланный наканунѣ комиссаромъ. Адмиралъ Сесиль, офицеръ штаба его, чиновники посольства, консулъ г. Бекуръ, всѣ въ парадныхъ мундирахъ, которые вѣроятно столь же странны казались китайцамъ, какъ намъ ихъ оперное шествіе.

Я посланъ былъ впередъ для встрѣчи Ки-инга, а г. Лагрене встрѣтилъ его при входѣ въ залу. Намѣстникъ былъ старикъ съ сѣдыми усами, съ ласковою и важною фizioномією, и съ походкою обнаруживающею значащаго человѣка.

Странно, что у самыхъ отдаленныхъ и вовсе не сходныхъ между собою по правамъ и обычаямъ людей есть нѣчто общее въ наружности, внушающее съ перваго взгляда уваженіе. Ки-ингъ въ Лондонѣ и Парижѣ показался бы, можетъ быть, очень некрасивъ, но конечно никто бы не нашелъ манеровъ его странными, а потомъ вскорѣ всѣ признали бы въ немъ большого вельможу.

Гуангъ, Пань-се-ченъ и Цао вошли за комиссаромъ и сѣли подлѣ него. Прочіе мандарины почтительно стояли у дверей, иные въ передней, а нѣкоторые даже на лѣстницѣ. Остальная свита помѣстилась на улицѣ, наполненной народомъ и солдатами.

Гуангъ былъ молодой китаецъ. У него была пріятная фizioномія, умный и одушевленный взглядъ, маленькая, почти женская ручка, которую онъ, говоря, часто показывалъ. Онъ одѣтъ былъ съ изысканностью. На немъ было шелковое платье, которому бы позавидовали лучшія наши щеголихи; поясъ стянуть былъ красивымъ нефритомъ, около котораго висѣли нѣсколько жемчужныхъ шнурковъ, одинъ для часовъ, другой для апахи, третій для костяныхъ палочекъ. Онъ часто говорилъ и съ видомъ человѣка, привыкшаго чтобъ восхищались его словами. Живость его лица и жестовъ рѣзко противорѣчили съ спокойствіемъ и важною намѣстника. Видно было, что молодой китаецъ представлялъ литератора, дошедшаго по экзаменамъ до высшихъ государственныхъ степеней. Говорили, что Гуангъ назначенъ быть преемникомъ Ки-инга въ званіи императорскаго комиссара. Онъ уже имѣлъ красную пуговицу, былъ главнымъ казначеемъ двухъ куанговъ и получалъ огромное жалованье.

Пань-се-ченъ былъ однимъ изъ величайшихъ богачей въ Китаѣ. Онъ любилъ великолѣпіе и роскошь. Онъ тоже благопріятствовалъ европейцамъ и принималъ участіе въ переговорахъ съ ними. Онъ тоже имѣлъ красную пуговицу, хотя не слылъ за литератора. Слѣдственно, надо полагать, что и въ Китаѣ есть сдѣлки со строгостью экзаменовъ. Впрочемъ, онъ былъ очень свѣдущъ въ коммерческихъ и таможенныхъ дѣлахъ, и пріобрѣлъ большую популярность раздачею рису народу во

время голода. Онъ былъ еще молодъ, со всегдашнюю улыбкою на устахъ и замѣчательно дороденъ.

Цао походилъ своими гримасами на обезьяну. Онъ былъ малаго роста, сухощавъ, рябъ лицомъ и вѣчно щурилъ глаза. Онъ старался подслащивать свои слова, дѣлая при этомъ самыя смѣшныя гримасы. Онъ принималъ разныя позы, изучалъ жесты и любилъ говорить. Это былъ педантъ, имѣвшій величайшую идею о китайскомъ просвѣщеніи, почитая себя замѣчательнымъ его представителемъ.

Все свиданіе это прошло во взаимныхъ комплиментахъ, какъ и слѣдовало. Приготовленъ былъ великолѣпный завтракъ. Пань-се-ченъ и Цао очень понравилось наше шампанское, но красныя вина были имъ не по вкусу.

Ки-ингъ простился съ г. Лагрене самымъ нѣжнымъ образомъ и уходя нѣсколько разъ обьялъ его. Я проводилъ его до носилокъ. Начали опять стучать въ гонго, играть на вольнкахъ и на флейтахъ. Татары сѣли на лошадей, пѣхотинцы взялись за свои копыя, знаменщики за штандарты, писцы за зонтики, и вся свита опять возвратилась прежнимъ порядкомъ.

Четыре дня спустя и мы въ свою очередь двинулись къ пагодѣ, обитаемой намѣстникомъ. Каждый изъ насъ сидѣлъ на носилкахъ, несомыхъ двумя китайцами въ синихъ курткахъ и широкой шляпѣ изъ бамбуковыхъ листьевъ. Прибытіе наше возвѣщено было тремя ружейными залпами за неимѣніемъ пушекъ и звуками обыкновенной китайской музыки. Всадники ихъ и пѣхотинцы были подъ ружьемъ. Толпа писцовъ и мелкихъ мандариновъ тѣснилась на проходѣ нашемъ. Большой дворъ пагоды превращенъ былъ въ татарскій лагерь. Палатки, лошади, знамена, луки со стрѣлами, копыя, щиты, все приводило на память средніе вѣки. Носильщики наши бѣгомъ прошли сквозь эту толпу и остановились у дверей пагоды самой странной архитектуры, украшенной на этотъ день разноцвѣтными лентами.

Гуангъ и Пань-се-ченъ встрѣтили насъ и ввели въ удивительную залу. Это сначала былъ родъ сада съ аллеями кустарниковъ и цвѣточныхъ растений; потомъ двѣ желѣзныя лѣстницы вели къ эстрадѣ, украшенной колоннами и балюстрадами. По всему было видно, что преддверіе пагоды соединили со внутреннимъ дворомъ подъ одну крышу изъ цыновокъ. Все это было очень оригинально и красиво. Лѣстница и песокъ сада были покрыты коврами, какъ бы въ комнатѣ. По сторонамъ висѣли разноцвѣтные стеклянные фонари и большія картины, изображающія ландшафты, съ надписями огромными буквами.

Потомъ привели насъ въ четырехугольную комнату съ колоннами окрашеннаго дерева съ рѣзбою. Посрединѣ стоялъ широкой гранитный столикъ, покрытый кустами, надъ которыми порхали красивыя птицы. Въ глубинѣ былъ длинный альковъ. Вѣрно тутъ стояли идолы. Вдоль алькова стояло родъ креселъ темнаго дерева, а посреди ихъ диванъ.

Г. Лагрене сѣлъ подлѣ Ки-инга на диванъ, гдѣ только было мѣсто для двоихъ. Между ними стоялъ столикъ съ ножками. Тоже было между каждыми креслами. На эти столики намъ поставили чашку теплаго миндальнаго молока, а потомъ чаю безъ сахару, котораго сильный вкусъ миѣ не очень понравился.

И этотъ визитъ прошелъ въ комплиментахъ. Отправились въ прежнюю большую залу, гдѣ на эстрадѣ накрытъ былъ столъ, за которымъ всѣ могли помѣститься. Угощали насъ птичьими гнѣздами, голотуріями, плавательными перьями акулы, и всѣми кушаньями китайской кухни. Пирожныя, конфекты, варенья были тоже тутъ во множествѣ.

Ки-ингъ далъ замѣтить г. Лагрене пироги съ надписью, означающею дружбу на десять тысячъ лѣтъ. Потчивали насъ виномъ *Сильныхъ горъ* и *Семи правилъ*. Это были отвратительныя напитки, но было изъ учтивости и шампанское, которое впрочемъ никогда не бывало во Франціи, а выдѣлывается на Мысѣ Доброй Надежды.

По обычаю китайцевъ, если кто пьетъ за ваше здоровье, то учтивость требуетъ отвѣчать ему, выпивъ всю рюмку вина. Цао сидѣлъ на концѣ стола около группы молодежи, которые каждый на перерывѣ пили за его здоровье. Онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же, но одному нельзя было устоять противъ всѣхъ, и вдругъ послѣ котораго-то здоровья онъ закачался и упалъ подъ столъ. Его вынесли. Но Ки-ингъ, какъ истинный дипломатъ, не показалъ и виду неудовольствія или неодобренія. Онъ какъ бы ничего этого не видалъ.

II.

Французскій посланникъ и комиссаръ Богдыхана имѣли нѣсколько конференцій и условились въ главныхъ основаніяхъ трактата. О самой же редакціи Ки-ингъ сказалъ г. Лагрене: «Мы оба представители государей. Намъ самимъ было бы неприлично заниматься мелочами. Мы только должны говорить о предметахъ обоюднаго согласія. Пусть наши подчиненные окончатъ остальное.»

Условлено было, что Гуангъ и я будемъ имѣть конференціи то у меня, то въ пагодѣ Ки-инга. Павъ-се-ченъ и Цао—были прикомандированы къ Гуангу.

Переводчикомъ нашимъ былъ г. Коллери, который столь же хорошо знаетъ китайцевъ и языкъ ихъ, какъ они сами. Конференціи наши происходили въ величайшемъ порядкѣ и приличіи, какихъ можно только требовать въ Европѣ. Гуангъ очень хорошо трактовалъ о экономическихъ и политическихъ предметахъ. Идеи его были не всегда вѣрны, но по крайней мѣрѣ безъ педантизма. Въ особенности отличался онъ уступчивостью, не останавливаясь на мелочахъ.

Много я читалъ книгъ о Китаѣ, но ничто меня такъ не познакомило съ Китаемъ, какъ эти конференціи. Эта совокупная работа, эти до-

машнія обсужденія каждой статьи трактата, вмѣщавшаго въ себѣ цѣлый курсъ публичнаго права, гражданскаго права, политической экономіи и самой политики, дозволили миѣ, такъ сказать, проникнуть въ умъ Гуанга, и слѣдственно въ идеи и образованность Китая, которыхъ онъ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ представителей. Не скажу, чтобъ я нашелъ въ немъ много теоретическихъ свѣдѣній, приобретаемыхъ у насъ уже въ молодости, но онъ обладалъ прекрасными практическими познаніями.

Наши конференціи, часа по три, по четыре продолжались и всегда кончались обѣдомъ. За столомъ сидѣли мы всегда часъ, мало ѣли, еще меньше пили, а больше разговаривали, только не всегда о дѣлахъ. У китайцевъ прекрасное свѣтское обыкновеніе никогда не говорить о дѣлахъ, какъ въ часы, посвященные для того.

По распросамъ моимъ у Гуанга, есть у нихъ совѣты, которые соотвѣтствуютъ нашимъ министерствамъ: военный, финансовый, земледѣльческій, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго обученія и вѣроисповѣданій. Нѣтъ только морскаго.

Меня же Гуангъ спрашивалъ, какъ главный казначей, о взиманіи во Франціи налоговъ. Привыкши къ централизаціи, онъ одобрялъ ее систему и механизмъ; но осуждалъ двойное движеніе денегъ—къ центру въ видѣ сборовъ, и къ окрестности въ видѣ расходовъ.

— Въ Китаѣ, говорилъ онъ, откладываютъ сперва отъ сборовъ все, что нужно для мѣстныхъ расходовъ, и только излишекъ отсылаютъ въ Пекинъ

И далъ ему понять, что въ Китаѣ платятъ налоги натурою, и что отправленіе ихъ невозможно въ столицу, тогда какъ во Франціи все платится деньгами—и всякая сумма можетъ у насъ быть отправлена съ письмомъ по почтѣ. Гуангъ очень хорошо это понялъ, потому что векселя извѣстны китайцамъ.

Гуангъ говорилъ миѣ тоже о блестящей жизни въ Пекинѣ. Тамъ есть кареты и лошади. Теперь мода тамъ требуетъ, чтобъ править самому, ѣдучи въ каретѣ. Есть даже наемныя кареты, въ родѣ нашихъ фіакровъ. Есть три театра, на которыхъ играютъ комедіи, драмы и пантомимныя фарсы. Залы театра круглыя, какъ древніе цирки, а сцена находится посрединѣ. Актеры одѣваются подъ сценою. Въ театрахъ нѣсколько ярусовъ ложъ и партеръ. Общества въ Пекинѣ состоятъ всѣ изъ мужчинъ, которые играютъ въ карты, въ шахматы, курятъ, пьютъ чай, разсуждаютъ объ исторіи, о поэзіи, читаютъ стихи, сочиняютъ ихъ тутъ же; приглашаютъ танцовщицъ и музыкантовъ. Есть даже родъ клубовъ, гдѣ бывають литературныя и гастрономическія вечера. Женщины же принимаютъ у себя знакомыхъ дамъ, даютъ имъ обѣды и вечера, занимаются воспитаніемъ дѣтей. Съ обществомъ же мужчинъ сходятся только при мужьяхъ и отцахъ съ самыми близкими родственниками, или такими друзьями, которые особеннымъ терминомъ, свойственнымъ китайскому языку, называются *друзьями до жены*.

Китайцы изобрѣли порохъ гораздо прежде насъ, какъ равно и прививную оспу, типографіи, газеты, кодексы, клубы, стихи, магнетизмъ и фіакры. У нихъ есть ломбарды, гдѣ подъ надзоромъ правительства даютъ подъ залогъ вещей деньги; наконецъ наши визитныя карточки, уже тридцать вѣковъ существуютъ въ Китаѣ, гдѣ въ день Нового года посылаютъ ихъ другъ къ другу.

Страсть къ литографіи существуетъ также въ Китаѣ — и гораздо прежде насъ. Цао подарилъ мнѣ вѣеръ, на которомъ написаны стихи, а въ день прощанья Ки-ингъ роздалъ свои автографы г-ну Лагрене, Сесию, д'Аркуру и мнѣ. За одну строчку руки извѣстнаго мужа въ древности, платятся огромныя деньги, и въ Пекинѣ есть промышленники, которые фабрикуютъ поддѣльные автографы. Ну, точно какъ въ Парижѣ!

У китайцевъ есть даже утонченности, въ которыхъ они опередили французовъ. Напримѣръ, г-жа Лагрене привезла съ собою для дочерей одно изъ новѣйшихъ *ильмыхъ фортепяно*, на которыхъ можно играть нѣкоторыя экзерциціи, не утомляя слуха. Однажды нашъ обѣдъ былъ въ той комнатѣ, гдѣ стояли эти фортепяна. Китайцамъ захотѣлось знать что это за ящикъ. Я сказалъ имъ, что это музыкальный инструментъ, и очень серьезно сѣлъ играть на немъ. Китайцы все ближе и ближе прислушивались, не слыша ничего. Наконецъ Пань-се-ченъ спокойно сказалъ:

— Для моихъ женъ, когда онѣ учатся играть на гитарѣ, сдѣлалъ я струны изъ хлопчатой бумаги, чтобъ ученье это ненадоѣдало мнѣ. Вѣрно и это такой же инструментъ.

Законы (Кингу) предписываютъ китайцамъ одноженство, потому что признаютъ только *одну* жену, участвующую въ религиозныхъ обрядахъ, въ почестяхъ и званіи мужа. Гуангъ, какъ строгій литераторъ, имѣлъ одну только жену. Пань-се-ченъ не такъ былъ совѣстливъ: у него ихъ было двѣнадцать, пользуясь обычаемъ, распространившимся съ незапамятныхъ временъ на востокъ. Но эти жены не пользуются привилегіями главной и законной, хотя впрочемъ дѣти ихъ одинаково законны. Когда за долги продаютъ все имущество должника, то и жены его, какъ домашняя мебель, поступаютъ въ продажу, кромѣ главной и законной.

— Значитъ, онѣ дѣлаются невольницами купившаго ихъ? спросилъ я.

— Конечно, отвѣчалъ онъ.

III.

Когда мы кончили послѣднюю конференцію, то Гуангъ пригласилъ насъ обѣдать въ пагоду. Китайцы вообще обѣдаютъ въ семь часовъ вечера, какъ и въ Европѣ. Обѣдъ былъ накрытъ на хорахъ пагоды,

освѣщенныхъ розовыми свѣчами и тысячью разноцвѣтныхъ шкаликовъ, расположенными въ видѣ жирандолей, колоннъ, розетокъ. Устроены были столики, тѣсно составленные, такъ что у каждаго одна сторона была свободна. Блюда стояли на поднось, покрытомъ ярко-пунцовою шелковою скатертью съ такою же бахрамою. При всякой перемиѣ служитель снималъ со стола подносъ, подходя съ той стороны, гдѣ никто не сидѣлъ, принося тотчасъ же другой съ другими блюдами. Все это дѣлалось съ удивительною скоростью.

Это былъ истинно лукулловскій обѣдъ. Смѣсь китайскихъ блюдъ была самая странная и разнообразная. Было семь или восемь перемиѣ. Когда же мы думали, что все кончено, явилась цѣлая процесія китайцевъ въ театральныхъ костюмахъ. Они несли ящики, великолѣпно иллюминированные, которые они поставили и вдругъ раскрыли ихъ. Въ каждомъ былъ жареный поросенокъ, котораго реаръзываетель тотчасъ же началъ рѣзать и подавать намъ. Этотъ театръальный эффектъ былъ удивителенъ. Поросята были превосходно изжарены, а за ними послѣдовало еще нѣсколько блюдъ.

Китайская кухня во многомъ похожа на древнюю римскую, потому что отъ многихъ животныхъ ѣдятъ только самыя небольшія отборныя части. Напримѣръ, убиваютъ большую рыбу, чтобъ вынуть изъ нея только молоки, или у акулы берутъ только верхнюю полосу спинныхъ плавательныхъ перьевъ.

Во время обѣда, разумѣется, безпрестанно говорили; между прочимъ рассказывали о мѣоцеяхъ, дикомъ и независимомъ племени, обитающемъ въ горахъ Куангъ-тонгъ и Куангъ-си и бывшемъ колыбелью нынѣшняго возстанія въ Китаѣ.

Десертъ состоялъ изъ пирожнаго, конфетъ и варенья. Гуангъ показалъ мнѣ на фарфоровыя вазы для фруктовъ.

— Я видѣлъ такія же у г. Лангрена, сказалъ онъ, и слышалъ, что онъ теперь въ модѣ во Франціи. У насъ онъ въ употребленіи нѣсколько тысячъ лѣтъ. Эти самыя вазы сдѣланы четыреста лѣтъ тому назадъ, по образцу античныхъ. Такъ все идетъ у людей, прибавилъ онъ. Надъ міромъ вертится колесо. То, что сегодня надъ Некиномъ, будетъ черезъ тысячу лѣтъ надъ Парижемъ и Лондономъ.

— Очень желалъ бы, отвѣчалъ я, чтобъ колесо это скорѣе вертѣлось и привнесло къ вамъ наши желѣзныя дороги, пароходы и машины.

Чай отпировались мы пить въ залу. Тамъ вдругъ по знаку Гуанга одинъ изъ пажей его развернулъ передъ нами большой свертокъ бумаги, который Гуангъ и вручилъ мнѣ съ словами:

— Мы вскорѣ разстанемся. У насъ по старинному обычаю даютъ друзьямъ своимъ на память нѣсколько строкъ, нащей рукою написанныхъ. Онъ представляютъ то, что въ человѣкѣ не погибаетъ его мысль. Вотъ стихи, которые я сдѣлалъ для васъ и на васъ.

«Въ Парижѣ былъ превосходный ученый, котораго лице блистало какъ красивая яшма. Умъ его свѣтилъ, какъ осенняя луна. Наружныя украшенія его свѣтлѣлись, какъ волны весны. Если онъ говорилъ о войскахъ, то какъ будто бы открылся цѣлый арсеналъ; если слѣдовалъ законамъ гармоніи, то превосходилъ учителей на тимпанонѣ. Исполняя общественныя должности, посѣщалъ обширныя государства. Слава его чиста, какъ бѣлый шелкъ. Вдругъ получилъ онъ приказаніе сопутствовать Ла-гуа-не (Лагрене) на востокъ. Военный корабль ихъ прибылъ на рѣку поднебесной имперіи какъ птица фанъ, дѣлающая девять тысячъ миль. Онъ въ началѣ осени прибылъ въ Макао. Золотая одежда его издавала блескъ; серебряная звѣзда его блестяла множествомъ лучей. Слова исходили изъ устъ его, какъ отрывки Нефрита. Весь видъ его похожъ былъ на вѣтви изъ драгоцѣнныхъ камней.

«Я какъ гость въ жилищѣ розъ, я встрѣтилъ васъ на границѣ жилища безсмертныхъ. Мнѣ стыдно, что немогу предложить вамъ сафировъ и яшмы. Я могу только подражать поэту Санъ-ца въ этой одѣ. Пишу ее на бѣлой бумагѣ, дабы она утѣшала ваши будущія мысли, когда мы разстанемся.»

Это стихотвореніе въ двадцать шесть стиховъ въ древнемъ стилѣ съ четверостишными приемами, предложено Фе-ли-элю (Феріеру), первому секретарю посольства Фа-лан-сисачъ (Французовъ), Гуангъ-Нганъ-тунгомъ, сочинившимъ его.»

Этотъ потокъ комплиментовъ смутилъ меня, но смущеніе это усилилось, когда Гуангъ съ важностью сказалъ мнѣ:

— Теперь, любезный Фе-ліе-ле и вы мнѣ сдѣлаете стихи.

Онъ мнѣ это говорилъ, какъ бы предлагалъ написать двѣ строчки. Въ Китаѣ всякій чиновникъ долженъ быть литераторомъ, а всякій литераторъ поэтомъ. На экзаменахъ предлагаютъ имъ всякія стихотворныя трудности, всякія возможныя приемы или размѣры. Есть китайская комедія, въ которой одинъ кандидатъ за хорошо составленное четверостишіе назначенъ вдругъ первымъ министромъ. Какъ послѣ этого было отказаться отъ требованія Гуанга, не уронивъ репутаціи французовъ, почитаемыхъ литераторами.

Сперва думалъ я написать что-нибудь въ прозѣ, потому-что Гуангъ все-равно непонималъ французскаго языка, но онъ могъ показать потомъ мой автографъ американцу, англичанину, которые бы сказали ему, что это не стихи, и я опять терялъ репутацію ученаго. Поневоля пришлось засѣсть и написать слѣдующіе стихи:

Dieu fit ce monde grand, mais d'une même argile
 Et d'un même Souffle de feu;
 Il mit partout l'esprit sous la forme fragile,
 L'ame dans tout oeil noir, ou bleu
 Ne soyons pas surpris, cher Houang, malgré l'espace
 Qui sépare nos nations,

D' y voir également du savoir, de la grace,
 Du génie et des passions.
 Paris goûterait fort votre extrême élégance,
 Vos dis coursnets, brillans, adroits;
 Et moi, vous avez fait mon éloge, je pense,
 Quand vous m' avez trouvé Chinois.
 Enfans d'un même Dieu, Francs, Chinois, ou Tartares
 Tout nous pousse vers l'unité;
 Pour des gens comme nous il n'est pas de barbares,
 Mais seulement l'humanité.

(Богъ создалъ свѣтъ обширнымъ, но изъ одинаковой глины и однимъ огненнымъ дуновеніемъ. Подъ слабою формою помѣстилъ онъ вездѣ умъ и душу во всякихъ черныхъ, или голубыхъ глазахъ. Не будемъ удивляться, любезный Гуангъ, что не смотря на разстояніе, раздѣляющее наши націи, вездѣ есть образованность, любезность, геній и страсти. Франки, китайцы, татары—всѣ они дѣти одного Бога, и все насъ влечетъ къ единству. Для такихъ людей, какъ мы, нѣтъ варваровъ, а есть одно человѣчество).

Черезъ нѣскольکو дней мы нѣжно и вѣроятно навсегда прощались у острова Вампоа въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кантона на пароходномъ корветѣ *Архимедъ*. Трактатъ былъ подписанъ, и намѣстникъ ввечеру уѣзжалъ отъ насъ въ блистательно-иллюминированной джонкѣ при громѣ пушекъ съ нашего корвета и фейерверкѣ, пускаемомъ китайцами на берегу и съ фортовъ.

(Revue des deux mondes).

Черный день корреспондента газеты «Теймсъ.»

Извѣстно, что въ настоящее время больше нежели когда-нибудь, издатели французскихъ и англійскихъ газетъ разсылаютъ, какъ можно ближе, къ мѣстамъ военныхъ дѣйствій корреспондентовъ своихъ. Нерѣдко господа эти, преслѣдуемые мѣстными властями, бродятъ какъ цыганы, не находя пріюта, и проводятъ истинно черные дни: и подблѣмъ за то вранье и сказки, которыми они надблѣютъ, или лучше наводняютъ цѣлые столбцы своихъ журналовъ и газетъ! Вотъ современный образецъ забавныхъ бѣдствій, которымъ подвергся одинъ изъ корреспондентовъ лондонской газеты Теймсъ. Онъ отправился изъ Мальты на пароходѣ *Золотое Руно*, вслѣдъ за союзными войсками, и вотъ что повѣствуетъ редакторъ о бѣдахъ своего корреспондента, которыя онъ претерпѣлъ въ Вербное воскресенье на Галипольскомъ рейдѣ.

«Въ прошедшее воскресенье пароходъ Золотое Руно высадилъ на берегъ привезенныя имъ войска; корреспондентъ нашъ, находившійся въ числѣ пассажировъ, нанялъ въ городѣ квартиру, въ которой до него помѣщалась старуха гречанка, пятеро дѣтей да цѣлая стая неугомонныхъ гусей и куръ; не успѣвъ вытурить всѣхъ этихъ жильцевъ, чтобъ въ тотъ же вечеръ занять нанятую квартиру, онъ рѣшился переночевать на пароходѣ, тѣмъ болѣе, что не хотѣлось ему лечь спать безъ ужина. Но какъ же тутъ не припомнить мудраго правила: «никогда не засыпай на морѣ, если можешь уснуть на сушѣ». А въ здѣшнихъ мѣстахъ это совершенно непреложная истина!.. Послѣ полуночи, когда корреспондентъ нашъ предавался безмятежному покою, задулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ; пароходъ поднялъ якорь, теченіемъ отнесенъ на нѣсколько миль отъ прежней стоянки, и остановился близъ азійскаго берега, уже значительно далеко отъ Дарданеллъ. Капитанъ получилъ наканунѣ предписаніе рано утромъ отправиться назадъ въ Мальту, и само собою разумѣется, съ той поры думалъ только, какъ всякій морской офицеръ въ такомъ случаѣ, о скорѣйшемъ достиженіи цѣли своей. Вотъ почему, къ крайнему соболѣзнованію, корреспондентъ нашъ, явившійся на палубу въ 7 часовъ утра, узналъ, что капитанъ далъ приказъ пересадить его на ближайшій купеческій корабль, затѣмъ, что по свѣжести вѣтра и сильному волненію, было очень затруднительно переправить его на шлюпкѣ въ Галиполи.

«Не очень весело было выслушать такое приказаніе. Утро было холодное. Крѣпкій, порывистый сѣверный вѣтеръ срывалъ верхушки съ сѣдыхъ волнъ Дарданельскаго пролива; небо, загроможденное тучами, заставляло отложить всякую надежду на благотѣльный проблескъ соли

ца. Бѣлѣющіеся минареты Галлипольскіе рисовались вдалькѣ на черныхъ тучахъ за кормою парохода; у береговъ ходило большое волненіе, а въблизи Золотаго Руна тяжело качались на якоряхъ нѣсколько купеческихъ бриговъ и шкунъ, отстаивавшихся отъ крѣпкаго вѣтра и свирѣпыхъ волнъ. Недалеко отъ берега, закрытая Галлипольскимъ рейдомъ, стояла французская эскадра, но въ разстояніи отъ парохода по-крайней-мѣрѣ на двѣ мили.

«Саженья въ двухъ стахъ отъ парохода качался на волненіи грузовой бригъ. Море было такъ бурно, и вѣтеръ такъ крѣпокъ, что съ трудомъ спустили шлюпку и подтянули ее подъ веревочный трапъ, висѣвшій по борту парохода; наконецъ это трудное дѣло было сдѣлано, и корреспондентъ нашъ усѣлся въ шлюпку съ четырьмя дюжими гребцами и съ своими чемоданами. Черезъ нѣсколько минутъ они пристали къ борту брига. Подумать можно было, что на немъ всѣ вымерли. Футовъ на шесть надъ водою, на одной сторонѣ на боканцахъ висѣла старая, почти негодная шлюпка. Гребцы задержались за нее крючьями, и перекинули въ эту старую посудину чемоданъ нашего корреспондента, а за ними и онъ самъ, выждавъ минуту, въ которую его шлюпка была высоко вскинута волненіемъ, перепрыгнулъ за своими вещами, а гребцы его отвалили отъ борта.

«Въ шлюпкѣ, висѣвшей за бортомъ брига на боканцахъ, было много воды, а потому выброшенный такъ сказать корреспондентъ нашъ, принялся первымъ дѣломъ устанавливать свои чемоданы, такъ чтобъ они не подмокли; а за сѣмъ онъ сталъ смотрѣть какъ бы ему самому переправиться на палубу брига. Увидѣвъ конецъ веревки, висѣвшей по борту, онъ ухватился за нее, полагая что она закрѣплена на палубѣ, и намѣревался по ней вскарабкаться на бригъ, но конецъ этотъ мгновенно упалъ къ ногамъ его. Въ то же время изъ за-борта высунулась отвратительная голова, кривляющийся ротъ которой швырнулъ въ нашего бѣдняка слѣдующими непривѣтливими словами: «Нашъ грека! нашъ не англичанинъ, пошелъ прочь! нашъ въ карантинъ!—Корреспондентъ нашъ поспѣшилъ передать эти слова мичману, сидѣвшему на рулѣ шлюпки съ парохода, которая все еще билась у борта брига съ волненіемъ и крѣпкимъ вѣтромъ; мичманъ отвѣчалъ ему, что тотчасъ же доложить капитану, и гребцы оттолкнулись отъ борта.

«Злополучный корреспондентъ заботливымъ глазомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ непривѣтнаго брига, и тутъ-то замѣтилъ онъ, что съ поддожины рожь истинно разбойничьихъ, насмѣшливо и съ угрозою смотрѣли на него. Люди эти съ коварною радостью наблюдали, какъ онъ дрожалъ отъ холода, измокшій до костей и безпрестанно обдаваемый

волненіемъ, долетавшимъ ежеминутно до шлюпки, которая висѣла между небомъ и моремъ, на боканцахъ брига, нырявшего такъ сильно, что корреспондентъ нашъ не могъ стоять на ногахъ. Кинувъ тоскливый взоръ на отвалившую шлюпку, онъ увидѣлъ ее подъ кормою парохода. Въ эту минуту бѣднякъ ощутилъ тоску невыразимую, и въ самомъ дѣлѣ, всякому предоставляю обсудить то, что онъ перечувствовалъ, когда увидѣлъ, что на пароходѣ стягиваютъ *нокатами*, и что шлюпка повисла на боканцахъ! Ему все еще казалось невѣроятнымъ, невозможнымъ, чтобъ люди, сохранившіе хоть сколько-нибудь чувства человѣколюбія, рѣшились покинуть себѣ подобнаго въ такомъ критическомъ, безвыходномъ положеніи, и онъ все ждалъ, что съ минуты на минуту вотъ спустятъ на воду другую шлюпку съ сильными гребцами, которая выручитъ его изъ бѣды. Колебаніе брига, сильно качавшагося на якоряхъ, по временамъ скрывало отъ глазъ его пароходъ, и въ эти мгновенія злополучный воображалъ, что часть команды спускаетъ шлюпку въ видахъ его спасенія; но увы! едва Золотое Руно показывалось на волнахъ, онъ видѣлъ, что всѣ шлюпки висѣли на своихъ мѣстахъ и пароходъ приготовился сняться съ якоря.

«Матросы на бригѣ замѣтивъ, что пароходная шлюпка была поднята, и что на сигналъ корреспондента не было никакого отвѣта, стали еще нахальтѣе; съ дикимъ хохотомъ они указывали на море, и, казалось, сговаривались отрѣзать свою негодную лодку, болтавшуюся о борты брига, чтобъ предоставить ее вмѣстѣ съ незванымъ пассажиромъ на потѣху волнамъ; но вдругъ, будто смѣкнувъ дѣломъ, тщательно подобрали всѣ концы, висѣвшіе за бортомъ и ушли съ палубы. Между тѣмъ неприятность положенія англичанина увеличивалась; холодъ терзалъ его члены; волненіе безпрестанно подавало въ шлюпку; наконецъ герой нашъ собралъ всѣ силы свои и уцѣпясь за снасти, на которыхъ висѣла шлюпка, добрался до боканцевъ и до борта. Но на этомъ пути онъ удержанъ былъ матросомъ, на головѣ котораго красовалась мѣховая шапка, а на плечахъ овчинная куртка; этотъ матросъ объявилъ ему рѣшительно, что на палубу его не пустить. Не было никакого сомнѣнія, что въ случаѣ нужды, шестеро или семеро товарищей этого матроса, въ случаѣ надобности не замедлили бы явиться на помощь; не было возможности и думать о сопротивленіи; впрочемъ, какъ это всегда водится въ подобныя минуты, оказалось, что пистолеты корреспондента нашего уложены были въ одномъ изъ его чемодановъ. При всемъ томъ не было никакой возможности держаться долѣе и балансировать на шлюбочныхъ боканцахъ, при сильной качкѣ брига.

Еслибъ Демосеенъ могъ понимать италянскую тарабарщину, на

которой объяснялись дѣйствующія лица этой трагико-веселой драмы, то вѣроятно онъ бы не могъ слушать безъ удивленія и безъ зависти великолѣпныя рѣчи, высказанныя при этомъ случаѣ его соотечественникамъ нашимъ злополучнымъ Джон-Булемъ. Но на все его краснорѣчіе благопріятнаго отзыва не было! Вдругъ одинъ изъ этой шайки, похитрѣе и положительнѣе прочихъ, закричалъ оратору: «А сколько ты намъ заплатишь?» Двадцати-франковикъ, посуленный за позволеніе перебраться на палубу, подѣйствовалъ лучше всѣхъ убѣжденій. Послѣ совѣщаній, продолжавшихся нѣсколько минутъ, и показавшихся вѣчностью нашему бѣдному корреспонденту, предложеніе было принято. Онъ отдалъ деньги и перескочилъ на палубу; но здѣсь ожидали его опасности инаго рода. Матросы мгновенно его окружили, и отвратительно кривляя рожи, думая, быть можетъ, въ это время проявить милую улыбку, они очень любезно щупали руками его карманы, и убѣждались въ цѣнности ихъ. За симъ они стали приглашать его спуститься въ одно изъ отверстій палубы и отдохнуть въ ихъ *каютъ-компани*, устроенной подъ *бакомъ*. Нельзя было не понять намѣренія, съ которымъ дѣлалось подобное гостепрѣимное предложеніе, а потому бѣднякъ нашъ упорно отвергнулъ его и рѣшился въ послѣдній разъ обратиться съ призывомъ къ *Золотому Руку*. Изнемогая отъ холода, голода и усталости, полузастывшій, онъ карабкается на бугшпритъ и машетъ платкомъ. Сигналъ этотъ можно было легко разсмотрѣть съ парохода, и нѣтъ сомнѣнія, что его видѣли, но ни малѣйшаго вниманія обращено не было. Во все то время, въ которое незванный гость на бригъ, или лучше злополучная жертва, махала въ воздухѣ носовымъ платкомъ, матросы неподвижно стояли у гротъ-мачты, устремивъ глаза на пароходъ и выжидая, что онъ станетъ дѣлать. Наконецъ, показалось, что подъ кормою Золотаго Руна стало буровить воду; это первое движеніе его Архимедова винта; скоро вода заструилась подъ рулемъ быстрѣе и быстрѣе, пароходъ двинулся, и вотъ онъ уже вышелъ изъ пролива, оставивъ далеко за собою нашего корреспондента. Матросы въ полголоса потолковавъ между собою, насмѣшливо глядѣли на быстро уходившій пароходъ, и одинъ изъ нихъ, очень значительно указывая на него, сказалъ: «Ну, полно, братъ, объ немъ и думать позабудь! ступай-ка лучше въ люкъ, за нами. Мы ребята добрые. Боно! Боно!» И въ тоже время, вѣроятно желая утвердить доброе о себѣ мнѣніе, товарищи говорившаго матроса старались вскрыть сосновый сундукъ, въ которомъ были наклады вещи неизвѣстнаго ихъ гостя, по большей части такія, какихъ въ Галлиполи достать было невозможно. Сундукъ этотъ вскрыть было е трудно, и такимъ образомъ наступила минута грабежа, а разъ путив-

шивъ на грабежъ, гдѣ бы остановились грабители! Увидѣвъ это, нашъ корреспондентъ, торопливо спускается съ бугшприта на палубу, и снова употребляетъ все краснорѣчіе, чтобъ выпросить шляпку и отправиться на берегъ. На это матросы киваютъ страшными головами своими, и осыпаютъ нашего бѣдняка ругательствами, непредвѣщавшими ничего добраго. Они окружили его, и кружокъ этотъ становился все темнѣе и темнѣе. Одинъ изъ нихъ съ такою свирѣпою рожей, что она щеголяла предъ всѣми товарищами, дерзко схватился рукою за футляръ изъ лакированной кожи, въ которомъ корреспондентъ нашелъ свою зрительную трубу, предполагая, что въ немъ хранится какое-нибудь оружіе. Выведенный изъ себя такою дерзостью и разговорами съ матросами, онъ толкнулъ локтемъ того, кто вложилъ на него руку, а такъ какъ бригъ также въ эту минуту качнуло въ ту же сторону, то матросъ полетѣлъ съ ногъ долой. Выхватить изъ-за кушака ножъ и броситься на англичанина съ ужасными ругательствами — было дѣломъ минуты для вскочившаго на ноги матроса; но одинъ изъ товарищей схватилъ его за руку. Со всѣмъ тѣмъ большинство явно было не за него, а паденіе матроса еще болѣе увеличило неприязнь этой толпы, и потому корреспондентъ нашъ могъ рѣшительно ожидать всего, и на все быть готовымъ.

«Къ счастью, пришла ему въ голову мысль, что бригъ долженъ же состоять подъ начальствомъ какого-нибудь человѣка нѣсколько образованнѣе тѣхъ полудикихъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и что онъ еще не видалъ его. Пораженный этою новою мыслью, онъ продирается сквозь толпу его окружающую, и спускается внизъ безъ оглядки по капитанскому трапу. Матросы бѣгутъ за нимъ, но онъ мгновенно очутился въ капитанской каютѣ, и какова же была его радость, когда онъ увидѣлъ капитана лежащаго на диванѣ. Онъ тотчасъ же объяснилъ причину неожиданнаго посѣщенія своего стараясь, сколько возможно, растолковать ему все это по-итальянски: «Пожалуйста, говорите по-англійски, сказалъ ему капитанъ, мы поймемъ лучше другъ друга.»

Узнавъ причину, по которой нашъ сотрудникъ такъ нецеремонно очутился въ каютѣ, капитанъ пришелъ въ бѣшенство. Черезъ полчаса, говорилъ онъ, бригъ пойдетъ въ море; изъ Константинополя выгнали его безъ бумагъ, по милости англо-французовъ, такъ что первое военное судно можетъ съ нимъ развѣдаться, какъ съ морскимъ разбойникомъ; англичане разорили его и экипажъ судна; они за одно съ турками рѣжутъ и грабятъ его единовѣрцевъ, хоть сами зовутся христіанами; не отправить онъ шляпку на берегъ—да еслибъ и хотѣлъ отправить, такъ нѣтъ у него шляпки! Англичанинъ можетъ убираться съ брига, какъ умѣетъ и куда хочетъ; а еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ,

прибавилъ капитанъ, и тѣмъ кончилъ рѣчь: я бы лучше тысячу разъ сломилъ себѣ голову, или бы прямо головою бросился въ воду, а не ступилъ бы ногою на палубу греческаго корабля и не сталъ бы просить помощи у греческихъ матросовъ!

«Тогда нашему корреспонденту представлялась чудесная доля: по волѣ очутиться въ открытомъ морѣ, и классически умереть въ какой-нибудь Спиллѣ или Харибдѣ! Задуи попутный вѣтеръ, и бригъ въ нѣсколько минутъ подниметь якорь, поставитъ паруса и вынесенный теченіемъ какъ стрѣла, вылетитъ изъ Дарданеллъ. Кто остановитъ преступленіе? Кто извѣстится объ участи несчастнаго корреспондента англійской газеты Теймсъ, котораго капитанъ парохода высадилъ на купеческій бригъ, стоявшій въ Дарданеллахъ, въ семь съ половиною часовъ утра, въ свѣжій вѣтеръ? Кто будетъ свидѣтелемъ кроваваго дѣла, готовящагося совершиться на палубѣ безвѣстнаго брига? Чья рука, чья совѣсть остановитъ это дѣло, и кто покараетъ виновныхъ?»

«Капитанъ объявилъ, что онъ и слышать не хочетъ о незваномъ гостѣ. Всѣ просьбы и вопросы оставались безотвѣтны. Только на одинъ вопросъ корреспондента — бывалъ-ли онъ въ Англій? капитанъ сердито отвѣчалъ: «Къ несчастію; часто, слишкомъ часто!» Оставалось покориться обстоятельствамъ. Матросы стали толковать что-то между собою; одинъ изъ нихъ пошелъ къ капитану, и между ними завязался жаркій споръ. Они безпрестанно смотрѣли въ ту сторону, гдѣ показался въ туманѣ пароходъ, шедшій изъ Мраморнаго моря къ Галлиполи. Казалось также они внимательно глядѣли на суда, лежавшія на якорѣ по направленію къ рейду; матросы съ любопытствомъ ждали окончанія спора и разговоровъ.

«Англичанинъ очень хорошо видѣлъ, что нѣсколько бутылокъ хересу были вытащены изъ того ящика, въ которомъ лежала его провизія; но въ эту минуту ему было не до хересу, и онъ внимательно слушалъ разговоръ капитана съ матросами, оживленный маханіемъ рукъ, глазами, которые хотѣли выскочить изъ лба, и топаньемъ ногъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, когда они сердятся. Капитану показалось, что корреспондентъ нашъ вытягиваетъ голову, чтобъ подслушать его, и онъ съ возрастающимъ гнѣвомъ закричалъ на него: «Что ты тутъ дѣлаешь? Пошелъ прочь! нечего насъ подслушивать!» Здѣсь бѣднякъ нашъ потерялъ терпѣніе, и пользуясь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производили на капитана подходящій пароходъ и вблизи стоящія суда, онъ сказалъ: «Слушаю, капитанъ! но нельзя ли вамъ быть повѣжливѣе? Посмотрите, вѣдь между этими судами есть и англійскія, а на берегу и солдатъ нашихъ довольно. Я вынужденнымъ нахожусь напомнить объ этомъ об-

стоятельствѣ, и повѣрьте мнѣ, если вы обидите меня, то долго этого не позабудете.»

«Между тѣмъ пароходъ, шедшій изъ Босфора приближался, и по его ходу можно было заключать, что онъ скоро подойдетъ близко къ тому мѣсту, гдѣ происходило наше повѣствованіе. Это обстоятельство казалось подѣйствовало на капитана и на его команду; а между тѣмъ корреспондентъ нашъ преспокойно усѣлся на палубѣ. Капитанъ и объяснявшійся съ нимъ матросъ подошли къ командѣ, и снова начались маханія рукъ и топанье ногами. Наконецъ капитанъ подошелъ къ корреспонденту и сказалъ, что хотя онъ очень оскорбленъ тѣмъ, что англичанинъ, безъ его согласія, забрался на бригъ, но ему удалось уговорить своихъ людей, чтобъ они отвезли незваного гостя на итальянскій бригъ, стоявшій на якорѣ подъ вѣтромъ; но что въ такой маленькой шлюпкѣ и въ такое волненіе это будетъ не легко. Къ этому онъ присовокушилъ, что изъ рукъ англичанина не согласится принять ни одного пени, но что люди его бѣдны, и только за хорошую плату согласны перевезти его.

«Корреспондентъ предложилъ снова двадцати-франковикъ (далъ бы и десять, еслибъ съ него потребовали въ эту минуту) и капитану показалося предложеніе это очень щедрымъ. Послѣ новаго разговора съ матросами, изъ которыхъ нѣкоторые рѣшительно отказались отъ сдѣланнаго предложенія, четверо согласились наконецъ, и принялись спускаться на воду шлюпку. Съ неописаннымъ восторгомъ пошелъ за ними англичанинъ. А въ самомъ дѣлѣ ненадежна и мала была эта скорлупа при такой погодѣ; четверо гребцовъ, изъявившихъ согласіе переправить англичанина, едва вмѣщались въ ней, и не смотря на то, что были дюжіе ребята, едва могли держаться и почти не выгребали противъ волненія. Не легко было выбраться изъ подобнаго положенія: жизнь висѣла на волоскѣ, но все же оно было лучше, нежели оставаться на бригѣ и въ когтяхъ этихъ головорѣзовъ.

«Нѣсколько разъ матросы готовы были отказаться отъ дѣла, на которое рѣшились и возвратиться на бригъ, но имъ очень не хотѣлось потерять двадцати-франковика, и они продолжали выгребать. Не смотря на всѣ ихъ усилія, шлюпка, брошенная будто щепка на волненіи, подавалась впередъ очень мало. Наконецъ послѣ неимоверно долгихъ усилій, показавшихся опять цѣлою вѣчностью нашему корреспонденту, шлюпка пристала за кормою итальянскаго брига Минерва, изъ Генуи.

«Капитанъ Минервы не безъ страха смотрѣлъ на четверыхъ гребцовъ, наружность которыхъ подлинно была не очень успокоительна. (Не знаю, какое впечатлѣніе производило на него пятое лице, сидѣвшее въ

кормѣ этой злополучной скорлупки, и скривившееся отъ холода, голода, и до костей пробитое дождемъ). Все это вмѣстѣ сильно безпокоило капитана, который громко окликнулъ пристававшую шлюпку: «Что вамъ надобно? Che mandate? Che volete, Signori. Но нашъ главный signor такъ сильно желалъ добраться на палубу брига, что ему было не до отвѣта. За бортомъ спущенъ былъ конецъ. Пользуясь минутою, когда волненіемъ высоко приподняло шлюпку, онъ ухватился за этотъ конецъ, и безъ всякихъ объясненій, не щадя колѣнъ своихъ, которыя конечно обжегъ до крови, барахтаясь со всѣмъ усиленіемъ отчаянія, онъ цѣпляется за конецъ все выше, выше, и бездыханный, обезсиленный упадаетъ на палубу посреди изумленной команды брига!

«Въ немногихъ словахъ объяснилось капитану все происшествіе, и онъ успокоился. Добрый итальянецъ принялъ нашего корреспондента въ отвѣртыя объятія, и тотчасъ же приказалъ подать на палубу багажъ его. Онъ только ждалъ, чтобъ вѣтеръ нѣсколько стихъ и хотѣлъ сняться съ якоря и отправиться въ Геную, но прежде всего обѣщалъ гостя своего высадить въ цѣлости на берегъ. Ему очень хотѣлось прочесть за кормою имя брига, но не успѣлъ онъ навести трубу свою, какъ бригъ отдалъ паруса, и быстро, словно птица, полетѣлъ по волнамъ Дарданельскимъ; чрезъ нѣсколько минутъ бригъ скрылся за мысомъ. Спаси небо всякаго корреспондента отъ подобной передраги!..

«Къ полудню вѣтеръ стихъ и волненіе улеглось; шестерка съ дюжими генуэзцами отвалила отъ Минервы; англичанинъ разстался съ добродушнымъ капитаномъ, словно давніе пріятели, и шлюпка отправилась на берегъ. Не нужно говорить, какъ сильно билось сердце нашего корреспондента, когда онъ коснулся ногою плохо сколоченныхъ плахъ пристани Галлипольской!»

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Послѣднія книги Библиотеки для Чтенія. Мечты и Дѣйствительность.—Отрывокъ изъ одного письма.—Дѣйствительность въ литературѣ.—Сочиненіе г. Гильфердинга, разобранное г. Сенковскимъ.—Заслуги г. Сенковского въ русской словесности.—Всѣ статьи и парадоксы.—Литературная лѣтопись Библиотеки для Чтенія.—Замѣчательныя статьи этого журнала.—Смѣсь и стихи.—Восьмая книга Москвитянина.—Стихи князя Вяземскаго.—Г-нъ Г. и его критическія статьи.—Новый престопадный поэтъ.—Майская книга Современника.—Стихи г. Тютчева.—Критика Современника.—Замѣтки новаго поэта.—Апрѣльская, майская и июньская книги Отечественныхъ Записокъ.—«Задиѣпровскія сцены.»—«Сервилія» драма г. Мея.—Ходъ пьесы и ея историческія основанія.—Достоинства и недостатки драмы.—Стихи г. Мея.—Стихотворенія г. Фега и г-жи Т. Ч.—Г. Забѣлинъ и его статьи.—Книга г. Булича и разборъ ея г. Галахова.—Ошибочныя мнѣнія автора и рецензента.—Библиографическая хроника и журналистика.—Строгий рецензентъ и его ложныя мнѣнія объ идеализаціи.—Можно ли допустить въ литературѣ идеализацію характеровъ.—Г. Кудрявцевъ и его ученныя статьи, написанныя еще ученѣйшимъ языкомъ.—Еще нѣсколько словъ о воронежскомъ мѣщанинѣ, поэтѣ Никитинѣ.

Мы давно не говорили о «Библиотекѣ для Чтенія». Разбирая первыя двѣ книги этого журнала, мы принуждены были отозваться можетъ быть даже слишкомъ строго о многихъ статьяхъ; тѣмъ пріятнѣе было намъ видѣть, что съ третьей же книги появились въ немъ статьи замѣчательныя, полныя жизни, интереса.

Романъ «Тонни или Ревель при Петрѣ Великомъ», начатый еще въ прошломъ году, прекратился въ мартовской книгѣ, безъ всякаго уведомления со стороны редакціи: будетъ ли помѣщено продолженіе.

Вмѣсто окончанія «Тонни», въ апрѣльской книгѣ явилось начало романа «Мечты и Дѣйствительность», удивившее всю читающую публику. Въ самъ-дѣлѣ, мы не читали ничего подобнаго этому произведенію. Это тоже своего рода историческій романъ, съ тою разницею, что въ немъ являются не только лица, извѣстныя въ музыкальномъ мірѣ, но и пользующіяся до-сихъ-поръ добрымъ здоровьемъ за границей. Исторія, названная «Мечты и Дѣйствительность», (мы уже не смѣемъ называть ее романомъ) начинается въ домѣ Р-выхъ, музыкальнымъ вечеромъ. Приведемъ кстаті первыя строки исторіи, слогъ которой, если не новъ, то по-крайней-мѣрѣ также рѣзко отличается отъ обыкновеннаго, грамматическаго и правильнаго языка, которымъ пишутся наши романы и исторіи.

«Начать вамъ съ того, что пьеса кончилась. Это на томъ основаніи, что, къ сожалѣнію, того, что умный человекъ думаетъ и говоритъ на скрипкѣ, на кларнетѣ или на фортепьяно, ви перевести ни отъ себя рассказать не возможно.»

За этимъ удивительнымъ приступомъ, въ которомъ такъ оригинально все, отъ оборота фразы до знаковъ препинанія, слѣдуютъ еще удивительнѣйшія событія: на сцену являются Вьетанъ, Карлъ Майеръ, Серве и Леопольдъ Мейеръ. О послѣднемъ говорится нѣсколько словъ, но трое первыхъ играютъ важную роль въ исторіи. Авторъ обращается съ ними безъ всякой церемоніи. Вьетанъ названъ «неясною и холодною натурою», чувство у него «никогда не просвѣчалось ни въ игрѣ, ни въ рѣчи; даже въ любезности и веселости его было что-то не веселое и не любезное». Карла Майера авторъ одарилъ «всепожирающимъ тщеславіемъ и вселеденящей игрой», выставилъ завистливымъ и пустымъ человекомъ. Даже любимецъ автора, Серве, «съ бѣлыми усами и странною козлиною бородою того же цвѣта» выведенъ человекомъ, плохо знающимъ свѣтскія приличія: такъ онъ до того нецеремонно разваливается въ креслахъ, что ему даже замѣчаютъ это; говоритъ хозяйкѣ любезности въ родѣ слѣдующей: «Видите ли: я причесанъ и завить; издержалъ для васъ двадцать пять копѣекъ»; «я началъ было флейтою и долго дулъ въ дырку»; «каждый долженъ знать свою запятую», и поминутно певторяетъ повидимому свою любимую поговорку: «богатѣйшее дѣло!» Полагая, что Серве, какъ бельгіецъ, говорилъ все это по-французски, мы бы очень хотѣли знать, какъ, напримѣръ, переводится на этотъ языкъ богатѣйшее дѣло!

Все эти лица вместе с автором историй и другими вымышленными лицами, толкуют преимущественно о музыке больше чем на двух стах страниц, больше чем на тринадцати печатных листах, и читатели наши, конечно, уволют нас от обязанности пересказывать им эти разговоры. Сознаемся, что это было бы для нас даже невозможно, потому что мы почти ничего не поняли из музыкальных диалогов в роде определений, что у Вьетана «нѣтъ таинственныхъ наклоненій звука», а Мендельсонъ «поэтическая душа, чья музыка иногда похожа на тихій ропотъ сердца, изливающейся въ звукахъ, лучше всего понятныхъ ему самому.» Не довольствуясь этими артистами, авторъ присоединяетъ къ нимъ въ третьей главѣ Дрейшока, «дюжаго и здороваго, съ первымъ краснымъ пушкомъ вокругъ губъ и на подбородкѣ и съ длинными свѣтлорусыми кудрями на головѣ *большаго формата*. Игру Дрейшока авторъ называетъ «необузданною, набѣгомъ свирѣпыхъ трудностей и убійственныхыхъ эффектовъ». Что значать все эти эпитеты, рѣшить довольно трудно, потому что авторъ употребляетъ ихъ на каждой страницѣ безъ всякаго разбора, и называетъ даже, вѣроятно остроумія ради: «Свирѣпое жаркое и безчеловѣчный салатъ.» За одно съ Дрейшокомъ, авторъ выводитъ на этомъ вечерѣ скрипача Прюма и сожалеетъ «зачѣмъ не можетъ въ одинъ разъ показать вамъ всехъ, которые здѣсь бывали—энергическаго Арто, *проказливаго* Сивори, мечтательнаго Эрнста, важнаго Делера, воздушнаго Блаза (сколько мы помнимъ толстый и порядочно лысый Блазъ былъ вовсе не воздушенъ) *безпредельнаго* Листа. Во второй части онъ вывелъ на сцену еще Брюлова, но только для того, чтобъ заставить сказать слѣдующую фразу: «здѣсь ничего не слышно! слишкомъ много брильянтовъ и золота!» какъ будто брильянты могутъ мѣшать слышать! Послѣ этой глубокомысленной фразы авторъ отправляетъ Брюлова въ кабинетъ хозяина, съ намѣреніемъ «броситься въ объятія прелестной гаванской сигарки». (NB это также должно быть острога).

Прощаясь съ этимъ забавнымъ романомъ, приведемъ нѣсколько строкъ объ немъ изъ письма нашего пріателя, *настоящаго* иногороднаго подписчика, о которомъ говорили въ апрѣльской книгѣ, и съ мнѣніями котораго, какъ совершенно согласными съ нашими, мы будемъ еще не разъ встрѣчаться:

«Никакой недостатокъ произведеній, никакая лѣнь писателей, никакія литературныя уваженія не оправдываютъ произведеній въ роде «Задвѣпровскихъ сценъ» и «Мечты и Дѣйствительности.» Это «Мечта», заставила меня смѣяться буквально до слезъ. Идея романа такъ музыкальна, что я не могъ понять ее, но исполненіе, приводило меня въ восторгъ! Барышня, которую Пушкинъ и Брюловъ выучили говорить «вя-

щій и сугубый», юноша, дѣсоконально заѣввшій въ квартетахъ, артисты— это истинныя сокровища!... У Евгенія Сю, въ одномъ романѣ выведены же живыя лица. Въ 1848 году одна нѣмецкая писательница взяла въ герои романа—Гагерна, женила его и уморила.—Гагернъ увѣрялъ печатно, что съ нимъ этого никогда не было. Какъ, стало быть, далеки еще отъ истины литературныя произведенія, когда стоить вывести въ нихъ хоть одно дѣйствительно существующее лице, для того, чтобъ все произведеніе выказалось блѣдно и явилось сказкой! Картина написана блѣдно, но вы присмотрѣлись къ ней, незамѣчаете ея безцвѣтности; раскрасьте въ ней настоящимъ яркимъ цвѣтомъ какой нибудь одинъ предметъ, и она погибла совершенно. Приложите къ поддѣльнымъ цвѣтамъ живой цвѣтокъ, и что будетъ съ искусствомъ?.. Это доказываетъ только, что искусство еще очень далеко отъ истины, что вовсе не весело. Положимъ, что примѣръ этой *лечты* не доказываетъ этого, но вотъ другой, еще менѣе утѣшительный: у Бальзака есть повѣсть «Les proscrits;» въ ней герой Данте. Данте и далеко отъ насъ и непонятенъ, онъ почти мифъ, но отъ этого мифа блѣднѣютъ все остальные лица повѣсти; живымъ лицомъ остается только онъ—все остальное сказка. Весь вымыселъ, какъ бы онъ ни былъ блестящъ, распадается при одномъ историческомъ имени.»

Послѣ этихъ словъ, намъ нечего прибавлять болѣе отъ себя о романѣ автора «Наслѣдства,» какъ названъ онъ въ оглавленіи.

Нельзя также отнести къ числу замѣчательныхъ и интересныхъ статей послѣднихъ книгъ «Библіотеки для Чтенія» разбора сочиненія г. Гильфердинга: «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ.» Разборъ этотъ, написанный г. Сенковскимъ, возбудилъ однако же вниманіе читателей какъ вообще все, что выходитъ изъ-подъ пера этого остроумнаго писателя. Заслуги г. Сенковскаго въ русской литературѣ до сихъ поръ еще не оцѣнены критикою. Замѣчательный ориенталистъ, ученый съ блестящими и смѣлыми гипотезами, умный и дѣятельный журналистъ, начавшій издавать первый петербургскій журналъ, который удовлетворялъ современнымъ требованіямъ литературы и науки, нувелистъ юмористическій, создавшій особенный слогъ и родъ беллетрическихъ произведеній, г. Сенковскій сдѣлалъ много для литературы, и нѣсколько лѣтъ занималъ въ ней главную роль, привлекая всеобщее вниманіе своими повѣстями, учеными и критическими статьями. Исчисленіе новыхъ историческихъ его гипотезъ было бы очень любопытно и поучительно. Статья его по поводу книги г. Гильфердинга наполнена подобными же гипотезами, но до того парадоксальными, что ихъ невозможно опровергать. Агамемнонъ у него дѣлается душою міра, эфиромъ, Троию онъ называетъ *Тройкой*, Иліонъ—*Кучкой*, Семпрамиду — *Си-*

мовной, Нина — *Развалинами*; человекъ у него дѣлится на десять частей, подобно музыкальной струнѣ; умственные способности измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ волосъ. Подобныхъ парадоксовъ мы могли бы привести сотни изъ одной этой статьи, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобъ доказать, что все измѣненія языковъ происходятъ отъ различнаго устройства «голосоваго инструмента», и что «узкоглазая порода людей разыгрываетъ мысль свою на этомъ инструментѣ сверху внизъ, а круглоглазая снизу вверхъ.» Все это, въ настоящее время вызываетъ только улыбку. Мы очень сожалѣемъ, что почтенный редакторъ Библиотеки для Чтенія увлекается до такой степени своими парадоксами. Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ подробно разбирать гипотезы г. Сенковского, показать все его недостатки и въ тоже время отдать справедливость его достоинствамъ. Подробная оцѣнка произведеній этого талантливаго писателя была бы очень любопытна и полезна, хотя и стоила бы продолжительныхъ изысканій.

Въ этой же книгѣ журнала перепечатанъ изъ того же самаго журнала 1842 года разсказъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ о войнѣ Турціи съ Россіей въ 1769—1776 годахъ, переведенный г. Сенковскимъ. Разсказъ любопытенъ, хотя напрасно помѣщенъ въ отдѣлѣ Словесности. За то о третьей статьѣ того же автора, по поводу книги г. Серчевскаго: «Обозрѣніе Оттоманской имперіи» мы не можемъ сказать ничего кромѣ похвалы. О самой книгѣ не говорится, конечно, ровно ничего, во за то приводятся такія ясныя доказательства ничтожества племени Османовъ, такія картины нелѣпостей и варварства турецкаго управленія, что исчезаютъ малѣйшія сомнѣнія въ возможности политическаго существованія этой жалкой имперіи, которая рано или поздно должна исчезнуть изъ среды образованныхъ государствъ Европы, какъ не нормальное явленіе, постыдное для туземцевъ, возмутительное для единовѣрцевъ христіанскихъ обитателей Турціи.

По языку и блистательнымъ парадоксамъ мы не можемъ не приписать также г. Сенковскому разбора перевода Слова о полку Игоря. Въ этой критической статьѣ доказывается, что эта знаменитая поэма написана питомцемъ львовской или кіевской академіи на тему, заданную по части реторики и піитики. Сочинія такой смѣлый парадоксъ, авторъ статьи не подумалъ только о томъ, что риторическою темою не задаютъ описаній такого незначительнаго событія, какъ борьба сѣверскаго князя съ Половцами и еще не окончившаяся побѣдою русскихъ. Не смотря на парадоксальное основаніе статьи, все замѣчанія, дѣлаемая г. Гербелю, авторомъ ея, совершенно вѣрны, и ошибки переводчика указаны мѣтко и положительно.

Двухъ другихъ статей въ Литературной Лѣтописи» (книги апрѣль-

ская и майская) мы не приписываемъ тому же автору, потому что въ нихъ не высказано ни одного справедливаго сужденія; остроуміе ихъ очень натянуто, а языкъ уже слишкомъ неправиленъ. Критикъ говорить самъ, что не приписываетъ никакой важности своимъ разсужденіямъ, съ этимъ легко согласятся и читатели; но изъ этого все таки не слѣдуетъ расхваливать весьма слабаго поэта г. Долина и говорить, что «Горе отъ ума» было бы несравненно занимательнѣе съ обыкновенною любовью и обыкновенною ея развязкою — свадьбою». Не заслуживаетъ также опроверженія метода, принятая въ майской книгѣ: говорить обо всѣхъ новыхъ сочиненіяхъ вдругъ и выражаться объ нихъ слѣдующимъ образомъ: «*Описаніе прямодвиателя*, предлагаемое господиномъ Шенгелидзевымъ, не откажется прокатить полку съ *Любовью и Вирностью* господина Васильева.» Подобныя фразы даже неприятно встрѣчать. Разборъ въ этомъ же номерѣ книги г. Булича «Сумароковъ», принадлежитъ очевидно другому перу, и рѣзко отличается отъ шуточекъ, въ родѣ приведенной нами, своимъ приличнымъ тономъ.

Критика въ этомъ же номерѣ сочиненія г. Саковича: «Дѣйствія Суворова въ Турціи» хотя тоже подписана буквами О. С., но не отличается ничѣмъ особеннымъ и весьма поверхностна.

Къ замѣчательнымъ статьямъ послѣднихъ книгъ «Библиотеки для Чтенія» отнесемъ слѣдующія:

«Старыя книги. Путешествіе по старой русской библиотекѣ», г. М. Михайлова, библиографическія замѣтки, составленныя съ знаніемъ дѣла и любовью къ своему предмету.

«Виноградныя тиски» (Le pressoir) новая драма Жоржъ-Занда, прекрасно написанная и веденная, хотя плохо переведенная.

Два разсказа и начало романа Теккерея. Жаль только, что даже въ переводы «Библиотеки для Чтенія» вторгается остроуміе ея беллетристики, науки и критики, измѣняющее даже имена дѣйствующихъ лицъ.

«Извощики», физиологическій очеркъ, г. Максимова, написанный очень живо и вѣрно, безъ всякихъ претензій на дагеротипность и восхваленіе темныхъ сторонъ народнаго быта. Статья того же автора: «Нѣсколько словъ о музыкальности,» также хорошо написана и занимательна.

«Записки купца Жаркова» двѣ статьи, которыя были бы несравненно интереснѣе, еслибъ сократились въ одну, чего авторъ ихъ могъ бы легко достигнуть, выбросивъ все ненужныя подробности, растягивающія разсказъ, и оставивъ претензію говорить языкомъ простолюдина слишкомъ искусственнымъ и вовсе не занимательнымъ.

«Воспомнанія о довлѣ звѣрей въ Сибири», двѣ статьи С. Черепа-

нова, также немного растянута и заключающая въ себѣ много лишнихъ подробностей, но которыя читаются легко и съ удовольствіемъ.

Недурны также статьи: Марье — «Путешествіе изъ Парижа въ Черногорію, хотя главная часть ихъ была уже напечатана въ отдѣлѣ Иностранной Литературы «Отечественныхъ Записокъ». «Вѣна», статья Гино, также являлась уже на русскомъ языкѣ, но читается не безъ удовольствія, также какъ и «Воспоминанія странствующаго врача». Статьи въ Смѣси вообще недурны, хотя редакція никакъ не можетъ сладить съ мелкими извѣстіями, и составляетъ изъ нихъ фельетоны подъ разными названіями и по разнымъ методамъ. Такъ въ мартовской книгѣ эти новости сообщаются подъ названіемъ: «Что дѣлается въ мірѣ», а въ слѣдующей книгѣ подъ названіемъ: «Замѣтки путешественнаго вокругъ свѣта». Дѣло, конечно, не въ названіи, но пора бы наконецъ остановиться на чемъ нибудь и придать этимъ новостямъ какую нибудь систематичность, которой въ нихъ нисколько не замѣтно. Тоже самое мы должны сказать и о «Замѣткахъ петербургскаго жителя», отъ которыхъ, неизвѣстно почему, отдѣленъ особый фельетонъ о музыкальныхъ новостяхъ.

Есть еще въ этихъ книгахъ переводный романъ г-жи Маршъ «Адмиральская Дочь», довольно сухой и скучный, и три стихотворенія г. Крешева, переведенныя изъ Горація весьма плохо. У г. Крешева никогда не доставало дарованія на что нибудь серіозное, и Горацій тѣмъ болѣе ему не подѣ силу. Стихи г. Крешева, переведенные съ латинскаго, еще необходимо послѣ того переводить и на русскій языкъ. Можно ли назвать хорошими и правильными, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

Измѣнчивыхъ боговъ коварная личина...
Онъ весело плыветъ, шры стихій не зная,
Надѣясь что въ твоёмъ любящемъ сердцѣ дверь
Вѣрна.....
Скрывался, чтобъ мужской нарядъ не потащилъ
Его изъ нѣги въ бой...
Когда ты не боясь небесныхъ даже силъ, и проч.

О вѣрности перевода уже не говоримъ. Вотъ какъ переведено начало знаменитой оды къ Лидіи:

...Lydia dic, per omnes
Te deos oro, Sybarin cur properas amando...
О, ради всѣхъ Боговъ скажи мнѣ для чего
Такъ рано губишь ты любовью Сибарита?
Зачѣмъ на площади въ жаръ не видать его, и т. д.

Всякій, кто знакомъ съ латинскимъ языкомъ и съ Горациемъ, увидитъ, какъ нецеремонно обращается русскій переводчикъ съ римскимъ поэтомъ, самое знакомство съ которымъ г. Крешева болѣе чѣмъ сомнительно...

О восьмой книгѣ «Москвитянина» (ихъ теперъ должно бы уже выйти въ свѣтъ двѣнадцать) мы не можемъ сказать многого. Въ отдѣлѣ Словесности все еще тянется повѣсть «Выборъ Сердца», и напечатаны два патріотическія стихотворенія г. Шевырева и князя Вяземскаго. Въ первомъ нѣтъ ничего особеннаго, второе перепечатано въ прошлой книгѣ нашего журнала въ Общественной Жизни Петербургскаго Вѣстника. Оно очень хорошо.

Въ этомъ же номерѣ Москвитянина помѣщены: окончаніе хорошенькой повѣсти Мюрже: «Сцены изъ жизни художника.» Совѣтуемъ перевести редакціи этого журнала вторую повѣсть изъ того же быта, подъ названіемъ *Елена*, напечатанную въ томъ же *Revue des deux mondes*. За то статей въ родѣ Юническіе острова, мы бы вовсе не совѣтовали печатать, во-первыхъ потому что въ ней мало интереснаго, а во-вторыхъ потому, что главные факты изъ этой статьи были уже извлечены и напечатаны въ Отечественныхъ Запискахъ еще въ 1853 году. Въ критикѣ хорошъ разборъ сочиненія г. Неволна «о пятнахъ и погодахъ новгородскихъ», написанный молодымъ ученымъ г. Куріановымъ. Въ отдѣлѣ журналистики разбираются три первыя книги Библіотеки для Чтенія, и въ разборѣ этомъ говорится всего объ одной статьѣ: сужденіе Джеффри о Вильгельмѣ Мейстерѣ. Кромѣ этой статьи г-нъ Г. равно ничего не нашелъ въ этомъ журналѣ, да и объ ней заговорилъ потому, что самъ переводилъ Вильгельма Мейстера въ Москвитинѣ же и остановился на третьей книгѣ, потому что публика была совершенно равнодушна къ сочиненію Гёте. Въ статьѣ г-на Г., по обыкновенію, множество странностей и парадоксовъ, соединенныхъ съ нѣсколькими дѣльными замѣчаніями. Страсть къ вычурности, напоминающая извѣстный стихъ Грибоѣдова:

Словечка въ простотѣ не скажетъ—все съ ужимкой,—

пробивается на каждой страницѣ. Такъ съ первыхъ же строкъ вы встрѣчаете фразы и сравненія въ родѣ слѣдующихъ: «Нѣмецкій взглядъ весь пошелъ въ личность»; «Шекспиръ—гигантъ, которому даже русская мѣрка придется почти что по росту... Шекспиръ—Омиръ новаго человечества, но Омиръ запада, разъединеннаго съ востокомъ, Омиръ протестантизма, какъ Дантъ, Омиръ католицизма.» Не правда ли что все это

очень громкія сравненія, хотя они ровно ничего не объясняютъ, и подобныхъ имъ можно набрать сколько угодно.

Не смотря на эти вычурности, г-нъ Г. высказываетъ много справедливыхъ взглядовъ на Гёте и его Мейстера, говоря, что Гёте никогда не могъ возвыситься до комедіи, и что Вильгельмъ Мейстеръ, больше ничего какъ съ головы до ногъ филистеръ, Карлъ Карлычъ съ молоду, Иванъ Иванычъ въ зрѣлую пору, и Адамъ Адамычъ подь старость.

Въ отдѣлѣ иностранной литературы помѣщено начало прекрасной статьи Бошена, «Людвигъ XVII.» Поэтому отдѣлу Москвитянинъ всегда отличается выборомъ превосходныхъ статей, не появляющихся въ петербургскихъ журналахъ. Въ «Современныхъ извѣстіяхъ» также много любопытныхъ статей, относящихся къ событіямъ, занимающимъ теперь всю Европу.

Въ Слѣси помѣщено окончаніе очень замѣчательной статьи: свадебные обряды малоруссовъ Суджанскаго уѣзда. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено нѣсколько свѣдѣній о новомъ престономъ поэтѣ, Воронежскомъ мѣщанинѣ Иванѣ Никитинѣ и помѣщены пять его стихотвореній: Пѣвцу, Новый Завѣтъ, художнику, Война за вѣру и Когда одинъ въ минуты размысленія. Лучшее изъ нихъ первое, начинающееся стихами:

Не пой, о счастья, пѣвецъ, не утѣшай
Себя надеждой невозможной:
Она невидимый и недоступный рай,
Воображенія призракъ ложный.

Вотъ двѣ строфы изъ этого прекраснаго стихотворенія, содержащаго самыя справедливыя упреки и доказывающаго какимъ сильнымъ стихомъ владѣтъ г. Никитинъ:

Вездѣ откроешь ты неясныя слѣды
Ничтожества и ослѣпленія,
Причины темныя безсмысленной борьбы—
Нетвердой вѣры и сомнѣнья,
Замѣтишь жалкаго невѣжества печать,
Иди безсиліе свободы,
Постыднымъ торжествомъ увѣчаннѣй развратъ
И оскорбленіе природы.

Не пой же намъ, пѣвецъ, о счастья пустомъ
Въ годину нашего позора,
Пусть пѣснь твоя межъ насъ, какъ правосудный громъ
Раздастся голосомъ укора!

Мы еще возвратимся къ Никитину, когда будемъ разбирать его стихотворенія, помѣщенные въ Отечественныхъ Запискахъ.

Въ Смѣси помѣщены еще очень любопытныя письма изъ Болгаріи, перепечатаны три стихотворенія Хомякова и еще какая-то странная сцена «Изаба» сочиненія г-на Стаховича. Дѣйствующія лица этой сцены ямщики и крестьянскія дѣвки ссорятся, мирятся, поютъ, пьютъ, пляшутъ,—и все это неизвѣстно съ какою цѣлью. Любопытная исторія эта оканчивается слѣдующими интересными стихами:

Побранились Волдыриха съ Волдыремъ,
Потеряла три копѣйки съ пузыремъ,
А Волдырь—то самъ пузырь схоронилъ
У овину подъ мягину положилъ

и такъ далѣе все въ такомъ же эстетическомъ вкусѣ до послѣднихъ стиховъ:

А безрукій Волдыря обыскалъ
Онъ и голому за пазуху поклазъ.

Очень живописно и граціозно!

Разборъ майской книги Современника также будетъ коротокъ. Въ ней начинается романъ новаго писателя г-на Ипполита Панаева съ эффектами, злодѣями, угнетенными невинностями и разными ужасами. Мы поговоримъ объ немъ, когда онъ кончится. Стихотвореніями эта книга очень богата. Есть одно хорошее, но необработанное окончательно и принадлежащее покойному Лермонтову, одно А. Фета, не изъ лучшихъ его стихотвореній, но на которое однако же нѣтъ пародій въ этомъ же номерѣ Современника, и девятнадцать новыхъ стихотвореній г. Тютчева, большею частью переводныхъ и весьма слабыхъ. Вотъ, на примѣръ, какими стихами переведенъ монологъ Фауста:

День пережить, и къ небесамъ инымъ
Свѣтило дня несеть животворенье...
Миръ вѣчно вечерьющій смѣется...
Но свѣтлый Богъ главу въ пучины клонитъ
И вдругъ крыла таинственная мочь
Вновь ожила и вслѣдъ за уходящимъ гонитъ...
Но сей порывъ, сіе и вверхъ и вдалѣ стремленье
Оно природное внушенье.

Признаемся, что читая подобные стихи, мы подумали, не принадлежать они перу г-на Овчинникова, также переводившаго Фауста. «Привѣт-

ствіе духа» изъ Гёте переведено не лучше этого. Не видимъ причины помѣщать подобные переводы также какъ: «Въ альбомъ друзьямъ» изъ Байрона и «Съ чужой стороны» изъ Гейне, переведенные Лермонтовыми, конечно ужъ лучше, чѣмъ г. Тютчевымъ. Собственные его произведенія также очень плохи: «Cache—Cache» начинается стихомъ:

Вотъ арфа ея въ *обычайномъ* углу.

Въ «могилѣ Наполеона» есть слѣдующіе стихи:

Давноль умолкъ Перунъ его побѣдъ,
И гулъ отъ нихъ стоитъ доселѣ въ мірѣ.

Въ стихотвореніи «Слезы»

.... лицо прекрасной
Весенній воздухъ *пламенитъ*.

Въ «Проблескъ» у поэта

Какъ бы эфирною струею
По жиламъ небо протекло.

Но всѣхъ рѣдкостей не выпишешь. Между ними есть даже хоръ изъ какой-то оперы подъ названіемъ «Пѣснь скандинавскихъ воиновъ,» очень похожій на всѣ хоры, которые поются на сценѣ героями, возглашающими: вперед! вперед! скорѣй на брань, и не двигающимися съ мѣста. Справедливость требуетъ однако же сказать, что между этими девятнадцатю плохими стихотвореніями мы нашли одно хорошее; приводимъ его въ доказательство нашего безпристрастія и дарованія г. Тютчева, въ которомъ однако же еще больше претензій на дарованіе. Стихотвореніе это называется «Успокоеніе!»

Гроза прошла—еще курясь лежалъ
Высокій дубъ, перунами сраженный,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени, грозою освѣженной.
А ужъ давно звучнѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣснь по рошѣ раздалася,
И радуга концемъ дуги своей
Въ зеленыя вершины уперлася!..

Вторая статья о современномъ состояніи Турціи довольно интересна, хотя языкъ ея не совсѣмъ правиленъ. Такъ переводчикъ употребляетъ выраженіе *неутолимая* зависть вѣроятно вмѣсто *неукротимая*. Раз-

боръ «Магазина землевѣдѣнія и путешествій» наполненъ самыми преувеличенными похвалами Риттеру. Мы приводили уже примѣры, какимъ темнымъ, тяжелымъ языкомъ выражается этотъ географъ, и потому не будемъ повторять уже однажды сказаннаго. Замѣтимъ только, что «Современникъ» доходитъ до крайностей въ похвалахъ и порицаніяхъ. Расхваливъ выше облака ходячаго умнаго, но вычурнаго нѣмца, онъ осмѣиваетъ самымъ неперемоннымъ образомъ романъ «Три поры жизни». Въ немъ безспорно много слабыхъ сторонъ, но есть много превосходныхъ сценъ и подробностей, и во всякомъ случаѣ намъ кажется не слѣдовало бы отзываться такъ рѣзко о талантливой женщинѣ. Критикъ разсказываетъ самымъ насмѣшливымъ тономъ содержаніе романа, а извѣстно, что подобное дешевое упражненіе въ замороженной юмористикѣ ровно ничего не доказываетъ, и что смѣяться можно нѣсколько не унижая того, надъ чѣмъ смѣются, а напротивъ, выказывая не совѣмъ съ выгодной стороны того, кто смѣется. Увлеченный мнимымъ остроуміемъ, критикъ осуждаетъ даже такія стороны романа, которыя вовсе не заслуживаютъ осужденія. Такъ онъ находитъ, что въ «Семействѣ Холмскихъ» также какъ въ романѣ «Три поры жизни», старшая сестра выходитъ замужъ не совѣмъ счастливо. За что же тутъ упрекать г-жу Евгенію Туръ. Подобное обстоятельство встрѣчается въ десяткѣ другихъ романовъ, развѣ изъ этого слѣдуетъ, что романъ г-жи Туръ не хорошъ и явное подражаніе Семейству Холмскихъ? Во французскихъ журналахъ имѣютъ обыкновеніе бранить своихъ сотрудниковъ, какъ скоро они переходятъ въ другой журналъ, у насъ этого конечно не бываетъ, но все таки странно, что критикъ отзывался такъ невыгодно о той самой писательницѣ, которую нѣкогда такъ хвалили въ этомъ журналѣ. Тоже самое замѣтили мы и о разборѣ сочиненій г. Островскаго вообще и его новой комедіи (Бѣдность не порокъ) въ особенности. Такая измѣнчивость въ сужденіяхъ «Современника» впрочемъ не рѣдкость.

Остальные разборы въ отдѣлѣ библіографіи довольно безцвѣтны, хотя и сіяютъ быть глубомысленными и важными. Такъ разборъ перевода извѣстнаго сочиненія Аристотеля: «О поэзіи» начинается слѣдующею совершенно новою мыслью: «жизнь предшествуетъ наукѣ, литература—теоріи словесности, искусство—эстетикѣ». Въ концѣ статьи, критикъ, упоминая о переводѣ г. Ордынскимъ Иліады, говоритъ, что подобное этому періоду можно отыскать только въ трудахъ Тредьяковскаго. Во-первыхъ это уже очень преувеличено, а во-вторыхъ, почему же критикъ «Современника» не говорилъ ни слова объ этомъ переводѣ въ то время, когда онъ печатался, и когда мы всеми силами возставали противъ этой странной профанціи Гомера?..

Подъ названіемъ «Литературная Страница» напечатаны въ этомъ же номерѣ «Современника» отрывки изъ стихотвореній поэта Екатерининскихъ временъ Петрова, относившихся къ тогдашней войнѣ съ Турціею. Чувства, выражаемыя по этому поводу очень хороши, но стихи очень плохи, даже и для того времени. Далѣе напечатанъ разсказъ: «Шерюмаль, вожатый слона», взятый изъ *Revue des deux mondes* и переведенный въ нашемъ журналѣ еще въ началѣ прошлаго года. Какъ внимательно слѣдить «Современникъ» за новостями иностранной литературы, и какъ быстро передаетъ ихъ читателямъ!

Въ этой же книгѣ, на смѣну иногороднаго подписчика является снова новый поэтъ съ своими статейками «по поводу русской журналистики». Мы давно уже не встрѣчались съ этимъ элегантнѣйшимъ фельетонистомъ и спѣшимъ увѣдомить, что онъ нисколько не измѣнился, по прежнему милъ, любезенъ, остроуменъ, веселъ, также читаетъ многое, не разсуждая о прочитанномъ или разсуждаетъ о многомъ, не читая. Съ первыхъ словъ онъ развязно объявляетъ читателямъ, что, слѣдя усердно за успѣхами русской литературы, которая такъ дорога ему, онъ полгода не бралъ въ руки ни одного журнала. Далѣе онъ начинаетъ расхваливать иногороднаго подписчика «любезнѣйшаго, шаловливѣйшаго и вмѣстѣ серьезнѣйшаго изъ людей, начитаннѣйшаго и остроумнѣйшаго». Въ свою очередь подписчикъ вѣроятно не останется въ долгу, и мы скорѣе будемъ видѣть умилительный и поучительный примѣръ, какъ въ одномъ и томъ же журналѣ сотрудники расхваливаютъ другъ друга. Остальныя страницы «Замѣтокъ» наполнены выписками изъ газетъ о современныхъ событіяхъ, потомъ осмѣивается не совсѣмъ остроумно «Раутъ», хвалятся сочиненія Фета, напечатанныя въ «Современникѣ» и не хвалятся тѣ, которые напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ», и наконецъ спрашивается не совсѣмъ логично: отчего г. Дружининъ въ статьѣ своей о Вальтеръ-Скоттѣ пишетъ *Иванго*, а г. Краевскій, въ изданномъ имъ переводѣ этого романа называетъ его *Айвенго*. Отвѣтъ на это кажется намъ такъ простъ, что его могъ бы найти самъ новый поэтъ, немного подумавъ. Г. Краевскій не заставляетъ своихъ сотрудниковъ принимать то правописаніе собственныхъ именъ, котораго самъ держится. Причина, кажется, очень ясная и справедливая.

Петербургскія новости и «Иностранныя извѣстія» этого номера очень неполны и отрывочны. Въ этой же книгѣ окончился наконецъ утомительно скучный романъ Больвера, тянувшійся чуть не два года.

Къ совершенному удивленію нашему «Литературнаго Ералаша» не

было въ этой книгѣ, и мы находимся въ недоумѣніи, чему приписать отсутствіе такого капитальнаго отдѣла.

Намъ остается еще разобрать три книги «Отечественныхъ Записокъ» для полноты нашего отчета. Кромѣ этого журнала, іюньскія книги другихъ журналовъ вышли поздно, и мы отложимъ разборъ ихъ до слѣдующаго мѣсяца.

Въ отдѣлѣ Словесности помѣщены въ 6-й апрѣльской книгѣ «Заднѣпровскія сцены» В. Глицки. Этотъ писатель является едва ли не въ первый разъ въ печати, и нельзя сказать, чтобъ начало его литературнаго поприща было блистательно. Это очень слабое произведеніе, весьма скучное и неинтересное, которое можно было напечатать только какъ первый опытъ юнаго дарованія, подающаго надежды. Сантиментальная любовь заднѣпровскихъ мѣщанъ можетъ быть очень чувствительна, но и очень не занимательна; характеры очерчены блѣдно и слабо, дѣйствующія лица попадались уже не разъ въ другихъ русскихъ повѣстяхъ. Однимъ словомъ мы давно не читали въ «Отечественныхъ Запискахъ» такого неудачнаго произведенія, о которомъ не распространяемся потому, что оно составляетъ явленіе исключительное въ этомъ журналѣ и потому что авторъ можетъ написать со временемъ что нибудь болѣе замѣчательное.

Въ двухъ слѣдующихъ книгахъ помѣщены двѣ части новаго романа В. Крестовскаго «Испытаніе», который мы разберемъ когда онъ кончится, и драма Л. Мея «Сервилія». Молодой авторъ въ первый разъ является въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ прежніе годы въ «Москвитянинѣ» помѣщались его мелкія стихотворенія, мелкія прозаическія статейки и переводъ слова о полку Игоревѣ. На сценѣ и потомъ въ печати явилась замѣчательная драма его «Царская Невѣста». Сервилія—его второе большое произведеніе. Г. Мей пишетъ очень мало, вѣроятно много обдумывая свои сочиненія. Новая драма его задумана хорошо и еще лучше выполнена. Дѣйствіе ея происходитъ въ Римѣ, въ царствованіе Нерона, и представляетъ полную и вѣрную картину одной стороны публичной и семейной жизни Рима въ эту эпоху. Въ нѣсколькихъ строкахъ предисловія авторъ изображаетъ эту картину сжато, но глубокими чертами. Въ примѣчаніяхъ къ драмѣ, чрезвычайно любопытныхъ и доказывающихъ близкое знакомство автора съ древнимъ міромъ, онъ приводитъ тѣ строки Тацитовой лѣтописи, изъ которыхъ заимствовалъ содержаніе своей пьесы. Расскажемъ его читателямъ.

Въ первомъ дѣйствіи мы на форумѣ; граждане играютъ въ кости и толкуютъ о томъ, что на ихъ патроновъ готовится доносъ. Начинается торжественное шествіе въ честь Минервы. На террасу своего дома вы-

ходить смотрѣть на процессію Сервилія, дочь сенатора Сорана; внизу на площади старикъ — христіанинъ начинаетъ укорять народъ въ томъ, что онъ служитъ Вельзевулу, и разбиваетъ статую Діаны. Народъ бросается на старика, трибунъ Валерій Рустикъ, пріѣхавшій въ это время, по просьбѣ Сервилія, останавливаетъ толпу и отдаетъ подъ стражу старика. Первое дѣйствіе оканчивается.

Во второмъ дѣйствіи мы въ термахъ. Нео-стойки—Сенаторы Паконій и Гельвидій Монтанъ толкуютъ о красотѣ Мессалины, третьей супругѣ Нерона. Паконій описываетъ въ превосходной картинѣ эту женщину, и хотя эта картина не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ пьесѣ, но такъ хороша, что жалѣешь почему не много такихъ ненужныхъ эпизодовъ въ пьесѣ. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой картины:

Представьте въ благовонномъ полумракѣ,
 На ложѣ мхомъ искусственномъ поросшемъ,
 Обрызганномъ росинками жемчужинъ,
 Въ вѣнкѣ изъ влажнолиственныхъ нарцисовъ
 Владычицу сѣдаго океана.
 Она на свѣжемъ ложѣ приподнялась,
 И выжимаетъ воду изъ волосъ,
 А волосы такъ мягки и волнисты,
 Что кажется прольются сквозь персты
 И утекутъ съ водою по помосту.

Входитъ отпущенникъ Эгнатій и приноситъ доносъ на сенаторовъ въ измѣнѣ Риму, составленный гражданиномъ Гиспо и вырванный у доносчика вмѣстѣ съ жизнью, другимъ гражданиномъ Цестомъ. Сенаторы соглашаются подать кесарю просьбу о лишеніи власти префекта преторіи Тигеллина, покровительствующаго ложнымъ доносамъ, и потомъ начинаютъ ужинать. Передъ гостями пляшутъ Менады; Монтанъ читаетъ очень хорошіе стихи въ честь Вакха и Вакханокъ. Празднество прерывается криками: пожаръ! Сенаторы уходятъ. Въ потаенную дверь входитъ Тигеллинъ. Оказывается, что Эгнатій его клеветъ и измѣняетъ стоикамъ; онъ говоритъ, что его принуждаетъ поступать такъ любовь. Онъ же произвелъ пожаръ въ термахъ, для чего — это не ясно высказано авторомъ.

Третье дѣйствіе переноситъ насъ въ домъ Сорана. Сервилія прядетъ, невольницы поютъ:

Расчешися ты, руно,
 Въ пряди волокнистыя,
 Навивай, веретено,
 Нитки серебристыя,

Мы кудели нарядемъ,
 Мы основу наснуемъ,
 Станемъ брачныя туники
 Ткать для юной Эвредики.

Послѣ этой хорошенькой пѣсни, въ которую напрасно только попала Эвридика, очевидно для римы къ туникѣ, приходитъ отецъ Сервиліи, Соранъ и объявляетъ, что сенаторъ Тразеа проситъ ея руки. Сервилія отвѣчаетъ что любить другаго, и клянется никогда не быть женою Тразеи, что не совѣмъ согласно съ отношеніями, существовавшими въ Римѣ между отцомъ и дѣтьми. По уходѣ ея является самъ Тразеа, и отказывается отъ Сервиліи, узнавъ, что она любитъ трибуна Валеріа. Старики уходятъ; Сервилія возвращается, говоритъ о своей любви къ Валерію, онъ приходитъ самъ, признается ей въ любви; старики подслушиваютъ ихъ, и Соранъ отдаетъ Сервилію Валерію. Радость ихъ прерывается приходомъ центуріона, возвѣщающаго, что Тразеа и Соранъ обвинены въ измѣнѣ противъ Рима.

Четвертое дѣйствіе происходитъ у Локусты. Новое лице, Силія, проситъ эту извѣстную отравительницу погубить Сервилію и приворожить къ ней самой Валеріа. Локуста соглашается, но говоритъ, что Валерій уже двѣ недѣли какъ исчезъ изъ Рима не извѣстно куда. Лице Силіи и эта сцена также вовсе не нужны для хода драмы. За Силіей приходитъ и Сервилія проситъ, чтобъ Локуста раскрыла ей участь Валеріа и ея отца. Локуста вызываетъ призракъ старухи, отвѣчающей на всѣ вопросы Сервиліи весьма темными словами:

На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
 Кого сама не право обвиняешь.

Этому призраку можно было бы въ свою очередь сказать то, что говорить Горацию Гамлету о другомъ призракѣ:

Чтобъ эту новость объявить
 Не стоило вставать изъ гроба.

Но Эгнатій, явившійся неожиданно къ Сервиліи, объясняетъ ей, что призракъ этотъ—Фортуна невольница Локусты, и что онъ сыгралъ съ Сервиліей эту шутку,—для чего,—неизвѣстно. Зная, что она отправится ворожить къ Локустѣ, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заманить дѣвушку въ западню, и признается ей въ любви. Сервилія отвергаетъ его, какъ низкаго предателя, и клянется раздробить черепъ о стѣны, прежде чѣмъ рука его коснется до нея. Эгнатій въ свою очередь клянется, что она не выйдетъ отсюда прежде нежели не съдѣ-

ляется его женою, и поэтому уходитъ, неизвѣстно куда, оставляя ее одну размыслить хорошенько. По уходѣ его, является изъ потаенной двери (вторая въ драмѣ) невольница Локусты, Неволея, христіанка, и вводитъ ее тайнымъ подземнымъ ходомъ въ катакомбы.

Въ пятомъ дѣйствіи происходитъ судъ надъ стойками въ капищѣ Венеры. Обвиненные: Тразея и Соранъ въ измѣнѣ, а Сервилія въ совершеніи чаръ и вызовѣ подземныхъ боговъ на гибель сената, — защищаются сами. Ихъ допрашиваютъ консулы, обвиняетъ Эгнатій и какое-то новое лице Сабинъ Осторій. Судъ приговариваетъ Тразею и Сорана лишить всѣхъ правъ гражданства и осудить на изгнаніе, а Сервилію, по молодости лѣтъ, отдать на поруки Эгнатію. Но является трибуиъ Валерій, произноситъ veto, и закрываетъ засѣданіе; вмѣстѣ съ этимъ онъ привозитъ письмо Нерона къ сенаторамъ, въ которомъ кесарь проситъ считать Валерія по прежнему очереднымъ трибуномъ. Когда судъ расходится, Валерій объявляетъ, что онъ былъ все это время у кесаря, и что это было условіемъ спасенія Сорана и Тразеи, а можетъ быть и испытаніемъ. Всѣ остаются довольны такимъ темнымъ объясненіемъ; Валерій собирается жениться на Сервиліи, Эгнатій собирается убить его, но Сервилія объявляетъ, что она христіанка — и умираетъ. Валерій хочетъ заколоться, его останавливаютъ; Эгнатій рветъ на себѣ сначала волосы, потомъ одежду, потомъ говоритъ, что на небѣ есть защитникъ добрыхъ и каратель злыхъ, хотя въ пьесѣ добрые не защищены, а злые не наказаны — и завѣса опускается.

Изъ этого подробнаго разбора читатели видятъ все достоинство драмы и нѣкоторые недостатки ея. Къ первымъ отнесемъ въ особенности довольно вѣрную картину Рима 67-го года по Р. Х., даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ; ко вторымъ неясность и неестественность нѣкоторыхъ сценъ и обстоятельствъ драмы, «холодный *строй* и холодно-ораторскій тонъ» ея, какъ выражается весьма безпристрастно самъ авторъ, оправдывая однакоже эту витиеватость языка общимъ характеромъ римлянъ, ихъ привычками и образомъ жизни. Мы не упрекаемъ автора въ томъ, что онъ совершенно измѣнилъ историческое событіе, взятое имъ въ основу своей драмы, но намъ жаль, что онъ сдѣлалъ женихомъ извѣстнаго Тразею Пета и думаемъ, что смерть его и удивительныя слова жены его Арія: *Poetus, non dolet!* гораздо выше всѣхъ вымысловъ этой драмы: пожаровъ, потаенныхъ дверей, появленія тѣней и проч. Не смотря на всю любовь къ классической древности, г. Мей увлекся немного романтизмомъ современныхъ драматическихъ представленій, и основалъ свою пьесу на неожиданныхъ спасеніяхъ, возвращеніяхъ и тому подобныхъ эффектахъ. Въ пьесѣ его дѣлается все чрезвычайно скоро: герой и ге-

роиня влюбляются, объясняются, спасаются и умираютъ такъ быстро, что читатель не успѣваетъ опомниться. Не смотря на это, драма все таки очень замѣчательное и пріятное явленіе. Стихи звучны и гладки, и только послѣ внимательнаго чтенія мы нашли нѣсколько негладкихъ и неправильныхъ выраженій, которыя приводимъ, какъ потому, что авторъ самъ проситъ указать всѣ недостатки его сочиненія, такъ и для того, чтобъ доказать, съ какимъ вниманіемъ перечитывали мы драму г. Мея.

Прежде всего замѣтимъ, что онъ напрасно мѣняетъ удареніе въ имени Нерона. Свойство латинскаго языка позволяетъ переносить удареніе съ перваго слога въ именительномъ падежѣ на второй въ родительномъ, и слѣдующихъ, но правила русскаго языка не допускаютъ этого въ собственныхъ именахъ. Также онъ мѣняетъ удареніе въ словѣ римлянинъ, римляне, смотря по стиху, тогда какъ слѣдовало бы держаться одного какого нибудь произношенія. Мы нашли тоже три шестистопные стиха, въ драмѣ, написанной пятистопными ямбами.

Эпитетъ «Потѣмная бездна» составленъ неудачно; для чего употребляетъ слово *кошницы*, когда есть простѣйшее—корзины? Авторъ до того увлекается метафорами, что даже въ прозѣ, въ примѣчаніяхъ, выражается съ высока, на примѣръ, «каменоломни, изъ которыхъ долженствовалъ излетѣть духъ Рима христіанскаго.» Вотъ нѣсколько стиховъ, которые мы желали бы видѣть исправленными:

*Исконный врагъ добра и благодати...
Прозритель въ душу идоложрецы?..
Самъ не хотѣлъ навѣдать Мессалину...
Представте гротъ изъ накра и коралла...
Погибы легко трепетнаго стана...
Я обойдусь немногими словами...
Силачъ, отлитый съ волоса до ногтя...*

Выраженія: «эхидные доносы сосутъ сердце у Рима», «какая страсть охраняетъ твой разумъ», небесно-видные очи, «сердце расторглось бы на части» очень изысканны; слова *звѣробоецъ*, *возліяльники*, *состольники*, *усыновленникъ*, *недовѣрокъ*, немножко дики для уха; неправильныя ударенія въ выраженіяхъ задохнѣться можетъ, безпомощныхъ жещинъ—также очень непріятны; слово *мамка* странно встрѣтить въ стихахъ, — у цвѣтовъ не *коронки*, а *вѣнчикъ*; стихи:

Что обликъ ея дѣвственный сіяетъ

и

Разумно-ли свободна моя воля

негладки; слова *гемма* нѣтъ въ русскомъ языкѣ; союзъ *если* употребленный вмѣсто *если*, для одного размѣра, также непріятенъ для уха; слово *препона* вмѣсто преграда—употреблено напрасно, выраженіе: *зимерныя идеи*—неправильно.

Вотъ почти все, что мы замѣтили въ стихахъ г. Мея. Повторяемъ, что вообще они очень легки и гладки оттого—то изрѣдка попадающіяся неправильности еще рѣзче поражаютъ читателя.

Въ этихъ же нумерахъ помѣщены пять стихотвореній г. Фета и одно г-жи Т. Ч. Первое «Степь», переводъ извѣстнаго польскаго сонета, переведеннаго уже Козловымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; второе «Ива», хорошо по стиху, но въ немъ нѣтъ никакой мысли, третье «Пароходъ», въ которомъ это паровое судно названо злымъ дельфиномъ съ пышущими ноздрями—просто плохо, и г. Фету не слѣдовало бы его отдавать въ печать; четвертое «Муза,» написанное вѣроятно въ отвѣтъ на Музу Некрасова, въ антологическомъ родѣ, также не совсѣмъ удалось поэту. Оно начинается совершенно темнымъ стихомъ:

Не въ сумрачный чертогъ наяды говорливой

Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый.

Что это за говорливая наяда, и почему чертогъ ея сумраченъ, мы никакъ не могли понять. Поэтъ описываетъ далѣе свою музу слѣдующимъ образомъ:

Отягощала прядь душистая волосъ

Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ;

Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали;

Отрывистая рѣчь была полна печали,

И женской прихоти, и *серебристыхъ* грезъ;

Какой-то нѣгою томительной волнуемъ

Я слушалъ какъ слова встрѣчались поцалуемъ

И долго безъ нея душа была больна

И *несказаннаго* стремленія полна.

Не будь тутъ этихъ натянутыхъ *серебристыхъ* грезъ, странной встрѣчи словъ поцалуемъ, и въ особенности этого *несказаннаго* стремленія, такъ непріятно поражающаго слухъ—стихотвореніе вышло бы очень хорошо. Последнее «Дай руку мнѣ, дай руку, пери злая» довольно обыкновенно; поэтъ говоритъ въ концѣ ея:

За поцалуи я всѣ отдамъ стихи,

если такіе, то пожалуй и не жаль.

Г-жа Т. Ч. пишетъ прекрасно повѣсти, но она не поэтъ, и мы подробно доказывали это, разбирая ея первыя стихотворенія, напечатан-

ныя въ этомъ же журналѣ. Помѣщенное въ июньской книгѣ «Гаданье» лучше прежнихъ; въ немъ если нѣтъ поэзи, за то есть чувство немножко горькое, немножко грустное, но трогательное, потому что истинно. Поэтъ говорить:

Скажите мнѣ что трефовый король
Влюбленъ былъ въ даму той же самой масти,
Что въ этомъ чувствѣ было много страсти,
Что все прошло. Вы спросите—давноль?..
Да какъ давно все было? Вотъ вопросъ
Нескромный, предокучливый, не новый.
Изъ трефовой я сдѣлалась бубновой,
Доживъ недавно до сѣдыхъ волосъ,—
Но сердце не состарѣлось...

Въ отдѣлѣ наукъ и художествъ помѣщены двѣ такія же занимательныя статьи г. Дружинина о Вальтеръ-Скоттѣ, переводная статья «Первое соперничество Карла V и Франциска I,» вторая статья г. Ротчева «Воспоминанія путешественника;» третья прекрасная статья профессора Соловьева о Карамзинѣ, и въ высшей степени любопытная статья г. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени», служащая продолженіемъ первыхъ пяти статей его, напечатанныхъ въ этомъ же журналѣ. Познанія г. Забѣлина — изумительны. Этотъ человекъ знаетъ средне-вѣковую Россію, какъ весьма немногіе знаютъ современную. Онъ расскажетъ вамъ все малѣйшія подробности быта царей въ до-петровской Руси, и явись у насъ историческій романистъ въ родѣ Вальтеръ-Скотта, ему не нужно бы перелистывать наши лѣтописи, чтобъ доискиваться въ нихъ подробностей жизни, одежды, занятій нашихъ предковъ, всего, что называется знаніемъ эпохи и мѣстнымъ колоритомъ, изслѣдованія г. Забѣлина даютъ готовый матеріалъ для сочиненія историческаго романа. Мы жалѣемъ только, что этотъ ученый и дѣятельный писатель, которымъ мы должны гордиться, не издаетъ своихъ изысканій въ систематическомъ порядкѣ и отдѣльною книгою. Это былъ бы истинный подарокъ для всехъ любителей отечественной литературы и исторіи.

Въ отдѣлѣ критики помѣщенъ библиографическій разборъ изданій комедій Грибоедова, сочиненія Неволлина «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ» и очень замѣчательный разборъ книги г. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика,» написанный г. Галаховымъ. Объ этомъ разборѣ мы скажемъ нѣсколько словъ, потому-что не совсемъ согласны съ мнѣніями автора и критика. Г. Буличъ говоритъ, что «Критика должна отдаляться отъ своего времени и переноситься вполне въ

то время, когда жилъ писатель; для того, чтобъ онъ явился намъ въ полной правдѣ, надо изучить его время, надобно знать, что онъ взялъ изъ него и что принесъ ему новаго.» Это совершенно справедливо, только къ этому необходимо прибавить: и что оставилъ писатель нашему времени,—безъ этого критика будетъ неполна и одностороння. Достоинство писателя оцѣняется не только по одному его времени. Гений живетъ для всѣхъ вѣковъ, потому-что большею частью опережаетъ свой вѣкъ. Писатель можетъ устарѣть по языку, по слогу, но мысль его должна занимать насъ также какъ занимала его современниковъ; мы должны также ему сочувствовать, чтобъ упомянуть имя его съ уваженіемъ, чтобъ дать ему почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Гомеръ, Шекспиръ, Данте и черезъ десять вѣковъ будутъ также высоки какъ теперь, какъ были въ свое время, потому-что человѣкъ всегда будетъ человѣкомъ, всегда будетъ говорить себѣ:

Homo sum nihil humanum a me alienum puto—

и только это-то *гуманное* и даетъ право писателю на извѣстность въ потомствѣ. Защищая неестественность лицъ въ пьесахъ Сумарокова, критикъ говоритъ, что лице, невѣрное дѣйствительности, не уничтожаетъ достоинства рѣчей его, вѣрно выражающихъ направленіе ума и приводитъ въ примѣръ Чацкаго. Но Чацкій говоритъ дѣло, правду, хотя нѣсколько преувеличено, а Дюлижъ Сумарокова однѣ риторическія фразы и еще самымъ неестественнымъ языкомъ. Поэтому никакъ нельзя сказать, что «каждое литературное произведеніе болѣе или менѣе служить выраженіемъ современной общественной жизни.» Послѣ этого ни въ какой литературѣ не будетъ плохихъ писателей, произведенія которыхъ служатъ только выраженіемъ ихъ бездарности и безсильнаго желанія сдѣлаться чѣмъ нибудь извѣстными, рабаки подражая великимъ явленіямъ литературы.

Не можемъ мы также согласиться съ желаніемъ рецензента, чтобъ сатирическія сочиненія писателя раздѣлялись не на роды и виды, а по отношенію ихъ къ тому или другому недостатку, противъ котораго вооружается писатель. Оды, басни, комедіи, если и стремятся къ одной цѣли, все-таки должны быть различаемы по формѣ, потому-что дѣленіе на эти виды—естественное, а не риторическое. Если мы примемъ систему критика, въ нашихъ разборахъ выйдетъ страшная путаница. Прежде всего надобно знать, что написалъ авторъ, а потомъ ужъ, какъ писалъ и съ какою цѣлью. При разборѣ комедій, напримѣръ, если въ нихъ выведено нѣсколько лицъ, олицетворяющихъ различные недостатки, намъ прійдется столько разъ упоминать объ этой комедіи, сколько въ

ней дѣйствующихъ лицъ,—что и сдѣлалъ г. Галаховъ на двадцати строкахъ, приводя три раза комедію Сумарокова «Мать, совмѣстница дочери.» И потомъ, гдѣ же будетъ связь между всѣми этими лицами? какъ будемъ мы разбирать: хорошо ли ведена комедія, какой общій ходъ ея, общее значеніе? Обращая все свое вниманіе на нравственную цѣль произведенія, г. Галаховъ забываетъ объ искусствѣ. Мало того, что въ комедіи лица вѣрно изображаютъ современные недостатки, надобно чтобъ эти лица и поступали какъ слѣдуетъ, чтобъ въ сношеніяхъ ихъ между собою была занимательность, въ событіяхъ пьесы—жизнь, однимъ словомъ, чтобъ была комедія, а не китайское драматическое представленіе, гдѣ дѣйствующія лица выходятъ съ ярлыками на груди, на которыхъ написано: я неучъ, я мотъ, я низкій человѣкъ, я завистникъ. Поэтому несправедливо мнѣніе критика, что главная задача исторической критики —указывать на содержаніе произведеній писателя по отношенію его къ общественной жизни. Этого недостаточно для полной оцѣнки писателя: необходимо также показать: въ какой степени удовлетворилъ онъ вѣчнымъ законамъ прекраснаго, высокаго и истиннаго въ искусствѣ, необходимо даже обратить вниманіе на форму, въ которой онъ выразилъ свои мысли, и рассмотреть въ какой мѣрѣ эта форма отвѣчаетъ требованіямъ эстетики.

Не понимаемъ также, отчего критикъ называетъ сатиру искусственнымъ родомъ поэзіи, тогда какъ она самый естественный родъ; порицать пороки такъ же свойственно человѣку, какъ и хвалить добродѣтель; одно непременно обуславливаетъ другое. Говоря, что сатира должна быть спокойна и безстрастна, какъ у Кантемира, критикъ забываетъ Ювенала и его слова: *Fecit indignatio versus.*

Почему также г. Галаховъ употребляетъ слово *мирика*, вмѣсто *миризма*, составленнаго по образцу комизма, драматизма и т. п.?

Всѣ высказанныя нами замѣчанія не мѣшаютъ однакожь этой статьѣ быть весьма интересной, и мы остались бы довольны ею, еслибъ въ ней не было даже ничего, кромѣ слѣдующей прекрасной и благородной мысли:

«Литература — и плодъ просвѣщенія и орудіе его; и мы желаемъ, чтобъ она, принимая на себя вліяніе общества, въ то же время дѣйствовала на понятіе и нравы общественныя, чтобъ публика находила въ ней не только свое изображеніе, но и наставленіе себѣ; чтобъ она учила эту публику не только тѣми способами, которыми владѣетъ искусство, но и тѣми, которые въ рукахъ у науки.»

Библиографическая хроника этихъ книгъ «Отечественныхъ Записокъ» составлена, какъ всегда, съ знаніемъ дѣла. Замѣчательнѣе другихъ из-

боры книгъ: «Бѣдность не порокъ», «Три поры жизни», «Сочиненія Воилярларекаго,»—въ разборѣ этой книги очень ясно и остроумно доказано, что издатель этихъ сочиненій г. К. П., приписываетъ уже слишкомъ много значенія покойному писателю, а самъ пишетъ очень напыщенно и плохо знаетъ русскую литературу; очень справедливъ также разборъ VII тома «Справочнаго Словаря» и показаны всѣ недостатки этого изданія. «Журналисткою» Отечественныхъ Записокъ мы менѣе довольны: она не всегда безпристрастна и пускается иногда несовѣмъ въ справедливыя сужденія. Такъ рецензентъ восторгается г. Тютчевымъ и недоволенъ стихотвореніемъ г. Майкова «Алкивиадъ», однимъ изъ лучшихъ и совершенно безукоризненныхъ произведеній этого поэта. О «Пантеонѣ» онъ отзывается тоже не совѣмъ благосклонно и обвиняетъ его между прочимъ за статью Кузена о маркизѣ Сабле, (помѣщенную у насъ въ отдѣлѣ «Современное») говоря, что Кузень приписываетъ ошибочно этой женщинѣ вліяніе на Паскаля. Еслибъ это и точно было несправедливое мнѣніе, за что же обвинять насъ въ томъ, что мы привели его? Въ «Современномъ» мы представляемъ извлеченія изъ всѣхъ любопытныхъ статей, появляющихся въ послѣдне-полученныхъ иностранныхъ журналахъ и не отвѣчаемъ за непогрѣшность высказываемыхъ въ нихъ мнѣній, вовсе не переведена, какъ утверждаетъ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ,» а извлечена изъ *четырехъ* огромныхъ статей, помѣщенныхъ въ *Revue des deux mondes*, въ этомъ онъ можетъ самъ удостовѣриться, сравнивъ нашу статью съ подлинникомъ. Не понимаемъ также почему взыскательному рецензенту вздумалось обратить строгое вниманіе на переводную статью и неговорить ни слова о другихъ оригинальныхъ и болѣе замѣчательныхъ. По поводу драмы г. Потѣхина «Братъ и Сестра» и «Муму» Тургенева, рецензентъ высказалъ много невѣрныхъ мыслей объ идеализаціи. Выпишемъ нѣсколько строкъ объ этомъ предметѣ изъ того же письма, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи.

«Что за толки появились у насъ объ идеализаціи и идеалахъ въ статьѣ Современника: «По поводу разсказовъ изъ простонароднаго быта», а въ Отечественныхъ Запискахъ по поводу «Брата и Сестры.» Первой статьи, признаюсь, я вполнину непонялъ, а во второй догадался, что критикъ хочетъ дать больше свободы воображенію писателей, будто бы стѣсняемому тѣмъ, что отъ нихъ требуютъ вѣрнаго изображенія дѣйствительности. «Не лучше ли, говоритъ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ,» допустить нѣкоторую идеализацію мысли, даже преувеличенную, нежели ограничить все достоинство произведенія точнымъ копированіемъ предмета?» Еслибы, принявъ это правило, пользовались имъ бла-

горазумно, не давая слишкомъ много воли воображенію, изъ этого могло бы выйти что нибудь хорошее; но кто поручится что будутъ пользоваться въ должной мѣрѣ этимъ правиломъ? Не довольно предложить, что такое-то убѣжденіе, при данныхъ обстоятельствахъ, развилось въ известной формѣ,—это не все, забыто главное: возможность развитія этого убѣжденія въ данное время, часто при самыхъ мелкихъ прозаическихъ условіяхъ жизни. Еслибъ я захотѣлъ, напримѣръ, представить какъ идея лѣни и неперемонности развивается въ моемъ провинціальномъ обществѣ, до какихъ ужасающихъ размѣровъ могу я довести свой идеаль... У меня есть, напримѣръ, образцы: дамы, ѣдущія въ нашъ театръ въ утреннихъ кофтахъ; если я пойду дальше, какъ этого требуетъ развитіе моей идеи—на чемъ я остановлюсь? Если допустить идеализацію мелкой жизни, изображаемую г. Потѣхнымъ, отчего недопустить идеализацію романовъ Поля Феваля? Отъ мелочей не трудно перейти къ общечеловѣческимъ вопросамъ, отъ узкихъ сценъ къ другимъ, послужнѣе. Сколько бы ни посмѣвался «Современникъ» надъ словами: истина въ искусствѣ, истина въ наукѣ, истина въ жизни,—а эти слова все-таки истина. Отчего же теперь отказываются отъ нихъ «Отечественныя Записки,» поставившія ихъ нѣкогда своимъ девизомъ? Къ чему описывать то, чего быть не можетъ? Романическихъ героевъ нѣтъ въ жизни, драмы—всѣ безъ словъ и безъ дѣйствія. Зачѣмъ заставлять крестьянъ говорить фразами, когда этихъ фразъ не говорятъ даже и другіе классы общества. Мнѣ скажутъ, что это «непосредственные натуры.» Но онѣ могли бы говорить такъ при известныхъ условіяхъ. Не говорятъ—стало быть не могутъ. Странно, что доводя все на свѣтѣ до послѣдней степени реализма, мы будемъ требовать идеализаціи характеровъ. Другая странность: современная критика какъ будто затрудняется рѣшить, въ чемъ состоитъ ея обязанность, что ей надобно дѣлать. Мнѣ кажется, что она должна поступать, какъ глава какой нибудь живописной школы: учениковъ посадить копировать съ натуры и требовать только вѣрности очерка, а мастеровъ оставить въ покоѣ. Трудъ ученика оцѣнится за художественность отдѣлки, за умѣнье отыскать жизнь въ простыхъ чертахъ, трудъ мастера повѣрится сравнительно съ работою учениковъ... Мнѣ кажется еще, что всѣ эти толки и требованія рецензентовъ явились оттого, что имъ стало скучно: однимъ читать, другимъ писать, и критика сама заказываетъ себѣ вопросы по службѣ. Было бы очень легко посмѣяться надъ драмами и повѣстями изъ купеческаго быта, вытѣсняющими теперь изъ нашей литературы описанія быта крестьянскаго. Купеческую комедію составить не трудно: какой нибудь юный, неоперившійся купчикъ, престарѣлый, мудрый

прикащикъ, дѣвица изъ непосредственныхъ натуръ, сваха, два десятка поговорокъ, пять разъ согрѣтый самоваръ, три французскіе слова на-выворотъ—и комедія готова. Все одни и тѣже матеріалы, одна и таже форма.»

Очень любопытны въ отдѣлѣ иностранной литературы двѣ статьи г. Кудрявцева о первыхъ жителяхъ Италіи и одна г. Грановскаго: «Новыя изслѣдованія о Сидѣ. Жаль только, что мѣстами у г. Кудрявцева попадаютъ въ языкъ не всегда легкомъ и ясномъ, выраженія неправильныя и неясныя. Такъ у него есть и *трезвенность* понятій, и *заносное* имя, *передвижка* народовъ, говоритъ *на вѣру* другимъ и проч., и фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Авторъ тѣмъ болѣе приближался къ Нибуру, чѣмъ далѣе простирался самъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.» «Этіологическій мифъ отличается отъ мифа въ собственномъ смыслѣ, потому что, не имѣя въ своей основѣ никакого идеальнаго представленія, беретъ свое начало отъ эмпирически даннаго, которое такимъ образомъ служитъ мотивомъ и вмѣстѣ главною темою для мифическаго разсказа, поставляющаго своею цѣлью объяснить его происхожденіе». (Этой фразы мы рѣшительно не понимаемъ). «Въ каждомъ языкѣ есть свои цвѣта (?) которые необходимо сообщаются и самимъ предметамъ видимымъ или понимаемымъ чрезъ ихъ посредство... Греческій духъ, поселившись въ римской исторіи, полонилъ самыя ея основанія.» Неужели нельзя избѣгнуть въ ученыхъ статьяхъ подобныхъ неуклюжихъ фразъ. Мы не можемъ также согласиться съ главнымъ положеніемъ этой статьи, исключавшей совершенно Пеласговъ изъ числа первобытныхъ жителей Италіи.

Новости литературы, искусствъ, наукъ и промышленности и Петербургскія замѣтки занимательны и разнообразны. Мы замѣтили только что въ послѣднихъ разборахъ комедіи *Ромуль*, приписываютъ ее Александру Дюма—сыну, а въ первыхъ подробно описывается, по какому случаю написалъ ее Дюма—отецъ. Въ іюньскихъ Новостяхъ разсказана жизнь новаго простонароднаго поэта, воронежскаго мѣщанина Ивана Никитина, и приведены девять его стихотвореній. Жизнь его довольно обыкновенна и изъ нее не видно, къ сожалѣнію, какъ образовалъ себя поэтъ-самоучка. Стихи его весьма замѣчательны, хотя ихъ и нельзя отнести къ собственно народнымъ стихотвореніямъ, каковы, на примѣръ, почти всѣ пѣсни Кольцова, поэта въ высшей степени національнаго, явленія исключительнаго въ нашей литературѣ, которому врядъ-ли суждено повториться. Въ стихѣ Никитина болѣе обработки; предметы, воспѣваемые имъ, принадлежатъ къ такимъ, которые не разъ воспѣвались другими поэтами, принадлежащими къ высшимъ общественнымъ

сословіямъ. Подъ стихами воронежскаго мѣщанина можно подписать имя любого изъ нашихъ начинающихъ поэтовъ, получившихъ энциклопедическое образованіе. Вотъ, напримѣръ, какъ начинается и оканчивается онъ одно изъ своихъ стихотвореній:

Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной,
 Неопытной рукой я струны пробуждалъ—
 И пѣсни грустныя какъ лучшій даръ небесный,
 Какъ драгоценный кладъ, тайлъ и сберегалъ.
 И странны мнѣ—языкъ двусмысленныхъ похвалъ,
 И толки смѣлые судей самолюбивыхъ...
 И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко-молчаливыхъ,
 Когда одинъ въ глуши, я пѣснь свою слагалъ.

Не правдали, вамъ не разъ случалось встрѣчать эту тему, эти жалобы у поэтовъ всѣхъ временъ и націй? Мы не хотимъ однакоже сказать этимъ, чтобы въ стихахъ Никитина не было истиннаго чувства, истинной мысли; и мысль и чувство проявляются, напротивъ, во многихъ изъ его произведеній, мы хотимъ только посовѣтовать ему быть какъ можно строже къ самому себѣ, при выборѣ стихотвореній для изданія отдѣльною книгою (о чемъ извѣщаютъ Отечественныя Записки.) Такъ, напримѣръ, мы довольны, что въ это собраніе не войдетъ «утро на берегу озера, какъ говоритъ тотъ-же журналъ, приводя это стихотвореніе. Стихъ въ немъ очень гладокъ, но содержаніе, заключающееся въ томъ, что въ одно ясное утро рыбаки поймали въ озерѣ много рыбы, слишкомъ пусто, что вѣроятно чувствовалъ и самъ поэтъ. Напротивъ, его «Вечеръ», при всей простотѣ антологическаго стиха, дышитъ неподдѣльнымъ чувствомъ; хороши также «Ночь и Дубъ», хотя послѣднее навѣяно нѣсколько Лермонтовымъ; это же вліяніе видно и въ «Ключѣ» оканчивающемся стихами, живо напоминающими «Три пальмы» Лермонтова.

Да вихоръ полдневный кружася столбомъ
 Заноситъ его раскаленнымъ пескомъ.

Мы бы совѣтовали исключить также изъ собранія стихотвореній «Весну на степи» какъ слишкомъ близкое подражаніе Кольцову «Сладость молитвы» проникнута также неподдѣльнымъ чувствомъ, но лучшимъ его стихотвореніемъ мы считаемъ «Поэту.» Приведемъ изъ него нѣсколько строкъ, чтобъ при заключеніи нашей статьи проститься съ читателями пріятнымъ впечатлѣніемъ.

Не говори, что жизнь ничтожна,
 Сперва въ глубокой тишинѣ

Не изучивши осторожно
Ея значенія вполне.

Взгляни кругомъ: не для тебя-ли,
Художникъ полный юныхъ силъ,
Дитя сомнѣнья и печали,
Весь міръ сокровища открылъ?

Пойми, что шепчетъ спѣлый колось,
И вѣтерокъ о чемъ шумить.
И не тебѣ ль ихъ чудный голосъ
О тайнахъ жизни говорить?

Нѣтъ, не суди о жизни строго,
Повѣрь прекрасное любя,
Ты въ ней всегда отъищешь много
Отрады новой для себя.

Умѣй изъ груди безобразной
Картину стройную создать,
И положить на слѣпокъ грязный
Живаго творчества печать—

И ты поймешь свое признанье
Въ минуты свѣтлаго труда,
И выше своего страданья
Себя поставишь на всегда...

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВІЙ. Изданіе А. Плюшара. С. Петербургъ, 1854. Въ 18 д. л. Томы I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII.

Имя А. Плюшара давно уже извѣстно читающему міру, и потому оно одно ручается, что изданіе, предпринятое А. Плюшаромъ, не можетъ быть не интересно и не полезно. Въ самомъ дѣлѣ, все, что было имъ предпринимаемо, всегда заключало или очевидную пользу, или всеобщій интересъ какъ для обыкновеннаго читателя, ищущаго пріятнаго развлеченія, такъ и для того, кто желалъ бы читать, чему нибудь научиться. Одно уже изданіе Энциклопедическаго словаря достаточно для извѣстности А. Плюшара, если бъ онъ и не предпринималъ другихъ, менѣе серьезныхъ изданій. И хотя это огромное и въ высшей степени полезное предпріятіе не увѣчалось успѣхомъ, однако

тѣмъ не менѣе вышедшіе томы могутъ служить донинѣ прекрасною настольною книгою для любознательнаго человѣка и по полнотѣ статей, и по тщательной ихъ обработкѣ. О «Живописномъ Сборникѣ» и говорить нечего: каждому извѣстно это изданіе. Г. Плюшаръ отлично умѣетъ принаравляться къ времени и къ господствующему вкусу публики, а въ этомъ и заключается главное достоинство каждаго издателя книгъ. Когда мода у насъ пошла на гг. Сю, Дюма, Февалей, г. Плюшаръ тотчасъ предпринялъ изданіе «Библіотеки романовъ», и напечаталъ въ ней всѣ многотомные романы Дюма и Комп. со всѣми безконечными ихъ продолженіями, всѣ новыя, раздирательныя произведенія Февала, и проч. Теперь эти длинныя сказки всѣмъ пріѣлись: публика хочетъ чтенія нѣсколько положительнѣе, она требуетъ не фантастическихъ исторій, а разсказовъ, исторически вѣрныхъ дѣйствительности. И вотъ г. Плюшаръ тутъ какъ тутъ къ ея услугамъ: онъ предпринимаетъ издавать «Библіотеку путешествій» и поступаетъ какъ нельзя лучше.

Теперь этой «Библіотеки путешествій» вышло уже восемь томовъ. Распространяться о пользѣ подобаго предпріятія было бы излишне. Изъ огромной массы читающей публики много людей, которые или не могутъ читать на иностранныхъ языкахъ, или не имѣютъ случая доставать дѣльныхъ книгъ; а между тѣмъ чтеніе статей, печатаемыхъ въ нашихъ современныхъ изданіяхъ, не для всѣхъ доступно и не можетъ вполне удовлетворять любознательности нѣкоторыхъ читателей, которые требуютъ не бѣглыхъ очерковъ, а положительныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Есть много людей, любящихъ собственно путешествія, и подобныя сочиненія не часто встрѣчаются ни въ журналахъ, ни въ отдѣльныхъ изданіяхъ.

Въ Библіотеку г. Плюшара входятъ описанія нашихъ русскихъ путешественниковъ, а также и иностранныхъ, и въ вышедшихъ восьми томахъ онъ помѣстилъ: Японію, Путешествіе Бурчеля во внутренность Африки, Два года плаванія вокругъ свѣта г. Блока, и Исторію кораблекрушеній. Надо однако же сказать правду, что все это болѣе или менѣе знакомо образованному міру, и если издатель предполагалъ, что переводы иностранныхъ путешествій не будутъ лишними, то ему не худо бы выбирать путешествія поновѣе. Конечно, прочесть поѣздку Бурчеля во внутренность Африки любопытно и то для того, кто не читалъ ла-Вальяна, однако странно какъ-то въ нынѣшнее время читать, что происходило въ этой части свѣта въ началѣ XIX столѣтія, когда съ тѣхъ поръ не только на мысѣ Доброй Надежды, но и далеко въ глубь страны произошли очень важныя перемѣны. Все идетъ впередъ, и человѣкъ созданъ съ тѣмъ стремленіемъ къ открытіямъ, которыя, на-

чиная съ незапамятныхъ временъ, даютъ такія важныя приложенія къ общественной жизни и служатъ человѣчеству въ различныхъ его потребностяхъ. Новыя путешествія, открытія новыхъ странъ теперь намъ интересны, а что дѣлалось въ какой нибудь землѣ сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, право, это не представляетъ особой занимательности. Впрочемъ, все-таки надо быть благодарнымъ г. Плюшару и за то, что онъ предпринялъ изданіе «Библиотеки путешествій» даже и при этихъ условіяхъ.

Первыя три части заключаютъ въ себѣ путешествіе Зибольда по Японіи и Корей, дополненное свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Путешествіе это, пріобрѣвшее всеобщую извѣстность, представляетъ много занимательнаго и для любознательнаго человѣка, и для любителя легкаго, пріятнаго чтенія. Край этотъ почти постоянно былъ запертъ для европейцевъ, по этому мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о немъ. Японія, какъ обособенное государство, по нравамъ и обычаямъ само по себѣ уже интересно, а такой наблюдательный путешественникъ, какъ Зибольдъ, смотрѣвшій на все разумнымъ взглядомъ, разумѣется, умѣлъ придать своему описанію все, что увлекаетъ читателя. Не говоримъ о географіи Японіи и Кореи — свѣдѣнія, сообщаемыя по этой части, очень полезны; но описаніе странъ малозвѣстныхъ, странъ, куда трудно проникнуть иноземцу, съ ихъ жизнью, нравами, обычаями и языкомъ—въ высшей степени занимательно. Путешествіе въ Японію составлено съ такою полнотою и добросовѣстной отчетливостію, что многимъ современнымъ путешественникамъ не мѣшало бы принять его за образецъ, и вмѣсто описаній кушаньевъ, подаваемыхъ въ гостиницахъ и тому подобныхъ предметовъ, обращать вниманіе на этнографію.

Интересно просмотрѣть главу: Языкъ Японскій, азбука, литература и поэзія. Разбирая пѣсни дикарей, этихъ простыхъ дѣтей природы, мы не такъ удивляемся, если встрѣчаемъ въ этой поэзіи прекрасныя мѣста, какъ удивляемся поэгической художественности въ пѣсняхъ народа, погруженнаго въ обскурантизмъ, но имѣющаго отрицательное просвѣщеніе. При очевидной нѣлпности нѣкоторыхъ японскихъ постановленій, нравовъ и обычаевъ, казалось бы и поэзія этого народа должна носить на себѣ отпечатокъ возмутительно-церемонный и невѣжественно-схоластическій. А между тѣмъ въ приведенныхъ отрывкахъ мы видимъ и свѣтлую мысль, и логическую послѣдовательность. Вотъ образчики японской поэзіи:

Аита кампен (или Канбѣ)

Карво мита кампен

Мамени бана сиво,
Итоси то кампей,
О ути сири тора,
Сакамаси кампей,
Секенни воруу кампей.

То есть, по-русски:

Сильно желаю
Видѣть твое лицо
И сказать тебѣ нѣсколько словъ;
Но надобно отказать себѣ:
Если узнаютъ какъ нибудь
Въ моемъ жилищѣ,
Что я говорила съ тобой,
Такъ жестокое гоненіе
Падетъ на вѣрно на меня,
И безъ сомнѣнія, добрая слава
Будетъ потеряна навсегда.

Въ IV и V томахъ «Библиотеки путешествій» помѣщено описаніе кругосвѣтнаго плаванія въ 1840—42 годахъ, русскаго военнаго транспорта Або, сочиненіе Г. К. Блока.

Цѣль путешествія транспорта Або состояла въ томъ, чтобъ отвезти изъ Кронштадта въ Камчатку, и именно въ Петропавловскій ея портъ, разныя необходимыя вещи.

Транспортъ отправился изъ Кронштадта 5 сентября 1840 года, заходилъ въ Копенгагенъ, Гельсиноръ, Портемуть, Тенерифъ и на мысъ Доброй Надежды, откуда, вмѣсто того, чтобъ пуститься обычнымъ широкимъ путемъ къ южному берегу Новой Голландіи и зайти на Вандименову землю или на восточный берегъ Новой Голландіи, въ Портъ-Джаксонъ, транспортъ Або предпринялъ кратчайшій, хотя и болѣе опасный путь—проливомъ Маллакскимъ, между полуостровомъ Маллакою и островомъ Суматрою, заходилъ въ Никобары, Пуло-Пенангъ, Сингапуръ и Маниллу, откуда прямо уже слѣдовалъ къ Камчаткѣ. Слѣдовательно авторъ этого путешествія могъ видѣть и наблюдать очень много новаго, интереснаго и, дѣйствительно, написанныя имъ двѣ книжки простымъ, но довольно живымъ языкомъ, читаются въ удовольствіемъ. * Конечно, есть у него и слабыя мѣста, какъ напримѣръ слишкомъ уже подробное описаніе экваторіальнаго праздника въ честь Нептуна, или

* Нѣсколько отрывковъ изъ этого путешествія были помѣщены въ «Пантеонѣ.»

теорія пассатныхъ вѣтровъ, прочитавъ которую незнакомый съ нею едва ли получить какія нибудь ясныя понятія; но говоря о мѣстахъ слабыхъ, справедливость требуетъ показать и лицевую сторону. Возьмемъ для примѣра хоть описаніе урагана на пути отъ мыса Доброй Надежды къ острову Суматрѣ:

— Насталъ вечеръ; вѣтеръ замѣтно усилился; воздухъ былъ невыносимо душливъ. При такомъ состояніи атмосферы, напитанной знойными испареніями малой широты, не было возможности дышать; мы видѣли что ночь предстояла дурная, но никто не догадывался до какой степени она будетъ ужасна... За часъ до полуночи вѣтеръ скрѣпчалъ; барометръ опустился 29, 62. Хотя въ это время мы шли подъ умѣренными уже парусами, но быстро возрастающая сила вѣтра все-таки заставила уменьшить площадь среднихъ парусовъ или «взять рифы.» Для подобныхъ авральныхъ работъ, весь экипажъ судна вызывается на верхъ. Едва лишь люди успѣли выбѣжать, какъ сильнымъ порывомъ вѣтра изорвало кліверъ; транспортъ бросился къ вѣтру и обезвѣтрилъ все паруса до такой степени, что необходимость заставила поворотить оверъ-штагъ на другой галсъ. Послѣ такого маневра приступили къ работѣ. Однакожъ снасти лопались, и вслѣдъ затѣмъ изорвало все три марсея. Хотѣли крѣпить паруса, но вѣтеръ, мгновенно поребѣжавъ отъ юго-востока чрезъ югъ къ западу, усилился до такой неимовѣрной степени, что безъ явной гибели людей ничего нельзя было сдѣлать. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, въ которые человекъ сознаетъ свое ничтожество.

Море и небо слились въ общій, непроницаемый мракъ; когда же онъ освѣщался фіолетовымъ свѣтомъ молніи (ревъ урагана и трескъ изорванныхъ парусовъ заглушали грохотъ громовыхъ ударовъ,) команда и офицеры являлись въ видѣ страшныхъ привидѣній, а клокочущая стихія казалась просто адомъ. Могучая стихія немилосердо бросала обезображенный транспортъ; онъ черпалъ бортами, нѣсколько разъ кормою, такъ что на палубѣ иногда было столько воды, что она, не успѣвая пробѣгать въ шпигаты, переливалась чрезъ бортъ. Милліоны свѣтящихся моллюсковъ блистали повсюду; горизонтальный ливень дождя, смѣшанный съ брызгами морской воды, казалось хотѣлъ залить транспортъ. Стѣнги, сломавшіяся какъ сухой тростникъ, повисли на такелажѣ и силою вѣтра держались на тѣпахъ мачтъ. Изъ этого можно заключить, какова была сила вѣтра! Такое положеніе длилось 2½ часа; наибольшее пониженіе, котораго достигалъ барометръ, было 29, 38; потомъ, мало по малу, онъ сталъ повышаться. Въ шестомъ часу занялась заря; вѣтеръ замѣтно стихалъ... Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что сдѣлалъ изъ нашего транспорта ураганъ. Если читатель въ состояніи предста-

вить себѣ судно въ величайшемъ безпорядкѣ, то и тогда онъ будетъ далекъ отъ истины. Все, что за нѣсколько часовъ было такъ красиво и стройно, все это теперь являлось обезображеннымъ въ высшей степени. Лоскутья парусовъ, недавно такъ величаво борющихся съ разъяренною стихіею, висѣли теперь какими-ти жалкими бахромками. Изъ такелажа неистовый ураганъ сдѣлалъ что-то въ родѣ разорванной паутины: такъ перепуталось все въ этой сумятицѣ!

17 сентября экипажъ увидѣлъ южный берегъ Камчатки, описаніе Петропавловскаго порта и тамошняго житья-бытья довольно любопытны.

— На другой день, (по прибытіи въ Петропавловскъ) часу въ 6 вечера, я собрался съ Т... на берегъ, съ исключительнымъ намѣреніемъ сдѣлать первый визитъ К. Подходя къ его дому, мы невольно припомнимъ предостереженіе А. Л., и мысленно съ нетерпѣніемъ приготовлялись удостовѣриться, до какой степени его слова были справедливы. Но вотъ мы въ прихожей, насъ просятъ въ залу. Здѣсь приняла насъ дѣвушка лѣтъ 19-ти съ открытымъ лицомъ, показывавшимъ доброту. Большіе черные глаза, темнорусые волосы, стройный станъ, густыя брови и рѣсницы—вотъ данныя, по которымъ можно представить особу, оказавшуюся одною изъ дочерей К. На наши вѣжливости и комплименты она отвѣчала непринужденно, мило и безъ всякой застѣнчивости. Не ожидая въ Камчатской барышнѣ встрѣтить развязность, которую она щеголяла, мы, сказать откровенно, кажется, не много смѣшались; (отъ чего же? Невольно вспомнишь стихъ изъ комедіи: Мы, флотскіе, отъ женщинъ далеки, :) однако тутъ-же оправились и не замедлили отрекомендоваться.»

Плаватели наши оставили Камчатку въ исходѣ ноября 1841, морозу на палубѣ было 6° реом. такой холодъ въ открытомъ морѣ, слишкомъ чувствителенъ.

Тутъ начался рядъ осеннихъ штормовъ, продолжавшихся около мѣсяца. Транспортъ держался въ это позднее время года на параллели 40°. Къ 25 декабря штормы прекратились, и съ новаго года «Або» пошелъ на югъ, по направленію къ мысу Горну. Съ приближеніемъ къ тропикамъ, чудное небо, умѣренный вѣтеръ, теплое солнышко вознаградили путешественниковъ за тяжелое плаваніе въ большихъ широтахъ.

15 марта плаватели прошли мысъ Горнъ въ широтѣ 58° 7' юж.; транспортъ окруженъ былъ албатросами, нетрелями и морскими ласточками (*Sterna stolidus*). Десятаго апрѣля пришли на Рио-жанейскій рейдъ, гдѣ оставались до 26 іюня, а 13 октября 1842, въ 10 часовъ вечера благополучно возвратились на малый кронштадскій рейдъ.

Къ этому сочиненію приложены 14 хорошо литографированныхъ рисунковъ и двѣ карты. Сверхъ того, въ концѣ V тома приложенъ указатель нѣкоторыхъ морскихъ словъ и терминовъ съ объясненіями, что будетъ не бесполезно для занимающихся переводами, въ которые входитъ иногда морская литература.

Авторъ въ предисловіи своемъ указываетъ на жестокіе промахи противъ морской терминологіи, въ которые впадаютъ переводчики и нѣкоторые литераторы, и за это мы должны быть очень благодарны. Есть у насъ нѣкоторые журналы, которые не прощаютъ человѣку промаховъ даже противъ *снобичности*, какъ они это называютъ, наприм., если онъ надѣлъ манишку, если фракъ у него сшитъ не у Шармера, если приборъ не на затылкѣ, такъ его чуть-чуть не лишаютъ человѣческаго достоинства, и тѣже самые господа очень равнодушно переносятъ промахи противъ чистоты и логичности языка. Они упрекаютъ г. Блока за то, что онъ указываетъ на выраженія въ родѣ слѣдующихъ: судно *отчалило*, вмѣсто *отвалило* отъ берега; мы плыли подъ *палаткою*, вмѣсто подъ *тентою*. Не все-ли равно, говорятъ они, что палатка, что тента? Да палатка еще лучше, это русское слово. Русское—то русское, но все-таки подъ *палаткою*, въ русскомъ ея значеніи, плавать нельзя, по чистой логикѣ подъ нею можно только спать. Это все равно, еслибъ кто сказалъ, вмѣсто—намъ подали супъ въ мискѣ или въ суповницѣ, —намъ подали супъ въ *горшкѣ*. Горшокъ гораздо болѣе русскій, чѣмъ миска и суповница, но супъ—то въ немъ на столъ не подаютъ.

Въ VI и VII томахъ помѣщены рассказы о кораблекрушеніяхъ, болѣе или менѣе извѣстные, но при всемъ томъ интересные, какъ предметы, способные всегда возбудить участіе въ читателѣ. Въ VIII томѣ заключаются эпизоды путешествія Бурчеля во внутренность Африки, о которомъ мы повторимъ сказанное выше: что подобныя описанія можно бы и не помѣщать въ Библиотеку путешествій, потому что, не смотря на нѣкоторую занимательность, оно можетъ служить только матерьяломъ для исторіи южной Африки.

Книга издана хорошо, напечатана на порядочной бумагѣ; переводъ не погрѣшителенъ, и, если встрѣчаются нѣкоторые промахи противъ языка, то гдѣ же этого не бываетъ? Желательно было бы, чтобъ въ послѣдующихъ томахъ Библиотеки издатель помѣщалъ путешествія современныя, въ которыхъ, кажется, нѣтъ недостатка, тѣмъ болѣе, что теперь много и нашихъ русскихъ путешественниковъ пишутъ интересныя записки, да и за границей выходятъ ежегодно книги, заключающія самыя интересные предметы въ этомъ родѣ.

II.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Неблагопріятное начало загородныхъ увеселеній.—Первый воздушный полетъ г. Регенги изъ сада минеральныхъ водъ.—Пріятное путешествіе въ облакахъ и непріятное на землѣ.—Преслѣдованіе воздушнаго экипажа на дорожномъ.—Нѣчто о различныхъ воздушныхъ развлеченияхъ, и одинъ маленькій рассказъ по этому случаю.—Воздухоплаватели Бельцони, мистеръ и мистрисъ Гоггъ.—Гулянье въ Летнемъ саду, подъ наименованіемъ, невѣдущимъ нынче значенія.—Дачные омнибусы и рѣчные невинскіе пароходы. — Начало представленій на Крестовскомъ острову, и воздушныя путешествія своего рода г. Вейнерта и дѣвцы Вейнертъ.—Усовершенствованіе дачныхъ сообщеній.—Дачная непринужденность и различныя выгоды.—Маленькій рассказъ о томъ, какъ иногда муха кажется слономъ. — Предсказательные стихи М. Ю. Лермонтова, написанные за тринадцать лѣтъ.—Пожертвованіе французовъ въ пользу русскихъ воиновъ.—Морская русская дружина и ея патриотизмъ.—Орель и Аккула.—Художественный листокъ и виды Одессы.—Стихотвореніе князя Вяземскаго.—Три русскія простонародныя картины.—Лотерея-аллегрї въ Петергофѣ и Павловскѣ. — Надежда Богданова.—Письмо, присланное въ Редакцію изъ Вѣны.—Новыя музыкальныя и хореографическія русскія надежды.—Турецкія знамена въ Петербургѣ.

Многіе жалуются, и весьма справедливо, что иногда фельетонисты газетъ и журналовъ, вмѣсто того, чтобъ занимать читателей новостями современными и интересными для каждаго, вдругъ начинаютъ вмѣсто нихъ распространяться о погодѣ, и не имѣя ничего болѣе новаго, даже заносятся иногда въ облака, и объясняютъ составъ ихъ и вліяніе на атмосферу, какъ будто вкусъ публики особенно склоненъ къ такимъ метеорологическимъ наблюденіямъ. Подобныя жалобы основательны, но иногда никакъ нельзя избѣжать такого общаго вступленія. Такъ и мы начнемъ нынѣшній нашъ вѣстникъ общимъ сѣтованіемъ на нашъ май, который, по справедливости, могъ назваться, въ нынѣшнемъ году, «карикатурой южныхъ зимъ». Почти съ первыхъ же дней, по вечерамъ бывало ощутительно холодно, и каждый день улицы наполнялись дождевыми потоками. Наконецъ погода какъ будто тронулась общимъ неудовольствіемъ, и двадцать девятое мая возшло безоблачно и ярко на петербургскомъ небѣ. Все встрепенулось и потянулось за городъ, по направленію разныхъ петербургскихъ концевъ. Извозчики, долго сидѣвшіе сгорбившись подъ своими кожаными покрывками, приободрились и повезли большую часть петербургской публики на острова, въ особенности въ Новую деревню, въ садъ Ивана Ивановича, такую многочисленную толпою, что, въ воскресенье вечеромъ рѣшительно нельзя было достать на биржахъ ни одной коляски и кареты; ихъ не было даже въ обѣихъ Конюшенныхъ, гдѣ всегда можно нанять нѣсколько десятковъ экипажей для желающихъ. Впрочемъ этакое рѣдкое обстоятельство можно объяснить объявленнымъ въ тотъ день, изъ сада Минеральныхъ водъ, воздушнымъ пу-

тешествіемъ въ заоблачныя страны, г. Регенти, которому ничто уже не могло мѣшать: ни дождевыя облака, ни дуновеніе вѣтра едва, едва шелестившаго древесными листьями. Послѣ пяти часовъ, огромный садъ г. Излера началъ наполняться зрителями, желавшими полюбоваться тѣмъ изобрѣтеніемъ ума человѣческаго, котораго первою виною была бѣдная сумасшедшая дѣвушка, желавшая полетѣть въ небо къ своему умершему жениху на мыльныхъ пузыряхъ. Монгольфьеръ, видѣвшій въ полѣ напрасныя ея попытки, началъ думать и наконецъ додумался до аэростата, и съ тѣхъ поръ человѣчество, которому какъ-то до сихъ поръ не удается придѣлать себѣ крылья, какъ Икару и Дедалу, путешествуетъ въ облакахъ подъ прикрытіемъ легкой шелковбй ткани. Въ шесть часовъ громадный аэростатъ началъ наполняться газомъ, а въ восемь отважный воздухоплаватель быстро отдѣлился отъ земли, и въ непродолжительномъ времени скрылся отъ глазъ, такъ, что около половины девятаго шаръ его казался величиною не больше, какъ въ мелкій арбузъ, то показываясь, то исчезая среди мелкихъ облаковъ. Напрасно публика Минеральныхъ водъ нетерпѣливо дожидалась г. Регенти до одиннадцати часовъ, чтобъ аплодировать его возвращенію; онъ не показывался, и только на другой вечеръ обычные посѣтители сада узнали о дальнѣйшихъ его приключеніяхъ.

Отважный воздухоплаватель пожелавъ продлить подолѣе свою заоблачную прогулку, пренебрегъ почти общепринятою привычкою оканчивать путь гдѣ нибудь по близости Лѣснаго Института, и спустился недалеко отъ имѣнія графини Левашевой, подъ названіемъ «Осиновая роща,» въ лѣсу деревни «Луполово», за тридцать веретъ отъ Петербурга, за третьимъ Парголовымъ. Болотистая мѣстность не позволила ему спуститься немного ближе, и онъ бросилъ якорь въ лѣсу, надѣясь зацѣпиться имъ за какое нибудь дерево, что и случилось. Увидя изъ шара нѣкоторыхъ крестьянъ деревни Луполово, г. Регенти началъ ихъ звать къ себѣ на помощь, но они, занятые работою, не обратили никакого вниманія на то, что происходитъ надъ ними, не услышавъ недолетѣвшихъ къ нимъ звуковъ его голоса. Тогда воздухоплаватель прибѣгнувъ къ однимъ собственнымъ своимъ средствамъ, вышелъ изъ лодки и цѣпляясь руками за канатъ, соскользнулъ по немъ на вершину дерева, съ него по стволу на землю, и началъ притягивать къ себѣ колебавшійся надъ лѣсомъ шаръ. Въ первыя минуты работа его шла успѣшно, но вдругъ сильный порывъ вѣтра помѣшалъ благополучному окончанію, шаръ снова приподнялся и подыалъ за собою на воздухъ г. Регенти, не выпускавшаго веревки изъ рукъ. Такого вторичнаго и невольнаго путешествія въ воздушныхъ странахъ, нашъ путешественникъ ни какъ не ожи-

далъ и могъ бы на долго получить отвращеніе отъ воздухоплаванія, еслибъ якорный канатъ не порвался и не освободилъ г. Регенти отъ неминуемыхъ непріятныхъ ощущеній. Онъ отдѣлался только поврежденіемъ кисти руки, перетертой въ трехъ мѣстахъ канатомъ. Не желая разстаться съ своимъ воздушнымъ экипажемъ, стоящимъ очень дорого и летѣвшимъ по волѣ вѣтра, г. Регенти пустился за нимъ въ погоню по землѣ, на телѣгѣ, нанятой на ближайшей станціи. Двадцать шесть верстъ скакалъ онъ за своимъ аэростатомъ, не теряя его изъ виду, и наконецъ доскакалъ до финляндской границы, гдѣ ожидалъ его новый камень преткновенія. Не думая нисколько пускаться въ предѣлы этой нашей сѣверной Швейцаріи, г. Регенти не имѣвъ съ собою узаконеннаго вида, долженъ былъ остановиться у пастора одной изъ граничныхъ деревень и его уже просить о дальнѣйшемъ преслѣдованіи аэростата для его отысканія. Пасторъ обѣщаль всякое съ его стороны содѣйствіе, но этого было недостаточно обезпеченному владѣтелю шара; онъ вытребовалъ официальное свидѣтельство отъ становаго пристава, и запасшись приличнымъ видомъ, отправился снова за своимъ скрывшимся воздушнымъ экипажемъ, который пойманъ за 120 верстъ отъ Петербурга. Многіе говорили, можно-ли послѣ такихъ непріятныхъ неожиданностей, снова ввѣрять себя прихотливой стихіи, ожидая каждую минуту какой нибудь катастрофы? Нѣкоторые, слышавшіе такое дѣльное замѣчаніе, приводили въ примѣръ одного моряка, у котораго кто-то спрашивалъ, гдѣ умеръ его отецъ?

— На кораблѣ, на морѣ, отвѣчалъ морякъ.

— А дѣдъ?

— Тоже.

— А прадѣдъ?

— Тоже.

— Какъ же послѣ этого тебѣ не страшно всходить на корабль? замѣтили ему.

Не отвѣчая прямо на вопросъ, отважный матросъ спросилъ въ свою очередь:

— А вашъ отецъ гдѣ умеръ?

— На постелѣ.

— А дѣдъ?

— Тоже.

— А прадѣдъ?

— Тоже на постелѣ.

— Какъ же, послѣ этого, замѣтилъ въ свою очередь морякъ, не страшно вамъ ложиться на постелѣ!

Чтобы, спрашивается, произошло со всеми открытіями, сопряженными въ своемъ началѣ съ опасностями, еслибъ любознательные изслѣдователи стали смотрѣть на несчастные примѣры, бывшіе съ ихъ предшественниками?—ровно ничего, и наши воздушные шары, будущность которыхъ и примѣненіе къ житейской и ученой пользѣ, еще неизвѣстны, остались бы тѣми же самыми мыльными пузырями, которые спускаютъ для забавы маленькихъ дѣтей. Притомъ, какъ иногда не пожертвовать и не пожелать рискнуть чѣмъ нибудь для новыхъ ощущеній, для новыхъ видовъ, которые можно и испытать, и видѣть въ горнемъ пространствѣ, когда самыя женщины бывають не прочь отъ воздушныхъ путешествій. Разказавъ о походахъ г. Регенти, позабавимъ нашихъ читателей также разказомъ, пришедшимъ намъ на память о воздушномъ путешествіи нѣкоего сеньора Бельцони и англійской путешествующей четы Гоггъ. Мы увѣрены, что этотъ коротенькій разказъ не можетъ имъ сильно наскучить.

Сеньоръ Бельцони, къ сожалѣнію, не очень извѣстный въ ученомъ мірѣ путешественникъ, отрывшій нѣсколько пирамидъ и издавшій свои записки о Египтѣ и истокахъ Нила, былъ прежде этого новаго своего ученаго, странническаго поприща, канатнымъ плясуномъ, и нѣсколько разъ тѣшилъ Мегмета-Али, прохаживаясь предъ нимъ на веревкѣ, натянутой между двумя верхушками пальмъ. Ремесло канатнаго плясуна очень трудно въ Египтѣ, подъ палящимъ солнцемъ, и Бельцони, упавъ раза два или три на землю, отказался отъ своихъ представленій. Ему оставалось одно изъ двухъ: или умереть съ голоду, или выдавать себя за человѣка ученаго, и толковать англичанамъ іероглифическія надписи, которыхъ онъ также непонималъ, какъ и другіе любопытствующіе. Бельцони рѣшился на послѣднее, какъ на занятіе самое выгодное, и скоро сошелся съ однимъ почтеннымъ джентельменомъ Гоггомъ, человѣкомъ очень богатымъ, пріѣхавшимъ въ Египетъ посмотреть на то мѣсто, гдѣ, по преданіямъ, должна была, въ старыя времена, возвышаться знаменитая александрійская бібліотека, сожженная Омаромъ. Однажды почтенный джентельменъ прочелъ въ какой-то англійской газетѣ о новомъ способѣ пріятно и комфортабельно путешествовать по песчанымъ пустынямъ Египта, не подвергаясь обыкновеннымъ земнымъ непріятностямъ пути. Для этого стоило только сѣсть въ воздушный шаръ, привязать его веревкою къ верблюду, привязанному въ свою очередь къ проводнику, обязавшемуся за извѣстную плату не знать ни голода, ни усталости. Гоггъ пришелъ въ восхищеніе отъ этого новаго рода дорожнаго экипажа, и тотчасъ же предложилъ Бельцони быть его товарищемъ. Ново-ученый италіанецъ еще очень хорошо помнившій всѣ опасности веревки, протянутой гори-

зонтально, улыбнулся при мысли, что ему придется, можетъ быть, узнать теперь также и все невыгоды веревки, спущенной вертикально, и объявилъ Гоггу, что онъ не можетъ взять мѣше тысячи фунтовъ стерлинговъ за честь и счастье подобнаго предложенія.

— Съ охотою согласенъ на такую ничтожную плату, отвѣчалъ Гоггъ: издержки нашего новаго путешествія будутъ такъ значительны, что требуемая вами сумма будетъ даже мною незамѣчена. Хлопочите только, чтобъ Вице-король выдалъ намъ надлежащія фирманы и разослалъ арабовъ до самыхъ Лунныхъ горъ, чтобъ они ожидали насъ въ разныхъ мѣстахъ съ запасомъ провизіи. Наконецъ нужно что бъ вы занялись верблюдами, чтобъ наша упряжка была безостановочна, и чтобъ насъ, въ каждомъ мѣстѣ, могла ожидать новая перемѣна.

— Мистеръ Гоггъ, отвѣчалъ Бельцони—слова ваши поселяютъ во мнѣ какую-то необыкновенную отвагу и вмѣстѣ съ нею смѣлость требовать у васъ еще тысячи фунтовъ стерлинговъ, чтобъ быть вполне достойнымъ вашимъ спутникомъ. Такой случай не представляется два раза въ жизни, и я намѣренъ имъ вполне воспользоваться. У меня въ Венеціи жена и трое дѣтей, добавилъ онъ, стараясь прослезиться.

Почтенный джентельменъ разчувствовался и согласился на все требованія.

— Вотъ планъ нашего путешествія, сказалъ онъ. Во-первыхъ, цѣль его должна быть серьезна потому, что я не хочу прогуливаться просто для удовольствія показывать себя страусамъ, крокодиламъ и ибисамъ. На насъ должна обратить вниманіе Европа, мы докончимъ подвигъ, предпринятый Муинго-Паркомъ, Причши, Брюсомъ, Росиньодемъ и многими другими. Мы должны непременно открыть начало Нила, не встрѣчая, какъ наши предшественники, неудобствъ отъ жаровъ, пыли, насекомыхъ и верблюжьихъ горбовъ. И такъ, мы откроемъ съ вами, во что бы то ни стало, начало Нила.

— Слѣдовательно, прервалъ Бельцони, это обстоятельство даетъ мнѣ право требовать съ васъ еще тысячу фунтовъ стерлинговъ, потому-что я буду единственнымъ ученымъ, участвующимъ въ этой знаменитой экспедиціи.

— Согласенъ, отвѣчалъ щедрый Гоггъ.

На устройство аэростата употреблено было три мѣсяца, и въ это время Бельцони занимаясь разными приготовленіями, не уставалъ также показывать другимъ англичанамъ извѣстныя всемъ пирамиды и продавать кусочки мумій. Въ назначенный день Бельцони, Гоггъ и его супруга, александрійская уроженка, полная, смуглая женщина лѣтъ тридцати, добившаяся чести участвовать въ ихъ подвигѣ, сѣли въ

лодку и поплыли по Нилу до туманных утесовъ Фила. Между Акмунаиномъ и Ассуаномъ была произведена первая проба воздухоплавания, и Бельцони, одаренный необыкновенною понятливостью, привелъ въ восторгъ супруговъ своими аэронавтическими свѣдѣніями. Гоггъ, садясь въ воздушную лодку, хотѣлъ распоститься было съ своею любопытною половиной, но она рѣшительно объявила ему, что бросится въ пасть крокодила, спавшаго не подалеку въ тѣни, если ей не будетъ уделено маленькаго мѣстечка. Дѣлать было нечего! Гоггъ учтиво подавъ руку своей отважной супругѣ, посадилъ ее близъ себя, приказалъ привязать безконечную веревку къ шеѣ верблюда, и шаръ величественно отдѣлился отъ земли. Какой восторгъ чувствовали мистеръ и мистриссъ Гоггъ, когда вмѣсто жара начало на нихъ вѣять прохладною облаковъ, а подъ ними открылись земная даль и сорокъ пирамидъ, которыя Геродотъ «Достоверный» соечиталъ на своихъ десяти пальцахъ. Дромедаръ бѣжалъ очень прилежно, и путешественники дѣлали миля три въ часъ. Къ вечеру они достигли уже до оазиса Белькъ-Алзира, служившаго граничною чертой между пространствомъ, покрытымъ растительностью, и тою глубокою лощиною, въ которой задохлись отъ вѣтра войска Камбиза.

Въ этомъ мѣстѣ проводники притянули путешественниковъ къ землѣ, и они провели ночь подъ палатками. На другой день, съ появленіемъ зари, шаръ снова поднялся такъ высоко, что все пространство Египта казалось какъ на ладони, а страусы меньше ласточекъ. Когда огромный обелискъ Нень-Ассуэна пересталъ отбрасывать отъ себя тѣнь, что означало полдень, Гоггъ, для препровожденія времени вынулъ карты и расположился было играть въ пикетъ, но внезапный порывъ вѣтра, унесшій половину колоды, уничтожилъ все его надежды; тогда благоразумный джентельменъ заблагоразсудилъ немного отдохнуть, и согнувшись клубкомъ, задремалъ на днѣ лодочки. Супруга скоро послѣдовала его примѣру. Лишившись ихъ пріятнаго общества, Бельцони, отъ нечего дѣлать, вздумалъ влюбиться въ мистриссъ Гоггъ, и тотчасъ же сочинилъ ей на лоскуткѣ бумаги приличный сонетъ, чтобъ вручить его при первомъ удобномъ случаѣ. Итальянцы не могутъ существовать безъ сонетовъ, это вещь извѣстная. Потомъ онъ началъ хлыстать орловъ, ксторымъ было очень любопытно узнать, что это за невиданная ими птица несется въ небесномъ пространствѣ.

Мистриссъ Гоггъ проснулась немного прежде мистера Гогга, и Бельцони, украсивъ уста свои вѣжливую улыбкою, поспѣшилъ вручить ей свое сердечное стихотворное признаніе, сонетъ, нацарапанный карандашемъ.

Мистриссъ Гоггъ прочитала стихотвореніе и извинилась, что не поняла.

ни строчки. Отважный итальянецъ взявъ руку г-жи Гоггъ и пожалъ ее съ нѣжностью. Испуганная этимъ пожатіемъ мистрисъ вскрикнула такъ, что мистеръ Гоггъ привскакнулъ на своемъ воздушномъ ложѣ. Мистеръ Гоггъ, нужно замѣтить, былъ ревнивъ какъ Турокъ. Протерѣвъ глаза онъ замѣтилъ сильное смущеніе итальянца и румянецъ цѣломудренной досады на загорѣлыхъ щечкахъ своей супруги. Сонетъ, лежавшій на кольцахъ ея, нетронутый вѣтромъ, объяснилъ ему всю исторію. Мистеръ Гоггъ завладѣлъ этимъ обличительнымъ актомъ, поспѣшилъ перевести его на англійскій языкъ, и произносилъ громко каждый стихъ, металъ негодующіе взоры на недостойнаго подоблачнаго искусителя. Бельцони, какъ преступникъ, сидѣлъ, потупя глаза. Въ умѣ оскорбленнаго джентельмена мелькала уже дуэль на благородномъ разстояніи. Устрашенная мистрисъ простерла свои руки къ землѣ, какъ бы желая просить защитить ея мужа и ея репутацію. Минута была торжественная, молчаніе роковое, вышина необъятная. Только нѣсколько орловъ, бороздившихъ пространство, были свидѣтелями этой воздушной сцены.

Сильное колебаніе шара воспрепятствовало окончательной вспышкѣ ревниваго мистера Гогга. Веревка натянулась и показывала, что путешественникамъ угрожала на землѣ какая нибудь опасность. Мистеръ Гоггъ спряталъ уголовный документъ въ свой портфель и выдвинувъ въ пять колецъ своей подзорной трубы, началъ разсматривать, въ какомъ положеніи могли находиться внизу ихъ дѣла.

Усмотрѣнное имъ привело его въ такой ужасъ, что дѣйствіе, произведенное сонетомъ Бельцони, было предъ нимъ только какъ капля въ морѣ. Проводникъ арабъ скрылся, и верблюдъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, стараясь спастись отъ преслѣдованія двухъ львовъ самой красивой и огромной породы.

— Мы погибли! вскричалъ мистеръ Гоггъ, передавая свой земной телескопъ своей супругѣ, которая скоро также поблѣднѣла, не смотря на всю свою смуглость. Бельцони, погруженный въ свою любовь, которая уже бросила глубокіе корни въ его сердцѣ (страсти быстро разыгрываются на азростатѣ — онъ тоже для сердца, что желѣзная дорога для земнаго пространства) Бельцони, сантиментальный какъ Петрарка, сочинялъ въ ту минуту новый сонетъ о блаженствѣ умереть вмѣстѣ съ мистрисъ Гоггъ и быть погребеннымъ съ нею въ одной могилѣ — въ чревѣ льва:

Nella stessa tomba colla mia Laura.

Львы скоро настигли верблюда, и вдругъ шаръ остановился въ небѣ, какъ мячикъ, пригвожденный шпилькою къ полу. Ощущеніе супру-

говъ было ужасно, они поминутно передавали другъ другу зрительную трубу, точно какъ театральные сосѣди, чтобъ посмотрѣть на какую нибудь знаменитую примадонну въ то время, когда она безмолвствуетъ. Бельцони, преданный только восторгамъ своей страсти, былъ такъ спокоенъ, какъ будто цѣлую жизнь провелъ во львиномъ рву.

Между тѣмъ, благодаря зрительной трубѣ, супруги Гогги могли замѣтить, что львы не тратили даромъ время, и казалось довольно долго находились въ пустынѣ на самой строгой діетѣ. Одинъ изъ этихъ звѣрей, вѣроятно самка, оторвавъ часть верблюда, удалилась съ нею, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ своему малолѣтнему семейству, квартировавшему въ пещерахъ Мокатана; другой левъ, спустившись на заднія лапы, какъ египетскій гранитный сфинксъ, преспокойно расположился предъ тремя оставшимися въ его собственность частями, и какъ голодный лазарони предъ блюдомъ макаронъ, началъ кусокъ за кускомъ, уничтожать упряжку аэростата.

— Что съ нами будетъ? вскричалъ мистеръ Гоггъ, цѣлуя свою mistress.

Бельцони пришла сильная охота сбросить счастливыхъ своихъ спутниковъ чрезъ край лодки, внизъ, ко льву, вмѣсто десерта послѣ верблюжьяго ростбифа.

— Этотъ обжора, продолжалъ пояснять свое положеніе мистеръ Гоггъ, обгложетъ нашего бѣднаго дремедара вплоть до послѣдней маленькой косточки, и вѣроятно употребить не одинъ день на то, чтобъ достигнуть конечнаго результата. Онъ будетъ убѣгать и потомъ обратно прибѣгать къ нему въ извѣстные часы, какъ къ какому нибудь ресторатору. Потомъ, когда провіантъ его кончится, какая участь ожидаетъ насъ? У насъ не будетъ провизіи, шаръ будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, какъ корабль на якорѣ, а если мы отрѣжемъ веревку, то вѣтеръ, Богъ знаетъ, куда можетъ занести насъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ, куда ни обернись, или пустыня, или горы. Нѣтъ никакой надежды на спасеніе! Видно начало Нила очень несчастливо, что и мнѣ даже не удается до него добраться!

Мистеръ Гоггъ разсуждалъ очень основательно, и показалъ въ эту минуту необыкновенную предусмотрительность. Апетитъ не можетъ существовать вѣчно даже у львиной породы. Левъ, проглотивши нѣсколько десятковъ кусковъ, и выпивши нѣсколько фунтовъ теплой крови, удалился, помахивая весело хвостомъ, потрясая самодовольно гривой, и оглашая пустыню звучнымъ рыканіемъ, точно какой нибудь гастрономъ, поющій веселую пѣсенку послѣ изяшнаго обѣда.

— Что вы объ этомъ скажете, господинъ Бельцони? вскричалъ мистеръ

Гоггъ, сжавши руками свою голову; ваше спокойствіе, просто, становитея для насъ оскорбительно. Какъ вы думаете, что мы должны дѣлать? Дайте намъ совѣтъ.

— Ахъ, произнесъ Бельцони съ протяжнымъ вздохомъ, жизнь потеряла для меня теперь всю свою прелесть, и мнѣ все равно, гдѣ бы не погибнуть, въ облакахъ или въ какомъ другомъ мѣстѣ. Ваше счастье мистеръ и мистрисъ уничтожаютъ меня, и я ничего не желалъ бы больше, какъ удушить обоихъ васъ въ моихъ объятіяхъ.

— Сжальтесь, по-крайней-мѣрѣ, хоть надъ этою бѣдной женщиной, которая дрожитъ и плачетъ, проговорилъ мистеръ Гоггъ.

— А знаете ли вы, мистеръ Гоггъ, возразилъ Бельцони, что я вѣдь тоже самъ теряю три тысячи фунтовъ стерлинговъ, обѣщанныхъ вами. Вѣдь это составляетъ семьдесятъ пять тысячъ франковъ. Сжальтесь и вы надо-мною.

Въ продолженіе этихъ разговоровъ наступила ночь, и слѣдовательно волею-неволею приходилось провести ее на томъ же самомъ мѣстѣ. Къ путешествовавшему подъ облаками тріо доносилось снизу рыканіе дикихъ звѣрей, вѣроятно также прибывшихъ къ трупу верблюда, чтобъ запасть приличною порціею. Бельцони, какъ будто какой гондольеръ на якорѣ передъ площадью Святаго Марка, преспокойно напѣвалъ сквозь зубы одинъ изъ многочисленныхъ сонетовъ Торквато-Тасса. Мистеръ Гоггъ, вооруженный длиннымъ шестомъ, отгонялъ орловъ, которые принимая азростать за гору, выросшую на облакахъ, угрожали проткнуть клювомъ оболочку и выпустить изъ шара газъ. Мистрисъ сидѣла согнувшись. Мистеру Гоггъ ночь эта показалась нескончаемою; впрочемъ, мистрисъ Гоггъ также всхрипнула часа два времени.

На другой день при блескѣ первой зари, съ помощію зрительной трубы, легко можно было разсмотрѣть все истребленіе, которое произвели цировавшіе на песчаной скатерти пустыни. Отъ огромнаго верблюда остались только небольшіе кусочки, и его скелетъ бѣлѣлъ на солнцѣ во всей своей отвратительной наготѣ. Гоггъ понялъ, что если не найдется какихъ нибудь новыхъ охотниковъ полакомиться верблюжьими костями, то шаръ ихъ очень легко можетъ уподобиться неподвижной планетѣ и остаться на одномъ и томъ же мѣстѣ неопредѣленное время, къ великому удивленію всѣхъ абиссинскихъ астрономовъ, потому что тяжелый остовъ верблюда крѣпко еще придерживалъ привязанную къ нему веревку, а сами путешественники никакъ не рѣшались спуститься на землю, опасаясь дикихъ звѣрей.

Къ довершенію всѣхъ несчастій, въ воздушномъ народонаселеніи возникли еще новыя неудовольствія, и самыя сильныя страсти были возбужде-

ны. Все народонаселение этой области, колеблемой вѣтромъ надъ львинымъ жилищемъ, состояло изъ двухъ мужчинъ, которые разъединивъ свой лагерь, готовились къ сраженію.

Бельцони, движимый чувствомъ мира и согласія, сдѣлалъ въ эту минуту мистеру Гоггу одно довольно странное предложеніе:

— Сэръ, сказалъ онъ: англійскіе законы дозволяютъ разводъ, не правда ли?

— Да, сеньоръ, отвѣчалъ Гоггъ.

— Такъ слушайте же: я согласенъ помочь вамъ въ этой неизбежной опасости, если вы письменно подтвердите этотъ актъ, который я составилъ нынче ночью при лучахъ мѣсяца.

— Что, не еще ли новую тысячу фунтовъ стерлинговъ желаете вы отъ меня получить? спросилъ мистеръ Гоггъ.

— О, гораздо ничтожнѣе этого. Я требую чтобъ вы развелись съ вашей неустрашимой супругой.

— Какъ! вскричалъ мистеръ Гоггъ такимъ голосомъ, какимъ зываетъ сосѣдъ къ сосѣду, прося его скорѣйшей помощи.

— Если вы будете колебаться, продолжалъ Бельцони, я обрѣжу веревку, и мы вѣ трое отправимся путешествовать на луну. Жизнь ваша виситъ на волоскѣ; видите ли этотъ острый ножъ? будьте увѣрены, что я нисколько не затруднюсь обратиться въ вашу Парку, и въ одну секунду перерѣжу веревку, нашъ единственный якорь спасенія.

Мистеръ Гоггъ схватилъ Бельцони за руку.

— А начало истока Нила, господинъ Бельцони? произнесъ онъ, а изслѣдованіе его теченія вплоть до моря?

— Я столько же забочусь объ истокъ и теченіи Нила, сколько о стаканѣ простой воды; если вы не обяжетесь хлопотать въ вашемъ парламентѣ о разводѣ, когда мы сойдемъ съ нею на землю, я прорываю шаръ.

— Онъ способенъ сдѣлать это! вскричала мистрисъ Гоггъ, утирая глазки. Пожертвуй собою для твоихъ дѣтей, милый, очаровательный Гоггъ, и позабудь обо мнѣ.

— Вы видите, замѣтилъ Бельцони, что разсудительная мистрисъ Гоггъ согласна на мое предложеніе.

— И, другъ мой, вмѣшалась воздушная путешественница, въ такомъ критическомъ положеніи на что не согласишься! Мы находимся въ двухъ тысячахъ тозахъ надъ нашими англійскими законами и надъ нашимъ гражданскимъ уложеніемъ.

Мистеръ Гоггъ требовалъ четверть часа на размышленіе. Бельцони вынулъ изъ кармана часы, и наклоненіемъ головы изъявилъ свое согласіе,

Черезъ четверть часа, мистеръ Гоггъ снова открылъ ротъ и возобновилъ разговоръ слѣдующими словами:

— Знаете ли, сеньоръ Бельцони, что требуемое вами отъ меня, можетъ назваться ужаснымъ требованіемъ.

— Такъ вотъ что, мистеръ Гоггъ, протянулъ Бельцони, раскрывая снова свой острый ножъ, вотъ все, что вы могли придумать въ продолженіе четверти часа. Повторяю вамъ, сэръ, что я безъ ума и люблю такую любовью, которая еще двѣ тысячи тоазовъ выше нашего мѣсто-пробыванія надъ землею и надъ уровнемъ какого вамъ угодно моря; я люблю такъ, какъ только слѣдуетъ любить среди облаковъ. Страсть эта, страсть непонятная для остальнаго человѣчества, слѣдовательно не старайтесь ей противиться. Подумайте еще не много, я человѣкъ великодушный; подумайте, также еще о томъ, что ваша жизнь съ этой секунды виситъ уже не на ниткѣ, а на слабой, прибавлю, самой слабой изъ паутиннокъ.

— Господинъ Бельцони, сказалъ Гоггъ, разчувствованный такимъ краснорѣчіемъ: вы требуете у меня того, что выше всѣхъ силъ человѣческихъ. Позвольте мнѣ снова навести васъ на путь чести и справедливости. Позвольте мнѣ прочесть вамъ только басню:

Два пѣтуха, въ одномъ селѣ...

— Ну васъ съ баснями, прервалъ сеньоръ Бельцони; я вамъ долженъ признаться, что вовсе до нихъ не охотникъ, мистеръ Гоггъ. Странно, что у васъ, господь англичанъ, только и исторій на языкѣ, что объ однихъ пѣтухахъ. Мы съ вами не пѣтухи, а люди, милостивый государь, а почтеннѣйшая миледи не курица.

— Прѣшу васъ уважать миледи, произнесъ мистеръ Гоггъ, не давъ Бельцони окончить, или иначе я васъ принужу къ тому.

— Я больше ничего и не желаю, отозвался Бельцони, котораго кротость начала разрѣжаться вмѣстѣ съ воздухомъ; нужно чтобъ споръ нашъ чѣмъ нибудь кончился, и пусть оружіе рѣшитъ его. Выбирайте свидѣтелей, часъ и мѣсто.

При этихъ словахъ мистрисъ Гоггъ съ отчаяннымъ крикомъ бросилась между обоими соперниками, какъ Герзилія между Таціемъ и Ромуломъ.

— Что вы предпринимаете, безумцы? вскричала она; у обоихъ васъ нѣтъ и сажени земли подъ ногами, а вы еще думаете о поединкѣ. Что же станется со мною, бѣдною женщиной, которой вовсе неизвѣстна эта воздушная область? Что будетъ со мною, когда вы оба падете мертвые?

Потомъ, ставъ предъ мистеромъ Гоггомъ на колѣни, мистрисъ Гоггъ произнесла самымъ нѣжнымъ и выразительнымъ голосомъ:

— Гоггъ, милый Гоггъ, докажи мнѣ послѣдній разъ любовь твою.

— Говори, приказывай, я повинуюсь, провозгласилъ восторженно мистеръ Гоггъ.

— Гоггъ, мы находимся въ самомъ ужасномъ положеніи!

— Какъ будто я этого невижу.

— Ты его не советъмъ еще такъ видишь какъ бы это слѣдовало, мой нѣжно-любимый Гоггъ. Насъ трое въ лодкѣ, въ которой иной разъ можетъ быть тѣсно и одному. Одинъ изъ насъ долженъ непремѣнно пожертвовать собою для счастія остальныхъ двухъ, и я выбрала для этого тебя, мой неоцѣненный Гоггъ.

— Меня! вскричалъ Гоггъ, и охотно бы отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, еслибъ только было мѣсто.

— Да, тебя, мой Гоггъ..

— О какія странныя рѣчи говорите вы мнѣ, сударыня, проговорилъ мистеръ Гоггъ, начинавшій выходить изъ себя при такомъ предложеніи.

— Не горячись, будь хладнокровнѣе, Гоггъ. Ты видишь, что я же вѣдь спокойна, а между тѣмъ я не болѣе какъ слабая женщина, заблудившаяся между двумя пустынями, земной и воздушной. Сейчасъ сеньоръ Бельцони высказалъ планъ, который величественнѣе и умнѣе всѣхъ вашихъ поисковъ начала Нила. Противиться этому значитъ дѣлать преступленіе противъ человѣчества. Вспомни, Гоггъ, что ты предсѣдательствуешь въ лондонскомъ Philantropic-Club, и что твой долгъ пожертвовать собою, какъ для насъ обоихъ въ особенности, такъ и для всего человѣчества вообще.

— Да, отвѣчалъ мистеръ Гоггъ, я точно президентомъ филантропическаго лондонскаго клуба, но я мизантропъ, какъ и всѣ англійскіе филантропы. Вамъ это очень хорошо извѣстно, сударыня. Вы знаете, что наше человѣколюбивое общество имѣетъ цѣлю облегчить участь бѣдныхъ дикихъ обитателей мыса Горна и Вандименовой земли, и что мы говоримъ по-крайней-мѣрѣ сто рѣчей въ мѣсяцъ въ пользу этихъ людоѣдовъ; но вамъ также извѣстно, что мы остаемся глухи и слѣпы къ участи восьмидесяти тысячъ женщинъ и дѣтей, которыя каждый день бѣгаютъ отъ London-Bridge до Kensington-Garden безъ подметокъ и безъ нравственности. Поэтому прошу васъ оставить ваши насмѣшки, мистрисъ Гоггъ; вы знаете очень хорошо, что у меня нѣтъ нисколько влеченія оказывать такія одолженія человѣческому роду.

— Тѣмъ хуже для васъ сэръ, произнесла сухо мистрисъ Гоггъ; да

точно я всегда знала васъ за эгоиста на землѣ, и къ сожалѣнію вижу, что вы и въ облакахъ нѣсколько не исправились.

— Повторяю вамъ, что продолженіе ваше неудобноисполнимо, вскричалъ мистеръ Гоггъ.

Миледи, прошу васъ выбросить эту мысль, вы знаете, что я не люблю раздоровъ.

— Еслибъ вы точно не любили ихъ, сэръ Гоггъ, вы бы уже давно выпрыгнули изъ лодки, и мы были бы покойны.

— Да, чтобъ умереть и задохнуться въ пескѣ, для вашего удовольствія, слуга покорный!

Послѣдовало минутное молчаніе.

Если бъ въ эту минуту, въ этой воздушной колоніи, составленной изъ тріо безъ всякой общественной гармоніи не была анархія, путешественники могли бы полюбоваться самымъ восхитительнымъ видомъ, потому что послѣдніе лучи догорающаго дня, слабѣя мало-по-малу, открывали миражи за миражами. Но все эти волшебныя картины Египта ускользнули отъ глазъ спорившихъ партій. Мистеръ Гоггъ походилъ на аэролитъ, онъ окаменѣлъ, и ему чудилось, что онъ упалъ съ луны и за что-то зацѣпился посреди дороги.

Новое обстоятельство воспрепятствовало окончательному рѣшенію вопроса. Провизія, взятая путешественниками, была ими окончена, и голодъ началъ сильно тревожить ихъ внутренность. Увы! сказалъ какой-то поэтъ, голодъ плохой совѣтникъ. Бельцони, обладавшій почти львинымъ аппетитомъ, прежде всѣхъ началъ жаловаться на свое положеніе.

— Сэръ Гоггъ, сказалъ онъ, прежде всего намъ нужно будетъ приняться за обѣдъ. Наше пребываніе здѣсь можетъ продолжиться, а вокругъ нѣтъ ни гостиницы, ни общественнаго рынка. Я самый сильтѣйшій, слѣдовательно вы останетесь самымъ слабѣйшимъ, и если теченіе дѣлъ не перемѣнится чрезъ сутки, я принужденъ буду сдѣлаться людоедомъ для поддержанія моего существованія. Завтра, если какой нибудь особенный случай не избавитъ насъ, я буду обязанъ пожертвовать вами, чтобъ накормить двухъ остальныхъ.

Мистеръ Гоггъ преклонилъ безмолвно голову, какъ дикій плѣнникъ на островѣ Рубинзона. Въ эту минуту на землѣ подъ ними проходилъ левъ, и его рыканіе прервало щекотливый разговоръ. Зрительная труба была снова направлена на обѣдки верблюда.

— *Tarde venientibus ossa!* таково было кажется разсужденіе львана на оставомъ дремадера. Впрочемъ льву оставался еще лакомый кусочикъ—это широкій ремень изъ невыдѣланной бычачьей кожи, къ которому была прикрѣплена крючкомъ веревка аэролата. Привлеченный его

запахомъ, левъ бросился на ремень и жадно, въ одинъ глотокъ, скрылъ его въ своемъ горлѣ, и вдругъ шаръ сильно заколебался. Причина скоро стала извѣстна. Четвероногий гастрономъ проглотилъ вмѣстѣ и желѣзный крючекъ, и такимъ образомъ попался, какъ обыкновенный пикарь, на удочку. Отчаянные скачки показывали львиныя страданія, и шаръ до этихъ поръ неподвижный, двигался то въ ту, то въ другую сторону, смотря по безотчетному бѣгу своего подавившагося путеводителя.

Тогда Бельцони схватилъ веревку и сильно потрясъ ее, какъ рыбакъ, почувствовавшій, что рыба зацѣпила крючекъ. Левъ метался во всѣ стороны, оглашалъ пустыню отчаяннымъ ревомъ и наконецъ, обезсиленный, рухнулъ всею своею тяжестью на песокъ.

— Теперь, произнесъ Бельцони, помогите мнѣ оба и присоедините ваши силы къ моимъ. Наши шесть рукъ что нибудь да сдѣлаютъ.

Надежда на спасеніе удвоила силу путешественниковъ, и левъ скоро началъ величественно отдѣляться отъ земли и наконецъ былъ приташенъ къ самому борту воздухоплавательной лодки. Отрѣзавъ ему лапы, Бельцони бросилъ остальное въ добычу коршунамъ, и вѣжливо сказалъ мистрисъ Гоггъ:

— Вѣтеръ дуетъ теперь по направленію къ Элефантинѣ, и потому позакусивъ немного нашей дичью, мы будемъ нынче ночевать подъ кровомъ Ассуанскихъ лагунъ.

И въ самомъ дѣлѣ, шаръ, который ничто уже не удерживало въ то время, когда три товарища сидѣли за дружескою трапезой, быстро разсѣкалъ воздухъ, и точно спустился къ вечеру въ оазисъ Ассуанскомъ или Сиенскомъ, среди мѣстъ обитаемыхъ.

— Мистеръ Гоггъ, сказалъ тогда Бельцони, протягивая руку своему спутнику, все это была одна шутка, извините: мнѣ было скучно посреди облаковъ и, послѣ того, какъ вѣтеръ вырвавъ у насъ карты, лишилъ насъ возможности играть въ шикетъ, мнѣ хотѣлось какъ нибудь коротать время, и вотъ придумалъ я шутку вмѣсто пикета. Вмѣсто ста цуэнъ на хвостъ, получите обратно отважную мистрисъ Гоггъ. Только вы, вѣроятно, изъ великодушія, прибавите мнѣ еще тысячу фунтовъ стерлинговъ. Гоггъ согласился. На другой день путешественники наши поплыли по Нилу, и спали преспокойнымъ сномъ вплоть до самыхъ Гизехскихъ пирамидъ. Но мы уже чрезъ-чуръ занялись воздушнымъ странствомъ, и потому будемъ продолжать о томъ, что происходило на землѣ.

Въ Духовъ день, въ Лѣтнемъ саду происходило гулянье, начало котораго относится къ первымъ порамъ существованія Петербурга, ко временамъ Петра Великаго. Благодаря прекрасной погодѣ, гуляющихъ была

бездна, и по широкимъ аллеямъ главной дорожки Лѣтняго сада едва можно было подвигаться впередъ, при звукахъ двухъ оркестровъ музыки. Въ прежнее время гулянье это имѣло большое значеніе; на немъ собиралась молодежь, высматривала себѣ невѣсть, разукрашенныхъ самыми дорогими вещами, и потомъ начиналось сватовство, кончавшееся бракомъ. Теперь цѣли этой не видно, но купечество гуляетъ въ этотъ день въ Лѣтнемъ саду по преданію и по тому странному влеченію, которое манитъ всѣхъ при извѣстїи, что тамъ будутъ невѣсты. Гулянье это между простонародьемъ донинѣ слыветъ подъ названіемъ «Выставка невѣсть.» Это было послѣднее городское гульбище и съ тѣхъ поръ дачныя, загородныя увеселенія вступили во всѣ права свои и умножились, благодаря, омнибусамъ, отправляющимся каждый день отъ Гостиного двора на Минеральныя воды, на Спасскую мызу, къ Лѣсному Институту и въ Полюстрово. Къ удобству недорогого сообщенія сухимъ путемъ присоединилось съ 15 числа и водяное сообщеніе на трехъ пароходахъ: Синавъ, Архимедъ и Карлзундъ, отправляющихся отъ пристани противъ Лѣтняго сада на Каменный островъ, Минеральныя воды и на Крестовскій, гдѣ также начались представленія семейства Вейнертовъ, особенно же ихъ восхожденіе по канату, протянутому отъ одной вершины сосны до другой. Въ этомъ году къ брату Вейнерту, прїобрѣвшему себѣ давно популарность у постоянной крестовской публики, подъ скромнымъ названіемъ Оськи, присоединилась нынѣшнее лѣто и молодая шеснадцатилѣтняя дѣвица Вейнертъ, неустрашимо бѣгающая на тонкой веревкѣ между землей и небомъ, въ ожиданіи извѣстности и крестоостровской славы. Не смотря на близкое любопытство англичанъ, острова и окрестности Петербурга также наполнены гуляющими, какъ и всегда, и этому не мало способствуетъ улучшеніе дорогъ, такъ напримѣръ, между Выборгскою заставой и Черною рѣчкой устроено прекрасное шоссе вмѣсто прежней то до чрезвычайности пыльной, то до крайности грязной, дороги, а во-вторыхъ, также сдѣлали новую улучшенную дорогу въ Коломяги, дачу графини Орловой-Денисовой, чрезъ которую лежитъ путь къ Парголому. Стоитъ только проѣхать вечеромъ по всѣмъ извиамъ Невы, омывающей острова, чтобъ убѣдиться, какъ петербургскіе жители жадно спѣшатъ насладиться короткимъ срокомъ, который удѣляетъ имъ лѣто и какъ они пользуются и тѣнистыми рощами, и свободою загородной жизни, уничтожающими половину докучнаго петербургскаго этикета и принужденности. Вездѣ есть своя поэзія, на дачахъ въ особенности. Сколько новыхъ знакомствъ можно свести подъ тѣнистымъ навѣсомъ деревъ, на маломъ пространствѣ, на которомъ тѣнятся всѣ дачники; сколько тайныхъ прогулокъ можно сдѣлать, не

будучи замѣченнымъ, и сколько шаговъ можно скрыть отъ докучливыхъ преслѣдующихъ васъ въ городѣ взоровъ пріятелей и знакомыхъ. На дачахъ больше чѣмъ въ городѣ начинается и оканчивается и смѣшныхъ, и трогательныхъ исторій; сколько знакомствъ оканчивается замужествомъ, и сколько подозрѣній, ни на чемъ не основанныхъ, поражаютъ между влюбленными разныя дачныя льготы. Расскажемъ при этомъ нашимъ читателямъ маленькое дачное происшествіе, принадлежащее къ послѣднему разряду.

Анна Дмитріевна (что нужды до ея фамиліи) могла считаться одною изъ самыхъ красивыхъ и любезныхъ женщинъ Петербурга, тѣмъ болѣе, что была вдова, имѣла не болѣе двадцати двухъ, трехъ лѣтъ, и соединяла въ своемъ характерѣ и живость италіанки, и пылкое чувство андалузки, и неуловимую грацію парижанки. Горе не надолго западаетъ въ молодое сердце, жаждающее впечатлѣній, и потому погрузивъ годъ, другой, Анна Дмитріевна стала позабывать о своемъ пожитомъ супругѣ, и снова пустилась въ свѣтъ, въ которомъ она, по своему состоянію и красотѣ могла быть лучшимъ украшеніемъ. Но между тѣмъ, предавшись шумнымъ развлечениямъ, благоразумная Анна Дмитріевна не позабыла, что она еще довольно молода, чтобъ оставаться безъ путевода, что одной ей нельзя выѣзжать въ многолюдныя собранія, и потому упросила своего дядю переселиться жить въ ея домъ.

Аверкій Ильичъ Гурлашовъ былъ старый холостякъ, который во всю свою жизнь не чувствовалъ ни къ кому любви и привязанности, кромѣ собственной своей неподвижной и лѣнливой персоны. Онъ любилъ свою особу больше всего на свѣтѣ, и если когда нибудь и случилось ему чувствовать къ кому нибудь какое либо влеченіе, то это случилось вѣроятно потому, что люди эти умѣли потворствовать его пріохотямъ и въ особенности странностямъ, изъ которыхъ главная была воображаемый постоянный какой нибудь недугъ. Аверкій Ильичъ былъ глубокой эгоистъ въ душѣ, но эгоистъ хорошаго тона, всегда показывающій видъ, что онъ готовъ на разныя жертвы, на разныя угожденія, дѣлая между тѣмъ только то, что было угодно ему и что ему нравилось. Слишкомъ лѣнливый и безпечный, чтобъ быть способнымъ сдѣлать кому нибудь зло, онъ также былъ мало расположенъ и къ добру, если только результаты не могли быть для него выгодны. Наконецъ, чтобъ очертить вполне почтенную особу Аверкія Ильича Гурлашова, нужно будетъ прибавить, что онъ любилъ до крайности спокойствіе и комфортъ и всѣ тѣ мелочи жизни, которыя дѣлаютъ ее веселою и пріятною.

Любя удовольствія и развлечения, которыя доставались ему безъ

всякаго труда, Аверкій Ильичъ возилъ всюду свою племянницу; впрочемъ, когда получалось приглашеніе отъ какого нибудь семейства, гдѣ Гурлашовъ полагалъ не слишкомъ весело провести время, то онъ начиналъ вертѣться около Анны Дмитриевны и говорилъ:

— Я опасуюсь, не будешь ли ты скучать на этомъ вечерѣ... тамъ, вѣроятно, никого не будетъ съ кѣмъ бы ты могла пріятно провести время. Тебя навѣрно засадятъ играть въ карты; впрочемъ, дѣлай, какъ тебѣ угодно; ты знаешь съ какою охотою я готовъ ѣхать, куда ты прикажешь; только право, я опасуюсь, чтобъ не нашла тамъ на тебя тоска...

И Анна Дмитриевна, имѣвшая къ старому холостяку полную довѣренность, начинала раздумывать, убѣждаться его, по-видимому, чисто-сердечнымъ замѣчаніемъ и отвѣчала:

— Вы правы, дядюшка, я думаю, что мы лучше сдѣлаемъ, когда не поѣдемъ на этотъ вечеръ.

Такъ поступалъ Аверкій Ильичъ во всемъ, и будучи отъ природы страшнымъ обжорой, хотя и не показывая этого, вмѣшивался даже въ домашнія хозяйственныя распоряженія. Чуть только переставалъ ему нравиться столъ, онъ тотчасъ начиналъ замѣчать Аннѣ Дмитриевнѣ:

— Милый другъ, ты очень хорошо знаешь, что я не прожора, и очень мало забочусь о томъ, что будетъ подано къ обѣду; что мнѣ подадутъ, то я и ѣмъ; только нужно тебѣ признаться, что твой поваръ началъ съ нѣкоторыхъ поръ вѣчно все пересаливать. Соленыя кушанья очень нездоровы для молодой женщины, и притомъ всѣ эти кушанья дѣлаются у тебя какъ-то очень небрежно, и я постоянно краснѣю за тебя, когда кто нибудь у насъ обѣдаетъ. Въ послѣдній разъ, припомни, какъ была пережарена дичь. Нельзя терпѣть подобныхъ безпорядковъ. Есть люди, которые замѣчаютъ малѣйшія вещи и потомъ разносятъ молву, которая не дѣлаетъ чести хозяйкѣ.

Анна Дмитриевна задумывалась; ей начинало казаться самой, что въ самомъ дѣлѣ все съ нѣкоторыхъ поръ было какъ будто солоно, и она говорила Гурлашову:

— Вы правы, дядюшка, мнѣ это самой теперь кажется; какъ я до сихъ поръ этого не замѣчала! Точно, нужно перемѣнить повара, но гдѣ найти хорошаго? вотъ въ чемъ одно только затрудненіе. Не примите ли вы на себя этотъ трудъ, любезный дядюшка?

— Для тебя я готовъ на все, милый другъ; ты знаешь, что я нисколько не лѣнивъ, отвѣчалъ Гурлашовъ: для тебя мнѣ легокъ самый яжкій трудъ.

Анна Дмитриевна приходила въ восторгъ, и цѣлуя соломовидные, рѣдкіе волосы услужливаго дядюшки, твердила съ благодарностью:

— Ахъ, милый дядюшка, какъ я счастлива, что вы живете со мною; я прошу васъ, съ этихъ поръ, наблюдать за всѣмъ моимъ домомъ, всѣмъ распорядиться.

— Будь покойна, прерывалъ Аверкій Ильичъ; ты знаешь, что для тебя я готовъ въ огонь и въ воду.

И въ самомъ дѣлѣ, Аверкій Ильичъ страховалъ съ себя свою непотѣрную дѣнь, рѣшался разставаться съ мягкими подушками и начиналъ дѣйствовать. Поваръ былъ перемѣняемъ, и на мѣсто его являлся новый, прекрасно приготовлявшій замороженный пуншъ и фрукты на французской водкѣ, до которыхъ почтенный дядюшка былъ большой охотникъ.

Не проходило недѣли, чтобъ у внимательнаго дядюшки не раждались какія нибудь новыя улучшения для пользы племянницы. То оказывалось, что нужно срубить въ саду деревья, заслонявшія своею тѣнью окно спальни стараго холостяка, которые производили, по словамъ его, сырость, вредную для здоровья Анны Дмитриевны; то оказывалась надобность перемѣнить новую прекрасную коляску на ландо, экипажъ, въ которомъ гораздо спокойнѣе ѣздить молодой женщиной. Нисколько не подозрѣвая, что Аверкій Ильичъ хлопочетъ только о самомъ себѣ, Анна Дмитриевна соглашалась на все и притомъ еще благодарила милаго дядюшку за его нѣжныя попеченія.

Анна Дмитриевна была немного кокетлива, какъ и всѣ молоденькія хорошенькія женщины. Привыкнувъ съ давняго времени къ пламеннымъ взлядамъ, къ льстивымъ рѣчамъ и къ внимательному угожденію, она насмѣшливо слушала многочисленныя объясненія и отсылала всѣхъ искателей ея руки къ почтенному дядюшкѣ съ замѣчаніемъ:

— Прежде, чѣмъ я могу вамъ подать какую нибудь надежду, я желаю знать понравится ли вы моему дядюшкѣ. Я такъ привыкла во всемъ ему вѣрить, что его выборъ будетъ и моимъ выборомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Анна Дмитриевна отвѣчала бы совершенно иначе, еслибъ ея сердце само избрало кого нибудь и отдало ему предпочтеніе, но молодая вдова до тѣхъ поръ все еще только желала всѣмъ нравиться, не теряя своей независимости.

Съ своей стороны старый холостякъ, овладѣвшій своими мнимыми угожденіями волею и всѣмъ домомъ Анны Дмитриевны, нисколько не желалъ, чтобъ племянница вторично наложила на себя брачныя узы. У него могъ появиться племянникъ, который, со временемъ, могъ сдѣлаться не такъ снисходителенъ и уступчивъ, какъ Анна Дмитриевна, и

вотъ почему Аверкій Ильичъ никогда не пропускалъ случая отыскать какой нибудь важный недостатокъ у каждаго новаго искателя сердца и руки племянницы. Одинъ оказывался, по его отзыву, человѣкомъ слишкомъ грубаго и строгаго характера, который нисколько не могъ служить къ счастью Анны Дмитриевны; другой, по его наблюденію, имѣлъ большую склонность къ карточной игрѣ и могъ, когда нибудь, разсчитывая на хорошее состояніе жены, сдѣлать какую нибудь непростительную ошибку; третій былъ слишкомъ внимателенъ ко всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, и врядъ ли могъ когда исправиться отъ этой непростительной для мужа слабости; четвертый имѣлъ сильную склонность къ брѣшкымъ напиткамъ (тутъ даже дядюшка позабывалъ о своей собственной любви къ развлеченіямъ подобнаго рода) однимъ словомъ, каждый изъ влюбленныхъ въ Анну Дмитриевну былъ очень вѣжливо и очень тонко отдаляемъ отъ молодой вдовы, причемъ Аверкій Ильичъ вполне доказывалъ истину стариннаго замѣчанія, что хитрость и клевета, до ихъ обнаруженія, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣнить пустому человѣку умъ и проницательность. Послѣ каждаго отзыва, холодная какъ мраморъ, Анна Дмитриевна, принималась цѣловать соломенновидные, рѣдкіе волосы дядюшки, дѣйствовавшаго, по ея убѣжденію, единственно только для ея счастья и существенныхъ выгодъ. Простодушная вдовушка нисколько не подозрѣвала, что почтенный и обязательный дядюшка въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, былъ человѣкомъ такъ, себѣ на умѣ.

Нужно замѣтить при этомъ, что кромѣ эгоизма и обжорства, въ почтенномъ дядюшкѣ родилась съ нѣкотораго времени еще одна новая страсть, страсть къ бостону вдвоемъ, игрѣ давно брошенной и развѣ играемой гдѣ нибудь въ провинціи старосвѣтскими записными игроками. Игра эта начала сильно занимать Аверкія Ильича и сдѣлалась любимымъ его препровожденіемъ времени, но къ сожалѣнію ему почти всегда приходилось едва ли не играть одному, потому что, если кто дерзалъ соглашаться сдѣлать ему партію, то былъ уже осужденъ провести цѣлый вечеръ въ одномъ его сообществѣ. Дядюшка обращался иногда въ настоящую липкую смолу, и такъ привязывался къ снисходительному своему партнеру, что не было никакой возможности, хотя одну минуту провести съ Анной Дмитриевной. По этому-то Аверкій Ильичъ рѣдко кого завлекалъ въ свои сѣти; посѣтителі старались убѣгать его всѣми хитростями и уловками, и почтенный дядюшка принужденъ былъ зѣвать и вздыхать, тщетно ожидая по цѣлымъ вечерамъ, предъ открытымъ столомъ, какаго нибудь вѣжливаго и добровольнаго страдальца.

Чтобъ угодить чѣмъ нибудь, съ своей стороны, угодливому дядюш-

кѣ, Анна Дмитріевна вѣсколько разъ пыталась учиться любимой игрѣ Аверкія Ильича, но при всемъ своемъ желаніи, никогда не могла угодить ему. Она была то слишкомъ разсѣяна, то слишкомъ самонадѣянна и часто, не смотря на неминуемые ремизы, перебивала у дядюшки самыя вѣрныя игры. Старый холостякъ едва удерживалъ справедливый гнѣвъ свой. Анна Дмитріевна наконецъ замѣтила это дурное расположеніе духа Аверкія Ильича и чистосердечно призналась ему:

— Ну, дядюшка, какъ вамъ угодно: сердитесь или нѣтъ, а я не въ состояніи понять вашего бостона.

— Тѣмъ хуже, другъ мой, отвѣчалъ Аверкій Ильичъ, потому что эта игра очень бы могла развлечь тебя, и я самъ выучился играть въ нее единственно для того, чтобъ доставить тебѣ еще какое нибудь новое удовольствіе; ты знаешь, что я самъ никогда не любилъ картъ: эту жертву я принесъ только для тебя.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда однажды, на одномъ многолюдномъ блестящемъ вечерѣ, хозяйка объявила Аннѣ Дмитріевнѣ, что желаетъ познакомить ее съ однимъ своимъ дальнимъ родственникомъ морякомъ, командовавшимъ фрегатомъ, и только что возвратившимся въ Петербургъ изъ дальняго морскаго путешествія.

Анна Дмитріевна представляла себѣ будущаго, новаго знакомаго человѣкомъ строгимъ, молчаливымъ, прокопченнымъ пороховымъ и табачнымъ дымомъ, довольно преклонныхъ лѣтъ, но каково же было ея удивленіе, когда предъ нею явился человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, красивый собою, высокій, стройный, ловкій. Будемъ называть капитана искомымъ алгебраическимъ X. Капитанъ X. рано вышелъ въ офицеры, и лѣтъ двѣнадцать бороздилъ воды всѣхъ семи русскихъ морей. Онъ имѣлъ обезпеченное состояніе, но никогда не думалъ сдѣлаться семьяниномъ, почитая чувство любви недостойнымъ званія отважнаго, вѣчно странствующаго моряка.

Всмотрѣвшись пристально въ Анну Дмитріевну, капитанъ началъ вдругъ сознавать, что прежнее его убѣжденіе было не совѣмъ справедливо, и въ его всегда спокойномъ и ровно быющемъ сердцѣ произошла вдругъ удивительная перемѣна. Слѣдя за группою танцующихъ, онъ внимательно вглядывался въ каждое движеніе Анны Дмитріевны, удивлялся ея граціозности и наконецъ, не имѣя силъ преодолѣть овладѣваго имъ любопытства, спросилъ у одного изъ окружавшихъ его.

— Позвольте спросить, кто эта молодая дама?

— Это вдова, Анна Дмитріевна Z. Не правда-ли, прехоршенькая женщина, капитанъ?

— Да, признаюсь, точно очень хороша!

— Прибавьте къ этому, что столько же умна, сколько хороша; пригласите ее танцовать, и вы сами въ томъ увѣритесь.

— Чтобъ я ее пригласилъ танцовать! возразилъ капитанъ, это вещь совершенно невозможная.

— Почему?

— По десяти причинамъ. Первая та, что я неумѣю танцовать; всѣ слѣдующія того же рода.

— А! ну, тогда, разумѣется, другое дѣло!

Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни капитанъ пожалѣлъ немного о томъ, что всегда презиралъ этимъ свѣтскимъ искусствомъ. Онъ кружился около молодой женщины и выискивалъ какой нибудь предлогъ чтобы завязать съ нею разговоръ. Напрасныя надежды! Едва только капитанъ думалъ, что предлогъ къ началу знакомства былъ имъ найденъ, къ Аннѣ Дмитріевнѣ подходилъ какой нибудь кавалеръ и увлекалъ въ танцы.

— Право досадно, что я не умѣю танцовать, ворчалъ съ досадою капитанъ, подавляя невольный вздохъ и кусая чуть ли не до крови губы. Такъ прошелъ цѣлый вечеръ. Не имѣя случая говорить съ молодою вдовушкой, морякъ не переставалъ преслѣдовать ее взглядами и съ каждою минутой находилъ въ ней новыя совершенства.

Отъ Анны Дмитріевны не скрылись эти преслѣдованія капитана; женщины очень скоро замѣчаютъ всѣ благопріятныя впечатлѣнія, произведенныя ими на чье нибудь сердце, но между тѣмъ, слѣдуя принятой всѣми тактикѣ, она непоказала ни малѣйшаго вида, что обратила также и сама вниманіе на моряка, и была очень, очень довольна выражаемымъ имъ увлеченіемъ, тѣмъ болѣе, что она разслушала слова, сказанныя кѣмъ-то изъ гостей ея дядюшкѣ.

— Капитанъ никогда не бываетъ любезенъ и отдалается отъ женскаго общества; никто еще не замѣчалъ чтобъ какая нибудь изъ женщинъ могла понравиться этому холодному человѣку.

— Тѣмъ лучше, подумала просебя Анна Дмитріевна; меня очень будетъ забавлять его страсть.

Прежде встрѣчи съ молодою вдовой капитанъ рѣдко посѣщалъ многолюдное общество, особенно балы, наводившіе на него скуку, и вдругъ вкусъ его совершенно перемѣнился. Онъ сдѣлался человѣкомъ совершенно свѣтскимъ, и не пропуская ни одного спектакля, ни одного собранія, ни одного гулянья и вечера, на которыхъ могъ встрѣтиться съ Анной Дмитріевной. Наконецъ ему удалось съ нею сблизиться, и застѣнчивый капитанъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ быть разговорчивымъ и любезнымъ.

Такая разительная перемена въ характерѣ и привычкахъ капитана скоро была замѣчена досужими, наблюдательными людьми; постоянное вниманіе его къ Аннѣ Дмитриевнѣ удивило всѣхъ и каждого, и тогда всѣ начали нашептывать ему:

— Берегитесь, не увлекайтесь слишкомъ: эта молодая вдовушка большая кокетка: она будетъ забавляться вашимъ чувствомъ и потомъ надсмѣется надъ вашими вздохами.

Анну Дмитриевну также не преминули предупредить по чувству искренней дружбы.

— Этотъ капитанъ преоригиналъ, говорили ей пріятельницы: настоящий медвѣдь, человѣкъ грубый, нелюдимый, взыщливый, который дымить табакомъ какъ печная труба; вамъ никогда не удастся преобразовать его, не смотря на всѣ ваши усилія.

Но между тѣмъ, не смотря на эти человѣколюбивыя предостереженія, быть можетъ, сдѣланныя единственно изъ ревности и зависти, медвѣдь и кокетка продолжали встрѣчаться другъ съ другомъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Чуть только капитанъ выходилъ изъ круга принятыхъ условій, Аннѣ Дмитриевнѣ стоило немного наморщить брови, и отважный морякъ потуплялъ глаза, останавливался посреди разговора и не смѣлъ продолжать; такъ онъ опасался увидѣть предъ собою недовольное личико хорошенькой вдовы. Однимъ словомъ съ каждымъ днемъ любовь дѣлала въ капитанѣ новыя свѣтскія усовершенствованія.

До слуха дядюшки дошли наконецъ кое-какія вѣсти о новой побѣдѣ, сдѣланной его племянницей; но почтенный Аверкій Ильичъ ни мало не думалъ беспокоиться о послѣдствіяхъ, полагая что участь этого новаго вздыхателя будетъ похожа на участь всѣхъ прочихъ его предшественниковъ, и что ему также будетъ легко отдалить капитана отъ Анны Дмитриевны, какъ удавалось отдалять другихъ поклонниковъ ея красоты. Между тѣмъ свиданія дѣлались все чаще и чаще, и однажды Анна Дмитриевна объявила Гурляшову, что она пригласила капитана къ себѣ на вечеръ. Себялюбивый холостякъ чуть не высказалъ всего своего внутренняго гнѣва, и ворча сквозь зубы замѣтилъ племянницѣ:

— Ты сдѣлала непростительную ошибку, моя милая, поступивъ такъ не посоветовавшись со мною. Мнѣ говорили о капитанѣ какъ о человѣкѣ грубомъ, скучномъ, спорливомъ; я ни съ кѣмъ не видалъ его кромѣ какъ съ тобою, постоянно за твоимъ стуломъ. Онъ даже ни одного раза не потрудился осведомиться о моемъ здоровьѣ... Его совсѣмъ не слѣдовало приглашать къ намъ. Ты знаешь, для меня все равно,

но я говорю это для твоей же пользы; право, ты поступила слишкомъ вѣтрено.

Анна Дмитріевна призадумалась и полагая, что въ самомъ дѣлѣ сдѣлала маленькую ошибку, хотѣла уже послать къ капитану съ извѣстіемъ, что вечеръ ея отложенъ, но дядюшка ничего не сказалъ болѣе, полагая найти средство не допускать капитана слишкомъ часто, и вдовушка немного успокоилась.

Увы, къ чему иногда служить намъ наша рѣшимость и отъ чего зависятъ иногда самыя рѣшительныя перевороты въ нашей жизни? Очень часто отъ какой нибудь ничтожной причины, которую случаю захочется бросить предъ нами на нашей дорогѣ! Такъ случилось и въ нашемъ разказѣ: бостонъ вдвоемъ былъ причиной, что хорошенькая Анна Дмитріевна скоро сдѣлась госпожею X.

Пріѣхавъ на вечеръ къ Аннѣ Дмитріевнѣ, капитанъ сказалъ какъ-то при случаѣ, что онъ большой любитель бостона, и Аверкій Ильичъ не пропустилъ этихъ словъ мимо ушей. Онъ тотчасъ-же приказалъ приготовить столъ, и любимая его партія началась. Появъ что весь успѣхъ зависѣлъ отъ того, чтобъ понравиться дядюшкѣ и пріобрѣсть сперва его собственное расположеніе, морякъ игралъ безъ усталы цѣлый вечеръ, храбро ставилъ ремизы, проигралъ довольно много, и наконецъ привелъ Аверкія Ильича въ неподдѣльный восторгъ.

По окончаніи вечера, когда разъѣхались все гости, Анна Дмитріевна выразила вполне все свое неудовольствіе на капитана, который ни сколько незанимался ею и даже почти что не говорилъ во все время.

— Вы были правы, дядюшка, сказала она, съ явною досадою Аверкію Ильичу: моряки совершенно не созданы для общества, ни сколько не любезны, и я сдѣлала, точно, большую ошибку пригласивъ капитана.

— Напротивъ, милая, возразилъ Аверкій Ильичъ, я совершенно не согласенъ съ тобою; я нашелъ въ капитанѣ человѣка очень любезнаго, очень образованнаго, и мы будемъ съ тобою не вправѣ думать о немъ иначе. По этому-то я при прощаніи и пригласилъ его бывать у насъ какъ можно чаще, чтобъ играть со мною въ бостонъ... то есть, виноватъ, чтобъ любезничать и занимать тебя своими разговорами, потому что капитанъ необыкновенно какъ уменъ и начитанъ; а какое благородное обхожденіе, та ссере... Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ прекрасный и рѣдкихъ правилъ!

Анна Дмитріевна поняла, что морякъ плѣнилъ ея почтеннаго дядюшку и отъ искреннаго сердца простила ему его невнимательность къ ней самой. Капитанъ скоро явился вторично; необходимая партія бостона

опять была сыграна, и Аверкій Ильичъ проводивъ своего партнера, замѣтилъ племянницѣ.

— Ma chere, я долженъ тебѣ признаться, что капитанъ просто рѣдкость а не человѣкъ во всемъ Петербургѣ! Какая деликатность и благородство въ малѣйшихъ его поступкахъ! Какой, необыкновенно уступчивый и добрый характеръ... Вотъ человѣкъ такъ человѣкъ!

Постояннымъ вниманіемъ и искренностью чувства капитанъ не замедлилъ плѣнить также окончательно и сердце Анна Дмитриевны, какъ плѣвилъ Аверкія Ильича, и однажды утромъ молодая вдова краснѣя проговорила своему путеводителю на пути жизни:

— Вчера капитанъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Что на это вы скажете, милый дядюшка?

Аверкій Ильичъ подумалъ нѣсколько минутъ, почесалъ себѣ лобъ, сдѣлалъ сейчасъ заключеніе, что если капитану будетъ отказано какъ прочимъ, то онъ перестанетъ къ нимъ ѣздить, и партія въ бостонъ должна будетъ неминуемо прекратиться, между тѣмъ какъ сдѣлавшись мужемъ Анны Дмитриевны, онъ будетъ его постояннымъ партнёромъ, и рѣшительно отвѣчалъ:

— Ты ничего не можешь сдѣлать лучшаго какъ выйти за него замужъ, потому что онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ достойный. Это тебѣ говорить опытный знатокъ въ людяхъ и въ свѣтѣ.

Аннѣ Дмитриевнѣ только этого одобренія и было нужно, потому что она любила капитана, и вѣрно бы поставила на своемъ даже тогда, когда бы отвѣтъ дядюшки былъ неблагопріятенъ; но какъ почти всеми женщинами принято не высказывать прямо и скоро своего согласія, то и Анна Дмитриевна желала поступить также; она пригласила къ себѣ капитана, чтобъ предложить нѣкоторыя условія, необходимыя, чтобъ удостоить его своей руки.

— Скажите мнѣ, вы точно любите меня? спросила она.

— Можете ли вы въ томъ сомнѣваться! Клянусь вамъ въ томъ, вскричалъ восторженно капитанъ.

— Позвольте... дайте мнѣ высказаться; если вы точно меня любите, то я намѣрена требовать отъ васъ доказательствъ этой любви.

— Какихъ вамъ угодно, я готовъ.

— Не прерывайте же меня каждую минуту; я сама опредѣляю ихъ: вы не должны курить, потому что я не терплю табачнаго запаха... однимъ словомъ, человѣкъ, котораго я избираю въ мужа, не долженъ курить...

Капитанъ тихонько вздрогнулъ, но однако же отвѣчалъ рѣшительно своей будущей суинругѣ:

— Я покоряюсь во всемъ вашей волѣ; даю вамъ слово, что съ этой минуты я не буду больше курить.

— Благодарю васъ; вотъ вамъ рука моя.

Не смотря на весь свой восторгъ, капитанъ не могъ однакожъ удержаться отъ тяжелаго вздоха, вспомнивъ о послѣднемъ своемъ общаніи. Куреніе было самою сильною и самою любимую его привычкою. Но данное слово не воробей, вылетитъ и его больше не поймаешь. Онъ рѣшился повиноваться.

Влюбленные не долго откладывали день свадьбы, она совершилась, и почтенный Аверкій Ильичъ просіялъ отъ восторга, запивая свою радость обильными изліяніями шампанскаго и замороженаго пунша, безъ котораго онъ не могъ обойтись ни въ весельи, ни въ скупѣ. Капитанъ былъ въ восторгѣ; Анна Дмитріевна также. Знакомые капитана и молодой вдовы удивились когда бракъ былъ имъ объявленъ и говорили съ удивленіемъ:

— Какъ это, такая модница и кокетка могла выйти замужъ за такого степеннаго моряка?

— Это чудо, что человѣкъ такой разсудительный и холодный какъ капитанъ, могъ попасть въ сѣти къ отъявленной кокеткѣ. Вотъ неравная пара!

Жалкіе судьи человѣческаго сердца! люди эти не знали, что для любви и счастья не всегда нужно сходство характеровъ, а скорѣе противоположные характеры представляютъ самые благополучные результаты. Необходима тѣнь для свѣта, сила для поддержанія слабости, порывы веселости, чтобъ разгонять припадки глубокой задумчивости. Что будетъ изъ того если соединить два свѣта, сочетать вмѣстѣ два живыхъ характера? sic coesus coesum ducat.

Первые мѣсяцы замужства прошли въ невозмутимомъ спокойствіи; оба супруга не могли нахвалиться другъ другомъ, впрочемъ нужно замѣтить, что среди удовольствій, среди счастья, которымъ наслаждался капитанъ, смотря на Анну Дмитріевну, сіяющую молодостью, веселостью и красотою, бывали минуты когда вдругъ онъ дѣлался задумчивъ, чѣмъ-то какъ будто озабоченъ, брови его нахмуривались и лицо выражало безпокойство и будто какое-то внутреннее страданіе; но это продолжалось не долго, и было похоже на легкое облако, не оставляющее послѣ себя никакого слѣда. Анна Дмитріевна, смотрѣвшая, какъ говорится, своему мужу въ глаза, нисколько не замѣчала этихъ странныхъ и непонятныхъ перемѣнъ.

Черезъ нѣсколько времени эти припадки задумчивости, озабоченности

и внутреннего безпокойства сдѣлались такъ часты, что Анна Дмитриевна наконецъ не преминула ихъ замѣтить.

— Что съ тобою, другъ мой? спрашивала она мужа, видя какъ онъ однажды началъ топать ногою съ какимъ-то удвоеннымъ скрытымъ нетерпѣиємъ и досадою; что можетъ быть причиною твоего неудовольствія? Что ты такъ грустенъ?

— Я? ничего, увѣряю тебя, отвѣчалъ капитанъ, устыдясь что не сумѣлъ владѣть собою. Я ни сколько не грустенъ, ни недоволенъ; на кого же я могу имѣть причину сердиться?

— Не знаю, другъ мой, но вотъ уже нѣсколько разъ я замѣчаю, что ты скрываешь что-то... Если чѣмъ нибудь я огорчила тебя, скажи мнѣ, чтобъ на будущее время я могла быть осторожнѣе и не подавать тебѣ ни малѣйшаго повода—успрашивала мужа Анна Дмитриевна.

Вмѣсто всякаго объясненія капитанъ нѣжно цѣловалъ жену, повторялъ ей, что она ошибается, и въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней послѣ этого, Анна Дмитриевна не замѣчала въ немъ ни одного изъ тѣхъ признаковъ, которые такъ сильно ее безпокоили; но потомъ они снова возобновились: капитанъ опять началъ грустить, топать нетерпѣливо ногою, и Анна Дмитриевна опять начинала ломать себѣ голову чтобъ отгадать тайную причину неудовольствія и скуки своего любимаго мужа.

Анна Дмитриевна сообщила свои опасенія дядюшкѣ, и Аверкій Ильичъ отвѣчалъ утвердительно:

— Это правда, я тоже думаю, что у твоего мужа есть что-то на душѣ; нѣсколько разъ играя съ нимъ въ бостонъ, я замѣчалъ, какъ онъ останавливался вдругъ посрединѣ самой интересной игры и осматривался кругомъ съ озабоченнымъ видомъ, потомъ ударялъ себя рукою по лбу и снова начиналъ играть съ выраженіемъ какого-то отчаянія. Да, я полагаю что онъ что нибудь да скрываетъ на сердцѣ.

— Боже мой, дядюшка, шептала дрожащимъ голосомъ Анна Дмитриевна, но какая же можетъ быть у него тайна? Что все это значить? О, да, я теперь увѣрена, что у него есть тайна, которая мучить, тревожить его, и онъ не хочетъ мнѣ открыться. Ахъ какъ это не хорошо съ его стороны!

— Есть вещи, которыя нельзя довѣрять женщинамъ, глубокомысленно замѣтилъ Аверкій Ильичъ.

— Какъ, вскричала Анна Дмитриевна, есть вещи которыя нельзя довѣрить женѣ? Я не понимаю этого правила; я желаю чтобъ онъ мнѣ довѣрялъ все, все что есть у него на душѣ; для меня у него не должно существовать тайнъ, такъ какъ нѣтъ тайнъ у меня отъ него; я не

могу быть съ тѣхъ поръ счастлива, если тотъ, кому я отдала свое сердце, будетъ чтонибудь скрывать отъ меня.

И Анна Дмитріевна начала вздыхать и горько жаловаться на свою печальную участь. Чтобъ успокоить ее, Аверкій Ильичъ обѣщаль употребить все свое стараніе, дѣятельность и смѣтливость, чтобъ открыть причину такой странной озабоченности своего племянника, а между-тѣмъ ограничился только тѣмъ, что насильно началъ сажать капитана играть въ бостонъ чуть ли не съ самаго утра, полагая, вѣроятно, что такое препровожденіе времени непременно должно возвратить веселость мужу Анны Дмитріевны.

Наступила половина мая, и половина Петербурга двинулась по обыкновенію на дачи. Чтобъ не скучать отъ многолюдныхъ посѣтителей, которые могли бы отнять у Анны Дмитріевны часть времени, желаемаго посвятить мужу, она не согласилась жить ни на островахъ, ни въ Павловскѣ, ни въ Царскомъ селѣ, и предпочла скромное Парголово.

— Тамошнія озера будутъ напоминать тебѣ твои моря, говорила она мужу, чтобъ болѣе убѣдить его, но капитанъ былъ согласенъ на все, и только улыбался слушая какъ Анна Дмитріевна хотѣла прельстить его парголовскими озерами. Сборы были непродолжительны, и дня черезъ три послѣ конечнаго рѣшенія, супруги жили уже на дачѣ, окруженные всѣми удобствами и комфортомъ, о которыхъ, разумѣется, для собственной же пользы не преминулъ позаботиться, на деньги своей племянницы, всегда дѣятельный въ подобныхъ случаяхъ, Аверкій Ильичъ Гурашовъ. Капитанъ былъ также сильно влюбленъ въ жену свою какъ и въ первые дни супружества; онъ дѣлалъ все чтобъ быть ей приятнымъ и предупреждалъ малѣйшія ея желанія; слово ея было для него закономъ, и Анна Дмитріевна опять начала благословлять свою участь, и говорила Аверкію Ильичу:

— Ахъ, дядюшка, это намъ только такъ показалось, что у мужа моего есть отъ меня тайна какая нибудь; если онъ скученъ, то я догадываюсь отъ чего: онъ непривыкъ къ домашней жизни, ему нужны волны да бури; посмотрите какъ онъ повесѣлѣетъ при видѣ этихъ озеръ; онъ станетъ совсѣмъ другой; нѣтъ, мы напрасно подозрѣвали его!

Аверкій Ильичъ, въ знакъ согласія киваль головою, и Анна Дмитріевна сіяла отъ радости. Пользуясь непринужденностью загородной жизни, каждый дѣлалъ что хотѣлъ; дядюшка спалъ до полудня; Анна Дмитріевна, боявшаяся загорѣть отъ знойнаго солнца, гуляла только вечеромъ; одинъ лишь капитанъ, постоянно послѣ обѣда уходилъ изъ дому, пропадалъ нѣсколько часовъ и возвращался съ прогулокъ веселымъ и довольнымъ; его тоска, его озабоченность и беспокойство совершенно

исчезли. Анна Дмитриевна радовалась и приписывала сперва такую счастливую переменѣ въ характерѣ мужа виду парголовскихъ озеръ, но потомъ въ душѣ ея снова возобновились подозрѣнія.

— У мужа моего, думала она, нѣтъ теперь ни мрачнаго вида, ни задумчивости, которыя такъ пугали меня въ Петербургѣ; отъ чего бы могла такъ скоро произойти такая переменѣ? И странно, веселость его раждается только послѣ обѣда и увеличивается всегда лишь послѣ прогулокъ... Куда ходитъ онъ?.. Зачѣмъ ходитъ онъ всегда одинъ и не терпитъ, чтобъ кто нибудь провожалъ его?.. Тутъ что нибудь да должно скрываться, и я не буду до тѣхъ поръ вполне счастлива, пока не открою причины этой удивительной переменѣ.

Иногда Аннѣ Дмитриевнѣ приходило даже на мысль послать кого нибудь изъ слугъ слѣдить за мужемъ, но это намѣреніе скоро было покидаемо и заставляло ее краснѣть. Слѣдить за шагами человѣка, который дѣлалъ все для ея удовольствія, вмѣшивать слугъ въ свои тайныя намѣренія, казалось ей поступкомъ недостойнымъ, и она рѣшилась предоставить все случаю и времени. Она нисколько не показывала капитану, что мучилась новыми подозрѣніями, и только одному дядюшкѣ повѣрила свои опасенія. Аверкій Ильичъ отвѣчалъ очень хладнокровно и благоразумно:

— Мужъ твой, правда, теперь рѣже играетъ со мною въ бостонъ, но все же таки сколько нибудь да играетъ, и потому мнѣ и не зачѣмъ преслѣдовать его; притомъ же если сравнить его здоровыя ноги съ моими, то выйдетъ, что я ни чѣмъ не могу быть тебѣ полезенъ, и только напрасно буду каждый разъ изнурять себя. Право, ты странная женщина: сперва приходила въ отчаяніе отъ его задумчивости, а теперь жалуешься на его веселость! Чего ты еще хочешь послѣ этого, даже я самъ не могу хорошо понять. Пусть онъ гуляетъ и веселится, нельзя же тебѣ держать его постоянно на привязи и заставлять то плакать, то смѣяться, по твоему произволу.

Анна Дмитриевна успокоилась; подозрѣнія ея начали уже разсѣваться, когда одинъ неожиданный случай возобновилъ ихъ еще съ большею силою. Однажды на дачу капитана съѣхались кое-какіе знакомые, и, между разговоровъ, одинъ изъ пріятелей моряка вдругъ спросилъ его смѣясь:

— А! какъ я до сихъ поръ не сдѣлалъ еще тебѣ одного вопроса: позволь спросить что ты дѣлалъ вчера въ избушкѣ, которая торчитъ на концѣ лѣса, что перерядился въ парусинную блузу? Не сдѣлался ли ты художникомъ, и не рисуешь ли окрестныя виды? Еслибъ

лошадь моя не занеслась, я непременно бы полюбозытствовалъ посмотреть на твою работу.

— Какъ, вы видѣли моего мужа перереяженнаго въ блузу! вскричала Анна Дмитріевна, устремивъ на капитана глаза, въ которыхъ выражалось самое сильное удивленіе.

— Вотъ какая странная ошибка, посѣвшиль оправдаться капитанъ, стараясь скрыть свое замѣшательство: какъ можно, чтобъ было такое сходство между мною и твоимъ блузникомъ, чтобъ ты могъ принять его за меня. Удивляюсь, право! У меня даже и блузы нѣтъ.

— Теперь я вижу, что ошибся, подтвердилъ гость, замѣтившій смущеніе капитана и досадовавшій на себя за то, что можетъ быть, сдѣлалъ большую нескромность, даже болѣе—большую ошибку, судя по восклицанію Анны Дмитріевны и выраженію ея лица. Чего не померещится иногда человѣку!

— Вы говорите, что этотъ человѣкъ былъ въ блузѣ? спросила снова Анна Дмитріевна.

— Да, въ блузѣ, и въ какой-то шапочкѣ, въ родѣ картуза; право, не понимаю отъ чего мнѣ пришло въ голову, что это могъ быть капитанъ, потому что очень хорошо помню, что нынче у насъ не святочное время... И онъ засмѣялся вмѣстѣ съ капитаномъ.

— А гдѣ эта избушка? продолжала свои допросы подозрительная Анна Дмитріевна.

— Право не могу вамъ положительно опредѣлить ея мѣсто, отвѣчалъ гость, стараясь выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ, и мнѣ даже самому будетъ трудно отыскать ее, потому что я ѣздилъ по лѣсу и не знаю хорошо здѣшней мѣстности. Признаться, что я чуть даже не заблудился, благодаря моей лошади, которая носила меня изъ стороны въ сторону.

— А далеко отсюда эта изба?

— Можетъ быть съ версту, можетъ быть съ двѣ, право не могу сказать вамъ утвердительно.

Анна Дмитріевна замолчала, но въ подозрительномъ умѣ ея, настроенномъ странностями мужа, тотчасъ запала мысль, что человѣкъ въ блузѣ и картузѣ непременно былъ капитанъ.

— Онъ былъ перереяженъ, думала она, стало быть, есть какія нибудь сильныя причины къ такому преобразованію, какое нибудь особенное обстоятельство. Боже мой, какъ я несчастна, что имѣю мужемъ человѣка, у котораго есть отъ меня тайны!

Ко вздохамъ скоро присоединилась ревность и мысль о какой нибудь невѣрности, о возобновленной какой нибудь прежней любви, ни на минуту

не давала покоя молодой женщинѣ. Анна Дмитріевна начала блѣднѣть и худѣть, и наконецъ объявила капитану, что рѣшилась переѣхать обратно въ Петербургъ, потому что чувствуетъ себя нездоровою. Постоянно покорный всѣмъ ея желаніямъ, капитанъ нисколько не противился и только замѣтилъ:

— Любезный другъ, прогулки дѣлають мнѣ большую пользу, и потому извини, если и въ городѣ я каждый день буду пропадать отъ тебя часа на два; при этомъ я долженъ прибавить, что тамъ, какъ и здѣсь, буду ходить одинъ, потому что люблю ходить очень скоро, и ты за мной не поспѣешь.

— О, я ничего не скажу противъ этого, отвѣчала кусая съ досады губки, Анна Дмитріевна; гуляй сколько хочешь и гдѣ хочешь, мнѣ это все равно. Я не отнимаю у тебя воли.

— Впрочемъ, нѣтъ, если это тебѣ непріятно, такъ я рѣшаюсь на все чего ты желаешь, добавилъ капитанъ, видя, что у Анны Дмитріевны выступили слезинки.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила она, дѣлай что хочешь, и даже чтобъ доказать тебѣ, что я не капризна, не требовательна, я снова остаюсь въ Парголовѣ.

Капитанъ пожалъ плечами и нѣсколько дней ни куда не выходилъ изъ дому, но за то веселость его опять пропала; онъ опять началъ потопывать нетерпѣливо ногою, вздыхать и принимать по временамъ угрюмый и недовольный видъ.

Анна Дмитріевна снова начала беспокоиться, и сама почти силою выпроводила мужа на прогулку, чтобъ только видѣть его веселымъ; съ прогулками возвратилась опять и веселость капитана. Анна Дмитріевна терялась въ догадкахъ, и просто мучилась отъ неизвѣстности.

— Нѣтъ, рѣшительно у мужа моего есть какая нибудь связь, думала она. Онъ любитъ какую нибудь другую женщину и не можетъ вытерпѣть, чтобъ не видаться съ нею каждый день. Вотъ и вся причина его задумчивости, озабоченности и нетерпѣнія. Вотъ почему онъ и настаиваетъ такъ на прогулкахъ и возвращается съ нихъ такимъ веселымъ... Ахъ, я очень несчастна и тѣмъ еще болѣе, что онъ такъ внимателенъ ко мнѣ, такъ предупредителенъ, и поэтому у меня не достаетъ рѣшимости высказать ему, что онъ чудовище... извергъ... А между тѣмъ мнѣ необходимо же объясниться съ нимъ, высказать все, что есть у меня на душѣ, иначе эта душевная тяжесть задавитъ меня. Но прежде мнѣ нужно какое нибудь, хотя легкое доказательство его измѣны, и во чтобъ то мнѣ ни стало, я буду имѣть это доказательство, и самое неопровержимое.

Полная рѣшимости, Анна Дмитріевна побѣжала къ Аверкію Ильичу, вся заплаканная, взволнованная и рыдая припала къ его груди.

— Ахъ, дядюшка, вскричала она, я самая несчастнѣйшая женщина въ мірѣ, понимаете вы это?

— Что такое еще случилось? произнесъ старый холостякъ приподнимаясь на своихъ подушкахъ; какая еще явилась у тебя новость? Отъ чего это ты такъ расплакалась?

— Мужъ мой каждый день, послѣ обѣда, ходитъ гулять...

— Ну, и на здоровье.

— Пропадаетъ часа, два, три!

— Значитъ у него здаровыя ноги.

— И возвращается всегда такимъ радостнымъ, веселымъ, любезнымъ. Онъ всякій разъ тогда ласкаетъ меня, твердитъ что любить такъ-же горячо какъ въ первое время нашего замужства.

— Чего-же ты еще отъ него хочешь?

— Ахъ, дядюшка, я немогу болѣе сносить моихъ мукъ; вы должны понять что все это только одно притворство и лукавство. Онъ обманываетъ меня, онъ любитъ какую нибудь другую женщину. Понимаете-ли вы теперь мое горе, любезный дядюшка?

Аверкій Ильичъ поправилъ свой сѣрый сюртукъ, сложилъ подъ себя свои коротенькія ножки и отвѣчалъ:

— Это правда, что онъ теперь меньше сталъ играть со мною въ бостонъ, но однако-же...

— Дядюшка, если вы не поможете мнѣ проникнуть его тайну, я умру отъ тоски и въ состояніи рѣшиться на все, на все на свѣтъ; я развѣдусь съ моимъ мужемъ.

— Однако же, послушай мой другъ...

— Милый дядюшка, вы такой добрый, такой обязательный, окажите мнѣ одну услугу: постарайтесь узнать куда по крайней мѣрѣ ходитъ мой мужъ каждый день. Не правда-ли вы это сдѣлаете для меня; вы, который такъ всегда одождаете меня?

— Правда, что я всегда готовъ на услугу; цѣлую жизнь я только и дѣлалъ что одоужалъ каждаго; только, право, я не знаю, какъ и чѣмъ могу быть тебѣ полезенъ.

— Я вамъ повторяла что вы должны открыть тайну моего мужа, или у васъ нѣтъ уже болѣе племянницы.

Аверкій Ильичъ очень дорожилъ существованіемъ и сохраненіемъ себя племянницы и даже племянника; онъ очень хорошо понималъ, что разрывъ между супругами потревожитъ тихую и лѣнливую жизнь его въ ихъ домѣ, и рѣшился сдѣлать нѣсколько лишнихъ шаговъ для водворенія

мира и согласія; но такъ какъ всякая дѣятельность скоро надоѣдала Гурлашову, то онъ почти тотчасъ же и возвращался домой, говоря Аннѣ Дмитріевнѣ:

— Я слѣдилъ за твоимъ мужемъ очень далеко, и ничего не видалъ подозрительнаго: онъ преспокойно прогуливается одинъ.

— Гдѣ, дядюшка?

— То на одной, то на другой сторонѣ Парголова; твои подозрѣнія не имѣютъ ни малѣйшаго основанія.

Анна Дмитріевна сдѣлала видъ что удовольствовалась этимъ отвѣтомъ, а между тѣмъ рѣшилась сама разрѣшить свои недоумѣнія. Она подозвала къ себѣ одного изъ крестьянскихъ мальчиковъ, постоянно игравшихъ около ихъ дачи, и увѣрившись въ его сметливости, приказала ему тихонько и незамѣтно слѣдить за капитаномъ и донести ей подробно обо всемъ, что онъ откроетъ и подмѣтитъ. Минуты казались часами, а часы чуть ли не столѣтіями для любопытной и нетерпѣливой Анны Дмитріевны, покуда производилась рекогносцировка. Наконецъ посланный маленькій лазутчикъ возвратился.

— Ну, что? спросила Анна Дмитріевна, взволнованнымъ голосомъ, что ты открылъ, говори, не пропуская ничего.

— Баринъ пошелъ въ лѣсъ, потомъ повернулъ въ сторону на малую дорогу.

— Хорошо, дальше.

— Потомъ онъ вошелъ въ избу.

— Онъ вошелъ въ избу! Мое предчувствіе не обманывало меня. Говори, говори скорѣе, что было дальше?

— Я прокрался тихонько къ окну.

— Умный мальчикъ! Что же ты видѣлъ? спросила Анна Дмитріевна прерывающимся голосомъ.

— Баринъ съ кѣмъ-то говорилъ сперва въ сѣняхъ и потомъ вошелъ въ избу въ широкой рубахѣ и въ картузѣ...

Анна Дмитріевна не хотѣла болѣе слушать и приказавъ мальчику дожидаться ее бросилась къ дядюшкѣ.

— Мое несчастіе теперь ясно, вскричала она. Онъ заходитъ въ избу. Онъ злодѣй!

— Кто заходитъ въ избу? спросилъ удивленный Аверкій Ильичъ выпучивъ глаза.

— Онъ переодѣвается въ блузу. Это его видѣли въ блузѣ; дядюшка, у васъ больше нѣтъ племянницы.

И прежде чѣмъ изумленный и испуганный Аверкій Ильичъ поднялся чтобъ удержать ее, Анна Дмитріевна уже бѣжала, предшествуемая

мальчишкою къ тому мѣсту, гдѣ находилась изба-обличительница. Совершенно растерявшись, она не взошла а скорѣе взлетѣла на покосившіяся ступени и съ крикомъ: отворите или я умру, бросилась къ двери. Къ удивленію ея дверь ни сколько не была заперта, и Анна Дмитріевна непременно-бы упала еслибъ мужъ не поддержалъ ее. Увы, онъ точно былъ въ блузѣ и въ картузѣ, котораго Анна Дмитріевна никогда не видала на немъ.

— Какъ ты здѣсь? вскричалъ капитанъ, зачѣмъ?

— Затѣмъ чтобъ открыть вашу измѣну, причину вашего передѣванья, чтобъ обличить васъ и потомъ навсегда разстаться. Гдѣ моя соперница, отвѣчайте, не стыдитесь, сударь!

— Анна Дмитріевна, Анна Дмитріевна, произнесъ съ упрекомъ капитанъ, какая нелѣпая мысль запала тебѣ въ голову. Ты хочешь знать и видѣть твою соперницу, хорошо; вотъ она.

И капитанъ указалъ женѣ на курительную трубку, которую онъ торопливо припряталъ за спину.

Анна Дмитріевна чуть не окаменѣла.

— Предъ нашею свадьбой, продолжалъ капитанъ, ты требовала чтобъ я бросилъ курить; я далъ тебѣ слово и нѣсколько мѣсяцевъ строго держалъ его, но привычка вторая натура, и ты не можешь понять какъ лишеніе этой привычки терзало и беспокоило меня; вотъ почему я иногда такъ грустилъ, такъ задумывался и дѣлался безпокойнымъ и раздражительнымъ. Оглядываясь съ тревожнымъ видомъ по сторонамъ, я искалъ только моей трубки, искалъ напрасно, и у меня вырывались тогда невольные вздохи. Наконецъ я не могъ болѣе противиться соблазну, и пользуясь загородною свободой, купилъ себѣ блузу, чтобы платья мои не отзывались табачнымъ запахомъ, котораго ты не любишь, и хожу въ эту избу чтобы курить. Вотъ вся моя тайна; прости меня за ослушаніе, но ты видишь, что я дѣлалъ все, чтобъ скрыть ее отъ тебя и видѣть тебя довольною мною.

— Такъ вотъ только что! твердила Анна Дмитріевна, осыпая мужа поцѣлуями, съ этой минуты ты можешь курить гдѣ угодно и сколько угодно, не скрываясь отъ меня, и я буду самая счастливѣйшая женщина; и Анна Дмитріевна возвратилась къ Аверкію Ильичу, съ лицомъ блиставшимъ радостію. Съ тѣхъ поръ между мужемъ и женой не существуетъ ни какихъ дачныхъ тайнъ, ни какой скрытой мысли, и даже сама Анна Дмитріевна сдѣлалась отчаянною курительницею пахитосъ, и уже не стала вѣрять ни какимъ предчувствіямъ. И въ самомъ дѣлѣ, предчувствіемъ бываютъ кажется одарены только одни поэты. Въ примѣръ этому мы можемъ привести стихи поэта давно уже умершаго, имя ко-

того еще до сих поръ не позабыто и также ново, М. Ю. Лермонтова. Поэтъ кажется всталъ изъ гроба, и приведенный въ негодованіе провозгласилъ слова, которыя какъ нельзя лучше можно приложить къ нынѣшнимъ друзьямъ турокъ—французамъ и англичанамъ.

Опять народные вѣтви,
Опять шума поднялись вы!

Что это? вызовъ ли надменный,
На битву бѣшенный призывъ,
Иль голосъ зависти презрѣнный,
Безсилья злобнаго порывъ?..

Да! хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ. Вамъ завидна
Величья нашего зоря,
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго Царя!

Но честь Россіи невредима
И вамъ смѣясь внимаютъ свѣтъ...
Такъ въ дни воинственныхъ Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда триумфомъ шель Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ—
Одинъ за свѣтлой колесницей
Бѣжалъ наемный клеветникъ!

Истина что «свѣтъ смѣясь внимаютъ» въѣмъ разноглагольствованіямъ иностранныхъ ораторовъ неопровержима, и лучшимъ доказательствомъ общаго негодованія на союзниковъ даже ихъ соотечественниковъ служатъ пожертвованія, сдѣланныя въ пользу семействъ воиновъ, назначенныхъ для защиты столицы и прибалтійскаго края нѣкоторыми изъ иностранныхъ артистовъ, пребывающихъ въ Петербургѣ. Вотъ они: артисты французской труппы гг. Дешанъ, Верне, Мондилье, Пешна, Давлуи, балетмейстеръ Перро, Югансонъ, Гюи, Фредерикъ и два танцовщика Петипа; изъ артистовъ пожертвовали г-жи Вольнисъ, Луиза Мейеръ и Милá.

Общее сочувствіе и общее вниманіе обращаетъ теперь на себя наша

морская дружина охотниковъ, которые, по первому призыву Царя, покинули свои дома и въ самое короткое время, дня въ два, три явились уже въ числѣ 644 человекъ, по одному врожденному чувству, безъ всякихъ расчетовъ. Братья семейные и одинокіе спорили о томъ, кому изъ нихъ идти въ Ополченіе, отцы шли вмѣстѣ съ взрослыми и даже молодѣтними дѣтьми. Общее одушевленіе было сильно вездѣ, куда только проникали слухи объ Ополченіи, и каждый такъ или иначе старался принять въ немъ посильное участіе. Новоладожскій мѣщанинъ Василій Селивановъ представилъ въ Ополченіе двухъ сыновей своихъ, изъ которыхъ младшему только двѣнадцать лѣтъ. Примѣру этому послѣдовали еще нѣкоторые и представили сыновей четырнадцати и даже одиннадцати лѣтъ. Старики не отставали отъ молодыхъ, и многіе, не смотря на свои слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, просили принять ихъ хоть въ какую нибудь должность при Ополченіи. Всѣ эти охотники, поручая семейства свои попеченіямъ обществу, изъявили желаніе служить *безъ всякихъ условій*. Многіе судохозяева, не думая о своихъ выгодахъ, отпускали въ ополченіе давно заподряженныхъ ими работниковъ, а городскія общества—Шлюсельбургское, Новоладожское и Тихвинское, собравъ въ нѣсколько дней 40,000 руб. сер., представили эту сумму для употребленія въ пользу вступившихъ въ морскую дружину. Нашимъ Петербургскимъ жителямъ не разъ случалось видѣть какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное Царскимъ вызовомъ, и какъ изъ многолюдной толпы, тѣснившейся предъ объявленіями, тотчасъ же выдвигались впередъ охотники, не изъ корысти и выгодъ, а изъ одной русской отваги и любви къ родинѣ. Подвиги самоотверженія, совершившіеся при первыхъ извѣстіяхъ объ Ополченіи, повторились теперь во множествѣ. Люди зажиточные, семейные, люди, получавшіе своими обычными трудами выгоды гораздо большія, оставляли свой домъ, семейство и занятія, и шли въ охотники. Устюжскій 3 гильдіи купецъ Яковъ Шарухинъ, имѣющій собственный домъ и кожевенный заводъ, вступилъ въ Ополченіе безъ жалованья, оставя жену и четверыхъ дѣтей. Изъ города Торжка поступилъ въ морскія дружины ящикъ Степанъ Ершовъ 65 лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Самъ Ершовъ въ 1812 году, во время первой отечественной войны, служилъ казакомъ отъ своего общества и, въ память этой войны, получилъ серебряную медаль. Изъ трехъ его сыновей одинъ уже находится въ военной службѣ; но отецъ пожелалъ съ послѣдними двумя вступить въ Ополченіе для того, чтобы «всей семьей, какъ говорилъ онъ, сразиться съ врагами вѣры, царя и Отечества». Санктпетербургскій мѣщанинъ Назаръ Степановъ Федоровъ, состоящій въ числѣ гласныхъ городской

общей Думы, и слѣдовательно пользующійся извѣстнымъ уваженіемъ и довѣріемъ своего общества, также вступилъ въ охотники, вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Даровитый художникъ С. Петербургской Императорской Академіи художествъ, г. Агинъ—младшій, оставивъ свой карандашъ и палитру, поступилъ также въ число морскихъ охотниковъ и уже успѣлъ оказать замѣчательную услугу—снявъ карту всѣхъ шкеръ Финскаго залива и всѣхъ подводныхъ камней, находящихся въ окрестностяхъ Кронштадта, и тѣмъ обратилъ на себя особенное вниманіе начальства. Устюжскій мѣщанинъ Федоръ Богомоловъ, пожелавъ вступить въ Ополченіе, не измѣнилъ этого намѣренія, несмотря на всѣ просьбы и слезы своей жены. «Вотъ тебѣ двѣсти рублей на пропитаніе, сказала онъ, отдавая ей деньги: я ихъ выработалъ своими трудами. Молись; Богъ дастъ, буду живъ, принесу тебѣ и еще», прибавилъ онъ уходя изъ дому. На призывъ въ Ополченіе нѣкоторые владѣльцы населенныхъ имѣній отвѣчали готовностью отпустить въ дружины своихъ крестьянъ, а одинъ дворянинъ (отставной поручикъ Давыдовъ) изъявилъ желаніе на собственный счетъ снарядить нѣсколько баркасовъ и, придуманными имъ различными орудіями, вести партизанскую войну съ неприятельскими флотами, жертвуя всѣмъ своимъ достояніемъ на осуществленіе этого предпріятія. Между-тѣмъ, обыкновенныхъ охотниковъ являлось множество, и въ инспекторскій департаментъ Морскаго Министерства и къ губернскимъ начальствамъ. Въ то время какъ одни поступали въ Ополченіе, другіе были отправляемы партіями, въ Петербургъ. Общее участіе напутствовало ополченныхъ съ мѣстъ ихъ родины; общее сочувствіе встрѣчало ихъ на пути въ столицу. Городское общество г. Осташкова, принявъ на себя платежъ податей какъ за самихъ охотниковъ, такъ и за ихъ малолѣтныхъ сыновей, назначило остающимся семействамъ ополченныхъ хлѣбный паекъ, состоящій изъ тридцати фунтовъ хлѣба въ мѣсяцъ на человѣка, собственно отъ себя, кромѣ пайка, установленнаго правительствомъ, и по одному рублю серебромъ въ мѣсяцъ на каждое. Общество города Бѣжецка положило каждому идущему изъ среды его въ Ополченіе, выдавать по три рубля серебромъ. Боровицкій купецъ Соломоновъ пожертвовалъ 244 р. сер. на содержаніе въ Ополченіи пяти охотниковъ изъ жителей Боровичъ. Санкт-петербургскій купецъ Скосыревъ пожертвовалъ 6,000 мѣдныхъ крестовъ на фуражки ополченныхъ, а содержатель Тамбовскаго театра Аносовъ, представилъ въ пользу ихъ 120 р. сер. Обыватели городовъ давали ополченнымъ безмездно подводы; содержатели трешкотовъ между Новой Ладогой и Шлиссельбургомъ, г. Корниловичъ и К°, и пароходовъ между Шлиссельбургомъ и Петербургомъ, гг. Федоровъ и Вышинскій, без-

возмездно перевозили ихъ отъ одного мѣста до другаго; а служащій въ Шлиссельбургѣ чиновникъ Плесковскій, испросивъ дозволеніе сопровождать партію охотниковъ изъ Шлиссельбурга въ столицу, на свой счетъ нанялъ здѣсь квартиру, гдѣ бы приходшіе изъ другихъ городовъ ополченныя могли отдыхать послѣ дороги. Партіи прибывали въ Петербургъ, и число ихъ росло съ удивительною быстротою. Въ половинѣ апрѣля, на улицахъ столицы стали появляться ополченныя въ своемъ форменномъ нарядѣ: съромъ полукафтанъ, полосатыхъ портахъ и черной съ козыркомъ и бѣлымъ кантомъ фуражкѣ, спереди которой блестялъ мѣдный крестъ; а 27 апрѣля, первая морская дружина, состоящая изъ 1,152 человекъ, на 32 лодкахъ, выступила въ походъ. Хотя срокъ набора въ Ополченіе первоначально былъ назначенъ по 20 мая, но какъ къ концу апрѣля (то-есть въ какія-нибудь двѣ или три недѣли) число желающихъ вступить въ гребную флотилію далеко уже превысило дѣйствительную надобность, то это побудило правительство приостановить дальнѣйшій вызовъ и пріемъ охотниковъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые уже двинуты были съ мѣстъ ихъ постоянного жительства.

Вотъ какъ скоро и съ какою готовностью сформировалось у насъ морское Ополченіе болѣе чѣмъ изъ 6,500 охотниковъ, въ то время какъ Англія находится въ величайшемъ затрудненіи при укомплектованіи своихъ флотовъ, а усиленные наборы во Франціи возбуждаютъ всеобщій ропотъ. Желательно было бы чтобъ союзники исламизма зарубили на память басню объ Орлѣ и Аккулѣ, которую здѣсь предлагаемъ и которой смыслъ не худо бы почаще имъ припоминать себѣ при видѣ нашихъ неприступныхъ морскихъ укрѣпленій и храбрыхъ войскъ, расположенныхъ на берегахъ, чтобы принять ихъ съ русскою готовностью и на сухомъ пути.

Аккулѣ, хищницѣ морей, досадно стало,

Что много силы у Орла;

(Она, какъ видите, завистлива была),

И потому на умъ ей вспало—

Нахлынуть на него войной

Со всею силою морской:

Она мечтала въ ослѣпленія

Стѣснить Орла въ его владѣнія

И, подавить его собой!

Задумавъ такое дѣло,
 Завистница моя,
 Не зная дерзости предѣла,
 Къ Орлу нагрянула въ окружныя моря,
 И ну стращать его грозою:
 Крутить съдую бездну водъ
 И хлещеть на берегъ волною.
 Но нашъ Орелъ не робокъ былъ душою:
 Онъ, молча, на скалѣ сидитъ себѣ и ждетъ,
 Спокойно, величаво;
 Лишь озирается порой
 На лѣво и на право.
 Наскучилъ ей такой напрасный бой.

«Дай,—говорить,—къ Орлу на землю выйду,
 И нанесу ему такую тамъ обиду,
 Что поневолѣ онъ со мной
 Пойдетъ на бой».
 И, не спросясь съ умомъ, изъ моря
 Махнула на берегъ она.
 Но тутъ узнала, что война
 Съ Орломъ не шутка ей, а горе;
 Вдругъ стая грозная орлять
 Какъ туча, хищницу прикрыла...
 Она скорѣй назадъ,
 Да силы не хватило.

Смирилась гордая и мира запросила,
 Узнавши истину притомъ,
 Что рыбѣ, на пути сухомъ,
 Безсильной, замореной,
 Не только что съ Орломъ—
 Не справиться съ вороной.

Продолжая слѣдить за ходомъ современныхъ событій, извѣстный нашъ художникъ г. Тиммъ постоянно сообщаетъ подписчикамъ своего Художественнаго Листка всѣ замѣчательныя событія въ нашемъ отечествѣ, и славные подвиги нашихъ воиновъ. Въ последнемъ номерѣ приложенъ геройскій подвигъ прапорщика Щеголева и его батареи на одесскомъ практическомъ молѣ, въ страстную субботу нынѣшняго года

Рисунокъ этотъ, полученный издателемъ отъ Государя Наслѣдника рисованъ съ натуры, на самомъ мѣстѣ, одесскимъ художникомъ А. Гроссомъ. Кромѣ этого рисунка приложены еще два вида Одессы, одинъ снятый съ карантинной гавани, а другой съ прибрежнаго бульвара. Одесса съ нынѣшняго года получила историческое значеніе въ лѣтописяхъ русской воинской славы, и потому не удивительно, что ея славная защита вдохновила нашего заслуженнаго поэта князя Вяземскаго, посвятившаго ей слѣдующіе прекрасные стихи подъ заглавіемъ «Одесса» и съ эпиграфомъ: «Rule Britannia».

Потомки Нельсона, безславные потомки!
Стыдомъ британскій флагъ вамъ удалось облечь,
Теперь вашъ Графалгаръ, теперь вашъ подвигъ громкій—
«Купеческую гавань сжечь!»

Достойнъ подвигъ сей васъ, янычаръ султана,
Васъ, ложныхъ англичанъ, клеветовъ лже-царя,
Который на чредѣ и царственнаго сава
Жилблазъ втораго декабря.

Хвалитесь на моряхъ всемірною державой!
Rule Britannia воспойте! Тщетный трудъ:
Вы зажигатели—и каторжною славой
Васъ заклеятъ потомства судъ.

И выбрали жъ вы день—Великую субботу,
Чтобы предательски напасть на христіанъ:
Иудамъ, выдавшимъ Христа, вамъ за работу
Піастровъ съ тридцать дастъ Султанъ.

Священнымъ пѣніемъ все храмы были полны,
Молящійся народъ тѣснился къ алтарямъ;
Молитвъ и теплыхъ слезъ и оиміама волны
Вносились жертвой къ небесамъ.

А въ васъ, въ сей скорбный день, кипѣли страсть и злоба;
Молитвой вашей былъ вошь звѣрства, грабежей,
Вашъ гнусный оиміамъ, въ виду святаго гроба,
Былъ смрадъ убійственныхъ огней.

А ты, страдальца, Одесса молодая,
 Ты, южная звѣзда на русскихъ небесахъ,
 Ты, младшая сестра въ семьѣ роднаго края,
 Царевна въ русскихъ городахъ,

Возросшая въ сѣни довольства и покоя,
 Какъ все растеть у насъ по днямъ, не по годамъ,
 Не унывай! Печаль твою себѣ присвоя,
 Съ тобой мы дѣлимъ по-поламъ.

Своими язвами ты намъ милѣе стала;
 Россія за тебя о мести вошлетъ.
 Нѣтъ, не вотщѣ за насъ ты свято пострадала:
 Народной мести часъ пробьетъ.

Ты снова процвѣтешь подъятая любовью;
 Ты пепель свой и кровь стяхнешь съ ramenъ молодыхъ,
 Но бѣдствіе твое падеть огнемъ и кровью
 На оскорбителей твоихъ!

Недавно вышли въ Москвѣ три литографированныя картины подъ заглавіемъ раекъ, съ пояснительными подъ ними подписями, написанныя тѣмъ народнымъ языкомъ, которымъ объясняются съ своими зрителями раевщики, именно: *Рекрутскій наборъ*, *Сны султана* и *Синопское сраженіе*. Картины эти рисованы въ Москвѣ даровитымъ художникомъ любителемъ однофамильцемъ нашего извѣстнаго покойнаго академика, А. И. Оедотовымъ, талантъ котораго обратилъ на себя нынѣшнюю зиму особенное вниманіе нашего заслуженнаго профессора Императорской Академіи Художествъ г. Воробьева. Все количество картинъ этихъ, присланное въ Петербургъ, уже раскуплено въ самое короткое время, и желающимъ приобрести ихъ, остается ждать новой ихъ присылки изъ Москвы. Любителямъ, собирающимъ все живописныя произведенія, касающіяся до какихъ нибудь важныхъ событій въ нашемъ отечествѣ, не худо посоветовать записаться этими картинами г. Оедотова, потому что онѣ со временемъ могутъ сдѣлаться также рѣдкими, какъ и картины и карикатуры г. Терebeneва, относящіяся до отечественной войны двѣнадцатаго года и современныя ей, тѣмъ болѣе, что незначительная плата за нихъ, *тридцать коплекъ* серебромъ, не можетъ никого привести въ затрудненіе. Читатели Пантеона могутъ поподробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этихъ трехъ картинъ и съ остроумными написанными къ нимъ мвѣтъ,

простонародномъ духѣ, присказками изъ Московскаго вѣстника, помѣщеннаго въ этомъ же номерѣ. Жаль только что литографическое исполненіе этихъ картинъ не такъ удачно и отчетливо, какъ рисунки, исполненные вкуса и обдуманности. Господа издатели вообще всѣхъ художественныхъ и прочихъ произведеній никакъ до сихъ поръ не хотятъ подумать, что они небрежнымъ изданіемъ вредятъ славѣ художника, уменьшаютъ на половину въ глазахъ публики достоинство таланта, и даже сами менѣе выигрываютъ. Нельзя не пожелать г. Федотову, чтобъ онъ самъ сталъ издателемъ тѣхъ будущихъ народныхъ картинъ, которыхъ планъ вѣроятно уже окончательно составленъ въ его воображеніи. Тогда бы при прекрасномъ литографическомъ ихъ достоинствѣ, не одинъ дамскій модный столикъ украсился его картинами, въ особенности если подписи будутъ также удачны и проникнуты тѣмъ же самымъ неподдѣльнымъ и неподражаемымъ русскимъ юморомъ.

Благотворительность въ пользу семействъ и вдовъ воиновъ, подвигающихся въ нынѣшнюю войну, увеличивается все болѣе и болѣе, и каждый спѣшитъ внести свою посильную жертву. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть длинный списокъ, печатаемый С. Петербургскимъ женскимъ Комитетомъ для принятія и распредѣленія поступающихъ въ него пожертвованій. Сколько сотенъ именъ, а еще болѣе буквъ найдете вы въ немъ, подъ которыми скромные жертвователи скрыли свои имена. Чтобъ еще болѣе принести пользы семействамъ храбрыхъ защитниковъ, съ недавняго времени, при воксалахъ Павловска и Петергофа, въ которые стекается постоянно такъ много публики, учреждены лотереи—аллегри, обладающія многими значительными выигрышами, такъ напримѣръ, домомъ съ пространнымъ мѣстомъ въ лучшей части города, въ Петербургѣ, и мѣстомъ съ строеніемъ въ Павловскѣ: за 50 копѣекъ серебромъ кому не пожелается попытать счастья и пожертвовать нѣсколькими полтинниками, и для пользы своей, и еще болѣе для пользы тѣхъ, которымъ всякій обязанъ вспомоществовать въ славномъ отсутствіи ихъ отцовъ, мужей и сыновей. Впрочемъ, у насъ не нужно напоминать о добромъ дѣлѣ, и потому каждый разъ предъ роковымъ колесомъ лотереи—аллегри толпятся охотники узнать расположеніе къ нимъ фортуны, и многіе, осчастливленные ея вниманіемъ, тутъ же обратно жертвуютъ своими, довольно цѣнными выигрышами, въ пользу вдовъ и сиротъ раненыхъ, нисколько не сожалѣя объ ихъ цѣнности и объ употребленіи, которое бы можно было изъ нихъ сдѣлать.

Заключая отчетъ о новостяхъ нынѣшняго мѣсяца, спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями извѣстіемъ объ успѣхахъ, которые имѣла въ Вѣвѣ наша соотечественница, танцовщица Надежда Константиновна

Богданова, такъ блистательно принятая и оцѣненная въ Парижѣ. Вотъ что писалъ г. редактору Пантеона изъ Вѣны отъ 7-го юня, самъ отецъ ея:

«Прежде отъѣзда моего изъ Вѣны, сѣшшу сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о нашемъ здѣсь пребываніи и о превосходномъ успѣхѣ, который во все время былъ въ этой столицѣ удѣломъ дочери моей Надежды. Представьте, что появленіе ея на сценѣ произвело такой чрезвычайный эффектъ, что всякій разъ когда она танцуетъ, театръ бываетъ полонъ снизу до верху. Она выбрала для своего дебюта «Жизель» балетъ, снова поставленный для нея на сцену въ Парижѣ, и въ которомъ главную роль она совершенно пересоздала. Вѣнская публика пришла въ удивленіе отъ таланта и была въ восторгѣ. Особенно дочь моя очень хороша въ «Сильфидѣ» и «Жизели». Въ «Жизели» цѣлый второй актъ она танцуетъ, убранныя живыми цвѣтами, и вся сцена представляетъ одинъ сплошной благоухающій садъ, въ которомъ она порхаетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, или легкое видѣніе, созданное воображеніемъ поэта. Какъ жаль, что вы не можете быть свидѣтелемъ всѣхъ тѣхъ восторженныхъ кликовъ и вѣнковъ, которыми осыпаетъ ее публика, и всѣхъ тѣхъ серенадъ и праздниковъ, которые ей здѣсь даютъ и которые она принимаетъ съ такою благодарностью и примѣрною скромностью. Ее не хотять пускать изъ Вѣны въ Парижъ, гдѣ ее ожидаютъ, и директоръ упрашивалъ остаться здѣсь на зиму. Но она не можетъ остаться и должна возвратиться въ Парижъ для окончанія своего ангажемента. Послѣ этого, самое пламенное желаніе ея— возвратиться въ Россію, и поэтому она непринимаетъ тѣхъ блестящихъ предложеній, которыя дѣлаютъ ей Лондонъ и Италія. Ее тянетъ на родину, куда она желаетъ прибыть въ полномъ развитіи своего таланта и увѣнчанная трофеями, плодами непримѣрныхъ трудовъ и терпѣнія.

«При этомъ я сѣшшу также сообщить слѣдующее: директоръ парижской консерваторіи, г. Оберъ, пишетъ мнѣ, что онъ надѣется, что сынъ мой получить нынѣшній годъ первую премію за игру на скрипкѣ. Если это случится, мы всѣ трое тотчасъ же возвратимся въ Россію, чтобъ родная публика могла судить о справедливости тѣхъ похвалъ, которыя составили ихъ репутацію за границей, пріобрѣтенную ими съ такою мужественною рѣшительностью. Предъ отъѣздомъ дочери моей изъ Парижа, Надежда получила отъ принцессы Мюрать золотыя часы, осыпанные брилльянтами, а парижская публика, въ послѣдній ея прощальный спектакль, удостоила ея вѣнкомъ изъ бѣлыхъ камелій, въ который былъ вложенъ футляръ *съ золотыми шпорами для мазурки*. Поймите счастье и радость старика отца, жертвовавшего всѣмъ, чтобъ доставить Россіи артистовъ, достойныхъ ея славы и уваженія ея публики,» и пр. и пр.

Къ этому письму приложено также и письмо самой Н. К. Богдановой, въ которомъ она, благодаря за сообщаемыя о ней въ Пантеонѣ свѣдѣнія, печатаемыя въ заграничныхъ газетахъ и журналахъ, общается не жалѣть ни силъ, ни трудовъ, чтобъ быть достойною въ Россіи своей заграничной извѣстности и оканчиваетъ письмо такъ:

«Je me récommande particulièrement à votre bon souvenir et je vous prie, Monsieur d'agréer l'hommage de mes sentiments de profond respect et de vive gratitude pour tous vos bons conseils.

Nadegda Bogdanoff.

Dans quinze jours nous serons à Paris, rue des Martyrs. № 12.

Пожавъ новыя лавры въ Парижѣ, г-жа Богданова также въ свою очередь обнадеживаетъ, что мы не очень долго будемъ ждать ея возвращенія въ Петербургъ.

21 іюня петербургскіе жители снова были зрителями вторичныхъ трофеевъ, возимыхъ по улицамъ Петербурга. Тридцать девять турецкихъ знаменъ, доставшихся намъ по разбитіи тридцати-четыре-тысячнаго турецкаго корпуса, героемъ княземъ Андронниковымъ. При громкихъ восторженныхъ крикахъ ура, взводъ лейбъ-гусаръ въ червонныхъ своихъ ментикахъ, съ раздающею музыкой, сопровождали эти знаки новаго торжества русскаго оружія вплоть до Троицкой церкви. Среди мусульманскихъ знаменъ видѣлся и одинъ христіанскій гордый британскій флагъ, голубой съ бѣлымъ крестомъ на верхней половинѣ, взятый на берегахъ Финскаго залива. Вѣроятно, мы скоро опять будемъ свидѣтелями подобнаго же зрѣлища, если адмиралъ Нефиръ возьмется за умъ и перестанетъ издали любоваться на нашъ спокойный и готовый всегда къ его услугамъ Кронштадтъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауфферта.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ:

- ШОПИН.** Quatre Mazurkas, op. 33. Excutées dans les concerts par A. Henselt (1 p. 30 к.)
- ГОРИА.** Etude de Concert. op. 7. (60 к.)
- HENSELT.** Polacca de C. M. de Weber. Op. 72 (1 p. 70 к.) La Fontaine. Nocturne (60 к.) Pensée fugitive. (40 к.) Le Gondole. Etude. (75 к.) Air russe favorit de Noroff. (1 p.) Romance et Etude. (1 p.) Exercices préparatoires. (1 p. 50 к.)
- HUNTEN.** Air tyrolien, varié, op. 38. Nouv. édition. (70 к.)
- KALKBRENNER** et Mazinghi. Pièces faciles et progressives. (60 к.)
- THALBERG.** Airs irlandais. Fantaisie. (1 p. 40 к.) Fantaisie sur l'opéra; La Straniera, op. 9. (1 p. 50 к.) Deux airs russes variés, op. 17. (1 p. 50 к.) Andante, op. 32. (85 к.) Fantaisie sur l'opéra; Moïse, op. 33, (1 p. 70 к.) La Cadence. Impromptu, op. 36. № 1. (60 к.) Mi manca la voce, de l'opéra Zora, op. 36. № 2. (60 к.) Canzonette italienne, op. 36. № 3. (85 к.) Romance sans paroles, op. 36. № 4. (60 к.) Romance et Etude, op. 38. (75 к.) Souvenir de Beethoven, op. 39. (2 p.) Fantaisie sur l'opéra—La Donna del lago, op. 40. (1 p. 75 к.) Deux romances sans paroles, op. 41. (75 к.) Grande fantaisie sur le Menuet de Don Juan de Mozart, op. 42. (2 p.)
- TSCHERLITZKY.** Introduction, Caprice et final sur l'opéra «Il Pirata» d'Ernst, transcrit. (75 к.) Le soupir. Feuille d'Album d'Ernst. (60 к.)
- WEBER.** C. M. Memento capriccioso, op. 12 (60 к.) Grande polonaise, op. 28. (85 к.) Sonate, op. 24. (2 p.) Sonate As dur, op. 39. (2 p.) Aufforderung zum Tanz. Invitation à la Danse, op. 65. (75 к.) Polonaise brillante op. 72. (75 к.) Concert-Stück, op. 79. Nouvelle édition. (2 p.)
- WISSOTZKY.** Deuxième mazurka sur l'air russe. Гляжу, какъ безумный на черную шаль, varié. (75 к.)

ЛЮБИМЫЕ ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- ALEXANDER-POLKA.** (30 к.)
- ALEXANDROFF.** Schottisch-Polka. (50 к.)
- ARCHANGELSKY.** Polka-caractéristique (40 к.)
- ARC.** (van) Quadrille de l'opéra: Templario. (60 к.) Les soirées de St. Pétersbourg. Quadrille (60 к.)
- AUBER.** Galop de l'opéra: Le Duc d'Olonne. (30 к.) Quadrille sur l'opéra: La Fiancée. (60 к.)

- BEETHOVEN.** Le Désir. (Sensucht-Walzer) (30 к.)
- BEYER.** Camélia-Polka. Nouv. édition. (30 к.)
- BOUDREWITZ.** Le Pyroscaphe-Galop. (60 к.) Polka-Folie (30 к.)
- DEMIDOFF.** Polka-Mazurka. (40 к.)
- DERWIES.** La Redova. (40 к.)
- EISNER.** Quadrille et deux mazurkas. (75 к.) Mon retour. Quadrille. (60 к.) Le Bouquet. Valse. (75 к.) La Péri. Quadrille. (60 к.)
- GOHLER.** Bolero et il Zapateado du Ballet: le Diable boiteux. (40 к.) Quadrille de l'opéra: Guido et Ginévra (60 к.) La Créole. Contredanse française. (60 к.) L'Ombre. Тѣнь. Французская кадрили. (60 к.) La Pensée. Contredanse française. (60 к.)
- HERZOG.** Hamburger-Polka. (30 к.)
- KAZUNSKY.** Lablache-Polka. (60 к.) Милочка-Полька. (50 к.) Schottisch. (60 к.) Nicolas-Polka. (85 к.) Les Folies du Carnaval. Polka. (40 к.) Rève après un bal. Polka-Fantaisie. (75 к.) Elisabeth-Polka. (50 к.) Звѣздочка. Polka-Mazurka. (40 к.)
- LIADOFF.** Camilla. Quadrille. (60 к.) Zénéide-Polka-Mazurka. (50 к.) Голубчикъ-галопъ. (50 к.) La fête à la Campagne. Quadrille. (60 к.) Лото-Полька. (40 к.) Emilien-Galop. (40 к.) Военный-Кадрили. (60 к.) Cachucha. (60 к.)
- MALISCHEWSKY.** Mosaique Quadrille. (60 к.)
- MEYER.** Herminie-Polka. (40 к.)
- PASCHKOW.** Marien-Polka. (40 к.) Alexandrinen-Polka. (40 к.) Papillon-Polka (50 к.) Souvenir-Polka. (40 к.)
- STRAUSS.** Nocturne-Quadrille. (60 к.) Veilchen-Polka. (30 к.)

Въ этомъ же магазинѣ получены новости изъ-за границы, какъ для пѣнія такъ и для всѣхъ инструментовъ, въ огромномъ выборѣ.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены, на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три рубли серебромъ получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣже 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преисъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьѣтаномъ. Преисъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Святая недѣля въ Москвѣ. — Гулянье подъ Новинскимъ. — Балаганы. — Выставка художественныхъ произведеній. — Гулянье въ Сокольникахъ. — Пржнее и настоящее значеніе Сокольниковъ. — Дача г-жи Буркиной. — Благородный спектакль въ пользу раненыхъ. — Семикъ. — Московскія окрестности: Останкино, Кунцово, Кусково, Косино, Царицыно. — Преній Корсаковъ садъ. — Эрмитажъ. — Студенецъ. — Марьино Роца. — Кремлевскій садъ. — Шелковичныя деревья въ Москвѣ. — Простонародныя картины. г. Оедотова. — Лѣтній концертъ.

Давно уже не увѣдомлялъ я васъ, что дѣлается у насъ въ Москвѣ, и главною причиною этому былъ совершенный застой новостей, который всегда слѣдуетъ по окончаніи зимняго шумнаго городского времени. За то теперь, по пословицѣ «лучше поздно, чѣмъ никогда», сообщу вамъ все до послѣдней минуты отправленія моихъ извѣстій, и начну съ самой Святой недѣли, которою я закончилъ послѣднее мое письмо въ Пантеонъ. Я увѣдомлялъ васъ о прекрасной погодѣ, о настоящемъ лѣтнемъ днѣ, который тамъ много способствовалъ полному блеску нашего гулянья на вербахъ, и что-жь, на третій день Свѣтлаго праздника, лѣто опять оставило Москву, и толстое покрывало снѣга убѣлило всѣ наши улицы. Можете судить какое вліяніе имѣла эта перемѣна погоды на наше гулянье подъ Новинскимъ и какимъ холодомъ обдала походныя труппы странствующихъ салтубанковъ и содержателей балагановъ, которые не щадили ни средствъ, ни силъ своихъ, чтобъ позабавить зрителей, а между тѣмъ, едва ли могли собирать каждодневно столько, чтобъ порядочно согрѣть подъ вечеръ свои окоченѣвшіе члены. Впрочемъ, въ Оомино воскресенье счастье снова улыбнулось отчаявавшимся балаганщикамъ: солнце опять взшло ярко и знойно надъ Москвою, но гулянье подъ Новинскимъ не имѣло нынѣшній годъ того вида, какимъ отличалось въ прежніе годы. Въ былые годы весь бульваръ, отъ Кудрина почти вплодь до Смоленскаго рынка, съ двухъ часовъ до трехъ по полудни наполнялся многолюдною, избранною публикою, пе-

стрѣль самыми свѣжими, изысканными нарядами; нынѣшній же годъ избранной публики было очень мало, хотя многолюдство было тоже самое. Чѣмъ замѣнили наши модные жители это покинутое ими гулянье, неизвѣстно.

Въ числѣ множества балагановъ, украшавшихъ нынѣшній годъ широкое новинское пространство, преимущественно привлекалъ посѣтителей балаганъ вашего стараго петербургскаго знакомаго Легата, представленіемъ трехъ картинъ Синопскаго сраженія, постановленнаго съ большимъ стараніемъ. О прочихъ балаганахъ распространяться не стоитъ, хотя и они также, какъ и всегда старались заманить къ себѣ зрителей и изящною своею наружностью и вычурными вывѣсками. Качанье на качеляхъ происходило своимъ обычнымъ порядкомъ, при звукахъ пѣсенъ качающихся и при возгласахъ качальщиковъ «на бузу» (татарское на водку) и вѣроятно мѣсто около качель оказалось, по окончаніи гулянья, умощеннымъ неизбѣжнымъ своимъ праздничнымъ *гравье* — орѣховою шелухой, въ слѣдствіе любимаго лакомства нашего простонародья.

На Оминой недѣлѣ, 22 апрѣля, началась у насъ выставка художественныхъ произведеній въ Московскомъ училищѣ живописи и ваанія, открытая безденежно для всѣхъ сословій отъ 10 часовъ утра до трехъ по полудни. Она окончилась только 17-го мая. Кромѣ картинъ учениковъ училища, московская публика имѣла случай еще разъ полюбоваться произведеніями нашихъ первоклассныхъ художниковъ: *Вирсавію* — Брюлова, относящуюся къ самой дѣятельной порѣ въ Римѣ, которую впрочемъ нѣкоторые изъ знатоковъ посѣтителей находили не совершенно оконченною и говорили, что даже самъ художникъ не былъ ею вполне доволенъ — *Вдовушкой* * картиной покойнаго П. А. Федотова, котораго прежнія картины еще такъ живо сохранились у всѣхъ въ памяти, *Итальянскимъ видомъ* мастерской кисти Жамета, *Швейцарскимъ видомъ* Калама, *Кавказскимъ видомъ* Лагоріо, *Двумя морскими видами* Айвазовскаго и *Дьвушкой со снопомъ цвѣтовъ на головѣ* академика Орлова.

Произведенія учениковъ, выставленныя нынѣшній годъ, какъ живописныя, такъ и скульптурныя, были многочисленны, и многія изъ нихъ привлекали общее вниманіе публики. Особенно всѣмъ понравилась картина *Поварь* г. Грибкова, сюжетъ которой заимствованъ изъ извѣстной басни Крылова *Котъ и поварь*. Обдуманность ея исполненія и оконченность деталей показываютъ въ молодомъ художникѣ несомнѣнный

* Лучшій экземпляръ Вдовушки, которую П. А. Федотовъ нѣсколько разъ перерисовывалъ, не будучи вполне доволенъ своимъ произведеніемъ, находится въ Петербургѣ у друга покойнаго П. И. Ресслера.

талантъ. Представьте себѣ повара, стоящаго у разогрѣтой плиты съ тѣмъ сосудомъ, для охраненія котораго онъ оставилъ въ кухнѣ своего Ваську, и вемотритесь хорошенько въ его лицо, на которомъ мелькають три сильныя чувства: досада, злоба и грозное мщеніе, при видѣ виновника уничтожающаго цыпленка, и вы невольно улыбнетесь. Кругомъ замѣтенъ безпорядокъ, происшедшій во время отсутствія за *подкрѣпительнымъ*: опрокинутый кувшинъ молока на столѣ и выбѣжавшая изъ краевъ пѣна изъ кастрюли, поставленной на плитѣ.

Не менѣе обращала на себя вниманія картина г. Смолякова *Причащеніе умирающей*. На постелѣ лежитъ больная, предъ которою стоитъ въ полномъ облаченіи священникъ съ сосудомъ въ рукѣ, а за нимъ въ отдаленіи дьячекъ, староста, крестьяне и даже мальчикъ на рукахъ одной изъ женщинъ. У изголовья умирающей стоитъ на столикѣ икона, съ горящею передъ нею свѣчею. Выраженіе лица каждой фигуры исполнено какъ нельзя лучше; видно, что художникъ долго и глубоко изучалъ задуманный имъ сюжетъ, что сюжетъ этотъ самобытенъ, а между тѣмъ общая его композиція поразила меня, когда я припомнилъ картину г. Сорокина старшаго, присланную въ прошедшемъ году въ Петербургъ изъ Испаніи, которую мнѣ удалось видѣть въ вашей столицѣ. Тоже самое названіе, тѣже почти самыя фигуры; неужели это только одна игра случая?

Изъ прочихъ ученическихъ картинъ очень хороши «пейзажи», Саврасова, «Зима» г. Степанова, «Старуха съ картами», г. Рославлева, «Видъ съ Воробьевыхъ горъ на Москву» г. Бочарова, «Женщина» г. Наваковича, «Старикъ» г. Фелицына и копія гг. Каратыгина, Моисеева и Шервуда, первыхъ двухъ съ Теньера а послѣдняго съ Айвазовскаго.

Скульптурный отдѣлъ былъ также очень замѣчателенъ и особенно работы учениковъ Шиманскаго, Севрюгина и Мейкова, котораго несомнѣнный и сильный талантъ былъ прерванъ, къ общему сожалѣнію товарищей и самаго профессора г. Рамазанова, никого не щадящею смертію.

Выставку училища значительно пополнила своими акварельными рисунками посторонняя любительница г-жа Раевская.

Нельзя не пожелать нашему училищу, наградившему Петербургскую Академію столькими замѣчательными художниками, въ числѣ которыхъ можно смѣло назвать академикомъ: скульптора Бѣляева и живописца Горбунова, дальнѣйшихъ и еще болѣе блистательныхъ успѣховъ.

Между этимъ временемъ и днемъ перваго мая ничего у насъ особеннаго не происходило; но вотъ наступилъ и этотъ день. Обычай

праздновать его теряется въ самой глубокой древности и принадлежитъ всѣмъ народамъ, начиная отъ римлянъ, посвятившихъ его богинѣ цвѣтовъ Флорѣ. У насъ въ Москвѣ празднованіе перваго мая было заведено переселившимися нѣмцами въ слободу Кокуй (Лефортово) находившуюся близъ Сокольниковъ. Самъ Императоръ Петръ Великій очень часто посѣщалъ это гулянье, слышшее въ простонародьи подъ названіемъ «нѣмецкихъ становъ», и съ тѣхъ поръ обычай веселиться въ этотъ день въ Сокольникахъ укоренился. Самое названіе этого прекраснаго сосноваго лѣса поясняетъ его прежнее назначеніе: онъ служилъ нѣкогда любимымъ мѣстомъ для соколиной охоты московскихъ царей и царевичей. Герберштейнъ; которому мы обязаны столькими драгоценными свѣдѣніями о нашемъ частномъ бытѣ и обычаяхъ его времени, очень подробно описываетъ эту великолѣпную соколиную охоту, которой онъ самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ и говорить:

«Близъ Москвы есть лѣсъ, въ которомъ водится превеликое множество зайцевъ, которыхъ не только ловить запрещено, но даже и рубить въ этомъ лѣсу деревья. Какъ скоро великій князь вознамѣрится ѣхать на охоту, то приносятъ туда зайцевъ и изъ другихъ звѣринцевъ, которыхъ у него не мало.

«Выѣхавъ въ поле, Царь посылаетъ одного изъ бояръ, или придворныхъ своихъ за посланниками. Какъ-скоро посланники подъѣдутъ къ нему на нѣкоторое разстояніе, то, слѣзая съ лошадей, подходятъ къ нему пѣшкомъ. Такимъ-образомъ были приведены и мы. Государь сидѣлъ на богато-убранномъ конѣ, въ богатѣйшемъ одѣяніи. Голова его была покрыта. Онъ, подавая намъ руку, приказалъ переводчику сказать намъ: «Мы вознамѣрились повеселиться охотою и васъ сдѣлать участниками этого удовольствія; сядьте же опять на лошадей и ступайте за мною. Одѣяніе его было изъ золотой парчи, къ поясу привѣшены были два длинные ножа и кинжалъ. Сзади за поясомъ заткнутъ былъ кистень, украшенный золотомъ. По правую сторону его ѣхалъ казанскій царь Ших-Алей, по лѣвую же два молодые князя. Казанскій царь имѣлъ при себѣ двойной колчанъ: въ одномъ изъ нихъ находился лукъ, въ другомъ стрѣлы. По прибытіи нашемъ въ поле, мы нашли тамъ до трехсотъ всадниковъ, на самомъ мѣстѣ охоты находилось нѣсколько сотенъ охотниковъ, изъ которыхъ одна часть была въ черномъ, а другая въ желтомъ платьѣ. Ловля продолжалась нѣсколько часовъ, и затравлено было до трехсотъ зайцевъ. Великій князь поѣхалъ къ одной деревянной башнѣ, которая отстояла отъ Москвы на нѣсколько тысячъ шаговъ и около которой разбито было множество палатокъ. Одна самая высокая и пространная—для Государя, другая—для царя казанскаго, третья—

для насъ, многія для чиновниковъ и для другихъ потребностей. Какъ скоро каждый вошелъ въ назначенную для него палатку, то Государь немедленно приказалъ позвать насъ въ свою. Великій Князь сидѣлъ на скамейкѣ изъ слоновой кости, по правую его сторону царь казанскій, а по лѣвую молодые князья, бывшіе у него въ особой милости.»

Съ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ, звуки роговъ, оглашавшіе Сокольники, навсегда умолкли, но Московскіе жители не перестали между тѣмъ посѣщать этотъ лѣсъ, и онъ остался до сихъ поръ любимымъ загороднымъ гуляньемъ всѣхъ москвичей, по своей близости отъ города, на самой чертѣ его, по своимъ вѣковымъ сосновымъ деревьямъ, песчаному грунту, не принимающему на долго сырости и тихимъ струямъ рѣки Яузы, которая всегда готова принять гуляющихъ въ свое прохладное, водное лоно. Кто лѣтъ шесть не видалъ Сокольниковъ, тотъ навѣрное не узнаетъ ихъ. Слободка вокругъ лѣса преобразилась въ маленький красивый городокъ, пестрѣющій самыми разнообразными, прихотливими зданіями всякой величины и всѣхъ видовъ. По самому лѣсу, почти вплоть до Яузы извинаятся широкія дорожки, высеяты красивыя бесѣдки, а лѣтомъ бѣлѣютъ, желтѣютъ и синѣютъ цвѣты. По широкой просѣкѣ, ведущей къ древнему селу Алексеѣвскому, на Троицкой дорогѣ, вы достигаете до купалень, устроенныхъ также въ рошѣ изъ прекрасной мытищинской воды, проведенной за пятнадцать верстъ, изъ такъ называемыхъ *громовыхъ* ключей села Большая-Мытищи, и можете въ нихъ пользоваться водою, какой угодно температуры, начиная отъ самой горячей, потому что купальни эти находятся близъ пароваго водоподъемника, поднимающаго воду на второй этажъ Сухаревой башни. По старой привычкѣ сокольницкіе дачники предпочитаютъ роскошному сокольницкому парку не убранныю его часть, и съ большою охотою углубляются подъ густую сѣнь нетронутыхъ человѣческою рукою сосенъ. Никогда не было примѣра, чтобъ это любимое первое лѣтнее гулянье было малоллюдно, даже въ самую дурную погоду, и примѣромъ этому служить первое мая прошлаго года. Дорожки были наполнены гулящими подъ зонтиками. Нынѣшній годъ погода стояла превосходная и почти двѣ трети народонаселенія Москвы покрывали весь паркъ, все Ширяевское поле и сокольническія необдѣланныя рощи; однихъ экипажей можно было насчитать до *пяти тысячъ*. И какія разнообразныя картины открывались взгляду. Тутъ неисчислимый рядъ каретъ и колясокъ, кружащихся до самой Яузы, тамъ палатки частныя и вмѣщающія въ себѣ буфеты, а далѣе дымокъ отъ разложенныхъ огней, около которыхъ полдничаютъ на травѣ семейства, забравшіяся въ Сокольники съ домашними за-

пасажи съ ранняго утра. Разнообразная картина эта пополняется звуками музыки и пѣсень, несущихся изъ разныхъ мѣстъ.

Нынѣшній годъ въ Сокольникахъ нѣтъ ни одной пустой дачи, а между дачниками можно встрѣтить довольно гостей петербургскихъ. Съ половины мая все уже было въ нихъ оживлено и начались концерты подъ управленіемъ г. Максимиліана Сакеа, на дачѣ, принадлежащей г-жѣ Буркиной. Это любимое мѣсто большей части московской публики, лишившейся Тиволи со смертью Раппо въ прошедшемъ году.

Въ четвергъ 13 мая, былъ данъ у насъ въ залѣ Благороднаго Собранія благородный спектакль въ пользу раненыхъ воиновъ, за устройство котораго Москва должна вполне благодарить супругу московскаго генералъ-губернатора, графиню А. Ѳ. Закревекую. Спектакль этотъ, составленный изъ нарочно написанной для этого случая патріотической пьесы: «Подвигъ донскаго казака Растригина», начался комедіею Хмѣльницкаго «Воздушные замки», при звукахъ оркестра, также составленнаго изъ любителей, подъ управленіемъ извѣстнаго въ Москвѣ музыканта-любителя г. Радивилова. Благой цѣли графини дѣятельно помогали своимъ участіемъ въ этомъ патріотическомъ спектаклѣ члены лучшаго московскаго общества, именно: княжны В. Н. и М. Н. Щербатовы, княгиня Е. Н. Абамеликъ, Е. С. Мясоедова, С. Д. Левшина, О. С. Пашкова, М. Н. Рахманова, Н. А. Тимашева, князя Д. В. Друцкой, В. И. Гагаринъ, Г. В. Кугушевъ, Б. М. Черкасскій, А. Н. Голицынъ, С. А. Ухтомской, и гг. Лашкевичъ, Чертковъ, Загоскинъ, Лихонинъ, Снегиревъ, Мамоновъ, Соколовъ, Губертъ, Скуратовъ, Жеребцовъ, Родзянко и Пашковъ. Въ антрактѣ между пьесою «Воздушные Замки» и капитальною пьесою всего спектакля, Н. Н. Волковъ и Д. С. Шеншинъ исполнили большой дуэтъ для двухъ фортепьянъ изъ оперы «Норма», сочиненіе Тальберга. Подвигъ донца Растригина, угнавшаго съ пятью удалцами товарищами, почти изъ-подъ носу турокъ, 5 февраля, тринадцати-саженную лодку, вѣроятно еще памятенъ каждому, и потому нѣтъ мнѣ нужды рассказывать содержанія пьесы, скажу только, что она была сыграна любителями съ большимъ искусствомъ, особенно же заслужили одобреніе г. Лашкевичъ въ роли купца Рукавицына, и княжна В. Н. Щербатова, въ роли его дочери Маши. Финальные куплеты второй части этой пьесы были прекрасно пропѣты Н. А. Мамоновымъ. Вообще все участвовавшіе въ спектаклѣ удовлетворили требованія самыхъ строгихъ цѣнителей и были привѣтствованы единодушными рукоплесканіями многочисленныхъ зрителей. О достоинствѣ самой пьесы говорить не слѣдуетъ, потому что она не имѣла никакого притязанія на литературную

извѣстность, имѣя въ виду только одну благородную, благотворительную цѣль.

Что сказать вамъ о днѣ нашего семика, въ который вся Москва обращается какъ будто въ какую-то березовую рощу. Нынѣшній годъ гулянье было очень неудачно, проливной дождь въ самый разгаръ гулянья уничтожилъ все надежды какъ гулявшихъ, — въ полномъ смыслѣ слова по колѣно въ водѣ, такъ и содержателей марьипорощенскихъ трактировъ.

Благодаря постоянно прекрасной погодѣ, деревья наши скоро одѣлись листьями; бульвары, которыми Москва обвита, какъ поясомъ, зазеленѣли и начали наполняться по вечерамъ толпою гуляющихъ, особенно Тверской бульваръ, любимое мѣсто прогулки въ утреннее время лучшей московской публики и широкій трубный бульваръ, на которомъ происходитъ теперь продажа цвѣтовъ, переведенная отъ городской стѣны близъ присутственныхъ мѣстъ. Въ половинѣ мая городъ началъ замѣтно пустѣть и все двинулось на лѣтнее время или въ деревню, или въ окрестности, которыми Москва вправѣ похвалиться. Быть можетъ, окрестности наши не такъ великолѣпно убраны искусствомъ, какъ ваши острова, за то ихъ постаралась издавна украсить сама мать-природа. Большую часть изъ нихъ, какъ напримѣръ, Воробьевы горы, Коломенское, Фили, Кунцово, Архангельское орошаетъ Москва-рѣка, въ другихъ, за немѣнѣемъ ея, по близости или озера, или огромные, вырытые пруды, наполненные рыбою. Ближе всехъ находится отъ города Останкино, прекрасное село, принадлежащее графу Шереметеву, съ старинною церковью, великолѣпнымъ домомъ и огромнымъ садомъ, въ которомъ по стриженнымъ, сплошнымъ какъ стѣна, липовымъ аллеямъ, каждый вечеръ собираются *прохлаждаться* московскіе купцы или сидѣтъ подѣ тѣнью вѣковыхъ кедровъ. Лѣсное пространство передъ Останкинскимъ прудомъ служитъ любимымъ кочевьемъ для московскихъ татаръ, которые проводятъ тамъ цѣлые дни, разлегшись на коврахъ и поджаривая на угольяхъ шашлыкъ и баранину. Если вы любите красоту дикую, поѣзжайте въ Кунцово, расположенное на возвышенномъ холмѣ, у подножія котораго разстилается Москва-рѣка между песчаными берегами. Кунцово было любимымъ мѣстомъ Козлова:

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный
Тамъ пѣсни чудныя слагалъ.

Подъ навѣсомъ густыхъ, плакучихъ березъ написалъ онъ тамъ «Чернеца», «Безумную», докончилъ «Абидосскую невѣсту» и сочинилъ многія лучшія свои стихотворенія. Не имѣя возможности видѣть окру-

жающую его природу, онъ по памяти воссоздавалъ ее и вдохновлялся. Близъ Кунцова находится дикая березовая роща, въ которой разбросаны и едва видны вросшіе среди мха въ землю надгробные камни. Тутъ, по преданію, было когда-то татарское кладбище. Дикимъ величіемъ мѣстоположенія отличается также и Царицыно. Тамъ высится дворецъ временъ императрицы Екатерины, на недостроенныхъ стѣнахъ котораго вьется плющъ, тамъ также цѣлая плантація вѣковыхъ кедровъ и огромныя озера. Царицыно довольно отдалено отъ Москвы, и потому въ немъ дачниковъ немного, но за то всегда бываетъ много посѣтителей, прѣзжающихъ любоваться красивою мѣстностью изъ бесѣдки Миловиды. Въ окрестностяхъ Москвы есть еще одно замѣчательное мѣсто — *Кусково*, съ его деревенскими, сдѣланными изъ березъ, бесѣдками, съ его стриженными то конусами, то пирамидами, то квадратными колоннами—елями и старымъ барскимъ домомъ. Мѣстность его низменная, ровная и однообразная; но Кусково знаменито воспоминаніями, но Кусково воспѣлъ И. И. Козловъ въ своей Натальѣ Дмитріевнѣ Долгорукой. Въ немъ бываетъ по временамъ много гуляющихъ, хотя:

И садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты,
Въ забвеньи грустномъ сиротѣють...
Хозяинъ—честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой,
Его хоромы опустѣли...
Простясь съ родимою Москвою,
Въ хоромахъ пышныхъ надъ Невою,
Живетъ наслѣдникъ молодой.

А было время, когда въ этомъ, теперъ опустѣломъ и тихомъ селѣ, толпились тысячи гостей, тѣснилась вся знать московская, праздновалась свадьба Натальи Дмитріевны Шереметевой.

И до утра.

Народъ, столпясь, кричалъ ура!

Болѣе всего привлекаетъ въ Кусково посѣтителей его положеніе на дорогѣ къ *Косину*, въ которомъ находится чудотворный образъ Богоматери, принесенный изъ Италіи, и озеро, въ которомъ, послѣ молитвы, съ вѣрою въ милосердіе Божіе погружаются недужные. Вода этого озера красноватаго цвѣта, и должна имѣть какое нибудь минеральное свойство, до сихъ поръ еще кажется неизслѣдованное. За нѣсколько лѣтъ предъ

свѣтъ, купальщики имѣли обыкновеніе брасать на дно озера деньги, цѣнныя вещи и даже бѣлье, но теперь этотъ обычай, кажется, вывелся.

Незнаю, нужно ли будетъ упоминать еще о селѣ Архангельскомъ, князя Юсупова, о Кузминкахъ (Влахернскомъ) князя Голицина, съ которыми связаны воспоминанія о посѣщеніи этихъ мѣстъ нашими Императорами и Императрицами, и о селѣ Коломенскомъ, любимомъ мѣстоприваніи Царя Алексѣя Михайловича и мѣстѣ, гдѣ возрасталъ и крѣпъ мощный геній Петра Великаго. Поѣзжайте, когда угодно, въ это послѣднее, и вы всегда увидите тамъ огромные хороводы изъ нѣсколькихъ десятковъ женскихъ паръ, одѣтыхъ въ парчу и штофъ, и можете полюбоваться превосходною попорамой Москвы и величественнымъ рядомъ богатыхъ монастырей, каковы Симоновскій, Даниловскій, Донской, Андроніевскій и другіе, которыхъ высокія колокольни видны отсюда какъ *на ладони*. Мѣста эти и живописны, и тихи, и удобны; но мода именно сдѣлалась законодательницею нашего вѣка, и потому большая часть народонаселенія Москвы живетъ или въ Сокольникахъ, или въ пыли Петровскаго парка, благо тамъ можно послушать музыку даромъ и походить въ тѣнотѣ. Въ нынѣшнее лѣто любимыми гуляньями московской публики сдѣлались Сокольники, преимущественно дачи Буркиной и *бывшій* «Корсаковъ садъ», переименованный теперь въ *Эрмитажъ*.

Если ваши читатели не имѣютъ понятія о томъ, что былъ Корсаковъ садъ въ прежнее время и чѣмъ онъ сталъ въ нынѣшнее, то я почитаю необходимымъ объяснить существенную разницу между прошедшимъ и настоящимъ.

Прежній Корсаковъ садъ — былъ... какъ бы вамъ лучше объяснить это,—прежній Корсаковъ садъ былъ тоже самое, что въ прежнее, даже недавнее время, русскіе трактиры въ Марьиной рощѣ. Посреди заросшихъ травой дорожекъ, при покрытомъ тиною прудѣ, тамъ постоянно собиралась молодежь, избѣгавшая натянутыхъ гуляній и производила оргіи при второстепенныхъ хорахъ цыганъ, шѣсенниковъ и музыкантовъ, изъ которыхъ каждый брелъ на своемъ инструментѣ *кто въ лѣсъ, кто по дрова*. Правда, тамъ и въ старыя времена бывали разныя представленія—штукари ходили по канату, фокусники глотали горящую смолу, сальтенбанки бросались съ высоты въ прудъ и выходили изъ него сухи, какъ гуси, только покрытые тиною, но порядочное общество никогда не посѣщало беспорядочныхъ и запущенныхъ дорожекъ Корсакова сада. Теперь сдѣлалось совершенно не то. Принявъ названіе *пустыни* (Hermitage), Корсаковъ садъ сталъ пустынею самою многолюдною, и въ немъ постоянно можно увидѣть посѣтелей порядочна-

го круга. Дорожки нынѣшняго Эрмитажа тщательно вычищены, деревья подстрижены, прудъ не запущенъ и не издаетъ звуковъ лягушачьяго оркестра, повсюду видны порядокъ и соблюденіе свѣтскихъ приличій, безъ которыхъ каждое веселое гулянье обращается въ мѣсто самое непріятное. Тамъ теперь постоянно играетъ оркестръ подъ управленіемъ артиста Дено, извѣстнаго своею игрою на рожкѣ съ клапанами (*cornet à piston*) зажигаются пллюминаціи, и еще недавно среди прекрасныхъ декораций Дюрье, было представлено на прудѣ Синдпское сраженіе и сожженъ блистательный фейерверкъ. Нынѣшній Эрмитажъ заставилъ нашу публику совершенно позабыть прежнее его названіе, которое она недолюбливала, и теперь онъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ для гулянья.

Кромѣ Эрмитажа начали даваться представленія на дачѣ Студенець, за Трехъ-горною заставой, также сопровождаемые фейерверкомъ, музыкою, и разными гимнастическими играми. Фейерверки и освѣщенія вошли нынѣшній годъ до того въ моду, что даже въ Марьиной рошѣ сжигаются *блистательные* фейерверки, и вся она освѣщается бенгальскими огнями. Оставшіеся въ городѣ гуляютъ и слушаютъ по извѣстнымъ днямъ, музыку въ Кремлевскомъ саду.

Многіе изъ нашихъ московскихъ жителей вздять нынѣшнее лѣто любоваться плантаціею тутовыхъ деревъ, заведенною при Московскомъ мѣщанскомъ училищѣ, попеченіемъ надзирателя надъ воспитанниками А. А. Любимова, въ палисадникѣ, идущемъ вдоль Калужской улицы, и слѣдовательно открытой для всѣхъ проѣзжающихъ; въ ней, къ самой оградѣ пересажены были, въ 1852 году, шелковичныя деревья, испорченныя отъ небрежной прежде обрывки листьевъ, которые раздавались многимъ для выкорки червей. Средніе стволы этихъ деревьевъ были срѣзаны весною до самаго корня, отъ котораго они дали свѣжіе густые побѣги, прекрасно одѣвшіеся листьями, и тѣмъ возобновившіе испорченные стволы и сучья. Тутъ же, въ линіяхъ, на грядахъ, весьма чисто выполотыхъ, растутъ двухъ и трехъ-лѣтнія шелковицы, въ отличномъ состояніи. Потомъ осматриваютъ главную плантацію, огороженную въ самомъ саду, на пространствѣ полу-десятины. Въ ней цѣлыя гряды шелковицы, засѣяныя нынѣшнею весною, гряды однолѣтнихъ, двухъ и трехъ-лѣтнихъ деревьевъ, между которыми отдѣльно посажены и вмѣстѣ въ особой куртнѣ 15-ти-лѣтнія шелковицы, пересаженные изъ стараго питомника, въ томъ же саду находящагося, въ которомъ деревья растутъ съ 1842 года, присланные тогда въ Москву А. О. Ребровымъ. Подобныя ей, хотя и въ меньшемъ видѣ, существуютъ при Земледѣльческой школѣ, на Зубовскомъ валу, при Обществѣ садоводства, на Студенцѣ у г. Юдицкаго, при Александровскомъ дѣтскомъ приютѣ, въ

Сущевъ и на Большой Дмитровкѣ, при домѣ Кампіони, у г. Фаренколя. Московская шелковица приноситъ и ягоды, свидѣтельствуя тѣмъ, что она приучилась къ нашему климату и хочетъ размноженія своей породы здѣсь, на мѣстѣ ея воспитанія.

Во всѣхъ заведеніяхъ вы увидите и выкормку червей, отъ недавно ожившихъ, до червей окончившихъ свой ростъ, и уже завивающихся коконы, и притомъ на свѣжемъ воздухѣ, подъ навѣсомъ, въ саду, совершенно открытомъ съ одной стороны. Фаренколь устроилъ особенную бесѣдку для выкормки червей и для самыхъ точныхъ наблюдений надъ ихъ жизнью. У него можно видѣть чудное превращеніе червячка въ бабочку, доставляющую шелкъ для одеждъ и роскошныхъ нарядовъ и обогащающую государство. Желаемъ, чтобы шелководство въ Москвѣ было возвышено на степень науки, подтверждаемой опытомъ; это самое прочное основаніе для развитія его въ нашемъ отечествѣ.

По части художественныхъ новостей могу увѣдомить о новомъ замѣчательномъ изданіи простонародныхъ картинъ, подъ названіемъ «Раекъ», сочиненіе которыхъ принадлежитъ нашему талантливому артисту-любителю А. И. Оедотову. Содержаніе новыхъ простонародныхъ картинъ г. Оедотова заимствовано изъ современной войны съ Турціей. Издатель расположилъ выпуски этихъ картинъ въ хронологическомъ порядкѣ настоящихъ военныхъ событій. Такъ сперва вышла въ свѣтъ картина *Рекрутскаго набора*, какъ обстоятельства, предшествующаго каждой войнѣ; затѣмъ въ «Райкѣ» мы увидѣли *Сны Султана*, зловѣщія сны, которые предрекаютъ гибельныя для Турціи послѣдствія настоящей войны; наконецъ отпечатана картина *Синопскаго сраженія*, начала страшнаго осуществленія сновъ султана. Надобно ожидать, что въ послѣдствіи выйдеть въ свѣтъ цѣлая коллекція этихъ картинъ.

Простота ихъ рисунка и самый текстъ весьма искусно принаровлены къ понятіямъ народа, — и гдѣ бы онѣ ни явились, — всюду около нихъ соберется группа народа, изъ среды которой, грамотный, выступя впередъ, читаетъ вслухъ подписи, а остальные слушаютъ его съ величайшимъ вниманіемъ, по временамъ прерывая чтеніе одобрительными восклицаніями. Сочувствіе, выражаемое этими восклицаніями, весьма естественно: здѣсь русскій мужичекъ слышитъ интересный, вполне понятный для него рассказъ мужичка-же, но мужичка-остряка, бойкаго парня; здѣсь слышитъ онъ свое родное, отголосокъ своихъ собственныхъ убѣжденій, которыхъ только онъ не могъ такъ красно выказать.

Вотъ напр., отрывокъ изъ разсказа о Синопскомъ сраженіи: «Турецкіе канониры палятъ въ пушки и мортиры; только изъ-за дыма всё палили мимо; море волнуется, турки бѣсуются, наши всё крѣпились

да молчали,—да вдругъ разомъ отвѣчали. Какъ грохнули съ корабля Константина,—погибла турокъ половина, а какъ начали палить остальные,—стали турки, словно шальные! Со страху звали Магомета съ *тото* свѣта, а Магометъ ихъ самихъ зоветъ на тотъ свѣтъ. Важно гостей угощали, много кораблей у нихъ взорвали! Одни полетѣли на воздухъ за птицами, другіе на дно морское за рыбами, а люди разбѣжались во дремучій лѣсъ, звѣрьё ловить; и отъ всего турецкаго флота остались сита да рѣшота; а самъ ихъ адмиралъ Османъ-Паша сидитъ, едва дыша, наши же его пріютили, да съ собою захватили. Турокъ отщѣлкали, отхлопали—и пошли домой къ Севастополю. Кораблики потѣшились, начальники орденами обвѣшались, матросамъ милости, подарки, вина пѣннаго по чаркѣ, да еще денежное Царское жалованье! Чарка намъ не диво, пивали вино и пиво, а любо Царское угощеніе, и рубль не дорогъ,—добудемъ ихъ цѣлый ворохъ,—намъ дорого Царское пожалованье.»

А вотъ монологъ русскаго мужичка, котораго берутъ въ рекруты: «Ну, чево вы, дуры, стонете, словно мертваго хороните! Эй, жена, глядитко, что сталъ твой Микитко! Пуговицы литыя, орлы золотые, усы завитые, голова приглажена, муниція прилажена, на ногѣ сапогъ такъ и лоснится, а нога плясать такъ и просится! Али лучше мнѣ шеголять въ зипунѣ? На войнѣ отличусь,—домой ворочусь, года черезъ три, примѣромъ, буду кавалеромъ. Ужъ тогда сивалдай намъ шапку скидай, до земли наклонись, а ты-то, жена будешь ваше благородіе! А убьютъ—такъ убьютъ, что печалиться тутъ, чего горевать: двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать. Покрайности умру смертію славною, за Вѣру православную, за Царя Самодержавнаго! Богъ милостивъ, а Царь жалостливъ; онъ насъ на войну отправляетъ, а самъ объ насъ, сиротахъ, помышляетъ. Царское око видитъ далеко!»

Сны султана состоятъ изъ трехъ сновъ. Первый сонъ представляетъ Кремлевскую площадь въ Москвѣ, второй—турецкую крѣпость на берегу моря, третій—пожаръ турецкаго города и ниву, засеянную рожью безъ колосьевъ. Подъ каждымъ изъ этихъ сновъ помѣщены живописныя поясненія, а еще ниже представленъ султанъ, лежащій на диванѣ, а передъ нимъ толпа придворныхъ, изъ которыхъ одинъ объявляетъ ему сны. Вотъ какъ солдатъ разказываетъ ея содержаніе:

«Эй, вы, мужики Иваны, тетки Татьяны, молодки бѣлыя, лебедки красныя, ребятишки малые, старики старые, собирайтесь слушать шукки-прибаутки, синему морю на утишенье, добрымъ людямъ на послушанье, вамъ на утѣху, на забаву, Царю Бѣлому на славу. Бывали мы во всѣхъ земляхъ, при всѣхъ короляхъ, видали Туретчину—Нѣметчину,

мы же пировали и въ Парижѣ, били Наполеона, а теперь приходится бить другога, его племянника роднова. Самъ вооружается, на бѣду называется, да еще съ Англичаниномъ соединяется. Пришли времена тяжки, Французъ съ Англичаниномъ на пристяжкѣ, а Турку въ корень впрягли, только ихъ тройка поидеть не бойко: Французъ летитъ по птичьему, Англичанинъ плыветъ по рыбьему, а Турка идетъ по туриному. А вотъ турецкій султанъ Абдуль-Меджидъ на боку лежитъ, въ трубку покуриваетъ, думу крѣпкую подумываетъ. Какъ ономнаясь въ ночь ему мало спалось, много грезилось, ему слышалось, будто въ матушкѣ каменной Москвѣ гудѣли колокола, ему видѣлось море Черное, словно кровію очервленное, ему видѣлось — рѣки огненны по землѣ бѣгутъ, все собою жгутъ, въ поляхъ рожь стоитъ вся безъ колоса. У султана дыбомъ стали волосы! Онъ зоветъ къ себѣ хитрецовъ—мудрецовъ и велитъ себѣ сонъ рассказывать, правды-праведной не утаивать.—Ты султанъ силенъ, а твой сонъ мудренъ, не добро тебѣ предвѣщаетъ онъ. Какъ ты слышалъ звонъ въ Москвѣ звонитъ, православный людъ онъ во храмъ манитъ, тамъ поютъ во храмахъ пѣсни хвалебныя, служатъ обѣдни съ молебнами, Бога прославляютъ, что побѣды посылаетъ. Еще видѣлъ ты море Черное, человѣчья кровь зарумянила, то твоя сила въ море канула; а что видѣлъ ты рѣки пламенны, города твои выжжены, разгромлены, и отъ лютова того пламени не остается камня на камени. А что видѣлъ рожь безъ колосиковъ, то твои солдатики безъ головушекъ. За мои рѣчи за правдивыя, за слова мои нелживыя, хошь казнишь меня, хочешь милуешь. Есть у тебя сила могуча, а бѣда твоя неминуча. У твоего дворца стоятъ три молодца, то твои послы вѣстовые, послушай-ка ихъ рѣчи медовыя: приходитъ первый посолъ говорить, что князь Бебутъ задалъ Туркамъ капуть, а второй посолъ, что князь Андроникъ въ турецкія земли проникъ. Турокъ побилъ—обезглавилъ и мало въ живыхъ оставилъ; третій посолъ напоследокъ пришелъ, принесъ султану вѣсть не радостну, что кораблики его потоплены, снасти, мачты поизломаны, матросики поизловлены, а начальники въ полонъ взяты. Какъ досель султанъ ходилъ козыремъ, а допрежь того гордымъ гоголемъ, а теперь султанъ не топырится, пересталъ султанъ козыриться: сталъ тише воды, ниже травы. — Ты повѣдай мнѣ, хитрецъ—мудрецъ, отчего на насъ такая напась, или дѣла я началъ не въ добрый часъ?—Я скажу тебѣ, султану, по истинѣ, безъ утайки правды-праведной, всѣмъ туркамъ не радостной: какъ давно билъ для васъ послѣдній часъ, Богъ долго терпѣть да больно бьетъ, за то что гонишь вѣру православную, за то что пьешь кровь христіанскую; побилъ ты кресты съ божьихъ церквей, водрузилъ на нихъ луны му-

сульманскую, ужъ тебѣ ль мусульманину Іерусалимомъ владѣть, найдутся на то и получше тебя. Вѣдь есть же у Бога избранники, вѣры правой поборники, Христовы помазанники. Есть много на сѣверѣ яркихъ звѣздъ, а твоя звѣзда закатилася, она чернымъ туманомъ помрачилася. Твое дѣло, султанъ, порѣшоное, теперь ты трава подкошенная; а твои хвастуны союзники, Англичане и Французики, то плохіе тебѣ помощники, коль они съ тобой въ одну вѣру пошли, то ужъ за тобой и совѣмъ итти. На словахъ, пожалуй, царства берутъ, а до дѣла дойдеть, такъ хвостомъ вильнутъ. Они больно сердиты, да силы нѣтъ. Войну вести — казну трясти, а у нихъ казна вся вынута и карманы дочиста вымыты. А народъ у нихъ вольная вольница, своимъ королямъ непокорица; а нѣтъ на свѣтѣ богаче, сильнѣй царства русскаго, нѣтъ богаче, сильнѣе, нѣтъ народу дружнѣе; велика, богата казна царская, сильна, крѣпка вѣра православная, а и друженъ народъ, за Царя умретъ. Стоитъ Бѣлому Царю клячь кликнуть, возстанетъ Русь какъ одинъ человекъ, отъ стараго до малаго, отъ убогаго до богатаго. Слава на небѣ солнцу красному, на землѣ Государю Русскому, съ его царствомъ вѣрнымъ—православнымъ! Досель была слава до моря, а теперь будетъ и за моремъ, допрежь того слава до неба, а то будетъ слава выше облака!»

Въ заключеніе сообщу вамъ одно музыкальное извѣстіе, которое, не смотря на лѣтнее время заинтересовало московскихъ меломановъ.

«Въ воскресенье, 6 іюня, московскій віолончелистъ, г. Шмидтъ, давалъ концертъ, въ которомъ игралъ пьесу своего сочиненія. Искусное расположеніе ея ясно доказываетъ, что онъ совершенно знакомъ съ ходомъ большаго оркестра, и мы никакъ не понимаемъ, почему г. Шмидтъ такъ скупъ на собственныя произведенія. Хорошіе віолончелисты теперь весьма рѣдки, и очень мало пьесъ, написанныхъ собственно для віолончели; этому обстоятельству мы и должны, вѣроятно, приписать выборъ нѣкоторыхъ пьесъ въ концертѣ г. Шмидта, не совѣмъ достойныхъ его серьезнаго и благороднаго таланта

Публика была чрезвычайно довольна игрою г. Шмидта. Онъ можетъ быть названъ классическимъ віолончелистомъ, умѣющимъ извлекать изъ своего инструмента дивные звуки. Стилъ г. Шмидта отличается особеннымъ благородствомъ и чистотою, а стаккато его, какъ нельзя болѣе, пріятны и нѣжны.

Корреспондентъ Пантеона.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

ЛЮДМИЛА И ЛЮБА.

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ГРАФИНИ ЕВДОКІИ РОСТОПЧИНОЙ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ ЩЕПКИНУ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АХЛЕТАЕВЪ, богатый старикъ.
ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА, его сестра.
ЛЮБА. } Ея дочери.
ЛЮДМИЛА. }
ЕВГЕНІЙ ИЦЕНСКІЙ, сирота, сосѣдъ ихъ.
КНЯЗЬ ВАЛЕРЬЯНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

I.

Гостиная средней руки; 7 часовъ вечера. **ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА**, **ЛЮБА** и **ЕВГЕНІЙ ИЩЕНСКІЙ** играютъ въ вистъ за карточнымъ столомъ.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Опять ренонсъ!.. Что это съ тобой, Евгений!.. ты сегодня такъ разсѣянъ... что ни на что не похоже?..

ЛЮБА. Извитите его, маменька, Евгений Андрѣичъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ.

ЕВГЕНІЙ. Да!.. въ самомъ дѣлѣ... мнѣ что-то не хорошо... Я предупреджалъ васъ, Варвара Михайловна.. и теперь вторично прошу вашего снисхожденія... Вамъ ходить.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. А, кстати: что это Люба такъ завеселилась... Вотъ ужъ осьмой часъ давно, а ее все-таки нѣтъ!..

ЛЮБА. Вы забываете, маменька, что на этихъ званныхъ обѣдахъ никогда не садятся за столъ раньше шестаго часа и не встаютъ прежде семи... Людмила вѣдь не можетъ уѣхать одна, а дядюшка, безъ сомнѣнія, сѣлъ за вистъ.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. И то правда!.. А она вѣрно нашла тамъ всѣхъ своихъ пріятельницъ и бальныхъ кавалеровъ; ей весело съ ними, и она забыла о времени; Богъ съ нею! Пусть поразсѣется!.. Я хожу въ трефы... Пари держу, что нашъ князь Валерьянъ Петровичъ, тоже тамъ... *(Евгеній ронлетъ на полъ всю колоду картъ.)*

ЛЮБА. Тамъ ли онъ, нѣтъ ли, это нашихъ не задержитъ! какое дѣло сестрѣ до него... *(Евгеній бросается поднимать карты.)*

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Вотъ прекрасно! Какое дѣло? точно буд-то ты не замѣтила, что князь ей нравится, и самъ въ нее влюбленъ по уши?.. Ну, что ты мнѣ дѣлаешь гримасы?.. чтобъ я замолчала? Да развѣ это секретъ?.. или Евгений самъ не знаетъ, что князь... *(Евгеній вздрагиваетъ.)*

ЛЮБА (*перебивая*). Пусть себѣ князь занять сестрою, но она имъ совсѣмъ не занимается, и даже...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Что даже?.. Ужъ не хочешь-ли ты сказать, что князь можетъ не нравиться Людмилѣ?.. Ахъ, Боже мой! будто это возможно? Князь первая партія въ Москвѣ—хорошъ, ловокъ, уменъ, богатъ; дядя твой лучшій другъ его отцу; кому же нравиться, если не ему!

ЛЮБА. Да, князь милъ, и стоитъ, чтобъ его любили; но я знаю, что сестра его не любить.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Не любить теперь, такъ полюбить послѣ!.. Вѣдь дядя за тѣмъ и привезъ насъ сюда, чтобъ уладить это дѣло. Князь Валерьянъ былъ женихомъ покойной дочери, и братецъ мой хочетъ, чтобъ Людмилочка вышла за него вмѣсто его Кати... Людмилочка не будетъ на столько безразсудна, чтобъ отказаться отъ своего счастья... (*Евгеній хватается себя за голову.*)

ЛЮБА (*смущенная обращается къ Евгению*). Маменька вѣчно строить себѣ воздушные замки!..

ЕВГЕНІЙ (*въ сильномъ волненіи*). Это не воздушные замки... Это несомнѣнная развязка взаимной любви князя... и... и вашей сестры... и... и я не вижу почему вы не хотите наконецъ въ томъ убѣдиться!.. Мнѣ ходить!.. (*съ шумомъ ударяетъ картами по столу.*)

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Батюшки свѣты!.. У тебя нѣтъ бубень?.. такъ мы можемъ считать себя погибшими? Люба, у него полны руки козырей!

ЕВГЕНІЙ. Бубень! я не знаю... Ахъ! виновать, виновать! не всмотрѣлся! Вотъ бубны... и я даже не знаю, что у насъ козыри теперь?..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Часъ отъ-часу не легче! Что это съ нимъ дѣлается? Нѣтъ, батюшка, ты ренонсъ сдѣлалъ; мы на тебя запишемъ партію.

ЕВГЕНІЙ. Извольте, извольте! Я на все согласенъ!.. (*облокачивается на столъ и задумывается.*)

ЛЮБА (*робко*). Маменька, игра наша что-то не клеится, не лучше ли перестать!

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Пожалуй, перестанемъ... (*Евгеній поспѣшно встаетъ и принимается ходить по комнатѣ.*)

ЛЮБА. Маменька, не отдохнете-ли вы покуда? присядьте на диванъ, вамъ тамъ будетъ покойнѣе? (*отводитъ Варвару Михайловну на диванъ и говоритъ, возвращаясь къ Евгению.*) Терпѣніе,

другъ мой! Маменька становится суетна и тщеславна за насъ, какъ вѣрно никогда съ молоду не бывала за себя... Простите ей, эту слабость! (*Варвара Михайловна, во время этой сцены, постепенно засыпаетъ*).

ЕВГЕНІЙ (*съ чувствомъ беретъ ея руку*). Вы сама доброта, Люба! Я понимаю все ваше великодушіе, но къ чему оно?.. Когда приучишься къ своей участи, надо примиряться съ необходимостью!

ЛЮБА (*съ чувствомъ*). Не отчаявайтесь, другъ мой! Повѣрьте мнѣ, ничто не перемѣнилось около васъ, и сестра моя попрежнему...

ЕВГЕНІЙ. Вы судите о ней по себѣ, Люба. . Но вы исключеніе между женщинъ! Вы не знаете, какъ сильны искушенія свѣта, какъ все отсутствующее исчезаетъ изъ мыслей молодой дѣвушки, когда ее окружаетъ блестящая обстановка большаго свѣта!

ЛЮБА (*съ упрекомъ*). А вы... вы не знаете моей сестры! нѣтъ ее свѣтъ не увлечетъ и не измѣнитъ! Она выѣзжаетъ и наряжается въ угодность матушкѣ и дядѣ, но сердце ея съ нами, съ ея семьей, съ ея другомъ!..

ЕВГЕНІЙ (*качая головой*). Съ ея другомъ?.. то есть со мною? Нѣтъ! этотъ другъ сталъ не тѣмъ для нея, чѣмъ былъ прежде! Холодная пріязнь къ нему не защититъ ее отъ пламенной любви къ другому.

ЛЮБА (*тихо и робко*). Другаго она не любитъ ни дружбою, ни любовью, потому что и дружбу и любовь свою давно ужъ отдала вмѣстѣ съ своимъ сердцемъ.

ЕВГЕНІЙ. Сердце женское—движимое имѣніе, а все движимое не даромъ называется у насъ маестностью! (*идетъ къ фортепьянамъ и прелюдируетъ.*)

ЛЮБА. Но сами вы перемѣнились съ-тѣхъ-поръ, какъ мы въ Москвѣ! Вы какъ будто нарочно отдалаетесь отъ Людмилы... избегаете ее...

ЕВГЕНІЙ. Вы говорите, что я удаляюсь отъ вашей сестры, что я холоденъ съ нею? но это потому, что я выходилъ изъ терпѣнія, потому что я боялся и отчаивался, потому что я ревновалъ, Люба!..

ЛЮБА. Вы ревновали, Евгений? какъ вамъ не стыдно?... какъ вамъ не грѣхъ? Вамъ ли унижать свое достоинство, воображая, что у васъ могутъ быть соперники, для васъ опасные!

ЕВГЕНІЙ. Да, я ревновалъ! Но это было невольно и безсознательно. Съ-тѣхъ-поръ какъ мы въ Москвѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ я

затерянный въ толпѣ, издали смотрю на переродившуюся подругу моего дѣтства, не смѣю подойти къ ней, чтобъ не быть докучнымъ или навязчивымъ, доволю ея взоръ, слишкомъ часто разсѣянный, равно ласковый для многихъ... Я выучился ревновать... и ревную отчаянно; стыдась моей ревности, стараюсь побѣдить ее, удерживаю себя, все напрасно!.. Я изнемогаю, Люба, я готовъ сойти съ ума!

ЛЮБА. Бѣдный Евгеній! бѣдный братъ мой!

ЕВГЕНІЙ. Вы замѣчаете мою блѣдность, мое изнеможеніе? Вы браните меня то за вспыльчивость, то за мою холодность? Ахъ милая Люба, вы не знаете, что такое ревность!..

ЛЮБА (*живо и необдуманно, едва удерживая слезы*). Кто!.. Я!.. я не знаю ревности! Боже мой!.. (*спосхватившись*). Вы правы, Евгеній! я... Богъ спасъ меня отъ этой пытки!.. Гдѣ мнѣ было узнавать все?.. отъ чего и страдать мнѣ? Меня вѣдь никогда никто не любилъ... и не будетъ любить любовью... мнѣ никто не отдавалъ своего сердца, своей души... Кого же мнѣ ревновать, и по какому праву?

ЕВГЕНІЙ (*продолжая*). Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше для васъ, моя Люба!.. Оставайтесь всегда такою—другомъ вашихъ друзей! Пусть небо спасетъ васъ отъ муки любить безумной страстью!..

ЛЮБА (*всторону дрожащимъ голосомъ*). Еще!.. Какое испытаніе! (*громко*.) Услышь васъ Богъ, Евгеній! Пусть я никогда не дойду до вашего положенія! Съ меня довольно вашего примѣра! Но вы напрасно ревнуете, напрасно подозреваете... Я могу поручиться за сердце сестры моей... Дайте пройти этой шумной зимѣ, разсѣяться угару новизны, объяснитесь съ Людмилою. Сдѣлайте только первый шагъ! Начните разговоръ, будьте съ нею откровенны, признайтесь, что вы страдаете, и она снова покажетъ вамъ, что она васъ любитъ... васъ одного, Евгеній, и никого кромѣ васъ! (*отворачивается, чтобъ скрыть свои слезы*).

ЕВГЕНІЙ. Никогда! Честь моя оскорблена... и не дозволить мнѣ унизиться до такой степени...

ЛЮБА (*удивленная*). Честь ваша?! унизиться?.. Я васъ не понимаю!..

ЕВГЕНІЙ (*съ жаромъ*). Я могъ принять руку Людмилы, могъ даже просить... искать ея любви, когда она была мнѣ равная: бѣдная дѣвушка... тогда и я былъ ей подъ парю; мы приносили другъ другу равное богатство: нашу молодость, наши сердца! Я могъ трудиться для нея, обезпечить со временемъ ея существова-

не, но теперь!!! Теперь она богата: дядя вашъ даетъ за нею огромное приданое, которое назначалъ родной своей дочери; я не долженъ, я не хочу казаться корыстолюбивымъ, я долго боролся, долго колебался, но знаю свой долгъ; я уѣду, я оставлю мою прежнюю невѣсту, пусть она будетъ счастлива съ другимъ.

ЛЮБА (*со слезами*). Нѣтъ, Евгенийъ, не думайте о разлукѣ, а напротивъ, помиритесь съ Людмилой, и живите оба для радостей!..

II.

ТЪЖЕ И ЛЮДМИЛА, одѣтая нарядно, входитъ въ мантильи. Она разстроена, но старается того не показывать.

ЛЮДМИЛА (*подбѣгая къ матери*). Милая маменька! Наконецъ я къ вамъ вернулась! Она спитъ!!! Я думаю ужъ поздно?.. Здравствуй, сестра. (*Тихо ей на ухо*). Еслибъ ты знала, что со мной было! Я едва держусь на ногахъ! (*громче*). Поцѣлуй меня, моя душка, вотъ такъ! Еще разъ и понѣжнѣе! Вы здѣсь, Евгенийъ?.. Здравствуйте! (*тихо, подходя къ нему*). Мнѣ нужно съ вами переговорить, но такъ чтобъ маменька не замѣтила. (*Протягиваетъ ему руку.*)

ЕВГЕНИЙ (*не беретъ руки*). Здравствуйте, Людмила Николаевна!

ЛЮДМИЛА (*ему на ухо*). Полноте сердиться, мнѣ и безъ того такъ больно! вы послѣ узнаете почему.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА (*просыпается*). А, это ты, моя крошечка! насилу-то показалась! Пора, пора! Что жъ это ты такъ заго-стилась?..

ЛЮДМИЛА (*бѣжитъ къ матери*). Я не виновата, маменька, дя-дюшка послѣ объѣда съѣлъ за безконечный преферансъ, я ежеми-нутно къ нему подходила и звала его домой, торопила... Куда!.. Онъ такъ закозырялся, что и не обратилъ вниманія на меня!..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Полно, полно притворяться... я чай самой было очень весело, а теперь все на дядю сваливаетъ!

ЛЮДМИЛА (*цѣлуя ея руку*). Ей-Богу не такъ!.. Конечно, я не скажу чтобъ я соскучилась въ гостяхъ... но вы знаете, что мнѣ нигдѣ не бываетъ такъ весело и хорошо, какъ дома, съ моими... (*Оглядывается на Евгения, онъ отворачивается, она грустно качаетъ головою.*)

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Экая лиса! такъ красно говорить, что пожалуй и повѣришь! Ну, расскажи мнѣ, какъ ты забавлялась!..

Кто тамъ былъ?.. съ кѣмъ ты говорила? Сказали-ли тебѣ, что ты сегодня чудо какъ авантажна?..

ЛЮДМИЛА. А вотъ сейчасъ маменька, все по порядку узнаете!.. (*Подходитъ къ столу, чтобъ снять свою мантилью, и тихо говоритъ Евгенію.*) Не ребячьтесь и не дуйтесь, право вамъ не за что на меня сердиться! Будетъ горя много и безъ ссоръ, лучше помогите мнѣ, и не отступайтесь отъ меня, когда мнѣ нужна ваша опора... ваша дружба!..

ЕВГЕНІЙ (*холодно*). Вы знаете, что я всегда готовъ вамъ служить чѣмъ могу... Но впрочемъ, что вамъ за дѣло до моего не-расположенія, и гдѣ вамъ его замѣтить!..

ЛЮДМИЛА (*сквозь слезы*). Вы злы и несправедливы... лучше бы пожалѣли обо мнѣ!..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Ну, что ты тамъ заболталась, поди ко мнѣ, расскажи про свой обѣдъ, ты видишь, я жду!..

ЛЮДМИЛА. Дайте мнѣ только устроиться. (*Беретъ скамьечку и ставитъ ее къ ногамъ матёри.*) Вотъ я сяду здѣсь... на мое любимое мѣсто, къ вамъ поближе! Теперь разспрашивайте, я готова отвѣчать на всѣ ваши вопросы. (*Садится на скамейку и кладетъ голову свою на колѣни Варвары Михайловны.*)

ЛЮБА. Поди, раздѣнься прежде; тебѣ вѣрно не ловко въ такомъ нарядѣ...

ЛЮДМИЛА. Нѣтъ, дай мнѣ остаться такъ на цѣлый вечеръ... Вы меня все наряжаете для другихъ, дайте хоть разъ пококетничать мнѣ съ вами...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Прошу покорно, какія затѣи!

ЛЮДМИЛА (*говоритъ съ матерью, поглядывая на Евгенія*). Я хочу вамъ понравиться, маменька!.. вамъ всѣмъ!

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Ну, рассказывай скорѣе, кто сидѣлъ за столомъ возлѣ тебя?..

ЛЮДМИЛА. Съ одной стороны князь Валеріянъ Петровичъ, съ другой Фонъ-Тюмень!

ЕВГЕНІЙ (*всторону*). Нельзя обойтись безъ этого князя!..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. О чемъ-же вы говорили?..

ЛЮДМИЛА (*глядя на Евгенія*). О всемъ, и ни о чемъ... О погодѣ, о театрѣ, о новомъ англійскомъ романѣ. (*Евгеній будто не замѣчаетъ взглядовъ ея.*)

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Ну, а онъ не сказалъ тебѣ, такъ, чегонибудь особеннаго?.. Обѣдъ такъ длиненъ, успѣешь о многомъ переговорить...

ЛЮДМИЛА. Особеннаго? нѣтъ, кажется, ничего!

ЛЮБА (*значительно*). Припомни хорошенько! Маменька безъ тебя тутъ Богъ знаетъ, что воображала... Да и не она одна! Успокой всѣхъ за разъ, докажи, что ничего замѣчательнаго не произошло за этимъ обѣдомъ!

ЛЮДМИЛА (*значительно смотря на Евгенія*). Когда я говорю *иптъ*, такъ мнѣ могутъ повѣрить, сестра! Я въ жизнь свою не лгала... и если кто-нибудь здѣсь сомнѣвается въ моихъ словахъ, то это вѣрно люди, которые не хотятъ меня понять, или которымъ пріятно дурно обо мнѣ думать!..

ЛЮБА (*Евгению*). Видите! вышло, что я права! Вы ее ужъ успѣли разсердить? Да будьте же къ ней добры и справедливы! (*Евгеній хочетъ подойти къ Людмилъ, въ это время дверь съ шумомъ растворяется*).

III.

ТЪЖЕ, АХЛЕТАЕВЪ, КНЯЗЬ ВАЛЕРІАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

АХЛЕТАЕВЪ (*входя*). Сестрица, Варвара Михайловна... я привезъ вамъ добраго гостя... Князь Валеріанъ Петровицъ согласился провести вечеръ съ нами!.. (*Евгеній отходитъ всторону съ дасадой, Людмила встаетъ со скамейки; Люба беретъ ее за руку и говоритъ ей что-то на ухо*.)

КНЯЗЬ (*раскланиваясь на всѣ стороны*). Варвара Михайловна, прошу извинить мое посѣщеніе... Братецъ вашъ поручился мнѣ, что я не буду лишнимъ...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Между насъ... можно ли вамъ когда нибудь быть лишнимъ, князь? напротивъ, мы всегда и всѣ здѣсь вамъ очень рады.

ЛЮДМИЛА (*на ухо Любѣ*). Зачѣмъ дядя привезъ его! оиать будутъ мнѣ непріятности!..

ЛЮБА (*Людмилъ тихо*). Какъ не во время, бѣдный Евгеній!

ЕВГЕНІЙ (*съ другой стороны тихо Любѣ*). Теперь объясняется для *кого* оставались въ нарядахъ! Какъ вы могли повѣрить, чтобъ это было для насъ?

ЛЮДМИЛА (*услышавъ*). Оиать несправедливость! Нѣтъ, я потеряю всякое терпѣніе!

АХЛЕТАЕВЪ. Сядемте поскорѣе; я усталъ... (*Усаживаетъ князя, сестру и самъ беретъ кресла*.) Здравствуй, Любочка! Надѣюсь, что

тебѣ было не скучно безъ насъ? Евгеній Андреичъ, вы не оставляли нашихъ дамъ? Это похвально... Благодарю за нихъ! (*Евгеній молча кланяется.*) Ахъ, какъ мнѣ хорошо здѣсь съ вами, друзья!.. Все бы, кажется, такъ и сидѣлъ въ своей родной семьѣ, съ своими! Вотъ какъ еще бы собрать сюда моихъ пріятелей, князя Петра, графа Ивана, нашего храбраго генерала отъ инфантеріи, такъ вотъ было бы мнѣ совершенно хорошо!

ЕВГЕНІЙ (*всторону*). Ни одного меньше 4-го класса! всѣхъ пріятелей выбираетъ нарочно въ чинахъ!

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Какъ же это вы, братецъ, не съ Людмилочкой пріѣхали домой?..

АХЛЕТАЕВЪ. Мы пріѣхали вмѣстѣ, но я у себя въ кабинетъ дожидался князя, который долженъ былъ за нами слѣдовать.

ЕВГЕНІЙ (*Любь*). Она знала, что онъ будетъ!

ЛЮДМИЛА (*смотря съ другой стороны*). Я не слыхала, какъ дядюшка его приглашалъ, я бы какъ-нибудь отговорила отъ этого гостя.

КНЯЗЬ (*который разговаривалъ съ Варварой Михайловной*). Вы меня очень удивляете вашими распросами... я думалъ, что ваша Людмила Николаевна все ужъ успѣла рассказать.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Она сегодня разсѣяна и ничего не умѣла мнѣ отвѣчать... Людмила, поди сюда, вотъ князь говоритъ, что вамъ было очень весело...

ЛЮДМИЛА (*подходя неохотно*). Я не нашла! было довольно шумно, какъ всегда, но особеннаго удовольствія я что-то не помню...

КНЯЗЬ. Или не замѣтили?.. Мнѣ такъ было очень весело... особенно за столомъ.

АХЛЕТАЕВЪ. Какъ же не весело! Весь лучшій кругъ, все сенаторы, генералы, вся знать, князь Петръ, графъ Иванъ, княгиня Аксинья Кириловна съ дочерью. Всѣ созвѣздія!.. просто ослѣпили...

ЕВГЕНІЙ (*Любь, но такъ чтобъ Людмила могла слышать*). Она дурачить васъ и меня... показываетъ намъ, что равнодушна къ нему, а онъ увѣренъ въ противномъ.

КНЯЗЬ (*Людмилъ въ полмолоса*). Вы сегодня не въ духъ... Я никогда не видалъ васъ такою разстроенною и скучною... Давеча вы были лучше расположены...

АХЛЕТАЕВЪ. Сестрица, мнѣ кажется, что мы, старики, тутъ только мѣшаемъ? безъ насъ было бы гораздо свободнѣе всей этой мо-

лодежи... да къ тому же мнѣ есть кое-что вамъ сообщить; пожалуйста сюда на минуту! (*Отводитъ ее въ противоположную сторону.*)

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Что такое, братецъ? говорите скорѣе.

АХЛЕТАЕВЪ (*Варварь Михайловна на ухо*). Князь формально просиль у меня руки вашей Людмилочки.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Чтожь, братецъ?.. Вы знаете, что мы здѣсь все въ вашей волѣ и готовы согласиться, если вамъ только будетъ угодно.

АХЛЕТАЕВЪ. И князь хочетъ объясниться самъ съ Людмилой, и просиль мнѣ дать ему только случай.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Какъ же бы это такъ устроить?

АХЛЕТАЕВЪ. А вотъ какъ: вы уведите Любу зачѣмъ-нибудь, а я останусь здѣсь, такъ, для приличія, и займусь съ Евгениемъ, а молодые люди пока успѣють переговорить...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Прекрасно придумано!.. Люба... я что-то устала... проводи-ка меня въ мою комнату.

ЛЮБА (*береть ее подъ руку*). Пойдемте, маменька. (*Уходя подзываетъ Людмилу и говоритъ ей тихо.*) Тутъ что то, загѣвается, будь осторожна!..

IV.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ **ВАРВАРЫ МИХАЙЛОВНЫ** И **ЛЮБЫ**.

ЛЮДМИЛА (*сама себя*). Слова не успѣла ему сказать!.. (*Она на срединѣ сцены въ равномъ разстояніи отъ князя и Евгения; оба на нее глядятъ неръшительно, но ни тотъ ни другой не подходитъ, выжидая чего-то.*)

АХЛЕТАЕВЪ. Евгений Андреевичъ, вы, говорятъ, отличный хозяинъ; не угодно ли вамъ послушать преинтересныя хозяйственныя вѣдомости, которыя я получилъ сегодня изъ моего тульского имѣнія?

ЕВГЕНІЙ (*съ досадою*). Какъ вамъ угодно; я очень радъ!.. (*Остается на мѣсть. Всторону.*) Провались онъ со всеми имѣніями и друзьями.

КНЯЗЬ (*подходя къ Людмилѣ*). О чемъ вы такъ задумались?..

ЛЮДМИЛА (*сухо и съ неудовольствіемъ*). Я—ни о чемъ!..

АХЛЕТАЕВЪ. Пожалуйте же сюда, Евгений Андреевичъ. Вотъ мы съ вами здѣсь пріютимся!.. (*Евгеній съ досадою смотритъ на князя и Людмилу; Ахлетаевъ насильно уводитъ его, усаживая за столъ на концѣ комнаты.*)

КНЯЗЬ (*Людмила*). А мы съ вами развѣ никуда не приѹтимся.

ЛЮДМИЛА (*нервнито поглядываетъ на Евгенія*). Да я не знаю! какъ вамъ угодно! (*всторону*.) Дядя увель его нарочно!

КНЯЗЬ (*со смѣхомъ*). Что съ вами? я рѣшительно никогда не видалъ васъ такою разсѣянною? Позвольте же мнѣ за васъ распорядиться, какъ будто бы вы были здѣсь гостья, а я хозяинъ... (*Подвигаетъ ей кресло къ столу на льво и беретъ себѣ стулъ возлѣ нея*.)

ЛЮДМИЛА (*садится разсѣяно*). А можетъ статья, вы правду сказали... и это въ самомъ дѣлѣ такъ!

КНЯЗЬ. Что, въ самомъ дѣлѣ такъ?

ЛЮДМИЛА (*со вздохомъ*). То, что я здѣсь гостья, — и больше ничего!

КНЯЗЬ. Можете ли вы имѣть такія странныя мысли! я шуткой сказалъ неумышленное слово, а вы придаете ему Богъ знаетъ какое значеніе!

ЕВГЕНІЙ (*стараясь отдѣлаться отъ Ахлетаева, который его занимаетъ бумагами*). Вижу, вижу, Василій Михайловичъ!.. урожаи у васъ самые благословенные... цѣны на хлѣбъ высоки... стало быть, все къ лучшему... (*Вслушивается въ разговоръ противоположной группы*.)

АХЛЕТАЕВЪ. Дѣлю не въ томъ: а вотъ посмотрите-ка, что пишеть управляющій... (*насилно отдаетъ ему въ руки бумагу*.)

КНЯЗЬ (*Людмила*). Вы нынче на все смотрите съ какой-то превратной точки... это для меня тѣмъ обиднѣе, что мнѣ хотѣлось бы имѣть съ вами довольно значительный разговоръ.

ЛЮДМИЛА (*неловко*). О чемъ же это, князь? (*всторону*.) Боже мой, какая скука!

КНЯЗЬ. Я не думаю, чтобъ васъ удивило то, что я вамъ скажу... вы вѣрно давно сами догадались, что я...

ЛЮДМИЛА (*скопфуженная роняетъ свой платокъ*). Ахъ, какая я неловкая!

КНЯЗЬ (*встаетъ, чтобъ поднять ей платокъ, въ эту минуту подбѣгаетъ Евгений и подаетъ платокъ Людмилѣ, нагнувшись къ ней, чтобъ сказать язвительно*.)

ЕВГЕНІЙ (*Людмила*). Желая успѣха. (*Возвратясь къ Ахлетаеву*.)

ЛЮДМИЛА (*сама себя*). Какъ онъ блѣденъ! Опять сердится!

КНЯЗЬ (*который ничего не замѣтилъ, и не сядя на свое мѣсто, опирается о кресло Людмилы, заслоняя ее отъ Евге-*

нiя). Подъ опасанiемъ быть докучливымъ, я долженъ продолжать мою прерванную рѣчь, Людмила Николаевна... Я вижу и понимаю, что вамъ не ловко меня слушать... и потому лучше объясниться дружески, просто и задушевно!.. это приличнѣе намъ обоимъ!.. что я васъ люблю, — и люблю искренно, и нѣжно, въ томъ вы давно не можете сомнѣваться... что въ свѣтѣ и въ нашихъ семействахъ уже давно поговариваютъ о насъ обоихъ, это вѣроятно то-же вамъ извѣстно. Не смотря на все это, Людмила Николаевна, я бы долго, еще быть можетъ, не смѣлъ такъ прямо съ вами объясниться, но я долженъ уѣхать нынче въ ночь... уѣхать по дѣламъ службы, можетъ быть, надолго... Наши старики доказали мнѣ, какъ безразсудно бы я поступилъ молчавъ долге, и я рѣшился сказать вамъ, Людмила Николаевна, что участь всей жизни моей въ вашихъ миленькихъ ручкахъ... Я прошу васъ простить мое высокомерiе и позвольте хоть надѣяться, что вы будете ко мнѣ милостивѣе, когда я возвращусь.

ЛЮДМИЛА (*покраснѣвъ и совершенно потерявшись*). Я, князь, право, не знаю. Я совсѣмъ не понимаю.

КНЯЗЬ (*чистосердечно и полунлжно*). Напротивъ, вы очень хорошо меня понимаете!.. вы не можете не понимать, что я прошу вашей руки... и потому-то вы такъ покраснѣли, что мнѣ видно, какъ зардѣлось даже ваше ушко, хотя вы нарочно и злоумышленно отъ меня отвернулись, чтобъ я не могъ видѣть вашего лица и вашихъ глазъ.

ЛЮДМИЛА (*почти въ слезахъ*). Князь... я!.. нѣтъ, вы просто меня мучите... это немилосердо!

ЕВГЕНIЙ (*вырываясь отъ Ахлетаева и приставая нетерпливо*). Планы овчарень совершенно удобны, а въ отношенiи мукомольной мельницы, то непременно выпишите ее изъ Голландiи. (*Хочетъ идти, Ахлетаевъ удерживаетъ его за руку и за платье.*)

АХЛЕТАЕВЪ. Позвольте, позвольте, мой почтеннѣйшiй, намъ остается еще осмотрѣть планы и рисунки для молотильни... (*Усаживаетъ снова Евгенiя.*)

КНЯЗЬ (*съ увлеченiемъ*). Людмила Николаевна, вы умная и добрая дѣвушка, и вѣроятно не захотите смѣяться надъ честнымъ человѣкомъ, единственно потому, что онъ высказалъ вамъ прямо, что у него на душѣ и въ сердцѣ... Будьте также откровенны, скажите мнѣ, есть ли и у васъ, если не въ душѣ, то хотя на умѣ что-нибудь противъ меня... или въ мою пользу?

ЛЮДМИЛА (*почти шепотомъ*). Противъ васъ, князь... у меня не можетъ быть ничего!..

КНЯЗЬ (*весело*). Пока довольствуюсь этимъ отвѣтомъ. Я побѣду спокойнѣе... буду работать день и ночь, чтобъ ускорить мой возвратъ... Будьте великодушны, дайте мнѣ поцѣловать на прощанье эту ручку, которую я такъ желаю назвать моею. (*Беретъ руку и цѣлуетъ громко съ истиннымъ чувствомъ.*)

В М Ы С Т Ь. **ЛЮДМИЛА** (*вскочивъ въ испугъ*). Князь, что вы?. За чѣмъ? Я не согласна. (*Ахлетаевъ и Евгенийъ тоже вскакиваютъ съ шумомъ, первый съ улыбкой торжества, второй въ бѣшенствѣ.*)

АХЛЕТАЕВЪ (*приближаясь къ князю и Людмилѣ*). Видно дѣло пошло на ладъ...

ЕВГЕНІЙ (*тоже подходя*). Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! при мнѣ... въ моихъ глазахъ!.. (*Хочетъ броситься къ Людмилѣ и останавливается вдругъ, будто удержанный размышленіемъ.*)

ЛЮДМИЛА (*съ досадою*). Что подумаетъ обо мнѣ Евгенийъ... какъ нарочно при немъ!..

АХЛЕТАЕВЪ (*дергая князя за платье*). Что, все улажено?... Поздравить можно?..

КНЯЗЬ (*шепотомъ*). Какъ вы проворны!.. Нѣтъ, я только что получилъ увѣреніе, что противъ меня ничего не имѣютъ...

АХЛЕТАЕВЪ (*князю*). Только-то!.. Вы этакъ никогда не кончите... Нѣтъ, ужъ лучше я самъ возьмусь за переговоры!.. Людмилочка! (*Хочетъ къ ней подойти, князь его удерживаетъ, Людмила опять садится на свое мѣсто, Евгенийъ ходитъ взадъ и впередъ, наблюдая.*)

КНЯЗЬ. Ради Бога, Василій Михайловичъ, не мѣшайтесь въ это дѣло: вы все испортите.

АХЛЕТАЕВЪ. Ну, Богъ съ вами, какъ хотите! Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, вы мнѣ расскажете, какъ у васъ произошло все объясненіе. (*Уводитъ князя съ собою.*)

V.

ЛЮДМИЛА И ЕВГЕНІЙ. Оба остаются нѣсколько минутъ въ молчаніи, пока дверь не затворилась за уходящими.

ЛЮДМИЛА (*бросаясь къ Евгению, въ волненіи*). А, наконецъ ушли!.. Евгенийъ, другъ мой! какъ я рада, что могу вамъ объяснить...

ЕВГЕНІЙ (*отступая иронически*). Позвольте прежде васъ по-здравить!..

ЛЮДМИЛА (*живо и чистосердечно*). Съ чѣмъ? О чемъ хотите намекнуть? Но выслушайте меня, ради самого Бога! мы одни, только на минуту, а мнѣ надо вамъ сказать...

ЕВГЕНІЙ (*холодно и церемонно*). Мнѣ кажется, и безъ того все ужъ извѣстно... толкованія и объясненія тутъ совершенно лишнія...

ЛЮДМИЛА (*со слезами на глазахъ*). Боже мой!.. Онъ опять сердится... Опять принялся за свою неумолимую иронию!.. Время дорого... я прошу его выслушать меня, а онъ ищетъ ссоры, онъ отталкиваетъ меня своею убійственной холодностью!..

ЕВГЕНІЙ (*выходя по немногу изъ своей принужденной флегмы*). Такъ вы, стало быть, сами чувствуете, что есть мнѣ за что сердиться?.. Вы сознаетесь, что вы хитрили до-сихъ-поръ, что поступали лукаво, непросительно!

ЛЮДМИЛА. Выслушайте меня только хладнокровно, и вы перестанете меня обвинять... Чего я прошу у васъ? Только минуты спокойствія, чтобъ успѣть...

ЕВГЕНІЙ (*съ бѣшенствомъ схвативъ ее за руку*). Спокойствія?! хладнокровія?! Легко вамъ говорить! Но развѣ я могу оставаться спокоенъ, когда вы оскорбляете меня неслыханно, когда вы терзаете меня, дѣлая изъ меня свидѣтеля вашихъ любовныхъ объясненій съ другимъ?

ЛЮДМИЛА (*съ чувствомъ*). Я невиновата, другъ мой! ни въ чѣмъ невиновата!

ЕВГЕНІЙ (*горько*). Нѣтъ, я одинъ виноватъ, не правдали?..

ЛЮДМИЛА. Во многомъ, да! точно, вы сами виноваты и я докажу вамъ.

ЕВГЕНІЙ. Прекрасно, въ-самомъ-дѣлѣ!.. презабавно... Нѣтъ, это превышаетъ всякую мѣру притворства и обмана! Да за какого сумасшедшаго вы меня принимаете, чтобъ я вамъ повѣрилъ и обвинилъ самъ себя?

ЛЮДМИЛА (*перемѣняя тонъ важно и съ достоинствомъ*). Евгений, эта минута рѣшительна для насъ обоихъ! Я прихожу къ вамъ, какъ къ другу; отъ всей души, отъ всего сердца я хочу устранить между нами всякое недоразумѣніе... хочу, чтобъ вы читали въ душѣ моей, открытой передъ вами, а вы!!! какъ вы меня принимаете?.. какъ отвѣчаете вы моему довѣрію, моей ласковой просьбѣ?.. Стыдитесь!.. образумьтесь Евгений; будьте нѣсколько

справедливы, не осуждайте, не зная ничего (*береть его руку*). Евгений, другъ мой, братъ мой, я все таже, какою была всегда... я твоя Людмила...

ЕВГЕНИЙ (*снова всплывъ*). Ничего слушать не хочу, ничего не стану слушать, пока вы мнѣ не скажете, любите-ли вы князя, любить-ли онъ васъ?

ЛЮДМИЛА (*съ улыбкой*). Онъ сказалъ, что любить, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... я сбиралась отвѣчать отказомъ... но онъ не понялъ моихъ словъ, не далъ мнѣ договорить, и схватилъ мою руку, прежде чѣмъ я успѣла ее отнять у него...

ЕВГЕНИЙ (*въ бѣшенствѣ*). Вы кокетка!.. настоящая вѣтренная кокетка, и больше ничего, играете вдругъ двумя мужчинами...

ЛЮДМИЛА (*грустно и съ достоинствомъ*). Васъ бы ничего не удивляло, если бъ вы знали почему я такъ смѣшалась, какія причины располагали моими поступками и словами; но вы ничего знать не хотите! Съ самаго нашего прїѣзда въ Москву, вы со всѣмъ перемѣнились... вы удалились отъ меня, перестали обходиться со мною по дружески!.. Вотъ два мѣсяца, что я не слышала отъ васъ добраго слова: однѣ насмѣшки, одни упреки, за что? развѣ я виновата, что дядѣ вздумалось призвать насъ къ себѣ домъ? развѣ я просила его милостей или даже согласилась принять ихъ?.. Я выѣзжаю, потому что матушка желаетъ видѣть меня въ большомъ свѣтѣ. Я принимаю дядиныхъ гостей; но еслибъ вамъ вздумалось замѣчать мое обращеніе съ ними, вы бы видѣли, что съ ними я только что учтива; вы поняли бы, что мысль моя и сердце по прежнему были заняты исключительно тѣмъ, кто пересталъ мною заниматься, наконецъ если я...

ЕВГЕНИЙ (*принявшій совершенно другой видъ и голосъ*). Помилуйте!.. да къ чему же это длинное оправданіе?.. Развѣ я здѣсь обвинитель, развѣ я имѣю право васъ обвинять или судить ваши поступки? какое мнѣ до нихъ дѣло? Да если я и оскорбленъ, то это только вашимъ недоверіемъ, вашею неискренностью со мною... мнѣ обидно, мнѣ больно то, что вы не хотите сдѣлать меня повѣреннымъ вашихъ тайнъ.

ЛЮДМИЛА (*въ изумленіи*). Что это значитъ?

ЕВГЕНИЙ (*притворяясь совершенно спокойнымъ*). Вы будто забыли, что я вашъ старинный другъ, товарищъ вашего дѣтства... Вашъ братъ (*всторону*). Счастіе мое погибло, по крайней-мѣрѣ спасу свое самолюбіе, и не дамъ торжествовать ни ей, ни ему... послѣ будь со мною, что Богу угодно!..

ЛЮДМИЛА (*въ сильномъ волненіи наклоняетъ голову и размышляетъ немного, потомъ говоритъ глядя на него пристально*). Что значить эта новая выдумка! Вы мнѣ мстите, или испытываете меня?.. Евгений, Евгений, не играйте моимъ сердцемъ... оно любить васъ, искренно любить, безъ границъ и безъ мѣры! но оно гордо, и можетъ наконецъ выйти изъ терпѣнія; смотрите, не подвергайте меня незаслуженнымъ обидамъ! (*Она идетъ къ нему.*) Не мучьте меня, Евгений! помиримтесь, дайте мнѣ вашу руку!..

ЕВГЕНІЙ (*хочетъ съ начала отвернуться, но поблдивъ себя подаетъ ей церемонно руку и говоритъ съ притворною улыбкою*). Извольте, хоть объ берите!.. милая, дорогая моя Людмила!.. сестра моя!.. какъ я радъ, что вижу васъ въ такомъ прекрасномъ расположеніи!.. Мнѣ легче будетъ вамъ признаться.

ЛЮДМИЛА (*съ возрастающимъ безпокойствомъ*). Въ чемъ же, Боже мой? въ чемъ, говорите скорѣе. Вашъ голосъ и взоръ меня пугаютъ... У васъ что-то не доброе на умѣ!..

ЕВГЕНІЙ (*принужденно улыбаясь*). Помилуйте, противъ васъ... могу ли я? Нѣтъ, я слишкомъ вамъ преданъ!.. Но я вижу, что вы ошибаетесь во мнѣ, и долженъ, какъ честный человекъ, открыть вамъ глаза... Вы, кажется, вообразили себѣ, что я влюбленъ въ васъ, что я хочу вашей любви?.. (*хохочетъ*) совсѣмъ нѣтъ, другъ мой... Я люблю васъ, но только доброю и тихою дружбою... ни больше, ни меньше. Но я никогда не ожидалъ, и даже ни желалъ отъ васъ ничего болѣе. Вы напрасно предполагали во мнѣ ревность, досаду; напротивъ: я сердечно радуюсь вашему счастью, вашимъ успѣхамъ; одобряю вашъ выборъ, одобряю любовь князя, его предложеніе... и желаю вамъ съ нимъ всякаго благополучія, всякаго согласія!... (*всторону*) Такъ хорошо, кажется, я доволенъ собою!..

ЛЮДМИЛА (*дрожа отъ волненія*). Вы притворяетесь, вы хотите меня съ ума свести вашею злобою!.. Полноте! это недостойно ни васъ, ни меня!.. Къ чему притворство!.. Еще разъ, и въ послѣдній говорю вамъ: образумьтесь, Евгений Андреевичь!..

ЕВГЕНІЙ (*беретъ ее за руку*). Не забудьте пригласить меня на вашу свадьбу! Заранѣе спрашиваюсь къ вамъ въ шаферы!

ЛЮДМИЛА (*ужасно поблдивъ*). Вы это говорите по чистой совѣсти, серьезно, какъ благородный человекъ?..

ЕВГЕНІЙ (*стиснувъ зубы, едва удерживаясь*). Серьезно и по совѣсти!

ЛЮДИЛА. Вы... точно... чувствуете... и думаете то, что говорите?..

ЕВГЕНИЙ (*кладя руку къ себѣ на сердце*). Чувствую и думаю! (*отворачивается, чтобъ скрыть свое волненіе.*) Сердце мое рывается отъ боли и гнѣва, но все равно!..

ЛЮДИЛА (*значительно*). Такъ помните же это, и не пѣняйте мнѣ ни за что!.. (*всплеснувъ руками*). Боже мой! ты видишь, какъ велико было мое терпѣніе, ты читаешь въ моемъ сердцѣ!.. Я пришла къ нему покорно и миролюбиво... перенесла всѣ обиды, всю досаду его... истощила всю мою преданность... всю женскую кротость... Онъ не хотѣлъ примиренія!.. онъ оттолкнулъ меня, теперь все кончено между нами... и я должна отъ него отказаться!.. (*дѣлаетъ шагъ къ Евгенію.*) Прощайте, Евгений Андреевичъ!.. Да не накажетъ васъ Богъ за ваше жестокосердіе ко мнѣ!.. Вы правы. вы никогда меня не любили!.. (*Уходитъ, расплакавшись громко.*)

VI.

Сперва **ЕВГЕНИЙ** одинъ, потомъ **ЛЮБА**.

ЕВГЕНИЙ (*одинъ, бросаясь на кресла*). Ушла?... тѣмъ лучше!.. я бы долѣе не выдержалъ!.. я хорошо сдѣлалъ, что отвѣчалъ ей измѣной за измѣну, пренебреженіемъ за пренебреженіе... это кольнетъ ея гордость и уязвитъ ея самолюбіе... Я видѣлъ, какъ она вдругъ поблѣднѣла; пусть она страдаетъ въ свою очередь... я такъ давно страдаю!.. (*Облокачивается на столъ, закрывая свое лице.*)

ЛЮБА (*входя съ безпокойствомъ*). Евгений, другъ мой, вы здѣсь?

ЕВГЕНИЙ (*поспѣшно встаетъ*). Здѣсь!.. Что вамъ угодно отъ меня, добрая Люба?

ЛЮБА. Вы такъ разстроены, такъ блѣдны, что страшно на васъ смотрѣть! Что сдѣлалось, скажите, ради Бога? У васъ съ сестрою была ссора?..

ЕВГЕНИЙ. Нѣтъ... не ссора... такъ, нужное объясненіе!.. Но зачѣмъ вы спрашиваете?..

ЛЮБА. Входя въ первую гостиную, я встрѣтилась съ бѣдною Людмилой: она вся въ слезахъ, и только успѣла мнѣ сказать: «готовься услышать скоро новость»... потомъ бросилась ко мнѣ на шею, зарыдала и побѣжала прямо къ маменькѣ... Что же вы сказали сестрѣ?..

ЕВГЕНИЙ (*съ волненіемъ*). Послушайте, Люба, не браните меня... вы себя вообразить не можете того, что происходило со мною здѣсь, нынче, почти сейчасъ!.. Вашъ дядюшка устроилъ нарочно таинственный разговоръ вдвоемъ между Людмилой и княземъ, а меня усадилъ съ собою за какіе-то хозяйственные отчеты и... (*съ жаромъ схвативши ея руку.*) Я самъ... да, да, я самъ долженъ былъ присутствовать при любовномъ объявленіи моей прежней невѣсты и моего соперника... я долженъ былъ слышать ихъ слова, видѣть ихъ взаимное согласіе, и наконецъ—князь, при мнѣ, поцѣловалъ ея руку... Что? какъ вамъ это кажется? Чтожъ тутъ удивительнаго, что у меня человѣческихъ силъ не стало наконецъ, и что я вышелъ изъ себя? (*съ возрастающимъ жаромъ.*) Я и теперь вспомнить не могу... я задыхаюсь отъ злобы... пустите меня, Люба, мнѣ надо успокоиться!.. (*Убываетъ въ величайшемъ волненіи.*)

VII.

ЛЮБА одна, потомъ **ЛЮДМИЛА**.

ЛЮБА (*вслѣдъ Евгению*). Но куда же вы?.. остановитесь... я помирю васъ съ сестрою!

ЛЮДМИЛА (*входя*). Мценскій здѣсь, или ушелъ?..

ЛЮБА. Мценскій?.. Что это значить?.. зачѣмъ ты его такъ называешь?

ЛЮДМИЛА (*съ грустною торжественностью*). Я не имѣю больше права его называть иначе, я уже невѣста другаго... Люба, я дала слово князю!..

ЛЮБА (*съ испугомъ*). Что ты говоришь? это не возможно, не должно быть!..

ЛЮДМИЛА (*твердо*). Будетъ однако... Сейчасъ, при маменькѣ, я сказала князю, что соглашаюсь быть его женою!..

ЛЮБА (*живо*). Это безуміе, это горячка!.. Ты любишь Евгенія, ты сейчасъ еще и его и меня въ томъ увѣряла.

ЛЮДМИЛА. Давича, сейчасъ еще, я любила Евгенія; но онъ поступилъ со мною жестоко, несправедливо,—и я отреклась отъ него навсегда.

ЛЮБА (*пожимая плечами*). Навсегда; какой вздоръ!.. ты его тотчасъ же и разлюбила!.. ну, можетъ-ли это быть! ну, повѣрю-ли я такой внезапной переменѣ? И съ твоей стороны, съ твоимъ сердцемъ!.. (*обнимаетъ ее.*) Образумься! забудь дѣтскую ссору, которая пройдетъ, какъ и вся прочія!

ЛЮДМИЛА. Я говорю тебѣ, сестра, я дала слово: теперь ужъ поздно!..

ЛЮБА (съ упрекомъ). Но ты губишь себя изъ глупостей, изъ пустяковъ; съ собою ты погубишь и Евгенія!.. И имѣла-ли ты право это сдѣлать?.. Я этого не допущу; я побѣгу за нимъ, приведу его, заставлю васъ помириться!..

ЛЮДМИЛА (удерживая ее). Сдѣлай милость, не берись за невозможное! Оставь Мценскаго въ покоѣ, не говори мнѣ больше. (слабымъ голосомъ.) Слышишь-ли, никогда не говори... я невѣста другаго, и должна забыть, хочу забыть все прошлое!.. (Отходитъ нѣсколько всторону.)

ЛЮБА (идетъ за нею и смотритъ ей въ глаза). Ты мстишь Евгенію?.. ты хочешь его наказать.

ЛЮДМИЛА (живо). Какой вздоръ!.. можешь-ли ты ожидать отъ меня такого безразсудства?

ЛЮБА (соображая). Нѣтъ, ты слишкомъ умна для того... ты не стала бы жертвовать своею жизнію для минутнаго торжества надъ человѣкомъ, который тебя любить страстно, и потому нисколько не виноватъ предъ тобою... Но стало быть, ты мнѣ не все сказала, есть еще что-нибудь такое...

ЛЮДМИЛА (перебивая). А развѣ мало нашей ссоры? (всторону). Не дай Богъ, чтобъ она догадалась. (Съ притворнымъ равнодушіемъ.) Послушай, сестра, ты говоришь, что я умна, а развѣ ты не вдвое меня умнѣе?.. какъ же ты такъ худо меня понимаешь?

ЛЮБА. Я тебя совсѣмъ не понимаю!

ЛЮДМИЛА (съ ложнымъ оживленіемъ). И ты не догадываешься, что я могла увлечься... имѣть тайныя причины?..

ЛЮБА (подозрительно). Увлечься, чѣмъ?... ужъ не любовью ли къ князю?.. (смѣется съ досадою.) Извини!.. твоя хитрость не удалась; я слишкомъ хорошо тебя знаю, чтобъ повѣрить!

ЛЮДМИЛА (нетерпливо). Кто говоритъ тебѣ о любви? Но развѣ я не могу прельститься видами такого замужства, желать богатства, почестей?

ЛЮБА (съ негодованіемъ). Ты!.. ты! Богъ мой! Не воснѣ ли я тебя слышу!..

ЛЮДМИЛА (съ притворною веселостью). Быть княгиней... быть знатной барыней... кому это не лестно?.. Я буду принята въ высшій кругъ; мужъ повезетъ меня въ Петербургъ, за границу... Согласись, что такая перспектива хоть кого соблазнить!.. (Отворачивается, чтобъ скрыть слезы.)

ЛЮБА (*бросаясь къ ней*). Кого-нибудь, всѣхъ другихъ, только не тебя! ты не суетна и не честолюбива!.. (*беретъ ее за руку.*) Людмила, что съ тобою? ты меня пугаешь своимъ вельемъ, своими словами!.. Похоже ли это на тебя!.. что сдѣлалось съ тобою?.. (*обнимаетъ ее.*) Скажи, скажи, мнѣ Людмила! ты знаешь, какъ я тебя люблю! признайся мнѣ, у тебя что-то на душѣ... ты отъ меня скрываешься, въ первый разъ въ жизни!.. но я узнаю правду; я спасу тебя отъ тебя самой; я не дамъ совершиться этой свадьбѣ!..

ЛЮДМИЛА (*всторону*). Все потеряно, если она узнаетъ правду!.. (*громко.*) Полно сестра! ты бредишь! какія тутъ тайны? отчего меня спасать? Я счастлива, очень счастлива, вполне довольна своею судьбой; я выхожу за молодаго человѣка достойнаго, пріятнаго, къ тому же богатаго и князя... Прошу покорно, есть почему жалѣть обо мнѣ! (*Хохочетъ.*)

ЛЮБА (*съ чувствомъ*). Бѣдный Евгений! бѣдный, бѣдный!.. какой ударъ для него!

ЛЮДМИЛА (*робко*). Ты видѣла .. его? что онъ тебѣ сказалъ?

ЛЮБА. Взбѣшенъ на тебя... Что будетъ съ нимъ, когда онъ узнаетъ?..

ЛЮДМИЛА. Самъ виноватъ!.. Я не смотря ни на что еще колебалась... и можетъ быть, не рѣшилась бы такъ скоро... но онъ вывелъ меня изъ терпѣнія!.. Нѣтъ, онъ безъ сердца!.. я никогда ему не прощу!..

ЛЮБА. Сейчас простишь, если только ты не стала вдругъ безчувственной, бездушной, какъ ты хочешь себя представить самой себѣ!.. Сестра, неужели такая любовь могла умереть въ тебѣ совсѣмъ и такъ скоро!.. неужели Евгений для тебя больше не существуетъ?..

ЛЮДМИЛА (*зажимая ей ротъ*). Молчи, молчи, ни слова больше!.. я не хочу. (*Всторону.*) Боже мой, дай мнѣ силы выдержатъ до конца!..

ЛЮБА (*въ жаромъ.*) Но ты извергъ, если это правда! ты кокетка, суетная женщина!... безъ сердца, безъ души, безъ всякихъ чувствъ!.. я ненавижу, я презираю тебя!.. Забыть въ одну минуту пятилѣтнюю любовь?.. измѣнить всѣмъ клятвамъ, обмануть преданнаго человѣка, съ которымъ ты выросла, которому ты дороже жизни, который въ тебѣ одной полагаетъ все свое счастье!

ЛЮДМИЛА (*со слезами, всторону, ломая себѣ руки*). Боже мой! Боже мой!

ЛЮБА (*со слезами негодованія*). Что съ нимъ будетъ теперь? онъ не перенесетъ этого горя!

ЛЮДМИЛА (*грустно всторону*). Она жалѣетъ объ немъ, а обо мнѣ и пожалѣть-то некому!..

ЛЮБА (*не слушая*). Онъ не останется здѣсь... онъ уѣдетъ навсегда!

ЛЮДМИЛА (*взявши ея руку*). Что ты говоришь?.. куда ѣдетъ? зачѣмъ? какъ ты это знаешь?

ЛЮБА (*скоро*). Ужъ онъ давно мнѣ твердилъ, что не вынесетъ своего положенія здѣсь... Каждый разъ, какъ онъ былъ тобою недоволенъ, онъ клялся все бросить, пойти въ полкъ... на Кавказъ... если ревность и сомнѣнїе доводили его до такого состоянїя; чтожь съ нимъ будетъ, когда онъ потеряетъ всякую надежду? (*Закрываетъ глаза руками и плачетъ.*)

ЛЮДМИЛА (*посмотрѣвши долго на сестру, отводитъ ея руки отъ лица*). Сестра, ты любишь его!

ЛЮБА (*съ испугомъ*). Кто, я?! люблю... какъ друга... какъ брата... чтожь тутъ удивительнаго?.. я и не думаю скрывать...

ЛЮДМИЛА. Неправда!.. ты его любишь... не дружбой, а любовью!.. настоящею, глубокою, страстною любовью!.. ты его любишь... какъ я его любила! (*плачетъ.*)

ЛЮБА (*сквозь слезы, стараясь улыбаться*). Какой вздоръ?.. откуда у тебя вдругъ такія мысли?..

ЛЮДМИЛА (*нѣжно и вкрадчиво*). Совсѣмъ не вдругъ,—эти мысли давно и часто приходили мнѣ въ голову, когда я замѣчала твое обращеніе (*тихо*) съ Евгеніемъ!.. и давно поняла, какъ много тайнаго страданія и высокаго самоотверженія было въ твоей душѣ, когда ты становилась посредницею между имъ и мною... когда ты соглашалась выслушивать его жалобы, его признанія... Теперь у меня не остается никакого сомнѣнїя... ты любишь его!

ЛЮБА (*съ сильнымъ волненіемъ*). А если бъ и такъ, зачѣмъ тебѣ заставлятъ меня сознаться въ чувствѣ, котораго я сама стыжусь?

ЛЮДМИЛА (*съ удивленіемъ*). Стыдишься?.. почему?

ЛЮБА. Потому, что онъ меня не любитъ... и никогда любить не будетъ... Взаимная привязанность—вѣнецъ женщины... одинокая, не раздѣленная страсть, только безуміе и стыдъ!.. (*Отворачивается и плачетъ.*)

ЛЮДМИЛА (*идетъ къ ней и цѣлуетъ ее*). Давай плакать вмѣстѣ, сестра, легче будетъ!..

ЛЮБА (*прячетъ свое лицо на плечо сестры*). Ты можешь плакать... ты можешь громко признаваться въ своемъ горе, а я нѣтъ, потому что я не имѣю права любить!..

ЛЮДМИЛА (*быстро поднимая голову сестры и глядя ей въ лицо*). Какъ не имѣешь права любить!.. вѣдь прежде наши родные тебя назначали Евгенію... онъ былъ твоимъ женихомъ... и только потомъ... гораздо позже. (*Внезапно останавливается.*)

ЛЮБА (*грустно*). Договаривай!.. потомъ, когда оспа меня обезобразила... когда я такъ подурнѣла, что мнѣ и думать нельзя было о замужствѣ, тогда рѣшились тебя отдать ему вмѣсто меня...

ЛЮДМИЛА (*съ большимъ одушевленіемъ*). Нѣтъ, совсѣмъ не такъ! нашли, что между имъ и тобою только два года разницы, и что этого слишкомъ мало, а такъ какъ я тремя годами тебя моложе, то матушка...

ЛЮБА (*цѣлуя сестру*). Не лги, мой другъ!.. не старайся напрасно скрывать отъ меня горькую правду, въ которой я сама убѣждена больше всѣхъ на свѣтѣ... Слава Богу, что Евгенія не было съ нами въ деревнѣ, когда это несчастіе меня постигло! онъ бы самъ отъ меня отказался... его отсутствіе спасло меня отъ ужаснѣйшаго мученія для любящей женщины, отъ мученія быть брошенной, и видѣть себя противною тому, кто ее прежде любилъ!.. Когда онъ возвратился изъ университета, онъ уже зналъ, что вмѣсто бѣдной, больной, обезображенной Любы, ему готовили въ невѣсты красавицу, ангела, тебя; онъ полюбилъ тебя безумно!.. со мною былъ добръ и ласковъ... больше и требовать я не могла... (*подавленнымъ голосомъ.*) Я уродъ...

ЛЮДМИЛА (*живо*). Не уродъ!.. ты только что не хороша, но за то у тебя какая душа, какой умъ, какое сердце!

ЛЮБА (*горько*). За это женщину уважаютъ, а любить все таки не стануть!.. Но развѣ жизнь можетъ быть иногда безъ любви?.. развѣ стоитъ ее звать жизнію?.. Взгляни на себя, и скажи, можетъ-ли что-нибудь затмить эту красоту, которая заставляетъ всякаго полюбить тебя съ перваго взгляда?..

ЛЮДМИЛА (*сквозь слезы*). А если я скоро перемѣнюсь!.. Если какое-нибудь горе подернетъ ранними морщинами это лицо, которому ты теперь завидуешь?.. Если эти хваленые глаза выплещутъ свой минутный блескъ? тогда, сестра, что ты скажешь о

моей красотѣ?.. Я рано состарѣюсь, я это чувствую!.. тогда будешь-ли ты еще говорить, что мы не можемъ плакать вмѣстѣ?..
(Объ бросаются другъ къ другу въ объятія и рыдаютъ. Молчаніе.)

ЛЮБА (погода немного и робко). Людмила, мнѣ за тебя страшно!. Твоя давишняя веселость, твои теперешнія слезы, все это не даромъ! Бѣдное дитя, ты сама себя обманываешь, ты еще любишь Евгенія, но не хочешь въ томъ сознаться, и связала себя даннымъ словомъ... Но жертва свѣще твоихъ силъ!.. Я боюсь, ты не вынесешь... Нѣтъ ли возможности тебя спасти?

ЛЮДМИЛА (зажимаетъ ей ротъ). Молчи... не искушай меня!.. (бодро и твердо). Обо мнѣ нечего хлопотать: моя участь рѣшена; надо думать теперь о тебѣ...

ЛЮБА (съ удивленіемъ). Обо мнѣ?

ЛЮДМИЛА (съ увлеченіемъ). Ты еще можешь быть счастлива!.. Пусть хоть одна изъ насъ, по-крайней-мѣрѣ...

ЛЮБА. Что ты хочешь этимъ сказать? что у тебя на умѣ?..

ЛЮДМИЛА. А вотъ узнаешь!.. Пойдемъ къ маменькѣ, тамъ я все тебѣ скажу!.. (Уходятъ, обнявшись.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната, что и въ первомъ дѣйствіи.

I.

ЕВГЕНІЙ, входя изъ среднихъ дверей.

Люба права; я былъ слишкомъ крутъ... надо выслушать бѣдную Людмилу... Можетъ быть, для нее и въ самомъ дѣлѣ есть оправданіе? Я такая горячка, право, что самъ иногда не радъ; самому бываетъ совѣстно... И давеча я такъ взбѣсился, что едва помню, что наговорилъ... А въ это время, еслибъ кто-нибудь видѣлъ, какъ билось это сердце!.. Но я никогда не забуду лица Людмилы въ эту минуту! какъ она поблѣднѣла!.. я боялся, что она упадетъ безъ чувствъ къ моимъ ногамъ... Бѣдная Людмила! Какъ хочется поскорѣе ее увидѣть, чтобъ съ нею помириться!.. Кто-то идетъ?.. Дай Богъ, чтобъ это была она!..

II.

ЕВГЕНИЙ, ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА входятъ, опираясь на руку Людмилы.

ЕВГЕНИЙ (*радостно*). Такъ и есть, она!.. Сердце не обмануло. Это хорошій знакъ!..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Мы тебя ищемъ, Евгений. (*Евгений бросаясь къ ней, цѣлуетъ ея руки*). Я здѣсь, Варвара Михайловна, что вамъ угодно?..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Во-первыхъ объявить тебѣ о нашей радости... (*Людмила отходитъ къ столу.*)

ЕВГЕНИЙ. Радости... какой же?... заранѣе готовъ ее раздѣлить всѣмъ сердцемъ... Вы знаете, какъ близко мнѣ все, что касается до васъ и вашихъ. (*Людмила издали смотритъ на него любовно, замѣчая, что онъ больше не сердитъ*).

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Знаю, мой другъ, знаю, и потому пришла скорѣе тебѣ объявить, что у меня свадьба въ домѣ: Людмилочка идетъ за князя Валеріяна Петровича!

ЕВГЕНИЙ. Людмила идетъ за князя?

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Да, она дала ему слово, а такъ какъ князь принужденъ ѣхать нынче въ ночь, то мы уже послѣ ужина ихъ и помолвимъ... (*Евгений, поблѣдивъ, глядитъ на Людмилу вопросительно, какъ будто не понимая.*)

ЛЮДМИЛА (*издали съ выраженіемъ упрека*). Да, Евгений Андреевичъ... Я выхожу за князя!.. онъ любитъ меня... и я надѣюсь быть съ нимъ счастливою!..

ЕВГЕНИЙ (*хочетъ къ ней подойти, но пошатнувшись остается какъ прикованный на мѣстѣ; говоря слабо*). Вы выходите замужъ?

ЛЮДМИЛА (*видя его горе и смячаясь*). Выхожу... дала слово!.. Дядя проситъ, дядя-требуетъ... Я не могу, я не должна дядѣ отказывать!.. (*Изнемогая хватается за стулъ и садится. Евгений молчитъ, глаза его блуждаютъ дико.*)

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. И почему отказывать? Дядя тебѣ добра желаетъ, такъ какъ и всѣ мы... Князь не только славная партія, но отличнѣйшій человекъ.. онъ страстно любитъ тебя, и ты непременно съ нимъ будешь счастлива... (*Людмила закрываетъ себѣ глаза платкомъ и громко рыдаетъ.*)

ЕВГЕНИЙ (*подавленнымъ голосомъ*). Зачѣмъ же плакать?.. Если вы такъ счастливы... о чемъ эти слезы?..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Дѣвушка, такъ какъ же не заплакать предъ такимъ великимъ событіемъ... вѣдь это на всю жизнь!

ЕВГЕНІЙ (*хватаясь за голову*). Боюсь съ ума сойти!.. Я что-то не понимаю...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Поди же сюда, поздравь меня, Евгений! поцѣлуемся... (*Евгеній машинально подходитъ къ ней, она его нѣжно обнимаетъ*). Ну, и къ ней-то подойди, къ невѣстѣ-то нашей!.. и ее-то обними! вѣдь она тебѣ все равно, что сестра родная... (*Евгеній подходитъ къ Людмилѣ; оба вздрагиваютъ, колеблются, наконецъ Людмила протягиваетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ее безсознательно*).

ЛЮДМИЛА (*отходя опять къ столу*). Не могу смотрѣть на него .. мнѣ его жалко, а себя еще больше! (*Плачетъ*.)

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА (*Евгенію нѣжно и ласково*). И ты не угадываешь, что меня еще къ тебѣ привело?..

ЕВГЕНІЙ (*какъ въ чадѣ*). Нѣтъ... я ничего... не знаю... (*всторону*). Что со мною?.. Голова моя кружится... я едва держусь на ногахъ...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Евгений, другъ мой, я мать!.. Упрочивъ счастье одной изъ моихъ дочерей, мнѣ надо подумать тоже о другой...

ЛЮДМИЛА (*всторону*). Дай Богъ, чтобъ онъ согласился... пусть моя жертва не пропадаетъ!..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА (*беретъ Евгенія за руку*). Ты вѣдь тоже у меня дитя родное, третіе, любимое дитя моего сердца!.. Отецъ твой, умирая, отдалъ тебя мнѣ на руки, и я выростила тебя, не отличая отъ своихъ родныхъ дѣтей... Сынъ мой, спокойствіе и утѣшеніе моей старости зависитъ теперь отъ тебя!

ЕВГЕНІЙ. Что могу я для васъ сдѣлать, приказывайте.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Не приказываю, а прошу: помнишь-ли ты, чего мы такъ желали съ твоимъ отцемъ, и что было положено между нами?

ЕВГЕНІЙ (*въ недоумѣніи*). Мнѣ кажется... не время теперь объ этомъ напоминать?

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Напротивъ, именно теперь!.. теперь, когда братъ даетъ мнѣ состояніе, которое обезпечиваетъ насъ и которое ты долженъ раздѣлить съ нами, по общему нашему желанію.

ЕВГЕНІЙ (*оскорбленный*). Варвара Михайловна! эти слова...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Не обижайся! слова отъ сердца, такъ какъ

и желаніе!.. Развѣ ты позабылъ, что долго считался у насъ будущимъ женихомъ моей Любы? Конечно, я одно время думала, что меньшая замѣнитъ старшую, и будетъ твоею женою... мнѣ казалось, что вы любите другъ друга... (*Людмила и Евгений вздрагиваютъ*) но скоро вы мнѣ оба доказали, что я ошиблась... я сказала себѣ: «Богъ съ ними! жалко да дѣлать нечего! не навязывать же ему насильно свою дочь, тѣмъ больше, что она безприданница, совѣтъ не партія, и ее можетъ взять только тотъ, кто ее искренно полюбитъ!» (*Евгеній ударяетъ себя отчаянно въ лобъ*). Ну, нынче, мои обстоятельства вдругъ совершенно перемѣнились: братецъ платитъ наши долги, даетъ Любѣ хороше приданое; она стала богатою невѣстою, и я предлагаю тебѣ на ней жениться!..

ЕВГЕНІЙ (*изумленный*). Мнѣ?... жениться на Любѣ?... мнѣ?..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА (*простодушно*). Вѣдь тебѣ все равно, ты не любишь особенно ни ту, ни другую, а Люба моя тебя давно любить.

ЕВГЕНІЙ (*еще больше изумленный*). Люба... можетъ ли быть?

ЛЮДМИЛА (*встаетъ и подходитъ къ нему рѣшительно*). Маленька, позвольте мнѣ съ нимъ поговорить, я берусь выпросить его согласіе. (*Евгенію*). Я должна была пожертвовать собою... Я несчастна и останусь несчастной!.. Но теперь насъ трое страдаютъ, надо чтобъ по-крайней-мѣрѣ хоть одна изъ трехъ была утѣшена!.. (*Варвара Михайловна садится на мѣстѣ Людмилы.*)

ЕВГЕНІЙ. Объясните мнѣ, ради Бога...

ЛЮДМИЛА (*разбитымъ голосомъ*). Сестра любить васъ съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя, и таила эту любовь, чтобъ не мѣшать вамъ... любить другую... Теперь, когда эта другая для васъ потеряна... когда вы хотите насъ оставить... уѣхать отъ насъ навсегда... мы не можемъ разстаться съ вами, Евгеній... мы хотимъ удержать васъ въ нашей семьѣ... мы просимъ васъ не отвергать нашей... преданности, нашей искренной къ вамъ дружбы... Женитесь на Любѣ и останьтесь съ нами.

ЕВГЕНІЙ (*съ чувствомъ*). Для меня была одна только женщина въ цѣломъ мірѣ... я ее теряю... и никогда ни на комъ не женюсь!

ЛЮДМИЛА (*сквозь слезы*). Взгляните на меня и поймите наконецъ, что если я отказываюсь отъ васъ, то у меня должны быть для этого непобѣдимыя причины!.. Повѣрьте мнѣ, Евгеній, я имѣю право требовать отъ васъ то, о чемъ васъ прошу.

ЕВГЕНІЙ (*поглядывая на нее*). Людмила, я вижу, у васъ есть какая нибудь грустная тайна... Я вѣрю вамъ, но вы отъ меня требуете невозможнаго... перемѣните своего сердца я не въ силахъ!

ЛЮДМИЛА (*съ чувствомъ*). Бѣдная Люба находила же силы жертвовать безпрестанно собою и быть вашимъ другомъ, вашею повѣренною!.. Если вы меня... любили... вы отдадите ей то счастье, отъ котораго я должна была отречься!.. Я васъ прошу, я васъ умоляю... для меня, Евгеній!..

ЕВГЕНІЙ (*посль небольшого молчанія*). Для васъ?!. Извольте!.. Я готовъ на эту жертву... я женюсь на вашей сестрѣ...

ЛЮДМИЛА (*подводя его къ своей матери*). Маменька, онъ согласенъ. . Благословите его, маменька, на это доброе дѣло, а я побѣгу за сестрою! (*Быстро уходитъ*).

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Правда ли это, другъ мой? могу-ли я тебя обнять наконецъ, какъ моего настоящаго сына?

ЕВГЕНІЙ (*трепещущимъ голосомъ*). Маменька, я прошу у васъ руку Любы, и даю вамъ слово, что она со мною будетъ счастлива... если только счастье ея отъ меня зависить!

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Другъ мой, благодарю тебя! Эта минута вознаграждаетъ меня за мою долготѣнную привязанность къ тебѣ. (*Обнимаются; въ эту минуту Людмила возвращается съ Любой, которую она подводитъ къ Евгению и матери*).

ЛЮДМИЛА. Сестра, вотъ твой женихъ!

ЛЮБА (*изумленная*). Что это значить?

ЛЮДМИЛА (*съ усиленіемъ улыбается*). То... что Евгеній останется съ нами... и ты будешь его женою!.. (*Оставляетъ сестру между матерью и Евгениемъ, а сама въ изнеможеніи отходитъ всторону.*)

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Обними меня, Люба! Да благословить тебя Богъ, такъ какъ я тебя благословляю на счастье! ты невѣста Евгенія!

ЛЮБА (*дрожащимъ голосомъ*). Маменька, не шутите со мною... то, что вы говорите, не возможно... Евгеній не меня любить... онъ любитъ сестру...

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Но сестра твоя идетъ за князя, а Евгеній у меня просилъ твоей руки...

ЛЮБА (*смотритъ поочередно на всѣхъ. Евгеній стоитъ молча, склоня голову; Людмила отвернулась, такъ что ея лица не видать; Варвара Михайловна улыбается*). Должна ли я вѣрить?..такое неожиданное рѣшеніе!..

ЕВГЕНІЙ (*подходя къ Любу, рѣшительно беретъ ее за руку*). Люба, ты знаешь меня, вѣришь мнѣ и моему слову... Я спрашиваю тебя, Люба, хочешь-ли ты быть моей женою?..

ЛЮБА (*посмотрѣвъ на него*). Евгений... такъ это правда?.. ты можешь, послѣ Людмилы, выбирать меня... меня, бѣдную, обиженную природою?..

ЕВГЕНІЙ. Это единственное мое желаніе, моя Люба! ты всегда была мнѣ лучшимъ другомъ; я прошу у тебя права никогда съ тобою не разставаться! (*Люба подаетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ее почтительно, потомъ обнимаетъ ее*).

ЛЮБА (*бросаясь къ матери и закрывая лицо свое на ея плечь*). Маменька, мнѣ страшно!.. молитесь за меня... я слишкомъ счастлива! (*Въ эту минуту она слышитъ за собою громкое рыданіе, оглядывается и видитъ, что Людмила плачетъ, положивши руки и голову на столъ*).

ЕВГЕНІЙ. Ты стоишь счастья, моя Люба, ты умѣешь любить!.. (*Злобно глядитъ на Людмилу*). О чемъ же она плачетъ?..

ЛЮБА (*показывая Евгению сестру*). Евгений!.. она слышитъ... и безъ вашихъ упрековъ ей не легко!

Ш.

ТЪ ЖЕ АХЛЕТАЕВЪ И КНЯЗЬ.

АХЛЕТАЕВЪ. Сестрица, мы были у васъ въ комнатѣ съ нашимъ милымъ женихомъ, который всюду ищетъ свою невесту.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Вы кстати, братецъ! а мы здѣсь ждемъ только вашего согласія, чтобъ уладить другую свадьбу.

АХЛЕТАЕВЪ. Другую свадьбу?.. чтожъ, въ добрый часъ!.. да кого же вы жените, или кого выдаете?..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА (*радостно*). Женю своего приемыша и сына, моего Евгения, а выдаю за него мою дочь, Любу, если вы позволите!..

АХЛЕТАЕВЪ. Любу, за Евгения Андреича!.. охотно! охотно!.. они парочка; за племянницею теперь и приданое хоть куда, а онъ молодецъ, конечно не чиновникъ... но онъ еще молодъ, выслужится, особенно если захочетъ меня послушаться... (*Идетъ къ Евгению и обнимаетъ его*). Очень радъ породниться, любезный мой племянникъ!.. а мы васъ и къ мѣсту опредѣлимъ... У меня, вы знаете, связи, мнѣ это легко... Вотъ князь Петръ, графъ Иванъ...

ЕВГЕНІЙ. Очень вамъ благодаренъ, Василій Михайловичъ... Буду стараться заслужить ваше расположеніе... Но что касается до мѣста, то я объ этомъ не думаю... Теперь по-крайней-мѣрь... Мы съ матушкой и Любой поѣдемъ въ деревню... намъ нуженъ отдыхъ... мы люди не свѣтскіе, а ваша Москва насъ и такъ закружила...

ЛЮДМИЛА (*всторону*). Онъ хочетъ уѣхать, чтобъ меня больше не видать!..

КНЯЗЬ (*всторону, замѣчая всеобщее смущеніе*). Отчего всѣ такъ не веселы?.. Евгенийъ смотритъ не женихомъ, а приговореннымъ къ смерти... Люба стоитъ какъ убитая... Людмила... плачетъ?..

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Князь Валеріянъ Петровичъ, Евгенийъ, вы теперь свояки. Позвольте мнѣ васъ представить другъ другу!

КНЯЗЬ (*ласково подходя къ Евгению*). Евгенийъ Андреевичъ, я бы не могъ выбрать себѣ брата больше по душѣ!.. Прошу полюбить меня и видѣть во мнѣ искренняго друга. (*Обнимаются*).

ЕВГЕНІЙ (*целовко*). Князь... повѣрьте... что я... (*всторону*) я самъ не знаю, что говорю... Какая пытка!..

АХЛЕТАЕВЪ. Такъ какъ теперь устроены всѣ наши семейныя дѣла, пойдемте въ столовую, насъ ждетъ ужинъ... а тамъ въ будуарѣ, играютъ въ преферансъ нашъ храбрый генераль, да графъ Иванъ... Мы кстати и объявимъ имъ о нашихъ свадьбахъ... Князь Петръ тоже хотѣлъ завѣхать изъ клуба, да что-то замѣшкался.. ну, подѣдетъ къ десерту... Пойдемъ, сестрица. (*Предлагаетъ ей свою руку.*) Пусть каждый женихъ ведетъ свою невесту!.. Мы съ сестрою открываемъ маршъ; вы, молодежь, за нами! (*Уводитъ Варвару Михайловну, Евгенийъ подходитъ къ Любѣ и беретъ ее подъ руку.*)

ЕВГЕНІЙ. Ты старшая, Люба, пойдемъ впередъ!

ЛЮБА (*нѣжно опираясь на его руку, идетъ, оглядывается на сестру, и видитъ ее безчувственную отъ страданія, качаетъ головой*). Одной изъ двухъ свадебъ небывать... я это вижу!..

IV.

КНЯЗЬ и ЛЮБА.

КНЯЗЬ (*предлагая ей свою руку*). И намъ надо за ними... угодно вамъ взять мою руку?..

ЛЮДМИЛА (*неровнымъ голосомъ*). Сейчасъ!.. подите, князь... я прійду потомъ... я ужинать нехочу и не сяду за столъ...

КНЯЗЬ. Я все-таки оставлю вамъ мѣсто возлѣ себя... (*Дѣлаетъ видъ, что уходитъ, но остается у дверей.*)

ЛЮДМИЛА (*не видя его*). Наконецъ ушли... пора! я не въ силахъ больше принуждать себя... Нѣтъ, я не знала до-сихъ-поръ, что такое значить страданіе. Бѣдный Евгений! (*Заливается слезами громко рыдая.*) Неужто ему иногда такъ было больно отъ меня, какъ мнѣ теперь отъ него? Боже мой, лишь бы только рѣшимость моя мнѣ не измѣнила; пока все не кончено... боюсь, я не выдержу... Господи!.. для бѣдной Любы, для матери моей, дай мнѣ силы, пошли мнѣ твердость!..

КНЯЗЬ (*подходя къ ней*). Такъ и плачутъ только тѣ, которые несчастливы: стало быть, вы несчастливы?..

ЛЮДМИЛА (*испугавшись*). Вы были здѣсь?.. вы?!..

КНЯЗЬ (*беретъ ея руку*). Чего вы испугались?.. здѣсь только я одинъ, а меня вамъ нечего бояться, потому что вы и я теперь мы, т. е., одинъ человѣкъ и одно сердце!.. У васъ не должно быть никакой тайны отъ меня... прежде всего я вашъ другъ!..

ЛЮДМИЛА. Я васъ не боюсь, мнѣ только стыдно, что вы меня такъ застали...

КНЯЗЬ (*твердо и ласково*). Я васъ не засталъ, другъ мой, я нарочно остался, потому что замѣтилъ ваше волненіе, ваши слезы, и хотѣлъ просить, чтобъ вы мнѣ объяснили... будьте со мною откровенны!.. У васъ горе, я прошу моей доли въ этомъ горѣ!..

ЛЮДМИЛА (*робко*). Вы не будете жалѣть, если я скажу вамъ, что-нибудь не совсѣмъ пріятное...

ЛЮБА (*показывается у двери и замѣчая, что дѣло идетъ къ объясненію, остается на мѣсть говоря тихо*): У нея есть тайна на душѣ! я хочу все знать!.. это мой долгъ, и мое право... (*Прячется за шкафъ.*)

КНЯЗЬ. Я буду благодаренъ за вашу искренность и довѣренность... Забудьте, что передъ вами вашъ женихъ, помните, что тутъ только преданный вамъ человѣкъ... скажите мнѣ, еслибъ я былъ вашъ братъ, любили-ли бы вы меня, какъ брата?..

ЛЮДМИЛА (*подавая ему руку*). О!.. отъ всей души!..

КНЯЗЬ. Такъ я хочу быть для васъ братомъ теперь... говорите же смѣло, моя милая сестра!..

ЛЮДМИЛА (*съ чувствомъ и волненіемъ*). Князь! вы должны извинить нескладность моихъ словъ... у меня мысли такъ перепутаны теперь!.. Князь, я бѣдная деревенская дѣвушка, я не знаю

еще всѣхъ свѣтскихъ условій и требованій... Будьте снисходительны, не заставляйте меня краснѣть передъ вами!..

КНЯЗЬ (*съ ласковою улыбкой*). Вы хотите, чтобъ я вамъ помочь?.. извольте!.. вы не любите меня, и согласились выйти за меня только потому, что васъ принуждаютъ?.. такъ ли?..

ЛЮБА. Сердце бьется, какъ передъ смертью... что я услышу?

ЛЮДМИЛА (*съ жаромъ*). Нѣтъ, князь! *принуждать* меня никому... моя добрая, нѣжная мать неспособна, не смотря на все ея желаніе... видѣть меня... вашею невѣстой... (*очень скоро*) Когда дядя взялъ насъ къ себѣ, онъ сказалъ мнѣ, что будетъ меня любить, какъ свою покойную дочь, если я буду покорна его волѣ... Онъ тогда говорилъ мнѣ о васъ... о своихъ намѣреніяхъ... но я думала, что это только однѣ намѣренія, и что ему легко отъ нихъ отказаться... Сегодня дядя имѣлъ со мною рѣшительный разговоръ... онъ открылъ мнѣ настоящее положеніе нашего семейства: дѣла матушки ужасно разстроены... больше нежели она сама полагаетъ... у нея много долговъ... ея деревню продадутъ, и она на старости лѣтъ останется въ нищетѣ, совсѣмъ того не ожидая... Дядя взялся выплатить за нее всѣ долги, обѣщавъ подарить ей и сестрѣ Орловское имѣніе: это обезпечить ихъ на всю жизнь, и дядюшка... положилъ только одно непремѣнное условіе... всѣмъ своимъ благодѣяніямъ... (*Останавливается и потупляетъ глаза.*)

КНЯЗЬ. Это условіе—ваша свадьба со мною?..

ЛЮДМИЛА (*едва слышно и потупляя глаза*). Да, князь!..

КНЯЗЬ. И вы согласились, жертвуя собою для вашей матушки, для вашей сестры?

ЛЮДМИЛА (*сквозь слезы*). Да!

ЛЮБА (*съ чувствомъ*). Сердце меня не обмануло: она отдавала мнѣ свое счастье!..

КНЯЗЬ (*взволнованнымъ голосомъ*) Вы согласились... противъ воли и противъ сердца... потому что вы меня не любите?!

ЛЮДМИЛА. Князь... позвольте мнѣ не отвѣчать...

КНЯЗЬ. А мнѣ позвольте договорить ваше признаніе!.. Вы меня не любите, Людмила Николаевна, потому что вы любите другаго?

ЛЮДМИЛА (*испугавшись*). О нѣтъ!.. я этого не говорю!..

КНЯЗЬ (*съ ласковымъ упрекомъ*). Ну, вотъ, вы опять боитесь!.. развѣ вы забыли, что вы говорите съ *вашимъ братомъ*?.. Братъ обидѣться не можетъ, если его сестра отдала другому свое сердце... напротивъ, онъ обязанъ ей помогать, и... (*съ волненіемъ*) онъ поможетъ ей, во чтобы то ни стало!

ЛЮДМИЛА (съ недоумѣніемъ). Князь, какъ мнѣ понять эти

ДЯДЬ (съ притворною веселостью). Очень просто!.. какъ они
знаны, дитя мое!.. я даю вамъ обѣщаніе употребить все мое
вліяніе на вашего дядю..

ЛЮДМИЛА (смотритъ на него съ недоумѣніемъ). Для того,
чтобъ...

КНЯЗЬ. Чтобъ уговорить его не отдавать васъ за меня, а вы-
дать за того, кого вы мнѣ предпочитаете, и который вѣрно самъ
васъ любить!.. Я не спрашиваю *кто*, потому что я уже уга-
далъ.

ЛЮБА (съ чувствомъ). А я знаю, что мнѣ велятъ долгъ и
сердце!.. (Бросается вонъ.)

ЛЮДМИЛА. Нѣтъ, ради Бога! теперь ужъ поздно!.. ни слова дя-
дѣ о томъ... о *другомъ*.

КНЯЗЬ. Почему?..

ЛЮДМИЛА. Я не хочу разстроивать счастья моей сестры... она
давно любитъ своего жениха... пусть хоть она останется при
своей радости...

КНЯЗЬ (удивленный). Такимъ образомъ, вы все-таки жертвуете
собою для другихъ! Подумайте, жизнь длинна! чтобъ вамъ потомъ
не раскаяться въ своемъ великодушіи!.. (*Людмила качаетъ от-
рицательно головою.*) Такъ чего же вы хотите? Что я могу сдѣ-
лать для васъ?..

ЛЮДМИЛА. Отказаться отъ меня... сама я не могу, чтобъ не
разсердить дядюшку!.. но, вы... это другое дѣло! вы можете ..

КНЯЗЬ (смиясь грустно). Понимаю!.. я долженъ принять на
себя нашъ разрывъ, не такъ ли? Извольте, извольте! какъ не
больно мнѣ, но самъ откажусь отъ вашей руки!.. Но, вы? съ ва-
ми что будетъ?..

ЛЮДМИЛА. Я... останусь свободною... скрывать свои слезы..
больше мнѣ ничего не нужно!..

КНЯЗЬ. Бѣдное дитя, жизнь длинна... а у горя крылья, какъ у
времени .. Теперь, *покуда*, вы наплачетесь вдоволь; а чтожъ *по-
томъ*?.. Но, лучше утрите ваши глазки... успокойтесь. Все, что
я могу сдѣлать для васъ, будетъ сдѣлано... не плачьте, я даю вамъ
честное слово, что вы не будете моею женою!.. а пока пой-
демте въ залу, гдѣ вѣрно замѣчаютъ наше отсутствіе!.. будьте
только веселы и разговорчивы, чтобъ никто ничего не подозрѣ-
вать, а я ужъ все беру на себя!..

V.

Въ то время какъ КНЯЗЬ и ЛЮДМИЛА идутъ къ дверямъ, имъ встрѣчается АХЛЕТАЕВЪ и загораживаетъ дорогу.

АХЛЕТАЕВЪ. Господа влюбленные, вы насъ голодомъ заморили... мы васъ ждемъ цѣлый часъ; ужинъ стынетъ, а вы тутъ нѣжности другъ другу говорите!.. успѣете... вѣдь на то будетъ вамъ цѣлая жизнь!.. Пойдемте, пойдемте... графъ кончилъ партію...

КНЯЗЬ. Вы очень кстати, Василій Михайловичъ, мнѣ нужно вамъ кое-что сообщить...

АХЛЕТАЕВЪ. Только поскорѣе, Бога ради... консомей совсѣмъ простынетъ... (*Видя, что Людмила оставила руку князя и собирается идти.*) Ну, куда же, невѣста? или у васъ отъ нея секреты?..

КНЯЗЬ. Людмила Николаевна покуда у насъ лишняя, позволите ей идти въ залу. (*Провожая Людмилу, цѣлуетъ у нея руку и говоритъ ей шепотомъ.*) Положитесь на меня... (*Людмила уходитъ.*)

VI.

КНЯЗЬ и АХЛЕТАЕВЪ.

АХЛЕТАЕВЪ (*торжествующій*). Ну, сіятельный племянникъ, какія же у насъ съ вами дѣла?..

КНЯЗЬ (*принимать грустный и озабоченный видъ*). Очень важныя и печальныя: я получилъ сейчасъ записку отъ батюшки... онъ поручилъ мнѣ извѣстить васъ о нашемъ несчастіи...

АХЛЕТАЕВЪ. Вашемъ несчастіи? какомъ? что случилось?.. могли ли я служить чѣмъ-нибудь моему лучшему другу, князю Петру? (*Хватается за карманы, какъ будто отыскиваетъ свой бумажникъ.*)

КНЯЗЬ (*останавливая его руку*). Не беспокойтесь, Василій Михайловичъ, ни вы ни другіе, никто не можетъ намъ помочь... наша бѣда не такого рода... (*Наклоняясь ему на ухо.*) Я не хочу ничего скрывать отъ такого друга, какъ вы, отъ нареченнаго моего дяди; но это государственная тайна!

АХЛЕТАЕВЪ. Госуд... тсъ!.. тсъ!.. (*Прикладывая себѣ палецъ къ губамъ.*)

КНЯЗЬ. Вы знаете, что батюшка былъ строгій членъ одной комиссіи, и вмѣстѣ съ прочими неосторожно подписалъ какую-то подложную бумажку, которою секретарь выманилъ несправед-

ливое рѣшеніе комиссіи въ пользу виновнаго... Батюшка давно опасался послѣдствій этой неосторожности... и теперь дѣло приняло вдругъ для него самый несчастный оборотъ...

АХЛЕТАЕВЪ. Боже милосердый!.. экая бѣда!.. Вотъ ужъ врагъ-то подлинно подвернулся!.. Что же дальше?

КНЯЗЬ. Ну... туча разразилась, или должна скоро разразиться... доносъ на него поданъ... дѣло поступило сегодня въ совѣтъ.

АХЛЕТАЕВЪ (*всплеснувъ руками*). Боже мой!.. Что же будетъ съ бѣднымъ княземъ?..

КНЯЗЬ (*многозначительно*). Совѣтъ не можетъ его оправдать: по совѣсти—онъ правъ, по дѣлу—виноватъ; батюшка будетъ жертвою своего довѣрія, или лучше сказать легковѣрія...

АХЛЕТАЕВЪ (*съ сильнымъ безпокойствомъ*). Онъ долженъ будетъ подать въ отставку?

КНЯЗЬ (*мрачно*). Хуже!..

АХЛЕТАЕВЪ (*почти со слезами*). Его вышлютъ изъ обихъ столицъ.

КНЯЗЬ (*трагически*). Хуже!.. еще хуже!..

АХЛЕТАЕВЪ (*совсѣмъ растерянный*). Боже мой!.. и подумать такъ страшно! морозъ по кожѣ подираетъ!..

КНЯЗЬ (*торжественно*). Его лишатъ чиновъ, снимутъ орденъ... можетъ быть, даже...

АХЛЕТАЕВЪ (*виль себя*). Даже... что?..

КНЯЗЬ. Если дѣло приметъ дурной оборотъ... если возстанутъ враги, а у кого ихъ нѣтъ... особенно въ несчастіи?.. (*Тихо на ухо.*) Его лишатъ дворянства!..

АХЛЕТАЕВЪ (*закрывая глаза и отмахиваясь руками*). Полно, полно, не говори! мнѣ дурно!..

КНЯЗЬ. Это ужасно, неправда-ли?

АХЛЕТАЕВЪ (*отступая немного*). Ну... а вы?..

КНЯЗЬ (*поднимая плеча*). Я!?. конечно, и я пострадаю!.. и моя карьера навсегда испорчена.

АХЛЕТАЕВЪ (*еще отступая*). Какъ-же такъ?

КНЯЗЬ. Я принужденъ бросить мою службу...

АХЛЕТАЕВЪ (*отдаляясь совсѣмъ*). Правда, правда!.. Душевно жаль васъ, мой милый князь! Что-жъ вы думаете дѣлать?..

КНЯЗЬ. Для меня откроется новая дорога, трудная, но за то славнѣе первой... я поѣду служить на Кавказъ?

АХЛЕТАЕВЪ. Прекрасная мысль!.. Вы, конечно, ничего лучшаго придумать не могли!

КНЯЗЬ. А что касается до нашихъ намѣреній... то...

АХЛЕТАЕВЪ (*очень холодно*). Какихъ намѣреній?

КНЯЗЬ. Въ разсужденіи моей свадьбы съ вашею племянницею...

АХЛЕТАЕВЪ (*испугавшись*). И, что вы, что вы, мой милый! Какая теперь свадьба? и прилично-ли вамъ помышлять о свадьбѣ, о невѣстѣ, когда такое горе посѣщаетъ вашъ домъ?.. Да и я самъ притомъ боюсь... т. е., я не долженъ жертвовать своею племянницею... своею второю дочерью...

КНЯЗЬ (*подходя къ нему*). Знаете что, вы-бы сами съѣздили къ батюшкѣ, переговорить съ нимъ обо всемъ.

АХЛЕТАЕВЪ (*отдаляясь поспѣшно*). Что это вы вздумали?.. да сохрани меня Господь... Статочное-ли это дѣло?.. Нѣтъ, теперь ему слишкомъ много принимать у себя не слѣдуетъ... Я бы и вамъ посоветовалъ отправляться домой, оно, знаете, лучше.

КНЯЗЬ. Но какъ-же теперь будете вы съ вашею племянницею?

АХЛЕТАЕВЪ. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ?.. какъ быть!..

КНЯЗЬ. Въ свѣтъ, всѣ поговариваютъ объ нашей свадьбѣ... Вчера княгиня Анастасія Кирилловна меня шутя поздравляла... притомъ-же дружба ваша съ батюшкой...

АХЛЕТАЕВЪ (*съ досадою и боязнію*). Ну, дружба, дружба!.. Это ужъ такъ говорится... особенной-то короткости у насъ съ нимъ не было!..

КНЯЗЬ. Однако, я боюсь, чтобъ ваша связь съ нимъ вамъ не повредила!.. особенно если разнесутся слухи о нашемъ будущемъ родствѣ... Васъ и такъ ужъ въ клубъ всѣ называютъ сватомъ князя Петра...

АХЛЕТАЕВЪ (*въ отчаяніи*). Но за что-же я-то несчастный страдаю!.. за что я окомпрометированъ?.. я невиноватъ, душею и тѣломъ безвиненъ!.. Скажите, добрые люди, какъ прекратить эти гнусные толки, прежде чѣмъ они мнѣ повредятъ? какъ мнѣ спасти бѣдную свою голову?..

КНЯЗЬ. По моему, лучше всего доказать, какъ можно скорѣе, неосновательность всѣхъ толковъ и заключеній!.. Я говорю теперь противъ себя, Василій Михайловичъ, я советую вамъ отдать Людмилу Николаевну поскорѣе за другаго.

АХЛЕТАЕВЪ (*жалобно*). Да за кого-же?.. никого нѣтъ на примѣтъ.

КНЯЗЬ. Нѣтъ ли у васъ подъ рукою такого человѣка, котора-

всѣ давно привыкли видѣть у васъ въ домѣ, для того, чтобъ
одня-же... сей часъ-же... могли объявить, что вы отдаете
руку Людмилы, и чтобъ завтра вся Москва о томъ заговари-
ла?.. А вы-бы съ утра объѣздили съ невестою и женихомъ ва-
шихъ пріятелей!.. побывали бы у княгини, сказали бы графу...

АХЛЕТАЕВЪ (*суется*). О, Боже-мой!.. только бѣ достать намъ
такого человѣка?

КНЯЗЬ (*придумывая*). Да, только-бы его достать!..

АХЛЕТАЕВЪ. Гдѣ-бы поискать?

КНЯЗЬ. Да, въ томъ-то и дѣло! гдѣ-бы поискать?

АХЛЕТАЕВЪ (*радостно*). Есть человѣкъ, есть, право есть! я
нашелъ жениха... но, вотъ бѣда!.. вѣдь онъ женится ужъ на
другой...

КНЯЗЬ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Кто-же это?

АХЛЕТАЕВЪ. А Евгений-то Мценскій?! онъ всего ближе... да и
молодецъ такой... Легко повѣрять, что Людмила могла его пред-
почесть!.. Охъ-бишь, виноватъ!.. Но вѣдь я съ вами не церемо-
нюю, говорю по друж... Вотъ что, я всѣмъ расскажу, что они
вмѣстѣ воспитаны, давно любятъ одинъ другаго, и что я за два
года далъ слово Евгению... Чтѣ, хорошо?..

КНЯЗЬ. Въ самомъ дѣлѣ, не худо!

АХЛЕТАЕВЪ. Но какъ ихъ теперь уговорить? какъ объявить имъ
о такой неожиданной переменѣ? согласится-ли еще женихъ?..

КНЯЗЬ. Мнѣ жаль васъ, почтеннѣйшій Василій Михайловичъ!..
такъ какъ я невольная причина вашихъ хлопотъ, то мнѣ слѣ-
дуетъ помочь вамъ отъ нихъ отдѣлаться... Если вы поручите мнѣ
переговоры, я попробую убѣдить невесту и жениха.

АХЛЕТАЕВЪ (*бросая его обнимать*). Батюшка! отецъ родной!..
(*отскакивая спохватившись*). Вы, князь, честный человѣкъ, и
я никогда не забуду вашей услуги!.. Поди, поди, уговори ихъ
поскорѣ!.. но не сообщай имъ только о причинѣ! Тсъ! смотри!..
осторожно!.. Тсъ!.. (*Прикладываетъ палецъ къ губамъ.*)

КНЯЗЬ. Употреблю все свое краснорѣчіе, и тайна наша будетъ
соблюдена, не беспокойтесь! (*Уходитъ.*)

VII.

АХЛЕТАЕВЪ, одинъ ходя въ задъ и въ передъ, въ сильнѣйшемъ волненіи.

Боже милостивый!.. какъ подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, долго
ли человѣку до грѣха?.. Откуда возьметса бѣда, да и нагрянеть

вдруг!.. Нѣтъ, мы не должны строить для себя плановъ, распоряжаться своею судьбою... Ну, вотъ я, кажется, не умно ли распорядился, и князь-то Петръ некрѣпкій-ли казался человѣкъ, твердыня земная, а нѣтъ! погляди, и онъ летитъ себѣ стремглавъ со степени своего величія, и я тутъ-же въ дуракахъ!.. Да хорошо еще что такъ... Дай Богъ здоровья Валеріану! добрый малый, выручаетъ меня! Какъ-то удастся ему?..

VIII.

АХЛЕТАЕВЪ и **КНЯЗЬ** ведутъ подъ руку **ЛЮДМИЛУ**, за ними идетъ **ЕВГЕНІЙ**.

КНЯЗЬ (*входя*). Я объяснился съ Евгеніемъ Андреевичемъ и съ Людмилой Николаевной... Они-бы согласны и готовы для васъ жертвовать собою, но ихъ удерживаетъ страхъ огорчить Любовь Николаевну...

ЛЮДМИЛА. Дядюшка, если для вашего спокойствія нужно теперь, чтобъ я отказалась быть невѣстою князя—я готова возвратить ему его слово; но не требуйте ничего больше! не все-ли равно для васъ, если сестра моя выйдетъ за Евгенія Андреевича?

АХЛЕТАЕВЪ. Въ томъ-то и дѣло, что не все равно!.. Сестру твою никто въ большомъ свѣтѣ не знаетъ, а тебя всѣ видѣли... Мнѣ нужно, другъ мой, слышишь-ли... мнѣ необходимо, чтобъ завтра Москва заговорила о твоей свадьбѣ, какъ о дѣлѣ давно рѣшенномъ.

IX.

ТѢЖЕ, **ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА** и **ЛЮБА**.

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Братецъ, я къ вамъ съ новымъ извѣстіемъ... и очень грустнымъ для меня... Моя Люба одумалась... она бросилась сейчасъ къ моимъ ногамъ, прося разстроить ея свадьбу и отпустить ее въ монастырь...

ВСѢ. Въ монастырь?!

ЛЮБА (*блѣдная и трепещущая выходитъ впередъ съ рѣшимостью*). Да!.. это мое давнишнее, усердное желаніе!.. это настоящее призваніе бѣдной дѣвушки, больной и хилой... Я съ молодости готовила себя на монашескую жизнь, мирную и тихую, я не сожалею о свѣтѣ, гдѣ я была-бы лишняя... Замужство отняло-бы меня отъ настоящаго моего мѣста... Давеча сестра меня сбивала своими увѣщаніями; теперь я рѣшилась—и воля моя непоколебима, и ужъ больше неизмѣнимая!

ЛЮДМИЛА (*бросаясь къ ней*). Однако такая переменна въ своихъ мысляхъ.

ЕВГЕНІЙ (*съ другой стороны беретъ руку Любы*). Люба, другъ, мой, подумайте! въдь это на всю жизнь!

ЛЮБА (*тихонько отъ нихъ освобождаясь*). Я знаю, что я дѣлаю!.. я знаю чего хочу!.. *На всю жизнь!*.. Да, этого мнѣ и нужно, чтобъ быть... спокойной!.. (*Твердо*). Я располагаю собою свободно, по внушенію моего сердца; оно отказывается добровольно отъ всего того, что могли-бы предлагать ему на другомъ поприщѣ въ жизни... И я прошу всѣхъ тѣхъ, кто меня любить, не огорчать меня больше напрасными просьбами, не прекословить мнѣ излишними убѣжденіями!.. Я прошу всѣхъ моихъ близкихъ... всѣхъ моихъ друзей... помочь мнѣ исполнить... мое благое намѣреніе... (*Голосъ ея слабнѣетъ*). Любите меня... заочно... не забывайте меня!.. будьте всѣ счастливы! Я то же... я найду свое счастье... если не здѣсь, (*показываетъ на землю*). то тамъ!.. у Бога!.. гдѣ не спросятъ, хороша-ли я или дурна... гдѣ мѣсто есть всѣмъ несчастнымъ, подобнымъ мнѣ!.. (*Слезы заглушаютъ ея голосъ*.)

АХЛЕТАЕВЪ. Ну, дѣлать нечего, такъ ужъ видно ей на роду написано... Сестрица, отпустите ее, мы ее и тамъ устроимъ!.. а у насъ вотъ тутъ произошла тоже переменна, и мы ждали васъ, чтобъ поговорить!.. (*Евгеній и Людмила отходятъ всторону, и шепчутъ во все это время; князь потомъ подходитъ къ нимъ; Люба сидитъ молча въ углу*.)

БАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Какая-же это переменна, братецъ?.. сообщите, пожалуйста!.. ужъ не князь ли торопитъ насъ своею свадьбою?..

АХЛЕТАЕВЪ (*прерывая поспѣшно*). Нѣтъ, не совсѣмъ такъ!.. то есть, лучше сказать, напротивъ!.. Вотъ видите, матушка, сестрица, дѣло длинное... запутанное... вдругъ его и не расскажешь!.. Главное то, что нашему дорогому князю Валерьяну... вышло то, что князь долженъ ѣхать куда-то далеко... (*махаетъ рукою*) очень далеко!.. и на долго!.. (*опять жестъ*). Очень на долго!.. и потому, свадьба-то наша и поразстроивается... (*скоро и съ большою живостью*). А такъ какъ я ужъ поразсказалъ кой-кому изъ друзей моихъ, что мы нынче помолвили Людмилу, такъ какъ насъ уже ждуть кое-кто изъ важныхъ особъ, то чтобъ не остаться, такъ сказать, въ дуракахъ, мы объявимъ, что Людмила идетъ за Евгенія Андреевича... Да! Эти бѣдные дѣти ужъ согласились: они

жертвуютъ собою... чтобъ, то есть, для моего спокойствія, не правда-ли? Это мало съ ихъ стороны! Теперь дѣло за вами! (*цѣлуя ея руку*). Согласитесь, я васъ прощу!.. вы меня истинно обяжете!

ВАРВАРА МИХАЙЛОВНА. Такъ моя Людмилочка не будетъ княги-нею?.. жаль! очень жаль! я ужъ было совсѣмъ привыкла къ этой мысли!.. Ну, да что жъ дѣлать, коли не судьба!.. Я согласна, братецъ!.. пусть Евгенийъ женится на Людмилѣ!..

АХЛЕТАЕВЪ (*въ восторгѣ*). Вы мнѣ жизнь спасли!.. Дѣти, радуйтесь и благодарите! (*Бросается вслѣхъ обнимать и вслѣ приближаются на аван-сцену.*)

КНЯЗЬ (*тихо Любовь*). Вы ангелъ, Любовь Николаевна! я васъ понимаю!..

ЛЮБА (*ему также на ухо*). А вы честный, и благородный человекъ, князь; я все знаю и уважаю васъ душевно!

КНЯЗЬ (*съ чувствомъ*). Мы можемъ позать другъ другу руку!

АХЛЕТАЕВЪ (*подводя Людмилу и Евгения къ Варварѣ Михайловнѣ*). Сестрица! Благословите же дѣтей своихъ!..

Завѣса опускается.

№ 10451.

ОГЛАВЛЕНИЕ XV ТОМА.

—

I.

- ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАЗКА И ДВУХЪ ПРЯТЕЛЕЙ. (Кн. 7).
ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ *Н. П. Грекова*. (Кн. 7).
ЭЙСТАШЬ-БЛЕРО. Повѣсть *Эйженя Берсіу*. (Кн. 7).
КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *И. С. Юрьевой*.
ЛЕДИ ТАРТЮФЪ. Драматическая картина *Г-жи Э. де Жуарденъ*.
(Кн. 8).

II.

- ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА ДО НЫНѢШНИХЪ ВРЕМЕНЪ
(Кн. 7)

III.

- ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (Кн. 7.)
ИЗЪ ЖУРНАЛА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА. (Кн. 7).
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МОЛДАВІИ И ВАЛАХІИ. (Кн. 7).
ЛОВЕЦКІЕ РАЗСКАЗЫ О КАСПІЙСКОМЪ РЫБОЛОВСТВѢ *Н. Небольсина*.
ПРИЗРАКЪ. (Кн. 7).
ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ. *Н. П. Мундта*. (Кн. 7).
ЛОВЕЦКІЕ РАЗСКАЗЫ О КАСПІЙСКОМЪ РЫБОЛОВСТВѢ. *П. И. Небольсина*.
(Кн. 8.)
РАЗСКАЗЫ И ПУТЕШЕСТВІЯ. Доктора *Ивана*. (Кн. 8).
РѢДКІЙ ГОЛОСЪ. Автобіографія пѣвицы. (Кн. 8).
КОРСИКАНСКАЯ КРОВЬ. Разсказъ *Мери*. (Кн. 8).
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. *Апполинарія Бонавентуры*. (Кн. 8).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Проперцій и писатели временъ Августа (*статья вторая и послѣдняя*).—Вильмень и его сочиненія (*статья Густава Планша*). **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Фотографическіе портреты луны. — Походная поваренная машина. — Подводное судоходство.—**ИСКУССТВА, МУЗЫКА, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Турецкая дисциплина.—Французъ и Англичанинъ.—Вопросы и отвѣты изъ одного разговора о любви.—Разсказъ путешественника по альпійскимъ горамъ.—Азартныя игры въ Азіи.—Какъ иногда составляются литературныя репутаціи. — Путевыя впечатлѣнія оригинала. — Провинціалъ и парижанки. — Маленькія тайны великихъ писателей.—Хитрость соперника.—Ласточка съ золотымъ ожерельемъ (*разсказъ*). Прогулка на островъ Эгину (*изъ записокъ путешественника*). (Кн. 7).

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВА: Писатель-авантюристъ XVIII столѣтія.—Китайская газета въ Санъ-Франсиско, въ Калифорніи.—Сейденгамскій дворецъ.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Состояніе естественныхъ наукъ въ 1853 году и первой половинѣ 1854. — Перуанское растеніе *Кока* (*статья Чуди*). — Изслѣдованія китайскаго языка. — Остъ-Индскіе діалекты. — **АНЕКДОТЫ, РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Апелъсны маркизы (*разсказъ*).—Западный берегъ Суматры. (Кн. 8).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА: «Испытаніе» романъ В. Крестовскаго. — Литературная дѣятельность этого писателя. — Журнальные отзывы. — Отличительныя свойства автора и достоинства его. — Мысли и чувство. — Характеры дѣйствующихъ лицъ. — Іюльская книга «Отечественныхъ Записокъ». — Переводъ Антигоны. — Стихи г. Шестакова. — Статья г. Тихонравова. — Последнія книги «Современника». — Стихотворенія.—Г. Лонгиновъ, собиратель школьныхъ стиховъ Лермонтова.—Хорошія и слабыя статьи журнала.—Новый поэтъ и критика.—Господинъ палимый лучами идеала. — Сервилія и Апронія. — Отчего новый поэтъ такъ мало изучалъ? (Кн. 7).

БИБЛИОГРАФІЯ: Всѣ сочиненія Василья Александровича Воилярлярскаго. С. Петербургъ. 1853. 7 томовъ. (Кн. 7).

ЖУРНАЛИСТИКА: Лето и «Отечественныя записки». — Испанская комедія. — Новый способ оправдывать всё несообразности. — Опечатки. — Для чего напечатана «Причудница». — Стихотворенія А. Фета. — Статья г. Шестакова объ Антигонѣ и языкъ этой статьи. — Поэтическая критика стихотвореній г. Тютчева. — Рецензентъ и поэзія. — Библиографія и новости. — Последнія книги «Библиотеки для чтенія». — Статья г. Сенковского о волосахъ. — Парадоксы и дѣльные мысли. — Хорошія и слабыя статьи. — Муза г. Бенедиктова. — Листки изъ записной книги русскаго, г-на Н. К. — Пять книгъ «Москвитянина». — «Выборъ сердца» повѣсть г. Сумарокова. — Замѣчательныя статьи. — Стихотворенія. — Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, статья С. Т. Аксакова. — Портреты актеровъ: Плавильщиковъ, Дмитревскій, Семенова, Яковлевъ. — Жоржъ и Рашель. — Остальныя статьи «Москвитянина». — Г. Григорьевъ и его статья о Просперѣ Мериме. (Кн. 8).

II. Общественная жизнь.

Прошедшее и настоящее Крестовскаго острова. — Ивановъ день и древнее его значеніе. — Нѣмецкое гулянье на Крестовскомъ острову и его отличительный характеръ. — Русскіе между Нѣмцами. — Гулянье на Елагиномъ острову. — Бенефисъ г. Гунгля въ Павловскѣ. — Начало блестящихъ вечеровъ на Минеральныхъ водахъ, Бенефисъ г. Излера и новыя его затѣи для удовольствія публики. — Неоправдавшееся извѣстіе объ Иванѣ Гунглѣ. — Вечеръ съ лотереєю алегри. — Вечеръ въ честь прекраснаго пола. — Бенефисъ Шиндлера въ Полуостровѣ. — Танцевальныя вечера на полуостровскихъ желѣзныхъ водахъ. — Дѣятельность прочихъ загородныхъ увеселительныхъ дачъ. — Великолѣпный вечеръ въ лѣтнемъ нѣмецкомъ клубѣ. — Опера на Каменно-островскомъ театрѣ. — Особенныя дѣтнія увеселенія уже и тони. — Препровожденіе дня въ наше время и препровожденіе дня римскихъ львицъ. — Раздѣленіе дня у древнихъ Грековъ. — Англо-французскій флотъ. — Новое путевое сообщеніе между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. — Разказъ о томъ, что преданіе—будто Орфей могъ все покорять себѣ звуками, чуть было не оказалось справедливымъ, или новый искусственный способъ распространять свою славу. — Маленькій разказъ о нѣкоторомъ Степанычѣ, или не всякому удастся слава. — Профанція славныхъ именъ. — Куплеты изъ новой патріотической пьесы г. Григорьева 4-го. — Празднество на кронштадскомъ рейдѣ. — Стихотворныя спичи. — Старинная пѣсня про Наполеона, сложенная самими французами. — Спускъ новаго фрегата. — Народное гулянье на пороховыхъ заводахъ, Охтѣ и Смоленскомъ клад-

IV.

бищѣ.—Розовые топазы въ Россіи.—Художественныя новости и стихотворная біографія Барона Остенъ-Сакена.—Четвертый листокъ «Райка» издаваемаго въ Москвѣ.—Выставка картинъ профессора Айвазовскаго въ Петергофѣ.—Подробная генеральная карта С.-Петербуржской желѣзной дороги г. Сергѣева.—Сооруженіе памятника В. А. Жуковскому.—
Новая солдатская пѣсня. (Кн. 7).

ВѢСТИ ИЗЪ ПРОВИНЦІЙ. (Кн. 7).

Осенній видъ Петербурга и его не осенняя погода.—Благотворительный вечеръ въ Лѣсномъ институтѣ.—Венеціанская ночь на дачѣ г-жи Беклешовой.—Адъ въ Излеровскомъ саду.—Вечеръ въ пользу дѣвицы Легатъ.—Праздникъ въ честь побѣдоноснаго русскаго воинства.—Праздникъ въ честь русскихъ въ Марьиной рошѣ.—Деревенскій праздникъ въ Полюстровѣ.—Благодарственный праздникъ полюстровскихъ дачниковъ графу Куселеву-Безбородко.—Вечеръ въ Тиволи, въ пользу погорѣвшихъ.—Бенефисъ г. Гунгля въ Павловскѣ; вечеръ въ пользу бѣдныхъ города Павловска.—Бенефисъ Шаффера въ нѣмецкомъ клубѣ.—Дачный званый вечеръ, маленькій рассказъ, имѣющій нѣкоторое правдоподобіе.—Прекращеніе нѣкоторыхъ публичныхъ загородныхъ гуляній.—Послѣдній танцевальный вечеръ на полюстровскихъ минеральныхъ водахъ.—Турецкія знамена на петербургскихъ улицахъ.—Спускъ новаго корабля.—Памятникъ Крылову, портретъ адмирала Рикорда, портретъ г. Тимма, изображеніе защитниковъ Одессы, портретъ Щеголева.—Большое литографическое изображеніе Государя Императора.—Новый выпускъ московскаго живописнаго райка, бомбардированіе Одессы.—Небывалый цвѣтокъ въ Петербургѣ, распустившійся осенью.—Что значитъ извѣстность или Иванъ Ивановичъ въ провинціи.—Новости италіанской оперы.—Г-жа де-Лагранжъ за-границей и ея артистическіе успѣхи.—Маріо и Гризи.—Начало бенефисовъ на Александринскомъ театрѣ, Діоклитіанъ, драма изъ римской жизни.—Нѣчто о прическахъ римскихъ женщинъ по этому случаю.—Новая книга военнаго сборника настоящей войны, издаваемаго г. Путиловымъ.
(Кн. 8).

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ПОРЫВЪ И СТРАСТЬ, ИЛИ ДВА ЖЕНСКІЯ СЕРДЦА. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *И. С. Юрьевой*. (Кн. 7.)
СУМАСШЕДШАЯ АКТРИСА, ИЛИ ЖЕНИХЪ И ХЛОРОФОРМЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Николая Крестовскаго*. (Кн. 8).

~~18257~~ 7069

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, 20-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она ответственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.**

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДУРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ *Лыткина.*»